Владимир
КОРНИЛОВ

Проект
«УКРАИНА»

Донецко-Криворожская республика

Расстрелянная мечта

FOLIO

ПРОЕКТ «УКРАИНА»
Донецко-Криворожская республика

Владимир
КОРНИЛОВ

Владимир
КОРНИЛОВ

Донецко-Криворожская республика

Расстрелянная мечта

Харьков
«ФОЛИО»
2011

ББК 63.3(4УКР)
К67

Художник-оформитель
Ю. Ю. Романика

ISBN 978-966-03-5760-0

© В. В. Корнилов, 2011
© Ю. Ю. Романика, художественное оформление, 2011

В память о Дмитрии Корнилове,
пламенном патриоте Донбасса

КНИГА ИЗДАНА ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ООО «РОСУКРКОНСАЛТИНГ»

БЛАГОДАРНОСТЬ

Эта книга не состоялась бы без поддержки многих людей и организаций, перечень которых сам по себе составил бы целую книгу.

В первую очередь, выражаю искреннюю благодарность экспансивному, яркому публицисту Александру Чаленко и известному историку-энтузиасту Олесе Бузине, которые в буквальном смысле заставили меня собраться с силами и в конце концов написать эту давно задуманную книгу.

Не могу не выразить особую признательность Валентине Илларионовне Астаховой, ректору Харьковского гуманитарного университета, которая в свое время, в далекие 1960-е, совершила прорыв в теме изучения истории Донецко-Криворожской республики своей книгой «Революционная деятельность Артема в 1917—1918 годах». Ее бесценные советы и рассказы о личном общении с деятелями ДКР, с вдовой Артема и иными свидетелями ушедшей эпохи стали значительным вкладом в создание этого труда.

Благодарю многочисленных сотрудников библиотек и архивов, которые зачастую исключительно на своем энтузиазме поддерживают в сохранности остатки документов и материальных свидетельств эпохи существования Донецкой республики. Особо хотелось бы поблагодарить сотрудников Харьковской национальной библиотеки им. Короленко и ее директора Валентину Ракитянскую. Признателен за помощь также сотрудникам библиотеки Харьковского национального университета, Донецкого областного государственного архива, Донецкой областной библиотеки, Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

Кланяюсь низко в пояс местным историкам, энтузиастам своего дела, краеведам Харькова и Донецка — в первую очередь, харьковскому публицисту Константину Кеворкяну, донецкому краеведу Евгению Ясенову, чугуевскому историку Артему Левчен-

ко, известному интернет-сообществу под именем «Вольноопределяющийся», донецко-черногорскому публицисту и философу Митару Роченовичу, поставлявшему не только интереснейшие сведения, но и значительные порции вдохновения. Очень благодарен киевскому историку Виктору Воронину за организационную поддержку, Владимиру Проскурину из организации «Память Державы» — за бесценные материалы по истории Харькова, владельцу сайта «Инфодон» Алексею Федько — за аналогичные материалы по истории Донбасса.

Благодарен своим, не побоюсь этого слова, друзьям, без поддержки которых эта книга не состоялась бы, — одесскому патриоту Игорю Маркову, крымскому политику Сергею Аксенову, донецкому патриоту Евгению Копатько. Большое спасибо за поддержку народному депутату Украины Евгению Цареву.

Отдельное спасибо Институту стран СНГ и его директору Константину Затулину за то, что прониклись важностью момента и позволили выделить время для написания этой книги, отложив дела первостепенной важности на потом. Премного благодарен также заместителю директора Украинского филиала Института стран СНГ Денису Денисову за важную помощь в добывании ряда уникальных документов.

И конечно же, не могу не выразить свое искреннее восхищение в адрес своей жены и сыновей. Спасибо им за долготерпение, связанное с моим частым и длительным отсутствием в период написания этой книги, за понимание этой ситуации, выдержку и любовь, которой они меня окружили, дав силы и неисчерпаемый источник вдохновения.

Спасибо всем, кто прямо или косвенно помогал в создании этой книги.

Владимир КОРНИЛОВ

ОДНАЖДЫ БЫЛА ТАКАЯ СТРАНА

Била једном једна земља
(Однажды была такая страна.)
Эмир Кустурица

Речь в этой книге пойдет о короткой, но яркой истории одного государственного образования, появление и ликвидация которого сыграли значительную роль не только в истории Украины, но и в формировании, а позже и в распаде СССР. Речь пойдет о Донецко-Криворожской республике (ДКР), сам факт существования которой вот уже несколько десятилетий пытаются предать забвению. О республике, которая в период своего краткого бытия успела стать образцом экономических и политических преобразований для всей России, пережить вооруженную интервенцию, масштабную эвакуацию и даже имела свой собственный правительственный кризис.

Как-то в беседе с автором этой книги известный украинский историк и политик Дмитрий Табачник предался воспоминаниям об учебе на истфаке Киевского университета. «Тогда можно было, в принципе, выбить любую тему, — рассказал он. — Можно было писать работы и о Гетманщине, и о Директории, и даже об УПА. Само собой, под жестким идеологическим контролем; само собой, соблюдая генеральную линию партии. Но одна тема всегда была под жестким запретом. О ней нельзя было ни говорить, ни писать. Эта тема — Донецко-Криворожская республика».

Интересно, что последние кампании раскрытия «белых пятен» украинской истории вновь обошли многострадальную историю ДКР. Этой республике доставалось и при Ленине, а уж в 1930-е годы и подавно: из изданий по истории ВКП(б) сначала пропали фамилии ряда лидеров ДКР, а в 1934 г. было изъято даже упоминание о самой республике. Поскольку в «Кратком курсе истории ВКП(б)» ДКР не упомянули, «вычистили» эту тему и из мемуаров. С тех пор «если некоторые историки и вспоминали о существовании Донецко-Криворожской республики, то лишь с целью констатации факта ее создания».[1]

Сами же руководители Донецкой республики были подвергнуты репрессиям. Из десяти наркомов первого состава ДКР лишь один умер своей смертью. В 1921 г. при загадочных, до сих пор

до конца не расследованных обстоятельствах погиб премьер-министр республики Ф. Артем-Сергеев, а с 1931-го по 1938 год один за другим расстреляны восемь членов бывшего Совнаркома ДКР. И лишь донецкий нарком труда Борис Магидов каким-то чудом уцелел, хотя тоже подвергся репрессиям и был арестован в 1939 г. Так расстреливали не только Донецко-Криворожскую республику, так расстреливали даже память о ней.

Невероятно, но факт: почти за столетие с момента создания ДКР, вплоть до появления книги, которую вы сейчас держите в руках, не издано НИ ОДНОЙ монографии, книги, брошюры, которая была бы посвящена истории данного государственного образования! За это время вышло в свет столько томов, посвященных истории Украинской Народной Республики (УНР) или Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР), что вряд ли кто-то сможет их пересчитать. И ничего — о республике, которая была создана в те же годы и имела легитимность не меньшую, чем вышеназванные образования. А то и большую, если учесть, мягко говоря, сомнительную легитимность высшего органа УНР — Центральной Рады.

Смешно сказать, в учебнике по истории Украины С. Кульчицкого и Ю. Шаповала для 10 класса нет даже упоминания (хотя бы словом, хотя бы полусловом) о ДКР, зато истории УНР отведено по меньшей мере 35 страниц, а истории ЗУНР — 13 страниц.[2] В других учебниках ситуация не лучше: если о ДКР и упоминают, то буквально несколькими фразами, сопровождая их исключительно негативными оценками и отсылая к исключительно негативному мнению одного-двух ярых противников ДКР — либо Н. Скрыпника, либо Е. Бош. Альтернативная точка зрения современным украинским ученикам и студентам не предлагается.

Любопытно, что порой те же самые авторы, которые ныне превозносят УНР, раньше в советских учебниках по истории Украины яростно громили Центральную Раду, Петлюру и «украинский буржуазный национализм», превознося большевиков и «мудрого Ленина». И все они, резко поменяв свои идеологические позиции, тем не менее единодушно осуждали ДКР и тогда, и сейчас.

Так получилось, что Донецко-Криворожская республика самим фактом своего существования заведомо провинилась перед любой властью и теми, кто идеологически ее обслуживает. По мнению советских историков второй половины XX века, создание ДКР, оказывается, противоречило «ленинской национальной политике». А по мнению нынешних украинских историков

(подчеркиваю, порой тех же самых, которые воспевали Ленина пару десятилетий назад!), Донецкая республика чуть ли не создавалась «коварным» Лениным ради «расчленения Украины». Логику нынешних официозных историков Украины некоторые донбасские исследователи поясняют довольно просто: «О ДКР ни слова не сказано в школьных учебниках истории Украины, более того — о ней не знают даже профессиональные историки! Наверно, слишком неприглядно выглядела бы Центральная Рада на фоне краткой и поистине героической истории ДКР»[3].

Тогда в ее создании были виноваты меньшевики и эсеры, а сейчас — большевики! Тогда против ее существования боролись «верные ленинцы» Скрыпник, Бош и Артем, а сейчас выясняется, что ее создали «верные ленинцы» Филов, Жаков, Васильченко и... само собой, тот же Артем!

Стоит заметить, что фигура Артема-Сергеева стала некоторой спасительной нитью для истории ДКР. Безусловно, самая яркая личность в плеяде незаурядных людей, создававших эту республику, Артем практически был официально канонизирован советскими идеологами сразу после своей гибели. И изучая его биографию, очень сложно было обойти неудобный для сталинских историков факт из жизни харьковского большевика. Мало того, с момента официального осуждения главного противника идеи выделения Донкривбасса Николая Скрыпника (само собой, тоже большевика) у создателей ДКР даже появилось некоторое преимущество. Как пишет современный украинский историк А. Удод, «после разгрома «скрыпниковщины» и самоубийства Н. Скрыпника в освещении истории ДКР произошли понятные метаморфозы: имя Скрыпника исчезает из публикаций, таким образом у Артема (тоже покойного) не осталось оппонентов, а стало быть, Ф. Сергеев и другие организаторы ДКР оказались вне зоны политической (а соответственно, и научно-исторической) критики»[4].

Справедливости ради стоит заметить, что автор этой фразы явно преувеличивает, говоря о «других организаторах ДКР» — он, видимо, не учел, что практически все они, как было сказано выше, также подверглись репрессиям, а потому их имена были «зачищены» из всех учебников и монографий, как и имя Скрыпника. Однако воспевание непогрешимости Артема, конечно, давало некую лазейку для тех, кто интересовался историей ДКР.

И этой лазейкой воспользовалась в 1966 г., когда хрущевская «оттепель» позволила приоткрыть многие запретные темы, молодая харьковская исследовательница Валентина Астахова (в те дни

ей было всего 30 лет, а сейчас Валентина Илларионовна Астахова является признанным авторитетом в области украинской истории, доктором исторических наук, с 1991 г. — бессменный ректор Народной украинской академии в Харькове). Тогда она издала монументальный труд об Артеме — «Революционная деятельность Артема в 1917—1918 годах». И если до сих пор биографы лидера харьковских большевиков старались стыдливо прикрывать его причастность к созданию и функционированию Донецкой республики (некоторые умудрились вообще не упомянуть об этом), то Астахова отвела ей целую главу своей книги, введя в оборот немало доселе не публиковавшихся или «забытых» документов.[5]

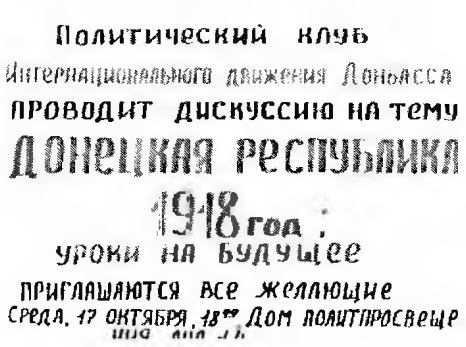
Валентина Астахова в те далекие годы сразу после окончания университета работала учителем истории в харьковской школе № 36, где на своем неимоверном энтузиазме создала уникальный музей Артема. Создавая его, молодая исследовательница связалась со старыми большевиками, последними, кто лично знал Артема и был свидетелем создания ДКР (Магидов, Эрде, Ворошилов, Петриковский, Селявкин), а также близко сошлась с Елизаветой Сергеевой-Артем, вдовой главы ДКР, получив от них для музея ценнейшие документы и материалы, связанные с той эпохой.

Во время подготовки книги, которую вы сейчас держите в руках, автору довелось пообщаться все с такой же юной духом и полной энтузиазма Валентиной Илларионовной Астаховой, которая поделилась своими воспоминаниями о тех давних встречах и своими советами внесла бесценный вклад в написание сего труда. Печалит лишь тот факт, что уникальному музею Артема в независимой Украине места не нашлось...

Хрущевская «оттепель» длилась недолго. Покойный ныне журналист и исследователь истории Донбасса Дмитрий Корнилов писал по этому поводу: «Однако (как это часто было и с другими незаконно репрессированными) реабилитация жертв исторического произвола была «заморожена» в брежневские времена. Их не запрещали. Но и не пропагандировали. А часто даже препятствовали в деле изучения тех или иных подробностей. Известна история об одном восточноукраинском исследователе, которому не удалось в 70-е защитить кандидатскую диссертацию по истории ДКР: ВАК «зарезал» тему как слишком крамольную»[6]. Речь идет о полтавском историке Викторе Ревегуке, который в 1975 г. все-таки получил степень кандидата наук с диссертацией «Донецко-Криворожская республика», где были введены в научный оборот неоценимые, уникальные материалы по истории ДКР.

Тогда, в далекие 1970-е, полтавский исследователь писал о теме своей диссертации: «Еще нет ни одной обобщающей работы, посвященной этому важному вопросу»[7]. С тех пор закончилась «эпоха застоя», промелькнула перестройка с ее кампанией «открытия белых пятен» и снятия запретных тем (соответственно, с переводом ранее открытых тем в категорию новых «белых пятен»), наступила пора «демократии» — а фраза Ревегука так и оставалась актуальной вплоть до 2010 года, когда в Днепропетровском национальном университете была защищена всего лишь вторая (это почти за столетие с момента провозглашения ДКР!) кандидатская диссертация на тему истории данного гособразования. На этот раз автором стал днепропетровский преподаватель, украинский офицер запаса Олег Поплавский.[8] Не прошло и полувека после предыдущего исследования...

Ясно, что и Ревегук, и Поплавский, соответствуя своим эпохам и подходя с полярных идеологических позиций к событиям 1917—1918 гг., сходятся в сдержанно негативной оценке факта существования ДКР. «Создание Донецко-Криворожской республики было ошибкой, вело к расчленению Советской Украины, противоречило ленинской национальной политике», — писал в 1974 г. В. Ревегук (забавно, что на выборах президента Украины в 2010 г. Виктор Яковлевич Ревегук, когда-то отстаивавший каноничность «ленинской национальной политики», стал доверенным лицом лидера украинских ультранационалистов Олега Тягнибока в Полтавской области). «Причины создания Донецко-Криворожской республики кроются преимущественно в нигилистическом отношении части большевицкого руководства к украинскому национальному движению, украинской государственности», — написал спустя 36 лет О. Поплавский. При этом, по мнению современного исследователя, создатели ДКР действовали не ВОПРЕКИ «ленинской национальной политике», а, наоборот, СЛЕДУЯ ЕЙ.[9]

Политический клуб
Интернационального движения Донбасса
ПРОВОДИТ ДИСКУССИЮ НА ТЕМУ
ДОНЕЦКАЯ РЕСПУБЛИКА
1918 год:
УРОКИ НА БУДУЩЕЕ
ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ
СРЕДА, 17 ОКТЯБРЯ, 18[00] ДОМ ПОЛИТПРОСВЕЩЕ

«Таким образом, — подытоживает Поплавский, — несмотря на государственные границы, большевики полностью по российскому сценарию навязали свою власть на Юге Украины»[10].

Правда, непонятно, какие «государственные границы» в данном случае имеет в виду автор. Ведь и УНР, и ДКР, и ЗУНР, и большевистская Москва, и даже австро-германские оккупанты видели эти границы по-разному. И никто из них тогда так и не пришел к единому мнению по этому поводу.

Повторимся, обе вышеназванные работы — это не книги, не монографии, речь здесь идет о научных работах, которые доступны очень узкому кругу профессиональных историков, а не широкой публике, для которой тема существования Донецко-Криворожской республики по-прежнему является сплошным «белым пятном». Это касается даже некоторых историков Донбасса. Так, Дмитрий Корнилов вспоминал: «Мой коллега-журналист Игорь Сычев, историк по образованию, рассказывает, что о Донецко-Криворожской республике он впервые узнал не из учебников, не из специальных книг, а... из художественной литературы — о ДКР говорилось в повести Алексея Толстого "Хлеб"»[11]. Для многих жителей Донецка факт существования своей республики стал известен лишь в 1990 г. благодаря полуподпольным лекциям, которые проводило тогда Интердвижение Донбасса.

«Три эшелона, тяжелый бронепоезд, пушки на платформах, деловитый народ с «мосинками» — харьковские металлисты, луганские забойщики, юзовские слесаря. Не сдается Донецко-Криворожская республика, собирает силы для последнего боя. Все на борьбу с германским империализмом! Не отдадим врагу родную пролетарскую Украину!..

Не улыбается комиссар, не шутит. Кончились шутки — немцы в Донбассе, истекает кровью Донецко-Криворожская».

Андрей Валентинов

«Капитан Филибер»

Вот и нынешнее поколение молодых людей Донбасса с удивлением открывает для себя тему существования Донецкой республики не на страницах учебников, а в художественной литературе — например, в фантасмагорической книге Андрея Валентинова «Капитан Филибер».[12] То есть авторы беллетристики считают данную тему не только интересной для своих читателей, но даже захватывающей, а историки ее обходят стороной! Ну не поразительно ли?

При этом в Крыму издаются брошюры об истории республики Тавриды, на Кубани — о Кубано-Черноморской республике, в Ростове издано огромное множество книг о периоде государственной автономии Области Войска Донского. О количестве фолиантов и многотомных сочинений, посвященных истории УНР

или ЗУНР, говорить не приходится. А в Донецке лидер одной из политических организаций заявил, говоря об изучении истории ДКР: «Об этом нельзя рассуждать даже в теории»[13].

Примерно в том же духе высказался и бывший президент Украины Виктор Ющенко. Когда во время общения экс-президента с журналистами по поводу так называемого Дня Злуки политический обозреватель Александр Чаленко напомнил новоиспеченному специалисту по трипольской культуре, что на территории современной Украины, помимо «злучившихся» УНР и ЗУНР, существовали и другие образования, вроде Донецкой и Одесской республик, Ющенко ответил буквально следующее: «А что бы вы могли рассказать о Донецко-Криворожской республике, а ну, расскажите, пожалуйста? А что такое республика? Какие признаки этого государства? Свои деньги, своя армия, свое правительство, внешняя политика. У них это было? Ну давайте серьезными быть, уважаемые... Вы смеетесь и спрашиваете, и отнимаете время у нашего приятного общения. Я хочу одно сказать: Одесских республик, Донецких республик — их никогда не было и не будет...»[14]

Вот так! Не было их! ЗУНР была, УНР была, а Донецкой республики, оказывается, не было! Потому что у нее якобы не было своих денег, армии, правительства. Чаленко, ошеломленный подобными изысканиями бывшего «гаранта», даже решил повеселиться и предложил привлечь того к ответственности за «публичное отрицание дончан и одесситов».

Причины такого неведения, такого закрывания глаз на очевидные исторические факты, такого животного страха даже перед постановкой темы (пусть и с «идеологически выдержанными» выводами, соответствующими сиюминутной «генеральной линии») мы рассмотрим ниже. Пока же остается констатировать, что история Донецко-Криворожской республики по мере сохранения академического молчания вокруг нее обретает популярность в блогосфере и все больше обрастает мифами. Д. Корнилов отнес к разряду мифов даже название «Донецко-Криворожская республика»: «В момент своего провозглашения она называлась Донецкой. Донецко-Криворожской ее официально стали называть несколько позже»[15]. Тут следует заметить, что республику называли по-разному (в том числе в официальных документах) и во времена ее существования. Официально постановление о создании ДКР называлось «По вопросу о выделении Донецкого бассейна», а речь в нем идет именно о «Донецком и Криворожском бассейне» и, соответственно, о «Совете Народных Комиссаров Донецкого и Криворожского бассейнов»[16]. При этом в различ-

ных документах фигурировали надписи: «Донецкая Республика», «Донецкая республика Советов», «Республика Донецкого и Криворожского (в некоторых документах звучало «Криворогскаго») бассейнов», «Федеративная республика Донецкого бассейна», «Донецкая Федерация» и даже «Донская республика» (последнее — явная ошибка тех, кто слышал и о существовании Донской республики Советов, созданной большевиками в Ростове весной 1918 г.)! Фигурировало и название, ставшее позже общепризнанным, — Донецко-Криворожская республика. К примеру, именно так ее назвали Артем и члены его правительства в своем официальном обращении, изданном в день отступления из Харькова.[17]

О Донецкой республикѣ.

Заголовок статьи в газете «Наш Юг» от 19.02.1918

В неформальном общении употреблялись термины и «Донкривбасс», и «Кривдонбасс», и просто «Донбасс». Антонов-Овсеенко вполне официально использовал термин «Донбасреспублика». В общем-то, в те годы подобные сокращения, ныне зачастую режущие слух, были модными. Так, Центральный исполнительный комитет Украины и его члены назывались «Цикукой», большевики и меньшевики именовали друг друга даже в официальной переписке «беками» и «меками», съезд горнопромышленников назывался «Горносъездом» и т. д.

Поэтому в данной книге будут использованы различные общепринятые названия для государственного образования, созданного в январе 1918 г. в Харькове, в том числе традиционное — Донецко-Криворожская республика, или же ДКР. В дни, когда рушилась Россия и на ее окраинах тут и там формировались различные образования, можно было наткнуться на самые невероятные сочетания названий той или иной республики. Достаточно вспомнить, как тогда в различных документах (в том числе во вполне официальных) называли саму Российскую Федерацию — Советской Федерацией России, Федеративной Социалистической Республикой Советов в России, Федерацией Социалистических Республик, Рабоче-Крестьянской Российской Республикой, Трудовой Русской Республикой, Великорусской Советской Республикой и т. д.

Одним из мифов, связанных с ДКР, является ее флаг. С легкой руки общественной организации «Донецкая Республика», созданной на волне «оранжевых» событий 2004 года, в Интернете актив-

но стала развиваться легенда о том, что у ДКР якобы существовал черно-сине-красный флаг. Затем нашлись «авторитетные специалисты», заявившие о том, что им доподлинно известно о том, что в 1918 г. использовалось красно-сине-черное знамя. И во многих интернет-источниках на полном серьезе приводится данный флаг как флаг ДКР.[18] На самом деле, данный триколор был флагом того самого «Интердвижения Донбасса» в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Это знамя, в самом деле, в период жаркой дискуссии вокруг того, какой флаг будет у независимой Украины — сине-желтый или красно-синий, — предлагался в качестве флага Донбасса. Логика была проста: красно-синий флаг Украины и черная полоска, символизирующая донецкий уголь. Затем кто-то этот флаг перевернул — и появилось такое себе «историческое знамя ДКР».

У Донецкой же республики в 1918 г., конечно, не могло быть иного флага, кроме знамени советской России. Как мы увидим ниже, отцы-основатели ДКР никогда не помышляли об отделении от Российской Федерации и планировали стать ее автономным субъектом. Потому и флаг использовался исключительно красный (впрочем, в то время красный флаг был общим практически для всех социал-демократических организаций, использовался он в 1917 г. и на украинских митингах — наряду с желто-голубым). Не сохранилось ни одного документа, который свидетельствовал бы о том, что руководители ДКР вообще дебатировали вопрос о символике — споров это не вызывало ни у кого.

Агитационный плакат организации «Донецкая Республика».

Немало недоразумений вызывает и дата основания Донецко-Криворожской республики. Речь идет и о январе, и о феврале. Во многом это вызвано тем, что IV областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского районов, на котором было провозглашено создание ДКР, проходил как раз накануне перехода календаря на новый стиль. В связи с этим сразу после 31 января начиналось 14 февраля (кстати, именно поэтому даты в данной книге приведены по старому стилю до 31 января

1918 г. и по новому стилю после 14 февраля). Чаще всего фигурирует дата 9 февраля 1918 года, поскольку именно в этот день (то есть 27 января по старому стилю) начался упомянутый съезд. И в этот же день различные организации Донбасса устраивают акции, связанные с памятью о ДКР. А Куйбышевский райсовет Донецка в феврале 2008 г. даже официально обратился к Донецкому горсовету с предложением провозгласить 9 февраля Днем народного единства Донбасса — по аналогии с празднованием Дня Злуки, к которому восточные области нынешней Украины вроде бы, с исторической точки зрения, отношения никакого не имеют.

Как бы то ни было, сохранившаяся стенограмма съезда однозначно зафиксировала дату обсуждения вопроса «О выделении Донецкого бассейна» и принятия соответствующего решения. Произошло это на седьмом заседании съезда, которое состоялось во вторник, 30 января по старому стилю, то есть 12 февраля 1918 года по новому. Первое же заседание правительства ДКР прошло всего через день, но это уже было 14 февраля — первый день жизни России по новому стилю, что было очень символичным для Донецко-Криворожской республики. И если благодаря этой книге хотя бы на несколько всеобщих мифов и заблуждений станет меньше, значит, она достигла своей цели.

Книга, которую вы держите в руках, совершенно не претендует на полное, всестороннее, завершенное исследование. Скорее, это можно назвать «кратким курсом истории Донецко-Криворожской республики». С одной стороны, эта книга не является академическим исследованием, автор позволяет себе выйти за рамки постного перечисления фактов, допуская некоторые полемические комментарии. Но с другой стороны, именно потому что многие факты, приведенные здесь, и комментарии наверняка вызовут полемику и дискуссии, автор сознательно сопровождает каждую из приведенных цитат ссылками на многочисленные документы (для удобства читателей, не любящих обилие ссылок, все они собраны в конце книги). Наличие ссылок важно хотя бы потому, что очень многие документы (особенно материалы периодической прессы Донецкой республики) вводятся здесь в оборот впервые.

Очень хотелось бы надеяться, что данный труд станет лишь началом, за которым последуют новые исследования, посвященные истории незаслуженно забытого историками государственного образования. Тот факт, что почти за столетие ничего по истории ДКР, кроме кратких разрозненных и зачастую очень

поверхностных статей в периодической печати, так и не появилось, наталкивает на грустное предположение о сохранении табу и негласных запретов на ряд спорных тем в украинской исторической науке. Печально констатировать, что самые значительные, фундаментальные научные изыскания в области сложной истории Донбасса тех лет опубликованы за границей.[19]

Очень хотелось бы, чтобы данная книга послужила основой для написания более фундаментальных исследований истории Восточной Украины периода революции 1917 года, Гражданской войны и периода закрепления Донецко-Криворожского бассейна в составе Украины. Это особенно важно в свете изучения истории взаимоотношений России и Украины, поскольку судьба Донецко-Криворожской республики стала, по сути, ключевым вопросом в отношениях между Москвой и Киевом во время и после гражданской войны.

В заключение этой затянувшейся преамбулы коснемся еще двух аспектов, которые могут вызвать вопросы и споры, — терминов и временного периода исследования. Любой историк, который описывает события 1917—1918 гг., произошедшие на территориях современной Украины, сталкивается с дилеммой, связанной с географическими терминами. Порой диву даешься, как современные украинские историки искажают или обрывают цитаты, в которых используются слова «Юг России», «российский» или «Новороссия» применительно к землям, которые ныне называются «Юго-Востоком Украины».

Западная исследовательница экономической истории Юга России Сюзан МакКаффри эту дилемму разрешила просто, объяснив, что использует географические термины исследуемого периода, а не современные: «Я вовсе не намерена проявить неуважение к украинцам использованием терминов «Юг» и «Южная Россия» в своей работе. Все действующие лица в этой книге называли данный регион именно этими терминами, и было бы неуклюже с моей стороны искусственно навязывать в их фразы термины «Украина» и «украинцы», которые они в отношении себя никогда не употребляли»[20] (от себя добавим, что современные украинские историки часто грешат подобными неуклюжими действиями, заменяя подобным образом фразы в первоисточниках).

Действительно, подход профессора МакКаффри кажется наиболее верным, поскольку он позволяет избегать неправильного применения одних и тех же терминов, по-разному толкуемых с точки зрения современности и эпохи столетней давности. Поскольку термин «Украина» относился чаще всего к нескольким

землям современной Центральной Украины, а слово «украинский» или «украинец» в описываемый период зачастую обозначал политическую, а не этническую принадлежность, в данной книге будет использоваться та же терминология, которая применялась в 1917 году. По тем же причинам мы не будем искажать цитат, как это порой делают сейчас, и заменять предлог во фразе «на Украине» — не надо забывать, что именно так писали и говорили тогда и по-русски, и по-украински и противники «самостийности», и отцы-основатели «незалежной» Украины.

По той же причине просьба не удивляться использованию слова «харьковцы». В беседе с автором этой книги один известный украинский политолог, являющийся выходцем из Харькова, с пеной у рта доказывал, что слова «харьковец» никогда не существовало, а жителей Харькова испокон веку называли «харьковчанами». Но поскольку здесь будет приведено немало цитат из харьковской прессы того периода, где вы не встретите слова «харьковчанин», в книге также будет использован термин того периода. Кстати, жители Луганска тогда тоже еще не подозревали, что они — лутанчане, а не луганцы.

Временные же рамки, которые охватывает данная книга, конечно же, шире, чем время существования Донецкой республики. Говоря о ее возникновении, мы не можем обойти вопрос о предпосылках возникновения идеи административно-территориального выделения региона, а потому вынуждены коснуться событий, предшествовавших 1918 году. Если же мы решим ограничить описание истории ДКР датой ее официального прекращения деятельности, то сразу же столкнемся с трудностью. Дело в том, что Донецко-Криворожская республика официально никогда не была распущена! А потому в исторической и справочной литературе мы можем столкнуться с разнообразными датами окончания ее деятельности. Некоторые заканчивают историю ДКР эвакуацией ее правительства из Харькова в апреле 1918 г., некоторые — эвакуацией из Луганска в мае 1918 г. Кое-где звучит мнение о том, что республика прекратила существование вообще в марте, когда состоялся II Всеукраинский съезд Советов, на котором Артем якобы признал ДКР частью советской Украины. Как будет доказано ниже, любое из этих утверждений не соответствует истине и легко опровергается массой документальных свидетельств. Ликвидировали ДКР в феврале 1919 года решением Ленина и Сталина, а отнюдь не решением жителей Донецкой республики (причем делали это негласно и довольно жестко).

Однако и после этого идея административной самостоятельности Донецко-Криворожского региона в рамках СССР или же хотя бы автономии в рамках советской Украины оставалась живучей. Политики и жители региона не раз поднимали вопрос об этом перед высшими органами власти. Поэтому говоря об истории создания и ликвидации ДКР, мы вынуждены рассмотреть вопрос чуть шире: как и когда Харьков, Донецк, Луганск, Днепропетровск, Запорожье и другие города, входившие в Донецкую республику, стали в итоге Украиною. А потому и хронологические рамки исследования не ограничиваются моментом ликвидации ДКР.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЕ ИСТОКИ «БОЛЬШЕВИСТСКОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ»

Сейчас общепринято считать ДКР исключительно продуктом творчества большевиков. Газета «Зеркало недели» даже свою статью назвала: «Детище пламенного революционера Артема. К 90-летию Донецко-Криворожской советской республики»[21]. Согласно этой статье и целому ряду других поверхностных упоминаний о ДКР, данное государственное образование совершенно искусственным образом, на ровном месте было создано большевиками исключительно из временных тактических соображений. Авторы подобных утверждений не утруждают себя вопросом: откуда вообще взялась идея административного обособления значительной территории Российского государства, на которой проживает чуть меньше половины населения современной Украины?

Аргументацию современных украинских исследователей частично воспринимают и за рубежом. Так, известный японо-американский исследователь Гироаки Куромия, с одной стороны, вполне логично оценив причины появления ДКР («киевский национализм вынудил Донбасс отделиться от Украины»), тем не менее посчитал это государственное образование «бюрократическим творением» (в украинском переводе — «витвором»). На это крымский аналитик Андрей Мальгин резонно замечает: «Интересно, как он себе представляет бюрократию на первом году революции?»[22]

На самом деле, идея выделения Донкривбасса принадлежала вовсе не большевикам, о чем фактически прямо пишет и В. Винниченко, заявивший, что «Донецкая Федеративная Совет-

ская Республика» (еще одно название ДКР, которое использовал только Винниченко) творилась «совсем по тому самому разделу, как и в кадетской Комиссии Временного Правительства, как по Инструкции Генеральному Секретариату, губернии Харьковская, Екатеринославская, Херсонская (уголь, железо, хлеб) создавали одну республику»[23]. Кстати, привязки к мнению «кадетской комиссии» не скрывали и творцы ДКР — об этом прямо говорится в официальном заявлении Совнаркома Донецкой республики, опубликованном накануне его эвакуации из Харькова в апреле 1917 г.: «Всего несколько месяцев тому назад Киевская Рада в договоре с князем Львовым и Терещенко установила восточные границы Украины как раз по линии, которая являлась и является западными границами нашей Республики»[24]. Так откуда же взялись эти границы в 1917 году, если верно утверждение идеологов украинской государственности о том, что искусственное образование было на ровном месте выдумано «пламенным революционером» Артемом в 1918 г.?

Тем, кто безоговорочно воспринимает постулаты официальной идеологии, это может показаться странным, но тем не менее это — факт: идею административного выделения промышленных регионов Донецко-Криворожского бассейна, объединения этих регионов (административно разъединенных в Российской империи границами двух губерний и Области Войска Донского) на протяжении нескольких десятков лет высказывали отнюдь не большевики, а именно представители крупной буржуазии, те самые «мироеды», с которыми большевики нещадно боролись в годы существования ДКР. В первую очередь, речь идет о Совете съездов горнопромышленников Юга России (ССГЮР) — структуре, которой пугали пролетариат после 1917 года и которой восторгаются некоторые западные аналитики сегодняшнего дня. Говоря о появлении и обосновании идеи административного объединения и выделения всего Донецкого бассейна, нельзя не упомянуть эту структуру (если, конечно, отвергнуть поверхностный подход о невесть откуда появившейся в голове Артема идее).

И вновь приходится констатировать тот печальный факт, что историю этой организации, в значительной мере влиявшей не только на экономику южнорусских земель, но и на внутреннюю политику всей России, активно изучают именно на Западе, а не у нас. После октября 1917 г. горнопромышленников заклеймили как главных врагов трудового класса и упоминали исключительно в негативном свете. Многочисленные труды их съездов — цен-

нейший источник для изучения экономической истории России и Украины — разбросаны по различным библиотекам мира (большей частью опять-таки за рубежом). Масштабные исследования о работе ССГЮР публиковались либо в дореволюционной России, либо все там же, за рубежом.[25] Потому говоря об этой организации, приходится совершить краткий экскурс в ее историю.

Идеологом первой встречи горнопромышленников Юга, состоявшейся в 1870 г., выступил талантливый горный инженер, энергичный первопроходец угольного Донбасса Петр Горлов, чье имя ныне увековечено в названии города Горловка. Первый съезд и оформление Ассоциации горнопромышленников Юга состоялись в ноябре 1874 г. в Таганроге. Бюджет этой первой встречи предпринимателей составил всего 158 рублей плюс 97 рублей на оплату стенографисток и дополнительные расходы. Вряд ли кто-то из устроителей данного собрания мог предположить, что через несколько десятилетий, в 1912 г., ежегодный бюджет созданной ими организации будет составлять почти миллион рублей, а влияние на политическую жизнь всей Империи будет колоссальным[26].

Здание съездов горнопромышленников в Харькове

Люди, которые учреждали данную структуру, по словам Фридгута, «создавали видение индустрии Донбасса и соединяли это видение с горнопромышленной экспертизой и опытом». Американский исследователь России Альфред Рибер считает их примером комбинирования технологических и менеджерских типов, а его соотечественница, профессор Сюзан МакКаффри, посвятившая ассоциации горнопромышленников Юга России целую книгу, вообще считает данную структуру основной моделью «новой работы» и новой эры в анализе. Профессор полагает, что на съездах южнорусских горнопромышленников определялось экономическое будущее империи, то, как «должна выглядеть индустриальная Россия»[27].

Несомненно, основная заслуга в быстром оформлении и росте ССГЮР принадлежит Николаю Авдакову, который воз-

главлял эту организацию (временами формально, временами неформально) с 1878 г. вплоть до Первой мировой войны. Это он создал структуру союза, соединив в нем как богатейших предпринимателей, владельцев шахт и металлургических заводов, так и теоретиков, профессоров, инженеров. Это он в конечном итоге закрепил Харьков в качестве базового центра организации, предопределив таким образом и центральное положение города в будущем Донецко-Криворожском бассейне.

Авдаков Николай Степанович

Родился 16 (28) февраля (по другим данным — 31 марта (13 апреля)) 1847 г. в станице Щедринская Кизлярского округа Кавказской области. Большую часть жизни прожил в Харькове (в особняке на Сумской, 52 — ныне его пытаются признать не соответствующим критериям «архитектурного памятника» и сломать).

Без сомнения, один из самых предприимчивых людей в России конца XIX века. Сын коллежского асессора, армянин православного вероисповедания. Начал трудовую деятельность в 1873 г. в должности техника по подземным работам в Рутченковском горнопромышленном обществе (ныне — территория Донецка). Вскоре стал директором этого общества и одним из самых богатых людей России — его годовой доход составлял до 400 тыс. рублей в год.

Пользовался непререкаемым авторитетом в деловых и правительственных кругах. Являлся членом всех возможных правительственных комиссий, с 1906 г. до самой смерти был членом Госсовета Российской империи, параллельно возглавляя Совет съездов представителей промышленности и торговли и являясь лоббистом крупнейших финансово-промышленных групп Юга России.

Имел большой авторитет и за границей. Представлял в России интересы французского общества «Société générale». Аналитик банка «Credit Lyonnais» писал о нем: «Мсье Авдаков, русский инженер армянского происхождения, живя в Харькове, является самым выдающимся человеком в Южной России и по праву считается блестящим коммерческим директором»[1].

Умер 11 (24) сентября 1915 года в Харькове.

---

[1] Цит. по: Friedgut, 1994, стр. 29.

С 1902 г. на центральной улице Харькова (ул. Сумская, 18) появилось огромное здание штаба Горносъезда, ставшее одной из главных достопримечательностей. Туристический гид по Харькову в 1915 г., указывая на это здание, с гордостью повествовал: «Харьков является центром южно-русского горнопромышленного района, и съезды горнопромышленников, происходящие ежегодно зимою, являются хозяевами всей этой крупной промышленности»[28]. Сейчас в этом здании располагается радиотехнический техникум.

В итоге ССГЮР стал главной лоббистской структурой в России, без мнения которой правительство не принимало ни одного важного решения в отрасли. С него стали делать кальку подобные же объединения в Москве, Петрограде, на Урале и т. д. К Первой мировой войне значение Совета еще больше усилилось. Практически по его инициативе и на его организационной базе начали создаваться государственные монополии — «Продамета», «Югомета», Осотоп, «Продуголь» и т. д. «Они не были формально частью ассоциации, но она была их духовным домом»[29].

История ССГЮР и его роль в развитии российской экономики — это тема отдельного исследования. Нас же применительно к теме книги данный союз интересует в связи с его представительством и географическим охватом деятельности. Позиционируя себя как структуру, объединяющую деятелей Юга России, Союз создал региональную структуру экономической области, не признающую административных границ империи, которые формировались задолго до появления на территории Донбасса промышленных шахт и крупных предприятий. Авдаков представлял Харьков, остальные были из Ростова, Мариуполя, Юзовки и даже Воронежа. На третьей конференции горнопромышленников Юга России, состоявшейся в Харькове в конце сентября 1917 г., были представлены 460 владельцев шахт и металлургических компаний из Харьковской, Екатеринославской губерний и из Области Войска Донского, где к тому времени активно разрабатывались антрацитовые рудники.[30]

Как пишет МакКаффри, Донбасс был разделен границами трех административных единиц: «Крайний восток был богатой антрацитом землей, находящейся в Донском военном округе, традиционной казачьей территории, управляемой Военным министерством и бывшей субъектом особых законов и привилегий. Внутри обширной Екатеринославской губернии, оторванной от сердца потемкинской Новороссии, битумный уголь и антрацит были поделены между двумя восточными уездами — Бахмутским и Славяносербским»[31].

Некоторые административные границы разделяли порой одно и то же предприятие. Например, сооружения обширного Новороссийского общества располагались и в Юзовке Екатеринославской губернии, и в соседней Макеевке, которая уже находилась в автономной Области Войска Донского. Сохранилось письмо председателя правления Русско-Бельгийского металлургического общества (ныне Енакиевский металлургический завод) Иванова министру торговли и промышленности правительства гетмана Скоропадского от 27 ноября 1918 г. о забастовке рабочих предприятия. Бизнесмен сообщает: «Территория завода и угольных копей примыкает к Области Войска Донского, а один из угольных рудников общества находится на самой территории Области Войска Донского, соединенный с заводом железнодорожной веткой общества же протяженностью всего в четыре версты. Этот рудник охраняется казаками и в силу этого в забастовке участия не принимает». В этой связи промышленник выражал надежду на то, что донские казаки могут взять на себя охрану и всего завода, большей частью находившегося в тот момент на территории как бы «независимого» Украинского государства.[32]

Однако разбросанность структур и цехов одного и того же предприятия по различным административными единицам, которую Русско-Бельгийское общество пыталось использовать в 1918 г. с политической выгодой для себя, явно не способствовала развитию бизнеса до 1917 года. В каждой губернии существовали свои правила, заметно отличавшиеся от порядков соседней. К примеру, вплоть до 1864 г. право добычи угля в Донской области принадлежало исключительно донским казакам, что создавало непреодолимые проблемы для предпринимателей. Но и после отмены этого положения режим эксплуатации шахт области значительно отличался от существовавшего в Екатеринославской губернии.[33]

Различия особенно касались местного налогообложения, которое было отдано на откуп консервативным земствам, постоянно конфликтовавшим с предпринимателями. «По сути, это была борьба между традиционной, укоренившейся землевладельческой элитой Екатеринославской губернии, базировавшейся в северо-западной, преимущественно аграрной части региона, и новой индустриальной элитой, росшей в Донбассе, — пишет Т. Фридгут. — ...Это была только часть такой же борьбы, имевшей место по всей России. Соперничество между земледельческой и индустриальной элитой, в свою очередь, было лишь одной бит-

вой в общей войне, которая велась в российском обществе, — в войне между консерватизмом и реформаторством»[34].

В этих словах стоит обратить внимание на географический аспект данной борьбы, на который указал Фридгут, — на соперничество между западной частью огромной Екатеринославской губернии и ее восточной частью, которая находила больше общих интересов с промышленными районами Харьковской губернии и Области Войска Донского. Практически с самого начала своего существования съезды горнопромышленников активным образом добивались административной реформы Российской империи или хотя бы тех регионов, в которых был сосредоточен бизнес предпринимателей Юга.

Когда создавались границы губерний Юга (в XVIII в. — Новороссийской, в XIX в. — Екатеринославской и др.), они представляли собой малолюдное, необжитое пространство, все благополучие которого зиждилось на обильных и колоссальных по меркам того времени земельных угодьях. Тогда установление административных границ именно в том виде, в котором они сохранились до 1917 г. (с небольшими изменениями), и тех правил взаимоотношений между элитами — исключительно аграрными, — выглядело вполне логично. Но как это часто бывало в истории России, закостенелость правил и неумение подстраиваться под меняющуюся ситуацию привели к серьезным проблемам.

К концу XIX века, по мере бурного развития промышленности (с 1839-го по 1890 год рост добычи угля в регионе составил 465%![35]) и резкого изменения структуры доходов края, порядок распределения благ сохранялся прежним. К примеру, к концу 1890-х годов доля поступлений в бюджет Бахмутского уезда от шахт и заводов составляла уже 56%, к чему можно добавить еще 14% поступлений от соляных шахт. Доля же «аграрных» денег в районе составляла всего 25%. К 1904 г., в связи с постоянно растущими налогами на бизнес, доля промышленных поступлений дошла уже до 83%, а доля аграриев упала до минимальных значений — 9,84%. [36]

Только заводы и шахты Новороссийского общества, сосредоточенные в основном в Юзовке, уже в конце XIX в. приносили в казну уезда одну пятую часть всех поступлений. А быстро росшая Юзовка десятилетиями не могла добиться от земства, перераспределявшего доходы по уезду, чтобы в поселке была построена простая больница. В 1904 г., к примеру, в расходах Бахмутского земства не замечено ни копейки денег, выделенных на образовательные или медицинские цели промышленной Юзовки. Больни-

ца была построена лишь в 1912 г. Для примера: в 1895 г. земство обложило только Новороссийское общество налогом в 1,5 млн рублей в то время, когда весь город Бахмут со всеми земельными владениями и собственностью принес в казну всего 900 тыс.[37]

Как известно, главные беды России всегда были связаны с дорогами. Не был исключением и промышленный юг империи. Промышленники, кровно заинтересованные в соединении их шахт и заводов дорогами, на протяжении нескольких лет безуспешно убеждали земства в необходимости выделения общественных земель на эти нужды. Проблема усугублялась тем, что, как уже было сказано выше, ряд фабрик и шахт имели свои подразделения в различных уездах и даже губерниях, а потому долгие переговоры нужно было вести с властями разных административных образований.

Еще один известный донбасский предприниматель Алексей Алчевский, в честь которого теперь назван Алчевск в Луганской области, в 1896 г. открыто заявлял, что районные власти обслуживают исключительно интересы помещиков и аграрного сектора, а промышленники исключены из процесса принятия решений.[38]

Теодор Фридгут приводит красноречивый пример того, как земства демонстративно пренебрегали вопросами промышленного развития края: «В справочниках Екатеринославского губернского земства с 1903 по 1905 год фактически только одна заметка была посвящена индустриальной теме — в еженедельном листке были помещены цены на Харьковской бирже угля и железа. «Народная газета Бахмутского земства» в 1914—1915 гг. с энтузиазмом рассказывала о сельскохозяйственном развитии, но вообще не содержала новостей о шахтах и фабриках»[39].

Представители ССГЮР находили этому простое объяснение. По их словам, в 1904 г., к примеру, Бахмутское земство состояло из 20 помещиков, 10 крестьян и только 6 представителей второй курии — собственно, городской (промышленники и интеллигенция). В Славяносербске места в земстве распределились между 17 помещиками, 9 крестьянами и 4 горожанами.[40]

В итоге многие поселения Донбасса были предоставлены сами себе и вынуждены были задолго до появления Донецко-

Криворожской республики творить свои неформальные «автономии». Так, российский юрист Генрих Слиозберг (Слезберг), долго занимавшийся защитой прав евреев Екатеринославской губернии, так писал о Юзовке конца XIX века: «Общий закон о городском благоустройстве, о чистоте улиц, об освещении и замощении, о санитарном положении — все это заменялось своего рода обязательными постановлениями управления поселком, без всякого участия властей».

Сам автор этих слов не выяснял причины возникновения подобной ситуации, но если учесть то, как финансировалась Юзовка властями, можно понять: у жителей Юзовки и у руководства Новороссийского общества, по большому счету, не оставалось иного выхода. «Юзовка была самостоятельным княжеством, — продолжает Слиозберг, — где общероссийские законы применялись лишь в тех случаях, когда нужно было выйти с какими-нибудь правовыми отношениями за пределы поселка или местечка»[41].

И такая картина наблюдалась в большинстве земств не только Юга, но и почти всей России. Известный публицист времен революции Иван Солоневич отмечал: «Культурно и экономически предвоенная Россия росла невероятными темпами [это особенно относится к промышленному Югу России. — *Авт.*]. Но «трагические противоречия» — оставались». И к главным «противоречиям» Солоневич относил существование «совершенно архаического административного аппарата» при наличии столь бурного развития экономики.[42]

На Юге к общим для всей России проблемам добавлялась и еще одна, очень специфическая: существование официальной «черты оседлости» — границы, за которой нельзя было селиться людям иудейского вероисповедания. Сохранение этой архаичной нормы вплоть до 1917 г. (а была она введена еще при Екатерине II, в 1791 г.) по мере заселения и развития Донбасса создавало дополнительные трудности для жителей и работодателей этого региона.

ЗАПАДНАЯ РОССИЯ И ЧЕРТА ЕВРЕЙСКОЙ ОСЕДЛОСТИ

Как писал Солженицын: «Черта уже не имела практического значения, провалилась и экономическая, и политическая ее цели. Зато она напитала евреев горечью противоправительственных чувств, много поддавая пламени к общественному расколу, — и ставила клеймо на российское правительство в глазах Запада»[43].

Согласно переписи 1897 г., в Российской империи проживало 5,2 млн лиц иудейского вероисповедания (евреи, принявшие православие, не учитывались), 15% из которых поселились в южных губерниях России (Екатеринославской, Херсонской, Таврической и Бессарабии). По подсчетам первого председателя Всероссийского совета народного хозяйства Валериана Оболенского-Осинского (кстати, принимавшего участие в создании Донецко-Криворожской республики), в городах и поселках Юга евреи в среднем составляли 30—40% населения.[44]

Из приведенных диаграмм (см. цветн. вкладку, стр. 1), составленных Д. Корниловым по данным первого тома книги «Юзовка и революция» Т. Фридгута, видно, как стремительно росло еврейское население Юзовки вплоть до «холерных погромов» 1892 года. К этому периоду их доля достигала уже почти трети. Евреи приезжали в Юзовку и другие города Екатеринославской губернии в поисках лучшей жизни и оседали там, поскольку дальше им было нельзя — по реке Кальмиус проходила та самая пресловутая «черта оседлости». К 1917 году в Юзовке проживало 9934 еврея (для сравнения: жителей, причислявших себя к малороссам, проживало 7086 чел.). [45]

Похожая картина наблюдалась практически во всех промышленных городах Юга, относящихся к Екатеринославской губернии, — дело в том, что евреям довольно долго разрешено было селиться лишь в городах и «местечках» — Оболенский-Осинский называл этот процесс «насильственной урбанизацией». Можно себе представить шок жителей и работодателей Юзовки, к примеру, когда результатом войны с земствами стало решение губернских властей о том, что данный поселок... не является «местечком». Данное, казалось бы, сугубо бюрократическое решение привело к тому, что почти все местные евреи (то есть треть населения поселка!) подлежали немедленной высылке из Юзовки. «Юзовское бедствие было угрожающим», — вспоминает юрист Слиозберг. Только вмешательство российского Сената остановило процесс, который больно бил по развитию экономики Донбасса. Сенат решил, что Юзовка «по характеру своему является городским поселением», что было выходом из ситуации для всех.[46]

Однако этот разовый случай не решал этнические и демографические проблемы региона в целом. Некоторые города евреи были вынуждены покинуть — например, в 1899 г. они были изгнаны из Ростова-на-Дону и Таганрога.[47]

А ведь среди преимущественно русских предпринимателей, создававших угольный бизнес на Юге, было немало и евреев по происхождению — к примеру, Исаак и Абрам Уманские, А. Шеерман и др.[48] И хотя для бизнесменов ограничений на передвижение и за «чертой оседлости» официально не существовало, бытовые проблемы (в частности, связанные с родственниками и наемными работниками) не могли не отразиться на них.

Постоянный рост промышленного производства, открытие новых рудников и заводов порождали неминуемую нехватку рабочей силы в индустриальных регионах. И хотя основную массу рабочих Донбасса составляли этнические русские, работодатели (особенно европейские), лишенные каких бы то ни было предрассудков, с удовольствием нанимали и малороссов, и евреев, и даже китайцев на свои предприятия — то ли в качестве рабочих, то ли в качестве конторских служащих. А как уже было сказано выше, иногда одно и то же предприятие имело свои цеха и структуры и в пределах Екатеринославской губернии, и в Области Войска Донского (особенно ярко это проявилось в Юзовке и Макеевке, ныне давно сросшихся). В этом случае «черта оседлости» создавала дополнительные трудности как для работодателей, так и для наемной силы.

Конечно, как отмечал в своих записках маркиз А. де Кюстин, «в России суровость законов компенсируется их неисполнением». Поэтому евреи правдами и неправдами проникали и за «черту оседлости», пользуясь и исключениями в правилах, и взятками. По данным Оболенского, в 1897 г. 6% евреев Российской империи жили за пределами «черты оседлости».[49] К примеру, нарком Донецко-Криворожской республики Моисей Рухимович родился в 1889 г. в еврейской семье в слободе Кагальник Области Войска Донского, где надзор за соблюдением правил относительно поселения евреев был особенно строгим.

Излишней крайностью было бы утверждать, что лишь наличие «черты оседлости» привело к революции (а есть и такие утверждения: «Существует такая точка зрения, что, если бы в ходе реформ 1861—1863 годов была разрушена черта оседлости, все в нашей истории пошло бы по-другому... отмени Александр II черту оседлости — и не было бы Бунда или троцкизма!»[50]). Однако в любом случае наличие этих ограничений было сдер-

живающим фактором для работодателей и серьезно тормозило свободное развитие промышленности.

Именно поэтому на протяжении всех лет своего существования ССГЮР требовал административных реформ, в том числе административно-территориальных. В своих рекомендациях правительству (порой составленных довольно жестко) горнопромышленники постепенно переходили от чисто экономических требований к политическим. Совет съездов добивался расширения представительства в органах местной власти и перераспределения функций земств. Постепенно к 1917 г. промышленники довольно четко сформулировали ставший вскоре расхожим тезис о необходимости административного объединения промышленного Донбасса в одну административную единицу. Даже современные украинские исследователи вынуждены признать, что в 1917 г. инициатива о взятии полноты власти в масштабах Донецко-Криворожского бассейна принадлежала именно буржуазии, а не пролетариату или «отдельно взятому» Артему.[51] Как мы увидим ниже, этот тезис, фразы об «экономической неделимости» бассейна постепенно завладели массами и стали использоваться и левыми, и правыми.

Однако власти постоянно тянули с реформами. «Реакция власти была прохладной, несмотря на то что она перестала полностью отвергать апелляции ассоциации, — пишет Фридгут. — ...Она отрицала необходимость любого радикального структурного реформирования... Пять лет апелляций фактически не принесли никакого результата»[52].

Значительную лепту в усиление роли Совета съездов горнопромышленников Юга России и в развитие экономики Донбасса внес еще один харьковец, преемник Авдакова — Николай Федорович фон Дитмар. В 1893 г., когда это имя впервые возникло в списках участников съезда ССГЮР, Дитмар числился еще даже не владельцем бизнеса, а горным инженером, без организационной привязки. Фридгут его характеризует следующим образом: «Хотя манера речи обозначала его как сильную личность и язвительного аналитика, нельзя сказать, что фон Дитмар вел организацию к институализации новой политики. Он был образцовым лидером, поддерживающим консенсус, улавливающим дух собрания и решительно продвигающим свою точку зрения властям»[53]. Авдаков, не оставляя неформальное лидерство в ССГЮР, в 1906 г. сосредоточился на работе в Петербурге, передав оргработу в Совете своему земляку фон Дитмару. И именно тому удалось сделать ССГЮР структурой не только влиятельного экономического, но и политического лобби.

В своих речах он постоянно подчеркивал свой русский патриотизм. Вообще, предприниматели Юга России, вне зависимости от их этнической принадлежности, всегда были «демонстративно российскими». Вместе с тем, Сюзан МакКаффри пишет: «Южные инженеры-менеджеры всегда гордились тем, что в этническом происхождении они были гораздо менее однородны, чем другие. Отдаленные от финансовых и политических центров, южане развивали глубокое региональное самосознание... Конечно же, Южная Ассоциация была лояльной и патриотичной»[54].

Многие члены Совета и, вообще, донецкие инженеры и служащие состояли в партии октябристов, а некоторые — даже в черносотенном «Союзе русского народа». Фон Дитмар убедил

Фон Дитмар Николай Федорович

Родился 10 (22) мая 1865 г. в Санкт-Петербурге. Немец православного вероисповедания, из эзельской ветви дворянского рода Дитмаров. Политические взгляды — октябрист.

По специальности — горный инженер. В 1893 г. начал свое дело в Харькове, создав мастерскую для изготовления буровых инструментов (ныне — Харьковский машиностроительный завод «Свет шахтера»). С 1893 г. активно работал с ССГЮР, формально возглавив его в 1905 г.

25 октября 1907 г. избран членом Госсовета Российской империи. К 1917 г. практически все важнейшие решения государственной власти в области экономики решались исключительно при участии фон Дитмара. Был блестящим оратором и организатором. Троцкий называл его «вождем тяжелой промышленности России».

Активный участник антибольшевистского движения после 1917 г. Пытался организовать диалог между Деникиным и Скоропадским. В 1919 г. возглавил Комитет крупной буржуазии Донбасса в Ростове-на-Дону по содействию армии генерала Деникина.

Умер от тифа 5 июля 1919 г. в Харькове.

Газета «Южный край» сообщала об общественной инициативе соорудить в память о фон Дитмаре музей угольной промышленности в Харькове. Инициатива не была реализована. Ныне в память о фон Дитмаре нет даже мемориальной доски.

своих коллег поддержать октябрьский манифест 1905 г. и призвать правительство к «радикальным реформам». А после начала Первой мировой войны русский патриотизм фон Дитмара, явно испытывавшего комплекс в связи со своими немецкими корнями, стал особенно демонстративным.

В 1917 г. фон Дитмар приложил немало усилий для реализации идеи административного объединения Донецкого бассейна. Еще в марте, сразу после Февральской революции, Совет горнопромышленников высказался за образование в Харькове особого комитета для управления промышленностью края. В июле при участии Дитмара был созван Учредительный областной съезд снабжения Донбасса, главной целью которого было создание единого координирующего органа управления экономикой Юга России. В сентябре Дитмар произнес свою пророческую фразу: «У нас нет правительства, нет правителя и, если дело пойдет так дальше, мы можем остаться без государства»[55].

Что же касается отношения фон Дитмара и тех кругов, которые он представлял, к вопросу административного выделения Донбасса, то оно четко было выражено в докладной записке Временному правительству от 1 августа 1917 года. Дитмар с экономической и политической точки зрения обосновывал пагубность планов включения Криворожского и Донецкого бассейнов в состав активно дебатировавшейся тогда украинской автономии.

«По имеющимся сведениям относительно переговоров Временного Правительства с представителями Киевской Центральной Рады, видно, что Харьковская, Екатеринославская, Таврическая и Херсонская губернии включаются делегатами означенной рады в район ей подчиненный, — писал Дитмар правительству России. — Необходимо отметить, что в этих 4-х губерниях (и кроме того в части Области Войска Донского) заключается весь Донецкий каменноугольный и Криворожский железорудный бассейн и все металлургические заводы Юга России. Вся эта горная и горнозаводская промышленность составляет вовсе не местное краевое, а общее государственное достояние и ввиду колоссального значения этой промышленности для самого бытия России, конечно, не может быть речи о том, чтобы вся эта промышленность и эта область могла находиться в обладании кого-либо другого, кроме всего народа и быть в подчинении какой-либо власти, кроме власти всего народа — власти государства. Не может государство и его орган — Правительство — созданную вековыми усилиями и средствами всего народа и самого государства южную горную и горнозаводскую промышленность — основу экономи-

ческого развития и военной мощи государства и все вековые труды на заселение и процветание прежде пустынного края — взять у всего народа и передать провинциальной автономии и, может быть, даже федерации, основанной на резко выраженном национальном признаке».

Из этого письма мы видим, что уже в середине 1917 года административная принадлежность Донецко-Криворожского бассейна (о государственном обособлении Украины от России тогда никто не говорил — даже Центральная Рада) стала темой серьезных споров. Письмо Дитмара свидетельствует, что в этих спорах, по сути, боролись два разных подхода к административно-территориальному устройству Российского государства — национальный и экономический. В дальнейшем эта тема станет ключевой для определения будущего Донецко-Криворожской республики.

«Надо считать возможным и необходимым вне всяких национальных автономий известную децентрализацию власти и управления, — писал Временному правительству Н. Дитмар, — но и с этой точки зрения — органы такой местной власти и управления должны быть в Харьковском районе и не могут быть перенесены из Харьковского района в Киевский, ибо одинаково этот перенос мог бы быть сделан, например, в Царицынский или Кавказский район, и с гораздо большим успехом в Москву».

Дитмар, выражая мнение предпринимательских кругов Юга России, не видел ничего общего у промышленных регионов Донкривбасса с Центральной Украиной: «Весь этот район как в промышленном отношении, так и в географическом и бытовом представляется совершенно отличным от Киевского. Весь этот район имеет свое совершенно самостоятельное первостепенное значение для России, живет самостоятельною жизнью, и административное подчинение Харьковского района Киевскому району решительно ничем не вызывается, а наоборот, как совершенно не отвечающее жизни, такое искусственное подчинение только осложнит и затруднит всю жизнь района, тем более что это подчинение диктуется вопросами не целесообразности и государственными требованиями, а исключительно национальными притязаниями руководителей украинского движения».

При этом Дитмар указывает на слабость позиций украинских автономистов относительно принадлежности Кривдонбасса и с точки зрения национальных позиций. Так, он утверждает, что по переписи населения 1907 г. из 200 тысяч жителей Харькова этнических украинцев в городе насчитывалось до 50 тыс. чел., предполагая, что к 1917 г., когда население города выросло до

350—400 тыс., этот процент еще уменьшился. В подтверждение своих доводов он ссылается на результаты состоявшихся накануне выборов в городскую Думу, в результате которых «по украинским спискам на 116 мест прошло всего 4 человека».

«Если все-таки в вышеуказанных губерниях Харьковского района, — продолжает Дитмар, — имеется украинское — сельское население и это может еще служить некоторым оправданием притязаний на автономию, — то многие районы и уезды и города и этим не отличаются, ибо там украинцев нет и никогда они вообще к Украине не сопричислялись. Как промышленность и торговля, так и города, и крупные центры созданы не украинской деятельностью, а общероссийской, и все крупные города носят общерусский характер... И вот теперь все-таки предлагается приобщение Харькова к Украинскому Киевскому Управлению, принимаются меры к его принудительной украинизации путем школ городских и сельских, что уже вызывает протесты родителей».

Подводя итог, Дитмар в своем донесении пишет: «Поэтому, не касаясь Киевского района, могу сказать, что весь Харьковский район в составе губерний Харьковской, Екатеринославской, Таврической и части Херсонской должен быть совсем исключен ввиду его государственного значения из района предполагаемой автономии украинской, ибо нельзя производить опаснейших экспериментов в области, которая никогда ни под каким видом не подлежит какому-либо отчуждению как важнейшая часть государственного организма»[56]. Стоит обратить внимание на то, что указанные «капиталистом» Дитмаром границы фактически и стали границами будущей Донецко-Криворожской республики, провозглашенной представителями левых политических сил в 1918 г. А многие его экономические обоснования были повторены в качестве обоснований для выделения этого государственного образования.

Так что называть ДКР «детищем Артема» и считать ее появление итогом исключительно деятельности большевиков было бы не совсем верно. Идеи обособления, административного выделения этого региона были реакцией на несовершенство административно-территориальной системы России, укоренившейся задолго до революции. Но главная причина появления подобных заявлений в 1917 г. четко обозначена в докладной записке фон Дитмара: усиливавшиеся тогда автономистские настроения в Киеве и попытки зачислить в состав будущей «автономной» Украины промышленные регионы, не видевшие своего будущего в составе этой автономии. Это было не мнение большевиков, это

было мнение крупных бизнесменов. Но как мы увидим далее, в этом мнении сходились жители промышленных регионов Юга России, представлявшие различные слои населения вне зависимости от их политических воззрений. Вскоре те же самые аргументы начали выдвигать и большевики, умевшие подхватывать популярные идеи и реализовывать их порой самыми радикальными методами.

Данные идеи находили благодатную почву в Донбассе, который в годы своего бурного развития постепенно привык к фактической автономии. Слиозберг по этому поводу писал: «Там оседали торговцы, возникали промышленные заведения, и все это управлялось неизвестно кем, кроме ближайшего урядника и вообще сельских властей, которые не имели никаких директив и никаких указаний в законе, как им управлять чисто городским населением, вновь появившимся на территории, принадлежащей их компетенции»[57]. Так создавались предпосылки самоуправления промышленных регионов Юга России. Заметьте, задолго до революции 1917 года!

«НОВАЯ АМЕРИКА»

Переходя к описанию бурных событий, непосредственно предшествовавших образованию Донецко-Криворожской республики, следует понять, что представлял собой этот регион к 1917 году.

Перед началом Первой мировой войны в Донбассе были сконцентрированы 262 тысячи рабочих, преимущественно в угольной и металлургической индустрии. Будучи одним из четырех основных промышленных регионов Российской империи (помимо Петроградского, Московского и Уральского), Донецкий бассейн в начале XX века развивался наиболее динамично. Как пишет Фридгут, «всем было ясно — и внутри страны, и за рубежом, — что контроль над Донбассом мог бы стать ключом к судьбе империи»[58]. А современник тех событий Николай Скрыпник был еще более глобален в своих оценках значения региона: «Донецкий бассейн сейчас — мировой узел, ибо от него зависит судьба русской революции, судьба революции мировой»[59]. Не больше и не меньше!

Один современный украинский сайт, описывая «модную» ныне битву у Крут в январе 1918 г., написал о том, что среди шедших на Киев большевиков были «нанятые Москвой рабочие Дон-

басса» (почему, интересно, Москвой, если до марта 1918 г. столица России находилась в Петрограде?). Богатое воображение автора нарисовало следующую картину: «Им хотелось легкой добычи, сытой киевской доступности, а при абсолютной аполитичности и самоуверенности местной публики все эти блага земные находились в одном шаге от станции Круты. Нужно было только прийти и забрать. Никто ведь не сопротивлялся»[60]. Автор, экстраполируя те события на нынешнюю политическую ситуацию и путая все столицы, видимо, так представляет себе обстановку 1918-го: огромный город Киев, на который шли голодные, нищие шахтеры и металлурги из забытых богом Харькова или Юзовки, мечтавшие пограбить и наесться досыта. Одна беда — Киев тогда не был столицей в глазах тех, кто наступал на нее. Это был признанный духовный, исторический центр, место паломничества православных. Однако на фоне бурного развития Петрограда, Одессы или Харькова тогдашний Киев выглядел большим тихим провинциальным болотом — во всяком случае, вплоть до 1918 г., когда в оккупированный немцами Киев ринулись волны эмиграции из Москвы и Питера.

Достаточно вспомнить красочное описание дореволюционного Киева, данное свидетелем тех событий Михаилом Булгаковым: «В белом цвете, тихо, спокойно, зори, закаты, Днепр, Крещатик, солнечные улицы летом, а зимой не холодный, не жесткий, крупный ласковый снег... Киевляне — тихие, медленные и без всякой американизации. Но американской складки людей любят». А ведь с легкой руки Александра Блока в те годы именно за Донбассом закрепились названия «Новой Америки», «Русской Америки» и даже «Русской Калифорнии»[61].

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!
Уголь стонет, и соль забелелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

Александр Блок
«Новая Америка»

Эти термины держались за промышленными регионами Донецкого и Криворожского бассейнов весьма долго. Даже в октябре 1941 г. немецкая газета «Дойче Нахрихтенблатт», описывая восток советской Украины, сообщала: «Харьков управлял шахтами и заводами Донбасса. Советы сделали Харьков городом большевистского американизма»[62].

Донецкий бассейн и окрестные промышленные районы были наиболее динамично развивающимися в годы, которые пред-

шествовали революции. Биограф Никиты Хрущева так описывал переезд будущего советского вождя из курской деревушки в Донбасс: «275-мильный переезд из Калиновки в Юзовку был шагом в новое столетие. В возрасте 14 лет Хрущев навсегда покинул сельскую, почти средневековую жизнь в русской деревне и въехал в город, который находился в центре российской индустриальной революции»[63]. Если кто-то решит исходя из этих слов, что донбасские поселения (Юзовка тогда даже городом официально не считалась) казались передовыми исключительно по сравнению со среднерусскими деревнями, а не с украинскими, то можно привести мнение Троцкого, который определял развитие украинской жизни до 1917 года одним словом: «отсталость». И при этом четко отделял это определение от одного региона, который к моменту написания «Истории русской революции» уже официально считался частью УССР: «Несмотря на быстрое промышленное развитие Донецкого и Криворожского бассейна, Украина в целом продолжала идти позади Великороссии»[64].

Говоря об освоении Донбасса и темпах этого освоения, защитник екатеринославских евреев г-н Слиозберг писал: «Такие поселения вырастали прямо как грибы в местностях, где начинали развиваться чисто американским темпом [ну модно было тогда темпы индустриализации сравнивать с Америкой. — *Авт.*] новые отрасли промышленности, как, например, горная промышленность в Донецком бассейне, в Екатеринославской губернии, в Криворожском районе. Лучшим примером может служить... Юзовка... Местность быстро оживилась и получила характер селения, невиданного до того в России»[65].

Темпы роста населения в промышленных регионах Юга России зашкаливали все мыслимые показатели. В период с 1897-го по 1914 год Екатеринославская губерния была абсолютным лидером в России по приросту числа жителей — 63,5% всего за два десятилетия! Для примера, население Киевской губернии в эти же годы выросло на 34,7%, Петербургской — на 48,5%, Московской — на 47,3%[66].

Как это ни парадоксально звучит, но развитию региона способствовала Первая мировая война. Да-да, когда вся империя трещала по швам и задыхалась от нараставших финансово-экономических проблем, вызванных войной, экономика Юга России и особенно Донбасса резко набирала обороты. Так, меньшевик Цукублин на IV съезде Советов Донецко-Криворожского бассейна (того самого съезда, на котором было провозглашено создание ДКР) заявил, что вся металлургия края была «приспо-

соблена к войне»: «Война представляла для нас чрезвычайно емкий рынок»[67]. Когда прифронтовые губернии начали пустеть ввиду массового оттока беженцев, именно эти же обстоятельства привели к тому, что промышленные районы Юга, ставшие

оплотом всего военно-промышленного комплекса России, начали еще быстрее расти — и в экономическом смысле, и в демографическом.

Особенно это сказалось на Харькове, куда начали стекаться люди и даже целые предприятия из Западной России. Если еще в 1861 г. население этого города насчитывало 50 тыс. человек, то в 1917 г. там обитало уже 382 тысячи (см. диаграмму). То есть рост населения чуть больше чем за полвека составил более 600%! К 1915 г. Харьков был восьмым городом империи по числу жителей. Значительную долю роста обеспечили беженцы, спасавшиеся в Харькове от войны. В 1917 г. их официально числилось около 50 тыс. человек. Причем немалая часть из них были беженцами из Галиции, на что стоит обратить особое внимание — в дальнейшем это обстоятельство сыграет значительную роль в украинизации Харькова и прилегавших территорий.[68]

В 1917 г. приезжие приняли самое живое участие в политической жизни региона. Особенно значительным было влияние рабочих эвакуированного туда в 1915 г. из прифронтовой Риги крупного предприятия

Завод ВЭК до эвакуации его из Риги в Харьков

«Всеобщей электрической компании» (ВЭК, или ВКЭ) — ныне Харьковский электромеханический завод.

Одновременно в Харьков был переведен из Варшавы крупный машиностроительный завод «Герлях и Пульст». За ними потянулась вереница более мелких фирм из Польши и Прибалтики, которые свое «западное» происхождение даже использовали для рекламы. Вот характерное для Харькова 1914—1917 гг. объявление: «"М. Буцлер и К°" — латышское предприятие, эвакуированное из Риги, — фабрика фотографических пластин и принадлежностей»[69].

Только с переездом ВЭК (всего понадобилось 1470 вагонов, чтобы перевезти все имущество промышленного гиганта тех времен) Харьков пополнился тремя тысячами прибалтийских рабочих разных национальностей (для сравнения — всего-то за десяток лет до этого в Харькове в общей сложности насчитывалось 16,7 тыс. пролетариев).[70] Латышские рабочие ВЭК сыграли колоссальную роль в большевизации Харькова, а сам эвакуированный завод стал базой для социалистической пропаганды в крае.

Туда же, в Харьков и Донбасс, с началом Первой мировой войны эшелонами свозились военнопленные всех национальностей — немцы, чехи, словаки, галичане, венгры. Ввиду нехватки рабочих рук, вызванной массовой эвакуацией на фронт, военнопленные активно использовались на различных предприятиях, врастали в быт и общественную жизнь края. По данным Антонова-Овсеенко, на шахтах Донбасса к началу гражданской войны работали 51 тыс. австро-германских военнопленных, на сельхозработах в крае было задействовано до 38 тыс., в иных отраслях и на пунктах размещения находилось до 13 тыс. пленных.[71]

Католический собор в Харькове на ул. Гоголя

К 1917 году Донецкий и Криворожский бассейны, и до войны считавшиеся «русской Америкой», вбирающей в себя людей всех культур и нацио-

нальностей, стали еще более интернациональными и космополитическими. Поляки организовали в Харькове при римско-католическом соборе на улице Гоголя, 4 собрание «Польский дом» (затем назывался польским клубом «Проминь»), а сразу после Февральской революции начали издавать свою газету «Jednosc Robotnicza». В городе функционировало множество польских организаций и несколько политических партий.

После революции латыши, прописавшиеся в Харькове, также стали издавать свои листовки на родном языке, в местных газетах появилась реклама на латышском. В дни функционирования Донецко-Криворожской республики латышские рабочие организации Харькова проявили значительную активность по формированию красных отрядов.

Между двумя революциями 1917 года немецкие военнопленные, находившиеся в Харькове, создали целый ряд своих организационных структур, включая Немецкий центр при местном комитете РСДРП(б). Тот еженедельно устраивал агитационные собрания немецких пленных (в какой еще стране мира такое можно было представить!) на Конной площади в Харькове — ныне площадь Восстания.[72]

В Донецкий бассейн стекались представители различных национальностей, создававших невероятное смешение народов и племен. В 1917 г. никого не удивляло наличие активно действовавшей в Луганске ячейки армянской партии «Дашнакцутюн» или обилие китайских горняков на шахтах Юзовки. «Донбасс был Америкой для бедного человека... — пишет американка МакКаффри. — Донбасс имел репутацию края возможностей, где смелый сильный человек мог заработать хорошие деньги»[73].

Причем, вопреки расхожему ныне мнению о поголовной неграмотности рабочего класса, приток рабочих в Харьков и другие промышленные города как раз благоприятно влиял на общий уровень грамотности населения, который был значительно выше среди рабочих Донбасса, чем среди крестьянской массы малороссийских губерний. Согласно переписи 1897 г., уровень грамотности среди рабочих металлургической отрасли России составлял 60,2%, а среди поколения рабочих младше 40 лет — 90%.[74] Для сравнения: средний уровень грамотности всего населения Российской империи тогда составлял 21,1% — в основном, в связи с неграмотностью сельского населения державы (общий процент грамотных среди крестьян составлял 17,4%).

Харьков к началу XX века был одним из самых грамотных городов России. К примеру, в 1910—1912 гг. уровень грамотности

его населения (66,6%) был фактически равен уровню Петербурга (66,9%) и превосходил Москву (64%). Но лишь 25,1% сельских жителей всей губернии могли похвастаться умением читать. В селах Центральной и Правобережной Украины положение было не лучше.[75] Таким образом, те, кто пытается представить сейчас борьбу Центральной Рады, опиравшейся как раз на сельское население Центра, как борьбу «просвещенного» Киева с «ордами голодных металлургов», которые олицетворяли «темноту и забитость», мягко говоря, путают акценты.

Экономические показатели Донбасса в начале XX века поражали даже западный мир. Известный американский историк Джон МакКей, посвятивший индустриализации Юга России книгу «Пионеры прибыли» (за которую он, кстати, получил приз Американской исторической ассоциации), восторженно писал о состоянии металлургии бассейна: «В первом десятилетии двадцатого века домны на Юге России были такими же большими, как в Европе, они были новее и использовали лучшую руду. По этой причине они были вполне конкурентными с европейской продукцией»[76].

О значении Донбасса для судьбы государства более чем красноречиво свидетельствуют следующие цифры: к 1917 г., когда Россия уже фактически потеряла польский уголь, Донецкий бассейн производил 87% угля всей России, 70% чугуна, 57% стали, более 90% кокса, более 60% соды и ртути.[77] Причем с каждым годом войны значение края для страны росло — особенно после потери Россией польских шахт, которые снабжали в первую очередь промышленные предприятия Петрограда. Но, как и повсюду в России, рос и уровень социального напряжения. Приезд тысяч рабочих, зараженных социалистическими идеями, обернулся значительным ростом политизации региона.

АПОЛИТИЧНЫЙ, ПАТРИОТИЧНЫЙ РУССКИЙ КРАЙ

Если университетский Харьков всегда отличался вольнодумством, то рабочие регионы Юга России длительное время проявляли полную аполитичность. В 1890 г. под секретным надзором полиции пребывало всего лишь 82 постоянных жителя огромной Екатеринославской губернии, отнесенные к разряду «неблагонадежных».[78]

«Донбасс отвергал любые политические группировки. Политическую атмосферу Донбасса считали отравляющей и опасной все партии», — пишет Куромия. Экстраполируя свои выводы на всю историю этого региона, включая и нынешние времена, американо-японский исследователь добавляет: «Донбасс всегда был «выходом», спасением, альтернативой политическому конформизму или протестам»[79]. Может быть, этот вывод кому-то сегодня покажется спорным. Но если все-таки принять его, то в этих словах можно найти объяснение и аполитичности Донбасса вплоть до революционных событий 1905—1917 гг., и действиям политических лидеров региона в январе 1918 года, в момент провозглашения Донецко-Криворожской республики. Однако об этом позже...

Упоминания какой-то деятельности социалистических организаций в пролетарском Донбассе появляются в 1899 г., когда в Юзовке были замечены листовки и брошюры РСДРП с пометкой «Донецкий комитет». В 1902 г. появился Донецкий социал-демократический союз горнозаводских рабочих с центром в Ростове-на-Дону. При этом деятельность подобных немногочисленных и невлиятельных организаций была сосредоточена в основном в крупных городах и фактически не распространялась на шахтерские поселения.[80]

Революция 1905 г. привела к резкому росту забастовок и рабочих бунтов во всех промышленных регионах России, включая Донецкий бассейн. Однако, по мнению Сюзан МакКаффри, «в целом рабочие Донбасса не бастовали так часто, как их собратья в Санкт-Петербурге, и эти забастовки не были столь политически выраженными»[81].

После пика революционного движения в 1906 г., когда в общей сложности в забастовках приняло участие до 100 тысяч рабочих Донбасса, каждый год число бастующих неуклонно уменьшалось. В 1909 г. оно уже составляло всего 12 тысяч человек. Очередной всплеск забастовочного движения пришелся на 1912 г. (25 800 участников забастовок) и был вызван Ленским расстрелом.[82] Но если раньше забастовки в основном носили социальный характер, то с этого года наметилась тенденция роста сугубо политических стачек. Данная тенденция сохранилась вплоть до 1917 года.

Как выяснилось позже, в политизации забастовочного движения в России вообще и в Донбассе в частности после 1914 г. определенную роль сыграли и спецслужбы Германии. В меморандуме небезызвестного Александра Парвуса (он же Израиль

Гельфанд), составленном в адрес министерства иностранных дел Германии в марте 1915 г., звучали следующие предложения: «Есть возможность организации забастовок в шахтерских районах Донецкого бассейна и, при определенных условиях, на Урале... Политические забастовки можно было бы легко организовать там в среде шахтеров, если будет выделено хотя бы минимальное финансирование»[83]. Стоит заметить, что «план доктора Гельфанда» вызвал большую заинтересованность у немецких спецслужб, а сам Парвус сыграл определенную (по мнению ряда современных историков, очень значительную) роль в финансировании революционного движения в России.

Постепенный рост активности социалистов в рабочих регионах отразился на росте их популярности в Донбассе. В 1906 г. в первую Госдуму России от Екатеринославской губернии, среди прочих, был избран шахтер из Юзовки Митрофан Михайличенко, представлявший меньшевистское крыло РСДРП и примкнувший в Госдуме к группе «трудовиков». Правда, популярность агитатору принесли, в первую очередь, не его пламенные речи, а... юзовские черносотенцы, избившие будущего депутата за год до выборов.[84]

О большевиках же во многих районах Донбасса чаще всего вообще не слыхивали. Во время Первой мировой войны в Юзовке, к примеру, насчитывалось всего десяток членов РСДРП(б). По свидетельству Троцкого, в июле 1917 г. две тысячи шахтеров на коленях, с непокрытыми головами, в присутствии пятитысячной толпы торжественно присягали: «Мы клянемся нашими детьми, Богом, небесами и землей, всем, что нам священно в этом мире, что мы никогда не откажемся от свободы, доставшейся кровью 28 февраля 1917 г.; веря социалистам-революционерам и меньшевикам, мы клянемся, что никогда не будем слушать большевиков-ленинистов, ведущих своей агитацией Россию к разрушению». Как пишет далее сам Троцкий, уже через два месяца, то есть к сентябрю, мнение шахтеров относительно большевиков резко изменилось.[85]

Еще менее популярными, чем большевики, до 1917 года в Донбассе были украинские партии, как, собственно, и украинская идея в целом. Жители промышленных регионов Юга России считали себя преимущественно русскими и многие из них с удивлением узнали о том, что их земли считаются составной частью Украины, лишь с появлением Универсалов Центральной Рады в 1917 году (а в некоторых регионах современной Украины об этом не догадывались вплоть до немецкой оккупации 1918 года).

Фридгут отмечает высокий уровень русского патриотизма среди рабочих Донбасса вплоть до революции. В 1897 г., в день тезоименитства императора группа рабочих фабрики Джона Юза явилась в дом шефа полиции Рубцева и выразила неудовольствие в связи с тем, что над полицейским управлением не висят государственные флаги, в то время как даже над самыми бедными домами Юзовки жители вывесили российские знамена в честь праздника. Металлурги пообещали нажаловаться на полицейских высшим властям. Когда в остальных регионах России пролетарии устраивали акции протеста против военного призыва рабочих, в Юзовке, наоборот, собирались массовые митинги в поддержку «войны до победного конца», а скромная попытка нескольких большевиков и меньшевиков устроить подобие оппозиционной акции завершилась их изгнанием, совершенным самими горожанами. По мнению Фридгута, это объяснялось тем, что «патриотические чувства имели сильные корни среди населения Юзовки»[86].

Подобная же картина наблюдалась вплоть до Февральской революции. Когда большевик Острогорский в Щербиновке (ныне — Дзержинск) 2 марта 1917 г. попытался публично выступить против войны, местные работяги обозвали его «германским шпионом» и добились его ареста. Примерно в эти же дни в Харцызске большевик Вишняков попробовал выступить на патриотическом митинге меньшевиков, украшенном религиозными хоругвями и красными знаменами, но его речь не вызвала никакого сочувствия у публики.[87]

В отличие от современных творцов нового украинского исторического мифа, практически все независимые исследователи сходятся в том, что жители регионов, составляющих ныне Восточную Украину, в своем большинстве к «украинской идее» относились совершенно равнодушно. Израильско-американский исследователь Теодор Фридгут пишет: «Ни в одном источнике, сообщавшем о трудовых организациях и революционных группах в Донбассе, нет упоминания о деятельности какой бы то ни было украинской партии на шахтах или фабриках. Были украинские группы в Харькове, и, кроме того, Донецкий союз горнозаводских рабочих имел некоторые контакты со «Спилкой». Проявлялась также некая деятельность в некоторых деревнях региона, где циркулировала и обсуждалась «малороссийская» литература. Только в 1917 году украинские партии добились кое-какого представительства на выборах в районные земства. Но даже тогда они не добились присутствия в шахтных и заводских Советах Донбасса»[88].

С этим выводом согласен и Гироаки Куромия: «Массовое украинское националистическое движение, кажется, обошло Донбасс... Крестьянское стремление к земле и свободе было сильнее, чем призыв украинского национализма, этого творения интеллигенции»[89].

Такие же выводы относятся не только к рабочим районам Донбасса, но и к Харькову, который сами теоретики «украинской идеи» считали одним из своих центров. Даже современные украинские «государственники» вынуждены признать: «Документы... бесстрастно утверждают, что Харьков к началу марта 1917 года был весьма далек от украинского национально-освободительного движения»[90].

Вплоть до 1917 года украинцами не считали себя не только жители городов, но и деревень Юга России. «Если бы кто-то сказал крестьянину из Харькова или Полтавы, что он является «украинцем», тот очень сильно удивился бы, если не разозлился», — писал граф А. Кутайсов, бывший в свое время губернатором Волыни.[91]

Кстати, современники то же самое писали и о жителях иных регионов Юга России — к примеру, об Одессе: «Я указывал, что прожил всю свою юность на Юге, окончил гимназию и университет в Одессе, которую украинцы считают своею, и никогда не слыхал здесь об Украине (знал только Малороссию, которую люблю и к которой и сейчас отношусь, как к родной)... Никогда не видел и тайной литературы об Украине, в то время, как у всех нас, гимназистов и студентов, постоянно были на руках брошюры с. д. и с. р., гораздо более рискованного содержания, чем украинский вопрос, ...следовательно, нельзя объяснить отсутствие этой украинской тайной литературы правительственными гонениями на Малороссию»[92].

К концу XIX века меньше трети населения Харькова пользовались малороссийским (украинским) языком — 29,2%, в то время как русским — 60,3% жителей города. Что не мешало деятелям украинского общественного движения считать Харьков одним из своих центров — просто в других крупных городах доля украинцев была и того меньше. Даже в Киеве, который в итоге стал политическим центром Украинской Народной Республики, по словам генерала Деникина, хорошо знавшего этот город, к революции насчитывалось всего 9% населения, которое считало украинский язык своим родным. Так что Харьков на этом фоне был гораздо более «украинским» — особенно на фоне городов и городков Донбасса, где «украинский вопрос» не пользовался ни малейшей поддержкой.[93]

К примеру, когда в июле 1917 г. эмиссары Центральной Рады приехали в Луганск с целью найти там хоть какие-то силы, на которые можно было бы опереться, то встретили более чем холодный прием. А представитель большевиков Юрий Лутовинов категорически выступил против «украинизации», обосновав это тем, что данный вопрос расколол бы пролетариат.[94]

Не случайно виднейший идеолог российских меньшевиков Феликс Кон, после Февральской революции осевший в Харькове, писал, что в 1917 г. идея «самостийной» Украины относилась к «мечтам и грезам горсточки мелкобуржуазных украинских идеологов, которым никто не придавал серьезного значения»[95].

Американская газета «Нью-Йорк таймс», характеризуя украинское движение, ссылалась на мнение еще одного харьковца, известного российского писателя и публициста Константина (ошибочно он назван в газете Николаем) Тренева: «Когда я нахожусь среди интеллигенции на Украине, я чувствую, что там существует некое культурное движение. Я слышу людей, пытающихся говорить по-украински, доказывающих... что Украина имеет право на культурную и политическую автономию. Картина меняется, когда я нахожусь на улицах, в публичных местах, среди простых людей. Складывается впечатление, что они интересуются буквально всем в мире, но только не вопросом украинской автономии. Украинское движение — это всего лишь движение среди украинской интеллигенции»[96].

О том же писали и иностранные наблюдатели. К примеру, французский шпион и дипломат Эмиль Энно, в 1917—1918 гг. развивший бурную деятельность на территории нынешней Украины, писал о «бессмысленности украинского вопроса», объясняя это тем, что «украинская идея совершенно отсутствует во всех классах малорусского населения»[97].

Мало того, в свои силы и способности к самоорганизации не верили и представители украинских движений, реально оценивавшие общественное мнение. Украинский писатель Гнат Хоткевич, который в течение нескольких месяцев 1917 года пытался издавать в Харькове свою газету «Рідне слово», понимал, что свободно избранные институции, отражающие мнение большинства населения, не поддержат «украинский вопрос»: «Дурят нас Учредительным Собранием, чтобы мы сидели тихо, а потом покажут нам знак из трех пальцев и скажут — это знак авторитетный, потому что показало нам его само Учредительное Собрание... И что ж нам ждать теперь от того Учредительного? Попадут туда не наши люди — а будут

решать нашу судьбу. У нас силу агитации и сознание народа отобрали»[98].

При этом еще раз следует подчеркнуть: если в городах Донбасса историки не обнаруживали даже следов украинского движения, то в Харькове, при его общей индифферентности в отношении «украинского вопроса», находились представители интеллигенции, которые относили себя именно к украинцам. Самым ярким представителем таковых был Дмитрий Багалей. Хоть ныне он и считается одним из основоположников украинской исторической науки и «подвижником украинской мысли», «украинскость» Багалея была особенной и трансформировалась в различные периоды. В 1912 г. украинская пресса (и в частности, харьковская газета «Сніп», издававшаяся Николаем Михновским, о котором пойдет речь ниже) критиковала Багалея как раз за его... «антиукраинскую» деятельность. К таковой отнесли тот факт, что на заседании Госсовета харьковский профессор недостаточно энергично защищал украинский язык от нападок известного черносотенца Дмитрия Пихно. Тот, будучи потомственным малороссом, выступил с категорическим протестом против открытия малороссийских школ. Багалей же заявил, что образование на украинском языке стоило бы позволить лишь в отдаленных хуторах и селах, где совсем не разговаривают по-русски. Данное предложение профессора было расценено украинскими активистами как предательство.[99]

Дмитрий Багалей

На самом деле, свой политический авторитет Багалей приобрел не как активист украинских организаций, а как российский кадет! Это в 1917 г. партия кадетов стала символом всего самого консервативного и «реакционного», а в 1906 г., когда Багалей стал ректором Харьковского университета и был избран в Госсовет России по списку Императорской Академии наук, принадлежность к этой партии рассматривалась общественностью чуть ли не как революционная, левая деятельность. К началу Первой мировой войны на Слобожанщине сложно было отыскать более

популярного общественного деятеля — в 1914 г. кадет Дмитрий Багалей стал городским головой Харькова и пользовался непререкаемым авторитетом.

Всего через три года, в 1917 г., кадетов кто только не оплевывал. Отношение населения к кадетам в те годы точно описано ростовским меньшевиком Поповым: «Кадет — это воплощение всего злого, что может разрушить надежды масс на лучшую жизнь; кадет может помышлять взять в крестьянские руки землю и разделить ее; кадет это злой дух, стоящий на пути всех чаяний и упований народа, а потому с ним нужно бороться, его нужно уничтожить»[100].

Имя одного из самых ярких представителей харьковских кадетов — профессора Багалея — тоже стало нарицательным символом всего злого, «предательства».[101] На выборах городской Думы, состоявшихся 9 июля 1917 г., победу одержали эсеры, получившие 54 места из 116 (кстати, большевики тогда получили всего 11 мест) — и 26 июля Багалей бесславно уступил свое место эсеру В. Карелину. Очевидец этой сцены вспоминал: «Словно из далекого прошлого доносился глухой голос профессора Д. Багалея, открывшего в качестве городского головы заседание новой Думы... Он, казалось, без сожаления передавал бразды правления в другие руки и, должно быть, думал, что оно и к лучшему в такое суматошливое... время — пусть «они» похозяйничают. Пусть покажут себя «эти» социалисты, на что они способны. Полагаю, что Д. Багалей тогда плохо различал большевиков, меньшевиков, социалистов-революционеров...»[102]

Через несколько месяцев так же бесславно прекратила существование и эта Дума, после чего Багалей перестал часто появляться на публике. За период существования в Харькове правительства Донецко-Криворожской республики в 1918 г. профессор старался не выходить за пределы своего дома на ул. Технологической, 7. Он появился лишь на одном публичном мероприятии — на собственной, не особо афишируемой лекции по теме «Смена культур на территории русского государства»[103]. И лишь с приходом немцев прибыл на заседание собранной вновь Харьковской думы.

Остальные представители украинского движения были маргиналами в Харькове и тем более в Донбассе вплоть до прихода туда немцев. Их попытки создать более или менее массовую организацию или выпустить хоть сколь-нибудь окупаемую газету в этом регионе неизменно проваливались, хотя предпринимались неоднократно.

Открытие бюста Пушкина в Харькове в 1904 году

Первую попытку издать в Харькове газету на украинском языке предпринял упомянутый выше экстремист Николай Михновский, который 31 октября 1904 г. пытался организовать взрыв местного памятника Пушкину, с помпой водруженного в центре города за несколько месяцев до этого. В вину русскому поэту, чтимому харьковцами, вменили тот факт, что на территории Украины на тот момент не было ни одного памятника Тарасу Шевченко. Кроме того, Пушкин должен был ответить за «подло-лживое изображение в своих произведениях фигуры нашего патриота гетмана Ивана Мазепы»[104]. Террорист из Михновского вышел никудышный — взрывом были выщерблены четыре камешка из пьедестала и повреждено стоявшее рядом дерево. Харьковцы того поколения даже не заметили сего «теракта» (на тот момент город пережил уже куда более серьезные взрывы и покушения на высокопоставленных лиц), а нынешнее поколение жителей Харькова и по сей день любуется памятником Пушкину, пережившим не одно поколение Михновских.

Николай Михновский

Неудавшийся террорист 25 марта 1906 г. выпустил газету «Слобожанщина»,[105] которой хватило лишь на один номер! Местная публика читать украинскую прессу не возжелала, а посему эксперимент прекратился на самом старте. Через шесть лет Михновский повторил свою попытку, издав упомянутую выше газету «Сніп», которую позиционировал как «украинское издание для интеллигенции», поскольку на широкую публику уже

не рассчитывал. Эту газету, благодаря финансовой поддержке местной меценатки Христины Алчевской (урожденной Журавлевой), в которой вдруг проснулась страсть к украинскому подвижничеству, удалось растянуть на несколько номеров, но на год ее тоже не хватило. 30 декабря 1912 г. в прощальном номере газеты сам Михновский честно пояснил причину ее закрытия: «"Сніп" погибает смертельно раненный равнодушием наших граждан, а не действиями врагов. Не кары и штрафы, которые обильно сыпались на нас, но равнодушие нашего общества является причиной смерти "Снопа"»[106]. Как видно из этого признания, харьковцы были абсолютно равнодушны к «украинскому вопросу», что подтверждается свидетельствами с различных сторон.

И даже в 1917 г., когда публика жаждала новостей, а в Харькове с разной долей успеха издавались десятки газет на разных языках, украиноязычная пресса так и не смогла получить достойную аудиторию. Как ни пытался Гнат Хоткевич раскрутить свое «Рідне слово», но и эта газета смогла выдержать лишь 22 номера, так и не найдя достаточную читательскую аудиторию.

Харьковский исследователь Леонид Мачулин связывает начало организационной работы украинских партий в Харькове с приездом в город представителя Украинского Войскового Генерального Комитета Николая Чеботарева — это произошло лишь 1 мая 1917 года.[107]

В Харькове в тот период собирались немногочисленные демонстрации под желто-синими флагами, в некоторых городах Донбасса об «украинском вопросе» вообще не было слышно. В том же апреле в Харькове был собран Первый Украинский съезд Слобожанщины, который, кстати, проходил под желто-голубыми и красными знаменами, поскольку основная масса деятелей «украинства» исповедовала модные в те годы социалистические идеи. На съезде прозвучал протест в связи с включением Харьковской губернии в Московский военный округ. При этом полного единодушия среди слободских украинцев достичь не удалось. В частности, эсер Коряк с одобрения социалистов предупредил собравшихся: «Остерегайтесь, остерегайтесь, остерегайтесь тех, кто зовет вас идти под сине-желтыми тряпками»[108].

Однако уже летом 1917 года, с усилением активности Центральной Рады и с ростом общероссийских проблем, связанных с «украинским вопросом», в промышленных регионах Юга России началось беспокойство в связи с заявлениями украинской интеллигенции о принадлежности Донецкого и Криворожского

бассейнов будущей автономной Украине. Многие Советы промышленных регионов Слобожанщины и Донбасса восприняли Первый Универсал Центральной Рады в штыки. Газета «Известия Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов», к примеру, статью об этом событии поместила под заголовком «Вздорный поступок».[109]

Универсал был воспринят как демарш, и не более того. Промышленные регионы Юга России не отождествляли себя с Украиной, считая, что та ограничена пределами пяти губерний, лежащих западнее Харьковской и Екатеринославской. При этом в 1917 году началось постепенное политическое объединение регионов, имевших общие экономические интересы.

«...И РОДИНУ НАРОД САМ ВЫВОЛОК НА ГНОИЩЕ, КАК ПАДАЛЬ...»

К тому времени вся Россия была охвачена ежедневно разраставшейся анархией. Импотенция центральной власти породила желание в различных регионах павшей империи каким-то образом отгородиться от бардака, царившего в столице. Разговоры об автономии, федерации, самоуправлении стали всеобщим явлением для России. Не были исключением ни Донецко-Криворожский регион, ни Украина.

Стоит еще раз особо подчеркнуть: требования автономий, республик, невероятных государственных и полугосударственных образований внутри самой России стали звучать повсеместно. События в Харькове, Киеве, Одессе или в Крыму, где создавались свои административные единицы, необходимо рассматривать в этом, общероссийском, контексте.

С Россией кончено. На последях
Ее мы прогалдели, проболтали.
Пролузгали, пропили, проплевали.
Замызгали на грязных площадях.
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик да свобод,
Гражданских прав? И родину народ
Сам выволок на гноище, как падаль...

Максимилиан Волошин
«Мир»

Провозглашение той или иной республики (включая и Украинскую) стало темой всевозможных фельетонов и насмешек. Говоря об «уездном сепаратизме» в 1917—1918 гг., участник «белого движения» Я. Александров, смачно описывал различные экзотические

«республики», созданные помимо Донской, Украинской, Кубанской, Терской или Грузинской: «В безлюдных Задонских степях, среди удивленных верблюдов, кочевало астраханское правительство с атаманом, министрами и прочими атрибутами заправского государства. Кормившееся при помощи бумажных денег Российского Имперского образца, щедро отпечатанных Лейпцигскими типографиями. В калмыцких кочевьях Ротмистр Кн. Тундутов объявил себя калмыцким владыкой... Все это шумело, галдело, заводило свои парламенты и конституции, формировало армии, производило в чины, печатало деньги и требовало все большей и большей независимости»[110].

Известный русский писатель, уроженец Киева Марк Алданов был склонен объяснять природу «местного сепаратизма» довольно упрощенно (при этом сам писатель признался, что лично столкнулся лишь с одним видом сепаратизма — «комедией украинской самостийности»). Он объяснил это явление всего лишь «комплексом Алкивиада» — по имени древнегреческого авантюриста, который, узнав, что его дорогой собакой афиняне перестали восторгаться, велел отрубить ей хвост.

Называя создание многочисленных республик на территории Российского государства «сезоном политического фарса», Алданов писал из-за рубежа: «К нам часто приходят вести о кабинетах, совещаниях, конференциях, заседающих в столицах так называемых «чушь-республик». Иногда Рейтер уныло делает попытку сообщить фамилии главных деятелей этих кабинетов — и всякий раз почему-то кажется, что фамилии ими перевраны: так нам трудно привыкнуть к мысли, что премьерами, президентами, министрами могут быть люди решительно никому на свете неизвестные. А между тем, именно в этой совершенной неизвестности весь raison dêtre [смысл существования. — *Авт.*] подобных правительств». «Если бы не было самостийности, — поясняет писатель, — то кто бы знал... премьера Голубовича и «генерала» Петлюру?»

В 1922 г. Алданов прогнозировал: «Пройдут года — и конечно многое переменится. Мы узнаем, вероятно (уже есть кое-какие прецеденты), что 99% сепаратистов были сепаратистами только временно, по дальновидным тактическим соображениям, а в глубине души неизменно держали курс на «единую и неделимую»... Малая история составит в алфавитном порядке список темных людей, бывших министрами, президентами и послами. Это будет с ее точки зрения необходимое и достаточное объяснение всему случившемуся»[111].

Подчеркнем, что все эти красочные описания и оценки касались не только забытых ныне государственных образований, появлявшихся как грибы в России, но и тех, которые ныне изучаются в школах и считаются предтечей той или иной государственности, — включая Украину, Грузию или балтийские государства. Хотя, конечно, объяснить появление того или иного административного образования, претендовавшего на звание «республики», всего лишь личными амбициями, было бы недостаточно — это явное упрощение проблемы. Корни все-таки стоит искать не только в мечтаниях Петлюры или Артема стать министрами, не только в природе того или иного региона. Эти корни надо искать в общероссийской столице, откуда расползался дух анархии, бардака, бесконтрольности и полной неспособности управлять государством.

По мнению генерала Деникина, началось все с развала центральных силовых ведомств, на который (неважно, сознательно или нет) пошло Временное правительство. Он писал: «Министерство внутренних дел — некогда фактически державшее в своих руках самодержавную власть и вызывавшее всеобщую ненависть — ударилось в другую крайность: оно по существу самоупразднилось. Функции ведомства фактически перешли в распыленном виде к местным самозванным организациям... Представителей центральной власти на местах не стало»[112].

Пока Петроград утопал в словоблудии по поводу судеб Отечества, пока популисты-временщики форматировали и переформатировали правительство с соответствующей приставкой «Временное», на местах постепенно начинали осознавать полную бесконтрольность со стороны государственной столицы. «О провинции никто не заботился, — вспоминал екатеринославский журналист Зиновий Арбатов. — Все эти маленькие уездные Александровски, Павлограды и Бахмуты жили своей отдельной жизнью; как-то по-своему переделывали житейские формы на новый революционный лад; забытые центром, лишенные авторитетной и определенной власти уезды быстро катились к самой страшной анархии. Всякий уезд, каждая волость создавали для себя особые им выгодные законы. Губернская власть, занятая собственными заботами и, в свою очередь, не получавшая никаких указаний из Петрограда, распространяла свои действия и мероприятия только в масштабе губернского города и все видимо катилось к пропасти»[113].

Отсутствие власти порождало хаос. Постепенно, с каждым месяцем хаос нарастал и приводил к росту погромов и беспоряд-

ков. Вот как газета «Русские ведомости» описывала ситуацию на местах к сентябрю 1917 г: «По всей России разлилась широкая волна беспорядков. Киев, Бахмут, Орел, Тамбов, Козлов, Ташкент, запад и восток, центр и окраины попеременно или одновременно становятся ареной погромов и разного рода беспорядков. В одних местах беспорядки возникают на почве продовольственных затруднений, в других толчок к ним дает разгром солдатской толпой винного склада, в третьих просто никто не в состоянии ответить на вопрос, отчего возникли беспорядки. Город жил, казалось, мирной жизнью, но неожиданно толпа выходит на улицу и начинает разбивать лавки, творить насилия над отдельными лицами, подвергать самосуду представителей администрации, хотя бы эта администрация и была выборной... Толпа в худшем смысле этого слова все более выходит на улицу и начинает чувствовать себя господином положения, не признавая над собой никакой власти. Иногда эта толпа выкидывает те или иные большевистские лозунги, но по существу ее нельзя назвать даже большевистской или анархической. Просто толпа, как толпа: темная, глубоко невежественная, не признающая ничего, кроме грубо личных интересов»[114].

В итоге отчаявшиеся дождаться помощи от центра регионы начинали сами искать пути обуздания анархии. Вот как в 1917 г. описывал процесс формирования «независимых республик» на обширной территории Российской империи американский сенатор Уильям Бора: «Абсолютный хаос, который следует за попыткой миллионов людей, лишенных разумного руководства, без должного понимания идей свободы, тщетно предпринять попытки собственными силами установить самоуправление». Влиятельный немецкий журналист Максимилиан Харден писал о России как о «новых Балканах, включающих в себя большие и маленькие Эльзас-Лотарингии»[115].

Чаще всего попытки создания тех или иных «республик» (а этот процесс начался с середины 1917 г., то есть за несколько месяцев до провозглашения ДКР) никак не были связаны со стремлением отделить тот или ной регион от России. К примеру, провозглашение «самостоятельного государства» в Области Войска Донского рассматривалось «не в целях сепаратизма, а просто в силу сложившейся общероссийской обстановки впредь до водворения порядка в России»[116].

Может быть, это кому-то покажется парадоксальным, но довольно часто провозглашение очередного административного образования с каким-нибудь звучным названием было вызвано

как раз стремлением побороть сепаратизм, предотвратить распад единого государства. Как мы увидим ниже, создатели Донецко-Криворожской республики также руководствовались этим стремлением.

ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКАЯ ОБЛАСТЬ — ПОКА БЕЗ УКРАИНЫ И БЕЗ БОЛЬШЕВИКОВ

Принято считать, что первые шаги по организационному оформлению структур Донецко-Криворожского промышленного региона были предприняты Временным правительством, создавшим 13 марта 1917 года Временный комитет Донецкого бассейна (он же — Временный Донецкий комитет). Однако не надо забывать, Временное правительство под руководством князя г-на Львова было создано всего за 11 дней до этого и физически не успело бы провести организационную работу по формированию комитета.

На самом деле, подготовительные работы по его созданию были проведены еще царским правительством при поддержке лоббистских структур горнопромышленников Юга России. Министру торговли и промышленности А. Коновалову (лидеру Прогрессивной партии) оставалось лишь утвердить решение Особого совещания по топливу и энергетике от 3 марта, то есть принятое буквально на следующий день после формирования Временного правительства. Совещание постановило: «Горная и горнозаводская промышленность Юга России, питающая страну топливом и металлом, требует ныне быстрых и решительных мер... Деятельность Временного комитета распространяется на горные и горнозаводские предприятия в губерниях Екатеринославской, Харьковской, Таврической, Херсонской и Области Войска Донского». 13 марта это решение было утверждено Временным правительством.[117]

Руководителем комитета был назначен инженер М. Чернышов. Представитель правительства получал право «вето» на любое решение данной структуры. В комитет вошли три представителя оборонных структур правительства (в том числе депутаты Госдумы), четыре человека представляли ССГЮР, еще четверо были делегированы Советами рабочих депутатов от разных губерний — практически все «рабочие» представители были меньшевиками и эсерами, включая главу «рабочей фракции» Цукублина.

Таким образом, впервые был создан официальный орган, координирующий работу предприятий и организаций в рамках всего промышленного региона, вне зависимости от административных границ губерний и уездов. Очень важно также учесть, что сам комитет обосновался в Харькове.[118] Фактически это означало, что данный город стал признаваться как некий центр всего региона на уровне центральной российской власти (до этого, напомним, Харьков был фактическим центром работы Съездов горнопромышленников, которые, по-видимому, и повлияли на решение Временного правительства).

Донецкий комитет нельзя рассматривать как орган политической власти. Несмотря на то что он призван был обеспечивать деятельность уполномоченных различных Особых совещаний в Донбассе, в конечном итоге работа комитета большей частью заключалась в разрешении массы трудовых споров между собственниками и менеджментом предприятий, с одной стороны, и рабочими коллективами и Советами, с другой. Характеризуя факт появления Донецкого комитета, Фридгут пишет: «Наконец-то центральные власти проявили хоть какую-то инициативу по формированию органа, который был призван интегрировать все слои общества для достижения общего интереса, а не представлять друг друга антагонистами»[119].

В Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины сохранились разрозненные дела Временного комитета Донбасса, находящиеся ныне в довольно плачевном состоянии.[120] Однако до сих пор эти документы, как и деятельность комитета в целом, не стали предметом серьезного изучения. Известно, что этот орган совместно с горнопромышленниками предпринял уже в марте 1917 г., то есть сразу после создания, попытку примирить интересы предпринимателей, правительства и рабочих. Для этого была созвана совместная с рабочими конференция, на которую были делегированы представители 21 рабочего Совета Донбасса. Она прошла при непосредственном участии членов Временного комитета Донецкого бассейна, депутатов Госдумы Анатолия Добровольского и Ивана Тулякова, только что назначенного петроградским правительством на пост комиссара Харьковской губернии.

Однако все эти попытки ни к чему не привели. Временный комитет был завален обращениями о нерешенных трудовых спорах и жалобами заводчиков по поводу своеволия местных Советов, но реальных механизмов повлиять на ситуацию у него не было. По мере радикализации общества предприниматели постепен-

но лишались права голоса в любых структурах. Поэтому, судя по статье К. Ворошилова в луганской газете «Донецкий пролетарий», уже в июне 1917 г. представители Временного комитета встречались пролетариями настороженно, а как только речь заходила о необходимости координировать действия рабочих с бизнесменами, воспринимались в штыки. «Для того, чтобы рабочие работали усиленно, необходимо платить им столько, чтобы можно было хоть впроголодь существовать, а это и не входит в компетенцию представителей Донецкого комитета», — подытожил Ворошилов настроения рабочих, быстро потерявших интерес к официальной правительственной структуре региона.[121]

Вскоре деятельность Донецкого комитета была сведена на нет, а сам он был распущен в феврале 1918 г. как абсолютно бесполезный орган. Итоги работы этого органа в довольно резкой форме подвела местная пресса: «Комитет не построил ни одной версты подъездных путей, не достал ни фунта керосина для рудников, не представил ни пуда хлеба рабочим, ни одного аршина мануфактуры. Он являлся свидетелем гибели Донецкой промышленности и фиксировал ее в своих входящих и исходящих бумагах. Он одинаково потерял всякий авторитет как среди рабочих, так

Туляков Иван Никитич

Родился 26 сентября (8 августа) 1877 г. в Тамбовской губернии. Потомственный крестьянин. Член РСДРП (меньшевик).

Жизнь и смерть Тулякова — наглядная иллюстрация того, как революция мгновенно возносит людей с низов на вершины и низвергает их обратно.

Крестьянин, солдат, рабочий Сулинского завода в Ростове, Туляков от РСДРП (объединенной) осенью 1912 г. избран депутатом 4-й Госдумы. В феврале 1917 г. он — на вершине популярности, активный участник революции, пламенный трибун, популярный в рабочих и солдатских массах. В марте совместно с адмиралом Колчаком принимает парад Черноморского флота в Севастополе как представитель Временного правительства. 16 марта назначен комиссаром правительства (по сути, губернатором) в Харьковскую губернию. С июня 1917 г. — член ВЦИК по квоте меньшевиков.

С падением популярности Временного правительства катастрофически падает популярность его комиссаров, включая Тулякова, который был уже к концу лета фактически отстранен от процесса принятия решений местными Советами.

Примерно в мае 1918 г., всеми преследуемый и забытый, расстрелян неизвестными лицами. С момента триумфа «крестьянского депутата» прошло чуть больше года.

Приблизительно в это же время под Пятигорском расстрелян (предположительно большевиками) еще один депутат Госдумы, член Временного комитета Донбасса А. Добровольский.

и среди промышленников. Хороший замысел был сведен к нулю его исполнителями»[122]. Некоторых членов комитета, включая «всесильного» комиссара Харьковской губернии Тулякова, уже очень скоро ждала печальная судьба.

Однако свою роль в формировании идеи неделимости Донецко-Криворожского бассейна как цельного экономического региона Временный комитет сыграл. Постепенно административные границы между губерниями этого региона стирались. По мере ослабления центральных органов власти местные Советы и даже отдельные предприятия начинали выстраивать между собой горизонтальные связи, полностью игнорируя административно-территориальное деление царской России.

Особенно тесно интегрировались между собой шахтерские районы Донбасса в Екатеринославской губернии и Области Войска Донского. К примеру, металлургический завод в Юзовке, имевший большие аграрные участки, поставлял зерно на шахты донских земель. Различные политические организации формировали свои структуры и даже местные Советы исключительно исходя из своих партийных интересов. Например, юзовские меньшевики вышли с инициативой сформировать районный Совет, который, помимо Юзовки, включал бы некоторые города Екатеринославской губернии и Области Войска Донского: Макеевку, Енакиево, Константиновку, Краматорск. При создании такой административной единицы большевики оказались бы там в меньшинстве, а потому не поддерживали такую инициативу, борясь за более крупные объединения, выгодные их партии.[123]

Ниже мы увидим, что структуры различных партий, в том числе большевиков, формировались без строгой привязки к административным границам губерний, а к осени 1917 г. идея объединения экономических регионов Донецко-Криворожского бассейна в единую административную единицу окончательно сформировалась и стала доминирующей среди местных региональных элит края — как промышленных, так и политических.

Такие стремления проявились уже 15 марта 1917 г., то есть через два дня после формирования Временного комитета Донбасса. В этот день в уездном центре Бахмуте собрались 132 делегата (по некоторым данным, 138) от 48 Советов, представлявших 187 тыс. рабочих края. Практически это был первый шаг к формированию единой структуры власти для Донбасса. Делегаты одобрили уже витавшую в воздухе идею об объединении промышленных районов нескольких губерний в одну административную область и выдвинули делегатов на первый съезд Советов Донецко-Криво-

рожской области в Харьков, а также на Всероссийское совещание Советов в Петроград.[124]

Как видно из информационного сообщения о формировании юзовских Советов, на районном съезде в Бахмуте была выработана следующая структура: «уездный, губернский и областной Советы непосредственно сносятся с Петроградом»[125]. Ни о каком промежуточном звене между областью и столицей России речи идти не могло, ни о какой Украине на тот момент даже вопрос не стоял. Необходимо подчеркнуть: в то время большевики были еще в значительном меньшинстве в регионе, Советы (в том числе рабочие) были преимущественно меньшевистскими и эсеровскими. Что бесспорно доказывает: формирование Донецко-Криворожской административной единицы, подотчетной непосредственно общероссийской власти было начато без большевиков и даже без Артема, который в те дни находился еще далеко от России.

С 25 апреля по 6 мая 1917 г. в Харькове состоялся первый областной съезд Советов рабочих депутатов Донецкой и Криворожской областей, на котором завершился процесс административного объединения Харьковской, Екатеринославской губерний, Криворожского и Донецкого бассейнов. Область была разбита на 12 административных районов, в каждый из которых входило 10—20 местных Советов. «Такое районное деление Советов Донецко-Криворожского бассейна игнорировало старое административное деление, — отмечает Поплавский. — Уездные города — Славяносербск, Бахмут, Павлоград с доминирующим мелкобуржуазным, мещанским населением — исключались как центры объединения местных Советов. На смену им появлялись большие... промышленные центры — Луганск, Кадиевка, Дебальцево, Горловка, Макеевка и др.».[126] Отметим, что некоторые из этих центров (например, Макеевка) относились к Области Войска Донского, а некоторые (например, Кривой Рог) — к Херсонской губернии. Таким образом, Советы фактически положили в основу нового регионального образования административное деление, неформально применявшееся Съездами горнопромышленников Юга России.

В конечном итоге областной съезд принял положение об организационной структуре Советов Донецко-Криворожской области, которая была разбита на 11 районов: Харьковский, Екатеринославский, Александровско-Грушевский, Новочеркасский, Таганрогский, Луганский, Чистяковский, Юзовский, Ровенско-Должанский, Криворожский и Ростово-Донской.[127] Эти терри-

тории в итоге и составили Донецко-Криворожскую республику (в обращении правительства ДКР от 7 апреля 1918 г. границы республики обозначаются этими землями и, сверх того, территориями Херсонской губернии вплоть до Крымского перешейка).

В ходе подготовки и проведения I областного съезда Советов за Харьковом была фактическая закреплена и роль областного центра. На съезде 170 делегатов обсуждали огромное количество вопросов, включая вопросы об отношении к войне или о заработных платах рабочих. В конечном итоге на многопартийной основе был сформирован постоянно действующий орган — Областной комитет Советов, который возглавил 33-летний харьковец (проживал по адресу Куликовская, 8[128]), помощник присяжного поверенного Лазарь Голубовский, принадлежавший к партии левых эсеров.

С самого начала работа обкома Донкривбасса не задалась, с чем соглашались позже представители различных политических сил. Одна из серьезных проблем этого органа заключалась в том, что постоянно менявшаяся политическая обстановка стремительно изменяла и настроения населения в сторону их радикализации. На момент формирования обкома большевики были абсолютными маргиналами в регионе и, соответственно, в Советах. А по мере роста их популярности в промышленных регионах росла и их неудовлетворенность своей слабой представленностью в областном органе власти. Именно поэтому большевики пытались постоянно блокировать работу обкома и требовали его перевыборов — особенно после июльских событий в Петрограде, когда популярность их партии повсеместно поползла в гору.

Для решения этой проблемы 1—2 сентября в Харькове была созвана областная конференция Советов. Однако ввиду корниловского мятежа ее работа была скомкана, а саму конференцию было решено считать «совещанием».[129]

II областной съезд Советов Донецко-Криворожского бассейна удалось собрать 6 октября, когда в промышленных регионах уже превалировали большевики, а в Донбассе обострилась борьба рабочих Советов с казаками, устраивавшими карательные операции против бастовавших шахтеров. Представители РСДРП(б) в итоге уже были в относительном большинстве на съезде (из 130 делегатов 47 были большевиками, 41 — меньшевики, 34 — эсеры, 8 делегатов были беспартийными). Усилили свои позиции ленинцы и в обкоме. Но поскольку они вновь не получили там большинства, продолжали блокировать его работу. Советские историки поясняли это тем, что якобы при формиро-

вании состава съезда меньшевики выдали своим сторонникам 50 «незаконных» мандатов.[130]

Большевик М. Жаков (будущий нарком ДКР) так обрисовал первые месяцы работы обкома после переформатирования: «На первых же заседаниях Областного комитета мы столкнулись с тем, что фракции меньшевиков и с.-р., благодаря представительству от партийных центров получили преобладание, в то время как на съезде большинство в один голос было обеспечено нам. Это парализовало работу Областного комитета. Мы не могли при таком положении разрешить ни одного принципиального вопроса и занимались только вермишелью»[131].

Артем на II съезде также выступил с резкой критикой обкома: «Я критикую Областной комитет не за бездеятельность, а за деятельность, направленную против рабочего класса. Комитет был канцелярией министерства труда». А делегат от Юзово-Макеево-Петровского района обвинил обком в том, что тот занимался исключительно партийной работой: «В своей работе вел однобокую политику, рассылал рабочим литературу, восхвалявшую соглашателей Церетели и Чернова» [132].

После октябрьского переворота в Петрограде ситуация в областных органах Советов Донкривбасса еще больше усугубилась. Большевики требовали реальной власти в обкоме и поставили на повестку дня его перевыборы, а соответственно — и новый съезд Советов. Тщетно меньшевики и эсеры призывали ленинцев к компромиссам на местном и на общероссийском уровне (сразу после Октября Донецко-Криворожский обком издал воззвание к Ленину с призывом выработать общую линию поведения с другими социалистическими партиями России[133]).

23 ноября 1917 г. большевистская фракция обкома обнародовала свое воззвание «К рабочим Донецкого и Криворожского бассейнов», в котором потребовала переизбрания областного комитета: «Прошлый, II съезд Советов дал большинство в Областном комитете не нам, а тем, кто против политики нашей партии. В результате, сейчас, в момент полного развала власти в нашем бассейне мы должны бессильно опустить руки. Власть революционного правительства рабоче-крестьянской революции большинство нашего Областного комитета отказалось признать, власть Киевского правительства Рады только саботирует возможность действия. От власти Советов Областной комитет отказался. Этим вся власть над жизнью горнорабочих и над их свободой отдана в руки капиталистов и их союзника Каледина... Мы не уходим из Областного комитета. Мы просто говорим вам:

боритесь, но не рассчитывайте на Областной комитет... И попытайтесь выбрать на конференцию тех, кто сумеет из Областного комитета сделать орган борьбы против капиталистов»[134].

После этого, по словам Жакова, «Областной комитет окончательно умер»: «Фактически даже вермишель рассматривалась только большевистским по составу президиумом, ибо никто на заседания Областного комитета после трех раз не являлся». Хотя Голубовский возражал на обвинения Жакова: «Меньшевики и эсеры... не желали пользоваться большинством. Областной комитет вообще был неработоспособен, и был бы таким, если бы там было даже только 2 меньшевика»[135]. Тем самым даже глава обкома вынужден был признать резонность заявлений большевиков о неэффективности данного органа власти вплоть до января 1918 года.

Справедливости ради надо заметить, что при всей неэффективности Областного комитета Советов и его президиума, занимавшегося «вермишелью», другие органы власти в регионе к осени 1917 г. вообще прекратили свое существование. С Октябрем исчезли и номинальные представители центральной власти. А местная выборная власть в лице городских дум уже мало кем праздновалась. Посему, скажем, решение пленума Харьковского городского Совета от 11 декабря 1917 г. о роспуске «реакционной Думы» даже противники большевиков восприняли с облегчением: мол, отмучилась.[136]

Таким образом, к концу 1917 г. большевики уже были мощной политической силой в рамках Донецко-Криворожского региона. Как же так получилось, если еще летом 1917 г. шахтеры Донбасса на коленях клялись бороться с большевизмом? Как маргинальная политическая сила буквально за несколько месяцев превратилась в столь влиятельного игрока на региональном уровне? Как популярные в момент Февральской революции социалистические партии так растеряли свое преимущество перед более радикальными союзниками?

АРТЕМ: РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ

Действительно, к периоду Февральской революции 1917 г. функционировавшая в подполье РСДРП(б) в рабочих регионах Юга России представляла собой довольно печальное зрелище. Лишенные лидерства, ярких личностей, единой организацион-

ной структуры, большевики Донбасса пребывали в постоянном ожидании редких и довольно непродолжительных наездов агитаторов из Петрограда или Москвы. Таким, например, был небезызвестный Лазарь Каганович, к началу 1917 г. нелегально проживавший в Юзовке под именем Бориса Кошеровича и работавший вплоть до апреля на обувной фабрике «Новороссийского общества». Будущий глава СССР, а тогда простой рутченковский слесарь Никита Хрущев позже признавался, что именно пламенные речи Кошеровича вдохновили его на политическую деятельность: «Мы с ним познакомились буквально в первые дни Февральской революции. Он тоже работал в Юзовке и выступал на первом же митинге, который проводили тогда в Юзовке, а я на нем присутствовал... Потом вторично, через неделю-две, мы собрались в Юзовке, там же был Каганович. Он прибыл от Юзовской организации и довольно активно вел себя на этих совещаниях... Кагановичу я не только доверял и уважал его, но, как говорится, и стоял горой за него»[137].

Один из юзовских рабочих, вспоминая позже Хрущева в первые дни после Февральской революции, признавался, что горняки и металлурги тогда ничего не знали о РСДРП(б): «Многие товарищи из рабочих не понимали тогда хорошо, кто такие большевики, и Никита Сергеевич популярно объяснил им, что большевики — это значит долой войну, долой министров-капиталистов, а шахты, заводы — все это будет наше, рабочих»[138]. Для уточнения надо бы заметить, что Хрущев вступил в партию большевиков лишь в феврале 1918 г. (то есть будучи уже жителем ДКР), но данные воспоминания наглядно демонстрируют, на каком уровне тогда велась агитация большевиками в рабочих поселках. Неудивительно, что на протяжении всех первых месяцев после Февраля петроградский штаб РСДРП(б) был завален просьбами с мест, в том числе и с Юга, о присылке опытных ораторов.

Одним из таких ораторов, внесших заметный вклад в организацию большевистских ячеек на Юге России и, в частности, в Донбассе, был популярный в рабочей среде екатеринославец, бывший депутат Госдумы Григорий Петровский. Не менее яркой личностью был луганец Юрий Лутовинов, которого Фридгут называет «прекрасным примером разъезжего продавца революции»[139] (позже Лутовинов станет одним из наркомов второго состава правительства ДКР и сыграет в ее судьбе роковую роль). Тот еще в январе 1917 г. объездил Екатеринослав, Одессу и Николаев с тщетной попыткой созвать нелегальную конференцию большевиков всего Юга.

Однако все эти попытки не приводили к должному результату — РСДРП(б) довольно долго оставалась маргинальной силой в рабочих регионах Южной России (исключение составлял разве что Луганск). Как пишет Фридгут, «большевики Донбасса начинали свое легальное существование как маленькая, невлиятельная, непопулярная группка»[140].

Первую легальную конференцию большевиков, которую можно было бы назвать координирующей, удалось собрать уже 5 марта 1917 г. в Екатеринославе, пытавшемся претендовать на роль регионального партийного центра. Но представляла она всего 334 большевика самого Екатеринослава и несколько организаций Донбасса, насчитывавших всего лишь 500 членов партии.[141]

Многие мемуары старых донецких большевиков наполнены жалобами на то, что их немногочисленные митинги постоянно освистывались толпой, которая не брезговала и тем, что порой

Лутовинов Юрий (Иван) Хрисанфович

Родился в 1887 г. в Луганске. Выходец из крестьян. Токарь Луганского патронного завода. С 17 лет — большевик.

Профессиональный революционер, который так и не смог найти себе иного применения после свершения дела своих рук.

В общей сложности 9 раз арестовывался, 5 лет провел в тюрьмах, дважды приговаривался к ссылкам и оба раза бежал. С 1916 г. пытался координировать работу большевистских организаций в Донбассе. Солженицын в «Красном Колесе» вспоминает эти попытки Лутовинова: «А — дельный парень Лутовинов. А — свой. — Слушай, а не взять тебе в руки весь Юг, а? Давай прихватывай Воронеж, Харьков, Северный Кавказ, а? Давай вот думать, кто у нас из тех городов, или связан, и сколько человек надо?»

Был избран делегатом Всероссийского Учредительного собрания. В 1918 г. назначен заместителем главы правительства Донецко-Криворожской республики.

Во время Гражданской войны — вновь на подпольной работе в оккупированной немцами Украине. После войны стал видным деятелем профсоюзного движения, членом президиума ВЦСПС, где также продолжил свою оппозиционно-подпольную деятельность. В 1920 г. наряду с Шляпниковым стал одним из лидеров «рабочей оппозиции» в партии, требовал передать контроль за всей промышленностью «всероссийскому съезду производителей» (видимо, пример съездов горнопромышленников вдохновил луганчанина). В 1921 г. был послан в советское торгпредство в Берлине, где стал устраивать скандалы и интриговать, за что вскоре был оттуда отозван.

Роман Гуль приписал Лутовинову слова: «И революция наша сволочная, и революционеры наши сволочь... все возвращается к старому. Честным людям ни жить, ни работать нельзя».

Был ненавистником нэпа настолько, что 7 мая 1924 г. пустил себе пулю в лоб в знак протеста против экономической политики и «бюрократизации» партии.

побивала ленинцев. По этому же поводу жаловался на VI съезде РСДРП(б) в июле 1917 г. и секретарь Екатеринославской парторганизации Яков Эпштейн: «Донецкая область имеет исключительное значение для России. Это — нерв, центр всей промышленной жизни России. Работа же в этой области поставлена хуже, чем где-либо... Наши агитаторы даже избиваются, и приходится нередко спасаться от самосуда толпы»[142].

Свои жалобы Эпштейн, как и многие большевистские деятели Донбасса в тот период, сопровождал мольбой о присылке в регион опытных ораторов и организаторов: «Достаточно одного-двух работников, чтобы наше влияние было обеспечено... В массе есть склонность к большевизму, но очень мало работников. О партийной работе большинство не имеет никакого представления... Даже в крупных городах нет пропагандистско-агитаторских коллегий... В наш район нужно послать старых, опытных партийных работников»[143].

На том же съезде делегат из Никитовки обратился к руководству партии с письменной просьбой прислать хотя бы самую мелкую сошку для агитации на рудниках (сохраняем стиль послания): «Товарищи, прошу вас от имени партии пришлите нам в Донецкий бассейн работника, а именно Щербиновский, Нелеповский и Никитовский рудники страшно нуждаются в работниках для партии, так как я незначительный работник и еще не могу решить задачи 2×2, и то приходится работать на три рудника, и я каждое время боюсь, что наша партия рассыплется, потому что у эсеров и меньшевиков есть лекторы и туда многие члены нашей партии стремятся, еле приходится удерживать от распада, уговариваем только обещаниями, что вот приедет лектор. Поэтому прошу вас, пришлите хотя незначительного, когда не желаете, чтобы распалась организация». Этот крик души свидетельствует о серьезных проблемах в рядах большевиков к лету 1917 года.[144]

Засилье меньшевиков и эсеров в Советах — это была не менее популярная тема в жалобах донбасских большевиков в первой половине 1917 года. Вплоть до осени эти две политические силы, наводнившие край опытными агитаторами из числа ветеранов социал-демократического движения, прочно удерживали свои позиции в большинстве органов новой власти. А на лисичанском заводе «Донсода» председателем Совета рабочих депутатов даже стал кадет — неслыханное дело для того периода![145]

О соотношении сил в регионе красноречиво говорят следующие цифры: к лету 1917 г. в Харькове местная организация меньшевиков насчитывала 4500 членов, эсеров — 3 тыс., а большеви-

ков — всего лишь 150 человек. Даже к осени, когда популярность большевиков заметно подросла по всей стране благодаря июльскому политическому кризису и провалившемуся корниловскому мятежу, в пролетарском Донецком бассейне соотношение членов меньшевистской и большевистской партий составляло 29 тыс. против 16 тыс. Причем большей частью организации РСДРП(б) были разрознены и управлялись напрямую из Петрограда, с которым вопросы согласовывались порой неделями. Как сказал будущий нарком ДКР Жаков, характеризуя ситуацию с партстроительством в бассейне, «слабость и сепаратизм — характерные черты нашего существования»[146].

Преодолеть этот «сепаратизм» (то есть разрозненность партийных организаций) пытались большевики Екатеринослава. 28 июня 1917 г. они постановили созвать 13 июля у себя на ул. Упорной (ныне — улица Глинки) областную партийную конференцию Донецкого бассейна и Криворожского района, на которую были приглашены, помимо местной, организации Харькова, Луганска, Горловки, Юзовки и др. На этой конференции екатеринославские большевики намеревались создать у себя областной партийный центр всего региона. Один из местных большевистских лидеров Н. Копылов (он же Мартын) по этому поводу писал: «Имея областной центр и орган, наша партия в этом районе смогла бы широко развить свою деятельность и поставить агитационно-пропагандистскую работу... Местные организации обычно испытывают острый недостаток в идейных руководителях и пропагандистах. Отсутствие связи по области не дает возможности использовать агитационные силы из других районов»[147].

Екатеринославские большевики недвусмысленно давали понять своим товарищам по партии в Донбассе, что вопрос о будущем региональном центре уже предрешен. Так, местная большевистская газета «Звезда» накануне открытия областной конференции сообщала: «Особо мы обращаемся к комитетам Донецкого района. Наше издательство будет обслуживать не только Екатеринослав, но и весь Донецкий бассейн»[148].

Однако этим планам не суждено было сбыться. С самого начала им противились большевики Харькова, аргументируя свою позицию тем, что раз уж их город стал официальным центром Донецко-Криворожской области, местом проведения областных съездов Советов и месторасположением Областного комитета, то логично было бы партийный центр разместить именно там. Соперничество между большевиками Харькова и Екатеринослава вынудило вмешаться ЦК РСДРП(б), причем последний явно

Газета «Эхо Австралии», издававшаяся Артемом

склонялся к мнению екатеринославцев. Но в конце концов вмешался фактор сильной личности — у большевиков в регионе появился человек, который моментально стал их непререкаемым лидером и восполнил дефицит на яркие фигуры в плеяде местных ленинцев. В Харькове в начале июля 1917 года объявился Федор Артем-Сергеев.

Называются разные даты приезда Артема в Харьков — и май, и июнь. В. Астахова с большой долей вероятности установила, что скорее всего Артем появился в будущей столице ДКР 3 июля 1917 г. Точно известно, что 1 мая он еще был в Австралии — в этот день в г. Дарвин им был организован многолюдный первомайский митинг. Спустя несколько дней он двинулся в долгое путешествие домой. 3 июля его разместили на временную ночевку в Рабочем клубе на ул. Петинской (ныне — ДК «Металлист» на Плехановской, 77).

Эта ночь запомнилась Артему на всю оставшуюся жизнь. Елизавета Репельская рассказала В. Астаховой, что именно в вечер приезда Артема она, молодая большевичка, познакомилась с ним, своим будущим мужем. Судя по ее рассказам, в этот вечер она довольно поздно вышла из Рабочего клуба после митинга, на котором выступала. И в сквере за клубом на нее набросились какие-то хулиганы. Артем, устраивавшийся на свою первую ночевку в родном Харь-

Рабочий клуб, в котором Артем провел первую ночь после возвращения в Харьков

ков, услышав шум, выскочил на улицу и защитил девушку. Поскольку нападавшие разбили ее очки, ему пришлось проводить ее домой, благодаря чему он узнал адрес своей будущей жены.

Театр Муссури, в котором Артем выступал на следующий день после возвращения в Харьков

А уже 4 июля в театре Муссури на ул. Благовещенской (многострадальное здание на ул. Карла Маркса, 28, приходящее ныне в полную негодность) Артем выступал со своей первой публичной лекцией на тему «Война и рабочее движение в Австралии».[149]

Появление Артема наглядно демонстрирует, насколько в политической борьбе важно наличие яркого харизматического лидера. Вокруг этой фигуры моментально стали организовываться разрозненные и доселе грызшиеся между собой партийные структуры большевиков, благодаря чему в кратчайшие сроки в России появился еще один мощный большевистский центр. Артем собрал вокруг себя и целый ряд других незаурядных деятелей, вскоре составивших костяк руководства ДКР.

34-летний Артем на тот момент был уже известной в регионе личностью, своего рода местной легендой. Харьковцы помнили, что именно он, будучи совершенным юнцом, возглавил в городе вооруженное восстание в декабре 1905 г. (в память о тех событиях бывшая Конная площадь Харькова до сих называется площадью Восстания), а затем местная пресса писала о его дерзких побегах из тюрем и ссылок. После Февраля возвращались из эмиграции и из Сибири многие социал-демократы, поэтому возвращение Артема в Харькове также ожидалось.

Самое интересное, что он первоначально не планировал появляться в рядах большевиков, о чем официальная пропаганда в период, когда имя Артема фактически причислили к лику советских святых, старалась не упоминать. 25 июня 1917 г. телеграмма возвращавшегося «блудного сына» была опубликована в меньшевистской газете «Социал-демократ»: «Возвращаясь из Австралии, шлю привет товарищам и соратникам в борьбе за освобождение рабочего класса от всякого гнета и эксплуатации. Надеюсь скоро быть в вашей среде. С братским приветом когда-то Артем, а ныне Ф. А. Сергеев»[150].

Артем (Сергеев) Федор Андреевич

Родился 7 (19) марта 1883 г. в селе Глебово Курской губернии. Выходец из крестьян. Член РДСРП с 1901 г.

Без всякого сомнения, самая яркая личность в истории Донецко-Криворожской республики, чью бурную биографию можно смело брать за основу сценария для остросюжетного телесериала.

Детство провел в Екатеринославе, где в 18-летнем возрасте окончил реальное училище. В 1901—1902 гг. учился в престижном Московском техническом училище, откуда был отчислен за революционную деятельность. Первый раз арестован в возрасте 19 лет. В 1902 г. эмигрировал в Париж, где сблизился с анархистами и прослушал курсы лекций в Русской высшей школе общественных наук.

В 1905 г. возвращается в Россию и, работая машинистом в Харькове, организует там вооруженное восстание. Несколько раз арестовывается и бежит. В итоге приговаривается к пожизненной ссылке в Сибирь, откуда также бежит.

В эмиграции ведет не менее бурную жизнь. Работая грузчиком, чернорабочим, через Китай и Индию добирается до Австралии, где принимает британское подданство и обзаводится британской супругой. Там же создает австралийскую социал-демократическую партию и газету «Австралийское эхо» для русских политэмигрантов.

После Февральской революции 1917 г. возвращается в Харьков, где вскоре возглавляет ДКР. Активный участник Гражданской войны. В ходе обороны Царицына сближается со Сталиным, с которым они жили в одном штабном вагоне. На фронт Артем прибыл со своей второй женой — харьковской большевичкой Елизаветой Репельской.

Во время и после войны пытается воссоздать ДКР, но в конце 1919 г. отзывается партией в Башкирию, а затем — в Москву, где возглавляет столичный комитет ВКП(б).

24 июля 1921 г. Артем погиб возле станции Серпухов при загадочных обстоятельствах во время испытания чуда техники — аэровагона. Его сын Артем стал приемным сыном Сталина, дослужился до звания генерала, командовал дивизией ПВО. Он упоминал, что Сталин сомневался в случайном характере гибели отца, говоря: «Если случайность имеет политические последствия, то к такой случайности нужно присмотреться».

Поскольку Артем погиб «вовремя», то оказался не замазанным будущими сталинскими репрессиями и не стал их жертвой. Вполне мог бы претендовать на роль «украинского Че Гевары», однако ныне имя Артема стараются вычеркнуть из истории Украины. Недавно киевские власти решили улицу Артема переименовать в честь сечевых стрельцов.

Именно в редакции этой газеты и в штабе меньшевиков Артем появился в первый день после своего приезда. Понятно, что, живя на другой стороне планеты и занимаясь созданием австралийской социал-демократической партии, британский подданный Федор Сергеев был не очень хорошо осведомлен о партийных раскладах текущего периода и ему требовалось какое-то время на то, чтобы найти свое место в новых политических реалиях. Без сомнения, его популярность хотели использовать различные социал-демократические партии, поэтому меньшевики сразу предложили Артему место в своих рядах.

Ветеран партии большевиков В. Моргунов, в квартире которого на Ивановке проживал первые недели после возвращения Артем, вспоминал появление того в Харькове: «Товарищ Артем сразу понял, что не туда попал и направился в Харьковский комитет большевиков. Большинство товарищей в комитете лично не знало тов. Артема. Мне приходилось много раз встречаться с тов. Артемом еще в 1905 г., но теперь я с трудом узнал его»[151].

Сложно сейчас сказать, что повлияло на решение Артема примкнуть именно к большевикам, тогда менее популярным в крае, чем зазывавшие его меньшевики. Возможно, это был осознанный идеологический выбор вечного революционера. А возможно, решающим фактором стало именно отсутствие у харьковских большевиков ярких личностей, в то время как местные меньшевики и эсеры не испытывали тогда дефицита в ветеранах российской социал-демократии, хорошо известных далеко за пределами региона. Артему среди них было бы тесно.

Как бы то ни было, но уже 10 июля (то есть всего через неделю после своего возвращения из эмиграции) Артем, устроившийся к тому времени работать на завод Русско-французского общества на станции Основа, принимает самое активное участие в Харьковской общегородской конференции РСРДП(б), которая делегирует его, Матвея Муранова (не менее известного большевика, бывшего депутата Госдумы) и Сергея Буздалина на областную «Южно-Русскую конференцию» — именно так было записано в протоколе собрания. При этом отдельным пунктом было отмечено: «Делегатам на конференцию поручено отстаивать, чтобы областной центр был в Харькове»[152]. Таким образом, харьковские представители ехали в Екатеринослав со своим особым мнением по поводу размещения партийного регионального центра, расходящимся с мнением организаторов мероприятия.

Споры о партийной столице большевиков Донецко-Криворожского региона стали основным камнем преткновения на пер-

вой Южно-Русской областной партконференции, прошедшей в Екатеринославе 13—15 июля. Обращает на себя внимание географическое происхождение делегатов, представлявших 13 648 членов партии: Екатеринослав, Харьков, Юзовка, Ростов, Таганрог, Новочеркасск, Луганск, Бахмут, Мариуполь, Горловка, Макеевка, Енакиево, Кривой Рог и ряд шахт Донбасса. Таким образом, большевики края, как и горнопромышленники, выстраивали свою структуру вне зависимости от административных границ губерний, привлекая организации промышленных районов соседней Области Войска Донского. Те, в свою очередь, организовались в августе в окружную организацию, сохраняя подчинение областному комитету Донецко-Криворожской области.[153] Практически в этих границах позже создавалась и Донецко-Криворожская республика.

Областную конференцию первоначально хотели провести в два дня, обсудив массу вопросов. Однако склока из-за месторасположения партийного центра вынудила растянуть мероприятие еще на день и свести всю повестку дня фактически к пункту о партийном строительстве областной структуры. Вот как описывает ход мероприятия луганская газета «Донецкий пролетарий»: «По вопросу о партийном строительстве было решено создать областной комитет в Харькове. Вопрос этот вызвал прения, ибо были сторонники образования областного комитета в Екатеринославе, но Харьков взял перевес по своему местоположению». Стоит отметить, что данное решение было принято незначительным большинством — 14 против 11 голосов, притом что в момент голосования 4 екатеринославских делегата по каким-то причинам отсутствовали.[154]

Таким образом, партийный центр большевиков разместился в Харькове, уже бывшим на тот момент фактической столицей Донецко-Криворожской области. Это способствовало врастанию партии в структуры региональной власти и дальнейшему овладению этой самой властью.

Наверняка при принятии данного решения сыграли свою роль авторитет Артема и его талант убеждения. Во всяком случае, он сам был сразу же избран секретарем Областного комитета партии, в который помимо него вошли еще шесть человек: В. Быстрянский (Ватин), А. Залмаев, А. Каменский, Э. Квиринг, Н. Копылов, М. Острогорский. Помимо этого, было принято важное решение о создании областного печатного органа партии — газеты «Донецкий пролетарий». Как мы убедимся ниже, это решение также сыграло важную роль в организации ДКР.

На этом споры об областном партийном центре прекратились, однако екатеринославцы явно были уязвлены тем, что их обошли харьковцы. Несмотря на то что лидеры екатеринославской организации Квиринг и Ватин были включены в руководящий орган областной организации, в октябре на пленуме обкома отмечалось: «Екатеринослав же обособился в особую единицу и области не помогает»[155]. Некоторая обособленность Екатеринослава от процессов, происходивших в регионе, чувствовалась и далее.

В результате этого объединения к VI съезду РСДРП(б), начавшемуся в Петрограде 26 июля, родился крупный региональный центр большевиков, руководимый Артемом. Сам Артем выступил с трибуны съезда как уже признанный региональный лидер и был моментально включен в президиум съезда и в состав ЦК РСДРП(б). А главный «орговик» партии Яков Свердлов, открывая съезд, радостно сообщил публике: «На прошлой конференции были представлены только две области: Север и Урал. В настоящее время благодаря содействию ЦК мы имеем еще одну область — Донецкий бассейн»[156].

Численность организаций РСДРП(б) к концу июля 1917 г., чел.	
Москва	50 000
Петроград	41 000
Урал	25 000
Донецко-Криворожский бассейн	16 000
Прибалтика	14 000
Поволжье	13 000
Финляндия	12 000
Сибирь	10 000
Киев	10000
Кавказ	9000
Одесса и Крым	7000
Минск	4000
Военная организация	26 000

Как уже говорилось выше, к этому времени в регионе насчитывалось 16 тысяч членов большевистской партии, что в своем докладе подтвердил Свердлов. С одной стороны, на фоне мень-

шевиков и эсеров это выглядело не очень внушительной цифрой, но по сравнению с другими региональными парторганизациями РСДРП(б) численность большевиков Донкривбасса выглядела солидно (см. таблицу).[157]

За короткий срок Артем провел колоссальную работу по структурированию большевистской партии в регионе, налаживая связи нового областного центра с местными ячейками. Моргунов вспоминал о первых шагах своего постояльца: «Он обратил внимание на недостаточную связь с Донбассом, и этот пробел был устранен. Тов. Артем лично объехал шахты Донбасса». Сами харьковские большевики признают, что до появления Артема местный партком «раздирался внутренними и подчас носившими личный характер несогласиями»[158]. Новый лидер умудрился все эти конфликты если не погасить, то во всяком случае минимизировать.

Процесс формирования большевистских структур в различных регионах края шел, конечно же, разными темпами и напрямую зависел от целого ряда объективных и субъективных факторов. К первым стоит отнести наличие или отсутствие крупных промышленных предприятий с большой концентрацией рабочих. Ко вторым относится все тот же личностный фактор, наличие или отсутствие харизматических политиков на местном уровне.

Роль личности в революционное время наглядно проявилась в Луганске, куда в марте 1917 г. после нескольких лет подпольных скитаний, арестов и ссылок вернулся местный лидер Климент Ворошилов, позже также сыгравший значительную роль в создании и управлении Донецко-Криворожской республикой. Он умудрялся эффективно заниматься подготовкой вооруженного переворота в Петрограде (на момент Октябрьской революции Ворошилов был комиссаром Петроградского военно-революционного комитета) и одновременно руководить луганскими большевиками, постоянно находясь в движении и разъездах.

Климент Ворошилов

Ворошилову посвящено много восхвалений (в советские времена) и ругани (в последние годы), однако незаурядность этого политика подтверждается хотя бы тем фактом, что в августе 1917 г. он умудрился стать легально избранным главой Луганского Совета и Луганской городской Думы — очень редкий для большевиков случай! Ленинцы задолго до Октябрьского переворота абсолютно демократическими методами взяли под свой полный контроль органы власти в Луганске, получив в августе 29 из 75 мест в городской Думе (результаты остальных партий: эсеры — 18, группа домовладельцев — 11, блок меньшевиков, Бунда и украинцев — 10, кадеты — 2, Еврейская трудовая группа — 2, Еврейский общественный комитет — 1, «Просвита» — 1, народные социалисты — 1). А уже в сентябре на выборах в Луганский совет организация Ворошилова добыла 82 из 120 мест.[159]

В октябре, накануне переворота в Петрограде, Ворошилов докладывал о положении в Луганске: «Эсеры и меньшевики у нас вымирают, как осенью мухи». А ведь еще в июле секретарь местной парторганизации Абрам Каменский, характеризуя ситуацию в Луганске, кратко, но смачно доложил VI съезду: «В Луганске — кучка солдат. Настроение дрянное».[160]

Но целый ряд городов Донбасса, включая крупные пролетарские центры, большевикам под контроль демократическими методами взять не удавалось. Так, меньшевики сделали своим опорным центром Алчевск. Долго оставалась таким центром Юзовка, о чем потом часто вспоминали в своих мемуарах Троцкий, Молотов и другие партийные боссы Советского Союза. Переломить эту ситуацию большевики смогли лишь после того, как прибегли к помощи войск Антонова-Овсеенко в начале 1918 года.[161]

Совсем другая обстановка была в соседней Макеевке, являвшейся частью Области Войска Донского. Последнее обстоятельство позволило местным владельцам заводов периодически привлекать донских казаков для подавления забастовок шахтеров. Те в ответ создали довольно-таки агрессивную организацию, выдвинувшую своих местных лидеров, которые позже стали не последними фигурами в ДКР. В первую очередь, речь идет об инженере Василии Бажанове и будущем наркоме ДКР Семене Васильченко. Их популярность у местных большевиков достигла такого уровня, что в октябре 1917 г. при формировании избирательных списков на выборах в Учредительное собрание Макеевский районный комитет РСДРП(б) отказался выполнить требование поставить во главу списка кандидатуру, спущенную сверху из ЦК партии, а вместо этого поставили своих двух лидеров.[162]

В целях борьбы против налетов казаков макеевские большевики в июне 1917 г. объединились в единый Макеево-Юзово-Петровский комитет, в который раз продемонстрировав пренебрежение административными границами между губерниями. При этом они участвовали в работе Донской окружной организации, базировавшейся в Ростове. Активист этой структуры Жаков так характеризовал ее состояние: «Наиболее организованными оказываются районы, прилегающие к Макеевке... Все остальное — безбрежное море, где наши организации — маленькие островки»[163].

В Донской организации также возникли споры о подчинении партийных структур Харькову. Будущий нарком ДКР Жаков настаивал на цепочке подчинения Ростовское окружное бюро — Харьковский обком — ЦК, а некоторые ростовчане хотели создать у себя областное бюро с несколькими округами в Таганроге, Макеевке и др., но при этом и они признавали свое подчинение Харьковскому центру, желая назвать его «Комитетом Юга». 14 голосами против 8 при 10 воздержавшихся был принят план Жакова[164]. Позже, при формировании ДКР, регионы, чьи большевистские организации вошли в состав областной Донецко-Криворожской организации, были включены и в состав республики.

Активность большевиков Макеевки и прилегавших регионов повлекла жесткую реакцию донских казаков, в результате чего и до октябрьского переворота не раз вспыхивали стычки. Макеевчане настолько жестко ставили вопрос о неподчинении командованию казаков Дона, настаивая на своей принадлежности к Донецко-Криворожской области, что Деникин еще в ноябре 1917 г. полагал: «В Макеевском районе объявлена Донецкая социалистическая республика»[165].

Приезд Артема и последовавшая за тем активизация большевиков не могла не отразиться на рейтингах большевиков в самом Харькове. Как было сказано выше, после Февральской революции главным центром распространения большевизма был завод ВЭК, переведенный в Харьков из Риги. При этом даже там, в своей вотчине, большевики после Февраля находились в подавляющем меньшинстве. Как вспоминает Моргунов, «даже завод ВЭК, являющийся опорой большевиков, послал в городской Совет 22 меньшевика и эсера и лишь одного большевика»[166].

20 июня происходит еще одно событие, способствовавшее большевизации Харькова. Сюда из Тулы переводится 30-й запасный полк, давно уже разагитированный большевиками. До-

статочно сказать, что в городской Совет рабочих и солдатских депутатов он направил исключительно представителей партии Ленина. Офицеры давно в этом полку не котировались, всем там руководил 22-летний прапорщик Николай Руднев, с марта 1917 г. вступивший в РСДРП(б) и позже также ставший членом правительства ДКР.

Спустя всего два года, в 1919 г., в связи с перезахоронением праха Руднева в Харькове Артем вспоминал: «Он был в своем

Руднев Николай Александрович

Родился 29 октября (10 ноября) 1894 г. в селе Люторичи (ныне — Тульская область). Большевик с марта 1917 г.

Сейчас мало кто помнит это имя. А когда-то Буденный писал о нем: «Имя Руднева стоит в одном ряду с именами Чапаева, Щорса, Лазо, Котовского». Артем вторил ему: «Старый порядок знал Суворовых, Наполеонов, Скобелевых. Новый порядок уже создал Колю Руднева». В честь Руднева устанавливали памятники и называли площади по всему СССР, о нем написано немало книг, мифологизировавших советского командира.

Руднев учился на историческом отделении Московского университета. В 1916 г. призван в армию, окончил курс Московского военного училища, получил чин прапорщика и направлен командиром роты в 30-й запасной пехотный полк в Туле, переброшенный в июне 1917 г. в Харьков. Там избран командиром полка.

С февраля 1918 г. — заместитель наркома по военным делам Донецко-Криворожской республики, формировал армию ДКР, чуть ли не первые регулярные войска Красной Армии. С апреля 1918 г. — начальник штаба советской 5-й армии, отходившей с боями от Луганска до Царицына. Участник обороны Царицына.

16 октября 1918 г. 23-летний Руднев погиб в бою с отрядами атамана Краснова у ст. Бекетовка. Согласно советской легенде, последними словами его были: «Передайте Ворошилову — приказ его выполнил. Напишите отцу — умер за революцию». На его смерть отозвался лично Сталин. Алексей Толстой героизировал образ Руднева в романе «Хлеб».

9 февраля 1919 г. в занятом большевиками Харькове состоялась пышная церемония захоронения тела Руднева на Михайловской площади, с тех пор носящей имя погибшего. Там же с 1959 г. стоит пафосный памятник ему.

полку всего ротным командиром, и притом самым молодым. Однако все знали, что 30-й полк был полком Коли Руднева. Молодой энтузиаст, непримиримый противник всякого компромисса, строгий к другим и еще более строгий к себе, он организовал свой полк как настоящий достойный своего имени, единственный в России революционный полк»[167].

Один из активистов этого полка Н. Глаголев позже вспоминал, что солдаты были поражены тем, насколько слабы оказались большевистские организации Харькова на момент прибытия полка из Тулы. Руднев со товарищи сразу же закрепился в руководящих органах Харьковской организации РСДРП(б) и принял активное участие в агитационной работе и переманивании на сторону большевиков военнослужащих других полков, расквартированных в городе. В те месяцы в Харьков, который до войны был напичкан воинскими частями, а потому имел хорошую инфраструктуру для расквартирования тыловых войск, перебрасывалось немало подразделений. Свидетели тех событий вспоминали: «Временное правительство и Центральная Рада, учитывая важное стратегическое положение Харькова и прилегающих к нему городов, стали направлять сюда из Киева и других мест большое количество войск. Из Киева в Харьков был переброшен автомобильный дивизион, укомплектованный офицерами царской армии. Его расквартировали на Мироносицкой площади. Украинский пехотный полк расквартировали в районе нынешнего завода «Свет шахтера», а кавалерийский эскадрон — частично на Конной площади и в Балаклее»[168].

Эти полки также приняли участие в политической жизни Харькова и использовались различными партиями для своих целей. Однако показательным является тот факт, что в октябре-ноябре 1917 г. все они были без всякого сопротивления разоружены 30-м полком и созданными с его участием отрядами Красной гвардии, которые состояли из необстрелянных рабочих. Именно эти отряды стали затем ядром вооруженных сил Донецко-Криворожской республики.

В советские времена было написано немало книг (как претендующих на научность, так и на художественность) о том, как по всей России создавались отряды Красной гвардии. Хотя мифов, конечно, по этому поводу создано гораздо больше, чем проведено серьезных исследований. Одним из мифов являлось и является утверждение о том, что боевые отряды рабочих создавались большевиками по прямому указанию Ленина. На самом деле, в основу их формирования было положено «Временное положение о создании милиции

при местных органах власти», которое Министерство внутренних дел Временного правительство утвердило 17 апреля 1917 г. вслед за роспуском царской полиции. Этим документом местные Советы различных уровней практически обязывались создавать при себе вооруженные отряды для охраны правопорядка. Губернским комиссарам было предписано «организовать временную милицию, не стесняясь законами, относившимися к бывшей полиции». На местах этим и перестали «стесняться».

Практически все Советы бросились создавать под собой различные боевые отряды, вооружая чуть ли не каждого желающего. В зависимости от партийной принадлежности того или иного Совета формировалась и направленность деятельности отрядов. Так создавались боевые дружины эсеров, меньшевиков, большевиков, еврейских, украинских организаций и т. д.

Чаще всего кадры этих дружин набирались не из идейных борцов за тот или иной «-изм», а из числа двух категорий граждан — безработных и дезертиров. Деникин писал по этому поводу: «Шло массовое закрытие промышленных заведений — к половине октября до тысячи, создавая быстро растущую безработицу и выбрасывая на улицу сотни тысяч обозленных, голодных людей — готовые кадры будущей Красной гвардии»[169].

Тот же генерал Деникин, описывая разложение царской армии и дезертирство, упомянул и Харьков: «Слышно, землицу делят у нас в Харьковской. Домой бы...»[170] Именно поэтому в Харьковскую и соседние губернии стекались тысячи солдат, оказавшихся в итоге и без «землицы», и без средств к существованию. Выходом был либо разбой, либо запись в тот или иной боевой отряд, многие из которых занимались таким же разбоем, только более организованным. Чаще всего большевистские отряды не оказывались исключением.

Ввиду наплыва в отряды Красной гвардии различных темных личностей областной съезд Советов Донецко-Криворожского бассейна вынужден был ввести ограничения на прием, приняв постановление: «В Красную гвардию принимаются только товарищи по рекомендации революционно-социалистических партийных и других рабочих и крестьянских организаций». По такой рекомендации вступил в Красную гвардию в 1917 г. и Никита Хрущев вместе с отрядом рутченковских горняков.[171]

Харьковские большевики приняли решение о создании отрядов Красной гвардии еще 11 мая 1917 г., то есть еще до появления там Руднева и Артема. Газета «Пролетарий» так объясняла цель создания этих дружин: «Нужно оторвать солдата от картежной

игры, от орлянки и т. д. Поэтому организация должна озаботиться устройством клубов, популярных чтений и разумных развлечений для того, чтобы солдат мог найти для себя занятия, в которых он мог бы удовлетворить свои духовные потребности». То есть прямо-таки культурологический клуб досуга организовывать собирались, а не военизированное формирование! [172]

С самого начала создания отрядов стоял вопрос об их вооружении. Весной 1917 г. в Тулу была послана делегация с просьбой помочь харьковским рабочим оружием. В итоге отряд Красной гвардии на заводе ВЭК получил первые 400 винтовок, 40 пулеметов, 100 ящиков патронов, 200 револьверов. В начале июня Старобельский полк, расквартированный на Старомосковской улице, выдал рабочим отрядам старые австрийские и японские винтовки.[173]

Во время июльских событий в Петрограде, когда большевики ожидали массовых репрессий против себя (харьковский большевик Эрде даже писал, что некоторые после июля «с трусливой ужимкой вернули в райкомы свои партийные билеты»), Руднев лично взял на себя ответственность за распределение оружия среди рабочих: «В тревожные дни 30-й полк заявил, что находится в распоряжении большевистской фракции Совета. Руднев завладел ключами от оружейного цейхгауза полка, — это было нелишним, чтобы предотвратить возможную провокацию. Часть оружия из цейхгауза была передана на заводы для Красной гвардии»[174].

По мере обострения отношений с донскими казаками областные штабы Красной гвардии и РСДРП(б) все больше становились заваленными требованиями шахтеров Донбасса выдать им оружие. Артем по этому поводу сообщал в Московский военно-революционный комитет: «Захваты рудников и шахт казаками терроризируют рабочих, каждый день в Харьков прибывают делегации рабочих с требованием оружия; требования эти невыполнимы, так как в Харькове оружия нет». Артем потребовал у Москвы 5 тысяч винтовок, 25 пулеметов, 1,5 млн патронов, 400 револьверов.[175]

Финансировались отряды по-разному. О реквизициях имущества для содержания Красной гвардии в Харькове до 1918 г. речь не шла — если «реквизиции» и происходили, то без ведома властей, для личных нужд самих бойцов, а не для отрядов. Как правило, Советы налагали на владельцев различных предприятий обязанность содержать ту или иную рабочую дружину, которая взамен должна была выполнять функции охраны предприятий. А на местах самодеятельность Советов пошла и дальше.

Так, Военно-революционный штаб Дружковки своим официальным постановлением обязал местный кинотеатр (в Дружковке его называли «биографом») «Аполло» поднять цены на билеты для содержания Красной гвардии: «Поднять плату за билеты при входе в биограф: на 1 место во время хода картин 10 копеек на билет, на остальные места по 5 копеек на билет... Полученная таким образом сумма должна передаваться Военно-революционному штабу спустя один день после картин или спектакля для зачисления на фонд Красной гвардии»[176]. Шла ли эта сумма по назначению — это, конечно, большой вопрос.

Набором и подготовкой Красной гвардии в Харькове занимался, помимо Руднева, еще один деятель будущей Донецко-Криворожской республики, ее нарком по военным делам Моисей Рухимович, успевший до этого послужить в царской армии. Он отвечал у большевиков за агитацию в 1-м саперном полку. С лета 1917 г. Руднев и Рухимович начали планомерную подготовку харьковских рабочих к военному делу с полноценными учениями и стрельбами под городом, а в октябре, накануне переворота, провели даже широкомасштабные маневры всех отрядов Красной гвардии.[177]

Работа штаба Красной гвардии началась в маленькой «комнатушечке» в Присутственных местах на Соборной площади (ныне — Университетская пл.), а затем, развернувшись, Руднев и Рухимович заняли целое здание Товарной биржи на пересечении Николаевской и Торговой площадей, выселив оттуда биржевиков (это здание было снесено в 1928 г.). Там штаб находился до момента эвакуации Донецко-Криворожской республики[178].

Присутственные места на Соборной площади Харькова

СОРЕВНОВАНИЕ АГИТАТОРОВ

Солдаты 30-го полка сыграли значительную роль в обеспечении еще одного важного направления работы политической партии большевиков — агитационного. Спустя два года Артем вспо-

Российская Социал-демократическая Рабочая Партия.

Политическій вечеръ

Объявление о митинге меньшевиков с участием местных звезд — Сана, Кона, Попова и др.

минал: «В тех местах, где были солдаты 30-го полка, — ни один хулиган не осмеливался поднять руку на большевиков или мешать им вести агитацию». В иных же местах, как следует из этого пассажа, у ленинцев случались серьезные проблемы. После июльских событий данные проблемы стали системными. Эрде, к примеру, вспоминал: «Участились случаи срыва народных собраний. На Павловской площади была попытка кулачной расправы с большевистским оратором, нашим другом С. И. Покко. Ему удалось благополучно

Сан (Девдариани) Сеит Сардионович

Родился в 1879 г. в селе Мироницминда (Грузия) в богатой семье дьякона. Грузинский меньшевик. Философ, литератор, общественный деятель.

Сейчас имя Сана вспоминают лишь в учебниках по истории Грузии как борца за независимость ее от России. Гораздо меньше известно о том, что именно этому человеку, возглавлявшему в 1917 г. харьковских меньшевиков, мир обязан появлению «вождя всех народов».

Окончил семинарию в Тифлисе. Затем обучался в Тарту, Харькове и даже в США, получив юридическое образование.

Во время учебы в семинарии сблизился со своим однокурсником Иосифом Джугашвили, с которым жил в одном доме и покровителем которого стал на многие годы. Именно Сан привел своего ровесника буквально за руку в социал-демократическую грузинскую группу «Месаме-даси» («Третья группа»). В этой связи будущий вождь Советского Союза долго считал Сана своим первым учителем.

В 1906—1907 гг. Сан лично спасал Сталина от арестов, предоставляя ему убежище в своей родовой деревне в Имеретии. Там Сталин пристрастился к местной рыбе, которую заказывал себе, будучи главой СССР.

Пройдя ссылки и репрессии, Сан активно публиковался в социал-демократической прессе, писал философские и политические трактаты. В 1917 г. успешно избирался в руководство Советов Харькова. Критиковал большевиков за «сепаратистские» идеи создания Донецко-Криворожской республики, что не помешало ему в конце 1917 г. поехать в Грузию, чтобы участвовать в создании там независимого государства. В 1921—1924 гг. возглавлял подпольный ЦК грузинских меньшевиков. Затем полностью посвятил себя философии и истории.

Сан был расстрелян вместе со своими тремя братьями 21 октября 1937 г. по личному указанию Берии. Заодно была уничтожена его 3-томная «История грузинской мысли», от которой сохранилась лишь одна глава.

уйти от самосуда только после того, как он показал толпе мандат члена Совета рабочих депутатов»[179].

Выше уже отмечалось, что до приезда Артема в Харьков большевики значительно уступали своим основным конкурентам — меньшевикам и эсерам — в качестве и количестве агитаторов. В Харькове как региональном центре, важном с точки зрения социалистов любого толка, тогда собралось немалое количество известных всей России ветеранов левого движения. Непререкаемым лидером местных меньшевиков был философ, публицист, непревзойденный оратор Сеит Сан (настоящая фамилия — Девдариани), взрастивший и не раз спасавший от арестов самого Сталина, который затем стал палачом фактически всей семьи Сана.

Еще одним ярким оратором местных меньшевиков был адвокат Яков Рубинштейн, избранный летом 1917 г. городским головой Харькова. Позже он стал видным деятелем русской эмиграции в Париже, вошел в комитет Лиги наций, который под эгидой легендарного путешественника Ф. Нансена занимался вопросами беженцев.

Но самым колоритным и, пожалуй, самым известным агитатором харьковских меньшевиков в 1917 г. был польский еврей Феликс Кон, популярный публицист и едкий оратор, известный тогда всей России своими статьями в социал-демократической прессе. 53-летний комиссар по польским делам формально состоял в Польской партии социалистов (ППС) и пытался в Харькове привлечь в нее польских рабочих, эвакуированных из Варшавы. Но фактически Кон выступал солидарно с меньшевиками и был яростным критиком эсеров и большевиков (тем удивительнее, что в отличие от многих членов РСДРП(б) того периода он смог пережить сталинские репрессии и до конца дней оставаться обласканным советской властью).

Эсеры и большевики в долгу не оставались и с упоением давали сдачу. Едкость и остроумие Кона вызывало ответную реакцию, сделав его имя нарицательным для фельетонистов и куплетистов. Вот, к примеру, что писала эсеровская газета «Возрождение»:

«С зубовным скрежетом и злобой
(Ни дать, ни взять — старик Катон!)
Моею скромною особой
Занялся ныне Феликс Кон.

Огнями глаз сердито блещет,
Атаку бравую ведя,
И мечет громы и клевещет
Партийной злобой исходя.

Оно б хлестнуть его сподручно...
В ком нет прорух и нет грешков?
Да сечь почтенных старичков
Так утомительно и скучно!»[180]

Как видим, дискуссии в среде южнорусских социалистов были оживленными, а лекторы и агитаторы за словом в карман не

Кон Феликс Яковлевич

Родился 18 (30) мая 1864 г. в Варшаве в еврейско-польской семье. Профессиональный революционер. Историк, исследователь Сибири.

Обучался на юридическом факультете Варшавского университета, где уже на первом курсе примкнул к Польской партии «Пролетариат» и народовольцам. Уже в 1884 г. получил первый приговор — 10 лет каторги. Провел в Сибири 20 лет, написав массу книг по истории и этнографии этого края.

С 1904 г. снова в Варшаве, где принял активное участие в руководстве Польской партией социалистов (ППС). В 1906 г., избегая ареста, эмигрировал. Жил в Галиции и Швейцарии, где работал вместе с Н. Крупской, женой Ленина. В мае 1917 г. вернулся в Россию, занял в Харькове должность комиссара по польским делам.

Нещадно критиковал большевиков, в том числе Донецко-Криворожской республики. Что не помешало в 1918 г. вступить в РКП(б). За особые заслуги перед революцией ему был засчитан партстаж с 1906 г. В 1920 г. во время наступления Красной армии в Польше вместе с Феликсом Дзержинским вошел в состав большевистского правительства — Польревкома. Несколько месяцев даже возглавлял партию украинских коммунистов. В 1920-е годы стал одним из создателей и руководителей Коминтерна. В 1925—1928 гг. редактировал газету «Красная звезда», затем — «Рабочую газету». В 1930-е годы создавал советское радио, ведал музейным делом в СССР. Автор множества книг и мемуаров.

22 июня 1941 г. 77-летний Кон безуспешно пытался уйти добровольцем на фронт. Через месяц, 28 июля 1941 г., не вынеся тягот эвакуации из Москвы, ветеран революции умер на корабле под Малоярославцем. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

В Донецке (на Гладковке) многие годы в лидерах соцсоревнований ходила легендарная шахта имени Феликса Кона, ныне также почившая в бозе.

лезли. Местные эсеры были менее раскрученными по сравнению с меньшевиками, поэтому они так же, как и большевики, порой испытывали дефицит в ораторах, восполняя его заезжими «звездами» из столиц. Так, довольно часто в этот период в Харьков приезжал Петр Рутенберг, известный всей России как разоблачитель и палач провокатора Гапона. Позже Рутенберг (кстати, личный друг Бенито Муссолини) стал одним из создателей Израиля и еврейских боевых отрядов, положивших начало армии Израиля.

ДОКЛАД тов. В. П. Кондратьевой
на тему:
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СОЦИАЛИЗМ
и партия Соц.-Рев. (левых)
СЕРЕКОСИТСЯ
Вход бесплатный.
Харьковский Народный Университет.
(Юридический корпус).
Сегодня 21-го февраля в 8-й лекции Л. Б. Голубовского
„Франция в 18 веке".
Начало в 7 ч. веч.
Вход 15 к. безработным бесплатно.

Объявления о лекциях левых эсеров в Харькове

Штатными лекторами местных левых эсеров были также В. Кондратьева и Л. Голубовский — тот самый, который был избран первым главой областного комитета Донецко-Криворожской области. Ну, а главной «звездой» эсеровских митингов и агитсобраний в Харькове был, без сомнения, журналист, редактор Владимир Карелин, короткое время даже побывший харьковским городским головой. В июле 1917 г. на выборах городского головы в Думе за Карелина проголосовало 44 депутата, а против — всего 2. Позже он был избран от города депутатом Всероссийского Учредительного собрания. Эрде так охарактеризовал эсера: «В. Карелина мы раньше хорошо знали как редактора оборонческой земской газеты «Народное дело». После революции Карелин сменил вехи, из социал-шовиниста превратился в «левого» эсера, занял потом видное место в этой партии, был одним из красноречивых ее ораторов»[181].

На этом фоне харьковские агитаторы из РСДРП(б) выглядели довольно бледно. Ставка делалась на заезжих представителей ЦК, в первую очередь — на бывшего депутата Государственной Думы, машиниста Матвея Муранова, который явно проигрывал образованным интеллигентам из иных социалистических партий.

Ситуация изменилась с приездом Артема, который, помимо того что сам был хорошим оратором, сумел быстро организо-

вать добротную школу агитаторов при Харьковском комитете РСДРП(б) и подтянуть более или менее неплохих ораторов из лагеря конкурентов. Важность лекций и митингов заключалась не только в том, чтобы переманить на свою сторону большее число сторонников. В те революционные годы подобные мероприятия часто служили базой для финансового благополучия политических партий. Сейчас, возможно, это сложно представить, однако в 1917 г. публика платила деньги (порой немалые), чтобы попасть на лекции известных политиков регионального масштаба и принять участие в дискуссии с ними. При отсутствии телевидения и радио подобный вид «развлечения» был сродни сегодняшним телевизионным ток-шоу.

Карелин Владимир Александрович

Родился 23 февраля (7 марта) 1891 г. в Смоленске в дворянской семье. Журналист. Эсер с 1907 г.

В течение одного года (с июля 1917 г. по июль 1918 г.) Карелин успел побывать мэром Харькова, всероссийским министром и лидером мятежа против большевиков.

Окончил два курса юридического факультета Московского университета, откуда был исключен за революционную деятельность. Провел год в тюрьме и 5 лет в ссылке. С 1915 г. печатался в харьковской газете «Утро». В 1917 г. возглавил Харьковский комитет партии эсеров, в июле избран городским головой Харькова. Участник Демократического совещания, член Предпарламента.

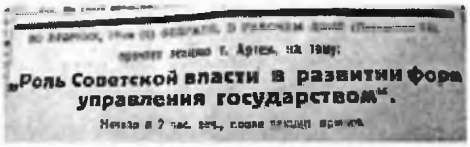
Избран от Харьковского округа во Всероссийское Учредительное собрание, боролся против его роспуска. В ноябре 1917 г. вошел в ЦК партии левых эсеров (был там четвертым по популярности и во многом определял политику партии). Делегирован ими на пост наркома государственных имуществ в коалиционный Совет народных комиссаров под руководством Ленина (декабрь 1917 — март 1918 года). Пытался сорвать подписание Брестского мира.

После мятежа левых эсеров заочно приговорен большевиками к 3 годам тюрьмы и нелегально бежал в оккупированный Харьков, где был арестован чекистами в феврале 1919 г. (освобожден в мае).

После освобождения вернулся в Харьков, где работал юрисконсультом. В СССР неоднократно арестовывался.

22 сентября 1938 г. расстрелян по обвинению в руководстве нелегальной организацией левых эсеров. Реабилитирован в 1993 году.

Эрде вспоминал: «Тяжкое материальное положение вынуждало использовать в коммерческих целях также лекторов и пропагандистов, прежде всего Артема, прочитавшего серию докладов в рабочем клубе «Знание» (бывший театр «Буфф»). Рабочие и служащие платили за вход по 25 копеек, солдаты пропускались бесплатно»[182].

„Роль Советской власти в развитии форм управления государством".

Объявление о лекции Артема

По расценкам харьковских лекторов можно сделать выводы об их популярности среди публики, посещающей подобные мероприятия. Так, за вход на лекции вышеназванных ораторов от меньшевиков харьковцы платили от 50 копеек до 5 рублей! Эсеры и большевики за свои лекции брали по 10—25 копеек. Но после прихода к власти ленинцы явно стали поднимать свои расценки. Так, лекции министра Донецко-Криворожской республики Бориса Магидова, ставшего основным агитатором у харьковских большевиков, стоили обычно 50 копеек. Чаще всего большевики читали свои лекции в упомянутом выше театре Муссури на улице Благовещенской.[183]

Трудно сказать, насколько посещаемы были эти лекции. Скажем, в марте 1918 г. газета «Возрождение» оценила аудиторию «митинга комиссаров», как окрестили публичную лекцию министров правительства Донецко-Криворожской республики, примерно в 300—400 человек, посчитав, что это было «немного». Судя по подробному описанию этого действа, приведенному газетой, бурных дискуссий особенно не велось. Митинг сводился к пламенным выступлением ораторов, а «народ безмолвствовал». Само мероприятие длилось почти три часа и закончилось в 10 часов вечера «пением Марсельезы и других революционных песен»[184] — это был неизменный атрибут любых политических акций 1917 года. А порой такие лекции и митинги продолжались и за полночь. Учитывая, что они проводились чуть ли не каждый день в различных местах города,

Завтра в Народном доме в 7 час. вечера в театре Муссури

Митинг,

посвященный вопросам текущего момента.

Выступят Комиссары

Артем, Васильченко, Магидов, Рухимович и Фипов.

Объявление о митинге народных комиссаров ДКР

можно констатировать невероятный интерес публики к подобного рода мероприятиям.

Так что, в принципе, дело было выгодным с точки зрения финансов. Усилив агитационный потенциал своей организации, Артем добился и усиления ее материальной базы. 24 июля 1917 г. на Харьковской общегородской конференции РСДРП(б), делегировавшей Артема в Петроград на VI съезд партии, было сообщено о решении только что созданного обкома: «Средства Областного комитета составляются из единовременного обложения всех организованных членов области по 20 коп. и затем ежемесячно 10% отчисления всех организаций».[185]

Уже к октябрю финансовый отчет обкома гласил, что затраты на содержание областного бюро и командировки составили в общей сложности до 1 тыс. рублей. В то время как доходы выразились в сумме 36 тыс. рублей[186]. Основная часть этих доходов (помимо сборов от лекций и митингов) поступила в результате проведенной Артемом и его соратниками массовой кампании по сбору средств на издание новой газеты большевиков Донецко-Криворожского бассейна — «Донецкого пролетария». Эта газета сыграла неоценимую роль в дальнейшем успехе местных большевиков и в создании ДКР.

ВОЙНА ГАЗЕТ — «ВОЙНА ВЛИЯНИЙ»

Рынок местных СМИ в 1917 г., как и общество в целом, буквально на глазах претерпевал стремительные и драматичные изменения. До революции на этом рынке безраздельно господствовала харьковская газета «Южный край», издававшаяся с 1880 г. местным бизнесменом Александром Иозефовичем (его фамилию и тогда, и сейчас писали по-разному — и Йозефович, и Юзефович). Заложив под издание этого печатного органа свое имущество, Иозефович в итоге создал колоссальную по тем временам медиа-империю, которая включала крупнейшую на Юге России газету, мощную типографию, издававшую разнообразную полиграфическую продукцию, обширную библиотеку, находившуюся при редакции. Сколотил он на этом и приличный капитал, о чем свидетельствует шикарный особняк Иозефовича, сооруженный в центре города в 1913 г. и являющийся доселе украшением Сумской улицы (современные харьковцы знают его как Дворец бракосочетаний на Сумской, 61).

«Южный край» в течение трех десятилетий был фактически символом Харькова и предметом его гордости. Эта газета била все рекорды, выйдя в 1915—1916 гг. на тираж боле 100 тыс. экземпляров — неслыханный показатель для провинциальной прессы России, которому могут позавидовать и современные всеукраинские издания! Она открыла миру таланты многих видных российских писателей и публицистов. В ней дебютировали писатель Михаил Арцыбашев, поэт Скиталец, популярный поныне сатирик Аркадий Аверченко, классик украинской литературы Павел Грабовский, работавший в 1885—1986 гг. корректором в этой газете. Сотрудничать с ней почитали за честь Всеволод Гаршин, Владимир Немирович-Данченко, Григорий

Особняк А. Иозефовича на Сумской улице

Иозефович Александр Александрович

Родился в 1850 г. Выдающийся харьковский предприниматель, посвятивший всю свою жизнь газете «Южный край».

Газетным бизнесом начал заниматься в 30-летнем возрасте. Первоначально задумал газету как орган харьковской профессуры, поручив редактуру деканy юридического факультета местного университета А. Стоянову. Поскольку газета закончила год с дефицитом 22 тыс. руб., Иозефович сам стал главным редактором, быстро сделав «Южный край» суперприбыльным проектом.

В 1887 г. приобрел типолитографию в Горяиновском переулке, д. 5 (ныне ул. Квитки-Основьяненко). А в 1906 г. газета въехала в прекрасное здание на ул. Сумской, 13, где Иозефович разместил свою типографию, библиотеку и даже домовую церковь.

К 1917 г. получил титул почетного гражданина Харькова и чин действительного статского советника, дающий ему право на потомственное дворянство.

После революции «Южный край» закрывался властями трижды. Последний раз — 12 декабря 1919 г. Имущество Иозефовича было конфисковано.

Сам он отказался эмигрировать. Как утверждают харьковцы, до последних своих дней Иозефович жил возле редакции «Южного края», в которую вложил свою душу, выносил стул к подъезду и раскланивался со старыми знакомыми.

Умер в конце 1930-х годов.

Данилевский, Глеб Успенский и другие видные российские писатели и журналисты.

Говорить о политической ориентации самого Иозефовича и его газеты довольно сложно. Это был типичный русский интеллигентский проект. Как и большая часть интеллигенции России, «Южный край» в течение десятилетий довольно часто видоизменялся, то заигрывая с либералами и социал-демократией, то тяготея к ультраконсерваторам, то потакая украинским автономистам, то занимая позиции «единой и неделимой». Эрде вспоминал об этих трансформациях: «Меняла личину, торопливо перекрашиваясь, применяясь к обстановке, «либеральная» газета харьковского миллионера А. А. Иозефовича "Южный край"»[187].

Эрде (Райхштейн) Давид Израилевич

Фото — РИА «Новости»

Родился в 1894 г. Большевик (был таковым, как минимум, уже в начале 1917 г.).

Публицист-«обличитель». Сейчас вид его деятельности назвали бы «журналистским киллерством».

В 1917 г. был одним из редакторов газеты «Пролетарий». После ее закрытия сотрудничал с газетой «Донецкий пролетарий», но не прижился в ней, демонстративно выйдя из редколлегии 10 января 1918 г., после чего ограничился скромной должностью секретаря городского райкома РСДРП(б) в Харькове.

В короткий период пребывания большевистского ЦИК Украины в Харькове побывал в должности комиссара по делам печати, отметился рядом одиозных постановлений (в частности, о запрете детективной литературы). Во многом из-за связей с Цикукой не пользовался уважением в руководстве Донецко-Криворожской республики.

Оставил массу мемуаров и пропагандистских брошюр, львиная доля из которых была позже уничтожена и сейчас является библиографической редкостью (например, брошюра «Меньшевики» или злобный пасквиль о Горьком — «Максим Горький и интеллигенция»). В конце 1920-х возглавлял украинское отделение Российского телеграфного агентства (ныне — Укринформ). Сохранились воспоминания о том, как Эрде боялся разрешить выступление Есенина, опасаясь «контрреволюции». В сталинские времена громил «врагов народа» в различных СМИ (в частности, нашумела его статья в «Литературной газете» «Академия наук не занимается историей СССР» в 1948 г.). Долго работал в «Известиях».

Умер в 1981 г. обласканный советской властью, в чине «ветеран КПСС».

Впрочем, подобные шатания были характерны для всей прессы российского и особенно южнорусского истеблишмента. Одессит С. Штерн, к примеру, так описывал сии трансформации: «Рекорд доходящего до грации хамелеонства побит был... киевской газетой «Последние новости»... Этот ходкий орган бульварного типа менял свои взгляды и «платформы» с быстротой и ловкостью престидижитатора. Власти сменялись на Юге России часто и порою — неожиданно, но киевские «Последние новости» всегда поспевали за всяческими переменами. При том же фактическом редакторе и при том же составе сотрудников эта киевская газета горячо и пылко германофильствовала во время немецкой оккупации, поддерживала Антанту (при появлении французского флота в Черном море), поддерживала Добровольцев (когда Доброармия укреплялась в киевском районе) и славословила украинских самостийников (при захвате Киева петлюровцами). Эти вольты производились безо всякого стеснения, так сказать — при всем честном народе»[188]. На этом фоне «Южный край» выглядел еще более или менее последовательно.

В 1915 г. в Харькове выходили три ежедневные газеты (причем «Южный край» выходил два раза в день) и около 30 еженедельных и ежемесячных журналов. Только с начала 1917 г. появилось более десятка новых изданий, в том числе ежедневных. Эрде вспоминает: «Вышли и быстро исчезли газеты-однодневки: «Известия республиканцев — военных Народной Армии», «Воин-республиканец» и др. Собственными печатными органами, которые сразу становились на солидную ногу, спешили обзавестись меньшевики и эсеры»[189].

Появились «Известия Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов», «Известия Харьковского губернского общественного комитета», орган меньшевиков «Социал-демократ», эсеров — «Земля и Воля», украинских социал-демократов — «Робітник» и т. д.[190].

Само собой, основали свой печатный орган и харьковские большевики, выпустившие уже через две недели после Февральской революции газету «Пролетарий» — первый номер вышел 23 марта 1917 г. О том, как выходила эта газета и кто ее делал, сохранились довольно подробные, а потому ценнейшие воспоминания ее сотрудника Давида Эрде (Райхштейна). Он вспоминает: «Редакция временно приютилась на частной квартире на Клочковской, 57, у А. Сурика (Емельянова) и В. Заборенко, членов нашей партии. В небольшой комнате с одним окном вместе с редакцией поместился Городской комитет партии». Затем

редакция переехала на Кузнечную, 2, где была на положении «бедных родственников»: правление кооперативной организации, владевшее зданием, «чуть не каждую неделю переселяло нас из одной комнаты в другую, пока не загнало куда-то под самый чердак»[191].

Ответственным секретарем редакции был 25-летний студент-медик Александр Сурик-Емельянов (позже стал военным разведчиком, служил советским военным атташе в Турции, расстрелян в феврале 1938 г.). Фактическим издателем стал большевик с 12-летним стажем Сильвестр Покко, в апреле 1917 г. вернувшийся из ссылки и устроившийся работать на завод ВЭК. Судя по печальным показателям газеты, издатель из него оказался никудышный.

Газета выходила тиражом до 5 тысяч (лишь во времена июльского кризиса ее тираж одноразово подпрыгнул до 10 тысяч благодаря тому, что она печатала подробные описания событий в Петрограде от непосредственных организаторов беспорядков — питерских большевиков). Собственными материалами газета особенно не баловала читателя, довольствуясь в основном перепечатками центральных большевистских органов. В этой связи финансовыми показателями газета не блистала. Постоянно рос

Покко Сильвестр Иванович

Родился 21 декабря 1881 г. (2 января 1882 г.) в селе Пруды Виленской губернии. Белорус. Большевик с 1905 г. (подпольная кличка Генерал).

Арестован в 1916 г. за революционную деятельность, сослан в Тургайский край (ныне Казахстан). В апреле 1917 г. вернулся в Харьков и стал казначеем местного комитета РСДРП(б). Не играл значительной роли в Донецко-Криворожской республике, помогал Артему эвакуировать Харьков в последние дни перед немецкой оккупацией города.

Эрде оставил красочное описание Покко: «Сильвестру Ивановичу в 1917 году было всего около 35 лет. Но... он казался пожилым человеком. Такое впечатление он производил... благодаря своей солидной внешности. Покко был широк в кости, коренаст, с крепко посаженной на короткой шее головой и большим, скуластым, добродушным лицом».

Добродушие Покко не помешало ему в 1919 г. стать председателем губернской ЧК в Харькове, главой Ревтрибунала и санкционировать сотни смертных приговоров и бесчинства одного из своих подчиненных Степана Саенко, прославившегося жестокостью.

В течение десятилетия (с 1920-го по 1930 год) был членом Центральной контрольной комиссии ЦК КП(б)У, одновременно (с 1925-го по 1930 год) будучи членом аналогичной комиссии в ЦК ВКП(б).

Был арестован во времена сталинских репрессий, провел много лет в лагерях. Освобожден в 1950 г., после чего находился на пенсии.

Умер в Харькове в 1953 г. в безвестности.

долг перед В. Шнебергом, владельцем типографии, в которой печаталась газета (располагалась на Рыбной улице — ныне Кооперативная). Эрде позже возмущался «странными» требованиями Шнеберга: он, видите ли, «требовал расплаты наличными и точно в срок». По мнению журналиста, условия большевистской газеты были несравнимы с основными конкурентами: «Это были спазмы, каких вовсе не знали меньшевики и эсеры. У них были деньги, жирные куши приверженцев, был широкий круг читателей-обывателей»[192].

Шнеберг начал задерживать тиражи, газета стала выходить с солидными перерывами, чем еще больше усугубила свой кризис. У большевиков появилось понимание, что без собственной типографии они не смогут стабильно выпускать печатный орган. Артем, возглавив областную организацию РСДРП(б), развернул широкую кампанию по сбору средств, которую сейчас назвали бы модным словом «фандрайзинг». Официально деньги собирались на спасение «Пролетария». Однако, стоит напомнить, еще в июле при создании областной организации Донецко-Криворожского бассейна было принято решение о запуске новой газеты — «Донецкий пролетарий».

К тому времени уже существовала газета с аналогичным названием — с 1 июня начал печататься орган Луганского комитета РДСРП(б), в котором часто публиковался Ворошилов. Она выходила тиражами до 2,5 тыс. экземпляров.[193] После выхода «ДП» в Харькове луганцы продолжали издавать свою газету с тем же названием. Из-за этого в различных исследованиях существует некая путаница, смешение двух газет. Нынешняя правопреемница луганского «Донецкого пролетария» — «Луганская правда» — даже на своем официальном сайте приводит одно из заблуждений: «Ведет свою родословную с лета 1917 года, с момента выхода газеты «Донецкий пролетарий», до переноса выпуска в Харьков он был органом областного комитета Донбасского и Криворожского бассейнов»[194]. На самом деле, выпуск газеты из Луганска в Харьков никто не переносил, а ядро коллектива «Донецкого пролетария» составили сами харьковцы и ростовчане, выпускавшие до приезда в Харьков газету «Наше знамя».

Кроме Харькова и Луганска, большевики Донецко-Криворожского бассейна выпускали более или менее регулярно газеты лишь в Екатеринославе — тираж ежедневной газеты «Звезда», издававшейся с 4 апреля 1917 г., также доходил до 5 тыс. Остальные газеты (в том числе в Юзовке) выходили нерегулярно и их тираж был незначителен.

Специально под выпуск областной газеты «Донецкий пролетарий» большевики присмотрели неплохую частную типографию (как писал Артем, «великолепная типография, привезенная, но еще не распакованная»), за которую нужно было с рассрочкой заплатить 55 тыс. рублей. Кроме того, на «дооборудование предприятия» требовалось 15—20 тыс. руб. И все эти деньги (немалая для большевиков сумма) нужно было собрать всего за две недели.[195]

22 августа Артем в письме в ЦК РСДРП(б) сообщил: «Товарищи, то, чего мы боялись, случилось. Наш «Пролетарий» умер, не выдержав колоссальных расходов издания. Наша публика сделала все, что возможно для покрытия убытков; но было ясно, что без собственной типографии мы не выдержим. И мы лопнули. Однако это не конец, а лишь начало». Деньги, собранные в поддержку «Пролетария» (порядка 10 тыс. руб.), пошли на задаток. Схема выхода на самоокупаемость типографии была до гениальности простой: до 12 сентября вносятся недостающие деньги, типография моментально закладывается, благодаря чему можно было, не торопясь, ее окупать. «Эксперты нас уверяют, — писал Артем в Петроград, — что типография окупится во время выборов в Учредительное собрание». Сочтя эту схему выгодной, Петроград в лице секретаря ЦК партии Е. Стасовой дал добро на выделение через г-на Петровского дополнительных 10 тыс. рублей. При этом Артем обещал деньги вернуть немедленно после заложения типографии и, скорее всего, так и сделал, поскольку никаких претензий из Петрограда потом не звучало. Типография Брука, приобретенная под большевистскую газету, расположилась на Вознесенской площади Харькова.[196]

Проявив недюжинные коммерческие способности при внедрении этой схемы в жизнь, Артем добился появления мощного печатного органа большевиков во всем регионе — 2 ноября, аккурат после октябрьского переворота в столице, в Харькове под шапкой Российской социал-демократической рабочей партии вышел первый номер газеты «Донецкий пролетарий», вскоре ставшей идейным вдохновителем создания Донецко-Криворожской республики. В общей сложности вплоть

Российская Социал-Демократическая Р
ДОНЕЦКИЙ
ПРОЛЕТАРИЙ
ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

до немецкой оккупации вышло 114 номеров газеты средним тиражом 15—25 тыс. экземпляров, то есть орган большевиков стал одной из крупнейших партийных газет региона.

К сожалению, столь подробного описания жизни редакции этой газеты, какое дошло до нас от Эрде по поводу деятельности «Пролетария», не существует. Сам Эрде закончил свои мемуары многообещающей фразой: «Рассказ о том, в каких условиях создавался «Донецкий пролетарий», я откладываю до другого раза»[197]. Однако этого «другого раза», похоже, не случилось.

Из протокола областного комитета большевиков Донецкого и Криворожского бассейнов нам известно организационное построение редакции и связей ее с партийными структурами: «В ответственную перед областным комитетом коллегию редакторов газет входят тт. Василенко [имеется в виду Васильченко. — *Авт.*], Жаков и Сурик. Техническая и финансовая часть остается у т. Семена [речь идет об И. Шварце. — *Авт.*], а секретарские функции в комитете выполняет т. Жаков»[198]. За связи редакции с партийными агитаторами отвечал Межлаук. Фактически эта редакция, за исключением Сурика, стала идейным ядром будущего правительства ДКР. Васильченко, Жаков и Филов, прибывшие из Ростова и Макеевки, сыграли значительную роль в формировании политической повестки дня не только газеты, но и харьковской политической элиты, оттеснив некоторых активистов 1917 года на задний план.

Так, активный деятель «Пролетария» Эрде 10 января 1918 г. сообщил о выходе из редколлегии «Донецкого пролетария» — видимо, из-за этого и не горел желанием рассказывать о данной газете спустя полстолетия. Сам он ненадолго обосновался в «Вестнике УНР», издававшемся большевистским ЦИК Украины.[199]

В условиях растущей популярности большевиков в целом по стране, на волне успехов ленинцев в столице «Донецкий пролетарий» развивался стремительными темпами. Уйдя от академизма, редакция в первом же номере обратилась к рабочим из всех регионов Донкривбасса: «Товарищи! Не стыдитесь формой ваших заметок и корреспонденций. Пусть они будут не достаточно грамотными и стилистически недоработанными. Для того и существует редакция, чтобы их «править». Помните, что только при вашей непосредственной поддержке газета будет отвечать своему предназначению — быть зеркалом ваших мыслей и чувств»[200].

В итоге этих призывов в газете возник баланс между перепечатками из Питера и эксклюзивными (причем довольно опера-

тивными даже по нынешним меркам) репортажами из регионов области. В этой связи удивительно слышать в наши дни критику «ДП» из уст современных исследователей истории харьковской прессы как раз за эту эксклюзивность: «Газета паразитировала на рабочих заметках и корреспонденциях с мест»[201]. Ей ставят в вину, что примерно из 700 статей, опубликованных в 114 номерах, около 500 составляли корреспонденции с мест! До сих пор считалось, что столь высокий показатель репортажности прессы — явный плюс. Собственно, тем «Донецкий пролетарий» выгодно отличался от своего предшественника и выделялся на фоне региональных изданий других партий.

Когда сравниваешь региональные газеты того периода, сразу бросается в глаза еще одно отличие «Донецкого пролетария» от конкурентов (в первую очередь идейных, поскольку конкуренция на медиа-рынке большевиков явно не интересовала). Многие харьковские газеты, гонясь за рекламой и объявлениями, отодвигали на задний план новости и тем более агитацию. Первые полосы газет, издававшихся на хорошей бумаге, забиты рекламными сообщениями, чего вы не найдете в «Донецком пролетарии» — тот на первые страницы, строго соответствуя правилам нынешних таблоидов, выносил крупные, броские заголовки, наполненные откровенно пропагандистским смыслом. Изначально большевистская пресса «к штыку приравняла перо» и рассматривала себя как агитационный отдел РСДРП(б), а не как средство заработка. Жертвуя грамотностью текстов, качеством бумаги, возможными рекламными заработками, она сделала упор на броскости, понятности лозунгов, оперативности подачи информации, непримиримости в отношении оппонентов. Неудивительно, что как только большевики пришли к власти в Донецко-Криворожской республике, они фактически запретили газетную рекламу.

Даже нынешние критики руководителей ДКР вынуждены констатировать: «Оценивая в целом большевистскую прессу Харькова 1917 г., необходимо признать, что при всем ее примитивном уровне, потребительском содержании и однобокой информационной деятельности, она исполнила свою пропагандистскую роль, была тем самым коллективным агитатором и организатором, каким и надлежало быть, согласно концепции В. И. Ленина, партийному органу. Другие партийные организации Харькова не придавали такого решающего значения своей прессе. Их издания были не продолжительными, не позиционировали себя решительно политически»[202].

Это обстоятельство не в последнюю очередь сыграло роль в том, что уже на заседании Генерального секретариата Центральной Рады 15 декабря 1917 г. Петлюра вынужден был назвать Харьков «оплотом большевизма»[203]. А ведь с момента появления в Харькове Руднева и Артема прошло всего-то 5—6 месяцев!

Как справедливо писал В. Винниченко: «Это была война влиянием... Наше влияние было меньшим... И разумеется, при таких условиях мы не могли победить»[204]. Можно долго спорить о том, кто в те смутные годы был хуже, а кто лучше, кто хотел добра, а кто зла, но непреложным фактом остается, что «войну влияний», пропагандистскую войну выиграли в итоге большевики.

«...А НИКОЛАЕВ ПРИМКНУЛ К ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТИ»

При этом нельзя не заметить, что большевики большевикам — рознь. И особенно наглядно это проявилось именно в Харькове, именно в борьбе идей относительно будущего тех земель, которые ныне называются одним словом — Украина. Когда речь заходит о создании Донецко-Криворожской республики, многие современные исследователи говорят о кознях большевиков («опыт дезинтеграции Украины, совершенной российскими большевиками при поддержке их местных сторонников»[205]). При этом чаще всего забывают упомянуть, что противостояли данной идее опять-таки большевики. И в конечном итоге решение о принадлежности Донецко-Криворожского бассейна Украине было принято большевистским ЦК. Поэтому говоря о позиции ленинской партии относительно Украины и ДКР нельзя игнорировать тот факт, что довольно долго в ней конкурировали прямо противоположные идеи.

Причем первоначально петроградское руководство РСДРП(б) склонялось к мнению о том, что Украину стоит рассматривать примерно в тех же границах, которые определяло Временное правительство, — то есть без Донецко-Криворожского региона и, возможно, без Одессы и Новороссии. Эту позицию и ее эволюцию довольно важно уяснить, прежде чем перейти к описанию деятельности ДКР.

Киевские большевики с самых первых дней 1917 г. не оставляли намерений создать партийную организацию Украины, в которую должны были войти и промышленные регионы Донбасса.

С одной стороны, РСДРП(б) опиралась на пролетариат, а с другой, киевляне понимали: «Киев — не пролетарский центр, — самые крупные предприятия насчитывают не более 1,5—2 тыс. рабочих, но и таких немного, большинство рабочих занято в мелких предприятиях и мастерских, последние носят еще характер ремесленных предприятий»[206]. То есть социальная база киевских большевиков была довольно слабой, чего не скажешь о Харькове или Донбассе.

Поэтому идея объединить крестьянскую Украину с пролетарскими регионами Юга постоянно муссировалась на различных конференциях, которые киевские большевики регулярно устраивали, дабы создать единый координирующий орган. В конечном итоге эта идея стала чуть ли не определяющей для формирования Украины в ее современных границах.

Еще в апреле 1917 г. Киевский партком разослал приглашения большевистским организациям 7 южнорусских губерний (Киевской, Черниговской, Подольской, Волынской, Полтавской, Херсонской и Екатеринославской) с предложением собраться и организовать единую парторганизацию Юго-Западного края — об Украине речь еще не шла. На мероприятие, которое состоялось в Киеве 15—17 апреля, прибыли лишь представители первых четырех из перечисленных губерний. Остальные, включая Екатеринославскую, эту идею проигнорировали. О Харькове, как можно видеть из данного перечня, в Киеве пока и не мечтали.

На данной конференции особо бурные дебаты развернулись вокруг того, «какие губернии должна в себя включать Юго-Западная область». И решение было следующим: «Признать необходимым создание Юго-Западного областного объединения, включая Киевскую, Черниговскую, Подольскую, Волынскую, Полтавскую и Херсонскую губернии». Таким образом, попытка № 1 включить в состав Юго-Запада хотя бы некоторые промышленные регионы не увенчалась успехом.[207]

1 июля 1917 г. киевляне вновь созвали коллег из других регионов, пригласив представителей пяти украинских губерний и при этом отдельно позвав представителей Одессы, Харькова, Николаева и Екатеринослава. На эту конференцию, названную Южно-Русской, харьковцы делегировали Артема. Состоялась она в Киеве 10—12 июля с довольно большим представительством — было представлено 7297 членов партии (при этом приглашенные «из-за границы» вроде Артема не учитывались). Конференция определила, что в состав Юго-Западного края входят Каменец-Подольская, Волынская, Черниговская, Киевская, Полтавская,

Херсонская губернии и даже часть Могилевской губернии, а именно Гомельский район — то есть киевские большевики тоже пошли по пути харьковских, решив не привязываться к официальному административно-территориальному делению. При этом стоит заметить, что большевики обширной Херсонской губернии, приняв это решение к сведению, в итоге все равно не признали себя подчиненными киевскому центру и заняли отдельную позицию.[208]

Тогда же было принято решение об издании партийной литературы «на языках народностей, населяющих Юго-Западный край», и начаты внутрипартийные разговоры о том, чтобы называть этот край Украиной, а саму организацию — украинской. Заметим, Екатеринославская и Харьковская губернии к Украине еще никоим образом большевиками не относились.

В начале октября Секретариат ЦК РСДРП(б) вынужден был констатировать, что партийный центр Юго-Западного края не может распространить свое влияние и на Юг: «Вы почти не связаны с Симферополем, Евпаторией, Севастополем, а Николаев примкнул к Донецкой области. Нам кажется, было бы вообще целесообразнее в вашу область включить губернии: Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Волынскую, Подольскую. Это и была бы Юго-Западная область. Губернии же Херсонскую и Таврическую с присоединением Кишиневской выделить в особую, Южную область»[209].

Из данного пассажа видно, что руководство большевистской партии к октябрю 1917 г. видело ту территорию, которую через пару лет начнет называть Украиной, как три отдельных региона — Донецкая, Южная и Юго-Западная области (см. цветн. вкладку, стр. 2). Границы последней почти полностью совпадали с границами, которые Временное правительство определило для Украины. Большевиками же слово «Украина» в политическом контексте еще широко не использовалось.

8 ноября, то есть на следующий день после провозглашения Центральной Радой своего Третьего Универсала, объявившего Украиной 9 южнорусских губерний, областной комитет РСДРП(б) Юго-Западного края обратился с призывом созвать в декабре в Киеве краевой съезд большевиков «всей Украины», разослав приглашение в Харьков и Екатеринослав, то есть решил действовать в рамках тех регионов, которые были перечислены Радой. Через три дня этот же обком уведомил ЦК о своем намерении создать «социал-демократию Украины в противовес Украинской СДРП», то есть в противовес Винниченко и Петлюре.[210]

Эта инициатива первоначально не нашла поддержки в Смольном. В 20-х числах ноября Яков Свердлов, член большевистского ЦК, отвечающий за организационное построение партии, продиктовал ответ: «Создание особой партии украинской, как бы она ни называлась, какую бы программу не принимала, считаем нежелательным. Предлагаем посему не вести работы в этом направлении. Иное дело созыв краевого съезда или конференции, которые мы бы рассматривали как обычный областной съезд нашей партии. Ничего нельзя было бы возразить против наименования области не Юго-Западной, а Украинской»[211]. Из этого письма видно, что к началу декабря 1917 г. большевики уже не возражали против использования названия «Украина», но видели этот регион исключительно в границах, определенных еще Временным правительством.

Причем этот вопрос ими считался настолько непринципиальным на фоне других неотложных дел по обустройству своей молодой власти, что на заседании ЦК РСДРП(б) от 29 ноября не нашли на него времени, передав на рассмотрение «четверке» членов бюро. Вот как этот вопрос был отражен в протоколе заседания: «Украинские с. д. просят разрешения именоваться с. д. рабочей партией Украины ввиду того, что Российская СДРП по-украински звучит русская. Ввиду необходимости обсудить все данные за и против и отсутствием времени — этот вопрос передается в бюро ЦК (Сталин, Ленин, Троцкий и Свердлов)»[212]. Обращает на себя внимание аргументация киевских большевиков по поводу необходимости появления слова «Украина» в названии партии: исключительно в связи с тем, что слова «российский» и «русский» в украинском языке определяются одним словом! Иные мотивы, судя по всему, не приводились.

3—5 декабря в Киеве, где к тому времени верховной властью себя объявила Центральная Рада и в спешном порядке готовился I Всеукраинский съезд Советов, состоялось заседание того самого «всеукраинского» съезда РСДРП(б), которое дружно проигнорировали, несмотря на разосланные приглашения, большевики Донецко-Криворожской области и Юга. На съезде присутствовало 47 делегатов всего-то от 24 партийных организаций Юго-Западного края, что свидетельствует о слабости большевиков в регионах, именуемых ныне Центральной Украиной[213].

Самые бурные дебаты вызвал как раз вопрос о переименовании организации в украинскую. За это выступили учитель Василий Шахрай (один из немногих в тогдашнем руководстве киевских большевиков, кто мог публично выступать на украинском языке),

Георгий Пятаков («если мы останемся под прежним названием, то будем всегда россиянами»), Владимир Затонский («для того чтобы наша партия была массовой, нужно выкинуть название российская»). Против были Иван Кулик («называть же нашу краевую организацию украинской нельзя, потому что это шовинизм и нас могут смешать с другими украинскими партиями») и сама Евгения Бош («на Украине мы не можем организовывать отдельную партию»)[214]. Самое интересное, что сей факт она скромно замолчала в своих подробных мемуарах. Равно как и то, что именно по инициативе Бош в конце съезда, все-таки принявшего решение о переименовании, было озвучено особое мнение меньшинства, которое протестовало против данного решения.

Георгий Пятаков

Так фактически родилась украинская партия большевиков. Решение о переименовании было принято, несмотря на все возражения, во многом благодаря давлению непререкаемого в среде киевских ленинцев лидера местной организации — Георгия Пятакова. Не пройдет и трех недель, как его родной брат Леонид будет зверски замучен украинскими гайдамаками, вырезавшими ему, еще живому, сердце саблями...

Несмотря на то что Юг и Донецко-Криворожский регион не считали киевскую организацию своей, на съезде не раз поднимался вопрос о необходимости считать частью Украины и пролетарские центры — Харьков, Екатеринослав, Одессу и др. Мало того, киевляне считали, что партийным центром Украины должен быть любой пролетарский город, только не Киев. Бош обосновывала это так: «Если краевой орган останется в Киеве, то он обречен на гибель благодаря отсутствию типичного пролетариата». Ей вторил Владимир Люксембург: «Центр нельзя оставлять в Киеве; нужно его перенести в Екатеринослав, сильный пролетарскими массами»[215]. Как видим, несмотря на то что ни ЦК партии, ни сами большевики Донецко-Криворожского бассейна не считали Екатеринослав частью новообразования «Украина», киевские большевики соли-

даризировались с Центральной Радой по вопросу распространения этого образования на промышленные губернии Юга России. Причем выдвинули аргумент, который затем станет решающим при определении границ будущей советской Украины: необходимость выстраивать свою партийную работу в украинской деревне, опираясь на сознательный пролетариат, дефицит которого резко ощущался в украинских губерниях.

Как отмечалось выше, Смольный не считал данный вопрос принципиальным, а потому не спешил с ответом. Лишь 18 декабря Секретариат ЦК РСДРП(б) выслал ответ в Киев: «Уважаемые

Скрыпник Николай Алексеевич

Родился 13 (25) января 1872 г. на станции Ясиноватая Екатеринославской губернии, в семье железнодорожного служащего. Национал-коммунист, член РСДРП(б) с 1897 г.

Последовательный борец против создания и существования Донецко-Криворожской республики, сыгравший в ее судьбе определяющую роль.

Детство провел, кочуя по железнодорожным станциям Юга России — по мере карьерного продвижения своего отца. Учился в Изюмском и Курском реальных училищах, затем — в Петербургском технологическом институте.

По собственному признанию, украинским националистом стал раньше, чем коммунистом. За революционную деятельность был арестован 15 раз, 7 раз приговорен к ссылке. Один раз приговорен к смертной казни.

После Февральской революции вернулся в Петроград, в декабре 1917 г. направлен по решению ЦК РСДРП(б) на Украину, где стал основным оппонентом Артема по поводу судьбы ДКР и границ Украины. Проявил себя талантливым аппаратным интриганом, убедив Москву в необходимости присоединить к Украине ДКР

Возглавлял советское правительство Украины. С 1927-го по 1933 год был наркомом образования УССР, став творцом дикой советской украинизации, активно боролся против русского и за «галицкий» вариант украинского языка.

7 июля 1933 г., в разгар кампании против него, которая неминуемо закончилась бы расстрелом, покончил с собой.

Похоронен в Харькове. Сейчас там о нем напоминает улица Скрыпника (бывший Сердюковский переулок), находящаяся недалеко от улицы, названной в честь Артема — его вечного оппонента. Направления этих улиц перпендикулярны друг другу.

товарищи! Не отвечали вам до сих пор на ваш вопрос об Украине, так как до сих пор не было принято окончательного решения ЦК. В настоящее время вопрос решен следующим образом: Украина, как самостоятельная единица, может иметь свою самостоятельную социал-демократическую организацию, а потому может именовать себя социал-демократическая рабочая партия Украины, но так как они не хотят выделяться из общей партии, то существуют на тех же правах, как самостоятельный район»[216]. Иными словами, Смольный дал добро на то, чтобы киевские большевики называли себя украинской организацией, при этом довольно четко определил, что эта организация существует на тех же правах, на каких существовала признанная Питером организация Донецко-Криворожской области.

Скорее всего, изменение позиции ЦК по поводу существования в рядах РСДРП(б) районной организации с упоминанием географического термина «Украина» произошло не без влияния Николая Скрыпника, который в эти самые дни находился в Петрограде. Косвенно это подтверждается тем, что уже 22 декабря Свердлов подписал Скрыпнику удостоверение в том, что «он командируется ЦК партии на Украину в качестве агента ЦК»[217]. Это решение сыграло значительную роль в скором будущем, при определении судьбы Донецко-Криворожской республики и границ Украины. Но ввиду резко изменившейся ситуации приехал Скрыпник не в Киев, а уже в Харьков.

ДОНКРИВБАСС ПРОТИВ ЦИКУКИ

Описанный выше съезд киевских большевиков был намечен на 3 декабря в связи с тем, что именно в этот день должен был стартовать I Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, начало которого в итоге было перенесено на 4 декабря.

Обстоятельства, которые вынудили украинских большевиков покинуть киевский съезд Советов, хорошо изучены и описаны в массе произведений и советских, и самостийных историков (очень часто это одни и те же люди, которые давали прямо противоположные оценки одним и тем же событиям, в зависимости от конъюнктуры). Вкратце напомним, что съезд начался 4 декабря в Купеческом собрании (ныне — Киевская филармония). Для срыва данного мероприятия Центральная Рада прибегла, в общем-то,

к простому, но эффективному методу: прислав толпы своих сторонников и выдав их за делегатов. Вот как данный процесс описывает Бош: «Невзирая на протесты мандатной комиссии и караула, делегаты Центральной Рады без проверки мандатов стали проходить в зал и занимать места. Для всех было очевидным по тому нетерпению и требовательным крикам об открытии заседания съезда, какие раздавались со стороны делегатов Центральной Рады, до крайности возбужденных, явившихся с оружием у пояса и сильно выпивших, что они получили соответствующие инструкции и ждут только сигнала для действий»[218].

Съезд был фактически сорван, и на следующий день делегаты от большевиков, оказавшиеся в абсолютном меньшинстве, приняли решение покинуть Киев. Причем первоначально обсуждался вариант переезда в Полтаву, то есть в город, на который распространялась «юрисдикция» украинской организации большевиков. Но поскольку и этот город находился под контролем отрядов Центральной Рады, решено было ехать в Харьков, где к тому времени прочно обосновался подконтрольный большевикам Артема Совет рабочих депутатов. Скрыпник объяснил это так: «Рабочий класс Надднипрянщины был слишком слабым и количественно, и организационно, к тому же и классово несознательным. Пришлось искать место там, где пролетариат составлял более многочисленное, более объединенное, более сознательное ядро»[219].

Здание Купеческого собрания в Киеве

С легкой руки Евгении Бош, по поводу приезда большевистских делегатов Всеукраинского съезда Советов во многих исторических книгах повторяется одна серьезная ошибка: утверждается, что якобы этих делегатов пригласил лично Артем по поручению Донецкой областной организации. «Артем, по предложению Краевого парткомитета перенести работу съезда в другой город от имени Областного комитета Донецко-Криворожской области, предложил переехать в Харьков, в пролетарский центр Украины, где рабочие прекрасно вооружены и смогут оказать сопротивление Центральной Раде; это предложение было принято, и решено было на другой день всем делегатам выехать в Харьков», — утвержда-

ла Бош.[220] Она писала свои воспоминания, будучи уже во власти смертельной болезни и явно испытывая недостаток в документах под рукой, поэтому в ее работу вкралось немало фактологических ошибок и неточностей (особенно относительно дат и имен). Это касается и байки о приглашении якобы от Артема.

Достоверно известно, что в дни проведения I Всеукраинского съезда Артем находился в Харькове и занимался подготовкой к проведению III съезда Советов Донецкого и Криворожского бассейнов. В частности, он руководил областной конференцией РДСРП(б), которая состоялась в Харькове 5—6 декабря, то есть аккурат в то время, когда Бош и ее киевские коллеги обсуждали, куда бы им податься подальше от Центральной Рады. Причем именно на этом заседании обсуждался пункт «По вопросу об отношении к Украине», итогом которого стало следующее заявление: «В целях выработки общего плана агитации и борьбы созвать в ближайшем будущем съезд партийных организаций Донецкого и Криворожского бассейнов и Юго-Западного края»[221]. Это решение подтверждает, что харьковские большевики, думая о совместном заседании с киевскими коллегами, не вели речь об объединении своих областных организаций, а намеревались лишь координировать с ними действия для совместной агитации и борьбы против Центральной Рады. И не более того! Не шла речь и о слиянии съездов Советов Украины и Донецко-Криворожской области.

Таким образом, примерно к 8 декабря в Харьков группами перебрались десятки делегатов сорванного киевского съезда (официозные украинские исследователи утверждают, что их было 124[222], хотя, судя по представленности на харьковском съезде, их было меньше). А уже в субботу, 9 декабря, в помещении Дворянского собрания в Харькове (находилось на Николаевской пл., разрушено в 1943 г.) открылся III экстренный съезд Советов Донецко-Криворожской области, который был в спешном порядке собран, дабы обсудить отношение к Центральной Раде и «украинский вопрос». По мнению автора предисловия к материалам по ДКР в «Летописи революции»

Здание Дворянского собрания в Харькове

Х. Мышкиса, помимо всего прочего этот съезд «должен был решить вопрос об организации республики» — Донецко-Криворожской республики.[223]

Как выяснилось с первых же минут заседания донецкого съезда, он был нелегитимным. По регламенту, утвержденному II съездом, он должен был бы считаться правомочным, если бы на нем присутствовало более половины Советов области. Из 140 же Советов было представлено лишь 46. Однако ввиду экстренности созыва и чрезвычайных обстоятельств, как это было общепринято в те смутные дни, большинством в 46 голосов против 18 съезд сам себя провозгласил правомочным. После этого решения был заслушан представитель Киевского краевого съезда Советов, который рассказал о причинах приезда его делегатов в Харьков и предложил донецкому съезду «объединиться для совместного обсуждения политических вопросов». Не совсем легитимный донецкий съезд большинством 43 против 11 голосов согласился с этим предложением и решил проводить совместные заседания с не совсем легитимным Киевским съездом Советов.[224] Что не помешало советским пропагандистам на протяжении десятилетий считать это историческим моментом создания Украинской Советской Социалистической Республики.

Но стоит особо отметить, что III съезд Донецко-Криворожского бассейна не прекратил на этом свою работу. Как отмечает Бош, делегаты обоих съездов «приняли постановление, всеми голосами против меньшевиков, объединить работу съездов и устраивать в утренние часы заседания областного съезда по вопросам нужд области, а в вечерние — заседания Всеукраинского съезда Советов». При этом киевляне периодически слышали от харьковцев одергивания: «Не вмешивайтесь вы в наши дела!»[225] Областной съезд, несмотря на такой график, умудрился даже избрать новое руководство области, заменив на посту председателя облсовета эсера Л. Голубовского на большевика Б. Магидова.

По словам Бош, категорическими противниками слияния съездов выступили харьковские меньшевики, предлагавшие вообще вопрос отношений с Украиной и Центральной Радой не обсуждать, а ограничиться принятием «постановления, которым Донецко-Криворожская область объявляет себя автономной областью, независимой ни от украинской центральной власти, ни от российской», а Харьковский Совет считать «высшим органом власти в области». По ее словам, во время дебатов на съезде мнения харьковцев разделились: «Часть товарищей поверила информации радовцев; находила, что раз уже все Советы Украины

признали Центральную Раду, то Харькову приходится только присоединиться; другие считали это мнение совершенно неприемлемым и высказывались за присоединение Донецко-Криворожской области, в которую входит и Харьков, к России»[226].

Скрыпник позже «вспоминал», что «во время первого съезда велось немало споров среди представителей донецких об объединении обоих съездов и звучали далеко не одинокие голоса о том, что рабочие Донбасса не считают себя украинцами, что они русские». Оценивая слова Скрыпника, надо учесть, что он, в отличие от Бош, в дни проведения харьковского съезда еще был в Петрограде. О недостаточной достоверности его «мемуаров» по поводу этого мероприятия свидетельствует хотя бы тот факт, что он упорно называет областной съезд Донкривбасса первым, а не третьим, как это было на самом деле.[227]

А вот воспоминания Владимира Ауссема, избранного на Всеукраинском съезде членом ЦИК советской Украины, в данном случае более ценны. Он, в частности, утверждает, что представитель Донкривбасса Я. Яковлев (Эпштейн) на съезде убеждал всех: «Надо дать возможность мелкобуржуазной Украине создать себе власть по образу и подобию своему, а самим стремиться спасти от рук мелкобуржуазного шовинизма Центральной Рады пролетарский Донбасс, который тяготеет значительно больше к Москве, чем к Киеву»[228].

Результатом работы I Всеукраинского съезда Советов стало избрание Центрального Исполнительного Комитета Украины — органа, который сразу же был окрещен в прессе «Цикукой», каковое название закрепилось за ним навсегда и даже порой попадало в официальные документы. А сама Цикука назначила Народный секретариат, который претендовал на то, чтобы считаться правительством советской Украины. Несмотря на то что киевские участники съезда пытались постоянно убедить харьковцев в необходимости войти во все эти органы, те по-прежнему считали себя отдельной организацией и заявили, «что они воздерживаются от участия в выборах Народного секретариата, мотивируя свой отказ тем, что они не знают избранных членов ЦИК»[229].

Правда, для демонстрации единства с Харьковом в Народный секретариат во главе с Бош были назначены Артем и два представителя якобы от Донецкого бассейна — Лугановский и Мартьянов. Кандидатура последнего, назначенного «министром» почт и телеграфов, возникла вообще неизвестно как, а сам он позже служил во врангелевской контрразведке.[230] Неясно также, было ли включение Артема и Эммануила Лугановского (настоя-

щая фамилия — Португейс) в секретариат согласовано с ними и с Донецким обкомом. Но факт остается фактом: Артем участия в работе этого органа старался не принимать, о чем свидетельствуют воспоминания представителя Цикуки г-на Лапчинского. Тот утверждал: Артем в Народном секретариате советской Украины «не работал потому, что вообще негативно относился к нашей работе. У Артема и его единомышленников в планах было другое, и именно благодаря им на этом же съезде была принята по сути антиукраинская резолюция "О самоопределении Донецкого и Криворожского бассейнов"».[231]

На самом деле, специальная резолюция, на принятии которой настояли донецкие большевики в качестве ответной «любезности» от участников I Всеукраинского съезда, называлась «О Донецко-Криворожском бассейне». Тезис о ее «антиукраинском» характере гуляет и в работах современных историков Украины. Чем приписывать ей столь резкие штампы, лучше приведем весь текст резолюции полностью:

«Принимая во внимание:

1) что Донецкий и Криворожский бассейны представляют собою область однородную в хозяйственном отношении,

2) что всякое разделение Донецкого бассейна вредно отразится на развитии его производительных сил и ослабит единство и мощь пролетарской борьбы,

Всеукраинский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов протестует против преступной империалистической политики руководителей казачьей и украинской буржуазных республик, пытающихся поделить между собою Донецкий бассейн, и будет добиваться единства Донецкого бассейна в пределах Советской Республики»[232].

Нынешние украинские историки полагают: «Проект резолюции, очевидно, готовился к III съезду Советов Донецко-Криворожской области и со временем был лишь соответственно отредактирован: таким образом резолюция не совсем удачно маскировала понятие «Российская Республика» словами "Советская Республика"»[233]. Учитывая все вышесказанное, вполне допустимое предположение. Видимо, слова о «Советской Республике» без указания России или Украины стали своеобразным компромиссом между участниками съезда, приехавшими из Киева, и представителями Донкривбасса. Хотя, в общем-то, особых сомнений по поводу принадлежности региона к Российской Республике не было ни у кого — о том же заявили и участники I Всеукраинского съезда. Мало того, даже Центральная Рада

еще официально не заявляла об отделении Украины от России, хотя ее устремления в этом направлении уже были ясны многим. Надо заметить, что данная резолюция активно замалчивалась в советской и украинской историографии, на что указал в 1988 г. криворожский исследователь П. Варгатюк.[234] Что само по себе является показательным.

Итак, по итогам двух областных съездов Советов, прошедших в Харькове, местная Донецко-Криворожская власть признала правительство советской Украины. Но это не означает, что она согласилась на вхождение Донкривбасса в состав этой Украины. На протяжении короткого периода пребывания Цикуки в Харькове, длившегося месяц, местные политики, включая большевиков, обычно воспринимали киевлян как гостей, как некое «правительство в изгнании», временно находившееся за пределами своей Украины.

И об этом они постоянно напоминали гостям. Бош вспоминает, что еще в день приезда делегации из Киева харьковцы дали понять, что «не потерпят вмешательства «приезжих» в местные дела». «Это если и не было полным объяснением враждебной встречи, то все же серьезным предупреждением, — пишет она. — Краевой парткомитет принял это предупреждение и решил быть сугубо осторожным и не допускать и избегать возможности случайных вторжений в местные дела. Но это нелегко было провести в жизнь, оставаясь в Харькове»[235]. Из нижесказанного будет ясно, что Цикука дала немало поводов для недовольства со стороны харьковцев.

1 января 1918 г. общегородская конференция харьковских большевиков отдельным пунктом своей резолюции указала на временность «изгнания» Цикуки: «Здесь, в Харькове, где временно в настоящий момент находится ЦИК Украины, все местные дела также разрешает местный Совет». При этом киевлянам милостиво позволялось «проводить и здесь, в Харькове, мероприятия, имеющие общекраевое значение, а также необходимые для деятельности ЦИК Украины и Народного Секретариата»[236].

Члены Цикуки навсегда затаили обиду на тот холодный прием, который был оказан им в Харькове. Спустя годы Бош посвящала перечислению этих обид множество страниц в своих мемуарах. «И ответственные товарищи, входившие в ЦИК и Народный Секретариат, и большинство президиума областного Донецко-Криворожского и Харьковского парткомитетов с первых же дней существования Советского правительства начали выявлять свое оппозиционное отношение к избранному ЦИК

Советов Украины и его Народному Секретариату... — вспоминала она, продолжая: — Во все время пребывания Советского правительства Украины в Харькове руководящие областные и харьковские партработники не только не оказывали содействия в работе ЦИК и Народного Секретариата, но значительно осложняли ее и во всем подчеркивали, что за деятельность этих учреждений они ответственности не несут»[237].

Харьковцы постоянно давали понять членам Цикуки, что те — «нежеланные гости». По словам Бош, «недружелюбный» прием проявлялся во всем — даже в таких мелочах, как «устройство на ночевку». Когда члены Цикуки потребовали себе помещение, они услышали ответ от местных властей: «Устраивайтесь как хотите. Мы не обязаны предоставлять вам квартиры». И в итоге «первое советское правительство Украины», как его представляли все советские учебники, было размещено в... харьковской тюрьме! Бош так описывает эту парадоксальную ситуацию: «Подшучивая над «страхами» харьковчан, очевидно, боявшихся нашего соприкосновения с делегатами «их» съезда, и своим «тюремным положением», мы направились по темным закоулкам к знакомым каменным стенам. Старая, но еще не забытая картина: часовые, пропуск, двор — каменный мешок, надзирательница и, наконец, камера... Дней 10 товарищи прожили в своем, не совсем обычном для добровольного вселения, помещении»[238]. В советских учебниках истории Украины об этом не писали...

Будучи по сути правительством в изгнании, Цикука не была удовлетворена такой ролью и пыталась действовать самостоятельно, опираясь на вооруженные отряды Владимира Антонова-Овсеенко. Тот прибыл в Харьков чуть ли не одновременно с делегатами сорванного киевского съезда Советов и, руководя операциями «эшелонной войны» (сначала против донских казаков Каледина, потом против Центральной Рады), разместил свою ставку в штабном вагоне непосредственно на железнодорожных путях — на так называемой «7-й линии». На протяжении нескольких недель отряды Р. Сиверса (он прибыл чуть раньше) и В. Антонова творили произвол, самочинно, не согласовывая свои действия с местной властью, производя аресты среди сторонников Центральной Рады и офицерства.

Противостоял этому произволу областной комитет Советов Донецко-Криворожской области и лично Артем. Как вспоминает Н. Бушев, посланный Артемом в красную ставку, «иногда тов. Антонов-Овсеенко превышал свои права и полномочия на Украине, не согласовывал свои действия с Харьковским комите-

том партии и Советом». Постоянные конфликты харьковцев с Антоновым даже стали предметом отдельного рассмотрения на предновогоднем (30 декабря 1917 г.) заседании Всероссийского Совнаркома под председательством Ленина. По этому поводу правительство России постановило: «Совет Народных Комиссаров предлагает товарищу Антонову действовать в полном контакте с Харьковским советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[239].

Владимир Антонов-Овсеенко

Сам Антонов, рассказывая о «неладах с местным ревкомом», описывает ситуацию таким образом: «К отряду на вокзал прибыли члены местного комитета большевиков во главе с т. Артемом, добивавшиеся от отряда отказа от каких бы то ни было враждебных действий против харьковских радовцев». Таким образом, будущее руководство ДКР (а Антонов помимо Артема жаловался в своей книге на будущих наркомов Рухимовича, Жакова, Васильченко) пыталось защитить от самочинных арестов харьковцев, своих идеологических оппонентов. Тем не менее ряд арестов был произведен, что встретило гневную реакцию и городской Думы, доживавшей свои последние дни, и многофракционных Советов, и самих харьковских большевиков. Один из красных командиров Сиверса жаловался, что «более гнусного отношения к революционным войскам он нигде до той поры не встречал». Артем довольно жестко настоял на том, чтобы арестованные сторонники Рады были выпущены на свободу.[240]

Однако отряды Антонова, хоть и снизили свою активность в городе, продолжали совершать периодические налеты и реквизиции. Харьковские власти, включая большевиков Артема, попытались оградить жителей города от произвола. Но, как признается сам Антонов, несмотря на данное обещание, «приходилось все же применять самостоятельные реквизиции, что вскоре до крайности вновь обострило наши взаимоотношения»[241].

Если руководство Донецко-Криворожского региона пыталось всеми силами противостоять беспределу отрядов Антонова-Овсеенко, то ЦИК Украины, лишенный поддержки в самом

Харькове, напротив, спелся с командующим. Вот как вспоминает об этом сам Антонов: «У меня сразу же установились дружественные отношения с «Цикукой», который прислал в мой штаб своего представителя для постоянной работы в штабе, тов. Сергея Бакинского»[242]. В то время как донецко-криворожские большевики во главе с Артемом пытались отбить арестованных харьковцев у Антонова, Цикука не только не противостояла этому, но и с удовольствием использовала красные вооруженные части, поступившие под командование Антонова-Овсеенко, для своих нужд. Наибольший скандал, чуть ли не приведший к полному разрыву руководства будущей ДКР с советской Украиной, произошел вокруг захвата здания редакции «Южный край».

Как уже было сказано выше, «Южный край» занимал шикарное здание на центральной улице Харькова (ул. Сумская, 13). Вот как его описывает Евгения Бош, обосновавшаяся в этом доме после его захвата, происшедшего 17 декабря 1917 г.: «Помещение редакции имело 10 комнат с громадной приемной. Типография великолепно оборудована, с ротационной машиной... И ЦИК и Народный Секретариат сейчас же смогли приступить к работе и начать выпуск своего органа "Вестник"» (редактором «Вестника УНР» стал Эрде, порвавший с «Донецким пролетарием»).

Здание на Сумской, 13, из-за которого чуть не началась война харьковцев с Цикукой (современный вид)

Если Артем со товарищи несколько месяцев собирал со всего мира деньги на свою типографию и газету, киевские гости особенно не морочили себе голову такими формальностями, став обладателями самой мощной харьковской типографии и прекрасно оборудованного офиса, затратив несколько минут на его захват. Неудивительно, что лично Артем обвинил киевских большевиков в «разбое» и «самозванстве».[243]

Бош с досадой вспоминает: «Занятие помещения буржуазной газеты без санкции исполкома вызвало бурю негодования среди членов Харьковского комитета. Назначили экстренное заседание Областного и Харьковского комитетов и потребовали председателя Краевого для объяснений. Харьковчане обвиняли приезжих товарищей в желании диктаторствовать и считали, что своими действиями

Письмо наркома ДКР С. Васильченко о предоставлении А. Иозефовичу помещения взамен занятой типографии «Южного края» на Сумской, 13

они дезорганизуют местную работу... Началась полоса бесконечных заседаний комитета с требованиями объяснений по всякому незначительному поводу»[244]. Бош связывает эти «придирки» с отсутствием Артема, который якобы сразу после съезда Советов уехал в Петроград и потому не мог «сдерживать оппозицию харьковчан». Однако она явно что-то путает, так как Артем все эти дни находился и довольно активно действовал в Харькове, что подтверждается и местной прессой, и мемуарами Антонова-Овсеенко. А съездил в Питер лидер донецких большевиков лишь в начале января на III Всероссийский съезд Советов.

Надо заметить, что в январе 1918 г., когда Цикука покинул Харьков и вслед за красногвардейцами подалась в Киев, местные большевики и не подумали возвращать здание на Сумской, 13 его законному владельцу. Наученные опытом киевлян, они заняли это здание и разместили в нем редакцию «Донецкого пролетария». Вскоре это здание стало основным офисом властей Донецко-Криворожской республики.

Хотя Иозефович не оставлял надежд вернуть здание обратно и в дни существования ДКР, упирая на то, что помимо «буржуазной редакции» в нем находилась и личная часовня владельца, его домовая церковь. Вопрос об этом доме не раз поднимался на заседании областного комитета ДКР меньшевиками и эсерами. Так, на заседании обкома от 18 февраля 1918 г.,

когда обсуждалась возможность переноса церкви из здания, бывший городской голова Харькова Рубинштейн предложил рассмотреть вопрос об «освобождении от реквизиции» редакции «Южного края». Когда большевиками это предложение было отвергнуто, Рубинштейн сформулировал данный вопрос так: «Чтобы церковь Иозефовича никуда не переносилась, а в случае перенесения, чтобы были соблюдены необходимые канонические правила»[245].

25 февраля народный комиссар по делам управления ДКР уведомил Иозефовича о предоставлении ему «помещения, состоящего из трех комнат и передней с парадным ходом» по адресу: ул. Максимилиановская, д. 11 (ныне — Ольминского).[246] После гражданской войны в здании «Южного края» разместилось «Общество старых большевиков», где даже останавливалась Надежда Крупская.[247] И поныне оно украшает центр города, хотя многие харьковцы даже не догадываются, что это здание стало «яблоком раздора» между двумя советскими республиками, видевшими Харьков своей столицей.

Своими действиями (Бош называла их «решительными», харьковцы — «агрессивными») Цикука вызвала всеобщую неприязнь в городе. В Харькове затем не раз менялись власти, но большего единодушия в негативных оценках местная пресса не проявляла по отношению к любой из властей.

Вот как отозвался об отъезде ЦИК Украины меньшевистский «Наш Юг»: «Цикука уехала в Киев и с властью ее в Харькове можно считать вопрос покончен-

Ц. И. К. Донкривбас противъ Цикуки.

ным. Мало найдется у нас граждан, которые бы не пожелали «Советскому правительству Украины» счастливого пути. Напротив, мы вправе рассчитывать на то, что чувство облегчения вместе с нами разделят и многие единомышленники украинских народных секретарей... Бош, Кулик, Скрипник своими сверхдемагогическими выступлениями... немало поработали над тем, чтобы на вечные времена оставить в памяти харьковцев отталкивающий образ того учреждения, которое избрало их своими министрами»[248].

На неправомочность Цикуки указывали фактически все местные органы власти, проявляя в этом редкое единодушие. Так, на VI губернском съезде крестьян 22 января 1918 г. эсер Голубовский, возглавлявший одно время Донецкий областной комитет

Советов, сообщил, что Совет крестьянских депутатов постановил не считать правомочным ЦИК Украины, «а считать его только организационным бюро». Сообщение Голубовского было дополнено известием о том, что Цикука не считается правомочной и местным Советом рабочих и солдатских депутатов. В итоге губернский съезд единогласно присоединился к резолюции «о непризнании ЦИК Украины правомочным»[249].

Не отставали от антибольшевистской прессы и сами харьковские большевики. Так, издававшаяся ими газета «Известия Юга» охарактеризовала краткий период «харьковского сидения» ЦИК Украины следующим образом: «Когда Ц. И. К. Укр. сидел в Харькове, что он сделал для Донецкого и Криворожского бассейна, т. е. для территории нынешней Донецкой Республики? Увеличил хозяйственную разруху»[250].

Над Цикукой в Харькове откровенно потешались. Как пишет современная харьковская пресса, она «обогатила городской фольклор потрясающим глаголом «цикукать» — нести ахинею»[251]. Кстати, одним из поводов для шуток стал тот факт, что в своем составе ЦИК Украины не имел «ни одного украинца, кроме пресловутого Медведева» (непонятно, почему Скрыпник не был отнесен авторами статьи к украинцам) и при этом «из кожи лез вон, чтобы вести национальную украинскую политику»[252]. А непримиримая Евгения Бош стала предметом постоянных шуток и издевательств местной прессы, не раз посвящавших ей едкие памфлеты, вроде этого:

«Осерчала крепко Бош...
Вишь, Совет наш нехорош
«Соглашательский»...
Столько месяцев корпел,
Мог наделать много дел
Сногсшибательских...
Он же критику пущал
И Антонова ругал
Ох, ругательски!..
«Надо, молвит Бош, в ответ
Перевыбрать весь Совет
Обывательский»...
Слушал эту речь Совет
И смеялся ей в ответ
Гомерически...
Этот смех — ей в сердце нож...
Пуще волновалась Бош
Истерически»[253].

Евгения Бош

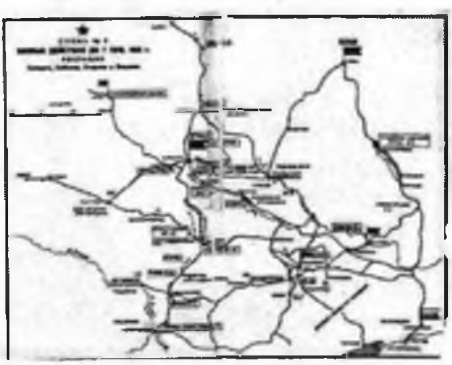
Как видно из подобной реакции либеральной прессы Харькова, на начало 1918 года местный Совет воспринимался харьковцами (в том числе не большевиками) вполне спокойно. И его противопоставляли нелюбимым в городе Цикуке и отрядам Антонова-Овсеенко, объединяя их в своем сознании воедино. Неудивительно, что Скрыпник, Бош и Антонов в своих мемуарах так болезненно описывали холодный прием, оказанный им Харьковом и донецко-криворожскими властями в конце 1917 года.

НАЧАЛО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Пребывание Антонова-Овсеенко и ЦИК Украины в Харькове сопровождалось двумя боевыми операциями, в которых приняли непосредственное участие военные формирования местной Красной гвардии, ставшие затем основой армии Донецко-Криворожской республики. Во время первой операции большевистские войска очистили Донбасс от донских казаков Каледина.

Отношения донецких рабочих и донских казаков никогда безоблачными не были. Начиная с горняцких забастовок 1900-х и особенно бунтов 1905 г., казаки активным образом регулярно задействовались центральной властью для усмирения шахтеров и металлургов. Зачастую карательные акции проводились очень жестко и даже жестоко.

«Российская Вандея», как называли казачий Дон уже в 1917 г., активно проявила себя в дни корниловского мятежа, в ходе которого также состоялись стычки с революционно настроенными шахтерами. После подавления мятежа Временное правительство пыталось арестовать атамана Великого Войска Донского Алексея Каледина, но оказалось бессильным противостоять казачьей автономии. По словам меньшевика Николая Суханова, казачьи «оккупационные» войска появились

Карта боевых действий в Донбассе в январе 1918 г. (из воспоминаний Антонова-Овсеенко)

в Донбассе еще до октябрьского переворота: «Казацкие империалисты, заботясь об аннексиях, не забывали и контрибуций, а также и о водворении порядка в соседних государствах. В Донецком бассейне появились оккупационные отряды казацкой республики. Под предлогом восстановления нормального хода работ они заняли отдельные шахты... По всей совокупности условий Донецкий бассейн мог быть целиком оккупирован и отторгнут от России со дня на день. Последствия ясны. Наш новый грозный сосед [имеются в виду казачьи земли, уже тогда провозглашавшие себя республиками. — *Авт.*] был явно опаснее Вильгельма»[254].

В последние годы написано немало восторженных книг и статей по поводу доблестных донских казаков, сражавшихся до последней капли крови против большевизма. Понятно, что современные авторы пытаются восполнить пробел, вызванный многолетним замалчиванием деятельности казаков и их атаманов, их огульным оплевыванием и однобокими оценками. Однако не стоит впадать и в другие крайности. Нельзя забывать, к примеру, грустные слова генерала Деникина, посвященные донским казакам образца 1917 года: «Замечательно, что даже в конце октября, когда, вследствие порыва связи, о событиях в Петрограде и Москве и о судьбе Временного правительства на Дону не было еще точных сведений, и предполагалось, что осколки его где-то еще функционируют, казачья старшина... искала связи с правительством, предлагая помощь против большевиков, но... обусловливая ее целым рядом экономических требований». Среди этих требований — «оставление за казаками всей «военной добычи» (?), которая будет взята в предстоящей междоусобной войне»[255]. То есть еще осенью 1917 г. казаки намеревались идти в соседние «большевистские» районы Донбасса за «военной добычей», не стесняясь того факта, что добычу доведется отбирать у своих соотечественников.

Не признав октябрьский переворот и новую большевистскую власть, казачьи войска активизировали свою деятельность не только в Донской области, но и в сопредельном рабочем Донбассе. Каледин заявил: «Охрана рудников — дело самих казаков»[256], после чего начались регулярные стычки рабочих отрядов с донцами. В Донецкий бассейн с фронта начали стягиваться различные казачьи формирования, которым киевская Центральная Рада давала возможность беспрепятственно проезжать территорию Украины, что в итоге вызвало конфликт Совнаркома с Киевом.

10 ноября большевики Харькова начали свою первую мобилизацию. «Донецкий пролетарий» в передовой статье провозгласил: «Донецкому бассейну грозит опасность удушения. А следовательно, и всей России грозит опасность остаться без угля... На помощь к Донецкому бассейну, на выручку к Ростову, Совету которого угрожает смертельная опасность!»[257]

«Все стороны глубоко осознавали стратегическую ценность Донбасса, — пишет Теодор Фридгут. — Для большевиков в Петрограде контроль донбасского угля и металла виделся как вопрос жизни и смерти, и преимущественно русский пролетариат Донбасса представлялся как главная надежда Советской России на вытеснение украинской Рады и сохранение контроля над индустриальным комплексом Донбасса так же, как над сельскохозяйственными богатствами и стратегической территорией Украины»[258].

Собственно, ради спасения Донбасса и прибыл в Харьков Антонов-Овсеенко со сравнительно небольшими вооруженными формированиями. Здесь он пополнился отрядами местных красногвардейцев, обученными Рудневым и Рухимовичем, а также рудневскими солдатами 30-го полка, которые уже с ноября принимали участие в стычках с калединцами. По ходу движения в Донбассе красные пополнялись за счет местных шахтеров и металлургов.

19 декабря, вступив в пределы Донбасса, Антонов-Овсеенко выпустил обращение к населению региона: «Революционный порядок будет установлен в Донецком бассейне решительной и твердой рукой. Калединцев и их пособников объявляю вне закона. Всем казачьим отрядам предписываю немедленно оставить рудники и вернуться на Дон»[259].

Отряд красногвардейцев из числа харьковских рабочих в декабре принял активное участие в операции по вытеснению казаков из Дебальцево. «Такой отряд был организован из рабочих (до 700 чел.) и послан под командой тт. Ганнуса и Рухимовича в Донбасс. Как только отряд прибыл в Дебальцево, наше положение здесь улучшилось, — вспоминает участник похода. — Затем отряду пришлось побывать не только в Дебальцево, но и в Енакиево, а позже, двигаясь по линии Дебальцево—Штеровка, заняться организацией Красной гвардии и восстановлением Советов в Кадиевском районе. В Щетово произошел первый бой с казаками, откуда отряд направился в Ровеньки». После боя за станцию Зверево красногвардейцы Харькова оказались обескровленными. «Утомившись в беспрерывных боях, потеряв за весь период опе-

рации свыше 50 человек, отряд возвращается в Харьков», — довершает свои воспоминания красногвардеец.[260]

Почему-то советские официальные учебники отсчитывали хронологию Гражданской войны в России с мятежа «белочехов» весной 1918 г. Хотя можно утверждать, что первые широкомасштабные операции противоборствующих сторон начались осенью 1917 г. в Донбассе, именно здесь пролилась «первая кровь» этой войны. Можно сейчас долго спорить о том, кто начал проливать эту кровь, кто несет ответственность за эскалацию насилия. Известно, к примеру, что Каледин медлил с операцией против Советов Ростова в ноябре, поскольку, по его признанию, ему «было страшно пролить первую кровь»[261]. Однако операцию он провел, кровь полилась...

С каждой битвой, с каждой новой жертвой страсти накалялись, разжигая с обеих сторон ненависть друг к другу. Деникин, вспоминая о боях тех лет, писал о том, что армии действовали «без своей территории, без тыла, без баз». «Представлялось только два выхода: отпускать на волю захваченных большевиков или «не брать пленных»... Без всяких приказов жизнь приводила во многих случаях к тому ужасному способу войны «на истребление», который до известной степени напомнил мрачные страницы русской пугачевщины»[262]. Так действовали все без исключения — деникинцы, калединцы, большевики. Искать сейчас, спустя столетие, виновных и зачинщиков насилия не имеет смысла.

Особое ожесточение у большевиков вызвали действия легендарного казачьего есаула Василия Чернецова, получившего прозвище «усмиритель Донбасса». Его так прозвали за первую боевую операцию возглавляемого им партизанского отряда (Антонов-Овсеенко оценивал численность этого отряда в 600 сабель и 2 орудия) — по захвату станции Дебальцево, ранее занятой красногвардейцами Харькова. По приказу Чернецова был зверски убит начальник Красной гвардии Дебальцево Н. Коняев и расстреляны несколько большевиков (по разным данным — от 8 до 13). Сейчас в честь Коняева в Дебальцево назван рабочий поселок.[263]

Сам Чернецов затем использовал этот случай для устрашения противников. К примеру, сохранились воспоминания чернецовцев о телеграфных переговорах их есаула с неким большевистским главковерхом, который вновь обосновался в Дебальцево. Чернецов продиктовал в адрес красных: «Позвольте же мне, старому вояке, сказать на прощание несколько частных слов вам, неведомый главковерх, стыдящийся своего имени. Я, конечно, не

сомневаюсь в вашем блестящем знании и опытности в боевом деле, приобретенных вами, по всей вероятности, в бытность вашу чистильщиком сапог где-нибудь на улицах Ростова или Харькова. Все же мне почему-то кажется, что вас вскоре постигнет участь друга вашего Коняева (комиссар Коняев был пригвожден штыками к вагону во время налета партизан на Дебальцево). То же

Чернецов Василий Михайлович

Родился в 1880 г. в станице Калитвенской Области Войска Донского в семье ветеринарного фельдшера. Казачий полковник, обладатель Георгиевского оружия.

Чернецов является легендой белого движения. О нем еще при жизни слагали былины, которые умножились после его трагической гибели. У красных же его имя было символом бессмысленной жестокости и насилия.

В 1909 г. окончил казачье юнкерское училище в Новочеркасске. В 1914 г. в чине сотника ушел на фронт, где покрыл себя славой, был трижды ранен. В чине есаула вернулся домой в 1917 г., был делегирован от казаков в Совет солдатских депутатов Макеевки. За поддержку корниловского мятежа в сентябре 1917 г. был арестован по приказу макеевского большевика Бажанова, позже возглавившего Совет народного хозяйства ДКР.

С ноября 1917 г. принимает активное участие в борьбе Каледина против большевиков в Донбассе, устраивает жестокие карательные экспедиции против шахтеров, проводит серию геройских атак против красногвардейцев, за что от Каледина получает звание полковника.

21 января 1918 г. раненым попадает в плен к большевикам под станицей Каменской, бежит, вновь попадает в плен. Версии гибели разные: одни утверждают, что он погиб, пытаясь напасть на конвой, другие представляют его смерть как хладнокровное убийство конвоирами. Последняя версия красочно описана в «Тихом Доне» Михаила Шолохова.

Деникин написал по поводу гибели казака: «Со смертью Чернецова как будто ушла душа от всего дела обороны Дона. Все окончательно разваливалось».

самое получат и все присные ваши: Бронштейны, Нахамкесы и прочие правители советской державы. Напоследок позвольте у вас спросить: все ли вы продали, или еще что осталось? Ну, до скорого свидания, ждите нас в гости!..»[264]

Устрашили подобные карательные акции большевиков или нет, неизвестно, но то, что в среде рабочих озлобление они вызвали, в этом нет никаких сомнений. Случай с убийством Коняева затем активно использовали в своей антикалединской агитации большевики. Нынешние же биографы Чернецова с удовольствием смакуют множество легенд, в которых есаул открыто демонстрирует презрение к рабочим и шахтерам.

Как бы то ни было, те самые бывшие «чистильщики сапог» из Харькова, о которых презрительно отзывался «опытный вояка» Чернецов, довольно быстро разбили казачьи отряды в Донбассе. В январе 1918 г. застрелился атаман Войска Донского А. Каледин. На фоне этих боев события, связанные с разгромом Центральной Рады, которые ныне украинские учебники преподносят чуть ли не как колоссальную войну, выглядят скорее эпизодом, незначительным отвлечением вооруженных сил, формирующихся в Донецко-Криворожском бассейне, от основных событий.

ПОХОД НА УКРАИНУ

Как уже упоминалось выше, «украинский вопрос» всерьез в Донецко-Криворожском бассейне не обсуждался вплоть до 1917 г. Конечно, он фигурировал в прессе, на различных политических собраниях, но, за исключением упомянутых маргиналов вроде Михновского, мало кто включал этот вопрос в местную политическую повестку дня. Либеральная харьковская пресса, долгое время с сочувствием относившаяся к украинскому движению, считала это проблемой Киева, Полтавы, но никак не Харькова. О Донбассе и говорить не приходится.

Однако с возникновением Центральной Рады, которая изначально предъявляла права на Екатеринославскую и Харьковскую губернию, данная тема все чаще начала обсуждаться в этих регионах. Как известно, Киевская Рада была сформирована довольно сомнительным путем — 3 марта 1917 г. сотня киевских интеллигентов из Товарищества украинских прогрессистов собралась в клубе «Родина» (излюбленном месте сбора украинских поэтов

и писателей) и решила создать некую организацию, претендовавшую на координацию «украинского движения»[265].

По поводу, мягко говоря, недостаточной легитимности сформированного подобным образом органа высказывались тогда постоянно. Об этом даже заявило Временное правительство, комментируя желание Рады распространить свои полномочия на 12 губерний, включая Донецко-Криворожскую область: «Можно ли признать Центральную Украинскую Раду правомочной в понимании признания ее компетенции по поводу выражения воли всего населения, местностей, которые эта Рада желает включить в количестве 12 губерний в территорию будущей автономной Украины? Поскольку эта Рада не избрана всенародным голосованием, то правительство вряд ли может признать ее представительницей точной воли всего украинского народа»[266].

Позицию Временного правительства пояснил П. Милюков: «Центральная Рада, не вышедшая из всенародного избрания и представлявшая только одно из течений украинства, не являлась достаточно компетентным органом для выражения воли всего украинского народа и не представляла вовсе не-украинских элементов. С этой точки зрения выделение 12 губерний в состав территории будущей Украины являлось предрешением воли местного населения, украинского и не-украинского»[267].

Возможное признание полномочий Рады и тем более границ действия этих полномочий вызвали настоящий шок у опытнейших юристов. Известнейший авторитет в области международного права, профессор Борис Нольде заявил, что русские юристы после Февральской революции привыкли читать много «смелых» правовых актов, но акта, подобного Универсалу Центральной Рады, «им читать еще не приходилось». Нольде так пояснил это: «Неопределенному множеству русских граждан, живущих на неопределенной территории, предписывалось подчиниться государственной организации, которую они не выбирали и во власть которой их отдали без всяких серьезных оговорок. Русское Правительство не знает даже, кого оно передало в подданство новому политическому образованию... Над этими миллионами русских граждан поставлена власть, внутреннее устройство и компетенция которой внушают полное недоумение»[268]. Здесь стоит обратить внимание, что полномочия Советов депутатов различного уровня тогда тоже вызывали у ведущих юристов замечания, но в целом против наличия подобных представительских органов они не возражали. Это нужно учесть при сравнении уровней «легитимности» Центральной Рады и

правительства Донецко-Криворожской республики, сформированной выборным органом.

На размытости границ понятия «Украина» согласно договоренностям Временного правительства и Центральной Рады указывали и сторонники последней. Д. Дорошенко считал, что Петроград, выдавая в июле 1917 г. Раде «Устав высшего управления Украиной», сознательно не указал границ «для того, чтобы иметь позже свободные руки при установлении границ автономии Украины»[269].

Тем не менее во «Временной инструкции Генеральному секретариату Украинской Центральной Рады, утвержденной Временным правительством» 4 августа 1917 г., границы определялись довольно четко: «Полномочия Генерального секретариата распространяются на губернии Киевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую, за исключением Мглинского, Суражского, Стародубского, Новозыбковского уездов»[270].

Данное исключение Милюков пояснил тем, что в перечисленных уездах «вовсе не было украинского населения». Он же приводит любопытную статистику по поводу тех регионов, которые Рада хотела отнести к Украине: «В Таврической, хотя украинцы и составляют более половины (53%) населения всей губернии, но население это сосредоточено в трех северных уездах (от 73 до 55%), в Крыму же украинцы составляют меньшинство (26—8%), а в Ялтинском уезде их нет вовсе. В Херсонской губернии целых два уезда — Одесский и Тираспольский — неукраинские. В Екатеринославской и Харьковской губерниях неукраинское население живет и среди сельского и, особенно, среди городского населения, и общественное мнение по вопросу о выделении Украины в особую автономную единицу было далеко не единодушно»[271].

Любопытно, что украинские политики того времени сами неоднократно использовали подобную статистику, обосновывая притязания Украины на тот или иной уезд, находившийся за пределами губерний, в которых малороссийское население составляло большинство. Логика была следующей: под понятие «Украина» целиком подпадают

губернии, в которых преобладает украинское население, и те уезды или даже населенные пункты в «неукраинских» губерниях, где малороссами себя считало хотя бы относительное большинство. Почему-то на «русские» уезды «украинских» губерний подобный подход не распространялся.[272]

При этом Временное правительство допускало возможность расширения границ «автономной» Украины на другие губернии или их части «в случае, если созданные в этих губерниях... земские учреждения выскажутся за желательность такого расширения»[273]. В данном пассаже впервые в официальном документе выражается намерение при определении будущих границ Украины хоть как-то учесть мнение общественности «спорных» регионов. В то же время Милюков утверждает, что указанием лишь на земские органы, ориентированные на деревню, дискриминировались представители русской и иных национальностей данных регионов: «Хотя неупоминание о городских органах самоуправления и ставило неукраинцев в невыгодное положение при этом «плебисците», все же это было лучше, чем решение вопроса при помощи одних только «общественных организаций», вроде тех национально-украинских, о которых говорил первый универсал»[274].

Украинские же деятели категорически не хотели ничего слышать об общественном мнении, выдавая позицию своих общественных организаций за таковое. Винниченко веселился, вспоминая переговоры с экспертами Временного правительства о границах Украины: «Вымеряя территорию будущей автономии Украины, они коснулись Черного моря, Одессы, Донецкого района, Екатеринославщины, Херсонщины, Харьковщины. И тут от одной мысли, от одного представления, что донецкий и херсонский уголь, что екатеринославское железо, что харьковская индустрия отнимется у них, они до того заволновались, что забыли о своей профессорской мантии, о своей науке, о высоком Учредительном собрании, начали размахивать руками, распоясались и проявили всю суть своего русского гладкого, жадного национализма. О, нет, в таком размере они ни за что не могли признать автономии. Киевщину, Полтавщину, Подолье, ну пусть еще Волынь, ну пусть уже и Черниговщину, это они могли бы еще признать украинскими. Но Одесса с Черным морем, с портом, с путем к знаменитым Дарданеллам, к Европе? Но Харьковщина, Таврия, Екатеринославщина, Херсонщина? Да какие ж они украинские? Это — Новороссия, а не Малороссия, не Украина. Там и население в большинстве своем не украинское, это, одним словом, русский край».

Винниченко весело рассказывает о том, как украинской делегации пришлось долго пояснять русским профессорам суть понятия «автономия»: «Автономная часть определенного государственного целого не лишала какую-то другую автономную часть (Великороссию) или все целое (Россию) возможностью пользоваться... путями, портами, морями этой части»[275]. Это веселье Винниченко выглядит довольно парадоксальным с учетом того, что события описывались им уже в 1920 г., то есть спустя два-три года после того, как в результате действий той же Центральной Рады и лично Винниченко «автономия» преобразовалась в «самостийность». То есть на момент написания мемуаров уже было понятно, что опасения петербургских профессоров были на самом деле небеспочвенными.

Милюков в своих мемуарах довольно красноречиво доказывал тот факт, что Центральная Рада не отражала мнение даже жителей города Киева, в котором она пользовалась большей поддержкой, чем в глубинке: «В конце июля выборы в Киевскую городскую Думу наглядно показали, что даже в самом Киеве собственно украинское движение опирается лишь на одну пятую (20%) избирателей. Список русских избирателей (В. В. Шульгин) собрал 15% и список к.-д. [кадетов. — *Авт.*] 9%; таким образом, два эти списка вместе уже превышали по числу избирателей список украинский... Состав Генеральной Рады совершенно не соответствовал составу избирателей. Ее украинское большинство было небольшим меньшинством в городе, а ее неукраинское меньшинство представляло почти половину населения (46%). «Буржуазная» же четверть населения («русские» и к.-д.) вовсе не были там представлены. Это, конечно, не могло не ослабить значения Рады как местного представительства»[276].

Самое интересное, что большевики поначалу поддерживали Раду, преимущественно состоявшую из социалистов, и даже сотрудничали с нею на разных уровнях. Всем, например, известно, что Первый Универсал был радостно поддержан Лениным. Но на местах некоторые организации шли дальше Ленина: газета полтавских большевиков «Молот» «горячо приветствовала Третий Универсал и, сравнивая его с ленинскими декретами, не находила в них принципиальных разногласий». Действительно, социал-популистские лозунги Рады и РСДРП(б) во многом совпадали. Неслучайно лидер киевских большевиков г-н Пятаков даже вошел в состав Малой Рады и в один из ее органов — «краевой комитет по охране революции»[277].

Даже в Луганске, где большевики к осени уже были властью, они признавали: «До 17 ноября мы работали с украинцами вместе». В некоторых городах большевики обсуждали возможность создания предвыборных блоков с украинскими партиями. Впрочем, как и с другими национальными: к примеру, большевики Чернигова в июле 1917 г. вели переговоры с еврейской «Поалей цион», а большевики Одессы — с еврейским Бундом[278].

Сотрудничали с немногочисленными украинскими партиями и большевики Харькова. Причем, по мнению Эрде, «не очень редко». Так, он рассказывает, что при выборах главы исполкома Харьковского Совета решающие голоса в поддержку ставленника большевиков П. Кина дали несколько украинских депутатов. «Это был один из тех случаев, не очень редких, когда своими голосами «украинцы» давали перевес большевистской фракции», — вспоминает Эрде.[279]

Сам Артем, выступая в Харькове 11 ноября 1917 г., пояснял сотрудничество с украинскими националистами следующим образом: «В борьбе с контрреволюцией мы должны использовать революционное национальное движение, пусть контрреволюция встретит максимум препятствий на своем пути!» Одновременно лидер будущей ДКР недвусмысленно дал понять, насколько серьезно местные большевики расценивают влияние украинского движения на массы: «Вопрос в том, насколько влиятельны идеи этих представителей украинской демократии в рабочей и солдатской среде украинского народа. И тут мы не должны преувеличивать значения националистического украинского движения». А уже несколько дней спустя Артем заявил: «Отношение к Центральной Раде у большевиков такое же, как и к бывшему правительству Керенского»[280].

Да и сами члены Центральной Рады, похоже, не испытывали особых сомнений по поводу уровня своей влиятельности и популярности, о чем неоднократно упоминал один из ее лидеров В. Винниченко: «Кто в те времена... был среди народа, особенно же среди солдат, тот не мог не заметить чрезвычайно острой антипатии народных масс к Центральной Раде... Я в то время уже не верил в особенную приверженность народа к Центральной Раде. Но я никогда не думал, что могла быть в нем такая ненависть. Особенно среди солдат. И особенно среди тех, которые не могли даже говорить по-русски, а только по-украински, которые, значит, были не латышами и не русскими, а своими, украинцами. С каким пренебрежением, ненавистью, с каким мстительным глумлением они говорили о Центральной Раде...

Но что было в этом действительно тяжко и страшно, так это то, что они вместе с этим высмеивали и все украинское: язык, песню, школу, газету, книжку украинскую... И это была не случайная одна-другая сценка, а общее явление от одного конца Украины до другого»[281].

Если это признает лидер Рады, можно себе представить, что думали ее оппоненты. К примеру, Деникин считал: «"Жовто-блакитный прапор", покрывший собою политическое и социальное движение, служил национальным символом разве только в глазах украинской, преимущественно социалистической интеллигенции, но отнюдь не народной массы»[282].

Этот тезис был верен в отношении всей Украины и уж тем более в отношении промышленных регионов Юга России. Редактор большевистской газеты «Звезда» Серафима Гопнер вспоминала: «Мы, екатеринославцы, в особенности в первые недели революции, ни разу не вспомнили, что мы работаем на Украине. Екатеринослав был для нас крупнейшим городом юга России — и только». В декабре 1917 г. «Донецкий пролетарий» отмечал: «Наши организации на 70 процентов состоят из украинских рабочих и солдат и в высшей мере равнодушны, а чаще всего враждебны к национальным устремлениям». Фридгут также отмечает, что для Донбасса была характерна полная «индифферентность Советов к украинскому национальному движению и их игнорирование Рады, желание поддерживать связи лишь с Петроградом»[283].

Отношение луганцев к известию о том, что их регион также причислен к Украине, описано в письме Ворошилова в ЦК РСДРП(б) от 19 ноября 1917 г.: «Мы волею судьбы проживаем в пределах «Катеринославщины», которую наше «вильне казацтво» объявило принадлежностью Украинской республики. Отсюда наши доморощенные украинизаторы делают такие практические выводы, от которых нашим товарищам приходится круто. Так, например, они на некоторых рудниках потребовали роспуска Советов и создания их на новых условиях — с 70% украинцев и 30% других национальностей, не беда, что в этих Советах, избранных на основе всеобщего избирательного принципа, не оказалось ни одного украинца, их теперь у нас думают фабриковать... Нам уже навязывают Раду и запрещают признавать Петроградское правительство. Конечно, пока мы плюем на всю эту шумиху»[284]. Характерны слова о «фабрикации украинцев» — позже, с оккупацией Донецко-Криворожской республики и стартом официальной украинизации этих регионов, данные слова будут употреблять многие.

Не менее интересные сведения приходили из уездных, а стало быть, более украинских городков региона. К примеру, в репортаже из Бахмута описывалось, как сторонники Центральной Рады вплоть до декабря 1917 г. неоднократно срывали уездные съезды Советов крестьянских депутатов: «Бахмутская рада эти съезды срывала, созвав представителей от разных рад, просвит, гайдамаков, куреней, вильного козацтва, от социал-демократов, эсеров... с каждой деревни и рудника по 2—3. Таким образом оказывалось, что из 70—80 представителей — 60 приезжало не по приглашению». Кстати, стандартная практика действий Центральной Рады и ее представителей в 1917 году. И заканчивались такие «посиделки» тоже довольно стандартно для украинского самостийнического движения: «Солдатики, натравливаемые этими господами и украинцами, начали дебоширить, но острие этих волнений обратилось, главным образом, против евреев, лавки которых стали разгромляться»[285].

Равнодушие жителей региона к «украинскому вопросу» проявилось в дружном игнорировании выборов в Украинское учредительное собрание, которые, согласно Третьему Универсалу Центральной Рады, необходимо было провести до 27 декабря 1917 г. Харьковская конференция большевиков приняла по этому поводу следующую резолюцию: «Конференция считает излишним участие в выборах в Украинское учредительное собрание, переносит окончательное решение этого вопроса для Харьковской губернии на губернскую конференцию»[286].

Да и деревенские районы Донецко-Криворожского региона, где позиции украинских партий были несколько сильнее, чем в городе, скептически отнеслись к идее участия в этих выборах. Крестьянские сходы Купянского, Сумского, Изюмского, Старобельского уездов единодушно заявили о нежелании проводить такие выборы. На губернском крестьянском съезде (преимущественно — эсеровском) в январе 1918 г. Сумской уезд, к примеру, «высказался определенно против Укр. У. С.» и предложил, «что в будущем необходимо — всеобщее» (то есть Всероссийское) Учредительное собрание. Столкнувшись с таким единодушием представителей крестьян Харьковской губернии, организаторы съезда решили в дальнейшем даже не обсуждать данный вопрос.

Не менее единодушной была реакция на Четвертый универсал Центральной Рады, объявлявший создание самостийной Украины с распространением ее границ на Донецко-Криворожскую область. Реакция большевиков всем известна, но даже меньшевики Донкривбасса, до последнего момента поддерживавшие Раду,

назвали это «Шагом назад» — именно так озаглавил свою статью Феликс Кон. Мнение меньшевиков он выражал таким образом: «И Украина, и остальная Россия от такого отделения экономически ослабевает, ослабевает в силу этого и рабочий класс и украинский, и русский. Рушится связь между одной частью пролетариата и другой, связь крепкая, построенная на фундаменте общности интересов, общности борьбы. С разрушением этой связи создается почва для культа — национализма. Все эти соображения заставляют нас видеть в опубликовании Универсала об отделении Украины весьма вредный для пролетариата шаг назад»[287].

ЧЕТВЕРТИЙ УНІВЕРСАЛ
УКРАЇНСЬКОЇ ЦЕНТРАЛЬНОЇ РАДИ.
Народе Україні!

Больше всего жители Харькова и пролетарских районов Донбасса были обескуражены тем, что их как бы отделили от России, включив в новое государственное образование, не спросив ни их самих, ни избранных ими представителей. Еще после Третьего универсала повсюду стали звучать требования провести местные референдумы и плебисциты, чтобы у жителей была возможность высказаться по поводу принадлежности их региона к России. Повсюду местные Советы стали принимать резолюции о непризнании решений Рады.

Так, Юзовский Совет 5 декабря 1917 г. принял резолюцию следующего содержания: «Третий универсал... сводится к непризнанию Радой правительства Советов, борьбе с Советской властью и насильственному — без предварительного опроса населения — навязыванию власти теперешней Киевской Рады населению местностей, не выбиравших Рады и протестующих против политики Рады». Единственной законной властью Юзовский Совет признавал ЦИК Советов России.[288]

Идея проведения опроса населения была поддержана и исполкомом Донецко-Криворожской области (на тот момент в нем состояло 7 большевиков и 13 меньшевиков и эсеров). Резолюция призвала к проведению референдума о политическом будущем региона, при этом было подчеркнуто, что вся область сохраняется в составе России.[289]

Кстати, на референдуме по поводу принадлежности тех или иных регионов к Украине настаивало тогда и советское руководство России. Об этом недвусмысленно заявил представитель ленинского Совнаркома Иосиф Сталин в переговорах по прямому проводу с одним из лидеров Центральной Рады Николаем Поршем 17 ноября 1917 г. Участвовавший в этих переговорах представитель киевских большевиков Сергей Бакинский указал Сталину на недемократичность Рады, на что будущий «вождь народов» отреагировал: «Это, должно быть, так. Да и понятно из того, что Центральная Рада сверху присоединяет к себе все новые и новые губернии, не спрашивая жителей этих губерний, хотят ли они войти в состав Украины. Мы все здесь думаем, что в таких случаях вопрос должен и может быть решен лишь самим населением путем опросов, референдума и проч. Поскольку Центральная Рада этого не делает, а совершенно произвольно и сверху аннексирует новые губернии, она сама разоблачает себя как организацию недемократическую. Съезд Советов Украины должен дать, между прочим, мнение о способе опроса населения по вопросу о принадлежности к той или иной области».

В ответ Порш начал откровенно врать своему собеседнику: «Мнение о недемократичности Центральной Рады противоречит фактической стороне дела... О присоединении к Украине Ц. Радою губерний сверху должен заявить, что вы глубоко ошибаетесь: еще до Универсала Екатеринославский, Харьковский, Херсонский крестьянские губернские съезды высказались за присоединение к Украине. Екатеринославский и, если не ошибаюсь, Харьковский и Одесский Советы рабочих и солдатских депутатов высказались за присоединение»[290]. Никогда подобных решений означенных Советов в природе не существовало. И думается, генеральный секретарь труда и военных дел Центральной Рады прекрасно был об этом осведомлен.

В этом же разговоре Сталин не мог не обозначить позицию своей партии: «Взгляды этой власти по национальному вопросу таковы: признание за нациями права на полное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Воля нации определяется путем референдума или через

национальные конституанты». Отсылка к теории права наций на самоопределение была фактически обязательной при обсуждении «украинского вопроса» — в конце концов, это право было принципиальным положением программы РСДРП(б). По словам Троцкого, Роза Люксембург, принимавшая активное участие в обсуждении этой программы, утверждала, что «украинский национализм, бывший ранее лишь «забавой» дюжины мелкобуржуазных интеллигентов, искусственно поднялся на дрожжах большевистской формулы самоопределения»[291].

На самом деле, говорить о том, что «право наций на самоопределение» — исключительно гениальное изобретение Ленина (а именно подобный тезис нам навязывали советские теоретики марксизма-ленинизма), — значит кривить душою. Теоретики большевизма вообще мало что изобретали: взяв на вооружение классическую, уже ставшую модной к концу XIX века теорию Маркса, Ленин гениально комбинировал ее с различными новомодными теориями, подчиняя их целям тактической борьбы за власть. О праве наций на самоопределение тогда не говорил только ленивый. Причем не только в России — так, именно в 1917 году этот тезис стал ключевым в риторике президента США Вудро Вильсона.[292]

Арнольд Марголин (будущий замминистра в петлюровской Директории) вспоминал, как данная формула дебатировалась на нескольких съездах российских партий различной направленности весной-летом 1917 г.: «Докладчики на съезде трудовиков... настаивали на признании за всеми национальностями, населяющими Российское государство, права на самоопределение вплоть до отделения от России (точнее — от Великороссии)... Приблизительно в то же время собрался в Москве Всероссийский съезд партии социалистов-революционеров, где тождественная формула была принята подавляющим большинством. Наконец, немногими днями позже Съезд Советов принял точно такую же резолюцию и предъявил требование к Временному правительству, чтобы оно официально провозгласило право всех народов на самоопределение вплоть до отделения».

Марголин рассказал, что этот вопрос вызвал споры лишь на I съезде партии народных социалистов (энесов), который состоялся в Петрограде в июне 1917 г. и в котором он был докладчиком по национальному вопросу. Активно этот тезис продавливал известный российский публицист Василий Водовозов. Марголин вспоминает, что на указания о том, что данной формулой немедленно воспользуется Финляндия, «Водовозов ответил столь же решительно, как и неубедительно: "Финский народ этого не сделает, ибо финлянд-

Граф Оттокар фон Чернин

цы не так глупы и не так подлы, чтобы отделиться от России"». Марголин резонно задавался вопросом: «Для чего же Водовозов и его единомышленники так ломают копья за свою формулу, раз они уверены, что даже финляндцы ею не воспользуются?» Таков был подход основной массы российской либеральной интеллигенции к модной формуле самоопределения наций.[293]

Да и не только либеральной — большевичка Бош тоже признавалась: «Пункт нашей программы о праве наций на самоопределение вплоть до отделения оставался голым лозунгом». Мало того, более либеральные социалисты критиковали большевиков за отступление от данного принципа! И это несмотря на то, что первым шагом большевиков после захвата власти было принятие «Декларации прав народов России», второй пункт которой провозглашал то самое «право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства». И этим пунктом, конечно же, воспользовались и Финляндия, и Польша. Так что господа Водовозовы оказались посрамлены.[294]

Этот же лозунг активно использовался и большевиками, и немцами, и представителями Центральной Рады во время мирных переговоров в Бресте. Одним из базовых принципов российской делегации на переговорах был пункт о необходимости проведения референдума на всех спорных территориях по поводу их принадлежности к тому или иному государству (кстати, министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Оттокар фон Чернин заявил, что этот принцип не может быть применен к немецким колониям). В начале января 1918 г., когда немцы остро поставили вопрос о признании делегации Украины, воспользовавшись тем самым принципом «самоопределения наций», на который постоянно ссылалась делегация России, последняя официально предложила: «В соответствии с принципами Российского Правительства, которое задекларировало право всех народов, проживающих в России, на самоопределение вплоть до отделения от России, населению в этих районах будет предоставлена воз-

можность в возможно кратчайший период решить полноценно и свободно вопрос об их союзе с одной или другой империей или же о формировании отдельных государств». Надо ли говорить о том, что идея о референдумах и самоопределении различных спорных регионов так и осталась благим пожеланием?[295]

При этом широкие массы, постоянно слыша слова о «праве народов на самоопределение», с трудом воспринимали их. Очевидец тех событий вспоминает: «Среди деятелей революции мало кто давал себе ясный отчет в конкретных очертаниях требований и пожеланий отдельных национальностей. Формулы о «национально-территориальной автономии», о «полном национальном и культурном самоопределении», о «праве национальностей на распоряжение своей судьбой» были туманны и для большинства — лишены конкретного содержания»[296].

Неудивительно поэтому, что в описываемый период появлялись просто потрясающие по своей стилистике и смысловому содержанию документы вроде телеграммы «воинов-украинцев 12-й армии» на имя советского главковерха Николая Крыленко от 3 декабря 1917 г.: «Гражданин Крыленко, согласны ли вы с тем, что в самоопределившуюся нацию вы не имеете права вмешиваться и не в вашей власти обещать самоопределять Украину, ибо народ не самоопределяют, а он сам самоопределяется»[297].

Вопрос о самоопределении народов в январе 1918 г. стал ключевым на III Всероссийском съезде Советов, объявившим Россию федеративным государством. На нем Сталин как основной докладчик вынужден был пояснять: «Принцип самоопределения был понят Калединым и Радой совсем иначе, чем его понимаем мы». Сталин выступал в те самые дни, когда большевистские войска подходили к Киеву, и вынужден был оправдываться по поводу операций против УНР: «Нам бросали упрек в гражданской войне с беспомощным врагом, но только в борьбе с контрреволюцией куется революция и сметает на своем пути препятствия вроде организаций, подобных Раде»[298].

Повторимся, речь идет о практически беспрепятственном продвижении разношерстных, слабо обученных, недостаточно вооруженных большевистских отрядов к Киеву. Эти операции хорошо известны украинскому читателю по эпическим описаниям вооруженного столкновения под Крутами — настолько важного в боевом смысле, что основная масса большевиков в своих многочисленных мемуарах его «не заметила». Сегодняшние описания этой битвы сводятся к тому, что мощные орды регулярной армии большевистской России, некие «Сибирские полки» (до 5600 человек), подходя

Перезахоронение в Киеве студентов, погибших под Крутами

к Киеву, столкнулись с героическим сопротивлением группки (до 420 человек) необстрелянных украинских студентов, задержавших продвижение большевиков к столице УНР. Современная пропаганда красочно описывает «кровавую резню», которую большевики после этого устроили в Киеве («такой кровавой резни украинская столица не видела со времен нашествия хана Батыя», — гласит современный школьный учебник[299]), скромно умалчивая о том, что этой резне предшествовала не менее кровавая расправа петлюровцев над киевскими рабочими, поднявшими восстание против Рады.

Конечно, в новомодных мифах о столкновении под Крутами больше вымысла, чем правды. Начнем с того, что авторы украинских учебников забывают упомянуть о примерном равенстве сил во время большевистского похода на Киев. А ведь даже современные украинские исследователи вынуждены признать: «Численного преимущества советские войска над вооруженными силами Центральной Рады не имели. Это касается соотношения сил и в отдельных пунктах (например, под Полтавой оно было 1:2,5 в пользу Рады), и в общем по республике»[300]. Другой исследователь истории Украины пишет: «Большевистские и украинские силы по численности хоть и были почти равными, но моральное состояние их было совсем разным. Советские войска и красногвардейские отряды имели четкое подчинение большевистскому командующему В. Антонову, не прибегали к митингам и, в большинстве случаев, четко исполняли боевые приказы. В отличие от В. Антонова и его штаба украинское военное руководство и подчиненные ему войска пребывали в состоянии анархии и хаоса... Именно потому В. Антонов сравнительно легко брал украинские города один за другим»[301]. В этом и пояснение, каким образом под Крутами (как, собственно, и в других местах Украины) большинство оказалось на стороне красногвардейцев — «героические» войска Центральной Рады в это время были заняты мародерством и резней рабочих в Киеве, им было не до войны.

В корне неверно представлять бой под Крутами и иные сражения этой операции как войну между русскими и украинцами, что сейчас часто делают историки. С этой точки зрения трудно было бы объяснить, почему те же самые студенты и юнкера Киева с таким же энтузиазмом спустя год будут записываться в отряды для защиты города от Петлюры — как бы от Украины. Кроме того, сторонники официальной точки зрения стараются обычно не упоминать о том, что на Киев наступали не регулярные «российские войска», а в основном отряды красногвардейцев, собранные в Донецко-Криворожском бассейне. Многие из них были этническими украинцами. С точки зрения сторонников теории «соборной Украины» довольно странно представлять их «российскими оккупационными войсками». И с той, и с другой стороны были и русские, и украинцы. Это действительно был акт гражданской войны, о чем упомянул и Сталин с трибуны съезда Советов.

В этой связи стоило бы вспомнить, что планы войск Антонова и харьковских красногвардейцев ничем особенно не отличались от планов Центральной Рады. Если план наступления красных на Киев был одобрен лишь в начале января 1918 г., то «Особый штаб обороны Украины», перед которым Центральная Рада поставила задачу овладеть «оплотом большевизма» Харьковом, был сформирован еще 15 декабря 1917 г.[302] (в него, кстати, вошел тот самый Порш, который уверял Сталина в приверженности Харькова «украинской идее»). Так что большевики отличались от Центральной Рады лишь тем, что сумели организовать наступление, а сторонники Винниченко и Петлюры не смогли оказать им хоть какое бы то ни было серьезное сопротивление.

Описания того, с какой легкостью харьковские красногвардейцы брали города, в которых до этого как бы устанавливалась власть Центральной Рады, не отличаются разнообразием. Это признается и одной, и второй стороной. Лишь 18 января по новому стилю Антонов-Овсеенко издал приказ о начале наступления на киевском направлении, а уже 8 февраля (то есть ровно через три недели) Киев окончательно был под контролем большевиков. Для сравнения: мощной армии Германии и Австрии спустя некоторое время для преодоления расстояния от Киева до Харькова потребовалось больше месяца.

Мифом является и то, что якобы основную ударную силу большевиков составляли некие Сибирские полки, то есть регулярные обученные войска. Действительно, в ударной группе Муравьева-Егорова, двигавшейся на Киев, было до 700 штыков 11-го Сибирского полка[303], который прибыл из-под Риги в Харьков в

Красногвардейцы, участники боя за Киев в январе 1918 года

пяти эшелонах. Однако сохранились воспоминания непосредственного участника похода этого полка Н. Бушева, которые доказывают, что полк, прибывший с фронта, фактически и не вступил в бой, дойдя до самого Киева. Автор мемуаров пишет, что ехал с Сибирским полком в передовом эшелоне, и при этом добавляет: «Но и мы не были передовыми, так как в авангарде шли харьковские, московские и донецкие красногвардейцы... В Полтаву мы прибыли тогда, когда станция и город были уже освобождены от петлюровцев советскими передовыми отрядами»[304].

6 января 1918 г. отряд Муравьева, состоявший самое большее из 500 бойцов харьковской Красной гвардии, фактически без боя взял Полтаву, в которой в это время находились фантомные украинские полки — Мазепинский и Сагайдачного. Хотелось бы при этом особо отметить, что тот самый «кровавый палач» Муравьев всех украинских гайдамаков после сдачи ими оружия почему-то моментально распускал по домам. Некоторые из них даже успели вернуться в Киев, чтобы принять участие в последующих боях с большевиками.[305]

Бушев пишет, что во время продвижения по линии Полтава—Ромодан—Лубны—Гребенка боев фактически не было. Получая известия о том, что где-нибудь замечен отряд гайдамаков, высылались небольшие отряды. «При этих столкновениях, — вспоминает Бушев, — гайдамаки быстро рассеивались... Потерь с нашей стороны почти никаких не было... На станции Гребенка уточнили, почему мы до сих пор не встретились с противником. Как выяснилось, по линии впереди нашего полка продвигался отряд красногвардейцев, который и гнал эшелоны петлюровских войск на Киев.

Растерянность среди гайдамаков была неимоверная. Небольшой отряд советских бойцов выходил из вагонов, рассыпался в редкую цепь» и рассеивал гайдамаков. Эти воспоминания подтверждают, что основной силой Муравьева был отряд красногвардейцев, сформированный под эгидой большевиков Харькова.[306]

В это же время небольшой отряд 30-го полка и красногвардейцев (всего лишь около 120 штыков) под командованием Н. Руднева самостоятельно без всякого выстрела взял Сумы, разоружив местную милицию, юнкеров Сумского кадетского корпуса, подразделения 10-го драгунского Новгородского полка и запасной артиллерийский дивизион у города.[307]

Бушев, проехавший в передовом эшелоне 11-го Сибирского полка весь путь от столицы Донецко-Криворожской области до столицы УНР, засвидетельствовал перестрелку лишь у Дарницы и утром 24 января уже прибыл на станцию Киев-Товарная. За все время этого «великого похода» на Киев потери 11-го Сибирского полка «составили шесть человек раненых и несколько контуженых»! При этих обстоятельствах говорить о каком-то серьезном сопротивлении со стороны УНР и об «эпических баталиях» — значит искажать историю.[308]

Украинский эмигрантский историк Иван Лисяк-Рудницкий по этому поводу писал: «Легенда, которую нужно сдать в архив, — это сказка о «бесчисленных полчищах» врагов, под ударами которых якобы пала украинская государственность. В действительности интервенционные московские армии во время первого и второго наступления (зимы 1917/18 и 1918/19 г.) были относительно небольшими. Кремль до лета 1919 г. не обладал большой регулярной армией... Если могли сохранить независимость Финляндия и миниатюрные балтийские республики, расположенные перед воротами Петрограда, то разве не должна была устоять многомиллионная Украина с ее колоссальными ресурсами?.. Так что причины неудачи нужно искать в первую очередь во внутреннем положении самого общества на Украине»[309].

Наверное, эмигранту тяжело было понять, что это самое общество не воспринимало наступавшие на Киев войска как «интервенционную», «чужую» армию. Судя по мемуарам комиссара С. Моисеева, чуть ли не единственного большевика, который «заметил» стычку под Крутами, местное население гораздо более враждебно относилось к войскам Центральной Рады, чем к замоскворецкой Красной гвардии. Даже Винниченко вынужден признать, что Киев встретил отряды харьковско-донецкой Красной гвардии более чем дружелюбно: «Когда большевики под

командою Муравьева вступили в Киев, голова Киевской думы, правый эсер и ненавистник большевизма, приветствовал вступление большевиков в Киев как момент «воссоединения единого русского пролетариата» (читай: «единой, неделимой России»). А черносотенная и контрреволюционная пресса, поскольку она могла выходить, вполне открыто это говорила и хвалила большевиков и всю их национальную политику»[310].

Деникин так прокомментировал бегство Центральной Рады и практически бескровное взятие Киева большевиками: «Во всех этих событиях... поражает полное отсутствие национального момента в идее борьбы или, по крайней мере, совершенно ничтожное его значение... Клич «Хай живе вільна Україна!» совершенно не будил ни разума, ни чувства в сколько-нибудь широких кругах населения, отзываясь неестественной бутафорией. Ничего «народного», «общественного», «национального» не было в столкновении советских и украинских банд — безыдейных, малочисленных и неорганизованных. И вовсе не они решили исход событий: было ясно, что большевизм Советов побеждал психологически полубольшевизм Рады, петроградский централизм брал верх над киевским сепаратизмом»[311].

Как бы то ни было, бои с калединцами в Донбассе и поход на Киев были первыми боевыми операциями рабочих отрядов, сформированных в Донецко-Криворожской области. Данные отряды положили начало армии ДКР. Кроме того, события декабря 1917 — января 1918 г. окончательно убедили руководителей региона в том, что им нужно действовать сплоченно во имя совместных интересов, укреплять единство области и срочно предпринимать шаги для того, чтобы ни у кого не было сомнений в принадлежности края к единому Российскому государству. Покорив Киев и отправив туда Цикуку, харьковские элиты в срочном порядке приступили к организационному оформлению своей республики.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНСЕНСУС ПО ПОВОДУ СУДЬБЫ РЕГИОНА

В таких условиях создавалась Донецко-Криворожская республика.

Те немногие исследователи, которые уделяли в своих трудах хоть немного внимания истории ДКР, с легкой руки авторов журнала «Летопись революции» сходились на том, что впервые вопрос

о создании государственного образования в Донбассе на официальном уровне был поставлен 17 ноября 1917 г. (то есть через несколько недель после октябрьского переворота в Петрограде) на пленарном заседании областного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Донкривбасса в Харькове. Основной доклад «Об украинском вопросе» сделал меньшевик Рубинштейн, который выдвинул популярную в крае идею «неделимости Донецкого бассейна и неподчинения областного управления другим территориальным областным правительствам». Судя по названию доклада, понятно, что таким «областным правительством» харьковцы считали Центральную Раду, ставя Донецко-Криворожскую область и Украину на одну ступень административно-территориальной иерархии. В принятой резолюции содержался призыв провести референдум на территории Донкривбасса по данному вопросу.[312]

Скрыпник утверждает, что идеи «отделения Донецкого бассейна от Украины» возникли и «бродили в головах некоторых наших товарищей» еще в августе-октябре 1917 г. Правда, он не поясняет, каким образом в августе можно было Донбасс «отделить от Украины» — с учетом того, что советская Украина еще не была провозглашена, а даже согласно договоренностям Центральной Рады с Временным правительством Донбасс составной частью Украины не считался. Артем на упомянутом заседании обкома 17 ноября как раз заявил, что харьковцы протестуют «против всяких аннексий уже самими украинцами», подчеркнув: «Мы за свободу самоопределения областей и народов на Украине»[313].

Еще один непосредственный участник IV съезда Советов Донецко-Криворожской области Николай Попов, избранный на нем кандидатом в члены областного комитета, писал, что «...идея самостоятельной, независимой от Украины и включенной в состав РСФСР так называемой Донецко-Криворожской республики родилась у некоторых харьковских и донбасских товарищей под давлением ростовских товарищей, которые приехали в Харьков из Ростова после взятия последнего Калединым». Видимо, Попов имеет в виду редакторов «Донецкого пролетария» Васильченко, Филова, Жакова. Причем, по мнению Попова, принципиальное согласие на это не было предварительно получено «в партийном порядке, а было непосредственно вынесено на съезд»[314].

Довольно любопытное заявление, если учесть тот факт, что Николай Попов не мог знать подоплеки принятия решений внутри большевистской организации Харькова по одной простой при-

чине: на момент проведения IV областного съезда Донкривбасса он был... одним из лидеров харьковских меньшевиков и нещадно громил на страницах партийной печати большевиков вообще и Артема в частности. Это не помешало ему в 1930-е годы издавать как бы «мемуары» под названием «Очерки истории Коммунистической партии большевиков Украины», в которых он критиковал Артема и К° за то, что в идее создания ДКР они солидаризовались с... меньшевиками, то есть с ним в том числе! Такие поразительные метаморфозы были обычным делом для постреволюционной России.

Попов Николай Николаевич

Родился 24 декабря 1890 г. (5 января 1891 г.) в Кутаиси в семье учителя. Член РСДРП (меньшевиков) с 1906 г. Автор трудов по истории партии большевиков.

В 1918 г. он был критиком ДКР за то, что ее создали большевики, а в 1930-е годы не менее яростно критиковал ДКР за то, что она была создана вопреки большевикам. Членство в меньшевистской партии не помешало ему позже издавать книги, в которых он гневно громил меньшевиков за их «антисоветскую деятельность».

Учился в Харьковском и Московском университетах (оба не окончил в связи с революционной активностью). С 1908 г. — секретарь Харьковской организации РСДРП. В 1911 г. приговорен к ссылке. Вернулся в Харьков после Февральской революции, принял активное участие в пропагандистской войне против ленинцев.

С 1919 г. примкнул к большевикам. В 1921—1923 гг. был секретарем Харьковского губкома КП(б)У, с 1924 г. — заведующий агитационного отдела ЦК РКП(б) и лектор Института марксизма. С 1930 г. — кандидат в члены ЦК ВКП(б). Автор многочисленных трудов по истории партии, которые считались основными учебниками для советских вузов. Среди изданных им книг — популярный ныне сборник «Революция на Украине по мемуарам белых». Один из теоретиков украинизации.

В разгар голода 1930-х гг. назначен секретарем ЦК КП(б)У, принимал активное участие в репрессиях по поводу «срыва плана хлебозаготовок», позже стал третьим секретарем ЦК КП(б)У, директором Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК Украинской компартии.

Арестован в 1936 г. Расстрелян 10 февраля 1937 г. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1956 году.

В реальности же фактически самодостаточная власть в Харькове и в большей части подконтрольного ему региона сложилась уже в дни корниловского мятежа, то есть в конце августа — начале сентября 1917 г. Уже тогда создававшиеся «революционные комитеты», «комитеты спасения революции» и т. д. совместно с Советами различных уровней брали на себя ответственность за власть на местах, а порой и провозглашали как бы самостоятельные административные образования.

Еще 3 сентября харьковские большевики заявили: «Харьковский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов признается единственной властью в городе». 4 сентября 1917 г. Артем, выступая на конференции фабрично-заводских комитетов, доложил рабочим: «Я должен сообщить вам, что в настоящее время мы порвали с Временным правительством и приступили к образованию своей власти, к организации которой будет привлечен весь Донецкий бассейн». Через три дня он сообщал в Питер о создании многопартийного «революционного штаба» (2 большевика, 2 меньшевика, 2 эсера и даже 1 представитель украинских партий). Лидер местных большевиков пояснял: «Штаб — верховный орган, не подчиненный Временному правительству и сосредоточивший в себе всю власть на местах. Фактически это было декретированием республики Харьковской губернии»![315]

В некоторых районах Донбасса в те дни местные органы власти пошли даже дальше. Шахтеры Щербиновских рудников во время корниловского мятежа попытались провозгласить себя «отдельным государством», но якобы были удержаны от этого шага лидером местных большевиков Грузманом. Тем не менее, создав «комитет спасения революции» у себя на рудниках, они единогласно провозгласили: «Объявляем с 30 августа 1917 г. диктаторскую власть исполнительного комитета Совета рабочих депутатов Щербинского подрайона... Комитет спасения революции обладает диктаторскими полномочиями, неисполнения постановления которого будут караться со строгостью всех мер, способных спасти революцию»[316].

Таким образом, о «республике Харьковской губернии» речь шла и в начале сентября, когда ни Третьего, ни Четвертого универсалов еще не было. В ее формировании участие принимали отнюдь не только большевики. По словам будущего наркома труда ДКР Бориса Магидова, уже осенью 1917 г. возникла идея создания Донецкой республики Советов, что якобы «было горячо поддержано широкими рабочими массами»[317].

Можно спорить о том, каким образом Магидов выяснял уровень «поддержки рабочими массами». Но нельзя отрицать и того факта, что в деле самостоятельного администрирования и выделения своих регионов в отдельные «республики» Донкривбасс был далеко не пионером. Ничего экстраординарного для тогдашней России в этом не было. Один из лидеров меньшевиков Николай Суханов в своих воспоминаниях писал, что к тому времени во всей России «начался и достиг угрожающих размеров» областной сепаратизм, причем это явление «поддерживали массы». «Интеллигентские затеи опять-таки становились на реальную почву... — пишет Суханов в своих мемуарах. — Они питались, росли и процветали за счет все того же источника: революционная власть не поспевала за нуждами народа, за требованиями революции. И нации, и области говорили: управимся лучше сами»[318].

Поэтому неудивительно, что харьковцы, принимая различные постановления о взятии власти в свои руки, постоянно упоминали об «общероссийском знаменателе». Скажем, 8 ноября городская конференция РСДРП(б) единогласно постановила: «В отношении к разрешению вопроса о местной власти в Харькове усилия большевистских фракций в Советах должны быть направлены к подведению Харькова под общий знаменатель российской власти — власти Советов»[319].

По мере роста активности Центральной Рады в Киеве и артикуляции ее притязаний на промышленные губернии Юга России тезис о неделимости экономического района Донбасс стал использоваться и как противовес данным притязаниям. Так, 15 ноября 1917 г., выступая в Харьковской городской Думе, большевик Э. Лугановский заявил, что Харьковская губерния и Донбасс находятся на территории, которая никак не может считаться Украиной, а причисление их к Украине «в экономическом отношении весьма губительно, поскольку тем самым осуществляется расчленение Донецкого бассейна»[320].

Через день пленум исполкома областного Совета в Харькове отверг Третий универсал Центральной Рады и потребовал проведения референдума о самоопределении края. А лидер местных большевиков Артем предложил «создать независимую от киевских центров самоуправляющуюся автономную Донецкую область и добиваться для нее всей власти Советов». В итоге пленум по инициативе Артема принял резолюцию: «Развернуть широкую агитацию за то, чтобы оставить весь Донецко-Криворожский бассейн с Харьковом в составе Российской Республики

и отнести эту территорию к особой, единой административно-самоуправляемой области». Как видим, речь не идет об «отделении» от Украины, куда политические партии Донкривбасса не причисляли свой регион изначально, речь идет об «оставлении» этого региона в России. Нынешние же украинские исследователи преподносят эту резолюцию как первый документ, проявивший «намерение об отделении Донецко-Криворожского бассейна» от Украины.[321]

24 ноября Харьковский Совет принял резолюцию по поводу отношения к Центральной Раде, внесенную большевиками и «частью украинских (!) социалистов» (ее поддержали 119 из 191 голосовавших), в которой заявлялось: «III Универсал в связи со своей практической политикой теперешних вождей Рады сводится к... насильственному, без предварительного опроса населения, навязыванию власти теперешней Киевской рады населению местностей, не выбиравших Рады и протестующих против политики Рады... Совет протестует против аннексии Харькова и части Донецкого бассейна Радой и по-прежнему признает единственной властью в Харькове и Донецком бассейне Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Совет протестует также против отдачи части Донецкого бассейна на съедение Каледину и поддержит, если окажется необходимым, даже с оружием в руках тружеников шахт в их борьбе с Калединым, признает необходимость нерасчленения Донецкого бассейна по каким-либо историческим или другим признакам и необходимость оставления центром бассейна гор. Харькова». Единственной законной властью Совет признавал питерский Совнарком.[322]

Такие же аргументы выдвигались в бассейне и за пределами Харькова. Так, 5 декабря 1917 г. Юзовский Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором превалировали меньшевики, принял резолюцию против Центральной Рады, где было особо указано: «Расчленение Донецкого бассейна по каким-либо историческим или другим признакам недопустимо»[323]. Таким образом, можно утверждать, что к концу 1917 года в сознании многих жителей Донбасса этот регион уже воспринимался как единое административное и экономическое целое.

В этой же резолюции была особо отмечена необходимость сохранения Донбасса в составе России. По мнению Фридгута, «эти два тесно связанные тезиса — интеграция Донбасса и его принадлежность России, а не независимой Украине — играли ключевую роль в политике Донбасса»[324].

Лев (Юлий) Мартов

И вновь-таки повторимся, подобный подход был не только и не столько выдумкой большевиков. Острая дискуссия по этому же поводу разгорелась и в среде их оппонентов. К примеру, об этом свидетельствуют материалы экстренного съезда меньшевиков 3—4 декабря 1917 г., опубликованные в воспоминаниях лидера меньшевистской партии Льва Мартова (он же — Юлий Цедербаум). На этом съезде особо жарко дебатировался вопрос «об автономии и федерации». И центральным местом этой дискуссии стал как раз вопрос об Украине и Донбассе. Ряд депутатов отметил, что Центральная Рада встала на путь «аннексионизма» в отношении Крыма и Донбасса. Был упомянут и вопрос о спорах Украины и донского казачества по поводу принадлежности Донбасса. Депутаты из Харькова Семен Семковский и Арон Сандомирский (кстати, последний через несколько месяцев стал одним из основателей ДКР) предложили выделить Донбасс в «особую самоуправляющуюся область»[325]. Заметьте, Артем тут совершенно ни при чем!

Говоря о Донбассе, Семковский заявил: «Район этот не вполне украинский по составу населения, но Украина претендует на него. Между тем, экономическая связь между ним и всей Россией очень тесна. Много имеет за себя решение вопроса путем выделения этого района впредь до плебисцита в особую самоуправляющуюся область. Это показало бы также, что общие интересы страны имеют право на внимание к ним»[326].

Арон Сандомирский (его в июне 1917 г. Ленин лично назвал человеком, «весьма основательно осведомленным о фактах» в Донецком районе) на съезде заявил: «В Донецком бассейне социал-демократия находится в особом положении по сравнению с другими местностями и имеет иные практические задачи... Мы за самоопределение наций, но мы должны найти такие для него формы, чтобы национальные отношения не тормозили развития капитализма. И перед нами в Донецкой области стоит вопрос, может ли развиваться российский капитализм, если питающий его

район, Донецкий бассейн, будет отрезан от России таможенной стеной со стороны Украины... Наилучшее решение вопроса было бы выделение бассейна в самоуправляющуюся область, может быть, связанную и с Украиной, и с Доном, но прежде всего — со Всероссийским Учредительным собранием»[327].

Все делегаты меньшевистского съезда непременным условием будущего Донбасса и других регионов России выдвинули обязательный плебисцит населения данных территорий. Главный докладчик М. Либер заявил: «Та же Украинская Рада, так энергично воевавшая против всяких комиссаров сверху, сама назначает своих комиссаров в те области, где большинство составляют не украинцы. Наша позиция в таких вопросах должна быть требованием производства специального референдума среди населения о том, куда оно хочет примкнуть»[328].

Все эти заявления свидетельствуют о том, что к концу 1917 — началу 1918 г. в региональных организациях ведущих политических партий Донецко-Криворожской области (включая и больше-

Семковский (Бронштейн) Семен Юльевич

Родился 4 (16) марта 1882 г. в Могилеве. Двоюродный брат Льва Троцкого. Один из лидеров и основных идеологов меньшевизма, член РСДРП с 1901 г. Доктор философии и социологии, академик.

Один из авторов идеи о придании Донецко-Криворожскому бассейну статуса самоуправляющейся области и проведения референдума в крае для определения его административной принадлежности.

Окончил юридический факультет Петербургского университета. Был близок к «Бунду», уже в 21 год примкнул к меньшевикам. За революционную деятельность преследовался властями, в результате чего вынужден был эмигрировать в 1907 г. В эмиграции (большей частью в Вене) провел десять лет. В Австрии тесно сотрудничал со своим кузеном Львом Троцким, выпуская вместе с ним газету «Правда» (альтернативную ленинской). Как писал советский историк В. Клушин, Семковский играл при Троцком роль «теоретического адъютанта». Что не помешало затем Семковскому, по свидетельству А. Луначарского, превратиться в «заклятого врага» кузена.

В 1917 г. вернулся в Россию, сразу вошел в ЦК меньшевиков. В 1918 г. оказался в оккупированном Киеве, преподавал в Киевском университете, в 1919 г. был арестован там при Деникине. С 1920 г. неоднократно арестован в Киеве большевиками, несколько раз безуспешно пытался эмигрировать. В 1921 г. ему было официально запрещено заниматься общественной и политической жизнью, в том же году он публично порывает с меньшевиками, поддерживая большевиков, и переезжает в Харьков, где преподает на кафедре диалектического материализма.

С 1926 г. — директор Института марксизма-ленинизма при украинской Академии наук. В 1934—1936 гг. — завкафедрой истории европейской культуры и председатель комиссии философии при АН Украины. Автор многих книг о философии марксизма.

Как троцкист арестован в 1936 г., расстрелян 18 марта 1937 года.

виков, и меньшевиков, и левых эсеров) сложился определенный консенсус по поводу нескольких принципиальных положений: 1) Донецко-Криворожский регион, включая те районы Донбасса, которые находились в Области Войска Донского, должен составлять единое административное целое; 2) Донецко-Криворожский регион не может быть оторван от России; 3) судьбу административной принадлежности Донецко-Криворожского региона должны определить сами его жители на референдуме или плебисците.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДОНЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Как уже говорилось, вопрос формального провозглашения Донецко-Криворожской республики должны были обсудить еще на III областном съезде Советов в начале декабря 1917 г. Однако эти планы пришлось отложить из-за неожиданного приезда в Харьков делегатов Всеукраинского съезда и начала боевых действий против Каледина, в которых были задействованы многие Советы региона. В этой связи было отложено решение важных организационных вопросов, связанных с проблемой функционирования областного комитета Донкривбасса, — на тот момент в самих Советах уже сложилось устойчивое большинство РСДРП(б), а в обкоме большевики находились в фактической оппозиции. В результате нормальная деятельность исполнительного областного органа была заблокирована, практически каждое заседание обкома сопровождалось скандалами.

На одном из таких скандальных заседаний и было принято решение о проведении IV областного съезда Советов. Произошло это 9 января 1918 г., когда фракции большевиков на заседании фактически не было — Артем с делегацией уже уехал в Петроград на III Всероссийский съезд Советов, а часть большевиков, включая Руднева и Рухимовича, руководили подготовкой наступательной операции своих отрядов на Киев. Жаков, один из немногих большевиков, которые были на заседании областного комитета, предложил в этой связи считать заседание «рабочим совещанием» и ограничиться принятием решения о дате областного съезда Советов (из чего видно, что вопрос о съезде был уже предварительно согласован всеми фракциями). Однако обком под председательством левого эсера Голубовского решил проводить полноценное заседание, после чего большевики во главе с Жако-

вым отказались принимать участие в голосованиях. Без особых прений решено было созвать съезд на четверг, 25 января.[329] Как обычно бывало в те годы, по просьбам местных Советов, которым необходимо было больше времени на избрание своих делегатов и поездку в Харьков, дату открытия съезда затем сдвинули на два дня. Таким образом, формально большевики даже не принимали участия в решении о созыве областного съезда Советов, на котором в итоге было принято решение о создании ДКР.

Уже 10 января областной комитет Донкривбасса объявил повестку дня предстоящего съезда:

1. Текущий момент и экономическая политика в Донецком бассейне (это было вызвано начавшейся там разрухой и дезорганизацией хозяйства в виду продолжавшихся боев рабочих и казаков).

2. Текущие дела.

3. Выборы (имелись в виду выборы руководства нового областного комитета и исполкома).[330]

Норма представительства Советов и порядок их избрания были стандартными для того времени: крупные Советы, объединяющие 2—10 тыс. рабочих или солдат, получали 1 голос, остальные, более мелкие Советы, должны были объединяться с коллегами для получения 1 голоса на всех.

Как видно из повестки дня, вопрос о создании Донецко-Криворожской республики в ней не значился, что затем дало основания некоторым историкам партии утверждать о «неподготовленности» и «несогласованности» данного вопроса с руководством РСДРП(б). Хотя стоит подчеркнуть еще раз: Артем в это самое время был в Питере и встречался с Лениным.

При этом съезд не собирался кулуарно, как пытаются порой представить нынешние историки. Практически все партии и партийные СМИ края развернули широкую агитацию данного

ДОНЕЦКІЙ
ПРОЛЕТАРІЙ
25 Января (отвр. ст.) Областной Съѣздъ Совѣтовъ.

Анонс предстоящей работы IV областного съезда в «Донецком пролетарии»

мероприятия и публично обратились к Советам различных уровней с призывом организовать необходимое оповещение о подготовке и работе съезда. Кулуарную работу в это время вели как раз противники создания Донецкой республики — члены Цикуки В. Затонский и С. Бакинский 23 января послали в большевистский ЦК закрытое письмо с просьбой «провести в ЦК вопрос о нежелательности создания отдельной автономной республики Донецкого бассейна». Для решения этого вопроса ленинцы просили прислать лично Сталина, который должен был бы «на месте убедиться в ошибочности позиции отдельных донбассовских руководителей и не допустить отрыва бассейна от Украины»[331]. Кто знает, как бы отреагировал на эту просьбу Сталин, получи он письмо вовремя. Однако оно было переадресовано в его наркомат по делам национальностей лишь 28 февраля 1918 г., то есть на следующий день после провозглашения ДКР.

Практически все партии края приурочили к началу съезда свои организационные мероприятия с тем, чтобы согласовать общие позиции по каждому из вопросов повестки дня. Так, большевики наметили на 25 января свой областной партийный съезд, который впервые собрали в редакции «Южного края» на Сумской, из чего можно предположить, что уже по состоянию на 23 января (когда анонсировалось это собрание) Цикука покинула захваченное ею помещение. Именно на этом совещании Васильченко и Жаков представили тезисы доклада о провозглашении ДКР и «приблизительную схему новой организации». Участники мероприятия постановили широко осветить этот вопрос в прессе, что было поручено тем же Васильченко и Жакову.[332] Видимо, по итогам данного совещания и родилась вышеупомянутая телеграмма Бакинского и Затонского.

Эсеры собрали свою конференцию на 24—27 января и провели ее в своем штабе (ул. Грековская, 3). При этом они подчеркивали: «Конференция имеет важное значение для области. Необходим приезд возможно большего количества представителей»[333]. Практически все партии, включая меньшевиков, в своих призывах подчеркивали особую важность предстоящего съезда. Причем делалось все более чем открыто, а не кулуарно.

Здесь стоит особо отметить, что данный съезд объединял Советы рабочих и солдатских депутатов, без представительства крестьян. Этот факт будет затем использоваться критиками идеи создания ДКР — мол, мнение значительной части населения края, крестьян, не было учтено при декретировании нового административного образования. Но это также не было ноу-хау Донецкого

региона. И II Всероссийский съезд, на котором Лениным было объявлено о переходе власти Советам, и I Всеукраинский съезд в Харькове — все эти мероприятия были именно съездами рабочих и солдатских депутатов, без представительства крестьян. Лишь проходивший в те дни в Петрограде III Всероссийский съезд заложил начало объединенным мероприятиям, хотя и на нем заседания рабочих и крестьянских депутатов поначалу проходили раздельно. Можно, конечно, долго спорить о легитимности решений, принятых на подобных съездах вообще, однако при этом надо учесть: легитимность (или, соответственно, нелегитимность) решений съезда Донецко-Криворожской области ничем не отличалась от решений любых подобных мероприятий, происходивших по всей бывшей Российской империи. И уж точно была выше легитимности решений никем не избранной Центральной Рады и самопровозглашенной Украинской Народной Республики.

Нельзя также забывать, что все данные Советы напрочь отвергали возможность привлечения к законодательной, представительской власти предпринимателей, буржуа, чиновничества, «запятнавшего» себя сотрудничеством с царской властью. Это было возведено советской властью в принцип. Как писал «Донецкий пролетарий» в дни проведения областного съезда: «Принудительный аппарат Советским Правительством употребляется только лишь против врага рабочих и крестьян — буржуазии. Последняя вычеркивается из разряда тех, кому предоставляется по собственному усмотрению устраивать свою жизнь. Она лишена всех «свобод», провозглашенных Октябрьской революцией постольку, поскольку это вызывается борьбой против капитализма, до тех пор, пока эта борьба не будет окончена, буржуазия, как класс, перестанет существовать»[334]. И вновь-таки следует подчеркнуть, что с таким подходом, кажущимся диким с точки зрения современного демократического общества, согласились в 1917 г. фактически все основные партии России и, кстати, социалистическая Центральная Рада. В конце концов, с этим согласилось и Временное правительство, исключив из своего состава, по требованию общественности, «министров-капиталистов». Буржуазия как класс к концу 1917 года была лишена всех основных гражданских прав, включая избирательные.

IV областной съезд Советов начал свою работу в субботу, 27 января 1918 года. По какой-то причине (возможно, из соображений безопасности делегатов — не надо забывать, значительная часть Красной гвардии Харькова, которая могла бы обеспечить

Отель «Метрополь» на Николаевской площади в Харькове (фото 1920-х годов)

порядок, находилась в этот момент в Киеве), ни одно из многочисленных объявлений о съезде и отчеты о его работе не указывают адрес, по которому собрались делегаты. Автору удалось обнаружить лишь единственное указание на место проведения съезда — современная украинская газета «Зеркало недели» утверждает, что съезд проходил в харьковском отеле «Метрополь».[335]

Однако учитывая тот факт, что данная статья содержит массу исторических неточностей и ошибок (к примеру, ее автор утверждает, что съезд проходил с 9 по 11 февраля, что неверно ни по новому стилю, ни по старому), а также то, что источник этой информации не указан, есть основания усомниться в ее достоверности. Думается, корреспондент «Зеркала недели», называя «Метрополь» как место проведения съезда, взял за основу информацию о другом мероприятии. По свидетельству Б. Магидова, в январе 1918 г. в харьковской гостинице «Метрополь» (находилась на Николаевской площади, разрушена в 1941 г.) состоялось совещание, на котором присутствовали Артем, С. Васильченко, М. Жаков, В. Филов, Н. Руднев, С. Шварц, В. Межлаук и др. На этой встрече Артем якобы поставил «цель и задачи организации» республики. Там же был предварительно намечен и состав Совнаркома ДКР.[336]

В те годы в Харькове организовывалось немало массовых мероприятий — съездов, конференций, пленумов и т. д. Но львиная доля их проходила либо в театрах, либо в Дворянском собрании. Нигде нет упоминаний, что столь людное мероприятие, каким был съезд Советов, могло пройти в «Метрополе». Скорее всего (возможно, будущие исследователи обнаружат более точные сведения), съезд состоялся в Дворянском собрании — там же, где собирался предыдущий.

Официальный протокол IV областного съезда Советов Донецко-Криворожского бассейна гласит, что в общей сложности было избрано 74 делегата с решающим голосом (48 большевиков, 19 эсеров, 5 меньшевиков, 2 беспартийных).[337] Эти данные являются общепринятыми. Хотя газета «Наш Юг» по итогам первого

дня заседаний съезда объявила, что всего прибыло 79 делегатов, из которых 52 представляли партию большевиков, 19 были эсерами, 5 — меньшевиками, 2 делегата были беспартийными и 1 — «левый украинец»[338] (см. цветн. вкладку, стр. 2).

В любом случае, налицо солидное преимущество делегатов от РСДРП(б). Оно отразилось и на составе президиума — 5 большевиков (Артем, Каменский, Жаков, Васильченко, Шишков), 2 эсера (Киричек и Затыловский), 1 меньшевик (Мышкин).[339] По составу президиума видно, что меньшевики и эсеры, оказавшись в абсолютном меньшинстве на съезде, делегировали в его рабочий орган не основных своих представителей — те же остались работать со своими делегациями в зале, активно выступая по ходу мероприятия.

Кроме того, на съезде присутствовал в качестве представителя Цикуки Николай Скрыпник, незадолго до этого прибывший в Харьков и занявший пост народного секретаря правительства Советской Украины. На третий день работы съезда прибыл недавно назначенный главой Высшего совета народного хозяйства России Валериан Оболенский (Осинский). Присутствие первого руководителя главного промышленного органа советского государства на этом съезде и активное участие в его работе придавало мероприятию особое значение, демонстрировало значимость Донецко-Криворожского региона в глазах Петрограда.

Съезд носил характер острой дискуссии практически по всем вопросам. Газета «Наш Юг» так охарактеризовала партийный характер дебатов: «В то время, как представители двух течений — большевиков и объединенных социал-демократов [меньшевиков. — *Авт.*] — вполне определенно развивали свои точки зрения и ставили точки на «і», расходясь в коренных вопросах текущего момента, представитель левых социал-революционеров проявил присущую им беспринципность и отсутствие всякой самостоятельности, то приближаясь к большевистской постановке вопросов, то от нее уклоняясь»[340].

Сразу была утверждена повестка дня, разошедшаяся с первоначально объявленной. Ее итоговый вид:

1. Текущий момент.
2. Экономическая политика в Донецком бассейне.
3. Областная организация[341].

Открыл мероприятие заслуженный луганский большевик Абрам Каменский, который сразу пояснил суть последнего пункта повестки дня: «Тов. Каменский, открывая съезд, приглашает делегатов особенно серьезно отнестись к предстоящей работе, тем

более, что на Съезде должен решиться очень важный вопрос — о выделении Донецкого бассейна в автономную единицу»[342]. Эту фразу важно отметить, чтобы в дальнейшем снять вопросы о якобы «неготовности» делегатов обсуждать данную тему. Заявление Каменского было обнародовано в местных газетах на следующий день после его оглашения, то есть и до завершения съезда публика была оповещена о готовящемся провозглашении нового административного образования.

Нет смысла говорить, что для большевиков, добившихся наконец-то абсолютного преимущества в регионе, это был своеобразный «съезд победителей». Впервые они получили полное большинство и не нуждались особо в блокировании со своими оппонентами. Те же чувствовали себя не в своей тарелке. В некоторых речах меньшевиков и эсеров проскальзывали откровенное разочарование, растерянность и усталость. Говоря об атмосфере съезда, эсер Лазарь Голубовский, лишав-

Каменский Абрам Захарович

Родился 6 (18) октября 1885 г. в Луганске. Профессиональный революционер, большевик с 1905 г.

Человек, которому выпала честь открыть исторический съезд, провозгласивший создание ДКР, был доверенным лицом Сталина и Ворошилова, считался личным врагом Троцкого, но был расстрелян в итоге как… троцкист.

Вся революционная деятельность Каменского связана с Луганском, где он был «правой рукой» Ворошилова, во время частых отлучек последнего фактически возглавлял местную организацию РСДРП(б). Вместе с ним летом 1917 г. был избран делегатом VI съезда партии, на котором публично заступился за раскритикованного делегатами Сталина. Благодаря этому, в течение нескольких лет был человеком, которому Сталин полностью доверял. Избирался также делегатом VIII и IX съездов партии.

В 1918 г. вошел в правительство Донецко-Криворожской республики в качестве наркома государственного контроля. Обеспечивал эвакуацию ДКР из Луганска, был комиссаром 5-й армии Ворошилова. В 1919—1920 гг. был управделами РВС Западного и Южного фронтов. Под Царицыным еще больше сблизился со Сталиным, взявшим его на работу в Наркомат по делам национальностей. Тот даже доверял Каменскому докладывать от имени Сталина на заседаниях Совнаркома.

В 1919 г. Сталин использовал Каменского для пропагандистской кампании против Троцкого. В ответ Троцкий посвятил луганчанину свою статью «Военные специалисты и Красная армия», в которой высмеял взгляды Каменского на военное дело (в частности, он посмеялся над утверждением того об изобретении им полков).

После Гражданской войны работал начальником отдела в Наркомате финансов РСФСР. Видимо, неудовлетворенный своим положением, в 1925 г. примкнул к своему недавнему противнику — к оппозиции Троцкого.

Арестован 6 ноября 1937 г. в Москве. Расстрелян 10 февраля 1938 г. Реабилитирован в марте 1956 года.

шийся возможности и дальше возглавлять областной комитет Донкривбасса, отметил: «Нет пафоса, нет даже возмущенных выкриков. Это — не только усталость от революции, не только раздумье перед грандиозностью задач... Тактика перешагнула через программу». Его коллега по партии Черный сказал: «Трудовой народ в России за 10 месяцев пережил больше, чем западноевропейский в течение десятилетий»[343]. Знал бы эсер, что предстоит всем собравшимся пережить в последующие годы...

Нет смысла долго останавливаться на подробном описании выступлений делегатов в первые дни работы съезда. В основном дискуссии развернулись вокруг оценки экономической ситуации Донецкого бассейна, касались теории и практики рабочего контроля и национализации промышленности. Ниже будет дан анализ экономического положения региона, поэтому мы еще не раз вернемся к речам, звучавшим на съезде.

Сандомирский Арон Соломонович (Зельманович)

Родился в 1881 г. в Александровске (ныне Запорожье). Революционер (подпольная кличка Антон). Член РСДРП с 1903 г., один из лидеров меньшевиков Донецко-Криворожской области. Публицист.

Был одной из самых заметных фигур среди меньшевиков Донкривбасса. Блестящий оратор. Несмотря на то что нещадно критиковал большевиков, поддержал в принципе инициативу создать Донецко-Криворожскую республику. Мало того, еще осенью 1917 г. высказывался за автономию региона.

О его биографии известно не очень много. По воспоминаниям полтавского публициста Д. Иваненко известно, что во время революции 1905 г. Сандомирский считался рабочим лидером Полтавы: «Все чаще и чаще стали кругом произносить имя «Товарища Антона», молодого человека из местных жителей, настоящее имя которого было Арон Сандомирский. Говорили, что он здесь, в Полтаве, стоит во главе «освободительного движения» и в частности железнодорожных рабочих; что его все слушаются; что он образованный человек и великолепный оратор, что он уже появлялся не раз на заседаниях думы, с некоторыми из своих «товарищей», нагонял страху на думу и успел внушить к себе невольное со стороны думы уважение...»

Пик его карьеры пришелся на середину 1917 года, когда он возглавил Екатеринославский губернский Совет. Пытался быть посредником между рабочими Донбасса и горнопромышленниками, добивался введения 8-часового рабочего дня для шахтеров и металлургов.

Был известным в России публицистом, сотрудничал с газетой «Новая жизнь». Считался специалистом по рабочему вопросу и, в частности, по Донбассу (на что указывал Ленин).

Арестован в Москве 8 октября 1937 г. Расстрелян 15 марта 1938 г. Реабилитирован в мае 1959 года.

Пока же стоит ограничиться кратким обзором содержания первых дней работы съезда, до перехода его к обсуждению, собственно, вопроса об образовании Донецко-Криворожской республики. В первые три дня, 27—29 января, состоялось пять заседаний, на которых обсуждался текущий момент и экономическая политика в регионе. Сначала Артем доложил делегатам об итогах работы III съезда Советов и о разгоне Учредительного собрания. Последнее, разумеется, вызвало критику у оппозиции. Докладчиком по текущему моменту был Васильченко, ограничившийся, откровенно говоря, общими словами, суть которых сводилась к фразе: «Мы оказались правы». Неслучайно один из лидеров харьковских меньшевиков Арон Сандомирский заявил: «Васильченко ничего не сказал «по текущему моменту», говорил Артем» (имея в виду вступительную речь лидера местных большевиков о ситуации в Петрограде). Сандомирский раскритиковал позицию РСДРП(б) и, в частности, упрекнул оппонентов: «Вы думаете, что мы перепрыгнули через демократию, но мы только идем к ней».

После дебатов была принята большевистская резолюция, которой Советы Донецко-Криворожского бассейна фактически присягали на верность большевистскому правительству Петрограда, полностью признавали решения Всероссийского съезда Советов и особо подчеркнули свою позицию по «устранению всякого участия в государственном строительстве буржуазии и идущих за нею элементов средней и мелкой буржуазии путем временного лишения их избирательного права»[344].

В целом эта резолюция была принята подавляющим большинством делегатов. Воздержались лишь шесть меньшевиков, которые устами Н. Попова озвучили свою обширную декларацию, критикующую позицию большевиков — в первую очередь петроградских (в этой связи особенно забавно читать гневные филиппики Н. Попова, написанные им спустя 10—15 лет и направленные против большевистских участников этого съезда, якобы ставших на позиции меньшевиков).

По экономической ситуации докладывал лично глава ВСНХ Оболенский. В связи с опозданием последнего от имени «Украинской Республики» дали выступить Скрыпнику, который показал явное незнание им ситуации, за что был раскритикован и эсерами, и меньшевиками. К примеру, меньшевик Цукублин заявил: «У Скрыпника нашлись яркие краски для того, чтобы заклеймить буржуазию, а по пути дать по загривку и меньшевикам, но он сам

сказал о «крахе», а ни одной цифры, никаких данных для того, чтобы судить о размерах краха, никаких путей для того, чтобы выйти из него, не указал».

Сравнивая выступления Скрыпника и Цукублина, «Наш Юг» отметил: «Если у первого докладчика нашлось достаточно красочных выражений, чтобы ругать и буржуазию, и меньшевиков, то у второго докладчика нашлось столько же цифровых данных, чтобы нарисовать ту ужасающую картину полнейшего краха промышленности в Донецком бассейне»[345].

Ко всем рабочим Донецкого района, ко всем Советам Рабочих Депутатов и Рудничным Комитетам.

VI Областной съезд
Советов Рабочих Депутатов
Донецкого и Криворожского Бассейнов.

Воззвание к рабочим, принятое IV областным съездом Советов

С одной стороны, споры на съезде были жаркими, обвинения друг друга — резкими. Однако повестка дня рассматривалась довольно монотонно и без особых скандалов. Ситуацию взвинчивали появлявшиеся невесть откуда слухи о скандалах, происходивших за пределами собрания. В частности, в предпоследний день работы съезда Жаков передал экстренное известие о том, что горнопромышленники Юга России якобы «разослали секретное циркулярное предложение замедлить в течение 2 недель подвоз к железнодорожным станциям угля». Несмотря на то что за несколько минут до этого служащие аппарата Съездов горнопромышленников фактически принесли присягу на верность Совету, выразив готовность сотрудничать с представителями «рабочего класса», съезд, основываясь на слухах о саботаже, решил принять довольно объемное и эмоциональное воззвание «Ко всем рабочим Донецкого района, ко всем Советам Рабочих Депутатов и Рудничным Комитетам».

Организаторы съезда явно старались дать возможность его участникам выпустить пар, на протяжении нескольких дней дискутируя общие, более теоретические вопросы. Основная

же работа — принятие большинства резолюций и, собственно, обсуждение вопроса о провозглашении Донецко-Криворожской республики — была отложена на последний день съезда, 30 января. К тому времени часть депутатов, судя по результатам голосований, уже разъехалась по местам (правомочность голосований в те годы всегда определялась по большинству от голосовавших).

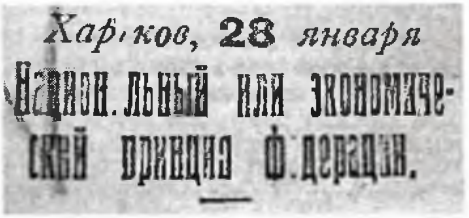
В последний день были приняты резолюции по экономическому вопросу, по устройству Красной гвардии, утверждено Положение о Южном областном совете народного хозяйства (ЮОСНХ) — главном хозяйственном органе региона. А затем начались прения по вопросу «Об организации власти в области».

Нам сейчас пытаются доказать, что вопрос о создании Донецко-Криворожской республики был принят неожиданно, готовился кулуарно, был внесен в последний момент работы областного съезда, а потому широко не обсуждался ни партиями, ни общественностью. Это не совсем соответствует действительности. Данный вопрос был четко обозначен при открытии съезда, о нем заранее сообщала пресса, к идее административного выделения Донецко-Криворожской области довольно продолжительное время готовили общественное мнение. «Донецкий пролетарий» еще 30 декабря 1917 г. в статье В. Филова «ЦИК Советов Украины и Областной комитет Донецкого и Криворожского бассейнов» писал о необходимости политического единства Донбасса и невозможности его включения в состав советской Украины, так как это нарушит принцип самоопределения русского населения края.[346]

В самый день открытия IV съезда газета эсеров «Земля и Воля» опубликовала заметку «Донецкая республика», в которой прямо указала на тему обсуждения: «Нельзя не предвидеть, что главным вопросом на открывающемся сегодня съезде Советов Донецкого и Криворожского бассейнов будет вопрос о "Донецкой республике"». Довольно важное указание, свидетельствующее о том, что вопрос о создании ДКР готовился не втайне от общественности и не был сюрпризом для делегатов. В этой статье сама идея выделения республики по экономическому принципу подверглась жесткой критике: «Характеризуя намечающуюся республику по промышленно-экономическому признаку, мы можем назвать ее «угольной»... Мы утверждали, что федеративное устройство государства должно проводиться по национально-территориальному признаку... Исходя из всего сказанного, мы ре-

шительно высказываемся за украинскую, татарскую, армянскую, туркестанскую и т. д. республики, а отнюдь не за «угольные», «земляные», «нефтяные», «железные», «лесные» и прочие»[347]. Статья претендовала на выражение воли всей партии левых эсеров. Однако, как будет видно по дебатам на съезде, делегаты от этой партии высказывались не столь категорично.

«Донецкий пролетарий» в те же дни парировал возражения оппонентов и обосновывал необходимость строить будущее Российской Федерации именно исходя из экономических соображений. В статье «Национальный или экономический принцип федерации», вышедшей в дни работы съезда, пояснялась позиция «отцов-основателей» ДКР: «Право «самоопределения» имеют только рабочие и беднейшее крестьянство, и не только на национальное, и даже предпочтительно не на него. Всякое национальное движение нами, социал-демократами, поддерживалось постольку, поскольку оно направлялось к высвобождению данной национальности из-под гнета и грабительского владычества буржуазного империалистического государства... Поэтому мы выкинули и отстаивали лозунг: право наций на самоопределение. В освобождении от гнета покорителей мы видели прогресс. Ничто, однако, не вечно под луною. Теперь, когда у нас в России устанавливается власть самих трудящихся, борьба за национальное самоопределение уже не носит в себе в той же степени элементов прогресса, движения вперед. Основным стержнем общественной жизни является жизнь экономическая. Всякая иная — национальная, духовная и пр. — наслоение вокруг этого стержня»[348].

Харьков, 28 января
Национальный или экономический принцип Федерации.

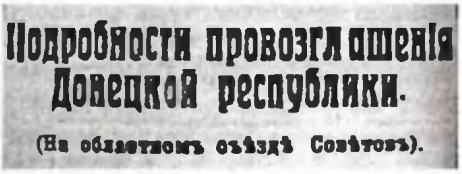
В означенной статье «Донецкого пролетария» недвусмысленно заявлялось о планах создать автономное образование в регионе: «Ясно, что для большей продуктивности работы необходимо создание центра, который бы объединил вокруг себя всю работу в Донецко-Криворожском бассейне. Самая широчайшая самодеятельность масс только и может спасти Донецкий бассейн от полного разложения. Она же требует безусловно автономности бассейна. Только не расчлененный на части, объединенный одним общим органом, Донецкий бассейн не только будет спа-

сен от гибели, но и в нем в полной мере начнет осуществляться социальная революция»[349].

Эта дискуссия в прессе свидетельствует о том, что вопрос о формировании Донецко-Криворожской республики публично обсуждался и не был особым секретом ни для общественности, ни тем более для самих делегатов. Даже некоторые современные критики ДКР вынуждены признать: «Накануне и в дни работы IV областного съезда Советов Донецко-Криворожского бассейна идея самоопределения региона активно пропагандировалась в местной прессе»[350]. Конечно, вопрос о том, насколько общественность поддерживала эту идею, навечно останется открытым — ведь никакие соцопросы, референдумы или плебисциты тогда не проводились. Но они не проводились и по поводу поддержки Ленина, Центральной Рады или Деникина...

Основным докладчиком по вопросу о создании ДКР выступил Семен Васильченко. Это был не только и не столько доклад по ситуации в регионе, сколько изложение принципиальных взглядов команды Артема на обустройство всей будущей России. «По мере укрепления советской власти на местах, — заявил докладчик, — федерации Российской социалистической республики будут строиться не по национальному признаку, а по особенностям экономически-хозяйственного быта. Такой самодовлеющей в хозяйственном отношении единицей являются Донецкий и Криворожский районы»[351].

Харьковские большевики надеялись, что по образу и подобию ДКР в советской России начнут формироваться такие же автономные образования, сплоченные едиными экономическими целями, а сама Россия станет «федерацией хозяйственных единиц». Практически это было прямое противопоставление обсуждавшейся тогда схеме построения будущего СССР, базирующейся на национальных административных единицах. Васильченко выразил надежду на то, что «Донецкая республика может стать образцом социалистического хозяйства для других республик». В этой связи, по мнению докладчика, «Донецкий и Криворожский районы должны обладать самостоятельными органами экономического и политического самоуправления»[352]. Краткий доклад завершался оглашением проекта резолюции «По вопросу о выделении Донецкого бассейна»:

Подробности провозглашенія Донецкой республики.
(На областномъ съѣздѣ Совѣтовъ).

Заголовок статьи в газете «Наш Юг»

«По мере того, как в свободной федерации Советских Республик России с развитием социалистической революции средства производства будут обобществляться, главные отрасли промышленности национализироваться, выделение отдельных республик все больше и больше будет и должно производиться по принципу особенностей той или другой области в хозяйственно-экономическом отношении.

Донецкий и Криворожский бассейн, как область, имеющая уже и теперь свою определенную экономическо-хозяйственную физиономию, должен обладать собственными органами экономического и политического самоуправления, едиными органами власти, организующими в бассейне политический, экономический и культурный правопорядок Советской республики.

Исходя из этих соображений, IV областной съезд Советов Рабочих Депутатов Донецкого и Криворожского бассейна избирает Областной Комитет из 11 человек и поручает ему образовать Совет Народных Комиссаров Донецкого и Криворожского бассейнов.

Образованный Областным Комитетом Совет Комиссаров в своей работе будет ответственен в промежутках между съездом и перед Областным комитетом, а когда съезды будут созваны, то перед съездами.

В интересах гарантии ответственности Совета Комиссаров съезд созывается:

1) по требованию Совета Комиссаров,

2) по постановлению Областного Комитета,

3) по требованию всех входящих в состав республики районов.

В целях возможности Совету Народных Комиссаров немедленно приступить к выполнению возлагаемых на него съездом обязанностей съезд постановляет предложить в Петрограде Совету Народных Комиссаров отпустить для Совета Донецкого бассейна один миллион рублей»[353].

Как и следовало ожидать, предложение вызвало бурные дискуссии. При этом надо особо подчеркнуть, что они вдруг перестали носить характер межпартийных свар. Если до сего момента большевики, эсеры и меньшевики, расходясь между собой, все-таки старались выработать единую внутрипартийную позицию по большинству рассматривавшихся тем, то по вопросу о создании ДКР возникли откровенные разногласия внутри фракций. И особенно оппозицию порадовал тот факт, что первыми эти разногласия проявили большевики.

Практически сразу вслед за докладчиком слово попросил Николай Скрыпник. Возникли прения о статусе «министра Цикуки» на съезде (за пару дней до этого, когда Скрыпник сделал объемный доклад об экономическом положении, таких споров не возникало). Но поскольку гость съезда настаивал на возможности «донести точку зрения ЦИК Украины», решили ему не отказывать. Любопытнее всего, что с принципиальным посылом Васильченко о том, что в основу будущей российской государственности следует заложить экономический резон, Скрыпник согласился, но добавил: «Нельзя, однако, будущее переносить в настоящее. Мир прежде всего означает — национальный вопрос, право наций на самоопределение». А создание ДКР, по мнению выступавшего, являлось бы «ударом в спину русской мирной делегации, которая дает бой германским империалистам» как раз «на почве принципа права нации на самоопределение». На этой фразе ему стали выкрикивать из зала, что «бой» в Бресте уже кончен. Но Скрыпник продолжал: «Выделение Донецкого бассейна означало бы подрыв Советской власти и усиление Генерального секретариата».

Представитель Цикуки вынужден был согласиться с тем, что Донкривбасс имеет право на определенную автономию: «Автономия необходима, но как части, входящей в состав Украинской Федерации». Эта фраза свидетельствует о том, что «отцы-основатели» советской Украины видели будущее своей республики как федерацию, в которой существовала бы автономная Донецко-Криворожская область. Как минимум, этим обещанием они пытались уговорить Донкривбасс стать составной частью будущей Украины.

Для того чтобы переломить мнение фракции своей партии (явно уже сформированное), Скрыпник решил сослаться на свой статус представителя ЦК РСДРП(б), а также заявить, что корни идеи создания ДКР находятся у меньшевиков, «противодействовавших Украинской Советской власти». Вновь-таки криками из зала делегаты оповестили выступавшего о том, что эта идея является и мнением фракции большевиков.

Признав, что политика партии большевиков заключается в том, что решение об обустройстве власти на местах должно приниматься местными Советами, Скрыпник провозгласил: «К Москве или Сибири этот принцип применим, но здесь — Рада и Каледин. Наша партия шире, чем фракция, и я как агент ЦК не соглашаюсь с такой постановкой».

Со Скрыпником практически полностью солидаризовался эсер Голубовский. Зачитав проект резолюции, он заявил: «Здесь

затронуты не только принципиальные программные вопросы, не только Брестские переговоры, но это означало бы также и самостоятельное законодательство, право вести войну и заключать мир, посылать своих представителей в Брест и т. д.» Голубовский фактически слово в слово повторил тезисы статьи из своей партийной газеты «Земля и Воля» о невозможности создавать «металлургические» и «угольные» республики (что наталкивает на мысль об авторстве этой статьи). «Тогда и в Донецком бассейне было бы несколько республик, — заявил он. — Старобельск уже создает свой Совет Народных Комиссаров». При этом Голубовский выразил уверенность в том, что «плебисцит дал бы результаты в пользу национального признака». Правда, источники своих замеров общественного мнения эсер не назвал.

А вот меньшевик Сандомирский назвал позицию Васильченко «последовательной», при этом добавив: «Я полагаю, что вопрос должен быть решен путем плебисцита. Автономия — это так. Но республика — это поведет к тому, что каждый рудник объявит себя республикой». Сандомирский от имени всей фракции меньшевиков заявил, что «Российская демократическая республика должна состоять из целого ряда автономных областей», а «угольный район Донецкой области и должен представлять такую самодовлеющую в экономическом отношении область с самостоятельным административным аппаратом».

В заключение своей речи Сандомирский огласил заявление своей фракции: «Оставаясь на точке зрения признания за нациями права на самоопределение и за областями — права на автономию, фракция меньшевиков областного съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов считает, что вопрос о политической автономии Донецкого и Криворожского бассейна, как самодовлеющей экономической области, должен быть решен плебисцитом всего населения области и утверждением Всероссийским и Украинским Учредительными собраниями. При этом фракция полагает, что в интересах развития производительных сил страны и сплочения пролетариата необходимо сохранение недробности и неразделенности экономически единого Донецкого и Криворожского бассейна, что будет достигнуто выделением в особую единую, административно автономную область в пределах Российской республики».

Таким образом, позиция меньшевиков во многом совпала с позицией фракции большевиков. Расхождение заключалось в том, что люди Артема спешили провозгласить ДКР уже сейчас

ввиду целого ряда внешних обстоятельств, а Сандомирский и его партия предлагали сначала провести плебисцит и затем ждать Учредительных собраний — и Украины, и России. При этом сами, судя по этому заявлению, видели Донкривбасс автономной частью именно Российской республики.

Неизвестно, собирался ли выступать по этому вопросу Артем, который старательно избегал участия в дебатах по текущему моменту и экономическому положению. Но судя по тому, что его эмоциональная речь была посвящена ответу Скрыпнику, можно предположить, что специально выступать он не готовился, а спич, в котором прозвучал целый ряд важных тезисов, родился именно как реакция на речь «министра Цикуки».

Эту речь стоит привести целиком (само собой, в том усеченном виде, в котором она дошла до нас в официальных протоколах съезда), поскольку практически каждая фраза в выступлении Артема поясняет, что именно двигало им и его товарищами при принятии решения о создании Донецко-Криворожской республики, какой именно они ее видели в дальнейшем:

«Подобно тому как для обучения солдат раскрашивают мешок «под турка» и заставляют колоть его штыками, наши «противники» раскрашивают нас самих и выдвигают ряд соображений, каждое из которых в отдельности может быть правильным, а все вместе являются глубоко неправильными.

Мы не разбиваем ни единой федеративной республики, не покушаемся на национальные интересы Украины, мы не собираемся создавать независимой республики. Разве мы собираемся вести особую таможенную политику и пр.? Мы хотим связаться со всей страной. «Вся власть Советам» — вся власть пролетариату и беднейшему крестьянству, которым никого не нужно угнетать. Сепаратисты не мы, а вы. Почему вы стремитесь к Киеву? Потому что Советская республика не по национальному признаку для вас более крепкий орех, чем национальная.

Наша Красная гвардия не признает самоопределения белой гвардии ни на Украине, ни в Финляндии (где на помощь финляндским рабочим пошли наши солдаты), ни в других местах.

Национальные предрассудки погибли вместе с Центральной Радой.

Меньшевики пытались столкнуть нас лбами с тов. Скрыпником. Но мы как большевики не расходимся с тов. Скрыпником. Мы расходимся с ним как официальным представителем Украинского ЦИК. Я только заявлю т. Скрыпнику, что здесь не один член ЦК партии и что я нахожу недопустимой эксплуата-

цию имени ЦК. Наш район — самый революционный на Юге, и он сделал кое-что для Киева. Но ему предстоит сделать кое-что не только для Киева, но и для Юго-востока».

На слова Артема (особенно на его реплику о национальном принципе построения государства) отреагировал эсер Маркарьян из Изюма, который сослался на 1-ю статью ленинской Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа, принятой за две недели до этого: «Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик». По мнению Маркарьяна, «этого достаточно, чтобы не обсуждать вопроса». Постановку же этого вопроса назвал «министерским зудом в областях». «Неужели можно приветствовать ряд государств в государстве?» — вопрошал эсер с трибуны. Закончил он выступление указанием на невозможность принятия такого решения в связи с отсутствием представительства крестьян.

Затем большевик Жаков решил определить геополитические ориентиры региона: «Если политика Донецкого бассейна должна быть чему-нибудь подчинена, то это, конечно, не случайным временным политическим задачам наших украинских товарищей, а политике промышленных центров севера. Донецкий бассейн важен прежде всего для судеб всей Российской революции в целом»[354]. В архивах сохранились рукописные заметки кого-то из участников съезда. В них этот пассаж из речи Жакова приводится в таком виде: «Донецкий бассейн особо большое значение (и экономическое, и политическое) имеет для Севера, а потом для Дона... а потом уже для Украины (которая по экономическому плану даже не связана)»[355].

Видимо, отвечая на аргумент, который часто звучал из уст большевиков, особенно большевиков Киева, Жаков упомянул и Украину: «Конечно, мы должны помочь своим участием в жизни всего Юга преодолеть влияние мелкой буржуазии как на Украине, так и на Юго-востоке, но для этого-то «пролетарский кулак», ныне распластанный на все пять пальцев, должен быть собран, организационной расхлябанности и многовластию должен быть положен конец».

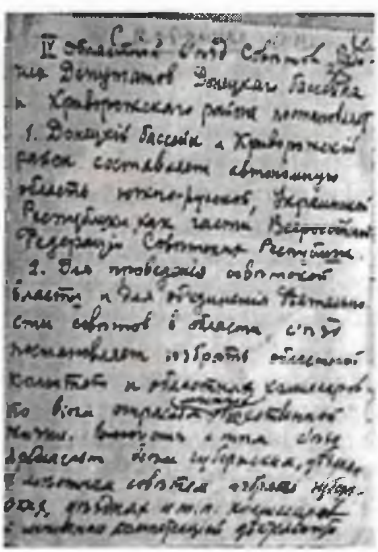
Но главную часть своего выступления Жаков посвятил довольно резкому наезду на Скрыпника, обвинив его в том же, в чем представитель Цикуки пытался обвинить Артема, — в меньшевизме: «Тов. Скрыпник сказал, что корни идеи «отложения» — в меньшевизме. Но сегодня замечается исключительное явление — единодушие именно между меньшевиками

и тов. Скрыпником! Это потому, что один по положению «украинской власти», а другие по положению мелкобуржуазному хватаются за буржуазные предрассудки... И Скрыпник, и Голубовский стоят на национализме».

Вспомнив основное обоснование Скрыпником «особости» Донецкого региона («здесь — Рада и Каледин»), Жаков указал на противоречие тезисов: «Тов. Скрыпник говорит об Украинской Раде, в то время как эта Рада, по многочисленным заявлениям того же тов. Скрыпника, больше не существует». А ведь участники съезда еще не знали, что буквально за день до описанных событий в Новочеркасске пустил себе пулю в лоб и Каледин.

Ввиду такого частого упоминания своего имени решился на реплику Скрыпник, явно уязвленный напоминанием Артема о том, что тот тоже является членом ЦК РСДРП(б), который не уполномочивал представителя Цикуки на подобные заявления. Он сказал, что «тоже член определенной партийной фракции и что ЦК не связывал членов партии определенной резолюцией». Похоже, Скрыпник забыл, что это именно он только что пытался апеллировать к залу как полномочный «агент ЦК», давя авторитетом центрального органа партии, а не Артем.[356]

Бросив в зал несколько бессодержательных слоганов («Национализм еще существует», «Советы — это органы боевые» и т. д.), Скрыпник предложил свой, альтернативный проект резолюции.

В Центральном государственном архиве высших органов Украины (ЦДАВО) даже хранится рукописный набросок этого интереснейшего во всех отношениях документа. Альтернатива, предложенная полномочным представителем советской Украины, выглядела следующим образом:

«IV областной съезд Советов рабочих депутатов Донецкого бассейна и Криворожского района постановляет:

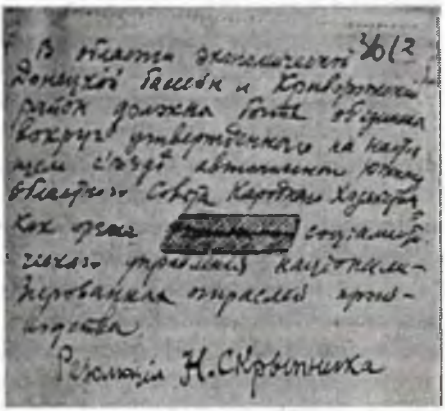
1) Донецкий бассейн и Криворожский район составляют автономную область южно-русской Украинской

Республики, как части Всероссийской Федерации Советских Республик.

2) Для проведения Советской власти и для объединения деятельности Советов в области, съезд постановляет избрать областной комитет и областных комиссаров по всем отраслям местной общественной жизни.

Вместе с тем съезд предлагает всем губернским, уездным и местным Советам избрать губернских, уездных и т. п. комиссаров с местной компетенцией деятельности.

В области экономической Донецкий бассейн и Криворожский район должны быть объединены вокруг утвержденного на настоящем съезде автономного Южного областного Совета Народного Хозяйства, как органа социалистического управления национализированных отраслей производства»[357].

Черновой набросок проекта резолюции Скрыпника

Итак, представитель советской Украины вновь официально предложил Донецко-Криворожской области войти в состав «южно-русской Украинской Республики», пообещав при этом сохранение за областью прав автономии и сохранение самой Украины в составе Российской Федерации. Это были принципиальные условия, без которых политические элиты области ни за что не согласились бы с тем, что данный регион должен считаться Украиной — Скрыпник это прекрасно понимал.

С указанным проектом Скрыпник остался не просто в меньшинстве, он оказался в полной изоляции на съезде — ни одна из фракций не поддержала его. Голубовский предложил вообще никаких резолюций не принимать, а ограничиться избранием нового областного комитета. И вновь повторил свои аргументы об экономических признаках республик: «Очевидно, отделение проводится по бытовым признакам. Таким образом, будет Калужская республика по калужскому тесту, Тульская — по тульским пряникам и т. д. Неудержимое стремление в пропасть!

Очевидно, будут отдельные послы, министры иностранных дел и т. д.».

Самое любопытное в позиции эсеров, отрицавших в принципе возможность создания государств по признаку экономического единства, — это то, что спустя всего лишь месяц на своем губернском партийном съезде они в качестве обязательного условия для объединения с украинскими эсерами выдвинули следующий пункт: «Признание полноты федеративного принципа: Россия — свободная федерация народных советских республик, организованных по национально-территориальному и социально-экономическому признаку»[358].

Ну, а меньшевики не спорили с этим и на IV съезде Советов. Рубинштейн довольно недвусмысленно дал понять, что меньшевики фактически поддерживают идею административного выделения Донецко-Криворожского края: «Рассуждения о послах и пр. — это делание из мухи слона». Возражения Скрыпника лидер меньшевиков назвал необоснованными: «Его слова показывают, до какой степени большевики стали милитаристами. Политические вопросы разрешаются со стратегической точки зрения. Соображения экономические и национальные при этом выбрасываются. Недробление Донецкого бассейна — то, на чем стояли в прошлый раз я и Бакинский, выбрасывается за борт в стремлении зачислить его за Киевом. Мы — меньшевики — отстаиваем два положения: 1) автономия, 2) неделение бассейна».

Подытожил дискуссию основной докладчик — Васильченко: «Скрыпник двумя ногами стоит на почве национализма. Прав Сандомирский — что-нибудь одно: или социалистическая революция, или вы увязнете по колени в национализме». Васильченко высмеял опасения представителя Цикуки по поводу неких национальных предрассудков, которые существуют на Украине, указав, что Центральная Рада погибла, а «восстания в ее защиту не произошло».

Отвечая на эсеровские отсылки к Декларации прав, Васильченко заявил: «Если III Всероссийский Съезд говорил о федерации национальной республики, то это не исключает объединения по экономическому [признаку. — *Авт.*]. На Урале мусульмане выделились по национальному признаку, а рабочие — по хозяйственному». Закончил же свою речь Васильченко прямым указанием на то, что будущая ДКР видится ее организаторам в неразрывной связи с Петроградом: «Нам не нужно ни министерства иностранных дел, ни монетных дворов, нам нужна Советская

власть, исполнительница центральной власти Советов Народных Комиссаров».

Видя, что в зале не нашлось ни одного сторонника его резолюции, Скрыпник снял ее с рассмотрения, заявив, что «она носила декларативный характер и не имеет целью дезорганизовать фракцию» большевиков.

Перешли к голосованию резолюции от Васильченко. Рубинштейн предложил расширить состав областного комитета с планируемых 11 до 23—25 человек, а также ввести в состав обкома «представителей районов» с правом решающего голоса. Поправки Голубовского также касались представительства в обкоме — он попросил поставить на голосование вопрос о включении в состав комитета представителей от областных партийных центров трех крупнейших партий.

За поправки проголосовали только 14 человек, из чего видно, что фракции меньшевиков и эсеров к концу заседаний съезда уже заметно поредели. В связи с провалом поправок Рубинштейна и Голубовского фракции меньшевиков и эсеров в дальнейшем голосовании участвовать отказались.[359]

Затем состоялось историческое голосование по резолюции Васильченко, которое спустя многие годы обросло какими-то странными комментариями. Так, некоторые современные украинские исследователи берут на себя смелость открывать публике поразительные «факты»: «26 голосами против 24 было провозглашено создание Донецко-Криворожской Советской Республики (ДКСР). Перевесом всего в два голоса (!!!) была решена судьба миллионов людей»[360].

Трудно сказать, откуда черпают нынешние украинские историки свои данные (такие «сенсационные» сведения у них, как правило, не сопровождаются ссылками), однако все источники того периода — и официальные протоколы съезда, и местная пресса — однозначно свидетельствуют, что за решение о создании Донецко-Криворожской республики проголосовало ровно 50 делегатов съезда.[361] Это было абсолютное большинство даже от списочного состава участников — 74 человек. С учетом того, что не голосовали в полном составе фракции эсеров и меньшевиков, можно предположить, что за решение о создании ДКР проголосовала вся фракция большевиков и 2 беспартийных делегата. Хотя, если учесть, что к концу длительного съезда часть депутатов разъехалась, нельзя исключить и того, что некоторые из меньшевиков или эсеров, вопреки решению своих фракций, все-таки поддержали резолюцию Васильченко.

Несколько странно сейчас слышать и заявления такого рода: «Четвертый областной съезд Советов... под давлением большевиков принял решение о создании ДКР»[362]. С одной стороны, все верно — съезд проголосовал за резолюцию, предложенную фракцией РСДРП(б). С другой, кто на кого давил-то? Сами большевики, проголосовавшие за нее, на себя? И кто, в таком случае, Скрыпник? На кого и по поводу чего давил он — большевик, представлявшийся «агентом ЦК»?

Еще один миф об этом решении связан с фразой, которая в устах украинских исследователей звучит как некое заклинание, как аксиома, не требующая никаких доказательств или пояснений, — о том, что IV съезд Донецко-Криворожского бассейна принял решение об «отделении от Украины». Теоретик украинского «национал-коммунизма» и практик украинизации Георгий Лапчинский, к примеру, объяснил «социальную природу сепаратистской теории харьковцев» идеологией «пришлых рабочих, которые лишь временно на заработки посещают украинские промышленные районы»[363] (любопытно слышать подобные утверждения от уроженца Петербурга, который называл себя «коренным великороссом по происхождению» и сам появился на Украине вынужденно — до революции он был сослан в Кременчуг).

А современные авторы утверждают: «Идея отделения Донкривбасса от Украины и подчинения его России было не просто исторически безосновательной, бесперспективной, но и во многом авантюрной»[364]. Можно долго спорить об оценках мотивов данного решения, но в корне неверен сам посыл! Дело в том, что IV съезд, провозглашая создание Донецко-Криворожской республики, не принимал решений об «отделении от Украины»! Для того чтобы принять такое решение, надо было бы для начала принять решение о вхождении в состав Украины, а таких решений (как бы ни уверял Порш Сталина в обратном) на момент проведения съезда не принималось. Артем в своей речи как раз и подчеркнул, что Донкривбасс ни от кого отделяться не намерен, оставаясь составной частью России!

Этот тезис — о принадлежности Донецко-Криворожской республики Российской Федерации — был неоспорим для ее создателей, чему есть масса подтверждений. И даже в период, когда перед лицом немецкой агрессии руководители ДКР

вынуждены были декларировать для внешнего мира свою независимость и от Украины, и от России, в самом Харькове и Донбассе не снимали лозунгов о защите русской революции и все той же России. Поэтому создателям ДКР можно клеить различные ярлыки, но общепринятый в современной украинской историографии ярлык «сепаратистов» к ним клеится проблематичнее всего. Еще в декабре 1917 г., на областной конференции РСДРП(б) Артем заявил: «Сепаратистские стремления, развившиеся теперь в России, хранящие в себе хорошие зерна, все-таки вредны и опасны»[365].

Фактически во всех основополагающих документах о создании ДКР подчеркивается неразрывная связь с Россией. Эта тема проходит «красной нитью» через все воззвания и обращения различных органов ДКР. Так, в подписанной Артемом декларации о ближайшей деятельности созданного сразу после съезда Совнаркома республики в качестве основной определяется следующая задача: «Укрепление власти Рабоче-Крестьянского Правительства России. Активное участие в том социалистическом творчестве, к которому неизбежно ведет углубляющаяся революция. Проведение в жизнь постановлений, декретов и распоряжений Советов Народных Комиссаров Федеративной Социалистической Республики Советов в России»[366]. Довольно странная цель для сепаратистов, решивших жить абсолютно самостоятельно.

И в дальнейших своих воззваниях Совнарком ДКР неоднократно подчеркивал, что считает себя местным органом власти в России. Даже на бланках Совнаркома ДКР красовалась надпись «Российская Республика Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов»[367] (см. цветн. вкладку, стр. 3). Или вот, к примеру, цитата из мартовского обращения правительства ДКР: «Пусть знает германский, русский и международный капитал, что социалистическая рабоче-крестьянская Россия не допустит над собой расправ и насилия, не потерпит назначения германских ставленников губернаторами и генерал-секретарей предательской Рады самодержцами в завоеванной России»[368]. Тем самым подчеркивалось стремление Центральной Рады вторгнуться не просто в пределы ДКР, а именно в пределы России.

В одном из первых обращений ЮОСНХ после IV съезда содержался призыв сотрудничать ко всем, «кто видит в созидательной работе Совета Народного Хозяйства единственный путь к возрождению России». К тому же призывали и регио-

нальные структуры партий и самой ДКР. К примеру, Краматорская организация РСДРП(б) в своем обращении к трудящимся района потребовала от рабочих «максимума энергии всех, кто заинтересован в процветании Российской Федеративной Рабоче-Крестьянской Республики». А скажем, митинг рабочих Мариуполя 16 марта 1918 г. призвал защищать «Российскую Советскую Республику» и завоевания «русской революции».[369]

Подчеркнуто российский патриотизм лозунгов в Донецко-Криворожской республике мог вполне потягаться с лозунгами регионов, официально боровшихся за «великую и неделимую Россию». К примеру, сетуя на то, что жизнь «поразила самую идею государственности», генерал Деникин вспоминал: «В Екатеринодаре в 1920 г. на Верховном круге трех казачьих войск, после горячего спора, из предложенной формулы присяги было изъято упоминание о России... Или распятую Россию любить не стоит?»[370] Уж где упоминания о России были постоянными, так это в документах Донецко-Криворожской республики.

Тема сохранения единства России, борьбы с сепаратизмом была одной из основных в выступлениях и статьях лидеров ДКР. К примеру, один из редакторов «Донецкого пролетария», член областного комитета ДКР Вадим Быстрянский (Ватин) опубликовал статью «Рабоче-крестьянская революция и единство России», в которой, в частности, написал: «Трудящиеся разноязычных и разноплеменных местностей России понимают, что только при условии самого тесного союза и полного единства действия всех пролетариев и беднейших крестьян России смогут они довести до победоносного конца свою титаническую работу против капитала. Центробежные сепарастические [так в тексте. — *Авт.*] стремления наших окраин (Рада, Каледин) были всецело делом рук их буржуазных кругов. То имущие классы Дона и Украины боялись революционной заразы, высоким барьером новых государственных границ думали они оградить себя от идей русской революции. Но их карта была бита — победы трудящихся на Дону, на Украине развеяли как дым всякие мечты о сепаратизме, о «самостийной Украине», о юго-восточном союзе. Рабочие и крестьяне Украины и Дона не думают об отделении. Наоборот, они стремятся к возможно более тесному единению с трудящимися России»[371].

Как видим, объяснить создание Донецко-Криворожской республики сепаратистскими намерениями отделить этот регион от

Украины довольно сложно. Наоборот, фраза Артема «сепаратисты не мы, а вы» свидетельствует о том, что, создавая ДКР, он и его соратники стремились как раз побороть сепаратистские устремления, о чем они говорили открыто. Так, «Донецкий пролетарий» настаивал на «необходимости отстоять советскую власть от покушений гайдамацкого сброда и немецких держиморд... хотя бы ценой создания самостоятельных дифференцирующихся маленьких республик»[372].

Еще более откровенно писал официальный орган областного комитета ДКР «Известия Юга»: «В интересах всей Российской Федерации, в интересах социалистической революции — сохранение Донецкого бассейна для центральной России. Выделение бассейна в автономную единицу, между прочим, объяснялось и стремлением сохранить Донецкий и Криворожский районы именно за нашими центрами в предположении возможности укрепления власти Рады на Украине. Провозглашение Донецкой Республики автономным членом

Ватин (Быстрянский) Вадим Александрович

Родился 1 (13) мая 1886 г. в Петербурге в семье инженера. Революционер, публицист, историк. Большевик с 1908 года.

Участник создания ДКР еще до революции прославился критикой сибирского «областничества» и идей автономии Сибири, а в советские годы стал чуть ли не главным цензором страны.

Учился на историческом факультете Петербургского университета, прослушал курс лекций в университете Цюриха. В 1909 г. приговорен к вечной ссылке в Сибирь, где находился 7 лет. Там активно изучал историю народов Сибири, прославился рядом фундаментальных исследований, которые до сих пор в Сибири считаются классическими.

В 1916 г. ему было разрешено поселиться в Киеве. После Февраля послан партией в Екатеринослав, где редактировал газету «Звезда». С переносом партийного центра в Харьков стал редактировать там «Донецкий пролетарий» и даже возглавил обком партии (при фактическом лидерстве Артема). Поскольку обладал слабым голосом, не мог быть оратором и старался держаться в тени более ярких личностей в ДКР. Еще до IV областного съезда стал редактировать петроградскую партийную прессу и в Харькове появлялся все реже.

С 1922 г. на преподавательской работе, автор множества трудов по теории марксизма-ленинизма. В 1936—1940 гг. — директор Ленинградского института истории партии. Будучи членом редколлегии «Правды» и Госиздата, был одним из главных партийных цензоров. Горький называл его «человеком из подполья Достоевского», а Корней Чуковский дал ему такое описание: «Сидит, молчит — обиженно и тяжело. А потом как заговорит, а у самого за ушами немыто и подошвы толстые, вот такие!»

В начале 1940 г. был переведен на работу в Москву, где и умер 13 декабря 1940 года.

семьи Российской Федерации означало определенное нежелание пролетариата отделяться от России и входить в состав Украины. Поскольку Украина отделяется от России, — это ее дело. Мы за ней не идем»[373].

Никаких иных мотивов, кроме как сохранить регион за Россией вне зависимости от того, кто побеждает в соседней с Донецко-Криворожским бассейном Украине — Рада, немцы или большевистская Цикука, — у организаторов ДКР не было. И они это постоянно подчеркивали своей деятельностью. Тезис «сепаратисты не мы, а вы» стал своеобразным рефреном в Донецкой республике.

Еще одна извечная тема критиков ДКР сводится к вопросу о ее легитимности. Довольно скользкая и неблагодарная тема при обсуждении событий революционных лет. Насколько легитимным было Временное правительство России? Или Учредительное собрание? После отречения Николая II в России происходит череда не предусмотренных законами Российской империи, а соответственно, не легитимных действий.

И тем не менее современные украинские историки любят называть ДКР «самопровозглашенной» и «нелегитимной». «Группка людей, избранных неизвестно кем, неизвестно по какой процедуре, опираясь на «стремления» несуществующих «народных масс», провозгласила на территории региона советскую республику», — утверждают современные украинские исследователи.[374] А ведь это притом, что процедура избрания делегатов на Донецко-Криворожский съезд Советов была гораздо более прозрачной, чем выборы Центральной Рады.

Поразительно, что те же авторы утверждают: «Поддержали большевистских лидеров левые эсеры и меньшевики региона, которые также стояли на позиции сохранения «единой и неделимой» России. При этом мнение значительной части местного населения учтено не было»[375]. Позвольте, но если большевиков региона в этом начинании поддерживали эсеры и меньшевики, то выходит, что все три основные партии Донецко-Криворожского бассейна, пользовавшиеся поддержкой не менее 75—80% населения, судя по различным выборам, происходившим во второй половине 1917 г., были едины в подходе к сохранению региона в составе России и неподчинению его УНР. Куда меньшей поддержкой пользовалась у населения сама Центральная Рада.

В этой связи Дмитрий Корнилов писал: «Тот факт, что Центральную Раду никто и никогда не выбирал, сейчас очень тща-

тельно затушевывают все историки-националисты. Тем не менее, юбилеи провозглашенной Радой Украинской Народной Республики (УНР) в наши дни чествуют на самом высоком уровне, а Донецкую республику очень любят чванливо именовать «самопровозглашенной». А ведь ее провозглашали делегаты, которых выбирали на всей ее территории. И легитимность ДКР куда выше, нежели законность Центральной Рады»[376].

Понимая зыбкость аргументов по поводу «уровней легитимности», современники ДКР из разных политических лагерей, большей частью ставили ей в вину отход от национально-территориального принципа устройства государства, поминая то самое «право наций на самоопределение». Мол, поскольку УНР строилась как национальное государство, а Донецко-Криворожская республика в свою основу заложила принцип хозяйственно-экономического единства региона, Украина имела право на существование, а ДКР — нет. Но вот что любопытно: и Украинская Народная Республика, и ленинская Россия, оценивая легитимность того или иного государственного образования на территории распадавшейся империи, явно использовали двойные стандарты.

Так, Центральной Раде, настаивавшей на нелегитимности ДКР, ничего не мешало признавать иные республики, в частности те, в основе которых не был заложен национальный принцип. 23 ноября 1917 г. Генеральный секретариат Центральной Рады официально обратился с воззванием «к правительствам юго-восточного союза казаков, горцев и народов вольных степей, к правительству Кавказа, правительству Сибири, органу власти автономии Молдавии, органу власти автономного Крыма, органу власти автономной Башкирии и к остальным организованным областям»[377]. Некоторые из перечисленных административных образований не были созданы по национальному признаку. Если Рада признавала эфемерный казачий юго-восточный союз, то почему отказывала в этом более реальной Донецко-Криворожской республике?

В конечном итоге УНР вполне официально признала Донскую республику и активно вела с ней переговоры. То есть никакие рассуждения о национальном или ином принципе формирования Донского государства не брались в расчет. И, несмотря на официальные протесты советской России, считавшей Дон своей составной частью, эта республика принимала участие в Берлинской мирной конференции вместе с Германией и Украиной.[378]

При этом сама большевистская Россия с удовольствием признавала и Донскую советскую республику, и Одесскую республику, и Крымскую республику (заметьте, не национальную крымско-татарскую, а просто Крымскую). В то же время она засыпала Германию нотами протеста за сношения той с «правительством Крыма», сформированным отнюдь не по национальному признаку. Все эти протесты в итоге привели к заключению добавочного договора к Брестскому миру между Россией и Германией, в котором отдельно оговаривается следующее обязательство немцев: «Германия никоим образом не будет вмешиваться в отношения между Русским государством и его отдельными областями, и, следовательно, она в особенности не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов в этих областях»[379].

Для самой России в те дни стоял сложный вопрос о том, какие области признавать, а какие — нет. Именно поэтому Смольный откровенно колебался и шарахался из стороны в сторону по поводу того, как относиться к формированию Донецко-Криворожской республики и иных подобных образований. Собственно, и сама дискуссия по поводу создания ДКР велась не только и, может быть, даже не столько исходя из региональной повестки дня, сколько в контексте обсуждения будущего государственного устройства всей России. Недаром Васильченко выразил надежду на то, что ДКР станет «образцом для других республик».

Как уже говорилось, именно в конце 1917-го — начале 1918 г. боролось несколько концепций построения будущего советского государства, определялось, быть ли ему федеративным или унитарным с автономиями, базироваться на национальном признаке построения республик или на хозяйственно-экономическом. Прошедший буквально за три недели до провозглашения ДКР III Всероссийский съезд Советов создал особую комиссию, которая разрабатывала проект будущей конституции России. И пример Донецко-Криворожской республики не раз обсуждался в ходе дискуссий о будущем обустройстве нового российского государства.

Это-то и волновало отцов украинской государственности, о чем открыто писал В. Винниченко: «Была принята тактика раздробления всей Украины, всей национально-этнографической территории ее на отдельные области, которые назывались «федеративными советскими республиками». Национальный принцип государственности для Украины отбрасывался целиком решительно и откровенно. Большевистская пресса даже этого

не скрывала и заявляла, что формирование этих отдельных федеративных республик базируется никоим образом не на национальных принципах, а на экономических... Таким образом идея украинской государственности этим разделом уничтожалась, стиралась совсем. Есть себе отдельные республики — Донецкая, Таврическая, Киевская, Северо-Западная — части «единой, неделимой», «федеративной» России»[380].

И в этой связи вновь стоит вернуться к сакраментальному вопросу: так кто же выступал в роли сепаратистов? Те, кто выступал за «единую, неделимую», или те, кто добивался отделения своей республики от единого Российского государства?

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА АРТЕМА

После провозглашения Донецкой республики IV областной съезд избрал областной комитет ДКР из девяти человек. От большевиков в него вошли Васильченко, Жаков, Тевелев, Варейкис и Андреев, от эсеров — Киричек, Ровенский, Маркарьян, от меньшевиков — Рубинштейн. Не совсем ясно, почему в протоколе значатся лишь 9 человек, хотя в принятой резолюции говорилось об 11 членах обкома. Да и местная пресса по итогам съезда оповещала, что в обком избрано именно 11 человек (7 большевиков, 3 эсера и 1 меньшевик).[381] Возможно, при избрании комитета за большевиками зарезервировали еще два места, дав право областной организации самой решать, кого кооптировать в эту структуру — тогда это было нормальной практикой. Как было нормальной практикой замещать отсутствовавшего члена комитета с решающим голосом «кандидатом» от фракции. В данном случае кандидатами от меньшевиков стали Алексеев, Марков и тот самый Николай Попов, который через год начнет гневно клеймить своих бывших однопартийцев. А от эсеров — Голубовский (судя по протоколам, он чаще всего и присутствовал на заседаниях обкома), Добровольский и Черный.

Затем было оглашено заявление фракции эсеров, протестующих против создания ДКР по двум мотивам: ввиду «полного отсутствия Советов крестьянских депутатов» и в связи с решением III Всероссийского съезда Советов о национальных республиках. В этой связи эсеры заявили, что фракция «считает невозможным в условиях настоящего момента особой Донецкой республики и высказывается за развитие деятельности Областной организации

в отношении руководства политической и автономической жизни области»[382] (именно так и было записано в официальном протоколе). По поводу первого возражения съезд единогласно принял резолюцию, предложенную Васильченко, о том, чтобы следующий съезд Советов ДКР состоялся с участием Советов крестьянских депутатов. На этом съезд завершил свою работу.

Первое заседание обкома Донецко-Криворожской республики состоялось в символичную дату — в первый день жизни России по новому календарному стилю, 14 февраля. Сначала был избран президиум, председателем обкома был избран Васильченко, товарищем (заместителем) председателя — Жаков, секретарем — Варейкис. Эсеру Равенскому была отведена роль казначея.

Перейдя к формированию правительства ДКР — Совнаркома, — Васильченко предложил от имени большевиков создать коалиционную власть с выделением ряда наркоматов эсерам. Всего было запланировано назначение 16 наркомов.

Видимо, список кандидатов от большевиков уже был готов заранее, потому что еще до голосования меньшевики и эсеры устами Рубинштейна и Голубовского устроили обструкцию планам сторонников Артема. Протесты были вызваны намерением включить в состав Совнаркома нескольких членов обкома — Васильченко и Жакова. Голубовский заявил, что, «примиряясь с мыслью об ответственности 16 комиссаров пред 11 членами Областного комитета, не представляет себе, каким образом члены Областного комитета и большевики будут утверждать свои собственные директивы». Большинством 6 против 3 эти возражения были отклонены.

Затем, еще до выборов Совнаркома, Рубинштейн и Голубовский предложили прояснить отношение Совнаркома ДКР к ленинскому СНК и к Цикуке. Руководители обкома дали очень важное пояснение: «Отношение к этим двум органам определяется следующим образом: Совет Народных Комиссаров Донецкого и Криворожского бассейнов обязан проводить в жизнь декреты Народных Комиссаров Российской республики в Бассейнах. ЦИК Украины считается органом параллельным Областному комитету, но Советы Донецкого бассейна принимают участие в общем строительстве государственной жизни с Советами всего Юга России — Украины и Доно-Кубано-Терекского района»[383]. Как пишет в связи с этим разъяснением Фридгут, «большевики Донбасса не имели проблем с признанием своей субординации перед Москвой»[384] (чтобы быть точным, столица тогда еще была в Петрограде).

После этих голосований и получения разъяснений Рубинштейн отказался принимать участие в выборах правительства ДКР. А Голубовский заявил, что «вопрос об участии эсеров в СНК» будет передан на рассмотрение Областного комитета его партии.

В итоге 6 членов обкома при 4 воздержавшихся (это доказывает, что большевики уже на второй день после съезда определились, как минимум, с десятым членом обкома) был избран следующий состав правительства Донецко-Криворожской республики:

председатель Совнаркома и одновременно комиссар народного хозяйства — Федор Артем-Сергеев;

комиссар внутренних дел (по делам управления) — Семен Васильченко;

комиссар финансов — Валерий Межлаук;

комиссар труда — Борис Магидов;

комиссар народного просвещения — Михаил Жаков;

комиссар судебных дел — Виктор Филов;

комиссар по военным делам — Моисей Рухимович;

комиссар по делам государственного контроля — Абрам Каменский.

Все восемь человек были большевиками, которые, кроме того, зарезервировали за собой пост комиссара продовольствия (кандидатуру было предложено обсудить на заседании Южного областного совета народного хозяйства). За эсерами закреплялись посты комиссаров земледелия, врачебно-санитарных дел, по управлению недвижимыми имуществами и призрения. Два наркомовских поста (путей сообщения, а также почт и телеграфов) решено было выделить представителям отраслевых организаций. Однако 11 марта на пост наркома почт и телеграфов был назначен Иннокентий Кожевников, также большевик. Десятым членом правительства по праву можно назвать Варейкиса, который занимал пост секретаря обкома.[385]

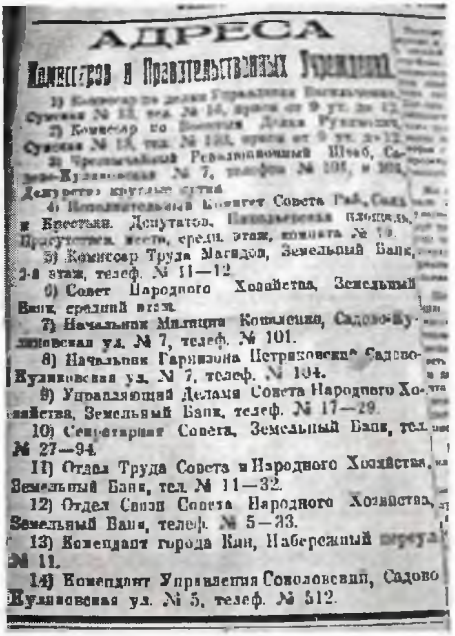

Состав Совнаркома ДКР

В связи с тем, что в различных источниках есть разночтения по поводу состава Донецкого СНК, некоторые историки стали жертвами неразберихи с именами и фамилиями наркомов. Так, Фридгут в поисках загадочного 11-го члена обкома (возможно, так и не назначенного) сделал следующее предположение: «Отсутствующий 11-й человек был ориентировочно большевик, и, возможно, им был Разин, который был членом обкома и поначалу предлагался в качестве кандидата на пост народного комиссара юстиции, но позже замененный без объяснения причин на В. Филова»[386]. На самом деле, здесь совершается стандартная ошибка, связанная с постоянным использованием революционных кличек и настоящих фамилий персонажей того периода. Филов — это настоящая фамилия, а Разин и Тушин — это его же партийные псевдонимы, под которыми он выступал в газетах, а поначалу фигурировал и в списках правительства ДКР. Точно так же некоторые исследователи того периода принимают Ватина и Быстрянского за двух различных персонажей, хотя на самом деле это — одно и то же лицо.

Как бы то ни было, правительство ДКР получилось однопартийным — большевистским. Хотя, как видно из протокола обкома, эсерам настойчиво предлагалось занять хоть какие-то наркомовские посты. И, похоже, они довольно долго колебались по этому поводу. 17 февраля они провели в Харькове объединенное заседание областного, губернского и городского комитетов своей партии, где специально обсуждали вопрос вхождения в правительство новой республики. Мнения склонялись к тому, чтобы принять предложения большевиков. Так, Черневский заявил: «Подходя сейчас, как к факту совершившемуся, мы должны считаться с этим. Нам необходимо принять участие в работе Донецкой республики, поскольку мы не можем изменить это решение и видим возможность принести известную пользу делу. Мы должны принять самое активное участие, т. к. в Донецком бассейне царит экономическая и политическая разруха». С ним солидаризовался Черный: «Я считаю возможным участие в правительстве. Но в зависимости от тех форм, которые примет Донецкая республика». Против высказался Голубовский, призвав участвовать лишь в заседаниях Областного комитета и его комиссиях, но не в Совнаркоме. После бурных дискуссий небольшим преимуществом голосов (11 против 9 при 1 воздержавшемся) принимается резолюция Черневского. То есть эсеры поначалу приняли-таки решение о вхождении в правительство ДКР.[387]

И лишь в начале 20-х чисел марта, когда к Харькову уже подходили немецкие армии, после долгих партийных совещаний, эсеры объявили о том, что в Совнаркоме республики участвовать не будут. Основание все то же — отсутствие представительства крестьян.[388]

АДРЕСА
Комиссаров и Правительственных Учреждений
1) Комиссар по делам Управления Внутренних
Сумская № 13, тел. № 14, время от 9 ут. до 12
2) Комиссар по Военным Делам Рухлядков,
Сумская № 13, тел. № 103, время от 9 ут. до 12
3) Чрезвычайный Революционный Штаб, Са
ско-Кузнечная № 7, телефон № 105, и 103,
Депутаты круглые сутки.
4) Исполнительный Комитет Совета Раб., Сол
и Крестьян. Депутатов, Николаевская площадь,
Присутствен. места, средн. этаж, комната № 10.
5) Комиссар Труда Магидов, Земельный Банк,
2-й этаж, телеф. № 11—12.
6) Совет Народного Хозяйства, Земельный
Банк, средний этаж.
7) Начальник Милиции Коншелка, Садово-Ку
ловская ул. № 7, телеф. № 101.
8) Начальник Гарнизона Петриковский Садово-
Кузнечная ул. № 7, телеф. № 104.
9) Управляющий Делами Совета Народного Хо
яйства, Земельный Банк, телеф. № 17—29.
10) Секретариат Совета, Земельный Банк, тел.
№ 27—94.
11) Отдел Труда Совета Народного Хозяйства,
Земельный Банк, тел. № 11—32.
12) Отдел Связи Совета Народного Хозяйства,
Земельный Банк, телеф. № 5—33.
13) Комендант города Киш, Набережный пере
№ 11.
14) Комендант Управления Соколовский, Садово
Кузнечная ул. № 5, телеф. № 512.

Часть наркоматов Донецко-Криворожской республики расположилась все в том же здании «Южного края» на Сумской, 13, где продолжал выходить и «Донецкий пролетарий». Там разместились Васильченко, Жаков, Филов и Рухимович (тот, правда, чаще бывал в штабе Красной гвардии). Там же проходили и многие заседания обкома и Совнаркома. Львиная доля отделов была помещена в прекрасное здание Земельного банка на Николаевской площади (ныне там располагается автотранспортный техникум). Сам областной комитет расположился в здании Присутственных мест (здание было разрушено во время Великой Отечественной войны, на этом месте сейчас — сквер Вечного Огня).

На первом же своем заседании Совнарком принял Декларацию о своей деятельности на ближайший период, в которой утверждалось, что одной из основных задач является: «Установление революционного правопорядка в Советской республике Донецкого и Криворожского бассейнов. Установление организованной планомерности в экономической и хозяйственной жизни.

Здание Земельного банка на Николаевской площади (современный вид)

Организация, развитие и подъем народного просвещения и культуры, приспособляющих ее к социалистической жизни общества»[389].

Через четыре дня после первого заседания Жаков докладывал обкому о начальных шагах Совнаркома: «Народные комиссары выработали воззвание к населению, разработали проект налога на посетителей кафе, ресторанов и гостиниц, постановили обязать А. Иозефовича упразднить находящуюся в доме «Южного края» домовую церковь». Таковы были первые шаги правительства Донецко-Криворожской республики. Вскоре заседания стали довольно регулярными и продуктивными, активно начали издаваться декреты и законы. 1 и 4 марта 1918 г. Совнарком ДКР даже выпустил две книги «Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства республики Советов Донецкого и Криворожского бассейнов». Один из этих сборников даже сохранился до наших дней и хранится в Харьковском историческом музее, а второй, по-видимому, утерян для потомков.[390]

РЕАКЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Какова же была реакция населения на создание Донецко-Криворожской республики? На удивление, довольно спокойной. Местные буржуа, тяжело пережившие Антонова-Овсеенко и Цикуку, относились поначалу к новой власти настороженно, но вполне приемлемо. Сравнивая приезжих киевлян с местными политиками, «Наш Юг», хоть и критиковавший большевиков, вынужден был признать: «Новый Харьковский или Донецкий Совет Народных Комиссаров в двух отношениях выгодно отличается от Цикуки. Во-первых, он состоит из местных людей, знакомых с положением нашей области и города. Опыт показывает, что такие люди проявляют в борьбе с буржуазией и ее «приспешниками» несколько большую осторожность и рассудительность, чем всякие приезжие гастролеры... Наконец, теперешний Совет является органом, созданным рабочей организацией — правомочным съездом Советов Донецкого бассейна»[391].

В принципе, признали создание ДКР эсеры, оставаясь при этом на позициях национального построения России. Черневский, чья резолюция об отношении к ДКР в итоге была принята местной организацией партии, заявил: «При некоторых условиях, грубого нарушения принципа федерации в этом нельзя усмот-

реть, т. к. Донецкая республика может быть автономной внутри федеративной единицы, для нас не обязательно объединение национальности в одну территориальную единицу. В автономной области (Донецкой республике) национальную жизнь мы сможем осуществлять согласно нашей программе».

Черный согласился: «Образование Донецкой республики мыслимо. Оно не противоречит нашей программе». А вот Голубовский выступил против: «Мы должны высказаться против образования Донецкой республики, в основе которой чисто экономический признак». Но при этом он настаивал на необходимости автономного статуса края: «Мы признаем для Донецкого бассейна административно областную самостоятельность, но считать ее самостоятельной областью не можем». А эсер Равенский вновь коснулся вопроса о том, что при создании ДКР не учтено мнение крестьянства и заявил, что «центр Донецкой республики может быть оспариваем — между Екатеринославом, Ростовом и Харьковом». Как видите, поначалу левые эсеры края, при массе огово-

Черневский Всеволод Николаевич

Родился в 1895 году в г. Катта-Курган (ныне в Узбекистане) в семье потомственного дворянина, отставного подполковника и народовольца. Пошел по стопам отца, который возглавлял партию левых эсеров в Ташкенте, и с 1914 г. вступил в партию эсеров.

Обучался в Харькове, где осенью 1916 г. участвовал в антивоенных акциях студенчества, о чем в 1927 г. составил книгу воспоминаний «Студенческие волнения перед революцией».

В 1917 г. от Харьковской губернии избран делегатом III-го съезда партии эсеров. Вошел в Харьковский комитет эсеров, был редактором их партийного органа «Земля и Воля», который приложил значительные усилия для организации мобилизации военных отрядов в Донецко-Криворожской республике в 1918 г.

Разрабатывал устав партии левых эсеров, входил в ее Центральный комитет. После подавления эсеровского мятежа большевиками в июле 1918 г. уехал на родину, вошел в ЦК эсеров Туркестана. В августе 1918 г. избран заместителем председателя Ташкентского совета. 27 ноября 1919 г. арестован вместе с отцом и двумя братьями и выслан большевиками за пределы края. Жил под надзором милиции в Оренбурге.

В 1920 г. вступил в РКП(б) и в Красную армию. Работал на различных командирских и комиссарских должностях в РККА. Дослужился до должности бригадного интенданта в Строительно-квартирном управлении Красной армии, проживал в Москве.

Был автором статей и книг по партийной работе в армии. В 1926 г. в «Спутнике политработника» опубликовал статью «Из истории политаппарата».

Арестован 15 ноября 1937 г., обвинен в участии в военном заговоре. Расстрелян в Москве 22 августа 1938 г. Реабилитирован в ноябре 1956 г. Судьба его отца и братьев неизвестна.

рок, в принципе всерьез обсуждали создание ДКР и возможность своего сотрудничества с ней. Что не помешало им уже в период вторжения немецких войск посмеиваться над этой республикой и призывать ее объединиться с ЦИК Украины.[392]

Ну, а что же крестьяне Донецко-Криворожской области, о которых так часто вспоминали эсеры, чья электоральная база в основном и была сосредоточена в сельской местности? Вопрос отношения к ДКР также активно дебатировался на заседаниях различных крестьянских Советов. Самое любопытное, что на одном из февральских заседаний исполкома крестьянского Совета проект резолюции по этому поводу совместно внесли большевики и... эсеры. И она гласила:

«Принимая во внимание с одной стороны хозяйственно-экономическое единство и цельность Донецко-Криворожско-Грушевского угольно-металлического района, а с другой стороны чрезвычайную важность этого района для всей Российской федерации Советских республик и принимая во внимание то обстоятельство, что этот район ни по национальности, ни по территориальным признакам не может быть отнесен целиком к Украине и также к Великороссии или к какой-либо другой части Российской федерации, Исполнительный Комитет Совета крестьянских депутатов находит, что Донецко-Криворожский район в границах своей экономической цельности может образовать особую автономную единицу под полным подчинением Всероссийской федеративной власти»[393].

То есть по этой резолюции мы видим, что левые эсеры в определенный момент разделяли позиции большевиков в вопросе создания ДКР и даже убеждали крестьянских делегатов согласиться с этой точкой зрения. Однако вмешалась партия украинских эсеров, которая тогда активно обсуждала возможность слияния со своими левыми коллегами. Она внесла следующий проект резолюции:

«Заслушав вопрос об образовании Донецкой республики и принимая во внимание, что выделение Донецкого бассейна является актом противогосударственным, что этим нарушается принцип самоопределения наций, что с экономической точки зрения нет никакой необходимости в этой республике, Исполнительный Комитет Губернского Совета крестьянских депутатов, твердо стоя на платформе социализма и на принципе наций на самоопределение, высказывается против создания Донецкой республики, включая Донецкий бассейн в Харьковскую губернию»[194].

Таким образом, украинские эсеры выступали не только против ДКР, но и против включения в состав Харьковщины (в одном из вариантов документа присутствует именно это слово) всего пролетарского Донбасса, который, видимо, крестьяне считали чужеродным телом. Судя по бурным прениям, мнения крестьянских делегатов разделились. Резолюция украинских эсеров получила 20 голосов, а первый проект резолюции — 16. Как видим, перевес не очень большой. Из чего видно, что, в принципе, значительная часть крестьянских делегатов не была бы против создания ДКР и вряд ли их участие в общем съезде Советов смогло бы переломить ситуацию. Мало того, у участников собрания возникли сомнения в честности подсчета этих голосов. И когда присутствующие потребовали пересчета и поименного голосования, «некоторыми были допущены резкие выражения и фракция украинских эсеров покинула заседание»[395]. И хотя официально в протоколах было зафиксировано несогласие относительного большинства крестьянских делегатов с созданием ДКР, честность этого голосования навсегда останется под вопросом.

В любом случае, можно утверждать, что данная резолюция несколько снижает уровень легитимности образования ДКР, поскольку при принятии решения о ее образовании мнение значительной части населения края не было представлено. Хотя сказать, что где-то были замечены крестьянские протесты против выделения ДКР или открытое неподчинение властям новой республики, тоже нельзя. Сей факт признают даже современные критики Артема и его коллег, объясняя это так: «Крестьянство, занятое дележом помещичьей земли, в массе своей индифферентно наблюдало за наступлением большевиков на Киев, свержением Центральной Рады. Украинское село оставалось нейтральным: крестьяне ждали — кто победит»[396].

Но, даже если не учитывать того факта, что и другие Советы (включая ЦИК Украины) формировались без участия крестьян, нельзя забывать и того, что сами крестьяне зачастую при принятии общегосударственных решений игнорировали мнение представителей иных классов. Например, на прошедшей в ноябре 1917 г. сессии Всеукраинского Совета крестьянских депутатов была принята резолюция об обустройстве власти на местах, в которой недвусмысленно давалось понять, что крестьяне должны иметь полное превалирование в местных органах власти и назначать комиссаров лишь при номинальном участии Советов рабочих депутатов.[397] В конце концов, не стоит забы-

вать и о том, каким способом, к примеру, был как бы «избран» гетман Скоропадский — его ведь избрал съезд хлеборобов, без участия рабочих, солдат или иных классов, что не мешает теперь в учебниках истории преподносить его правительство и государство как вполне легитимные. То есть подобный способ принятия решений в охваченной смутой России был обычным делом. И Донецко-Криворожская республика — не исключение из правил.

Конечно, было немало шуток по поводу нового государственного образования и его новоиспеченных министров. Орган меньшевиков «Наш Юг» в статье «О Донецкой республике», к примеру, решил сделать упор на географических терминах, заявив, что в природе не существует... Криворожского бассейна: «Здесь есть крупная неточность: Криворогского бассейна на свете нет. Бассейном, как известно, называется то пространство, лежащее на реке и всех ее притоках. Между тем, реки Кривой Рог ни в природе, ни на карте нет, следовательно, нет и Криворогского бассейна, а есть только Криворогский район. Это не мелочь, как может показаться, потому что территория новой республики должна быть обозначена точно и верно». Авторы статьи, видимо, не подозревали о наличии угольных и железорудных бассейнов.

Основываясь на этих «доводах», «Наш Юг» горячо доказывает, почему Донецкий и Криворожский районы не должны отделяться... от России, с которой они тесным образом связаны экономически: «В Донецком и Криворогском районах добывается, например, столько угля, что бассейн [авторы сразу же забыли о своем тезисе по поводу того, что «бассейном» это называть нельзя. — *Авт.*] не в состоянии поглотить его, следовательно, именно его экономическая особенность (сильная добыча угля) связывает его с остальной Россией. А если он отмежуется, то его естественные богатства не смогут быть им сколько-нибудь полно использованы, что, разумеется, будет вредно и ему самому, и всей остальной России экономической самостоятельности»[398]. Об «отделении от Украины», по понятным причинам, рассуждений тогда не было.

В регионах Донецко-Криворожской республики известие восприняли спокойно, без эмоций. Во всяком случае, сообщений о каких-то протестах или гневных резолюциях против создания ДКР, кроме реакции Совета крестьянских депутатов, обнаружить не удалось. Зато существует немало документов, свидетельствующих о поддержке республики и ее признании

в различных регионах. Шулим Грузман, один из активных лидеров большевиков Донбасса, глава наиболее радикального Горловско-Щербиновского райкома РСДРП(б), по словам очевидцев, «был удивлен, услышав об этом шаге, но тем не менее поддержал его»[399].

Признала авторитет власти Совнаркома ДКР над собою и Юзовка. 16 февраля решение IV областного съезда было поддержано Юзовским комитетом большевиков. Лидер юзовских большевиков Ф. Зайцев вспоминал: «Наша парторганизация и Совет целиком разделяли идею организации такой республики». А когда в местном Совете произошел внутренний кризис, приказ наркома ДКР Васильченко о перевыборах Юзовского совета был принят всеми местными политическими партиями.[400]

5 марта 1918 г. 700 шахтеров Богураевских рудников (между прочим, находящихся в Области Войска Донского) приняли резолюцию: «1. Собрание приветствует Совет народных комиссаров Донецкого и Криворожского бассейнов. 2. Собрание выражает глубокую уверенность, что тов. Артем и другие пойдут по тому пути, который наметил Ленин». 8 марта Бахмутский уездный Совет заявил: «Съезд Советов Р. К. и С. Д. приветствует Донецкую пролетарскую республику, как часть федеральной Российской республики Советов, приветствует Совет народных комиссаров, требует от него неуклонного проведения в жизнь декретов, выдвинутых Октябрьской революцией»[401]. И таких резолюций в те дни было немало. Тем более странно сейчас слышать утверждения некоторых маститых украинских историков по поводу того, что им неизвестны документы, свидетельствующие о поддержке решения о создании ДКР.[402]

Гораздо меньше дошло до нас резолюций о непризнании ДКР. К таковым относится решение Екатеринославского Совета, который «высказался против создания Донецкой республики». При этом Екатеринославский совет народного хозяйства принял резолюцию, в которой приветствовал «выделение Донецкого и Криворожского бассейнов в автономную республику».[403]

Нервно воспринял известие о создании Донецко-Криворожской республики советский главковерх Антонов-Овсеенко, руководивший в те дни боевыми операциями по овладению Ростовом-на-Дону. 24 февраля он довольно грозно и сумбурно телеграфировал на имя комиссаров ДКР с копией Ленину и Троцкому: «Надлежит определять прием соглашения с центральной советской властью, а не путем одностороннего решения областного съезда или, того хуже, узкого круга членов его

исполнительного органа. В частности, категорически заявляю: лишь в интересах победы революционными войсками, которыми мне поручено руководить, не могу допустить самостоятельного с Вашей стороны распоряжения организованными моим штабом вооруженными силами. Поползновение в эту сторону буду рассматривать как сознательный или бессознательный саботаж революционной борьбы» (см. цветн. вкладку, стр. 3). Правда, большая часть телеграммы Антонова была посвящена обиде в связи с тем, что известия о формировании органов власти ДКР были получены им не от комиссаров непосредственно, «а кружным путем»[404]. Такой обиженный тон не помешал в дальнейшем Антонову-Овсеенко довольно тесно сотрудничать с Совнаркомом ДКР.

ВЫБОР РОССИИ: ПРИЗНАТЬ — НЕ ПРИЗНАТЬ?

Гораздо более сложным и важным вопросом является отношение к созданию Донецко-Криворожской республики со стороны центральной российской власти и лично Ленина. Собственно, этот вопрос и был одним из основных в спорах советских, а позже украинских историков. Этому посвящали даже отдельные научные труды.[405] Чаще всего этой дискуссией подменяли анализ деятельности самой республики.

В советские времена противники создания ДКР горячо доказывали, что Ленин осуждал выделение Донецкой республики. Ныне украинские историки (порой это одни и те же лица) с таким же пылом пытаются доказать, что создание ДКР — это коварный план Ленина—Сталина по «расчленению Украины».

На самом деле, объективный анализ документов, связанных с реакцией Смольного (а позже Кремля) на идею создания, существования и возрождения Донецкой республики, показывает, что позиция центральных властей менялась в зависимости от политической конъюнктуры, а порой от субъективных факторов, как то: наличие в непосредственной близости от вождей РСДРП(б) противников или же сторонников этой идеи, приехавших из Киева или Харькова.

Можно только догадываться о том, почему Антонов-Овсеенко не был уведомлен о создании ДКР, но тот факт, что Смольный знал об этом на следующий же день и дал свое добро, не вызы-

вает сомнений. 31 января 1918 г. Артем уведомил ЦК РСДРП(б) и лично главу Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов (ВЦИК) Якова Свердлова: «Областной съезд Советов принял резолюцию о создании Совета Народных Комиссаров Донецко-Криворожского бассейна как части общероссийской федерации Советов». Последняя фраза, кстати, лишний раз свидетельствует о том, что о сепаратизме никто речи не вел.

Далее в этом документе Артем, которого накануне вызвали на очередное совещание в Петроград, настоятельно просил позволить ему остаться в ДКР, убеждая: «Здесь дела очень много». Кроме того, он информировал Свердлова о том, что Рухимович назначен военным комиссаром ДКР и очень просил посодействовать отзыву его из Никитовки, где тот находился при штабе Антонова-Овсеенко (видимо, это и обидело последнего). На оригинале телеграммы Артема есть собственноручная пометка Свердлова, свидетельствующая о том, что действия руководителей Донецкой республики были восприняты нормально: «Артема не отзывать, телеграмму в Никитовку дать, чтобы Рухимович выехал в Харьков»[406].

Яков Свердлов в 1919 году

Затем, с интервалом в пару недель в Харьков из Петрограда последовало две телеграммы, каждую из которых противники/сторонники теории согласия/несогласия Москвы на создание ДКР используют по отдельности, приводя одну из них и опуская другую. 17 февраля Свердлов телеграфирует очень краткое сообщение на имя Артема: «Харьков. Совдеп. Сергееву-Артему. Выделение считаем вредным. Можете оставаться в Харькове. Приезжайте к партийному съезду. О Рухимовиче все сообщено Антонову. Резолюции еще нет»[407]. Фразу «Выделение считаем вредным» большинство историков вполне обоснованно относит к сообщению о выделении Донецкой республики.

Но 3 марта 1918 г. в областной комитет большевиков Донкривбасса направляется письмо Секретариата ЦК РСДРП(б)

Елена Стасова

(через три дня — уже РКП(б)) за подписью его руководителя Елены Стасовой следующего содержания:

«Уважаемые товарищи! Получили протокол заседания Областного комитета рабочих и солдатских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов и приветствуем вас за ту последовательную линию, которую вы провели при формировании Совета Народных Комиссаров. Как-то поведете вы дальше работу и сможете ли фактически совместить работу в Совнаркоме с работой в областкоме. Думаем, что при грандиозности задач, стоящих перед вами, придется что-либо сократить, произвести выбор, где важнее ваше присутствие, и заменить себя более слабыми силами в другом учреждении»[408].

Это письмо недвусмысленно свидетельствует о том, что руководство большевистской партии знало о создании ДКР, ее Совнаркома и планах Артема со товарищи и не просто не осуждало, но и поддерживало первые шаги донецкой власти.

Чем может быть вызвана такая разноплановая реакция? Возможно, тем, что в начале марта в Петроград на VII экстренный съезд РКП(б) прибыл сам Артем, который встретился с руководителями партии и смог лично пояснить позицию создателей ДКР. Судя по письму Стасовой, оно было написано буквально сразу после личного общения с Артемом («Тов. Артем только несколько часов тому назад сообщил мне о том поражении, которое понесли сторонники революционной войны на конференции Петроградского комитета»). Не исключено, что глава Совнаркома ДКР смог развеять какие-то сомнения о «вреде выделения» республики.

Не менее спорным является вопрос о том, как относился к созданию Донецкой республики вождь Октябрьской революции Ленин. Некоторые исследователи полагают, что Артем, не согласовав с руководством своей партии данную идею, «нарушил принцип единоначалия и субординации». Ревегук ут-

верждал: «Подготовка к выделению Донецко-Криворожского бассейна в автономную республику проводилась небольшой группой руководящих работников Донецко-Криворожского бассейна без согласования и даже вопреки... воле ЦК партии и В. И. Ленина». В подтверждение этих слов он приводит воспоминания Затонского и Межлаука. В. Затонский, который в то время считался полномочным представителем Цикуки при российском Совнаркоме, утверждает, что он присутствовал на встрече Артема с Лениным и Сталиным по завершению III Всероссийского съезда Советов (то есть примерно за полторы недели до начала IV областного съезда в Харькове). Якобы на этой встрече Артем уведомил большевистских лидеров о планах по созданию ДКР, но не получил от них согласия. Несколько по-иному описывает эту же встречу В. Межлаук. Он утверждает, что встречи с Лениным и Сталиным проводились отдельно: «По указанию т. Ленина мы направились к т. Сталину, который сообщил нам, что ЦК считает неправильным выделение Донецко-Криворожской республики из состава Украинской Советской республики». Это очень важное уточнение, свидетельствующее о том, что, возможно, против создания ДКР был именно Сталин, а Ленин, в общем-то, против ничего не имел.[409]

К тому же существует несколько свидетельств того, что Артем накануне IV областного съезда Советов в принципе получил одобрение Ленина на создание ДКР. Об этом пишет единственный выживший после сталинских репрессий нарком ДКР Борис Магидов. В своих воспоминаниях он утверждает: Артем «предварительно побеседовал с тов. Лениным. Ленин отнесся весьма сочувственно к этой идее, считая ее необходимой по двум причинам: во-первых, по международным соображениям, а во-вторых, по соображениям чисто внутреннего характера». Соображения международного свойства Магидов отнес к стремлению большевиков обезопасить Донецко-Криворожский регион от вторжения немецких оккупантов. Абсолютно те же мотивы приводил Межлаук:

Владимир Ленин в 1918 году

«Мы считали, что включение этих областей в состав РСФСР и провозглашение их самостоятельной республикой позволит нам протестовать против вторжения в эти области войск германского империализма перед всем рабочим классом мира, как против вторжения на территорию РСФСР после Брестского перемирия»[410].

Некоторые исследователи критикуют Магидова и Межлаука за это утверждение: мол, авторы «явно пренебрегает хронологией событий», поскольку в момент, когда проходил областной съезд Советов, ни в Харькове, ни в Петрограде еще не знали о заключенном Центральной Радой договоре с немцами.[411] Это действительно так. Однако достаточно бегло просмотреть прессу декабря 1917-го — января 1918 г., чтобы увидеть массу различных предположений о возможных сценариях заключения мира или продолжения войны. В конце концов, можно вспомнить и реакцию делегатов харьковского съезда на слова Скрыпника о том, что в Бресте «дается бой германским империалистам». Из зала ему закричали: «Кончен!» То есть вероятность того, что международные обстоятельства вынудили поспешить с принятием данного решения, не выглядят столь уж безосновательными.

Другое дело, что наверняка не эти обстоятельства были основной причиной решения о создании ДКР. Поскольку идея о провозглашении автономного образования возникла еще летом или осенью 1917 г., то есть задолго до Брестского мира, и получала все большую поддержку с активизацией устремлений Центральной Рады предъявить свои права и на регионы, не считавшие себя Украиной, можно предположить, что основные причины все-таки крылись в желании обезопасить себя от этих притязаний. И в основу споров о создании ДКР на всех организационных мероприятиях все-таки обсуждались не вопросы международного характера, а принципиальный вопрос модели устройства будущего СССР.

Помимо очень ценных воспоминаний Магидова существуют и другие свидетельства того, что Ленин поддержал ДКР. Так, харьковский большевик В. Заборенко в своих воспоминаниях пишет, что «по вопросу о Донецко-Криворожской республике тов. Артем вел переговоры с Москвой». И нельзя забывать, что даже Скрыпник, являвшийся принципиальным оппонентом этой идеи, вынужден был признать: «ЦК партии большевиков харьковским товарищам дал санкцию на организацию Донецко-Криворожской республики»[412].

И есть еще одно ценнейшее указание на это: воспоминания Елизаветы Сергеевой (до замужества — Репельской), жены Артема, которая также была активисткой харьковской большевистской организации и уже тогда сблизилась со своим будущим мужем. Она авторитетно утверждает: «Все серьезные и важные мероприятия Артем обязательно согласовывал с ЦК партии, лично с В. И. Лениным, слово которого для него было законом. Так, например, несколько раз он обсуждал с Владимиром Ильичом вопрос о целесообразности создания Донецко-Криворожской республики в данной ситуации. И когда в феврале 1918 г. республика была создана, Ленин горячо приветствовал председателя ее Совнаркома — Артема»[413]. Почему-то это очень важное свидетельство большинство исследователей упускает из виду. Возможно, оно им кажется «не вписывающимся в концепцию».

Подытоживая сказанное, можно сделать однозначный вывод: российская центральная власть большевиков и лично Ленин наверняка знали об идее создания Донецкой республики и даже поддерживали ее. Однако, судя по телеграмме Свердлова от 17 февраля и по реакции Сталина, ставшего в итоге могильщиком ДКР, споры о целесообразности этого образования в руководстве большевистской партии велись с первых дней существования республики, что свидетельствует о колебаниях властей, нечетко сформированном взгляде на будущее устройство советского государства. Подчеркиваем, именно в те дни в Петрограде велись горячие споры о том, по какому принципу будет строиться СССР — по принципу федерации национальных республик или же по принципу федерации регионов, составляющих единый хозяйственно-экономический комплекс. Отношение общероссийских властей к Донецкой республике колебалось в соответствии с постоянно менявшимся тогда видением на этот вопрос.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ГРАНИЦ ДКР

Что бы там ни было, а республика Донецко-Криворожского региона была создана. И ее, действительно, признало центральное руководство советской России. Об этом свидетельствует хотя бы телеграмма Ленина и Сталина Антонову-Овсеенко от 28 февраля 1918 г. (то есть она была послана на Дон через две недели после

провозглашения ДКР): «Против автономии Донской области ничего не имею. Географические границы этой автономии должны быть определены по соглашению с населением смежной полосы и автономной республики Донецкого бассейна». Этот вполне официальный документ свидетельствует о том, что советские вожди не только признали Донецко-Криворожскую республику, но и поручили ей обсудить свои границы с соседями.[414]

Вопрос о границах ДКР, на самом деле, оставался открытым. Как, собственно, и вопрос о границах УНР или любого другого самопровозглашенного государственного образования, возникшего в те дни на территории России (по словам казачьего атамана А. Богаевского, «эфемерные республики вырастали как грибы после дождя на развалинах родины»[415]).

Первоначально в ведении ЮОСНХ, хозяйственного органа ДКР, согласно положению об этом органе, были названы следующие границы его юрисдикции: «Губернии Курская, Воронежская, Харьковская, Екатеринославская, Таврическая, каменноугольный и антрацитовый районы Области Войска Донского и железорудный район Херсонской губернии»[416]. При формировании структур Донецкой республики ЮОСНХ должен был упорядочить свою деятельность под структуры и границы области, а потому из этого перечня выпали Курская и Воронежская губернии.

Уже на первом же заседании обкома ДКР возник спор о подведомственности Совета Бердянска, который входил в Таврическую губернию. До IV съезда бердянцы поддерживали контакты с ЮОСНХ и просили продолжить это сотрудничество. Однако на съезде было принято решение: «В район деятельности ЮОСНХ входят районы Советов, входящих в федерацию Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Донецкого и Криворожского бассейнов». В итоге обком отказал бердянцам в их просьбе, пояснив: «Постановлено обратиться в Совет народного хозяйства с предложением ликвидировать свои отношения с Советами и предприятиями, не входящими в район ведения Совета народного хозяйства, поскольку это вытекает из постановления Съезда, и ввести в планомерную систему таким образом, чтобы это не отразилось на их хозяйственном положении катастрофически»[417].

Из этого замечания можно сделать однозначный вывод о том, что при создании Донецкой республики ее «отцы-основатели» не видели Бердянск и степные районы Тавриды своей составной частью. Однако тот же областной комитет постановил делегировать своего представителя для более детального

рассмотрения просьбы бердянцев. И судя по тому что уже в начале апреля 1918 г. Совнарком ДКР публично заявил о принадлежности Донецкой республике степных районов Таврической губернии вплоть до Крымского перешейка, видимо, мнение тамошних Советов было учтено. И опять-таки диву даешься, когда слышишь заверения современных украинских историков о том, что им неизвестны документы о поддержке ДКР со стороны местных Советов региона. Случай с Бердянском показывает, что существовали просьбы местных органов власти о принятии их территорий в состав Донецкой республики.

В связи с тем, что в Донецко-Криворожскую область с момента ее образования в начале 1917 г. довольно спонтанно, порой по лоскутному принципу, включались различные рабочие Советы вместе с отдельными районами и населенными пунктами Области Войска Донского, очень сложно определить восточную границу ДКР — именно потому Ленин и поручал Донкривбассу вступить в переговоры с советской Донской республикой на предмет своеобразной «демаркации границ».

По этой же причине не спешили с объявлением своих границ комиссары ДКР, что порождало значительную неразбериху на окраинах. 21 февраля 1918 г. Центральный ревком Донбасса, расположенный на тот момент в Юзовке, телеграфировал в Харьков: «Харьковский Совет Народных Комиссаров Донецкого бассейна. Васильченко. Центральный военно-революционный Комитет Донецкого Бассейна просит вас поскорее сообщить, на какие районы и округа со строго очерченными границами поделена Донецкая республика, ибо незнание границы районов грозит большими организационными затруднениями»[418].

Ответом на подобные запросы стал разработанный в Совнаркоме ДКР план административного деления республики на следующие экономические районы: Харьковский, Екатеринославский, Верхнеднепровский, Луганский, Александровский, Павлоградский, Нижнеднепровский, Бахмутский, Александрогрушевский, Таганрогский, Ростовский, Мариупольский и Криворожский. Однако, как пишет Ревегук, «новое административное устройство в ДКР не было осуществлено до конца и деление на губернии и уезды сохранилось, за исключением территории собственно Донбасса, где были созданы районные и подрайонные административно-экономические единицы». Кроме того, в некоторых местностях районированием занимались самостоятельно и исходя из партийной конъюнктуры. Так был создан Юзово-Макеевский район, соединяющий шахтерские поселки

и Екатеринославской губернии, и Области Войска Донского. По мнению некоторых исследований, подобные объединения были вызваны исключительно партийными интересами.[419]

Границы республик Юга России на начало 1918 г.
(карта составлена Дмитрием Корниловым)

Одним из первых актов, где говорилось о крупных городах, на которые правительство новой республики намерено было распространить свою власть, был декрет Совнаркома ДКР, обнародованный 24 февраля 1918 г., о чрезвычайном налоге с капиталистов этих городов. Обложению подлежали следующие населенные пункты:

Харьков — 5 млн руб.;
Екатеринослав — 3 млн;
Ростов — 10 млн;
Сумы — 2 млн;
Юзовка — 2 млн;
Таганрог — 2 млн;
Мариуполь — 1 млн;
Луганск — 1 млн;
Новочеркасск — 10 млн;
Бахмут и Енакиево — 1 млн;
Нахичевань — 5 млн[420].

Из этого перечня мы видим, что в пределы Донецко-Криворожской республики включались все крупные города Харьковской и Екатеринославской губерний, а также четыре города юго-

западной части Области Войска Донского — Таганрог, Ростов, Нахичевань (во избежание недоразумений следует пояснить, что имеется в виду город Нахичевань-на-Дону, слившийся с Ростовом и с 1928 г. ставший его районом) и даже столица области Новочеркасск. Любопытно, что в этом перечне почему-то нет Александровска (нынешнего Запорожья), хотя власть ДКР распространялась и на него. Кроме того, так и непонятен статус города Кривой Рог, которому обязан названием железорудный бассейн, собственно, и ставшее частью названия Донецко-Криворожской республики. Дело в том, что местечко (тогда еще не город) Кривой Рог находилось на самой границе Екатеринославской губернии, но все-таки считалось составной частью Херсонской губернии, на восточные территории которой также претендовала ДКР.

Стоит отметить также, что взысканием налогов с означенных городов, согласно декрету, ведали различные органы власти. За взыскание налогов в таких городах, как Харьков, Екатеринослав, Сумы, отвечали местные Советы. За Ростов, Нахичевань и Новочеркасск, то есть за местности, где еще велись бои с казаками, отвечал главковерх Антонов. Юзовка, Таганрог, Мариуполь, Луганск и Бахмут находились в ведении Центрального военно-революционного комитета Донбасса (в то время он уже обосновался в Юзовке). Последний даже разработал проект создания Донецкой губернии в рамках ДКР. По задумке авторов идеи, губерния должна была включать территории Бахмутского, Славяносербского, Бердянского, Изюмского и части Мариупольского уездов, а также Таганрогский округ. И хоть эта структура не была утверждена Совнаркомом ДКР, Центроревком Донбасса по согласованию с правительством республики действовал фактически на положении губернского ревкома. При этом в Луганске (опять-таки с санкции Харькова) действовал свой Совнарком во главе с Лутовиновым.[421]

Соответственно, в зависимости от центра принятия решений, от географической приближенности или удаленности от столицы ДКР, от охвата зоны боевых действий, блокировавших поступление информации из Харькова, а также от партийности тех или иных Советов, власть ДКР на местах где-то была довольно сильной, где-то не ощущалась вовсе. К примеру, 21 февраля (через три недели после провозглашения ДКР) некто Александров, один из руководителей большевиков Таганрога, телеграфировал Артему:

«Таганрогский Совет буквально изолирован от общей политической жизни. Не знает, кем он должен декретироваться, кто

является Государственным органом власти в области. Сегодня, 21 февраля, ко мне обратились члены исполнительного комитета Таганрогского Совдепа с вопросом о вооружении деревень... Когда я сказал, что в области есть Совнарком Донецкой республики и им предложил обратиться с этим вопросом в совнарком Донецкой рабочей республики, они немало были удивлены. Для них было новостью образование донского рабочего правительства... Недавно закончился Окружной крестьянский съезд... И этот съезд не знал о существовании правительства Донской республики. Артем, немедленно сообщи мне подробно о положении дел у Вас»[422]. Этот крик души с путаницей названий различных республик свидетельствует об общем бедламе, царившем в государстве. При этом, конечно, стоит отметить, что Таганрог был буквально за несколько дней до этого занят войсками Антонова, а до того он был, действительно, информационно отрезан от событий, происходивших в Харькове или Петрограде. Судя по дальнейшим телеграммам, Таганрогский совет довольно активно контактировал со столицей ДКР.

Критики правительства ДКР пытались доказать, что «их (Народных Комиссаров) влияние не выходило за пределы Харькова». На что официальный орган республики «Известия Юга» отвечал следующими аргументами: «Из всей области Донецкого и Криворожского Бассейнов обращаются в наш Совет Народных Комиссаров. Несколько примеров. Усть-белокалитвинский совет приветствовал создание Донецкой Республики. Таганрогский окружной съезд Советов также признал себя входящим в Донецкую республику. Из целого ряда мест (Бахмут, Луганск, Юзовка), лежащих за пределами Харьковской губернии, приезжали в Харьков за разъяснениями комиссары юстиции»[423].

Эсеровская «Земля и Воля» в ответ высмеивала подобные аргументы: «Конечно, мы не сомневаемся, что и из многих других мест обращались в Донецкую республику, но... разве это что-нибудь доказывает?.. Стоит лишь образоваться какой-нибудь завалящей власти, как к ней обращаются со всех сторон истомленные порядочной неразберихой властей... массы»[424].

В принципе, резонные аргументы, но, что интересно, аргументы обеих сторон в этом споре использовались чуть ли не в том же самом виде и при спорах о территориальной распространенности власти Центральной Рады. Так, член Рады Д. Дорошенко утверждал, что ее власть ограничивалась пределами Киева, а документы носили скорее пропагандистский, чем рабочий характер.[425] А министр иностранных дел УНР

СХЕМА УПРАВЛЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(Источники: Диссертации О. Поплавского и В. Ревегука)

А. Шульгин, обосновывая популярность Рады в регионах, писал: «Каждый день глава Рады принимал множество депутаций и получал сотни телеграмм и писем»[426]. Как видим, для Рады это могло служить доказательством своей поддержки на местах.

В любой справочной информации о ДКР при описании ее границ следует ссылка на воззвание Совнаркома ДКР, обнародованное 7 апреля 1918 г., то есть за день до вступления в Харьков немцев. Оно гласило: «Что касается границ нашей Республики — они... должны быть известны Киевскому Правительству. Всего несколько месяцев тому назад Киевская Рада в договоре с князем Львовым и Терещенко установили восточные границы Украины как раз по линии, которая являлась и является западными границами нашей Республики. Западные границы Харьковской и Екатеринославской губерний, включая железнодорожную

часть Криворожья Херсонской губернии и уезды Таврической губернии до перешейка всегда были и сейчас являются западными границами нашей Республики. Азовское море до Таганрога и границы угольных Советских Округов Донской области по линии железной дороги Ростов—Воронеж до станции Лихая, западные границы Воронежской и южные границы Курской губерний замыкают границы нашей Республики»[427].

Поплавский в этой связи пишет: «Хотя границы определены довольно четко, в реальной жизни их делимитация и демаркация проведена не была и таких сурово очерченных границ республика не имела»[428]. Это действительно так. Хотя стоит заметить, что ни одна из республик, создававшихся на постимперском пространстве в ходе революций и гражданской войны, включая и саму Российскую Федерацию, и тем более такие государственные образования как УНР или ДКР, не занимались в те дни «делимитацией и демаркацией». Скажем, западные границы Украинской Народной Республики определялись немцами и австрийцами в Бресте, а северные и восточные так и не были официально определены, не говоря уж об их «демаркации».

Например, чтобы понять, что собой представляла Украина в период ввода туда немецких войск, достаточно почитать красноречивый доклад сотрудника военного отделения Министерства иностранных дел Германии Колина Росса, составленный в марте 1918 года: «Внутреннее положение Украины более всего напоминает состояние Мексики после падения Хуэрты. В стране нет никакой центральной власти, захватывающей более или менее значительную территорию. Вся страна разделена на целый ряд отдельных областей, ограничивающихся пределами уезда, города, а иногда даже отдельными селами и деревнями. Власть в таких областях принадлежит различным партиям, а также и отдельным политическим авантюристам, разбойникам и диктаторам. Можно встретить деревни, опоясанные окопами и ведущие друг с другом войну из-за помещичьей земли. Отдельные атаманы властвуют в областях, подчинения которых они добиваются с помощью своих приближенных и наемников»[429].

Конечно, было бы совершенно неправильно говорить, что ситуация на местах в Донецко-Криворожской республике выглядела намного лучше. Если в крупных городах и рабочих поселках власть контролировали местные Советы, подчиненные Совнаркому ДКР, то в сельской местности, особенно в обширных степных районах Екатеринославской и Таврической губерний, ситуация была абсолютно идентичной той, которую

описывает Росс. Именно в те времена и в тех местностях закладывались основы будущего махновского движения. Практически на каждом из первых заседаний обкома ДКР поднимался вопрос о преодолении многовластия и выстраивании единой вертикали управления.

Антонов-Овсеенко 23 февраля 1918 г. телеграфировал Совнаркому ДКР: «Дорогие товарищи, скорее установите единовластие в бассейне. К кому направлять требования на уголь и кому на подвижной состав, к кому — о продовольствии? Не хочется впутаться и увеличивать хаос, но ради революции действуйте скорее, /чтобы/ установить власть»[430].

Вопрос о ликвидации многовластия в ДКР был чуть ли не основным на первых заседаниях обкома. Постепенно ликвидировались старые властные структуры, которые формально существовали при наличии Советов — так, в феврале 1918 г. были ликвидированы Харьковское губернское и уездное земства, а также волостные земские управы в Изюме, Старобельске, Золочеве, Мерефе и др. При этом надо заметить, что во многих случаях руководство местных органов ДКР, ликвидируя старые структуры власти, сохраняли их технический аппарат — к примеру, отдел Изюмской земской управы был преобразован в комиссариат исполкома Советов, а бывший глава управы был даже назначен комиссаром народного образования. Пришлось бороться и с «местным сепаратизмом» различных органов власти в лице различных ревкомов и комиссаров, поставленных либо Антоновым-Овсеенко, либо вообще неизвестно кем.[431]

БЕНЕВОЛЕНСКИЕ И БЕНДЕРЫ ЭПОХИ

Ситуацию усугубляла некомпетентность всевозможных авантюристов, оказавшихся на высших постах в различных Советах или комитетах — чего-чего, а этого всегда достаточно в ходе любой революции или гражданской войны.

Даже Харьков на своей шкуре испытал все прелести такого авантюризма. Правда, еще до создания ДКР. Антонов-Овсеенко, переводя свой штаб в Донбасс, оставил Харькову «подарок» в лице военного комиссара товарища Войцеховского, приехавшего в обозе с Антоновым. Приказом о его назначении от 30 декабря 1917 г. Войцеховскому предоставлялось право «обыска, ареста контрреволюционеров, закрытия игорных и прочих притонов,

издания обязательных постановлений»[432]. И своими полномочиями комиссар воспользовался сполна.

Достоверные данные о его биографии обнаружить довольно сложно, поскольку его даже никогда не именовали по имени — прямо как мадам Грицацуева называла мужа «товарищ Бендер», так и военного комиссара Харькова именовали исключительно «тов. Войцеховским». Газета «Вечерний Харьков» утверждает, что он был матросом. Это выглядит правдоподобно, учитывая, что Войцеховский непосредственно после Октябрьской революции проявил себя в качестве командира бронепоезда под Петроградом. В прессе его описывали как «брюнета с бритым лицом и беспокойными глазами»[433].

Указы Войцеховского, вполне сравнимые с творчеством градоначальника Глупова Беневоленского из салтыковской «Истории одного города», просто-таки вдохновляли местную прессу на зубоскальство по поводу комиссара. Вот, к примеру, что было написано в одном из первых его указов по Харькову: «Запасы продовольствия, имеющиеся у частных лиц, немедленно должны быть сданы... Домашние библиотеки считаются достоянием народа и должны быть переданы революционным организациям и учреждениям народного просвещения... Граждане, платящие до 600 рублей в год, и учащиеся освобождаются от платы на шесть месяцев. Дворников и швейцаров немедленно перевести из конурок и подвалов в помещение, пригодное для жилья... Парикмахерам и официантам предлагаю вступить немедленно в профессиональный союз и не унижать принятием чаевых достоинства рабочего. Газеты, помещающие на своих столбцах не проверенные сведения, будут прикрыты»[434]. И все это — в одном указе!

Последнюю угрозу комиссар, ставший посмешищем местных газет, пытался воплотить в жизнь. Он даже вызвал к себе на ковер редактора эсеровской «Земли и Воли» В. Панова-Черного и намекнул ему на недопустимость печатания фельетонов о Войцеховском. На что харьковский эсер ответил вполне достойно и для сегодняшнего времени: «Задачей свободной прессы является освещение всех сторон явлений, как положительных, так и отрицательных, чего не должны опасаться деятели, уверенные в правильности своих мероприятий»[435].

Войцеховский повеселил горожан тем, что попытался арестовать и отдать на растерзание трибуналу местного коменданта города г-на Макаровского, которого взялся защищать городской Совет. Коменданту вменялось в вину «незаконное подписание

разрешения на получение шампанского». Ясно, что трибунал не нашел состава преступления и оправдал коменданта.[436]

Харьковская «карьера» авантюриста закончилась тем, что 25 января 1918 г. во время обыска в гостинице «Версаль» (находилась на Павловской площади) Войцеховского решили задержать за то, что он «предавался излишествам». Комиссар попытался оказать вооруженное сопротивление и был разоружен, после чего исчез из города. В Харькове некоторое время были уверены, что «Войцеховский наконец «допрыгался» — «хапнул» несколько десятков народных денег, но попался и теперь сидит за решеткой (где — неизвестно)». О нем вполне официально говорили «как об «уголовном типе», показывали даже протоколы о его кутежах, буйствах и издевательствах над женщинами»[437].

Тем не менее эти скандалы не помешали Антонову-Овсеенко вскоре вновь пристроить своего любимчика на теплое место. В конце февраля главковерх назначил Войцеховского военным комиссаром только что занятого советскими войсками Таганрога, а потом и Ростова-на-Дону. Самое интересное, что в Ростове его уже называли «харьковским гастролером»[438].

Жители Харькова настолько прониклись особой страстью к этой фигуре, что газета «Возрождение» с удовольствием перепечатала репортаж московской газеты «Раннее утро» из Таганрога о деятельности там Войцеховского. Когда журналистка, наслышанная о похождениях того в Харькове, выразила удивление по поводу назначения этого человека на пост комиссара, Антонова это позабавило: «Познакомьтесь, т. Войцеховский! Корреспондент «Раннего утра» ожидала вас видеть в тюрьме, а вы, оказывается, на свободе, да еще на ответственном посту». На что Войцеховский ответил: «А, понимаю, вы из Харькова... Там против меня поход»[439].

Данный «поход» закончился тем, что 7 марта, то есть уже недели через полторы после ростовского назначения Войцеховского, областной комитет Донкривбасса единогласно принял решение: «Поручить т. Васильченко принять срочные меры к устранению Войцеховского от его обязанностей». И уже на следующий день нарком ДКР по делам управления издал приказ: «Ввиду несоответствия личных качеств гражданина Войцеховского с занимаемым им постом настоящим постановляю: Комендант Ростовдона Войцеховский от должности отстраняется и сдает все дела Донскому Областному Революционному Комитету»[440]. После чего об этом ярком персонаже в Харькове ничего не слышали.

Неудивительно, что после отъезда Цикуки и Войцеховского Харьков с гораздо большим облегчением воспринял появление Совнаркома, составленного из местных политиков. И уж тем более неудивительно, что одним из первых указов Донецко-Криворожской республики был циркуляр наркома по делам управления С. Васильченко о том, что под страхом суда революционного трибунала все комиссары и коменданты, назначенные и Временным правительством, и Антоновым-Овсеенко, должны немедленно сложить с себя полномочия и передать власть местным Советам.[441]

Васильченко очень решительно сообщал: «Назначенные во время борьбы с Радой народным комиссаром по борьбе с контрреволюцией тов. Антоновым коменданты, комиссары и т. д. в некоторых местах... полномочий своих не слагают и в настоящее время, когда борьба с изменнической контрреволюционной Радой кончилась. Так как отказ таких комиссаров и комендантов по требованию местных Советов сложить свои полномочия может вызвать самые нежелательные осложнения во взаимных отношениях между различными представительствами советской власти, то я, комиссар по делам управления в Донецком и Криворожском бассейнах, на основании постановления съезда требую, чтобы постановления Советов... немедленно выполнялись. Виновные в неисполнении таких советских постановлений будут мною предаваться суду революционных трибуналов, там где это понадобится вооруженной силой». 22 февраля подобное же постановление издал и Центральный военно-революционный комитет Донбасса.[442]

Но и среди новоиспеченных руководителей «местного разлива» зачастую попадались персонажи а-ля Войцеховский. К примеру, в середине марта 1918 г. значительный скандал потряс большевиков Юзовки, где и без того довольно долго заправляли меньшевики. Связан он был с тем, что председатель Юзовского совета Яков Залмаев самолично отпустил из-под стражи своего коллегу по партии Тулупова, арестованного накануне по подозрению в причастности к ограблению фабричной кассы металлургического завода (в ходе налета были убиты четыре милиционера и было похищено более 1 млн рублей, предназначавшихся для зарплаты рабочим). В результате самочинных действий Залмаева гнев металлургов вылился против большевиков. Толпа рабочих и милиционеров во главе с их командиром эсером Клюевым осадила здание Юзовского исполкома, требуя ареста Залмаева. Центроштаб Красной гвардии, тогда

уже располагавшийся в городе, ввел там чрезвычайное положение, разоружил милицию и арестовал Клюева. В свою очередь, большевики Юзовки, боясь, что эти шаги вызовут еще больший гнев, убедили Центроштаб отказаться от чрезвычайных мер и срочно уволили Залмаева, который скрылся в неизвестном направлении (среди рабочих ходили упорные слухи, что сбежал он, прихватив 2 млн рублей наличными). Эти события моментально отразились на популярности большевиков в городе самым пагубным образом.[443]

Не меньше проблем руководству ДКР доставляли некомпетентные «управленцы» на местах, попавшие в кресла председа-

Залмаев Яков Васильевич

Родился в 1887 г. Большевик с 1912 г. Революционер и авантюрист.

Попал в поле зрения полиции в сентябре 1912 г., когда был впервые арестован за призывы к всеобщей забастовке в Юзовке. Следующий арест последовал в мае 1914 г. — тогда арестовали многих социалистов за проведение первомайской демонстрации и забастовки. Но поскольку Залмаев уже числился «рецидивистом», он был сослан в Сибирь.

После Февральской революции вернулся в Юзовку, где возглавил местных большевиков и был избран в городской Совет. 17 ноября 1917 г., воспользовавшись тем, что меньшевики покинули заседание Совета, был избран его председателем на неправомочном заседании.

В марте был обвинен в хищении денег и скрылся, бросив свой пост. 29 марта объявился в Мариуполе, где занял у местных товарищей по партии 500 рублей и вновь скрылся. Был объявлен через газеты в розыск. В апреле был арестован в Армавире. Юзовские большевики потребовали доставить его в Донбасс и публично судить. Однако немецкая оккупация сорвала эти планы.

Скандалы не повредили карьере Залмаева. Работал на руководящих должностях в Архангельске. В 1925 г. он даже в течение нескольких месяцев был главой Барнаульского губернского исполкома Советов. Был замешан в явную аферу, связанную с деятельностью в Кемерово некоей «Американской индустриальной колонии».

Умер своей смертью в 1939 г.

Парадоксально, но столь авантюрная биография не помешала тому, чтобы в Донецке появилась улица Залмаева, которая существует и поныне. И это притом, что мало кто из исторических персонажей тех лет, непосредственно связанных с Донецком, удостоился такой чести.

телей Советов и не имевшие ни малейшего представления о том, откуда берутся деньги и прочие земные блага. С мест порой приходили сообщения о поразительных по своему простодушию указах.

Так, веселье в Харькове вызвал указ «верховного комиссара Змиевского уезда» Володина, составленный совсем уж в стиле города Глупова. Вот только некоторые выдержки из него, с сохранением стилистики документа: «...2. Бумаги всех архивов передать на фабрику и получить деньги. 3. Вся бумага — народное достояние, а потому население обязано собрать всю бумагу по уезду и отправить на фабрику осуществить всеми отделами... 5. Все кирпичные заводы немедленно должны быть открыты... 7. Открыть кинематограф. 8. Открыть театры. 9. Открыть фотографию... 12. Объявляется мораторий всех долгов... 14. Построить дома. 15. Привезти в город дрова». Эсеровская газета «Земля и Воля» так прокомментировала сей документ: «По прочтении приказа у нас возникает мысль об издании тоже целого ряда приказов, и в первую очередь приказа об открытии отделения на Сабуровской даче [психиатрическая лечебница в Харькове. — *Авт.*] для больных декретной и приказной истерией»[444].

Само собой, столичное руководство Донецкой республики было более компетентно, но и в Харькове (как, собственно, по всей необъятной России революционных лет) появлялись приказы, которые ныне поражают своим популизмом и трудно объяснимы с точки зрения обычной логики. Так, 9 марта 1918 г. был обнародован приказ коменданта Харькова П. Кина (на этот раз большевика, поставленного местными Советами), которым запрещалась езда по городу в экипажах и пролетках с дутыми шинами. Казалось бы, градоначальство должно было бы приветствовать шины, которые предотвращали харьковские мостовые от разрушения. Но, по мнению Кина, они являлись «предметом роскоши», а потому милиция города обязывалась конфисковывать экипажи, чьи возницы ослушались приказа и не сняли шин.[445]

Надо отдать должное руководству ДКР, оно приложило немало усилий на борьбу не только с внешним агрессором или разрухой, но и с тупостью подобных распоряжений. Совнаркому республики приходилось регулярно вмешиваться в тот или иной локальный конфликт, чтобы снизить накал страстей (как это было в Юзовке), отменять откровенно некомпетентные решения и утихомиривать особо рьяных советских деятелей, «больных декретной истерией».

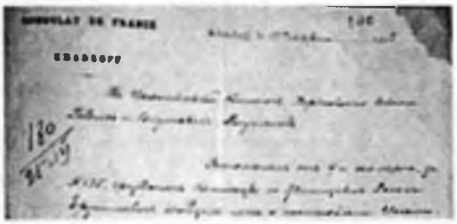
ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ДОНЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Как было заявлено на IV областном съезде при провозглашении Донецкой республики, она не собиралась вести собственную международную политику. Становясь субъектом Российской Федерации, ДКР не планировала учреждать наркомат иностранных дел и самостоятельно вступать в контакты с иностранными государствами. Потому некорректными выглядят заявления некоторых современных историков о том, что данная республика, мол, «не была никем признана», в отличие от УНР. Донецкая республика была признана как административно-территориальная единица, как минимум, самой Россией и советской Украиной, о чем имеется немало официальных документов. И споры велись только по поводу того, является ли эта единица субъектом Российской Федерации, подчиняясь непосредственно Петрограду (а потом Москве) или же входит как автономное образование в Украинскую советскую республику.

Вместе с тем, ДКР также имела контакты с иностранными государствами и их представителями. Дело в том, что в Харькове к революции 1917 года было несколько иностранных консульств. На ул. Бассейной, 39 располагалось консульство Франции; на Николаевской площади — Персии; на ул. Мироносицкой, 31 — Бельгии; в Костюринском пер., 3 — Швеции; на ул. Московской, 27 — Великобритании. Существовало в Харькове и вице-консульство США. С началом революции работа некоторых консульских учреждений была свернута. Однако в связи с тем, что в Донецко-Криворожском бассейне находились крупные предприятия, в которые были вложены значительные средства (в первую очередь, Франции, Бельгии и Британии), ряд иностранных государств вынужден был сохранить свои дипучреждения в столице Донецкой республики, надеясь защитить инвестиции своих граждан. Само собой, по мере приближения немецких войск сворачивались и эти консульства. Хотя представители западных компаний постоянно пытались контактировать с правительством ДКР и без дипломатов. Участники таких переговоров отмечали, что, в отличие от российской столицы, власти Донецкой республики имели действительные рычаги в экономике Юга России.[446]

Достоверно известно, что довольно активно с руководством ДКР контактировал консул Франции. Та, как писал Куромия, «много вложила в южную промышленную зону и в Донбасс в частности», а потому «имела все основания стремиться вернуть эту

территорию». В начале 1918 г. Париж активно, хотя и осторожно, поддерживал контакты с различными административными образованиями на территории России, включая и ДКР, и УНР (само собой, до заключения Радой Брестского договора с Германией). При этом представители Франции подчеркивали, что данные шаги нельзя трактовать как «стремление к расчленению России», и просили рассматривать их как помощь «в формировании той формы правления, которая в будущем обеспечит долговечное существование Российской Федерации»[447].

Письмо французского консула в Харьковский совет

В архивах, в частности, сохранилось письмо консула Франции в Харькове местным властям от 11 марта 1918 г., в котором он просил отменить решение о реквизиции гостиницы «Гранд-отель», принадлежавшей французскому гражданину Боннотту[448] (находилась на Павловской площади, здание разрушено в 1943 г.). Не прошло и месяца, как этот отель заняли немецкие войска под свои нужды, а в 1919 г. он стал штабом Добровольческой армии.

Довольно активно на территории ДКР работала французская военная миссия, которая в конце марта с ведома Троцкого прибыла в Харьков для изучения нужд армии, борющейся с немцами. Антонов-Овсеенко так описывает их прибытие: «В штатском, но военной выправки, эти люди проявляли живейшую озабоченность обороноспособностью Донбасса (были сведения, что эти господа материально заинтересованы в предприятиях бассейна). Они осмотрели подготовленные нами «укрепленные позиции» под Харьковом, ознакомились весьма поверхностно с состоянием наших вооруженных сил (к углубленному знакомству их, конечно, не допустили)». Когда они выразили уверенность, что с этими силами устоять против немцев нельзя, Антонов предложил им съездить в Юзовку, где Центроштаб Донбасса активно формировал отряды. Французы съездили, а после возвращения развели руками: «Но там ничего нет!»[449]

Французы немало поколесили по охваченной войной Донецкой республике и настолько прониклись энтузиазмом, царившим в Донбассе по поводу войны с немцами, что сами решили поучаствовать в организации обороны ДКР. 19 апреля, когда бои

с германцами велись уже на территории Донецкого бассейна, советское командование получило телеграмму из Харцызска от представителя французской миссии капитана Борда, который предлагал свои услуги для организации обороны на линиях Волноваха—Мелитополь и Царево-Константиновка (ныне Куйбышево Запорожской области) — Александровск (ныне Запорожье). Однако большевики не решились доверять командование своими войсками представителю Антанты.[450]

Областной комитет ДКР несколько раз заслушивал обращения консула Бельгии, связанные с тем же — защитой прав бельгийских инвесторов в Донбассе. Любопытные прения по этому поводу разгорелись на заседании обкома от 28 февраля, что зафиксировано протоколом: «По заявлению гражданина бельгийского консула постановлено передать заявление в Совет народного хозяйства для немедленного рассмотрения, предложено руководствоваться при этом соображениями экономического характера. Предложение т.т. Рубинштейна и Голубовского руководствоваться нормами международного права на началах взаимности отвергнуто»[451].

В это же время в Харькове объявился консул Дании Нильсен, который в январе активно размещал объявления в местной прессе о поисках помещения под консульство. В конце концов оно расположилось в освободившемся кондитерском магазине «Жорж Борман» на Николаевской площади (ныне в этом помещении находится известный всему Харькову кондитерский магазин «Ведмедик»). С приходом немцев датское консульство предоставило оккупантам услуги бесплатных переводчиков и экскурсоводов по городу.[452]

Николаевская площадь в Харькове

Но вновь-таки надо подчеркнуть, что Донецкая республика не вела и не намеревалась вести самостоятельной внешней политики, считая себя составной частью Российской Федерации. Мало того, одним из основных направлений деятельности Совнаркома ДКР было предоставление российского гражданства иностранцам, проживавшим на территории республики (что само по себе служит лишним доказательством отсутствия каких-то

сепаратистских устремлений в руководстве ДКР). Уже на втором заседании обкома ДКР 18 февраля нарком Жаков доложил о разработанном Совнаркомом положении о выдаче гражданства России иностранцам. В этой связи было принято постановление: «Пролетариям — иностранным гражданам даровать все права русских граждан (снесясь по этому поводу с Всероссийским Советом Народных Комиссаров)»[453].

И иностранцы, волею судьбы попавшие в Харьков, забрасывали руководство ДКР соответствующими заявлениями. К примеру, сохранилось прошение военнопленного чеха Владислава Флашора, служившего в 13-м полку австрийской армии, которое было составлено на имя народного комиссара по делам управления Донецкой республики. В нем чех писал: «С переменой в России образа правления я решил остаться в России, а потому прошу Вас предоставить мне полные права гражданина свободной федеративной республики». Как видим из этого послания, у рядовых граждан, проживавших в те дни в Харькове, не было никаких иллюзий по поводу государственной принадлежности Донецкой республики, к руководящим органам которой они обращались.[454]

Тем не менее обстоятельства вскоре вынудили руководителей ДКР объявить о ведении собственной внешней политики. Как мы увидим ниже, за несколько дней до вступления германцев в Харьков Совнарком Донецкой республики самостоятельно обращался к правительствам мировых держав, объявляя о недопустимости вторжения немцев в независимую республику, а Артем стал подписывать документы и в качестве наркома иностранных дел.

ЮЖНЫЙ ОБЛАСТНОЙ СОВНАРХОЗ КАК ОБРАЗЕЦ ДЛЯ РОССИИ

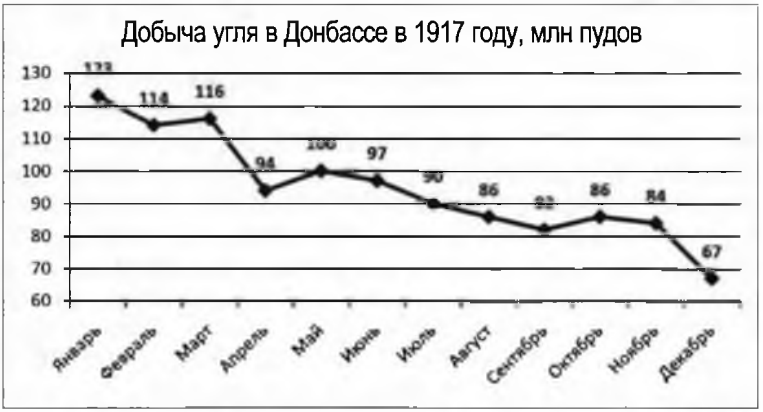
Какую бы популистскую риторику ни брали на вооружение революционные партии тех лет, включая большевиков, но, взяв на себя ответственность за власть, любая партия сталкивалась с суровой действительностью — с полной разрухой экономики и управления, к которой привели Россию мировая война и несколько революций. Еще в сентябре 1917 г. меньшевистская газета «День» писала: «Спор программ сейчас напоминает о метафизической сущности... Перед всей страной ныне стоит одна платформа — на-

ционального бедствия... Пусть завтра у власти станет любой герой большевицкого райка, он должен будет, как и его «империалистический» предшественник, озаботиться ликвидацией ташкентского мятежа [имеются в виду стычки на улицах Ташкента в сентябре 1917 г. — *Авт.*], выкачиванием хлеба из деревни, изобретением нового способа печатания денег. Прекрасные слова, широковещательные лозунги, святость канона — все это блекнет перед неумолимой прозой — такой простой и такой зловещей»[455].

Само собой, столкнулись со «зловещей прозой» и руководители молодой Донецкой республики, состояние экономики которой в начале 1918 года нельзя было назвать иначе как крахом, о чем говорилось и на IV съезде Советов, провозгласившим создание ДКР.

Уже к началу сентября 1917 г. около 100 тыс. шахтеров и 50 тыс. металлургов Донбасса были безработными (это при том, что еще в середине июня военный министр Временного правительства распорядился снять 20 тыс. солдат из числа бывших шахтеров с фронта и отправить их на рудники Донбасса в связи с нехваткой там рабочих рук). Однако уже к осени были закрыты 154 шахты бассейна. Для поддержания экономики в нормальном состоянии необходимо было обеспечивать ежемесячную добычу угля в районе 125 млн пудов, а Донбасс к концу года производил 85—87 млн. В итоге металлургические предприятия края получали примерно 60% угля, необходимого для нормальной работы, а остальные отрасли (включая железнодорожный транспорт) — менее 20%.[456]

Еще в январе 1917 г. в Донбассе было добыто 123 млн пудов угля, а в декабре — уже 67 млн. То есть за один революционный

год ежемесячная добыча угля упала почти в два раза! При этом катастрофически снизилась и производительность работы шахтеров. Если в начале 1916 г. один донецкий горняк в месяц добывал примерно 720—740 пудов угля, то к осени 1917 г. производительность его труда составляла 420—440 пудов. С учетом того, что доля донецкого угля в общем потреблении топлива в России составляла 50,7% (остальное приходилось на нефть и дрова), можно себе представить, каким бедствием падение добычи угля оборачивалось для всего государства. К примеру, из-за отсутствия донецкого топлива в 1917 г. было закрыто 50 из 73 предприятий Петрограда. А к осени 1917 г. в Москве было запасено на зиму для отопления домов всего 10 тыс. пудов донецкого антрацита при норме 5,5 млн![457]

Значительное падение производства было зафиксировано и в металлургической отрасли края. Так, в октябре 1916 г. заводы Донбасса произвели 16,4 млн пудов чугуна, а в октябре 1917 г. — всего 9,6 млн. Из-за этого предприятия России в 1917 г. получали всего 35—39% от потребности в металле. Металлургическое производство империи было отброшено к положению 1908 года. В октябре 1917 г. из 65 домен Юга России работали лишь 33 (со средней загрузкой в 65%), 11 стояли «на парах», 10 бездействовали. Из 102 мартенов работали только 55. А в январе 1918 г. была остановлена работа трех металлургических заводов Юзово-Макеевского района, в Мариуполе же производительность заводов упала в два раза.[458]

При этом на предприятиях Донецко-Криворожского бассейна росли неиспользованные запасы руды (по словам Цукублина на IV областном съезде, на предприятиях «образовался запас в 7 млн пудов, которые некуда девать») — в связи с отсутствием угля в стране начался транспортный коллапс. По данным того же Цукублина, пропускная способность железных дорог Юга России с 1916-го по 1917 год упала на 2 млрд пудов груза! «Количество больных вагонов и паровозов удвоилось, — заявил меньшевик, — методы использования путей ухудшились. Раньше (в 1916 г.) вагон возвращался в среднем через 4,5 дня, теперь — через 8—9... Паровозы и вагоны износились, паровозные бригады из-за низкой оплаты труда разбегаются». По данным профессора П. Фомина, количество функционирующих вагонов за 1917 год сократилось на 27%. В результате падение транспортировки донецкого угля в 1917 г. по сравнению с предыдущим годом составило 327,5 млн. пудов. В январе же 1918 г. вывоз угля из Донбасса составил всего 30 млн пудов.[459]

В связи с полной разрухой на транспорте начались значительные перебои со снабжением населения региона продовольствием и товарами народного потребления. Это заставило харьковскую прессу в декабре 1917 г. писать о начале мясного голода: «Продовольственный вопрос в Харькове с каждым днем делается все острее и острее: нет керосина, уменьшен хлебный паек, а теперь настает и уже настала очередь и за мясом»[460].

Нехватка продуктов питания привела к их значительному подорожанию. И все это — в условиях резкого обесценивания денег и в то же время дефицита денежных знаков. Буквально за несколько дней до провозглашения ДКР харьковская пресса лаконично сообщила: «Вследствие неполучения из Петрограда разменного капитала Харьковская контора Государственного Банка 20-го сего января закрыта». Все эти обстоятельства (начинавшийся голод, закрытие предприятий, невыплата зарплаты) привели к тому, что горняки начали «покидать шахты и уходить в деревни»[461].

Можно долго спорить о причинах, которыми было вызвано столь бедственное положение богатого края к концу 1917-го — началу 1918 г. (чем, собственно, активно занимались политики того периода на своих съездах). Меньшевик Н. Суханов писал: «Чем объяснялось положение в Донецком бассейне? Наши «господствующие» группы и их печать знали только одно объяснение: «анархия» и «эксцессы» рабочих. Но это была неправда. Эксцессов тут не было, но было налицо сильное понижение производительности труда, порождаемое бестоварьем. Не было смысла зарабатывать денежные знаки, лишенные покупательной силы... Забастовок в Донецком бассейне в это время не было. Но новая сильная власть [имеется в виду Временное правительство. — *Авт.*] в некоторые пункты все же послала казаков. Это вызвало волнения»[462].

Конечно же, не могли не сказаться на экономическом положении Донбасса бои, развернувшиеся в этом регионе в декабре 1917 г. — именно на этот период, как видно из приведенных выше цифр, приходится обвал донецкой угольной промышленности. По словам Скрыпника, к моменту провозглашения ДКР казацкие отряды фактически блокировали подвоз к Донбассу топлива и продовольствия из Царицына, Владикавказа и Екатеринодара.[463] Ну, а связи с Украиной, где еще продолжались бои против остатков формирований Центральной Рады, только начинали восстанавливаться.

Кстати, генерал Корнилов, начав свой мятеж в конце августа 1917 года, нашел еще одно объяснение разрухе в регионе. В своем приказе № 900, сославшись на данные контрразведки, он заявил

буквально следующее: «На организацию разрухи рудников и заводов Донецкого бассейна и Юга России Германией истрачены миллионы рублей»[464].

Такое катастрофическое положение вещей должно было настроить на пессимистический лад любую власть. И тем удивительнее, с какой энергией и показным оптимизмом власти новообразованной Донецкой республики начали свои попытки экономических реформ. Уже маститый, хорошо известный на тот момент писатель Александр Серафимович, посетивший Харьков в феврале 1918 г., так описывал свои впечатления от деятельности тамошних властей: «Чувствуешь, — кругом кипит не только революционная, но еще молодая Россия, молодая, полная кипучей неудержимо хлынувшей энергии. И что замечательнее — в трудящихся массах непоколебимая вера в творчество революции». Отметим, что Серафимович, описывая столицу Донецкой республики, говорил именно о России, еще не подозревая, что в скором времени Харьков станет столицей советской Украины.[465]

Александр Серафимович

За хозяйственные реформы в ДКР отвечал особый орган — Южный областной совет народного хозяйства (ЮОСНХ), действовавший как экономическая структура при правительстве республики. Глава правительства Артем был также номинальным руководителем и ЮОСНХ. Фактическим же руководителем этого органа был энергичный горный инженер из Макеевки Василий Бажанов.

Еще в 1974 году историк В. Ревегук писал: «Деятельность ЮОСНХ до этого времени в исторической литературе остается одним из слабо освещенных вопросов. Нет ни одного специального исследования, посвященного этой теме»[466]. Не стоит и говорить, что за прошедшую после написания этих слов треть столетия ничего особо не изменилось. Это наверняка объясняется тем, что деятельность ЮОСНХ напрямую связана с историей Донецкой республики, фактически запре-

щенной темой в историографии советской и постсоветской Украины.

Хотя первоначально Южный совет создавался как региональное подразделение Всероссийского совета народного хозяйства (ВСНХ) без административной привязки к Донецко-Криворожской области. Сам ВСНХ был создан 2 (15) декабря 1917 г., а через 21 день было утверждено «Положение о районных (областных) местных Советах народного хозяйства», на базе которого в январе 1918 г. и был создан ЮОСНХ. Как рассказал один из

Бажанов Василий Михайлович

Родился 31 марта 1889 г. в Чистополе (Казанская губерния). Горный инженер. Большевик с 1910 года.

Имя Бажанова сейчас известно исключительно благодаря макеевской шахте, одной из глубочайших в мире. Пущенная в строй в 1957 г., на волне развенчания «культа личности», она была названа в честь репрессированного макеевчанина, внесшего значительный вклад в становление и развитие угольной промышленности Донбасса и всего СССР. Там же появилась и улица Бажанова. В 1977 г. о Бажанове вышла книга «Командарм угольного фронта».

Окончил Горный институт в Петербурге. Еще будучи студентом, принял активное участие в деятельности социал-демократических кружков, организовывал студенческие митинги, в 1912—1914 гг. входил в Объединенный комитет социал-демократических фракций учебных заведений Петербурга.

С 1917 г. работал по специальности в Макеевке, где стал одним из лидеров местных большевиков. Делегат II Всероссийского съезда Советов. В январе 1918 г. стал одним из основателей и руководителем ЮОСНХ Донецко-Криворожской республики.

В 1918—1922 гг. — зампредседателя Главугля ВСНХ, одновременно руководил угольной отраслью Донбасса, в 1922—1924 гг. — начальник «Кузбасстреста», с 1925 г. — член Президиума Госплана РСФСР. С 1927-го по 1937 год был главным редактором журнала «Уголь», опубликовал массу теоретических работ об угольной промышленности, воспоминания о революции. Сталин не раз приглашал Бажанова для консультаций. В 1937 г. назначен главным инженером «Донбассуголя», в тот же год арестован и в 1939 году расстрелян. Реабилитирован и восстановлен в партии в 1956 г.

В 2008 г. имя Бажанова попало на... Эверест — украинские альпинисты подняли на вершину мира кусок угля, добытого на шахте им. Бажанова.

создателей структуры, «8 января явились наконец 22 представителя с мест». По его словам, изъявили желание участвовать в ЮОСНХ и представители бизнес-кругов, однако их на заседание не пустили.[467] А позже в положение ЮОСНХ был официально вписан пункт о недопустимости работы в нем собственников предприятий.

Несмотря на то что географические границы деятельности ЮОСНХ планировались шире, чем область, изначально эта структура была подчинена только областному Совету Донецко-Криворожской области. Собственно, официальный старт работы ЮОСНХ был дан принятием положения о данной структуре, утвержденного IV областным съездом Советов Донкривбасса, который и провозгласил создание ДКР. Но и до этого Совнархоз при энергичном руководителе Бажанове, несмотря на противодействие Цикуки, провел значительную работу по созданию своих структур на местах.

Ревегук отмечает: «В результате хорошо отлаженной организационной работы создание местных СНХ шло быстрыми темпами. В отличие от центральных районов России, где районные советы народного хозяйства возникали зачастую самостоятельно, независимо от центра, в результате чего их связь с последним была недостаточно крепкой, ЮОСНХ, постепенно укрепляясь, сам создавал районные СНХ по всей области»[468].

Тот факт, что первый председатель Всероссийского совета народного хозяйства Валериан Оболенский-Осинский принял активное участие в формировании ЮОСНХ и проводил в Харькове и в Донбассе гораздо больше времени, чем в российской столице, свидетельствует о важности хозяйственного органа Донецкой республики для функционирования экономики всей России. Оболенский присутствовал на многих заседаниях ЮОСНХ и очень внимательно изучал опыт работы этой структуры. Именно этот опыт он решил положить в основу функционирования системы совнархозов в рамках всей Российской Федерации, о чем написал в своей статье «Строительство социализма» в журнале «Коммунист» в апреле 1918 г., когда Харьков был уже оккупирован немцами.

Оболенский писал: «Стоит им [областным советам. — *Авт.*] стать на определенные рельсы... как они начинают обрастать тканью местных организаций и в них начинается живая и совершенно конкретная работа. Примером может служить Харьковский областной совет, ныне разбитый немецким нашествием, который

в течение месяца после областного инструктирующего съезда оброс восемнадцатью местными советами и начал развертывать свою работу весьма широко и серьезно. Организация Харьковского совета может быть нормальным образцом устройства таких учреждений»[469].

Здесь надо отметить, что ЮОСНХ в самом деле первоначально планировал создать 18 районных совнархозов. Но к началу апреля, когда эта работа была прервана немецкой оккупацией,

Оболенский (Осинский) Валериан Валерианович

Родился 25 марта (6 апреля) 1887 г. в селе Быки Курской губернии в семье разорившегося помещика, ставшего ветеринаром и известным конезаводчиком. Большевик с 1907 года. Известный экономист с мировым именем. Академик.

Первый руководитель Всероссийского совнархоза сыграл значительную роль в становлении хозяйственных структур ДКР, взяв в итоге их как образец для всей России.

Окончил три курса Московского университета, откуда был отчислен за революционную деятельность, учился экономике в Берлине и Мюнхене. В 1910 г. арестован, в тюремной камере сдружился с Н. Бухариным, с которым потом долгие годы работал вместе. Затем не раз был сослан и арестован. В 1915 г. осел в Харькове, где подпольно читал лекции по марксизму.

После октября 1917 г. стал управляющим Госбанка России, а с декабря 1917 г. — первым главой ВСНХ. Примкнул к «левым коммунистам» и в знак протеста против Брестского мира в конце марта 1918 г. ушел в отставку. Затем занимал различные хозяйственные посты, был посттредом России в Швеции. С 1926 г. возглавил Центральное статистическое управление СССР, став фактически основателем советской статистики. В 1930-е годы был зампредом Госплана СССР. С 1935-го по 1937 год возглавлял Институт истории науки и техники. Не раз заступался за ученых-экономистов, спасая их от репрессий.

Арестован 13 октября 1937 г. вместе со своим 25-летним сыном Вадимом. Был обвиняемым по делу Бухарина—Рыкова, приговорен к смерти 1 сентября 1938 г. и в тот же день расстрелян. Его сын расстрелян за полгода до отца. На допросе Оболенский заявил: «Я своеобразный человек, и это многое значит. Я интеллигент старой закваски, со свойственным людям этой категории индивидуализмом. Я, возможно, со многим, что делается в нашей стране, не согласен, но я это несогласие вынашивал в себе самом. Можно ли считать мои личные мировоззрения изменой?»

реально было создано лишь 14, в частности: Лозово-Павловский, Луганский, Екатеринославский, Харьковский, Кадиевский, Усть-Белокалитвенский, Александровский, Сумской, Александро-Грушевский, Горловско-Щербиновский, Лисичанский, Павлоградский, Юзовский и Бахмутский совнархозы.[470]

Оболенский довольно подробно описал принципы формирования ЮОСНХ в своей статье: «Прежде всего, в деловой аппарат совета включены... не только все специальные регулирующие хозяйство учреждения и комитеты: в него включены также и все областные «хозяйственные» ведомства. Областные комиссары продовольствия, транспорта, сельского хозяйства, финансов, труда являются обязательными председателями соответствующих отделов совета. Подчиненные им учреждения образуют деловой аппарат отделов. Председателем всего совета народного хозяйства в целом является областной комиссар народного хозяйства, который одновременно заведует и «общим» отделом совета — отделом общих планов, общей политики. Таким способом объединяются в одном месте все учреждения, регулирующие хозяйство, и достигается полное единство в деле организации хозяйства. Нечего говорить о том, насколько это важно»[471].

Глава ВСНХ привел здесь структуру Южного совнархоза, утвержденную IV областным съездом ДКР, после которого Артем на правах наркома по делам народного хозяйства возглавил и ЮОСНХ с формальным подчинением ему Бажанова. На местах районные совнархозы строились на несколько отличных друг от друга принципах — в зависимости от структуры экономики того или иного района. Но всюду соблюдалось обязательное представительство рабочих организаций не менее чем две трети от общего состава СНХ. Не включая в состав совнархозов владельцев крупных предприятий, ЮОСНХ допускал и даже приветствовал участие в них инженеров, представителей административно-технического аппарата, банков, правлений предприятий. К примеру, из 30 членов Горловско-Щербиновского СНХ 6 представляли технический персонал, 2 — правления, 2 — банковские учреждения.[472]

Такая структура, по словам Оболенского, позволяла следующее: «Советы, которые таким способом: 1) объединяют всю работу по устройству хозяйства, 2) непосредственно стоят у дела и связаны с местами через производственные коллегии специалистов-рабочих и инженеров (которые в то же время — члены своих союзов), 3) построены на основе настоящего «демократи-

ческого централизма» и коллегиальности (а не бюрократического централизма или, наоборот, синдикализма — выборности по ячейкам, прямо с низов), должны быть и не могут не быть работоспособными, жизнеспособными и развивающими общеклассовую творческую способность»[473]. Именно эти принципы, отработанные в Донецкой республике, были положены в основу формировавшегося тогда же Всероссийского совнархоза.

23—25 февраля в Харькове состоялась конференция ЮОСНХ, на которой присутствовало 134 делегата. Несмотря на довольно бурную дискуссию с меньшевиками и анархистами, была принята программа реформ, предложенная Бажановым. Он заявил, что «местные экономические организации (совнархозы) должны объединить все различные формы революционного творчества масс». На этой же конференции структура хозяйственного органа ДКР приобрела довольно стройный, законченный вид. Новоизбранный пленум совнархоза собрался 28 февраля. Именно на нем Артем был избран официальным главой совета ЮОСНХ. Там же был избран президиум в составе четырех человек, включая Бажанова и Ворошилова. Кроме того, Бажанов возглавил каменноугольный отдел ЮОСНХ. Всего же было создано 24 отраслевых отдела совнархоза. Некоторые отделы располагались не в Харькове. Так, в марте 1918 г. металлургический отдел ЮОСНХ был создан в Екатеринославе. Каждый отдел имел 4 основных подотдела: управления и финансов, снабжения и распределения, труда, статистики.[474]

Следует отметить, что в работе отделов ЮОСНХ эсеры и даже анархисты приняли гораздо более активное участие, нежели в работе Совнаркома ДКР. В большинство отделов эти партии делегировали своих представителей, блокировавшись для этого в единый список с большевиками. Список же меньшевиков провалился (42 против 82 голосов участников пленума), и они в работе ЮОСНХ участия фактически не принимали, при этом выражая желание изменить ситуацию.[475]

ЮОСНХ довольно быстро прибрал к рукам все функции Временного Донецкого комитета и созданного Временным правительством в 1917 г. Совета по делам монополии торговли донецким топливом (так называемого «Монотопа»), фактически ликвидировав их в конечном итоге — формально они были подчинены совнархозу и влиты в его структуры. 8 марта ведомство Артема—Бажанова ликвидировало Совет съездов горнопромышленников Юга России (что не помешало последнему возродиться сразу после ухода большевиков).[476]

Финансировался ЮОСНХ из различных источников. Для начала IV областной съезд Советов постановил выделить Совнархозу 10 млн рублей. Через три дня после завершения съезда на совместном заседании правительства ДКР с президиумом ЮОСНХ в протокол было официально записано: «По вопросу об изыскании средств на содержание областного совета народного хозяйства — окончательного решения не принято». В конце концов, правительство Артема постановило отчислять на нужды ЮОСНХ и его районных структур по 25 копеек с каждых 100 рублей, выплачиваемых наличными кассами Госбанка, бывших акционерных банков и казначейств области по всем операциям (за исключением зарплаты рабочих и служащих). После этого, по словам Ревегука, «уже в феврале 1918 г. ЮОСНХ полностью взял в свои руки финансирование промышленности Донкривбасса»[477].

Совнархоз под руководством Бажанова начал довольно активно выдавать ссуды различным угольным и металлургическим предприятиям под гарантии их запасов сырья, накапливавшихся из-за перебоев с транспортом. К примеру, Орлово-Еленовским рудникам в Криворожье было ссужено 500 тыс. рублей, Дружковскому металлургическому заводу — 1,7 млн. и т. д. В условиях разрухи и де-факто начавшейся гражданской войны в России это — очень редкий случай, когда местный хозяйственный орган без финансовой поддержки из центра мог снабжать экономику собственного региона свободными ресурсами.[478]

Еще более редким случаем для этого периода является активное сотрудничество революционного органа с представителями технической интеллигенции. Ленинский Совнарком еще на заседании от 18 ноября 1917 г., рассматривая вопрос о национализации промышленности Донбасса, постановил «послать телеграфное предложение совдепу Донецкого района... заставить работать инженеров»[179]. Но если Петроград тогда не имел других подходов к интеллигенции, кроме как «заставить», руководители Донецкой республики смогли заинтересовать местных инженеров в сотрудничестве.

ЮОСНХ, возглавлявшийся горным инженером, с самого начала своего существования взял курс на привлечение инженеров, экономистов, людей науки. Начиная с 20-х чисел февраля 1918 г., Совнархоз начал регулярно публиковать в прессе объявление такого характера: «Совет народного хозяйства, призванный реорганизовать народное производство, нуждается в помощи всех, кому дороги интересы трудящихся масс, кто видит в созидательной работе

Сов. нар. хоз. единственный путь к возрождению России. Привлечение технически подготовленных, близко стоящих к производству работников и воодушевленных стремлением помочь Советской власти в ее творческой работе по восстановлению экономической жизни страны, является первейшей задачей Совнархоза»[480].

Алексей Терпигорев

Еще 20 января им было проведено в Харькове собрание технической интеллигенции, на котором было учреждено Бюро инженеров и техников. Окончательно оно было оформлено 24 февраля. Благодаря этим усилиям к активному сотрудничеству с ЮОСНХ удалось привлечь целый ряд известных экономистов, профессоров с всероссийскими именами. В первую очередь это касается профессора Алексея Терпигорева, одного из авторов фундаментального труда «Описание Донецкого бассейна» — он в конце 1917 г. перебрался из Екатеринослава в Харьков. Позже он станет советским академиком и на протяжении нескольких десятилетий будет профессором Московского горного института.

Одним из тех, кто активно сотрудничал с ЮОСНХ, был профессор Петр Фомин, который до этого не менее активно участвовал в работах съездов горнопромышленников (кстати, проживал он в том же здании на Сумской, где располагался ССГЮР[481]). Он был известен в технических кругах вышедшей в 1916 году монографией «Горная и горнозаводская промышленность

Петр Фомин

Юга России». Позже он станет создателем и первым ректором Харьковского института народного хозяйства, при котором был создан Кабинет экономического изучения Донецкого бассейна.

Борис Бокий

Еще один профессор, сотрудничавший с ЮОСНХ, был не менее известен в России. Это был Борис Бокий, много лет проработавший на шахтах Донбасса, один из первопроходцев российской горной науки. По окончании гражданской войны Бокий был фактически главным консультантом при формировании всех угольных трестов в Донбассе, Кузбассе и иных шахтных районах СССР.

При этом надо понимать, что сотрудничество известных инженеров и экономистов с властями Донецкой республики не означало перехода их на позиции большевиков, как это потом пытались представить советские историки. После прихода немцев некоторые из вышеназванных профессоров так же активно сотрудничали со Съездом горнопромышленников, предпринявшим попытку возродиться, и критиковали ленинцев за их экономическую политику.

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ И РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ

Одно из основных направлений деятельности ЮОСНХ было определено IV областным съездом — национализация крупной промышленности региона. Это направление деятельности широко критиковалось и в те времена, и уж тем более совершенно не воспринимается в наши дни. Однако надо понимать, что в годы полной экономической разрухи и бедлама очень часто переход предприятия в руки государства являлся спасением для этого предприятия. Как бы ни были неправы большевики в своих подходах к развитию экономики, но факт остается фактом: львиная доля промышленных объектов, существовавших в Донецко-Криворожском бассейне до революции 1917 г., под иными назва-

ниями просуществовали (а большинство из них разрослись до уровня гигантов промышленности) вплоть до начала 90-х годов XX столетия. А вот всего за несколько лет после обретения Украиной независимости мы уже потеряли значительную часть данных предприятий. Легко, без всяких войн.

А тенденции к ликвидации крупных промышленных объектов проявились задолго до прихода большевиков. К осени 1917 г. для многих предприятий Юга России положение выглядело безнадежным. Российская казна задолжала им до 120 млн рублей. В связи с инфляцией, требованиями правительства и рабочих по росту заработных плат, ликвидацией военных заказов, транспортным коллапсом и т. д. предпринимателям Юга стало все менее выгодно производить продукцию, поэтому центр их деятельности сместился от производства к сфере спекуляции имуществом, включая имущество обанкротившихся заводов. Осенью предприятия Донбасса начали закрываться с неимоверной быстротой.

К примеру, 16 августа 1917 г. директор Харьковского паровозостроительного завода (ХПЗ), одного из крупнейших в городе, предъявил рабочим телеграмму от владельцев предприятия: «Согласно постановления от сего числа завод считается с воскресенья утра 13-го числа сего месяца закрытым. Можете приступить к расчету всех рабочих». Рабочие постановили «расчета не брать и инструментов не сдавать». По предложению Артема 30 августа Харьковский ревком, созданный на многопартийной основе против корниловского мятежа, постановил: «С завтрашнего дня 31 августа Паровозостроительному заводу начать работать». Директор завода Я. Кац потребовал от губернского комиссара помочь утихомирить работающих и принудить их покинуть завод.[482] Но кто в те дни уже праздновал комиссара Временного правительства? «Бастующих» пролетариев поддержали служащие заводоуправления, после чего предприятие фактически полностью перешло в руки рабочих. Эта история — одна из самых типичных для конца 1917 года. Поэтому оценивая действия политиков того периода, надо осознавать: у рабочих ХПЗ и массы других подобных предприятий был только один выбор — между потерей работы, а стало быть, средств к существованию, и фактическим захватом обанкротившихся предприятий.

3 октября 1917 г. на конференции промышленников в Харькове директор Юзовского металлургического завода Адам Свицын заявил, что его предприятие ежедневно теряет сотни тысяч рублей и заявил о намерении закрыть завод — как минимум до

тех пор, пока рабочие не согласятся пересмотреть условия оплаты труда.[483]

18 ноября владельцы завода «Гельферих-Саде» (харьковцам он еще памятен под названием «Серп и молот») объявили о банкротстве и закрытии предприятия. Через день вооруженные рабочие заняли правление завода на ул. Московская, 27, заявив о том, что берут контроль над деятельностью компании. Руководству области ничего не оставалось, как объявить о национализации предприятия, что вызвало протест его владельцев.[484]

Картина И. Дайца «Национализация фабрики»

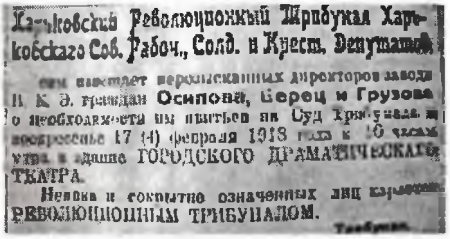
Примерно в те же дни владельцы харьковского завода «Герлях и Пульст» заявили о закрытии предприятия. Рабочие постановили продолжать работу. После препирательств с правлением харьковские власти объявили о реквизиции завода и передаче «ведения работ заводскому комитету и комиссару завода»[485].

Таким образом, хотели бы того большевики или нет, но процесс стихийной «национализации» предприятий шел по всей России и к моменту провозглашения Донецкой республики значительная часть крупных и средних предприятий региона уже была в ведении всевозможных комитетов, Советов, фабзавкомов и т. д. Поэтому Артему и К° ничего не оставалось, как возглавить это стихийное движение. Иначе анархия только усиливалась бы.

На некоторых предприятиях, объявивших о своем закрытии, рабочие пытались устроить самосуд. К примеру, фон Дитмар жаловался военному министру Временного правительства: «Часть рабочих завода ВЭК арестовала 18 сентября всех лиц высшей администрации... Она содержалась под арестом около 36 часов, причем обнаружилось, что ни прокуратурой, ни администрацией не было оказано никакой помощи арестованным, несмотря на их неоднократные обращения к ним. Ввиду полной безнаказанности преступных элементов, поведение рабочих завода Всеобщей компании нашло себе подражание и на заводе «Герлях и Пульст», где администрация также была подвергнута аресту в течение 20 часов»[486]. Далее была арестована дирекция ХПЗ. После

того как директоров освобождали (зачастую при активном содействии Артема), те, как правило, уезжали за пределы региона, дабы не искушать судьбу.

На областном съезде, учредившем ДКР, Скрыпник жаловался, что в Донбассе предприниматели и техперсонал «в отдельных случаях совершенно оставляли рудники на произвол судьбы», в результате чего «волей-неволей рабочие иногда принуждены брать предприятия в свои руки». Над бежавшими промышленниками затем даже пытались устраивать показательные суды, но, как правило, бизнесмены не дожидались трибуналов над собой. В итоге в харьковской прессе часто появлялись объявления о необходимости явки в суд «неразысканных директоров заводов»[487].

Харьковский Революционный Трибунал Харьковского Сов. Рабоч., Солд. и Красн. Депутатов
сим вызывает неразысканных директоров завода В. К. Э. граждан Осипова, Берец и Грузова о необходимости им явиться на Суд Трибунала и возвратиться 17 (4) февраля 1918 года к 10 часам утра в здание ГОРОДСКОГО ДРАМАТИЧЕСКАГО ТЕАТРА.
Неявка в означенный срок влечет за собою РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРИБУНАЛОМ.

Объявление о вызове в трибунал директоров завода ВЭК в Харькове

По заявлению меньшевиков на IV областном съезде, «национализация выливалась в уродливые формы и выражалась в форме неорганизованных захватов отдельных предприятий, что окончательно подрывало народное хозяйство». В итоге съезд, несмотря на позицию большевиков, в принципе поддерживавших национализацию, в свою экономическую резолюцию включил пункты, свидетельствовавшие о беспокойстве по поводу стихийной национализации: «Съезд признает, что происходивший до сих пор процесс стихийного перехода предприятий в руки рабочих являлся неизбежным результатом саботажной политики предпринимателей и созданного ими катастрофического положения производства. Но вместе с тем съезд считает необходимым организовать этот переход предприятий в руки рабочего класса на основе национализации отдельных отраслей производства. Ведение дел на отдельных рудниках и заводах должно находиться в руках выбранных заводоуправлений с участием технического персонала, а управление национализируемыми предприятиями должно быть сосредоточено в областном совете народного хозяйства, который действует согласно вырабатываемым для всей Российской советской федерации планам»[488].

Меньшевики, в принципе не возражая против национализации, тем не менее считали, что к началу 1918 года эти меры запоздали и уже не могут служить панацеей для спасения

хозяйства. Цукублин с трибуны съезда заявил: «Для национализации потребовалось бы 4 месяца тому назад 600 млн рублей, а теперь более миллиарда... Но теперь это невозможно — предприниматели бегут»[489]. Конечно, представитель Временного Донецкого комитета, говоря это, имел в виду цивилизованную смену собственника путем выкупа предприятий. Стихийное же присвоение имущества помещиков и бизнесменов, которое тогда практиковалось по всей России, первоначально не входило и в планы большевиков.

24 февраля Оболенский, выступая в Харькове на экономической конференции, организованной Бажановым, говорил о национализации предприятий именно как о панацее для всей экономики России. Но также призывал бороться со стихией в этом направлении, объясняя рабочим, что национализация не означает анархии: «Национализация есть переход предприятия в руки всего государства, а не рабочих. Потому что собственность для рабочего класса есть большая опасность. Рабочие будут делать то же самое, что и капиталисты. Что даст нам такая национализация?» Бажанов на этой же конференции заявил, что «национализация промышленности Донецкого бассейна — единственная гарантия его дальнейшего развития»[490].

Список

Следует подчеркнуть, что к моменту создания ДКР значительная часть крупных предприятий Юга уже была объявлена собственностью Российского государства. К январю 1918 г. из 15 крупнейших металлургических заводов Юга были национализированы 9, которые производили 80% всего чугуна и стали. После провозглашения Донецкой республики национализация приобрела более системный и планомерный характер, хотя чаще всего решения ЮОСНХ по этому поводу выносились по мере поступления соответствующих решений трудовых коллективов тех предприятий, на которых собственники либо полностью прекратили выплаты зарплаты, либо приняли решение о закрытии завода, либо же попросту исчезли. В конце февраля ЮОСНХ принял решение национализировать завод «Штальберг и К°» в Харькове, 7 марта — Русско-французское акционерное общество на станции Основа, 5 апреля — Кальмиусо-Обеточные копи в Донбассе.[491]

До 2 марта хозяйственным органом ДКР было национализировано 97 шахт и рудников Донбасса, дававших 42% годовой

добычи бассейна, а к 29 марта число национализированных шахт достигало уже 230. Надо учесть, что в бассейне в это время было всего около 1200 шахт, включая мелкие частные рудники. Советские историки утверждали, кроме того, что на 65% шахт Донбасса к 1 марта было введено рабочее управление. Однако надо к этим данным относиться осторожно, так как, по свидетельству самого Оболенского, очень часто этот «рабочий контроль» сводился к элементарному захвату мелких крестьянских рудников шахтерами, которые выгоняли владельцев и техперсонал взашей. По подсчетам главы ВСНХ, примерно треть рудников Донбасса была захвачена именно подобным способом.[492]

При таких захватах порой возникали совершенно дикие ситуации. Как, к примеру, в случае с захватом шахты на станции Рясное председателем местного Совета Гуртовым, который до этого был шахтным десятником. Вот как описывала этот случай газета «Возрождение»: «Гуртовой... назначается диктатором предприятий... Берет в свои руки управление этими рудниками, выгоняет администрацию рудников и объявляет свободную продажу угля, отказываясь праздновать не только «Монотоп», но и Совет народного хозяйства... На границе своих владений Гуртовой установил заставу и никто из посторонних не допускается и не выпускается из района его действий»[493]. С подобной «национализацией» руководству ДКР приходилось сталкиваться и бороться довольно часто.

Надо отметить, что решение о национализации угольной промышленности Донбасса было принято на более высоком уровне еще осенью 1917 года. 18 ноября Всероссийский совнарком во главе с Лениным поручил областному исполкому Донецко-Криворожской области создать специальное учреждение для исследования состояния промышленности Донбасса и подготовки юридической и экономической почвы для национализации шахт.[494]

Вердикты о национализации крупнейших стратегических объектов региона также чаще всего принимались в российской столице. Так, 24 января 1918 г. (то есть за неделю до провозглашения ДКР) президиум ВСНХ во главе с Оболенским принял решение о национализации Юзовского металлургического завода: «Принять в собственность государства все предприятия «Новороссийского общества» каменноугольного, железного, стального и рельсового производства в Юзовке вследствие невозможности для общества продолжать работу своих предприятий и ввиду их государственной важности»[495].

В своей декларации о ближайшей деятельности правительство Донецкой республики сразу же после ее создания заявило: «Совет Народных Комиссаров приложит все силы к осуществлению перехода рудничных предприятий и земельных недр области в собственность советской республики России». Бажанов призвал Совнарком ДКР пойти дальше и национализировать всю промышленность региона, создав для этого соответствующую законодательную базу: «В данный переходный момент рабоче-крестьянское правительство должно поддержать Южную промышленность, как материальными средствами, так и незамедлительным проведением закона о национализации Южной промышленности, что откроет широкие возможности для созидательной работы на местах»[496].

После провозглашения ДКР решения Всероссийского совета народного хозяйства относительно национализации промышленности Юга носили уже поручительный характер. Так, решение ВСНХ от 16 февраля по поводу секвестра шахт и заводов общества «Унион» (в основном в Макеевке) содержало поручение в адрес ЮОСНХ подготовить предложения по дальнейшей судьбе предприятия. Временное же управление общества было возложено на комитет во главе с самим Бажановым.[497]

Бывало такое, что решение о национализации откладывалось и заменялось признанием факта установления рабочего контроля на предприятии, когда собственники либо лишались возможности принимать управленческие решения, либо же значительно ограничивались в этом праве. Зачастую сами рабочие не видели никакой разницы между понятием «национализация» и «захват имущества». Тот же Оболенский возмущался случаями фактического захвата шахт горняками, объявлявшими свои предприятия «собственностью Советской республики». Он считал, что подобное «решение вопроса» вызвано призывами анархо-синдикалистов, пользовавшихся поддержкой в некоторых районах Донбасса.[498]

В Харькове, к примеру, рабочий контроль был введен на многих предприятиях, включая и бытовые — бани, пивоваренные заводы, некоторые магазины, склады и те отели, которые не были реквизированы под общественные нужды (к примеру, тот самый отель «Метрополь», в котором Артем с коллегами обсуждал проект создания Донецкой республики). Показательной в этом смысле является дискуссия о вопросе по национализации парикмахерских, которая разгорелась на объединенном заседании исполкома Советов в Харькове 18 февраля. На этом мероприятии появилась

одна из владелиц местной парикмахерской, задавшая резонный вопрос: «Где кончается власть служащих?» По ее словам, «декрета о национализации парикмахерских еще нет, а в целом ряде парикмахерских хозяева уже отстранены служащими». Представитель профсоюзов цирюльников заявил, что переход заведений в руки самих парикмахеров был вынужденной мерой, так как это дало возможность «устроить многих безработных» коллег по цеху. Любопытно, что Совет стал на сторону владельцев бизнеса. Передав в целом вопрос на рассмотрение ЮОСНХ, тем не менее исполком принял постановление: «до разрешения этого вопроса... хозяевам парикмахерских вернуть права хозяев». Правда, парикмахерам позволили описать инвентарь заведений и не допускать его распродажи до окончательного вердикта совнархоза. Похожее решение было принято и по поводу торговых учреждений. При этом решение органов власти ДКР о возврате имущества и предприятий владельцам было не единичным случаем. Так, тот же исполком Советов постановил вернуть автомобиль, незаконно реквизированный кем-то у Всероссийского союза городов.[499]

Картина С. Бойм «Рабочий контроль»

Но изъять предприятие было мало, надо было еще уметь управлять предприятием. А вот с этим, само собой, рабочим было посложнее справиться. Зачастую менеджмент предприятия сводился к волюнтаристским решениям Советов на местах или фабрично-заводских комитетов (фабзавкомов). И зачастую решения носили не экономический, а политический характер. К примеру, предложение менеджмента фабрики Новороссийского общества в Юзовке продать значительную партию металла на Дон было отвергнуто местным рабочим комитетом в связи с опасением, что этот металл будет использован казаками. Экономическая выгода отходила на задний план.[500]

Неспособность рабочих управлять предприятием и тем более распорядиться произведенным имуществом не раз приводила и к явлениям, которые газета «Возрождение» назвала «денационализацией», призывам старого управленческого аппарата, а то и владельцев.[501] Хотя последнее явление до прихода немцев было не таким уж и частым в ДКР. Во всяком случае, ни

одно крупное предприятие региона, подконтрольное ЮОСНХ, не денационализировалось вплоть до германской оккупации. Худо ли, бедно ли, но большая часть этих предприятий, которые до национализации планировались к закрытию, в Донецкой республике функционировала, несмотря на полную разруху и остановку аналогичных заводов по всей России. Несомненно, значительную лепту в это внесли ЮОСНХ и Совнарком ДКР под руководством Артема.

ГДЕ БРАТЬ ДЕНЬГИ?

Одной из первоочередных задач, которые предстояло решить руководству Донецкой республики, было изыскание средств на функционирование промышленности и жизнеобеспечение региона, находившегося в состоянии разрухи.

«Налоги в казну не поступают», — продекларировали на IV областном съезде Советов меньшевики. Цукублин объявил, что «денежные знаки у нас сохраняют ценность только по какой-то инерции». Оболенский на том же съезде заявил: «Говорят, что вместе с капиталистами из предприятия уходит капитал... Но ведь наличных денег у капиталистов тоже мало. Мы выпускаем мало бумажек, меньше, чем Керенский. Это очень плохо в переходный период, но это объясняется тем, что плохо работает экспедиция». И заговорил даже о необходимости начать распродажу золотого запаса страны.[502]

В стране остро ощущалось безденежье, налоговая система после двух революций была полностью разрушена. Причем это касалось, само собой, не только Донецко-Криворожского региона. Винниченко описывал эту ситуацию для всей России 1917 года: «Налогов никто не платил. Население не чувствовало никакого уважения к Правительству, не чувствовало никакой организации и поэтому не спешило с выплатой своих задолженностей»[503].

Министр Временного правительства Шингарев заявлял о Февральской революции: «Она вызвала у всех сильное стремление к расширению своих прав и притупила сознание обязанностей. Все требовали повышения оплаты своего труда, но никто не думал вносить в казну налоги, поставив тем финансы в положение, близкое к катастрофе»[504].

По словам Деникина, Февральская революция «нанесла окончательный удар нашим финансам... Началась положительная

вакханалия». Генерал привел данные, касающиеся и Донбасса: «Уменьшение выработки и чрезмерное повышение заработной платы вызвало необходимость громадных расходов частью на субсидирование замиравших предприятий, частью на переплату за предметы производства. Эта переплата для одного только Донецкого бассейна дала 1,2 млрд рублей»[505].

Большевики, пришедшие на волне популистских лозунгов, не могли снижать зарплату рабочих или прекратить субсидировать производство продукции, столь необходимой им для удержания власти. Само собой, сознательность налогоплательщиков после победы Октябрьской революции не стала выше. Отказывались платить налоги не только граждане, но и целые предприятия. К примеру, 6 марта 1918 г. завком Харьковского завода паропроводов сообщил в Совнарком Артема: «Вследствие получения отношения Комиссии по раскладке налога, установленного Правительством Донецкой Республики о внесении предприятием заимообразно 20 000 рублей, настоящим удостоверяем, что [ни] предприятие, ни главная контора свободных средств не имеет и внести указанную сумму не может. Завод переживает очень тяжелое время и оборотных средств с трудом хватает на уплату заработной платы мастеровым и покупку самого необходимого материала»[506] (см. цветн. вкладку, стр. 4). Таких писем в Совнарком ДКР поступало немало. А сколько предприятий вообще ничего не писало по этому поводу, не платя при этом налогов!

В условиях, когда денежную и банковскую систему лихорадило, предприятия Юга вообще начали обходить банки и даже в условиях дефицита денежных знаков переходили на наличный расчет. К примеру, правление Электрического акционерного общества Донецкого бассейна (станция Ясиноватая) с февраля 1918 г. начало расчеты с Московским отделением общества «Сименс и Шуккерт», с Московским обществом «Электросталь» и шахтами Григорьевки и Гришино наличными деньгами. В то же время зарплаты рабочим задерживались либо не выдавались вовсе, и объяснялось все это именно отсутствием наличности. По данным ВСНХ, 10% рабочих Донбасса в феврале 1918 г. не получили зарплату еще за ноябрь и фактически никто не получил за декабрь 1917-го и январь 1918 года.[507]

По самым скромным подсчетам, металлургическая промышленность Донбасса требовала 250 млн рублей в месяц, а каменноугольная — 150 млн. Где-то на все это правительству Донецкой республики нужно было изыскивать средства.[508]

Судя по докладу Скрыпника на IV областном съезде, ЦИК Украины видел единственный источник финансирования: получение денег из российской столицы. Он жаловался, что Цикука получила лишь 200 млн рублей, назвав это «каплей в море». И в общем-то, никаких иных источников не назвал. Конечно же, на финансовую поддержку из Петрограда надеялись и руководители ДКР. Неслучайно в документе, провозглашавшем создание республики, содержалась просьба выделить из столицы 1 млн рублей (а анархисты даже требовали принять постановление об автоматическом зачислении 250 млн рублей в месяц на счета ЮОСНХ из столичного Госбанка). Вопрос о финансировании экономики Донецкой республики не раз рассматривался на заседаниях ленинского Совнаркома. Тот даже отказывал в финансировании армии, объясняя это «необходимостью в первую очередь субсидировать промышленные предприятия Донецкого бассейна»[509].

Серго Орджоникидзе (шарж наркома ДКР В. Межлаука)

Ответственным за финансовую поддержку региона из Центра был Серго Орджоникидзе, который, как и Оболенский, большую часть времени осенью 1917-го — весной 1918 г. проводил в Харькове и Донбассе. По разным данным советских историков, с октября 1917-го по апрель 1918 г. благодаря Орджоникидзе в государственный банк Харькова из Петрограда было переведено в общей сложности от 860 млн до 1 млрд рублей, то есть примерно по 140—160 млн рублей в месяц. В то время как с конца декабря 1917-го до начала марта 1918 г. Харьковской конторой Госбанка только на зарплату рабочим и служащим было выдано 115 млн рублей. В марте 1918 г. по инициативе Ленина ВСНХ учредил в Воронеже Центр финансирования промышленности Юга России. Был выбран Воронеж, а не Харьков, в связи с тем, что немецкие войска уже двигались в сторону столицы ДКР.[510]

Конечно, средств, выделяемых общероссийскими властями, было недостаточно. По распоряжению Артема все банковские и кредитные учреждения ДКР должны были с 24 февраля начать ежемесячную отчетность перед финотделом ЮОСНХ о состоянии средств на счетах.[511] Осуществить этот контроль на практике было довольно сложно. По данным справочника «Весь Харьков на 1917 год», только в столице ДКР насчитывалось, как минимум, 15 банковских учреждений и 13 кредитных обществ, не считая их многочисленных отделений.[512] К концу 1917 г. ряд центральных банков начал сворачивать свои представительства на Юге, а инвесторы (особенно иностранные) активно начали выводить капитал за рубеж.

Подписи наркомов ДКР Васильченко и Межлаука под декретом № 4

В большинстве регионов России власти (вне зависимости от того, большевики ли были у власти или нет) решали вопрос довольно просто — путем конфискации банков. В Донецкой республике все-таки к этому подходили более цивилизованно. Банковское имущество охраняли, а сами банки старались брать под жесткий контроль. Декрет № 4 Совнаркома ДКР от 28 февраля за подписями Васильченко и Межлаука гарантировал неприкосновенность частных вкладов в государственных сберкассах и даже отменил ограничения по выдаче вкладов, осуществленных после 1 января 1918 года.[513]

Мало того, в случаях конфискаций банковских средств власти Донецкой республики прилагали усилия по возврату изъятого имущества частным банкам. Что, кстати, советские историки позже ставили им в вину. К примеру, В. Ревегук писал: «Это была серьезная ошибка Совнаркома ДКР, которая дала возможность капиталистам продолжать экономическую диверсию и финансировать контрреволюционные выступления». Так что с точки зрения советских критиков ДКР, Артем и его единомышленники действовали «излишне демократично»[514].

Гораздо меньше, чем банкам, в ДКР повезло частникам, державшим свои ценности и средства в банковских сейфах. Нарком республики по делам финансов В. Межлаук буквально в день своего назначения издал первое же распоряжение о том, что во всех банках начинается «проверка сейфов в присутствии их владельцев». В случае неявки владельцев в течение трех дней

все содержимое сейфов подлежало конфискации.[515] Те, кто присутствовал при вскрытии своих сейфов, много не выиграли. Их имущество, как правило, описывалось, запечатывалось, а затем, когда уже началась эвакуация банковских средств, ... все равно подлежало конфискации.

Но главный источник получения средств ведомство Валерия Межлаука связывало с излюбленным способом большевиков — дополнительным налоговым обложением зажиточных граждан, именуемых «капиталистами». Этот метод выбивания

Межлаук Валерий Иванович (Мартин Иоганович)

Родился 7 (19) февраля 1893 г. в Харькове в семье учителя-латыша и матери-немки, владевшей двумя доходными домами на Максимилиановской ул. (что не мешало ему в советское время писать в анкетах «украинец»). Дворянин. Меньшевик с 1907 г., большевик с июля 1917 г. (то есть со времени возвращения в Харьков Артема).

Один из самых ярких представителей руководства ДКР, достигший значительных высот в руководстве СССР.

В 1914 г. окончил историко-филологический, а в 1917 г. (экстерном) — юридический факультет Харьковского университета, где также преподавал с 1914-го по 1917 год. Жил в Харькове по адресу ул. Максимилиановская (ныне Ольминского), 9 (был фактически соседом Д. Багалея).

С 1918 г. — нарком финансов ДКР. На этом посту сыграл важную роль в эвакуации материальных ценностей перед приходом немцев и в организации обороны. С 1919 г. — военный нарком советской Украины, безуспешно пытавшийся вместе с Артемом воссоздать Донецкую республику.

С 1920 г. — на высоких постах в промышленности СССР. Один из основателей советской системы планирования. С 1934-го по 1937 год — председатель Госплана СССР и зампред Совнаркома СССР. В 1937 г. назначен наркомом тяжелой промышленности СССР. По мнению Хрущева, Межлаук «из председателей Госплана был лучшим после Куйбышева».

Прославился своими едкими шутками и талантливейшими шаржами на лидеров советского государства, которые сейчас сами по себе являются ценным историческим источником. Видимо, эти шаржи Межлаука и погубили.

1 декабря 1937 г. арестован как «немецкий шпион». 29 июля 1938 г. расстрелян. Казнены также оба его брата Валентин и Иван. Жена бывшего наркома сослана на Колыму, где погибла. Межлаук реабилитирован в 1958 году.

денег применялся во всех регионах России. Не стал исключением, конечно же, и Донецкий регион.

«Теперь настало время подумать о введении правильного налогового обложения, — писала в середине февраля 1918 г. большевистская пресса. — Увеличение ставок действительной беспощадности по отношению к имущим классам, введение прогрессии в существующий наследственный налог, введение ряда других налогов и налога на роскошь — все это вопросы дня»[516].

«Ставки беспощадности» в итоге представляли собой чрезвычайное налогообложение богатых, которое задумывалось как единоразовое, хотя использовалось большевиками неоднократно, поскольку они не видели порой иного выхода наполнения бюджета. К примеру, когда оппозиция насела на Артема с требованием выплатить рабочим зарплату за три месяца перед эвакуацией ДКР, тот заявил: «Для обеспечения рабочих мы экспроприируем всю собственность буржуазии, в чем бы она ни заключалась, и отдадим рабочим не за три месяца, а за шесть!»[517]

24 февраля Совнарком ДКР обнародовал декрет о введении единовременного, «чрезвычайного» налога на капиталистов различных городов республики общей суммой в 42 млн рублей. Пояснялось это следующим образом: «Твердо намереваясь в дальнейшем получить эти средства путем правильно распределяющихся налогов на зажиточные классы, но не имея возможности срочно, как это необходимо в настоящее время в интересах пролетариата и беднейшего крестьянства, собрать денежные суммы, ... Совет Народных Комиссаров Донецкого и Криворожского бассейнов постановляет ввести единовременный чрезвычайный налог на крупных капиталистов и торговопромышленников области»[518]. В дополнении к декрету пояснялось: «Обложению подлежат торгово-промышленные предприятия, домовладельцы, лица свободных профессий и владеющие капиталом»[519].

Следует отметить, что к моменту появления данного декрета в различных регионах ДКР капиталистов уже не раз облагали различными сборами и налогами. Особенно старался в этом плане Антонов-Овсеенко со своими отрядами. Поэтому тем же самым декретом СНК Донецкой республики отменил «все чрезвычайные налоги местных учреждений Донецкого и Криворожского бассейнов, устанавливаемые без ведома Совета Народных Комиссаров области»[520]. Однако последний пункт исполнялся далеко не всеми местными органами власти. К примеру, в Дебальцево местный зажиточный класс был обложен на сумму в 100 тыс. руб., в Чугуеве — 155,8 тыс. руб. С 20 марта по 5 апреля

на счета Мариупольского совета поступило почти 286 тыс. руб., собранных таким образом у местных капиталистов.

Самым спорным вопросом являлось определение конкретных фамилий, которые подпадали под понятие «капиталистов». Это вызвало массу тяжб на местах, сопряженных с доказыванием теми лицами, которые были занесены в списки облагаемых налогом, своей финансовой несостоятельности. Вот, к примеру, как это происходило в Харькове. В начале марта следственный отдел Харьковского революционного трибунала по каким-то известным только ему параметрам определил список из пяти «миллионеров-спекулянтов», три из которых — заводчик Лещ, некие Быстрицкий и Слуцкий — проживали по одному адресу (ул. Сумская, 67). Лишь по поводу Слуцкого было указано, что он «имеет более 3 млн», а по поводу одного из пятерки (М. Борд) указывалось, что он владеет «конторой на Рыбной». Имущественное положение остальных не оглашалось, однако следственный отдел постановил: «У означенных лиц можно взыскать не менее полумиллиона с каждого»[521] (см. цветн. вкладку, стр. 4).

Этот список из пяти фамилий стал фигурировать во многих делах, связанных с выбиванием денег из «капиталистов». Те, в свою очередь, прилагали колоссальные усилия, чтобы доказать отсутствие у них денег. Так, 26 марта в комиссию по обложению было отправлено письмо от имени директора «Ирминского каменноугольного общества», в котором значилось: «Настоящим доводим до сведения Комиссии, что Самуил Ильич Быстрицкий состоит на службе в нашем Обществе с 1904 года в качестве агента по отправке угля, причем заработок его за последний 1917 год выразился в сумме 14600 руб. — включая сюда все его расходы по поездкам»[522].

Еще один фигурант списка «миллионеров-спекулянтов» не поленился собрать несколько десятков подписей под справкой на себя следующего содержания: «Мы, служащие писчебумажных фирм сим удостоверяем, что владелец писчебумажной торговли Хаим Иоселевич Борд, прослуживший 20 лет в солидной фирме Ш. Х. ЦЕТЛИНА и приобретший опыт и знания в писчебумажном деле, занимался все время исключительно своим делом — бумажной торговлей в небольшом масштабе. В своей торговой деятельности был добросовестен и никаких злоупотреблений спекулятивного свойства не совершал. К служащим своим относился с редкой отзывчивостью»[523]. Но чаще всего подобные усилия богатых были «в пользу бедных» — капиталистов все равно обязывали выплачивать суммы, наложенные на них по контрибуциям.

И конечно же, списком из пяти человек Харьков не ограничился. В ЦДАВО хранятся списки харьковских бизнесменов с перечислением сумм, которые те должны были передать в распоряжение Харьковского совета. Опять-таки непонятно, по каким критериям определялись эти суммы, но разнятся они значительно — разброс составляет от 500 до 10 000 рублей. Не исключено, что суммы согласовывались с различными представительскими органами промышленников и торговцев, поскольку руководство ДКР, в отличие от иных регионов страны, пыталось вести диалог с этими категориями населения. Во всяком случае, на начало марта Совнаркомом Донецкой республики было достигнуто соглашение «с капиталистами г. Харькова» об уплате единовременного 5-миллионного налога с условием того, что первый миллион зажиточные горожане должны были внести уже до 4 марта.[524]

Справка о том, что «миллионер» Хаим Борда не является спекулянтом

При этом Совнарком ДКР прекратил взимание введенного еще при Антонове-Овсеенко чрезвычайного 7-процентного налога с доходов граждан. Однако «ввиду чрезвычайных обстоятельств

Один из множества списков харьковских богачей, подлежащих налогообложению

текущего момента» он был возвращен уже с 24 марта особым декретом Васильченко и Межлаука.[525]

Нет смысла и говорить, что горожане, обложенные подобными налогами, не очень горели желанием расставаться со своими сбережениями, вне зависимости от того, были они в самом деле богатыми или оказывались в списках «капиталистов» случайно. 4 марта, когда первый миллион должен был поступить в распоряжение Совета, при Совнаркоме ДКР состоялось совещание военных отделов и штабов города Харькова, на котором было постановлено: «Для срочного изыскания средств на организацию обороны и борьбы немедленно арестовать местных капиталистов по составленному на собрании списку, предъявить им требование немедленного представления пяти миллионов рублей, которые должны быть внесены комиссару финансов Донецкой республики т. Межлауку». А дальше вновь фигурировал список злополучных «особо капиталистов-спекулянтов» Быстрицкого, Леща, Слуцкого и Борда, которых надлежало немедленно арестовать, если они не внесут по 500 тысяч каждый.[526]

Однако первые аресты состоялись за пару дней до данного решения. «Наш Юг» 3 марта сообщил: «Вчера, как передают, арестованы Гольдберг, некий Стамболи и другие. Арестованные будут содержаться под стражей до внесения требуемой «Цикдонбасом» суммы». Однако уже 4 марта на областном комитете ДКР Васильченко докладывал, что «часть налога внесена и арестованные отпущены, кроме четырех, обложенных особо, как спекулянтов» (видимо, речь идет о тех самых обитателях дома по ул. Сумской, 67, которым не повезло попасть в список трибунала). Рубинштейн в этой связи выразил протест «против арестов случайно выхваченных лиц» и указал на то, что «до и без судебного приговора не может быть места требованию денег от отдельных лиц как спекулянтов»[527].

От Совета Народных Комиссаров Донецкой Республики.

ДЕКРЕТ № 7.

Декрет Совнаркома ДКР № 7 о возвращении чрезвычайного налога

Сам Васильченко приложил немало уси-

лий, чтобы в Харькове прекратились самочинные аресты капиталистов и требования с них выкупа, совершаемые различными боевыми отрядами. Так, 26 февраля он доложил Совету об аресте предыдущей ночью нескольких капиталистов, совершенном отрядами Красной гвардии. Исполком Совета постановил: «Предложить военному отделу Совета освободить арестованных. Если Красной гвардией уже получены какие-либо суммы, то передать их в кассу Совета, а на израсходованные представить оправдательные документы»[528]. Далеко не в каждом регионе тогдашней России, охваченной анархией, местными властями принимались подобные требования.

Само собой, в разных регионах Донецкой республики дело с обложением местных капиталистов обстояло по-разному — в зависимости от силы, авторитета и... количества органов власти в том или ином городе. Совнаркому ДКР приходилось убеждать Советы на местах делиться этими сборами с областным центром. К примеру, 23 марта 1918 г. Васильченко направил Луганскому совету письмо, в котором напоминал о том, что Харьков по-прежнему ждет 1 млн рублей, наложенных на луганских капиталистов. При этом нарком ДКР пояснял, для чего нужны эти средства: «Вы должны принять во внимание, товарищи, что расходы нам приходится вести в областном масштабе, нам нужно было смещать комиссаров, разоружать отряды, даже посылать наши отряды для обезоружения тех диких группок вооруженных людей, которые дезорганизовали Советскую работу. В то же время мы ведем и такие расходы, как содержание педагогического персонала во всей области и т. д. Между тем, поступление необходимых средств от местных Советов задерживается. Еще раз настойчиво предлагаю Вам, товарищи, поспешить со взносом наложенной суммы»[529].

Луганцы же сталкивались с проблемой розыска своих капиталистов. «Известия Юга» сообщали в начале апреля: «Обложенные Луганским советом рабочих депутатов местные богачи Фрейман, с которого следовало 100 тысяч рублей, и Рейн (50 тысяч руб.) бежали из Луганска. Как передают, первый скрывается в Киеве, а Рейн — в Харькове». И тот же номер газеты в качестве образца для подражания приводил пример Дебальцево. Под заголовком «Без лишних разговоров» сообщалось: «Совет рабочих депутатов ст. Дебальцево обложил местных спекулянтов и капиталистов налогом на 100 тыс. руб., причем обложенным был дан срок для внесения следуемых сумм в 2 часа, считая с

момента опубликования». Правда, газета не сообщила, удалось ли Совету Дебальцево в столь короткий срок собрать необходимую сумму.[530]

Чаще всего суммы обложения определялись «на глазок». Об этом свидетельствует постоянные изменения данных сумм. К примеру, отдел реквизиций Совета Горловско-Щербиновского подрайона 15 февраля 1918 г. постановил обложить «в пользу Российской республики» налогом на имущество братьев Хлебниковых в размере 15% их собственности (4200 руб.). А уже 4 марта 1918 г. тот же отдел предложил «повысить сумму контрибуции с Хлебниковых в 2 раза (8400 руб.)», установив сроком уплаты следующий день — 5 марта.[531]

Ситуацию осложняла множественность органов, бравшихся за столь благодатное дело, как сбор контрибуций. Так, в марте 1918 г. Юзовский совет постановил собрать 1 млн рублей с «местной буржуазии». Когда львиная доля налога была уже собрана, Центроштаб, расположившийся в Юзовке, ввел точно такой же налог, обложив ту же публику. «В этом не было порядка», — вынужден был признать один из лидеров юзовских большевиков Ф. Зайцев.[532]

Конечно, единовременными сборами с капиталистов власти Донецкой республики не ограничивались, вводя различные дополнительные налоги. Однако регулярно собирать их было гораздо сложнее, чем единоразово выбить средства с десяткадругого богачей. Особенно в условиях фактического отсутствия постоянно действовавшего фискального аппарата. В ДКР с начала февраля 1918 г. был введен имущественный налог, которым облагались владельцы земельных участков, превышающих 25 десятин (каждая десятина сверх этой нормы облагалась 10-процентным налогом). Был введен налог на владельцев четырех и более коней, а также на обладателей ценных бумаг стоимостью выше 10 тыс. рублей (налог был равен 20—40%). Кроме того, в середине февраля Совнарком ДКР ввел налог на посетителей ресторанов, кафе и гостиниц.[533]

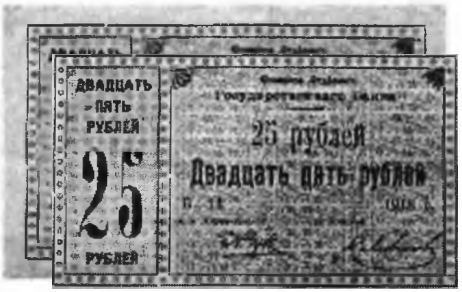
Но несмотря на все эти меры, одной из основных финансовых проблем Донецкой республики (как, собственно, и всей России того периода) была острая нехватка денежных знаков. На эту проблему обратил внимание докладчик от меньшевиков Цукублин на съезде, учредившем ДКР. Когда же началось вторжение немцев и транспортное сообщение вконец расстроилось, проблема приобрела угрожающий характер. «Наш Юг» в начале марта сообщал: «Наступление немцев на пути к Петрограду задержало

доставку денежных знаков в Харьков. В последние дни в городе ощущается недостаток разменных и других знаков. Банки с субботы закрыты»[534].

1 марта Межлаук в соответствии с решением Всероссийского совнаркома вынужден был издать приказ о том, что в Донецкой республике наряду с денежными знаками имеют обязательное хождение 20-, 50- и 100-рублевые облигации «Займа Свободы» (весной 1917 г. на волне всеобщей истерии по поводу наступившей после Февраля «свободы» население довольно активно скупало эти облигации и имело на руках немало данных бумаг). Нарком финансов ДКР в своем приказе пояснил, что данная мера предпринята «для ограждения интересов малоимущих граждан и ввиду недостатка в денежных знаках»[535]. Согласно циркуляру Межлаука, виновные в отказе принимать облигации подлежали суду Революционного трибунала, хотя ни одного дела по этому поводу зафиксировано не было. Вряд ли торговцы проявили энтузиазм по поводу обязательства принимать облигации уже мертвого на тот момент займа вместо живых денег.

В некоторых регионах Донецкой республики местные власти вынуждены пойти на печатание денежных суррогатов — бон. Это тоже было не изобретением ДКР, боны начались печататься в различных регионах России, страдавших от нехватки дензнаков, с конца 1917 года. А уж в 1918 г. это стало повсеместным явлением, особенно для отдаленных районов, оторванных от столиц войной, разрухой и полным бедламом.

Славянский совет, к примеру, принял решение о выпуске своих бон еще в декабре 1917 г. и тогда даже отпечатал пробные 3-рублевые купюры, однако затем их велено было уничтожить. В январе же были отпечатаны 1-, 5-, 10-, 25- и 100-рублевые купюры (по имени городского головы Зубашева, подписавшего дензнаки, горожане прозвали их «зубашевками»). На купюрах было написано «Выпуск бон обеспечивается депозитом, хранящимся в Славянском отделении Государственного банка». Трудно сказать, насколько был обеспечен этот депозит. По

Боны Славянска

разным данным, в Славянске напечатали бон на сумму от 1 до 6,5 млн рублей. Однако коллекционеры (а у них эти купюры сейчас пользуются бешеным спросом) уверяют, что при обмене дензнаков в 1919 г. 25-рублевых купюр было сдано гораздо больше, чем напечатано. Причем многие боны содержали надписи с грамматическими ошибками, что свидетельствует об их популярности и у фальшивомонетчиков того времени[536].

Боны Юзовки

Вынужден был прибегнуть к выпуску бон и Юзовский совет. К апрелю 1918 г. рабочие юзовских предприятий одну треть своей зарплаты получали в денежных знаках, а две трети — в бонах.[537]

В то же время большевистская пресса постоянно подчеркивала, что на выпуск бон «необходимо смотреть как на крайнюю меру и принять все возможные предосторожности против ее последствий». Те, кто шел на выпуск денежных суррогатов, обязывались в течение 2—3 месяцев обменять их на реальные деньги.[538] Ясно, что в действительности обмен бон на деньги затягивался, а иногда и не совершался вовсе.

Массовая эвакуация средств в марте-апреле 1918 г. привела к еще большему дефициту дензнаков, и в конце марта совещание представителей земских учреждений, банков, кооперативов в Харькове (следует полагать, состоявшееся в обход Советов и руководства ДКР) признало необходимым «выпустить местную мелкую, разменную монету (боны)», которая должна была бы обеспечиваться «достоянием города и земства». Для выпуска харьковских бон даже была создана специальная комиссия. Уже через полторы недели после этого совещания в город вошли немцы, что не привело к прекращению работы комиссии, которая получила добро и от немецких оккупационных войск. Есть сведения, что Харьков даже успел напечатать 10- и 25-рублевые купюры, но в обращение они поступить так и не успели.[539]

Таким образом, выпуск бон был чрезвычайной мерой и использовался в Донецкой республике скорее как исключение. Хотя это был не самый кардинальный способ бороться с без-

денежьем, обрушившимся на страну. Как обычно, самыми радикальными оказались власти Горловки, которые под страхом наказания вынудили местных торговцев на протяжении трех дней выдавать гражданам все товары... бесплатно. В итоге значительная часть и частных лавочников, и кооперативов города разорилась. К примеру, в кооперативе «Шахтер» в результате этого трехдневного «сеанса щедрости» на 1 мая 1918 года в наличии было 5 тысяч рублей, а ордеров на получение было на 300 тысяч.[540]

ЮОСНХ VS КОЛЛАПС: КТО КОГО?

Бедственное положение угольной отрасли Донбасса, описанное выше, усугублялось бесконечными боевыми стычками, налетами различных военизированных формирований с Дона. Безденежье, бестоварье и война заставляли многих шахтеров покидать свои рудники. Дошло до того, что делегация горняков и шахтеров Александро-Грушевского района, посетив Ленина в декабре 1917 г., задала ему вопрос, «оставлять ли сейчас рудники и уезжать в центральную Россию»[541].

До появления ЮОСНХ в отрасли царила полная анархия. Вот как описывалась ситуация на одном из заседаний исполкома Южного совнархоза: «Продажа угля и металла помимо ведающих распределением этих продуктов органов спекулянтам, щедро кладущим «деньги на бочку»... расхищение, преступное мотовство, проявляемое различнейшими местными штабами в употреблении бензина, без которого не может жить ни один рудник, — вот образцы этого «своеволия», этой «самостийности», конечно, не похожей на самостийность украинских шовинистов, но все же чрезвычайно тормозящей и подрывающей работу Областного хозяйственного центра»[542].

Анализируя работу шахт, Бажанов и его коллеги открыли вопиющие злоупотребления в угольной отрасли, которые царили не только до появления ДКР, но и до Февральской революции. Пользуясь военными субсидиями государства, потекшими с 1914 года на поддержку отрасли, предприниматели удвоили количество шахт в регионе (с 785 в 1914 г. до 1601 к январю 1917 г.), многие из которых, как выяснилось, были фиктивными. «В результате образовался целый ряд предпри-

ятий-паразитов, — говорилось на заседании ЮОСНХ, — рудников, заложенных только для виду, явно убыточных, на которых себестоимость угля обходится иногда в полтора рубля... Субсидировать такие рудники было бы бессмыслицей, сами они себя не окупают, они должны быть ликвидированы». В результате совнархоз Артема—Бажанова постановил создать специальный ликвидационный фонд, целью которого было бы перенаправление шахтеров с подобных рудников в те местности Донбасса, где рабочих рук не хватало. На это было решено выделить 1 млн рублей.[543]

Ситуацию в отрасли усугубляло резкое падение дисциплины. С началом революций шахтеры начали выбивать себе колоссальные прибавки к зарплатам, сокращая рабочий день. Кроме того, отток квалифицированных кадров привел к размыванию социальной структуры горняков. Так, к январю 1918 г. 22,6% шахтеров Донбасса были военнопленными, 7,6% — подростки, 5,3% — женщины. Производительность труда в результате этих изменений резко упала. Местная пресса отмечала: «Никаких мер понуждения рабочие не допускали, администрация была совершенно терроризирована и не имела никакого влияния на ход дела. Штрафы и увольнения совершенно были отменены в отношении рабочих, но, наоборот, широко применялись рабочими по отношению к техническому персоналу»[544].

Говорить о том, что руководство ДКР смогло в корне изменить эту ситуацию, не приходится — уж слишком мало на это у него было времени. Но даже то, что в дни разрухи удалось сделать ЮОСНХ, впечатляет на фоне полного бездействия местных властей в других регионах. Как упоминалось выше, IV областной съезд Советов одновременно с провозглашением Донецкой республики сообщил: «Съезд горнопромышленников Юга России объявляется достоянием Российской Республики». Все координирующие функции ССГЮР и распределительные функции «Монотопа» ЮОСНХ взял на себя, начав утверждение планов «разверстки угля по заводам, железным дорогам, флоту и др.»[545]

Несмотря на тяжелейшие условия, ЮОСНХ даже умудрился при помощи вышеназванных инженеров организовать минимальные работы по разведке запасов угля в крае и обследованию технического состояния ряда рудников. Благодаря усилиям Бажанова, на некоторых шахтах Донбасса, и в частности Макеевки, которой руководитель ЮОСНХ по понятным причинам уделял особое внимание, к апрелю 1918 г. удалось даже поднять

производительность труда, что было беспрецедентным явлением для того времени. По данным советских историков, добыча угля на макеевских шахтах выросла с 60 тыс. пудов в сутки в феврале 1918 г. до 92 тыс. пудов в марте этого же года. В немалой степени выводу ряда шахт из кризиса способствовало прямое субсидирование рудников Южным областным совнархозом. Только за несколько недель февраля шахтам было выдано субсидий до 5 млн рублей.[546]

Довольно энергично ЮОСНХ действовал и в металлургической отрасли, где он взял на себя функции еще одной государственной монополии — «Югометы», располагавшейся в Екатеринославе. На ее базе там же был создан металлургический отдел совнархоза, а сама «Югомета» была окончательно ликвидирована 23 марта 1918 г.[547] Таким образом, один, сравнительно небольшой по количеству работавших в нем, орган Донецкой республики более или менее эффективно (насколько в условиях войны и разрухи можно было говорить об эффективности вообще) заменил собой сразу несколько хозяйственных монстров, созданных в николаевской России образца 1914—1917 гг.

Ситуация с некоторыми металлургическими заводами представлялась даже более сложной, чем с шахтами. Как уже было отмечено выше, к концу 1917 г. собственники ряда предприятий не только остановили производство, но и велели задуть доменные печи. Возобновление работ на подобных заводах вообще не представлялось возможным в ближайшей перспективе. Вместе с тем, на данных предприятиях были накоплены значительные запасы металла и все еще числились квалифицированные металлурги, которых так не хватало на работавших фабриках. Так, проанализировав ситуацию на Дружковском металлургическом заводе, где уже несколько месяцев стояло производство, а рабочие не получали зарплату не только за простой, но и за отработанное время, ЮОСНХ, поняв, что в ближайшее время запустить завод не получится, постановил продать имевшиеся на заводе запасы металла, выручить на этом 1,7 млн рублей, рассчитаться с металлургами, а затем совместно с комиссариатом труда ДКР перебросить их на другие заводы и шахты, где так не хватало рабочих рук. В кризисных условиях это был хоть какой-то выход. По такому алгоритму ЮОСНХ действовал и в отношении некоторых других предприятий. На некоторых из них снова-таки удалось поднять производительность труда. К примеру, на Енакиевском метзаводе она выросла на 30—40%. Хотя, конечно, как и в случае с шахтами, это было скорее исключением из правил.[548]

Среди проблем, которые тормозили все благие начинания, был продолжавшийся коллапс на транспорте. Один из выступавших на IV областном съезде Советов Донецко-Криворожского бассейна заявил: «Мы не знали раньше, от чего мы скорее погибнем — от падения добычи [угля. — *Авт.*] или разрушения транспорта, недостатка вагонов. Оказывается, от последнего, ибо транспорта у нас нет»[549].

Для решения этих проблем 7 марта было создано транспортное управление ЮОСНХ, которое было объявлено «высшим органом по управлению путями сообщения Южной области». В условиях бедлама этот отдел сумел организовать серьезные работы по обследованию Екатерининской железной дороги и даже успел разработать техническую документацию на строительство подъездных линий к 22 заводам Харькова. Однако по требованию Москвы все железные дороги России были подчинены единому наркомату путей сообщения — и транспортное управление ЮОСНХ было распущено.[550]

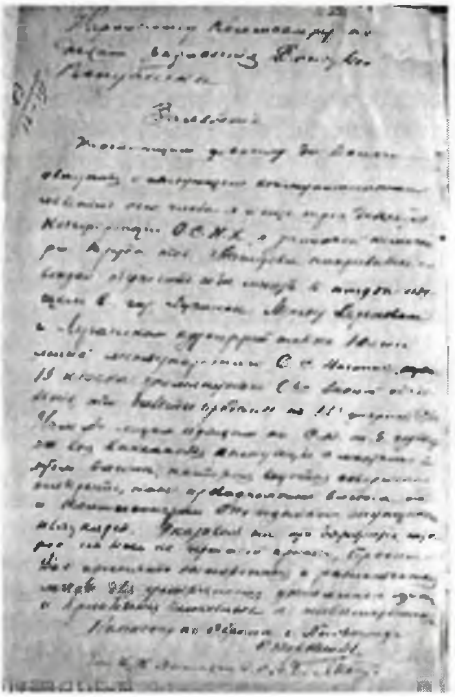
Конечно, проблему, которая лихорадила всю Россию, нельзя было решить в рамках одного региона. Помимо кризиса, связанного с разрухой на железной дороге, о чем шла речь выше, Донбасс оказался заложником еще одной серьезной проблемы: отсутствием горючего для шахт и транспорта. В январе 1918 г. наряды на нефтепродукты для промышленности Донбасса были удовлетворены всего на 3%.[551] Оказавшись отрезанным от каспийской нефти, регион мог уповать лишь на помощь из столицы. И частично эта помощь поступала — так, к началу марта ЮОСНХ отчитался Ленину, что благодаря личному вмешательству того шахты Донбасса получили 300 пудов бензина. Но это была маленькая толика по сравнению с тем, что требовала экономика региона, не говоря уж об армии, которую пришлось формировать в спешном порядке.[552]

ЮОСНХ вынужден был прибегать к жестким мерам экономии горючего. 18 февраля на президиуме совнархоза было принято решение о выработке декрета, запрещающего передвижения на автомобилях, кроме экстренных случаев. IV областной съезд принял также особую резолюцию, гласившую: «Все смазочные и горючие масла, необходимые для производства... должны поступать в распоряжение Совета народного хозяйства и отпускаться последним лишь на нужды производства и на... борьбу с контрреволюцией». Однако для того, чтобы это решение выполнялось на практике, Южному совнархозу пришлось просить особого подтверждения со стороны Совнаркома ДКР. 4 марта ЮОСНХ

рассмотрел вопрос о замене бензина бензолом для автомобилей и броневиков, «поедающих такое огромное количество бензина, в то время как вследствие недостатка такового... вовсе приостанавливаются работы на некоторых рудниках»[553].

По мере разворачивания боевых действий с немцами власти ДКР 29 марта приняли решение о полной реквизиции автомобилей — как грузовых, так и частных, как граждан России, так и иностранцев (по состоянию на 1915 г. в Харькове насчитывалось до 300 легковых автомобилей). Прием реквизированных машин должен был осуществляться на ул. Мироносицкой, 8. Вряд ли эту акцию удалось осуществить в полном масштабе, поскольку до оккупации Харькова немцами оставалась всего неделя.[554]

Поразительно, как в этих условиях вообще продолжал — пусть и с колоссальными перебоями — ходить пассажирский железнодорожный транспорт, о чем свидетельствуют многочисленные мемуары будущих активистов Белого движения, ехавших с севера на Дон через Харьков. Худо-бедно, но власти ДКР обеспечили работу железных дорог на территории республики. Правда, отмена значительной части пассажирских маршрутов привела к дефициту билетов, чем, конечно же, сразу воспользовались спекулянты.

Жалоба К. Ворошилова на харьковских спекулянтов билетами

В архивах сохранилась жалоба, написанная лично Климом Ворошиловым на имя наркома по делам управления Донецкой республики по поводу ситуации с билетами на харьковском вокзале. Будущая легенда Красной Армии жаловался, что он со своими коллегами из Луганска не мог приобрести билет домой после посещения

им конференции ЮОСНХ — в Луганск из Харькова ходил всего один вагон, и билеты на него были проданы на несколько дней вперед. Не помогла даже записка комиссара труда ДКР Б. Магидова с просьбой оказать содействие. Зато вопрос легко решался перекупщиками билетов или проводниками. Ворошилов в итоге просил Васильченко «принять экстренные и решительные меры для устранения указанных беззаконий и привлечения виновных к ответственности»[555]. Пожалуй, довольно показательный эпизод не только для периода революционной России.

«ХЛЕБА НЕТ СОВЕРШЕННО»

Экономический коллапс неминуемо влек за собой продовольственный кризис, который охватил Россию еще между двумя революциями — в период, когда крестьяне страны начали активным образом делить «землицу», не дожидаясь ни декретов о земле, ни каких бы то ни было Учредительных собраний. Деникин так описывал эту ситуацию: «Деревня замкнулась в узкий круг своего быта и, поглощенная «черным переделом», совершенно не интересовалась ни войной, ни политикой, ни социальными вопросами, выходящими за пределы ее интересов... Власть препятствовала земельным захватам и стесняла монополией и твердыми ценами сбыт хлеба — и деревня невзлюбила власть. Город перестал давать произведения промышленности и товары — и деревня отгородилась от города, уменьшая и временами прекращая подвоз туда хлеба»[556].

Так было по всей России, так было и в Донецко-Криворожском регионе. Совет съездов горнопромышленников Юга России еще 29 августа 1917 г. телеграфировал Керенскому о ситуации в Донбассе: «Хлеба нет совершенно»[557]. Уже к 1916 г. урожайность зерновых культур в регионе снизилась на 27% по сравнению с 1913 г. Ситуация усугублялась массовой реквизицией лошадей у крестьян и земельных собственников, которую провело царское правительство после начала Первой мировой войны. В результате чего к 1917 г. больше половины хозяйств Юга не имели тягловой силы.[558] Погромы помещичьих угодий и крупных агрохозяйств приобрели системный характер уже к осени 1917 г., а после провозглашения «Декрета о земле» в октябре этого же года стали чуть ли не обыденным явлением, в том числе в Харьковской и Екатеринославской губерниях.

Очень красочно продовольственная картина Харькова к моменту провозглашения Донецкой республики описана в лаконичном сообщении газеты «Наш Юг» от 28 января 1918 г.: «Хлеба в Харькове осталось очень мало, так что неизвестно, будет ли он сегодня получен всеми хлебопекарнями... Сахар в январе уже весь роздан. За февраль же еще не получен из губернского продовольственного комитета. На харьковских складах осталось всего лишь 400 пудов керосина, который будет распределен по лечебным заведениям»[559].

В тот же день Цукублин на IV съезде докладывал: «Мы вступили в фазу голода. В Харькове паек ¼ фунта хлеба на человека. Надо урезать всех в интересах всех. Но у нас продовольственных властей и реквизиторов, которые отбирают хлеб друг у друга, больше чем хлеба». На этот же минимальный хлебный паек обращал внимание во время своей поездки в Харьков Серафимович: «Поражают большие очереди за хлебом. Становятся с часу, с двенадцати ночи, а получают поздним утром свой четвертьфунтовый паек, да и то не все: не хватает. Это в хлебородной-то губернии! И это страшно характерно для всей жизни Харькова»[560].

Правительство Донецкой республики с первых же дней своего существования оказалось заваленным письмами с мест, содержавших призывы срочно помочь рабочим Донбасса продовольствием. Так, 19 февраля со станции Ханжонково писали: «Согласно постановления митингового собрания, Продовольственный комитет при рудниках бывш. Франко-Русского общества сим обращается к Вам с просьбой прийти нам на помощь в отношении продовольствия. Запаса муки хватит всего лишь на два дня, то есть 20 и 21 февраля, после чего мы неминуемо должны столкнуться с голодом... Никакими силами, ни воззваниями невозможно поднять дух рабочих, а лишь доставкой им хлеба»[561].

28 февраля на конференции ЮОСНХ шахтеры огласили свою резолюцию, которая, в частности, гласила: «Все продовольственные запасы должны быть направлены в первую очередь в Донецкий бассейн для снабжения ими горнорабочих. Бассейн голодает, купить не за что, рабочие бегут, спасаясь от голодной смерти. Только резкое вмешательство Правительства в дело продовольствия может удержать рабочих на местах, иначе промышленность погибла»[562].

Трудно сказать, достаточно ли «резко» вмешался в эту ситуацию Совнарком Донецкой республики. К примеру, Поплавский полагает, что действия правительства Артема были в этом

отношении вялыми: «Правительство ДКР, членами которого были большей частью представители рабочего класса, несколько прохладно относились к сотрудничеству с крестьянством региона, а должность наркома земледелия республики оставалась вакантной на протяжении всего времени ее существования»[563]. Последнее верно, однако не надо забывать, чем вызвана причина сохранения этой вакансии — Совнарком Артема до последнего момента надеялся привлечь к работе в правительстве левых эсеров, которые в значительной степени влияли на Советы крестьянских депутатов. Тем не менее, говорить о «прохладце» в отношении продовольственного вопроса со стороны руководства ДКР было бы преувеличением.

Отсутствующий аграрный наркомат в Совнаркоме вполне заменил отдел сельского хозяйства, созданный при ЮОСНХ. При нем же в марте был создан отдел сельскохозяйственного машиностроения. Кроме того, в регионе в тот момент в полном контакте с правительством ДКР действовал близкий друг Сталина Серго Орджоникидзе, посланный в регионы Юга в качестве чрезвычайного комиссара с целью обеспечить снабжение (в первую очередь, продовольственное) рабочих России, включая обе столицы и сам Донбасс. Орджоникидзе проявил в те дни колоссальную работоспособность, постоянно передвигаясь по хлебным районам Украины и ДКР, регулярно посещая заседания Совнаркома Донецкой республики и ЮОСНХ. Не в последнюю очередь благодаря его усилиям в Донбасс из западных районов Екатеринославской губернии было послано 9 эшелонов зерна и 40 эшелонов скота.[564]

Одним из главных направлений работы Орджоникидзе и правительства ДКР была ликвидация той неразберихи с обилием «продовольственных властей и реквизиторов», о которых говорил Цукублин. 15 марта СНК Донецкой республики и ЮОСНХ обнародовали совместный циркуляр, запрещающий самочинные реквизиции продовольствия в регионе. В нем, в частности, говорилось: «Часто различными организациями на местах, а иногда и отдельными лицами, злоупотребляющими данными им полномочиями, реквизируются хлеб, бензин и уголь, следующие по назначению, согласно разработанных в соответствии с общегосударственными нуждами планов распределения. Это вызывает голод в целом ряде губерний и приостановку заводов... Это в корне подрывает работу хозяйственных областных организаций, с невероятными усилиями налаживающих организацию производства и распределения продуктов между сотнями голодающих селений и городов Российской республики. Такое положение ве-

щей больше терпимо быть не может... Всякие самочинные реквизиции, производимые в области... будут рассматриваться как преступление против революции и караться беспощадно. Отныне никакие организации Донецкой республики не имеют права... давать ордера о реквизиции грузов, подлежащих общегосударственному распределению»[565].

Власти ДКР ввели также довольно жесткий контроль над ценообразованием в торговле продуктами. Уже в начале марта Харьковский продовольственный комитет попытался установить твердые цены на мясо, картошку и некоторые другие продукты, грозя конфискацией товара, продаваемого по спекулятивным ценам. Кое-где, правда, эта кампания привела к тому, что власти на местах начали закрывать магазины, которые, по их мнению, завышали цены для населения. Что, в свою очередь, приводило к увеличению продуктового дефицита. 16 марта ЮОСНХ призвал отказаться от такой порочной практики и не чинить препятствий частной торговле, при этом сохраняя контроль над ценообразованием и распределением товаров.[566]

Было бы неправильно сказать, что меры, предпринимавшиеся правительством Артема, полностью решили продовольственную проблему. И в марте газеты сообщали о периодически возникавших проблемах с подвозом к городам продовольствия. Особенно эти сообщения усилились с походом к Харькову немцев. Однако в относительно короткий промежуток мирного развития хозяйства ДКР продовольственное напряжение в рабочих регионах Донбасса было снято. Кроме того, было налажено снабжение продовольствием Москвы и Петрограда.

Помимо хлеба, руководство ДКР активно занималось проблемой производства и поставок в рабочие регионы России сахара, для чего 5 марта при ЮОСНХ было создано объединение «Главсахар». Оно было создано по инициативе профессора П. Зуева, предложившего свои услуги ЮОСНХ и возглавившего данное объединение. Организационное оформление этой структуры завершилось 1—8 марта на областном съезде представителей сахарной промышленности в Сумах, куда съехались 159 делегатов от 59 сахарных заводов региона. Структура «Главсахара» была утверждена Южным совнархозом, а на его деятельность Госбанк России выделил 10 млн рублей. В результате особых проблем с сахаром Донецкая республика не испытывала — даже в момент, когда немцы отрезали ее от Украины, Харьков не сталкивался с сахарным голодом. Только в Сумском уезде на сахарных заводах, когда-то принадлежавших известным сахарозаводчикам Харитонен-

ко, было накоплено до 1 млн пудов сахара. На нужды Петрограда «Главсахаром» было направлено до 300 вагонов с этим продуктом, а для харьковцев еще оставалось более 3 млн пудов.[567]

Нельзя также не упомянуть о том, что в Донецкой республике, как и по всей России, тогда активнейшим образом развивался натуральный обмен товарами. Причем власти ДКР не только не боролись с этим, в общем-то, нерыночным явлением, но наоборот, очень даже активно его поддерживали, поскольку понимали: в условиях безденежья это был хотя бы временный выход из ситуации. Серафимович с энтузиазмом рассказывал об этом как о положительном явлении, описывая Харьков 1918 года: «Теперь идут приготовления по налаживанию товарообмена с деревней: крестьянам железа, стали, машин; от крестьян — хлеба». Лично глава ВСНХ Оболенский на совместном заседании большевистских фракций обкома, Совнаркома и Совнархоза ДКР в конце февраля предложил резолюцию, в которой говорилось о том, что «организация непосредственного обмена товаров на хлеб будет способствовать разрешению экономического кризиса в Южной промышленности». В наши дни было бы странно слышать подобные рассуждения от главы крупной экономической структуры государства, но в 1918 году, как видим, это не вызывало удивления. Предприятия Донбасса активно прибегали к натуральному обмену с селом, а районные и подрайонные структуры ЮОСНХ вполне официально вовлекали в эти схемы местные кооперативы и потребсоюзы. При Харьковском продовольственном комитете было создано 18 учетных комиссий, которые контролировали расход мануфактуры, имевшейся на складах губернии, и организовывали ее обмен на хлеб.[568]

Можно спорить о «теплоте» или «прохладце» в отношениях между правительством и крестьянами Донецкой республики, но нельзя не отметить, что в целом руководству ДКР за короткий период удалось организовать хотя бы минимальное продовольственное снабжение не только крупных городов и предприятий региона, но и центральных регионов России. При этом отношения с крестьянством, у которого Орджоникидзе закупал хлеб, еще не носили тот характер, который они приобрели во взаимоотношениях крестьян Юга с немцами или в дальнейшие большевистские периоды истории. Во всяком случае, если реквизициям хлеба и было сопротивление, то скорее оно было пассивным.

А в некоторых случаях крестьянство Донецкой республики проявляло более чем трогательную для того циничного периода истории заботу о ее нуждах и потребностях ее армии.

К примеру, 7 марта 1918 г. крестьяне деревни Черногоровка Бахмутского уезда направили военному комиссару Донецкой республики М. Рухимовичу трогательное письмо о том, что они собрали «для отправки на фронт (Красной армии), где более всего испытывают острую нужду» 30 пудов муки, 40 пудов картофеля и 2 пуда сала. В этой связи они просили «о подаче вагона под эти пожертвования» и об указании «места, где более всего испытывает фронт острую нужду в продовольственных продуктах». Правда, не факт, что в условиях транспортной разрухи Рухимович смог выделить этот вагон.[569]

ПРИМИРИТЕЛЬНЫЙ НАРКОМАТ

Руководству Донецкой республики, состоявшему в основном из большевиков, в условиях довольно жесткой идеологической конкуренции приходилось постоянно искать «золотую середину» между необходимостью проведения реформ, которые могли бы вывести экономику региона из экономического кризиса, и популизмом большевистских лозунгов о всеобщем благополучии и росте материального благосостояния пролетариата. В ситуации, когда на этом же идеологическом поле выступали основные конкуренты большевиков в борьбе за общественное мнение (в первую очередь, меньшевики и эсеры), руководители ДКР были обречены на популистские социальные шаги, на первый взгляд, невозможные в период столь острого экономического кризиса.

Предыдущее руководство Донецко-Криворожского региона в лице Временного комитета Донбасса и областного комитета Советов погрязло в попытках решить бесконечные трудовые споры, которые возникали на протяжении всего 1917 года между владельцами и работниками предприятий. В ДКР эта неблагодарная работа была взвалена на наркомат труда, который возглавил Борис Магидов.

Наркомат, расположившийся на втором этаже Земельного банка, имел довольно оригинальную структуру для министерства в современном понимании этого слова. По сути, это был коллегиальный орган, куда входили представители от областного исполкома Советов, центрального фабрично-заводского комитета, областного совета профсоюзов и страховых групп. Мало того, решением обкома и СНК Донецкой республики наркомат Магидова был включен в ЮОСНХ на правах особого отдела и при этом, по

словам наркома, оставался «совершенно самостоятельным комиссариатом, в котором имелся целый ряд налаженных отделов». Такого сложного структурирования и взаимного подчинения не знал никакой иной наркомат Донецкой республики.[570]

Магидов, несмотря на то что его министерство моментально оказалось заваленным жалобами трудовых коллективов, организовал довольно эффективную схему взаимоотношений с различны-

Магидов Борис Иосифович

Родился 13 (25) декабря 1884 г. в Санкт-Петербурге в семье ремесленника. Меньшевик с 1905-го по 1917 год. С середины 1917 г. (с приезда Артема в Харьков) — большевик. Советский профсоюзный и архивный деятель.

Единственный нарком первого состава правительства Донецкой республики, умерший своей смертью, Магидов был «рабочей лошадкой» руководства ДКР. Будучи талантливым оратором, он постоянно получал поручения провести митинг, разрешить какой-то очередной трудовой спор, отговорить рабочих от забастовки или же, наоборот, организовать забастовку.

Трудовую деятельность начал в Петербурге в 11 лет, став учеником ювелира. Уже в ранней юности вступил в профсоюз золотопромышленников и в 1907—1909 гг. был секретарем нелегального Бюро профсоюзов в Петербурге. Был на подпольной работе в Киеве и Екатеринославе. С 1912-го по 1914 год находился в ссылке в Архангельской губернии (с. Бугаево).

В 1917 г. отвечал за агитацию в Юзовке, создал в Донбассе профсоюз горняков. В 1918 г. — нарком труда ДКР. Вместе с Артемом отступал в Царицын, во время обороны которого отвечал за пропаганду в советских войсках.

В 1919 г. был наркомом труда УССР, одновременно помогая Артему воссоздать Донецкую республику. В 1922—1924 гг. секретарь Полтавского и Самарского губкомов Компартии. С 1930-го по 1939 год — в Москве на руководящей работе в профсоюзах. Проявил живое участие в судьбе детей испанских революционеров, усыновил некоторых из них.

Репрессирован в 1939 г., однако благодаря заступничеству старых большевиков чудом избежал расстрела и был освобожден в 1941 г. После этого пребывал на скромных должностях в профсоюзных архивах. С началом кампании по реабилитации старых коммунистов проявил незаурядную активность, став фактическим рупором репрессированных и членов их семей. Благодаря Магидову и его заступничеству, многие имена революционеров были возвращены истории. Автор ценных мемуаров о революции и Гражданской войне (многие из них до сих пор не опубликованы). Умер в 1972 году.

ми органами, занимавшимися разрешением трудовых конфликтов на местах, для чего наркомат труда провел анкетирование местных Советов ДКР. 24 февраля наркомат учредил постоянно действующие конфликтные комиссии (камеры) при профсоюзах, а в своей структуре создал областную комиссию, куда вошли по 2 представителя от областных бюро профсоюзов металлистов, горняков и союза инженеров горнозаводской промышленности Юга России, а также один представитель собственно наркомата. Количество конфликтов и трудовых споров, которые за короткий срок своего существования рассмотрела эта камера, впечатляет.[571]

Но главная задача наркомата труда сводилась к контролю исполнения основных обещаний советской власти — переходу к 8-часовому рабочему дню и повышению зарплаты рабочим. В принципе, это было общим программным принципом каждой из социал-демократических партий, которые на этих лозунгах совершили еще Февральскую революцию. Во многом стремительное разочарование меньшевиками и эсерами в среде рабочих в 1917 году было связано именно с тем, что данные лозунги, как правило, оставались на бумаге. Одно из первых совместных собраний промышленников и рабочих по поводу внедрения данных лозунгов в жизнь состоялось еще 11 апреля 1917 г. под председательством Сандомирского, взывавшего работодателей к совести. Присутствовавший на встрече менеджер Александровской фабрики попытался объяснить, что введение 8-часового рабочего

Структура народного комиссариата труда ДКР

Источник: диссертация В. Ревегука

дня фактически будет означать повышение реальной зарплаты рабочим на 32%, а это обойдется его предприятию в 4 млн рублей в год — в то время как общие дивиденды владельцев составляют 4,5 млн. Представитель рабочего совета Петровской фабрики на это ответил, что годовая прибыль его предприятия составляет 15 млн рублей в год, поэтому оно может вполне поделиться с рабочими 4-миллионной выручкой (рабочий явно не учел, что речь идет о разных предприятиях, а соответственно — о разных цифрах).[572]

В конце концов, работодатели Юга России под предводительством фон Дитмара 6 мая 1917 г. дали положительный ответ на требования рабочих о введении 8-часового рабочего дня и введения сверхурочной оплаты (1,5 рубля за каждый лишний час). По их подсчетам, даже внедрение этих мер стоило работодателям Юга дополнительно 65 млн рублей в год. А если бы горнопромышленники согласились на все требования, в частности, равную оплату труда женщинам и мужчинам (женщины официально получали лишь 60—80% мужской зарплаты), а также отказ от детского труда, то ежегодные потери бизнесменов составили бы 228 млн рублей.[573] С победой большевиков в Петрограде в октябре 1917 г. 8-часовой рабочий день стал обязательной нормой и споров уже не вызывал.

Как не вызывал больше споров вопрос о введении обязательных оплачиваемых отпусков для рабочих. Для шахтеров, к примеру, специальной резолюцией IV областного съезда Советов был даже введен обязательный 2-месячный отпуск летом.[574] Поскольку к этому времени предпринимателей уже никто не слушал, экономический эффект от таких резких нововведений уже никем не подсчитывался — решения носили сугубо политический характер.

Точно так же, без финансово-экономического обоснования, вводились новые зарплаты для наемных работников практически во всех отраслях хозяйства. Этот процесс начался с февраля 1917 г. и не прекращался вплоть до Гражданской войны. Один из лидеров кадетской партии Н. Кутлер в докладе Временному правительству в мае 1917 г. сообщал, что на 18 предприятиях Донбасса с валовой прибылью в 75 млн рублей в год рабочие потребовали повышения зарплаты на 240 млн. Общую же сумму повышения зарплаты, которую от предпринимателей Юга требовали рабочие, Кутлер оценил в 800 млн рублей. А средний рост зарплат, судя по его докладу, должен был составить 200—300 процентов. Это привело к тому, что к моменту создания ДКР началь-

ник железнодорожного депо получал 100 рублей в месяц, а подчиненный ему слесарь — 300 рублей, начальник участка службы пути — 120 рублей, а его рабочие — более 200 рублей.[575]

Горнопромышленники пытались объяснить пролетариату, что «никакие прибавки рабочим не облегчают их положения вследствие того, что каждая прибавка повлечет соответственное вздорожание жизни»[576]. Однако процесс, который либеральная интеллигенция России «под гром литавров» запустила в феврале 1917 года, остановить уже было невозможно. Причем требования рабочих постоянно росли, а их поведение относительно владельцев бизнеса становилось с каждым месяцем все агрессивнее.

В конце сентября 1917 г., когда в Харькове состоялась III конференция горнопромышленников Юга России, бизнесмены пожаловались Временному правительству, что накануне мероприятия получили официальную угрозу от харьковского ревкома. Горнопромышленников обещали арестовать, если они в течение трех дней не повысят зарплаты чернорабочим. Фон Дитмар жаловался, что эти угрозы осенью 1917-го стали просто-таки системой.[577] А ближе к зиме временные аресты капиталистов для выбивания зарплат рабочим стали обыденным явлением по всей России и в Донецко-Криворожском бассейне.

К моменту создания ДКР на некоторых предприятиях, испытывавших острую нехватку дензнаков, зарплаты рабочим начали выдавать производимыми там запчастями. Одной из основных задач наркомата Магидова было выбивание заработной платы наемным работникам. На обкомах его ведомство не раз приводило решения «о принуждении расплатиться с рабочими»[578].

Кроме того, при активном участии наркомата Магидова в ДКР устанавливались минимальные зарплаты и коллективные договоры. Так, 11 сентября его комиссариат утвердил договор для металлургической отрасли, действие его распространялось на 300 промышленных предприятий бассейна, на которых работало до 300 тыс. человек. Наркомат труда принимал решения о ставках зарплат практически для каждой категории работников — химиков, инженеров, горняков. А 6 марта даже опубликовал Положение об охране труда домашних служащих (чем, кстати, способствовал более тесному сотрудничеству горничных, швейцаров, дворников с властью — они активно начали сообщать о состоянии своих хозяев и местах хранения ценностей).[579]

Одной из серьезных проблем Донецкой республики была безработица и наплыв бездомных, нищих людей в крупные города и особенно в Харьков. К концу марта в столице ДКР безработных

было около 20 тыс. человек, из которых 7 тыс. были демобилизованными солдатами. В начале марта распоряжением Магидова были закрыты все частные биржи труда и посреднические конторы, занимавшиеся наймом сотрудников. Данные функции наркомат труда вновь-таки взял на себя. Совместно с профсоюзами он организовал несколько мастерских для безработных, в разных городах создавались ночлежные дома. В Мариуполе, к примеру, в начале апреля были открыты 2 благотворительных столовых, в которых питалось 2360 безработных, и общежитие для бездомных.[580]

Магидов даже умудрился организовать медицинское обслуживание рабочих. 15 февраля в Харькове были собраны представители больничных касс города, создавших страховую группу. Эта конференция постановила открыть санатории для больных туберкулезом рабочих — в частности, в загородном ресторане «Версаль». Данный опыт распространился и на другие города региона. Санатории для рабочих решено было открыть в Мариуполе и на Святых горах. Кроме того, под эгидой наркомата труда ДКР состоялась муниципализация аптек всей республики, что якобы привело к большей доступности лекарств для населения[581] — во всяком случае, газеты того периода, жалуясь на нехватку продовольствия или керосина, никогда не жаловались на дефицит лекарств.

Нельзя сказать, что наркомату труда Донецкой республики удалось многое сделать — все-таки львиную долю его начинаний реализовать не успели. Однако можно констатировать, что за столь короткий период деятельности наркомата был реализован ряд очень серьезных социальных реформ. А некоторыми плодами этих реформ (в частности, 8-часовым рабочим днем и ежемесячными отпусками) жители данного региона продолжают пользоваться и ныне. И еще неизвестно, долго ли у них будет сохраняться такая возможность.

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

Примерно треть декларации о деятельности правительства ДКР, принятой сразу после его сформирования, была посвящена образованию. Документ гласил: «Совет Народных Комиссаров, возлагая главную работу по народному просвещению на рабочие культурно-просветительские организации, приступит

к учреждению Советов народного образования, к широкой постановке внешкольного образования и дошкольного воспитания и в первую очередь к созданию обширных колоний для детей трудовой бедноты, к введению всеобщего бесплатного обучения и переустройству школы на началах однотипности трудового принципа самоуправления учащихся и политехнического образования»[582].

Ответственность за это направление работы была возложена на наркомат народного просвещения Донецкой республики, возглавляемый Михаилом Жаковым. Тот буквально на следующий день после опубликования вышеназванной декларации публично обратился к представителям культурно-просветительских, об-

Жаков Михаил Петрович

Родился в 1893 г. Большевик с 1911 г. Историк. Профессор.

Биография этого наркома ДКР наименее всего изучена. В Интернете даже гуляет байка о том, что Жаков являлся «родственником Ленина» (авторы легенды явно перепутали наркома с дальним родственником Ильича, который ныне является священнослужителем в России). Некоторые мемуаристы называли его «ростовским рабочим». При этом, судя по его деятельности, Жаков был одним из самых образованных деятелей ДКР. Выпускник Института Красной профессуры.

Вся его публичная деятельность связана с другим наркомом ДКР — Семеном Васильченко. Известно, что в 1915 г. они вдвоем, отбывая ссылку в Иркутске (Жаков служил в городской лаборатории), создали подпольный «Союз сибирских рабочих» и нелегально выпустили два номера газеты «Пролетарий», за что вскоре были арестованы и находились в иркутской тюрьме вплоть до Февральской революции.

Осенью 1917 г. Жаков уже является одним из лидеров большевиков Ростова, настаивает на объединении Донской области с Донкривбассом, вместе с Васильченко издает на Дону газету «Наше знамя». Являлся делегатом II Всероссийского съезда Советов, провозгласившего победу Октябрьской революции. Ему приписывают фразу, сказанную осенью 1917 г.: «Мы утопим в крови Каледина, если он пойдет на Ростов!» Однако бежать из Ростова пришлось Жакову, который с Васильченко прибыл в Харьков. В 1918 г. — один из редакторов «Донецкого пролетария», нарком просвещения ДКР. В марте вместе с Васильченко и Филовым вышел из Совнаркома, протестуя против идеи вхождения ДКР в состав Украины.

В конце 1918 г. уже появляется в Казани (был секретарем райкома и губкома). С 1921 г. — в Ростове, служил в обкоме. С 1922 г. (с перерывами, вызванными арестами) — на преподавательской работе в Институте истории Комакадемии, автор воспоминаний о революции, книг по доклассовой истории (например, «Отражение феодализма в Мэн-цзы»).

В 1928 г. был исключен из партии за троцкизм, восстановлен в партии и в институте в 1929 г. после личного приема у Сталина. Расстрелян в 1936 г. как «матерый троцкист», «террорист» и «критик теории Энгельса о происхождении первобытного общества».

Наброски структур наркомата просвещения, сделанные наркомом М. Жаковым

щественных, профсоюзных организаций и партий с призывом собраться 21 февраля на «совещание по организационным вопросам в деле народного просвещения»[583].

Уже на IV областном съезде Жаков собственноручно набросал несколько вариантов схем структуры наркомата (эти черновики сохранились в архивах).[584] На заседании областного комитета ДКР 18 февраля предложенная Жаковым структура была утверждена. При наркомате создавалась областная комиссия по народному образованию, которая состояла из ряда отделов, включая отделы внешкольного и дошкольного образования.[585]

19 февраля нарком просвещения освободил от занимаемой должности попечителя Харьковского учебного округа профессора Ивана Красуского, взяв его обязанности на себя[586] (злая ирония судьбы: в конечном итоге коммунист Жаков и кадет Красуский были расстреляны примерно в одно и то же время). А 9 марта Жаков опубликовал обширную инструкцию местным комиссарам и комиссиям народного просвещения. Этой инструкцией под страхом трибунала он запрещал вмешательство представителей городских дум или земских учреждений в работу комиссаров образования, назначенных местными советами. Комиссары по делам образования наделялись широкими полномочиями для решения текущих проблем, связанных с функционированием учебных заведений и финансированием их деятельности.

«Надо действовать быстро и решительно, в большом масштабе, — указывал в инструкции Жаков. — Необходимо совещаться с учителями и вовлекать их самих в работу. Однако полагаться исключительно на организованность и революционность работников в деле народного просвещения, к сожалению, не приходится большей частью даже в области отстаивания их собственных нужд. Учителя должны быть настолько же обеспечены, как и другие интеллигентные работники. Их свободное время нужно использовать для культурной работы в широких массах, а не для растраты последних сил на частные уроки из-за куска хлеба»[587].

Главной проблемой наркомата, как и во все времена, была постоянная нехватка средств, выделяемых на образование. 15 марта 1918 г. Совнарком ДКР перечислил ведомству Жакова 200 тыс. рублей, чего было недостаточно. Поэтому содержание учебных заведений частично покрывали местные советы — кто как умел. К примеру, Екатеринославский совет для содержания школ ввел дополнительный налог на рестораны — по 20% с каждого счета клиента. На ряде крупных заводов рабочие договорились отчислять по 0,5—1% своей зарплаты на содержание школ и дошкольных заведений.[588]

Из-за проблем, связанных с содержанием и отоплением школ, Жаков 22 февраля был вынужден издать приказ о сокращении учебного года хотя бы для выпускников: «Ввиду создавшихся тяжелых экономических условий, полной непродуктивности занятий в настоящее тяжелое время и нужды в интеллигентных силах предписываю педагогическим советам закончить занятия в выпускных классах... и выдать полные аттестаты по образцу прошлого года не позже 14 марта сего года»[589].

Но вместе с тем власти ДКР боролись против попыток закрывать школы на местах. Исполком Екатеринославского совета 25 февраля принял постановление, в котором предупреждал, что закрытие школ «будет считаться саботажем» и пригрозил виновных «наказать со всей суровостью законно революционного времени»[590].

Как бы тяжело ни было в тот период, но находилась возможность открывать новые школы. Так, была открыта школа на Сорокинском руднике, поначалу располагавшаяся в бараке, открылась средняя школа в селе Кабанское Купянского уезда.[591]

В те дни по всей России велась дискуссия по поводу того, какой должна быть новая «пролетарская» школа. Конечно, образование виделось бесплатным, что и было закреплено в Донецкой республике. Но из столицы России ставилась задача «смести буржуазную школу со всеми ее формами, содержанием, с ее учебниками и буржуазным преподавательским персоналом», «создать истинную народную школу, которая воспитала бы не сторонников и заступников капитала, не прислужников буржуазии, не рабов ее, а сознательных социалистов-интернационалистов». С этой целью в школах России и, само собой, Донецкой республики отменялись телесные наказания, а заодно с ними отменялись и домашние задания. Это объяснялось так: «Учителя должны вести более разумную и интенсивную работу в классе, что устранит перегруженность учеников работой и откроет им возможность

к постепенному и, главное, своевременному самоопределению. Задавание уроков на дом не дает простора и свободы выбора детскому развитию»[592].

Правда, Жаков, соглашаясь с установками из центра о ненужности домашних заданий, все-таки более демократично выносил окончательное решение данного вопроса на усмотрение педсоветов, призывая их в марте: «Ввиду наступления весны, когда здоровый воздух особенно действует на детей, укрепляя их силы, с одной стороны, и ввиду всех обстоятельств военного и революционного времени, тяжело отражающихся на здоровье и состоянии духа детей, с другой, — прошу педагогические советы обсудить вопрос о возможности хотя бы в младших классах всех учебных заведений установить порядок прохождения курса только в классе, без задавания уроков на дом»[593].

Что не подлежало обсуждению, так это отмена преподавания иностранных языков в начальных школах и полное прекращение преподавания латыни. В некоторых районах Донецкой республики творчество местных представителей власти пошло еще дальше — так, комиссар образования Изюмского совета предложил педсовету местной гимназии прекратить преподавание истории, поскольку учитель, по его мнению, «неверно освещал события и тем воспитывал молодежь в антипролетарском духе»[594]. Справедливости ради надо заметить, что Жаков подобные инициативы не поддерживал и осуждал.

А вот против появления в школах прообраза будущих политинформаций нарком не возражал. 22 февраля 1918 г. культурно-образовательная комиссия Екатеринославского совета постановила: «Ввести в последних классах мужских и женских средних учебных заведений политические собеседования по 1 часу в неделю»[595]. Правда, сомнительно, что данное начинание удалось выполнять с подобной регулярностью — вряд ли учителя гимназий были настолько «политически подкованы», чтобы по часу объяснять учащимся преимущества социализма над царизмом, а у большевиков вряд ли хватало ресурсов для того, чтобы раз в неделю охватывать своими лекторами все школы Екатеринослава.

Очень толерантно власти ДКР относились к языку обучения в школах. Современный украинский историк Олег Поплавский довольно категорично утверждает: «Острые споры велись на протяжении непродолжительного периода существования Донецко-Криворожской республики вокруг использования украинского языка в государственном строительстве». Правда, историк не

уточняет источников для столь смелого утверждения. Все, что он приводит в подтверждение своих слов о «негативном отношении большевистской верхушки республики к развитию украинского языка», являются слова В. Затонского (который, кстати, принадлежал к «верхушке» Цикуки, а вовсе не ДКР): «В Украинской республике, которая действительно стала народной, все национальности имеют одинаковые права. Государственный язык уничтожается. Каждый имеет право пользоваться тем языком, который он считает лучшим»[596]. Но дело в том, что в этой тираде, которая, по мнению Поплавского, должна служить подтверждением его тезиса о негативном отношении к украинскому языку в ДКР, содержится, скорее, противоположная мысль. Ведь государственным языком в России был русский! Соответственно, Затонский говорил об уничтожении государственности русского языка, а не украинского.

На самом деле, все документы показывают, что никакой особой дискуссии в «верхушке» ДКР по поводу украинского языка не было. Ведь не считать же «дискуссией» на языковую тему слова Магидова о том, что большевикам надо «читать газеты и... говорить не латинским языком, а русским о назревании забастовки на заводе»[597]. Против насильственной украинизации школ еще в ноябре 1917 г. высказался Артем, который на пленуме обкома Донецко-Криворожского бассейна указал на призывы (даже не действия!) сторонников Центральной Рады: «В целом ряде случаев в Екатеринославской губернии хотят насильственно украинизировать школу, несмотря на протесты родителей». При этом он разъяснил, что вовсе не против открытия украинских или каких бы то ни было иных школ: «Мы за то, чтобы всякой группе, желающей учить детей на определенном языке, была дана школа. Но мы против царской политики отнятия школ». И этот подход, кстати, не вызывал особых дискуссий не только среди «большевистской верхушки», но и среди иных политических партий региона.[598]

Наоборот, в Донецкой республике разрешили открывать школы на любом языке. И никаких протестов Жакова или его ведомства против открытия в селах Харьковской губернии украинских школ зафиксировано не было. Другое дело, что быстрая украинизация земских школ, как отмечала местная пресса, «оказалась делом не легким, главным образом потому, что на рынке не оказалось учебных руководств на украинском языке, которые вполне удовлетворили бы учащихся». Ну, так их не было на тот момент и в природе, этих «учебных руководств»[599].

И тем не менее, украинские школы или классы в Донецкой республике открывались по первому требованию родителей и уездных земств. В конце февраля 1918 г. только в Богодуховском уезде преподавание на украинском языке велось в 25 школах, а в Харькове впервые была открыта гимназия с украинским языком обучения.[600] Единственный принцип, который исповедовало руководство ДКР в отношении выбора языка школ и учебных заведений, — это отсутствие насилия над учениками и их родителями, вольных выбирать между различными языками. И какие бы то ни было дискуссии по этому поводу в исторических источниках не обнаружены. Скорее всего, Поплавский решил вставить сей пассаж, исходя из тех штампов, которые последние годы активно насаждаются в украинской исторической и политической литературе: большевики (они же «москали») обязательно должны были не любить украинский язык и бороться против него. Факты же свидетельствуют о том, что в языковом вопросе большевики образца 1917—1919 гг. проявляли куда больше толерантности, чем УНР или Деникин. Что не помешало им в 1920-е начать дикую украинизацию.

Несмотря на короткий срок работы наркомпроса ДКР, тот развернул довольно широкую деятельность по ликвидации неграмотности среди взрослого населения — как отмечалось выше, в крупных городах региона до 1914 г. ситуация была не столь катастрофична, как в селе. Однако в ходе Первой мировой войны и революций на шахтах и заводах появилось немало новых выходцев из деревни, из-за чего процент грамотности снизился и в городах.

Руководство Донецкой республики считало для себя делом чести организацию курсов и школ для рабочих и крестьян. Жаков определял задачи наркомата так: «Взяться немедленно же за борьбу с безграмотностью и невежеством взрослого населения... Надо организовать интеллигентную молодежь для такой подготовки, а пока открывать бесплатные вечерние школы и курсы». К концу февраля только в Харькове было открыто больше 20 учебных заведений, в которых грамоте обучалось около 2 тыс. граждан старше 18 лет. По инициативе властей республики даже был создан Союз учащихся средних учебных заведений для взрослых. 28 февраля в Харькове открылись двухмесячные курсы по организации обучения взрослого населения, на которых обучались 87 человек. В Краматорске, Луганске, Юзовке, Дружковке, Ахтырке и других городах бассейна открылись народные университеты и рабочие клубы.[601]

В своей инструкции учителям Жаков признавал: «В области дошкольного воспитания и помощи детям, принимая во внимание отсутствие средств и подготовленного персонала, сейчас вряд ли придется говорить о правильной постановке яслей, приютов, мастерских, школ, детских клубов, площадок и садов в широком масштабе, а между тем безработица и голод требуют именно широкого масштаба». В этой связи он рекомендовал «обратить внимание на широкое развитие детских летних колоний, хотя бы для самых несчастных детей, реквизируя для этой цели дачи, особняки, занимая расположенные в хорошей местности казармы»[602].

Вместе с тем, в отдельных районах республики нашли возможность открывать и новые детские сады. Так, в Харькове был открыт первый пролетарский детсад. В Мариуполе местный совет выделил на это 12 375 рублей, благодаря чему было открыто 4 садика. В Берестово-Богодуховском подрайоне Донбасса был открыт детский клуб. По сути, закладывалась новая система дошкольного образования в крае.[603]

Даже современные критики Донецкой республики, оценивая ее деятельность в образовательно-культурной сфере, вынуждены признать: «За короткое время ее существования, невзирая на огромные трудности, была проведена значительная работа в этом направлении. В частности, ликвидирована старая и начато создание новой системы образования, открыт доступ населения региона к нетленным сокровищам духовности и культуры»[604].

Что не должно было обсуждаться, так это отделение школы от церкви и запрет на преподавание Закона Божьего — этот вопрос был оговорен специальным декретом Всероссийского Совнаркома от 21 января 1918 г., а потому имел силу закона. Старая школа осуждалась за «использование религии в направлении порабощения духа ребенка». 26 февраля наркомат Жакова во исполнение Всероссийского декрета запретил преподавание религиозного вероучения в учебных заведениях всех видов и велел уволить всех его учителей. В противном случае нарком грозил лишить финансирования те школы, где данное решение не будет выполнено.[605]

Однако, вопреки воле большевиков, этот вопрос как раз вызвал бурную дискуссию и в обществе, и в учительской среде. Если по поводу изъятия латыни из программ обучения никто в ДКР особенно не возмущался, то «антирелигиозное» распоряжение Жакова представители учеников и учителей Харькова в конце марта подвергли осуждению, приняв следующую ре-

золюцию: «В согласии с родительскими комитетами собрание делегатов средних учебных заведений г. Харькова заявляет, что, ввиду высокого значения Закона Божия в системе среднего образования, возможность устранения его из школы совершенно исключается... Собрание находит совершение в стенах школы религиозных обрядов и богослужений, при отсутствии элементов принудительности, вполне уместным... В применении к данному моменту делегатское собрание полагает, что преподавание Закона Божия до конца текущего учебного года, во всяком случае, продолжится, и вознаграждение законоучителям будет выдаваться на прежних основаниях»[606]. Редкий случай непослушания распоряжениям наркомпроса ДКР со стороны учительских коллективов. Учитывая, что через полторы недели после этого решения в Харьков вступили немцы, вряд ли Жаков успел отреагировать каким бы то ни было образом на сей демарш.

Отношения с церковью у властей ДКР были натянутыми. Большевики учитывали тот факт, что православная церковь, несмотря на постоянную ее критику в прессе, сохраняла серьезное влияние на общественное мнение, которым ленинцы тогда дорожили, а потому старались не нападать на нее открыто. К февралю 1917 г. только в Харьковской епархии насчитывалось 1063 церкви и 12 монастырей.[607]

Главным камнем преткновения был вопрос, связанный с постоянной посылкой в различные монастыри сирых и убогих

Покровский мужской монастырь в Харькове

со всей республики. В архивах сохранилось немало записок наркома по делам управления С. Васильченко о том, что тот или иной монастырь обязан принять, обустроить, накормить очередную партию нищих просителей. Понятно, возможности монастырей по приему этой категории лиц тоже были ограничены. В конце концов, в 20-х числах марта Покровский мужской монастырь отказал в приеме очередного бедняка, присланного Васильченко (тот написал, что этим бедняком был «солдат-инвалид, лишенный всяких средств к существованию и осужденный на голод»).

В итоге Васильченко направил в монастырь комиссию, которая якобы выявила следующее: «В специальных помещениях Покровского монастыря находится: 10 выездных лошадей с упряжью, 7 карет, из которых две находятся в употреблении, остальные стоят в сарае, 4 легких экипажа. Монахи занимают в разных корпусах кельи. Часть келий заняты посторонними. Казначей занимает две комнаты, настоятель 4 комнаты, епископ 3 комнаты. Всего в монастырях с прислугой и посторонними оказалось 60 человек. Между тем, из опроса братии выяснилось, что продуктов первой необходимости по карточкам берется в монастырь на 90 человек».

На следующий день аналогичный отчет поступил из другого харьковского монастыря — Куряжского. Там Семена Васильченко возмутило обилие самоваров (на каждого инока по самовару и к тому же 52 «свободных» самовара в амбаре). И на этом основании нарком ДКР постановил закрыть Покровский православный монастырь, переведя его монахов в Куряжский монастырь, лошадей и экипажи «отобрать в собственность республики», а помещения Покровского монастыря «обратить на нужды комиссариата просвещения и создание детского питомника». Не повезло и монахам Куряжского монастыря, у которых Васильченко повелел изъять 80 самоваров «и раздать их по школам, где введены завтраки для детей или в народные чайные». Все это Васильченко велел исполнить коменданту города большевику П. Кину.[608]

28 марта в Покровском монастыре собралась многолюдная толпа верующих из различных приходов Харькова. Епископ Неофит (Следников), зачитавший указ наркома, выступил с пространной речью о значении монастыря для края и указал, в частности, что именно здесь хранится главная святыня Харькова — Озерянская икона Божией Матери. Священник поведал публике, что к нему уже приходили от коменданта Кина люди, которые потребовали в течение ближайшего времени переселить

Озерянская икона Божией Матери

монахов в другое место. Кроме того, монахи пояснили, что действительно получают продуктовых карточек больше в связи с тем, что используют их для кормления постояльцев монастырской гостиницы. Митинг выбрал делегацию из представителей от каждого прихода, которой было поручено идти просить «этих жестоких людей» отменить распоряжение Васильченко. Как писала пресса, «речи ораторов прерывались плачем многочисленного народа». Кроме того, публике сообщили, что в Куряжском монастыре была отбита попытка реквизиции самоваров — якобы 27 марта «в монастыре ударили в набат, собралась толпа окрестных крестьян, которая не дала возможности осуществить реквизицию».

29 марта толпа верующих взяла Покровский монастырь в осаду. Как обычно, крайними сделали евреев, не имевших отношения к распоряжению Васильченко. Как писала газета «Возрождение», «не обошлось без эксцессов: толпой был избит неизвестный, в речах коего были усмотрены выпады против церкви». А чуть позже «толпой были избиты двое неизвестных, случайно проходивших мимо монастыря». На следующий день по поводу этих избиений харьковский «Бунд» сделал заявление в областном совете: «В связи с декретом т. Васильченко о выселении монахов из Покровского монастыря ведется антисемитская пропаганда. Двух евреев избили. Нужно принять меры к разъяснению декрета»[609].

В связи с этими эксцессами в два часа дня к монастырю прибыл отряд матросов во главе с неким Симушкиным. Вот как трогательно описывала общение матроса с верующими пресса:

«Отряд был встречен толпой враждебно. Женщины, среди которых было много интеллигентных дам, начали упрекать Симушкина и рвать его платье. Симушкин заявил, что отряд будет защищать население от эксцессов черни и относится с уважением к религиозным чувствам народа. Толпа успокоилась».

Вскоре к монастырю прибыл руководитель боевого отряда милиции Харькова Санович, который с митрополичьего балкона заявил: «Даю вам слово, что реквизиция будет отменена: ни одна чаша не будет вынесена, ни одна лошадь не будет уведена». Настроение толпы по отношению к большевикам сразу переменилось: «Толпа устроила отряду овации. Женщины плакали, падали на колени и целовали матросам руки. Какой-то седовласый священник поклонился матросам в пояс»[610].

31 марта наместник Покровского монастыря архимандрит Рафаил лично поблагодарил Сановича и Симушкина за «защиту монастыря и успокоение взволнованной толпы». Санович заверил, что «всегда будет защищать народные святыни от всяких поползновений черни»[611]. Собственно, на этом история с самой громкой попыткой реквизиции церковного имущества в Донецкой республике завершилась. Покровский монастырь был оставлен в покое.

Не выступали большевики ДКР и против религиозных праздников. Официально республика их не отмечала, но и не препятствовала обрядам и праздникам верующих. Зато активно обсуждались вопросы о новых светских праздниках. Например, на заседании областного исполкома Советов 18 февраля было предложено объявить всеобщим праздником следующий день — годовщину освобождения крестьян от крепостного права. Однако члены исполкома «ввиду исключительности момента и необходимости для страны фабрикатов производства, высказались против этого праздника»[612].

Единственным праздником, который успели отметить в Донецкой республике, была годовщина Февральской революции — тогда ее даже большевики не называли буржуазной, считая очень даже социалистической и называя «важной вехой в истории России». Вторник 12 марта был объявлен выходным днем, даже несмотря на то, что стране необходимы были «фабрикаты производства», а исполком

ЗЕМЛЯ и ВОЛЯ
СЕГОДНЯ-ПРАЗДНИК РЕВОЛЮЦИИ!

Харьковского совета строго-настрого велел всем предприятиям и учреждениям: «Занятия и работы производиться не должны». Вместо этого различные партии решили проявить солидарность и устроить сразу четыре объединенных митинга в одном только Харькове — в Коммерческом клубе, в театре «Муссури», в Рабочем доме и в Народном доме. Такое единение харьковских большевиков, меньшевиков, анархистов и эсеров не демонстрировалось ни до, ни после этого праздника.[613]

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО — ЦЕНЗУРА

В иных вопросах расхождений было куда больше. Партийная пресса Харькова того периода вовсю поливала грязью представителей конкурирующих партий, почему и представляет сейчас собой ценнейший и довольно-таки объективный источник для изучения истории края — сравнив описание одного и того же события, представленное в различных газетах, можно более или менее правдоподобно восстановить картину происходившего. Для ситуации в России начала 1918 года в прессе Донецкой республики царили относительная свобода слова и плюрализм.

Как Антонов-Овсеенко ни требовал от местных большевиков закрытия оппозиционных газет, вплоть до середины марта 1918 г. по цензурным соображениям в Харькове закрыт был «Южный край» — причем задолго до создания Донецкой республики. Однако по мере продвижения Антонова в Донбассе им закрывались газеты на местах — к примеру, в Юзовке в январе 1918 г. была закрыта газета предпринимателя Альтшулера «Донецкая мысль». Во время краткого пребывания в Харькове Антонова и Цикуки также были задекларированы солидные ограничения свобод. Особенно постарались упомянутые выше комендант Войцеховский и Эрде, который фактически дистанцировался от местных большевиков и, выйдя из редколлегии «Донецкого пролетария», стал сотрудничать с ЦИК Украины и комендатурой Антонова-Овсеенко. 25 января Эрде объявил в вестнике Цикуки: «Предварительный осмотр изданий, выходящих в гор. Харькове, как периодических, так и не периодических, равно афиш и воззваний и т. п. — мною не производится. Вместе с тем предупреждаю граждан — владельцев типографий, заведующих и прочих работников печатного дела, что в случае выполнения ими заказов, явно вредящих интересам революции, вроде при-

зывов к неподчинению Советской власти и проч. — они будут мною привлекаться к революционно-судебной ответственности наравне со сдатчиками заказов и авторами контрреволюционных воззваний»[614].

По инерции Эрде подписывал некоторые постановления и приказы в качестве комиссара по делам печати города Харькова и после провозглашения ДКР, однако роль и функции его в этой должности с отъездом Войцеховского и отменой чрезвычайного положения выглядели несколько туманными.

К моменту создания ДКР в Харькове приказом Главного штаба по борьбе с контрреволюцией были запрещены политические митинги и даже крестные ходы. Однако уже через неделю-две после областного съезда проводились и митинги, и церковные шествия. На одном из первых заседаний областного исполкома ДКР 18 февраля Рубинштейном был поднят вопрос о введении цензуры в связи с запретом со стороны комиссара по делам печати публиковать некое воззвание к рабочим. Председательствующий на собрании большевик Сергей Буздалин заявил в этой связи: «У нас существует самая широкая свобода слова и печати, но мы не должны допустить свободы клеветы и погромной агитации». Когда же зачитали текст запрещенной листовки, которая, как выяснилось, была подписана некой несуществующей конференцией, ее содержание без особых возражений было признано «грубым и погромным», а действия Эрде решено было одобрить.[615]

Очередное решение местного цензора также вызвало немало споров, поскольку в значительной степени подрывало финансовое благополучие газет, издававшихся в Харькове. С 15 февраля в столице ДКР начал выходить официальный орган Харьковского совета и обкома ДКР газета «Известия Юга». Решением местных властей от 24 января (опять-таки принятого до провозглашения Донецкой республики) официоз монополизировал всю газетную рекламу в Харькове.[616]

ИЗВЕСТИЯ ЮГА
ЕЖЕДНЕВНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

На партийных газетах, которые финансировались политическими организациями, это не сильно отразилось (тем более, что объявления партийных и общественных структур можно было помещать и дальше), а общественно-политическим изданиям, не связанным с партиями, конечно, пришлось потуже. При этом

«Известия Юга», редакцию которых возглавили наркомы ДКР Васильченко, Жаков и Филов, стали одним из основных печатных органов Донецкой республики — наряду с «Донецким пролетарием».

Еще одно одиозное постановление Эрде, касавшееся Харькова, было опубликовано в «Вестнике УНР» (издавался Цикукой) 27 января, то есть в день открытия IV областного съезда Советов. Комиссар по делам печати предписывал продавцам газет «продавать издания, стоящие на точке зрения активной поддержки Советской власти, по номинальной, означенной на сих изданиях, цене». При этом к постановлению давалось примечание: «Издания буржуазной и лжесоциалистической печати, как предмет роскоши, нормировке не подлежат». Критерии, по которым продавцы должны были разграничивать «социалистическую» и «лжесоциалистическую» печать, Эрде не приводил.

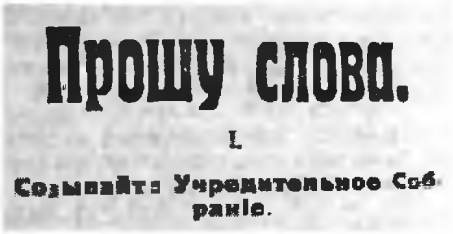
В том же документе харьковский комиссар запрещал в городе продажу... детективов: «Со дня опубликования настоящего постановления воспрещаю в Харькове продажу и распространение «сыщицкой» литературы. Владельцы изданий подобной «литературы» обязуются немедленно доставить мне точные сведения об имеющемся у них количестве экземпляров этих изданий». Виновным в неисполнении приказа Эрде грозил трибуналом. Правда, комиссар сделал послабления для автора «Шерлока Холмса»: «Изъятию из настоящего постановления подлежат произведения таких литераторов, как, например, Конан Дойль»[617]. Опять-таки автор сего уникального документа, составленного в стиле коменданта Войцеховского, решил не утруждать себя пояснением, кто из детективов, по его мнению, вместе с автором «Холмса» все-таки достоин продаваться в городе.

Казалось бы, и без того веселый документ, чтобы его можно было цитировать сегодня. Но современным украинским критикам ДКР и этого недостаточно. Они умудряются исказить даже этот документ, легким маневром меняя фразу первоисточника. В книге «Нарис історії журналістики Харківської губернії», изданной в 2007 г., последняя фраза из документа приводится так: «Изъятию согласно этому постановлению подлежат произведения таких литераторов, как, например, Конан-Дойль». «Комментарии, как говорится, излишни, — восклицает автор книги и тут же эмоционально комментирует: — Верите ли вы, харьковчане, которые читают эти строки, что в XX веке в нашем городе были запрещены книжки сэра Артура Конан-Дойля

о Шерлоке Холмсе?»[618] Ну, что тут можно сказать? Разве что: если не верили, то и не верьте. Достаточно сравнить оригинал и слегка искаженную цитату, чтобы понять, как достигаются манипуляции. К сожалению, приходится констатировать, что подобные, на первый взгляд, незначительные искажения и подтасовки, из которых потом делаются столь глобальные выводы, — это обычное дело для украинской исторической литературы последнего десятилетия.

Справедливости ради надо заметить, что столь бурная деятельность Эрде в качестве комиссара печати города Харькова сошла на нет практически сразу после провозглашения ДКР. После того как комендант Войцеховский был удален из города, а власти Донецкой республики ликвидировали многовластие, фамилия борца с детективами не фигурирует в официальной хронике, а его распоряжения дезавуируются наряду со всеми постановлениями «военного времени». Оппозиционная пресса в ДКР выходила регулярно, очень активно критиковала руководителей республики и дискутировала с официальной печатью.

Так продолжалось до начала весны, когда возник скандал вокруг меньшевистской газеты «Наш Юг». Он начался 5 марта, когда газета опубликовала статью лидера харьковских меньшевиков Сана-Девдариани «Прошу слова» с довольно-таки провокационными призывами. Судя по всему, редакция газеты понимала это, поскольку снабдила статью следующей припиской: «Редакция не в полном составе согласна с точкой зрения автора и полагает, что этот вопрос подлежит дальнейшему обсуждению на страницах газеты». С учетом того, что речь шла о статье лидера партии, издававшей газету, комментарий был беспрецедентным.

Прошу слова.

I.

Созывайте Учредительное Собрание.

Заголовок статьи, вызвавшей закрытие «Нашего Юга»

В этой статье Сан провозглашал: «Да, Учредительное собрание есть самое отрицание большевистской диктатуры. Это вызов на бой, это политическая борьба, которая может и должна привести уже не к соглашению, а к свержению власти. Я отдаю себе ясный отчет в том, что я говорю. Надо идти в массы и говорить им: свергайте ту власть, которая готова принять немедлен-

ный и архитяжкий мир (слова Ленина) с германскими империалистами и которая не принимает никаких условий соглашения с Российской демократией». Правда, тут же Сан смягчил тон, поясняя: «Свергайте — это не значит, разумеется, призывать сейчас же к вооруженному восстанию. Это значит только вести идейную, политическую агитацию в известном направлении. Это значит поставить своей задачей изолировать большевистскую власть»[619].

Стоит обратить внимание на то, что статья появилась именно в день, когда Харьков вновь был объявлен на военном положении — за четыре дня до этого немцы взяли Киев и уже приближались к границам Донецкой республики. Город был охвачен паникой в связи со множеством слухов о наступлении германцев. В этой обстановке такой недвусмысленный призыв к свержению власти вынуждал представителей этой самой власти к жесткому реагированию. 7 марта следственная комиссия при Революционном трибунале постановила закрыть газету «Наш Юг» до разрешения дела в суде. Редакции газеты в связи со статьей Сана официально вменялся в вину «призыв к вооруженному восстанию против советской власти и к саботажу деятельности правительственных органов». Довольно спорное определение, учитывая пояснение Сана о том, что он как раз не призывал к вооруженному восстанию.[620]

Редакция ходатайствовала о том, чтобы газета продолжала выходить вплоть до решения суда (и кстати, была поддержана в этом ходатайстве Харьковским советом). Однако следственная комиссия трибунала под руководством наркома юстиции Филова отклонила это ходатайство. В тот же день, 7 марта, состоялось заседание областного комитета ДКР, на котором эсеры и меньшевики попытались оспорить запрет на выход газеты, упирая на процедурные вопросы. Большевики, кстати, признали некоторое нарушение процедуры, но Межлаук заявил по этому поводу, «что нет надобности останавливаться на формальностях». Меньшевикам было отказано в праве издавать газету под другим названием, а вопрос о запрете был направлен на доследование и снят с рассмотрения обкомом.[621]

«Наш Юг» возобновил свое издание сразу после прихода германской армии (и кстати, уже не вменял в вину большевикам согласие на «архитяжкий мир» с немцами), но просуществовал недолго — оккупационными властями он был закрыт уже без особых церемоний и дискуссий в органах власти. Так что можно судить, при какой власти плюрализма было больше.

Попытались местные власти Харькова ввести предварительную цензуру и в кинематографе. Правда, техническое оснащение цензоров, по-видимому, не позволяло просматривать сами фильмы. Поэтому новый комиссар города по делам печати Николай Мазанов издал распоряжение: «Настоящим предлагаю заведывающим кинематографов, театров и т. п. зрелищ доставлять для просмотра в комиссариат по делам печати копии всех выставляемых для демонстрирования публики плакатов и рисунков». Этого, по мнению цензора, было достаточно для проверки благонадежности фильмов. Однако это распоряжение вышло 23 марта, за две недели до прихода немцев, поэтому вряд ли имело последствия.[622]

Кстати, стоит отметить, что, несмотря на войны и разруху, столица Донецкой республики продолжала жить довольно насыщенной культурной жизнью. Многочисленные труппы харьковских театров организовывали представления на самых разных языках. Так, Украинский национальный театр на Жандармской площади ставил в феврале пьесу «Каторжна» по Борису Гринченко, еврейская труппа Малого театра проводила Пурим-вечера «Шуламис в 1918 году», театр Новаченко на углу Благовещенской и Дмитриевской улиц демонстрировал пьесу Александра Островского «Без вины виноватые». Харьков жил своей жизнью.[623]

Хит сезона: фильм с участием Троцкого

Правда, политика тогда вторгалась во все сферы, в том числе в культурную жизнь. К примеру, в кинотеатре «Ампир» (лучший кинематограф города, находившийся на Сумской, 5) самым популярным в те дни был фильм «Мирные переговоры в Брест-Литовске во главе с тов. Троцким»[624]. Что делать, в условиях отсутствия телевидения кинематографы были для населения не просто местом отдыха, но и источником получения политических новостей.

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ

Пожалуй, главной проблемой, которая заботила жителей Донецкой республики (как, собственно, и подавляющего большинства России) больше, чем поиск хлеба насущного, политические дрязги и даже наступление немцев, был неимоверный рост преступности, захлестнувшей страну. Эта проблема возникла сразу после февраля 1917 года, когда либеральная российская интеллигенция, пришедшая к власти в Петрограде, не нашла ничего лучшего, как просто взять и вовсе отменить полицию. «Упразднение полиции, — пишет генерал Деникин, — в самый разгар народных волнений, когда значительно усилилась общая преступность и падали гарантии, обеспечивающие общественную и имущественную безопасность граждан, являлось прямым бедствием... Весь этот аппарат и сопряженная с ним деятельность — охраняющая, регулирующая, распорядительная, принуждающая — были изъяты из жизни и оставили в ней пустое место. Созданная взамен милиция была даже не суррогатом полиции, а ее карикатурой»[625].

Многие преступники, выдаваемые за «политических узников царского режима», хлынули на улицы. Криминальная обстановка особенно ухудшалась в связи с возвращением с фронта деморализованных, опустошенных, лишенных средств к пропитанию, но при этом вооруженных солдат и дезертиров. Большая их часть прибывала в крупные тыловые города, к каковым относился и Харьков.

В качестве иллюстрации «уголовного террора», охватившего Харьков уже к весне 1917 г., Фридгут привел более чем красочный пример с ограблением не кого-то там, а самого Ивана Тулякова, которого Временное правительство назначило комиссаром Харьковской губернии. Высокопоставленный чин буквально на следующее утро после прибытия в Харьков обнаружил, что ночью у него из гостиничного номера похитили 200 рублей и револьвер. В те же дни в харьковских тюрьмах начались бунты уголовных преступников, требовавших освобождения наряду с политзаключенными.[626]

В наши дни модно живописать ужасы террора, развязанного большевиками после октябрьского переворота 1917 г., однако надо признать: террор, бандитизм, расправы без суда и следствия, бесчинства толпы начались задолго до Октября. 24 августа 1917 г., к примеру, озверевшая толпа солдат буквально растерзала на станции Грязи князя Бориса Вяземского, либерала, благотво-

рителя, известного орнитолога и историка, вся вина которого заключалась в том, что он был князем. Чем дольше длилась разруха, тем больше черствели нравы. Самосуды, линчевания толпой, грабежи, налеты средь бела дня стали обыденным явлением для растерзанной России.

Обыватели тогда искали сильной руки, чтобы защитить свое имущество и жизни. Часть связывала свои надежды с генералом Корниловым, часть — с теми самыми большевиками, отличавшимися радикализмом не только в социальных лозунгах, но и в обещаниях побороть преступность. Однако, как верно подметил Теодор Фридгут, «анархия была сильнее большевистской централизации»[627].

К моменту появления Донецкой республики бандитизм был уже хорошо организован и структурирован в колоссальные по количеству группировки. Рубинштейн на заседании обкома 22 февраля 1918 г. заявлял о том, что «грабители располагают неограниченными запасами оружия и пользуются автомобилями для налетов на квартиры граждан»[628].

Белогвардейский генерал Б. Штейфон, в эти дни (еще будучи полковником) обитавший в Харькове, вспоминал, как легко можно было приобрести оружие любого типа, даже пушки: «Недостатка в оружии не было, ибо и приехавшие с фронта солдаты и солдаты местного гарнизона охотно продавали оружие — ружья, патроны, револьверы, ручные гранаты и даже пулеметы. Когда я узнал, что на вокзале находится проезжающий куда-то артиллерийский эшелон, любопытства ради я послал спросить артиллеристов: не продадут ли они орудие? Оказалось, что подобный вопрос никого не удивил и эшелонная солдатня лишь деловито осведомилась:

— А вам как требуется — с упряжкой (т. е. с лошадьми) или само орудие?

И за «само орудие» запросили по тысяче рублей, обещая в придачу и снаряды... Таким образом, оружие можно было легко и дешево приобрести в любом количестве»[629].

«Донецкий пролетарий» так описывал обстановку в столице ДКР: «В Харькове наглость грабителей дошла до невероятных пределов. Их дерзость увеличивается с каждым днем. Грабители сорганизовались, хорошо вооружены с ног до головы и совершают нападения не только на отдельных лиц, но и на дома, по заранее разработанному плану. Не проходит спокойно ни одной ночи. Раннее утро уже разносит печальную весть о новых грабежах и убийствах»[630].

Об экипировке харьковских бандитов того времени можно судить по описанию банды некоего Терешко, которая устроила 14 марта налет на губернскую продовольственную управу в центре города — на Губернаторской улице (ныне ул. Дарвина). В налете принимали участие до 40 человек, «вооруженных буквально с ног до головы: у каждого было по 5 наганов и вольтов, карманы набиты патронами и, сверх того, каждый имел 5 ручных бомб». Недаром современные харьковские газеты, описывая бандитские налеты 1918 г., пишут, что в столице ДКР «бушевали страсти, рядом с которыми сюжет самого крутого вестерна покажется комедийным»[631].

Несложно догадаться, что в таких условиях на наркомат юстиции, возглавлявшийся Виктором Филовым, и правоохранительные органы ДКР возлагались особые надежды. Сами харьковцы требовали более чем решительных и даже жестоких мер по отношению к грабителям. В то же время грубые действия Антонова-Овсеенко и Войцеховского, не утруждавших себя соблюдением юридических формальностей, встречали не меньший огонь критики, чем бездействие милиции. Филову надо было найти некий баланс между чрезвычайными мерами и законностью.

Однако для соблюдения законности нужно было руководствоваться хоть какими-то законами. Нарком по судебным делам оказался моментально завален запросами с мест по поводу того, чьи законы действуют на территории Донецкой республики — тогда ведь их штамповали и Центральная Рада, и Питер, и ЦИК Украины. В одном из первых своих распоряжений Филов четко и однозначно определил: «В пределах Донецкой Республики Советов действуют общероссийские законы... Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководствуются в своих решениях и приговорах законами свергнутого правительства лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Этот лаконичный ответ лишний раз подтверждает тот факт, что руководители ДКР не рассматривали Донецкую республику как отдельную государственную единицу, считая ее составной частью Российского государства. Ссылка же на «революционное правосознание» как ключевой элемент при вынесении судебных решений наверняка должна была повергнуть в шок опытных юристов. В этой связи Филов руководствовался декларацией о деятельности Сов-

наркома ДКР, которая объявляла: «Совет установит начала рабоче-крестьянского правопорядка во всех отношениях правосудия и управления, предоставив широкую инициативу в их отправлении самодеятельности самих трудящихся и эксплуатируемых масс народа»[632].

«Самодеятельность трудящихся» в реформе судебной системы проявилась в повсеместном создании в России так называемых «революционных трибуналов», в состав которых делегировались особо доверенные и уважаемые лица от Советов, чаще всего совершенно не знакомые с устройством судебной системы. Был создан подобный трибунал и в Харькове — еще в январе местный совет принял «Положение о революционном трибунале». Первое заседание такого трибунала состоялось 21 января 1918 г. и пред-

Филов Виктор Григорьевич

Родился 16 (28) сентября 1896 г. в Ростове-на-Дону. Большевик с апреля 1917 г. Журналист, литератор.

Фигура Виктора Филова, как и его ростовского соратника Жакова, была бы малоизвестна, если бы не воспоминания о нем и его семье известной писательницы Веры Пановой, которая начинала свое творчество, работая подчиненной у Филова в газете «Трудовой Дон» (Ростов). Она, кстати, приходилась родственницей Филову и, по ее же признанию, запечатлела его образ в «Сентиментальном романе» — Филов выступил прототипом одного из персонажей, редактора Дробышева: «Дробышев и в редакции редко сидит — ходит, разговаривая, по кабинету или стоит у стола, опершись на стул коленом... Деловитый, с быстрым взглядом, с повелительной посадкой головы. И речь у него быстрая и повелительная».

Окончил 2 курса юридического факультета. К осени 1917 г. входил в руководство большевиков Ростова, безуспешно организовывал его оборону от Каледина. Вместе с Васильченко перебрался в Харьков, где редактировал «Донецкий пролетарий», активно публиковался. В 1918 г. — нарком юстиции ДКР. В связи с несогласием обсуждать вопрос о присоединении ДКР к Украине вступил в публичный конфликт с руководством, за что был исключен из партии.

По словам Пановой, Филов («Дробышев») был в немецком плену. В 1920—1930-е годы возглавлял газету «Трудовой Дон» (затем — «Молот»), был заведующим орготдела краевого комитета партии. М. Шолохов жаловался лично Сталину по поводу излишней жесткости Филова (Шолохов называл его «подхалимом краевого масштаба») относительно крестьян Вешенской во время голода 1933 г. В то же время Каганович вменял Филову в вину недостаточную жесткость по отношению к виновникам «кулацкого саботажа». В 1934 г. избирался делегатом XVII съезда ВКП(б) от Азово-Черноморской организации. Затем был понижен в должностях, переведен в Москву.

Арестован в августе 1937 г. Расстрелян 23 октября 1938 г. в Воронеже за троцкизм и «диверсионно-вредительскую деятельность». Реабилитирован в июле 1956 года.

седательствовал на нем И. Межлаук, родной брат В. Межлаука, который через несколько дней стал наркомом финансов Донецкой республики.

Не надо путать трибуналы периода существования ДКР с теми судилищами и различными «революционными тройками», которые возникли по всей России в последующие годы Гражданской войны и пачками расстреливали людей без соблюдения хотя бы бутафорской судебной процедуры. Трибуналы, создававшиеся в Донкривбассе в начале 1918 г., скорее напоминали собой современные судебные реалити-шоу, в которых «народные заседатели», «народные прокуроры» и «народные адвокаты» под улюлюканье и аплодисменты солидной зрительской аудитории целыми днями заседали, рассматривая в первую очередь жалобы на «спекулянтов» и «мироедов». Публика толпами валила на эти шоу, пришлось вводить даже билеты — благо, они не продавались, а распространялись через разнообразные фабричные и партийные комитеты. Ажиотаж, который царил вокруг заседаний трибунала, описала газета «Возрождение»: «Вход был по билетам, но этот порядок не удалось соблюсти. Огромной лавой рабочие вошли в театральный зал своего дома и заняли буквально все места как вверху, так и внизу. Не было ни одного свободного места, стояли в проходах, всюду, очень многим не удалось проникнуть внутрь. Они остались стоять на улице, здесь толпа росла все больше и больше». Практически каждое заседание Харьковского трибунала сопровождалось подобным наплывом публики.[633]

Вот как происходило одно из первых публичных разбирательств трибунала — по делу купца Ивана Рындина, обвиненного в спекуляции. Вина купца состояла в том, что он распродавал по завышенным ценам муку, сахар и шоколад, которые были ранее описаны продкомитетом станции Основа. Обвинителем выступал большевик Буздалин. Защита в лице помощника присяжного поверенного Постолова произнесла душещипательную речь о природе спекуляции: «Это система хозяйства в стране, обремененной войной. Не Рындин породил спекуляцию, а война. Судьи как марксисты

ОБЪЯВЛЕНІЕ
РЕВОЛЮЦІОННАГО ТРИБУНАЛА

Анонс очередного шоу — заседания Революционного трибунала

должны это понять. Негодование на Рындина имеет подкладку не в спекуляции, а в его игнорировании власти». Но эти аргументы не подействовали на судей, которые после получасового совещания вынесли довольно жесткий по тому времени приговор 6 месяцев общественных работ на шахтах Донбасса и конфискация имущества. Приговор приводился к исполнению немедленно. Стоит обратить внимание, что трибуналы ДКР выносили приговоры не о расстрелах, а о принудительных работах.[634]

Фактически единственным «политическим» делом, публично рассмотренным Харьковским трибуналом (опять-таки накануне провозглашения ДКР), было так называемое «дело Довбищенко». И обернулось оно полным провалом для обвинения. Автор воспоминаний о писателе Михаиле Драгоманове, Яков Довбищенко был довольно известным в Харькове активистом сначала российских, а затем украинских социал-демократов, который провел в общей сложности 12 лет в царских тюрьмах и ссылках, в 1907 г. был выслан из Харькова за печать подпольных социалистических газет. Ему не посчастливилось накануне начала вооруженного конфликта с Центральной Радой возглавить газету «Нова громада», которая с ноября 1917 г. начала выходить в Харькове с целью поддержки Рады.

2 января 1918 г. ввиду начавшихся боевых действий с Радой Довбищенко был арестован прямо в редакции «Новой громады». Инициатором ареста выступил ЦИК Украины, а не харьковцы. Судя по словам Довбищенко, советское правительство Украины «в изгнании» и вело допросы арестованного, которому вменялось в вину сотрудничество с Центральной Радой. В опубликованном письме заключенный Довбищенко предположил, что истинной причиной его ареста являлась личная месть со стороны председателя Цикуки Медведева, который имел конфликт с Довбищенко, когда они оба состояли в Украинской социал-демократической партии, из которой Медведев был исключен. Из тюрьмы Довбищенко пригрозил, что начнет голодовку с 18 января. «Свое дальнейшее пребывание под стражей вынужден буду рассматривать как деспотический произвол, который, казалось, уже пал», — заключил свой ультиматум украинский эсдек.[635]

Затеявшая этот процесс Цикука Харьков покинула, и трибуналу пришлось рассматривать обвинения, выдвинутые против Довбищенко, без истинных «виновников торжества» — в качестве «прокурора» был делегирован лишь и. о. секретаря Цикуки И. Кулик. В вину редактору вменили создание «офи-

циального органа контрреволюционной Центральной Рады» и «осведомленность «Новой громады» о всех предполагавшихся Центральной Радой действиях». По словам обвинителя, Довбищенко информировал Раду о событиях в Харькове в момент подготовки там похода на Киев. Лидер меньшевиков Рубинштейн, лично взявшийся защищать своего бывшего соратника, высмеял обвинения, указав на то, что «обвинитель» Кулик является одновременно и свидетелем по делу. Допросив массу свидетелей былой революционной деятельности Довбищенко и сделав упор на то, что вменяемые ему в вину публикации были перепечаткой официальных депеш, Рубинштейн под гром аплодисментов полностью отверг обвинения против редактора. Трибунал, длившийся до трех часов ночи (а многочисленная публика не расходилась с этого шоу!), в итоге признал «Новую громаду» «доказанным очагом шпионажа», при этом признав вину Довбищенко не доказанной. После чего под овации и крики «Да здравствует свобода печати!» тот был отпущен на свободу.[636] Через год-полтора подобные «политические процессы» в России в целом и в Харькове в частности были уже невозможны.

Правда, Харьковский трибунал пытался рассмотреть еще одно «политическое» дело, однако под давлением рабочих оно было перенесено и замято. Вновь-таки под суд пытались отдать представителей социал-демократических партий, которые открыто выступили в январе 1918 г. против разгона Учредительного собрания. По их призыву 18 января железнодорожники станции Харьков-Товарная приняли резолюцию с призывом ко всей «революционной демократии» встать на защиту «Учредиловки»[637]. Подобные же резолюции меньшевики протащили на некоторых митингах, в частности на Харьковском паровозостроительном заводе. Большевики усмотрели в призывах к защите Учредительного собрания попытку организации мятежа, в связи с чем и инициировали рассмотрение дела против меньшевистских активистов в трибунале — без указания конкретных виновных. Так сказать, «по факту преступления».

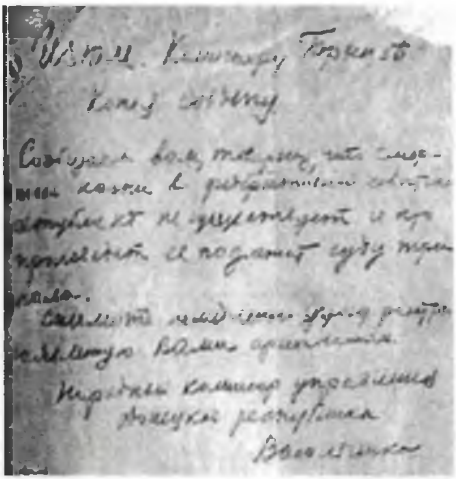
Назначенный на понедельник, 18 марта, суд вызвал колоссальный ажиотаж, работа на Харьковском паровозостроительном заводе была приостановлена и рабочие под пение «Марсельезы» явились на заседание чуть ли не целыми цехами. На этом основании обвинение не нашло ничего лучшего, как перенести дело «на праздничный день или вечером» — мол, чтобы не срывать

производственный процесс. Известие о переносе дела было встречено свистом, а рабочие вместе с «обвиняемыми» социалистами устроили импровизированный митинг в зале трибунала на Петинской улице, критикуя большевиков за заключение Брестского мира. Выступавшие, в частности, заявляли: «Весь народ должен объединиться в одну общую партию и после этого цельная, объединенная Россия должна объявить войну германскому империализму»[638]. Любопытно, что пройдет всего каких-то три недели — и большевики с боями будут оставлять Харьков, а вот меньшевики, громче всех критиковавшие ленинцев за Брестский мир, выразят готовность сотрудничать с оккупантами. Понятно, что в таких условиях дело против социалистов в трибунале так и не было рассмотрено. Тем «политические процессы» в Донецкой республике и ограничились.

После создания Совнаркома ДКР формальным главой трибунала стал нарком юстиции В. Филов, что вызвало скандал на заседании обкома от 7 марта 1918 г. По настоянию Рубинштейна и Голубовского обком пятью голосами против двух принял решение о несовместимости постов наркома и председателя трибунала.[639]

31 января по распоряжению Филова были ликвидированы «буржуазные» судебные органы — Харьковский окружной суд и судебная палата. Все их служащие были уволены. Началось формирование «народных судов», в основу которых был положен принцип выборности. Процесс судебной реформы был начат во всех регионах Донецкой республики. Для координации деятельности формировавшихся судебных органов Филов в середине марта собрал уездных и районных комиссаров юстиции для выработки «единообразных форм судопроизводства во всех судах»[640].

Нарком в своем особом распоряжении, жалуясь на «жидкость» и мягкотелость судебных органов ДКР, пояснял им: «Суд не может являться каким-то внеклассовым, надклассовым учреждением, как уверяют многие... Наш суд, суд пролетарский, суд революционный также суд классовый... Беспощадность, твердость, решительность и быстрота — таков девиз революционного пролетарского суда»[641]. Довольно жесткие слова, которые можно расценить и как призыв к арестам и расстрелам. Но не стоит отождествлять «беспощадность» и «твердость» большевиков образца первой половины 1918 года с большевиками (порой теми же самыми людьми) более поздних периодов кровавой Гражданской войны — это наглядно будет продемонстриро-

Записка наркома Васильченко об отсутствии смертной казни в ДКР

вано ниже, на примере отношения харьковцев к коменданту города Павлу Кину, который на протяжении конца 1917-го — начала 1918 г. вынужден был балансировать между необходимостью сохранять законность и проявлять «беспощадность» и «твердость».

Сейчас много пишут о жестокости большевиков. Однако, как это ни парадоксально звучит, в период разгара Гражданской войны, когда вокруг уже повсюду лилась кровь рекой, на первых порах в Донецкой республике официально смертной казни не было! Хотя и сами руководители ДКР неоднократно угрожали расстрелами, однако когда заходила речь о практическом воплощении этих угроз, они одергивали особо ретивых исполнителей. Когда, к примеру, комиссар Изюма некто Брынза официально заявил, что расстреляет арестованных ранее «контрреволюционеров», нарком по делам управления ДКР Семен Васильченко отписал ему записку такого содержания: «Сообщаем вам, товарищ, что смертной казни в федеративной советской республике не существует, и кто произведет ее, подлежит суду трибунала. Снимите немедленно угрозу расстрела, заявленную вами арестованным»[642].

Это не значит, что в ДКР не было убийств и расстрелов, в том числе совершаемых различными вооруженными отрядами или людьми, представлявшими власть или выдающими себя за представителей власти. Но больше всего было линчеваний и самосудов. В Харькове ходили мрачные слухи о том, что Антонов-Овсеенко со своими отрядами в период пребывания на 7-й линии совершал расстрелы арестованных лиц. Хотя слухи эти базировались на загадочном случае убийства Павла Кошуро-Масальского, бывшего одиозного харьковского вице-губернатора, чья деятельность была связана с массой анекдотов, до революции ходивших по всей России, а имя было нарица-

тельным в связи с жестким подавлением им Акмолинского восстания в 1916 г.

Отряды Антонова арестовали Кошуро-Масальского наряду с некоторыми чиновниками бывшего царского аппарата и руководителями Совета съездов горнопромышленников Юга России в декабре 1917 г. и содержали их в вагонах на той самой «7-й линии» Южной железной дороги, недалеко от штаба Антонова. 16 января Кошуро-Масальский был найден застреленным из револьвера примерно в 4 километрах от Харькова. Представители коменданта Харькова и охрана тюремных вагонов делали удивленные лица, когда пресса расспрашивала их об исчезновении бывшего вице-губернатора и до обнаружения трупа заявляли о том, что узник отправлен в Петроград для свершения там над ним правосудия.[643] Эту версию нельзя

Кошуро-Масальский Павел Николаевич

Родился в 1860 году в Харькове в семье знатного рода потомков князей Масальских, относившихся к Рюриковичам. Детские годы провел в Ахтырке, где его отец был мировым судьей, а старший брат — судебным следователем. Действительный статский советник, юрист.

Имя Кошуро-Масальского (часто его писали Масальский-Кошуро) еще в царской России стало одним из символов реакции, чиновничьего самодурства и жестокости.

Окончил Сумскую гимназию и Московский университет. Служил товарищем прокурора в Костроме и вице-губернатором в Тамбове. В январе 1913 г. назначен харьковским вице-губернатором, фактически управлял губернией. Его жесткие меры вызвали недовольство в Госдуме, и в декабре 1915 г. Масальский переводится в глушь — на должность акмолинского губернатора, где он проявил себя как жестокий усмиритель восстания 1916 г. После этого, в сентябре 1916 г., переведен в члены Совета МВД России. При отъезде из Акмолинска, как сообщала пресса, багаж Масальского весил 200 пудов (т.е. более 3 тонн), что натолкнуло журналистов на веселые размышления о том, сколько может заработать губернатор за год.

Арестован в декабре 1917 г. в Харькове, убит 16 января 1918 г. (предположительно, большевиками).

Из анекдотов о Кошуро-Масальском: якобы уезжая из Костромы в Харьков, он хотел воспользоваться правом бесплатного провоза не только для себя, но и для членов семьи. В результате скандала, затеянного по этому поводу вице-губернатором, его вагон был отцеплен от поезда.

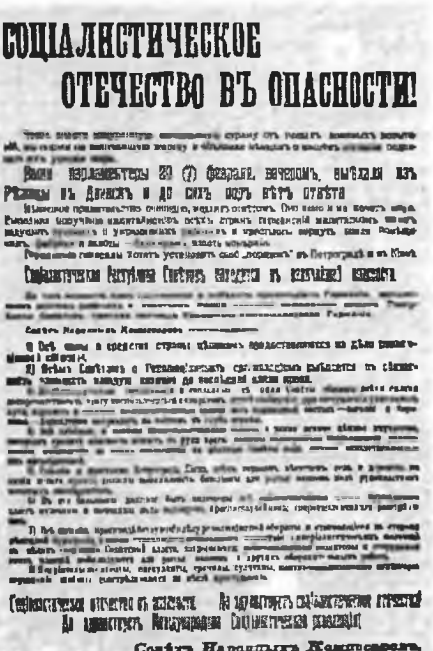
В Харькове вице-губернатор завел строгий порядок: телефонистки, получив звонок из его дома, к стандартному вопросу «Что угодно?» обязательно должны были добавлять «Ваше Превосходительство». Злопыхатели шутили по поводу того, что будет, если домашним телефоном Кошуро-Масальского решит воспользоваться лакей.

исключить — тогда во время этапирования узников над ними совершали самосуды и толпа (как это было с генералом Духониным и упомянутым выше князем Вяземским), и сами конвоиры. Хотя нельзя исключить также, что с Кошуро-Масальским разобрались представители 30-го Сибирского полка, памятуя о его роли в подавлении бунтов в бытность его военным губернатором в Акмолинске.

Нашумевший случай с убийством Кошуро-Масальского свидетельствует о том, что все-таки слухи о массовых расстрелах, совершенных Антоновым в Харькове, преувеличены — данный инцидент расследовала и местная пресса, и местные власти, которые вообще довольно резко реагировали не только на расстрелы, но и на аресты, совершаемые по приказу Антонова и Войцеховского. Антонов-Овсеенко потому и не жалел резких слов при описании руководства ДКР и Артема — они не дали главковерху развернуться в Харькове в полную силу, применяя привычные для него репрессивные меры. Именно благодаря деятелям ДКР Харькову удалось избежать в начале 1918 г. тех репрессий, с которыми позже столкнулись Ростов и донские города, занятые войсками Антонова-Овсеенко. И кстати, в этом же Артем расходился с Цикукой. Как пишет современная харьковская пресса: «Радикалам из Народного Секретариата товарищ Артем казался неисправимым либералом. Они никак не могли втолковать ему прописную истину: дави буржуев, невзирая не приличия!».[644] В Донецкой республике все-таки на «приличия» старались взирать и хотя бы не применять смертную казнь относительно своих идеологических оппонентов, как это делали к тому времени уже фактически по всей России, в том числе в соседней УНР и в соседней Области Войска Донского.

В большевистской России, как известно, смертная казнь была отменена декретом «О суде» от 26 октября 1917 г., то есть буквально в день совершения октябрьского переворота в Петрограде, и восстановлена декретом ленинского Совнаркома от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности!» — именно с этого декрета некоторые историки начинают отсчет «красного террора». В нем были фактически узаконены широко применявшиеся по всей России на тот день самосуды и расстрелы на месте. Декрет гласил: «Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»[645]. Непонятно, как правоохранители должны были

бы определять место преступления «германских шпионов», но что касается судьбы многочисленных грабителей и налетчиков, державших в страхе всю Россию, общественное мнение страны было всецело на стороне самых что ни на есть террористических мер по отношению к ним. И подобные меры применяли как большевики, так и представители любой другой власти, которая появлялась в различных регионах страны, включая Донецко-Криворожский край. Исключением не были ни немцы, ни самостийники, ни деникинцы.

СОЦІАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО ВЪ ОПАСНОСТИ!

Совѣтъ Народныхъ Комиссаровъ.

Ленинский декрет, положивший начало «красному террору»

После декрета от 21 февраля угрозы расстреливать кого ни попадя стали привычным делом и для руководителей ДКР, и даже для оппозиции. В телеграмме от имени Совнаркома республики Васильченко 4 марта давал установку Красной гвардии Донецкого района: «Контрреволюционеров арестовывайте. При сопротивлении расстреливайте». В тот же день на объединенном заседании Совнаркома и военных отделов Харькова было, кроме всего прочего, постановлено: «Выпустить воззвание к населению с объявлением военного положения и объявлением смерти грабителям и ворам, застигнутым на месте преступления». Кстати, этот пункт не вызвал никаких особых возражений со стороны оппозиции и самой что ни на есть либеральной публики.[646]

Споры же разгорелись на заседании Харьковского совета 19 марта, когда обсуждался опубликованный накануне приказ о сдаче населением оружия. В нем упоминалось о казни тех, кто в течение трех дней после данного распоряжения оружия не сдаст

или не получит разрешения на него. Председательствующий левый эсер Живов (заседания обкома велись поочередно различными фракциями) предложил внести поправку о том, «что расстреливается только буржуазия». На что очень эмоционально отреагировал присутствовавший на собрании Серго Орджоникидзе (он тогда часто посещал заседания органов ДКР). Размахивая руками и срывая порой аплодисменты, он заявил: «Вам ясно, что не против рабочих этот приказ опубликован, а против контрреволюционеров и расстреливать будут не рабочих и не крестьян, а будут расстреливать контрреволюционеров и бандитов, которые терроризируют население». Очень показательно отреагировал некий анонимный представитель оппозиции (то ли меньшевиков, то ли эсеров): «Если большевики докажут им, то они будут застреливать вместе контрреволюционеров, а если они не докажут, то они будут застреливать большевиков». Что должны были доказывать большевики, история умалчивает, однако большевистская резолюция о сдаче оружия была поддержана незначительным большинством: 124 против 106 голосов. Меньшевики потребовали было провести поименное голосование и пересчет, однако после появления коменданта города Павла Кина, сообщившего о совершенном в это время убийстве его помощника, вопрос уже не обсуждался.

В итоге большевистская фракция Совета обнародовала свою резолюцию, в которой, в частности, говорилось: «Теперь, в момент величайших испытаний для социалистической республики, особенно необходимо установление твердой и неуклонной диктатуры пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством. Все предрассудки буржуазного парламентаризма и уцелевшие формы капиталистического аппарата должны быть до конца уничтожены»[647].

Чем ближе к Харькову приближалась линия фронта в марте 1918 года, тем чаще руководители ДКР грозили «контрреволюционерам» расстрелом. Не стал исключением и «более либеральный» Артем, который на пленуме Совета 25 марта, получив известие о том, что якобы в одной из типографий торгово-промышленными служащими печатается воззвание с призывом свергать Советскую власть, предупредил: «Если в этом направлении будет хоть что-нибудь сделано, виновные будут расстреляны». Правда, тут же представитель этих служащих публично отверг подобные обвинения, назвав их «провокацией».[648]

Павел Кин, который в эти дни со своим небольшим отрядом милиции вел неравную борьбу с организованными бандами

грабителей, особенно часто призывал к «расстрелам на месте». 5 апреля, то есть за два дня до оставления Харькова, Кин издал распоряжение по городу: «Вменяю в обязанности всем боевым дружинам и отрядам, несущим охрану города, а также милиции, преступников, застигнутых на месте преступления, расстреливать тут же». Даже 6 апреля, в день, когда большевистские отряды покидали Харьков, Кин с трибуны последнего заседания Совета заявил: «Все грабители будут и должны расстреливаться на месте. Я глубоко убежден в необходимости этой меры»[649].

Нет никаких сомнений в том, что Кин применял свои угрозы, хотя гораздо чаще застигнутых на месте преступления воров и грабителей до милиции не доводили — суды над ними устраивала толпа. Когда же грабителей доставляли в ведомство Кина, «процедура» разбирательств с ними была действительно короткой. Вот, к примеру, как выглядел «приговор» по делу рецидивиста Александра Лопухова, схваченного при попытке ограбить мелкого лавочника в харьковском районе Панасовка: «При наведении справок о нем в уголовном комиссариате оказалось, что он там давно уже зарегистрирован как вор-рецидивист и отчаянный грабитель... Лопухов по установлении его личности расстрелян»[650].

Приходится повторить, что если по поводу каждого ареста политического оппозиционера в областном комитете ДКР происходили серьезные разбирательства, то расстрелы грабителей встречались публикой, в том числе оппозицией, «на ура». В подтверждение достаточно привести повествование о коменданте Кине образца 1918 года: «В этой роли он проявил себя сильным, властным, решительным. Его отличало спокойствие, внимательность, беспощадность к бандитам. Дело дошло до того, что когда приблизились к Харькову вплотную германцы, — буржуазия решила, если не скроется Кин, ходатайствовать за него, отстоять его». Однако «в памяти харьковчан остались два Кина: один — до немецкой оккупации 1918 г.; другой — после... Через год, пройдя чистилище Самарской и Казанской ЧК, в Харьков вернулся совсем другой человек. Скорей всего, человек тот же, но переставший скрывать и сдерживать глубинные инстинкты. Жестокость, граничащая с садизмом, ненависть»[651].

И это действительно так. Через год, когда большевики и левые эсеры вернулись в Харьков, это уже были другие люди — озлобленные войной, для которых смерть врагов и друзей была обы-

денностью, а сами понятия «друг» и «враг» переплелись настолько, насколько это бывает исключительно в период гражданской войны. Показательным в этом смысле было выступление одного из лидеров украинских коммунистов Христиана Раковского на Харьковском губернском съезде Советов 16 февраля 1919 года. Говоря о левом эсере В. Александровиче-Александрове (кстати, служившем первым заместителем Дзержинского по ВЧК), Раковский заявил: «Героем был Александров, которого, увы (он был моим другом), пришлось расстрелять в Москве за июльский мятеж»[652].

«Герой и друг, которого, увы, пришлось расстрелять» — это уже не вызывало ни удивления, ни возмущения, ни эмоций. Однако это был уже 1919 год, практически другая эпоха Гражданской войны. Во времена Донецкой республики подобные фразы пока не звучали. В начале 1918 года и большевики, и их оппоненты еще были другими. Они еще могли слышать друг друга, спорить на трибунах, а не в окопах, приводить аргументы, а не хвататься за наганы и расстреливать кого ни попадя. А вот после прихода немцев расстрелы без суда и следствия как раз приобрели угрожающий характер, о чем харьковская пресса не преминула сообщить.

Как уже отмечалось выше, Артем со своими коллегами по большевистской фракции Харьковского совета приложил максимум усилий для пресечения незаконных арестов местных капиталистов, совершаемых отрядами Антонова-Овсеенко при поддержке Цикуки. Но уйдя из Харькова, Антонов и Войцеховский оставили руководству ДКР неприятное «наследство» — несколько тюремных вагонов, в которых содержались действительные и мнимые противники советской власти. В частности, в течение почти полутора месяцев там содержались лидеры Совета съездов горнопромышленников Юга России, включая фон Дитмара. Уже на втором заседании обкома ДКР, состоявшемся 18 февраля, Голубовский и Рубинштейн подняли вопрос об освобождении этих людей. В частности, Голубовский на примере арестованного ранее юрисконсульта ССГЮР Арефьева показал, что некоторых из арестованных сложно освободить по одной причине — из-за «невозможности выяснить, по чьему приказу они арестованы и за кем числятся». На этом заседании Совнарком ДКР сообщил, что им организовывается «комиссия по разгрузке тюрем от бессудно заключенных и лиц, коим не предъявлено обвинение». Было также без возражений принято предложение Артема пере-

вести в тюрьму всех тех, кого по приказу Антонова содержали в вагонах.[653]

Руководство Донецкой республики настояло на том, чтобы, как минимум, прекратились ночные обыски и аресты. А своим вторым приказом по Харькову комендант Кин провозгласил: «Никакие аресты, обыски, реквизиции в квартирах граждан без ордера за моей подписью не допускаются... Все лица, производящие самочинные обыски и аресты, караются революционным судом вплоть до расстрела»[654].

ДОНЕЦКО-КРИВОРОЖСКИЙ ВЕСТЕРН

Непосредственно борьбой с преступностью, захлестнувшей Донецкую республику, должна была заниматься милиция. Создание рабоче-крестьянской милиции предусматривалось декретом Совнаркома России от 28 октября 1917 г. Правда, в различных городах и районах ДКР формирование правоохранительных структур развивалось по-разному — чаще всего местный совет создавал отряды милиции, подчиненные ему, иногда функции охраны общественного порядка возлагались на революционизированные воинские части, находившиеся на местах, иногда — на Красную гвардию, созданную при том или ином предприятии.

Большевик Павел Кин был назначен на должность коменданта Харькова, в функции которого входило формирование милиции, несколько раз. И несколько раз, соответственно, был отстранен от должности по различным причинам. Его авторитет в городе был непререкаем — как среди большевиков, так и среди оппозиционеров. Эсеровская пресса приветствовала назначение Кина, явно вспоминая Войцеховского: «Раньше на ответственные посты назначали приезжих и они оказывались проходимцами». На пленуме Совета, где был представлен Кин, и эсеры, и меньшевики выразили удовлетворение этим назначением. Лидер меньшевиков Рубинштейн, обычно громивший большевиков в пух и прах, на обкоме ДКР от 7 марта заявил, что Кин является «превосходным работником и безусловно честным человеком». При этом он отметил, что Кин «задохнется, если ему не дать притока свежего воздуха», предложив усилить милицию общественными формированиями по защите порядка и ввести «общественный контроль» над правоохранительными органами. Это предложение было принято, и обком официально поручил «т. Кину ор-

ганизовать при себе особую комиссию из представителей населения», а также создать при милиции «районные вооруженные дружины».[655]

Понятно, что решения о создании альтернативных вооруженных подразделений принимались не от хорошей жизни. Состояние милиции Харькова (как и всей Донецкой респуб-

Кин Павел Андреевич

Родился в 1882 г. в Мизиричах Черниговской губернии в семье немецкого колониста (сам себя считал русским — по матери). Большевик с 1903 г. Революционер, террорист, чекист, сыщик.

В 1918 г. в столице ДКР Павел Кин был, пожалуй, самым популярным человеком, символом бесстрашной борьбы с преступностью. Но в истории его запечатлели не как борца за правду, а как «крестного отца» Степана Саенко, ставшего одним из мрачных символов Гражданской войны.

В 12-летнем возрасте Кин устроился учеником на кондитерскую фабрику в Харькове, затем работал на Луганском паровозостроительном заводе. С 1905 г. — активный участник большевистских боевых отрядов на Урале, мастер конспирации и терактов. Его коллеги писали: «Он был волевым исполнителем, хорошим организатором». Его описывали «с вечно дымящейся трубкой в зубах, неизменно сохранявшим ледяное хладнокровие при всех обстоятельствах и опасностях».

После Февральской революции — снова в Харькове, устроился рабочим на завод Шиманского (будущий «Красный Октябрь»). До приезда Руднева занимался созданием отрядов Красной гвардии. В сентябре 1917 г. в качестве компромиссной фигуры избран председателем Харьковского совета. С начала 1918 г. — комендант Харькова, создатель местной милиции. После эвакуации правительства ДКР — комендант Луганска. Затем — глава Казанской губернской ЧК (поехал туда вместе с наркомом ДКР Межлауком). С февраля 1919 г. — председатель Харьковского губисполкома.

После прихода деникинцев харьковская пресса писала о Кине: «От прежнего Кина не осталось и следа. Есть Кин жестокий как раньше, твердый характером и сильный волей, но где-то пропала его относительная человечность, куда-то ушло все то, что примиряло с ним буржуазные группы».

С декабря 1919 г., после изгнания деникинцев, — снова комендант Харькова. В 1920—1921 гг. — председатель Одесского губревкома. Некоторое время числился в должности наркома внутренних дел советской Украины. Затем занимал второстепенные советские посты. Умер в 1943 году.

лики) было ужасным — и по кадровому составу, и по техническому оснащению. В приказе № 8 Главного штаба по борьбе с контрреволюцией, созданного в январе 1918 г., говорилось: «В данное время в милиции отсутствует какая бы то ни было дисциплина: милиционеры неаккуратно исполняют данные им поручения, часто отсутствуют на постах, некоторые выбранные комиссары и их помощники не применяют наказания к провинившимся, боясь быть уволенными. Милиция содержится на народные средства и безусловно должна быть на высоте положения, дабы средства эти не тратились на лиц, несоответствующих своему назначению». Приказ обязывал навести «революционную дисциплину» в милицейских органах в течение семи дней.[656]

Кину пришлось специальным пунктом приказа № 2 оговаривать, казалось бы, бесспорные правила поведения правоохранителей: «Начальнику милиции прошу подтвердить в приказе по милиции, что служащие милиции и милиционеры, появляющиеся на улице в нетрезвом виде, будут предаваться революционному суду»[657]. Можно себе представить, что собой представляли силовые органы, если комендант Харькова должен был издавать такие приказы.

Не так уж много времени было у Кина на решительную реорганизацию милиции, но кое-что он успел сделать. Описывая ситуацию в столице ДКР, писатель Серафимович отмечал: «Конечно, как и везде, и здесь обычная язва революции: грабежи, бандитские обыски, стрельба по вечерам и ночью, но постепенно это изживается. Харьковская красная гвардия хорошо работает. Строго следят и борются с мешочниками». Кин даже умудрился организовать фотокартотеку преступников, что было уникальным явлением для того времени анархии и разброда. Правда, заработала эта картотека 1 апреля, когда до взятия Харькова немцами оставалась неделя.[658]

Для оперативного реагирования на грабежи и налеты Кин создал боевую группу, которая стала чуть ли не главным ньюсмейкером Донецкой республики — как минимум, в Харькове. Возглавлял эту группу некто Санович — тот самый, которого православная церковь благодарила за помощь в сохранении за ней Покровского монастыря. «Вечерний Харьков» в 2007 году писал о Сановиче и его отряде: «Советская история под завязку забита подобными «парадоксами». Сам Павел Кин прочно вошел в революционный «канон», а вот его надежная опора — «боевой отряд Сановича» — почему-то потерялся.

Ни в мемуарах, ни в научных работах, посвященных Харькову 1917–1918 годов, упоминаний о славном подразделении обнаружить пока не удалось. Зато они щедро рассыпаны по тогдашним газетам. Складывается впечатление, что отряд очень грамотно "пиарили"»[659].

В самом деле, харьковская пресса начала 1918 года чуть ли не каждый день взахлеб рассказывала о подвигах легендарного Сановича. Неудивительно, что столица ДКР особо не обратила внимания на смешной указ Эрде о запрете «сыщицкой» литературы — она зачитывалась документальными сводками о деятельности Сановича. Если бы сейчас издали все эти газетные сообщения в виде отдельной книги, получился бы очень недурственный, «долгоиграющий» детектив. И тем поразительнее, что с приходом немцев фамилия Сановича вообще исчезает из харьковской истории. Когда большевики вернулись, сразу же объявился и Кин, и Артем, и многие лидеры ДКР. Тех, кто не вернулся (как, например, Руднев) чтили и постоянно поминали, о них издавали книги и не раз перечисляли фамилии в мемуарах. Но о Сановиче, детективной легенде Донецкой республики — ни слова! К примеру, Селявкин, активно участвовавший со своими броневиками в действиях боевой группы Сановича, чуть ли не пофамильно перечисляет окружение Кина, но не помнит о самом Сановиче.

Автору этой книги, к сожалению, так же как и харьковским журналистам, пока не удалось найти каких-то достоверных данных об этом человеке. Не исключено, что Санович (как и Артем, как и Разин, как и Сан) — это партийный псевдоним. Можно даже допустить, что под этим псевдонимом действовал небезызвестный Степан Саенко, вошедший во все анналы и мемуары «Белого движения», в различные художественные произведения как символ «красного террора», как человек по прозвищу Комендант смерти. Конечно, львиная доля воспоминаний о Саенко связана со «вторым пришествием» большевиков в Харьков. А вот в начале 1918 г. пресса, расписывая действия Кина и его отряда чуть ли не по минутам, Саенко почему-то не заметила. Однако многие большевики (в том числе и Селявкин), вспоминая начало Гражданской войны, указывают на то, что «рабочий Харьковского железнодорожного узла» Степан Саенко был правой рукой Кина уже в конце 1917 года, когда тот впервые стал комендантом Харькова, и был таковым вплоть до прихода немцев.[660] Учитывая тот факт, что харьковская пресса начала 1918 г. всегда считала правой рукой комен-

данта именно Сановича, не исключено, что речь идет об одном и том же человеке (но это только одна из многих допустимых гипотез, которая, конечно же, требует дополнительных исследований).

Тем более что командиру боевой группы было из-за чего скрываться под псевдонимом — харьковские бандиты и налетчики устроили настоящую охоту за ним и членами его команды. К примеру, в середине марта прямая угроза была распространена от некоей «партии по борьбе с буржуазией», которая письменно предупредила: «Мы сильны и убиваем всех, кто стоит на нашей дороге. В доказательство нашей силы мы ставим Вас в известность, что Санович за убийство нашего члена приговорен нами к смертной казни. Приговор этот будет приведен нами в исполнение в 3 дня со дня получения этого письма»[661].

Вечером 19 марта бандитами был убит помощник Кина — Александр Швец (партийная кличка Свет). Ворвавшийся на заседание Харьковского совета Кин сообщил об этой новости и в сердцах призвал ввести в городе «военное положение», пообещав, что «за голову одного нашего товарища он будет уничтожать тысячу»[662].

В ночь на 21 марта боевая группа Сановича была вызвана некой женщиной, которая сообщила, что грабители «режут» на Большой Панасовской, 64 (ныне — улица Котлова). Санович со своим помощником матросом Черненко на извозчике лично поехал по вызову и попал в засаду, явно рассчитанную на встречу с ним. Черненко был убит наповал, лошадь извозчика ранена, сам Санович, вступив в перестрелку, не пострадал. 23 марта в Харькове состоялись пышные похороны Черненко, погибшего накануне Павла Пашкова, служившего в отряде пулеметчиком, и его отца, не вынесшего смерти сына.[663]

Боевой отрядъ Сановича
извѣщаетъ о смерти матроса пулеметчика
ПАВЛА ПАШКОВА,
славно погибшаго при исполненіи служебнаго долга
Выносъ тѣла сегодня изъ лазарета медицинскаго общества въ 1 часъ дня, вмѣстѣ съ умершимъ въ этотъ день отцомъ.

Еще через несколько дней, 25 марта, комиссары получили письмо с очередными угрозами — на этот раз от «партии», назвавшейся «Не горюй». Свою угрозу «нескучные партийцы» сопроводили сообщением о том, что в их «партии» числится 80 человек.[1]

Примерно в те же дни некая женщина пыталась совершить покушение на Павла Кина. Самое поразительное, что Кин, допро-

Саенко Степан Афанасьевич

Родился 21 июля (2 августа) 1886 г. в Полтаве в семье рабочего. Большевик с марта 1917 г. Чекист, подпольщик, сыщик, палач.

Саенко в «белой» и художественной литературе стал одним из демонизированных символов «красного террора». Известен под прозвищем Комендант смерти.

С 12 лет работал на железной дороге в Харькове. В 1915 г. мобилизован в армию, дезертировал с фронта в феврале 1917 г. Примкнул к большевикам и вместе с Кином создавал Красную гвардию в Харькове. Во времена ДКР был в боевой группе Кина.

Во время немецкой оккупации служил в ЧК на станции за «демаркационной линией». Вернувшись в Харьков в 1919 г., прославился своей жестокостью и казнями. С 1920 г. — следователь наркомата юстиции, с 1921 г. — заместитель начальника уголовного розыска. С 1924 г. — директор завода «Красный Октябрь». В 1942—1943 гг. руководил антифашистским подпольем. С 1948 г. — на пенсии.

Пережил множество покушений на себя, всегда выходя сухим из воды. В 1938 г. его пытались арестовать советские власти, однако (по слухам) Саенко также отбился, угрожая взорвать бывших своих коллег гранатой.

Его жестокость запечатлена в воспоминаниях многих белых офицеров, включая Деникина, в «Хождениях по мукам» Алексея Толстого, в рассказе Аркадия Аверченко «Перед лицом смерти», в «Председателе чеки» Велимира Хлебникова и др.

Во всех белых мемуарах гулял миф о том, что Саенко был расстрелян деникинцами то ли в 1919, то ли в 1920 г. Однако, по свидетельству харьковского исследователя Александра Зинухова, палач Саенко благополучно дожил до старости, большую часть жизни мирно прожил в Харькове, на ул. Клочковской, 81 (после сноса этого здания доживал свои дни в «доме старых большевиков» на ул. Сумской, 59). Умер Саенко в возрасте 87 лет — 17 августа 1973 г. На его могиле написано: «Спи спокойно, дорогой Степочка!»

сив несостоявшуюся харьковскую Шарлотту Корде, «отпустил ее с миром»[665]. Через год от Кина и Саенко такого великодушия уже ожидать не приходилось.

Но самое дерзкое нападение на правоохранительные органы было совершено вечером 22 марта, во время похорон Александра Света. Непосредственно на уголовный комиссариат Харькова напали не бандиты, а регулярные части «червонного казачества». Нападавшие воспользовались тем, что весь отряд Кина—Сановича участвовал в похоронной процессии, там же находились, помимо боевой группы милиции, броневик «Мститель», конная милиция, конно-партизанский отряд, боевая дружина еврейского «Бунда», пешие партизанские отряды и взвод артиллерии. В это же время отряд «красных казаков» численностью до 50 человек, вооруженный пулеметами и гранатами, осадил здание уголовного комиссариата на Университетской улице (недалеко от Нетеченского моста), требуя освободить их товарища, арестованного накануне за пьяные выходки и попытку вооруженного сопротивления милиции. Казаки с пулеметами оцепили здание, некоторые из них с шашками наголо ворвались внутрь. Когда им объяснили, что арест их коллеги произведен по приказу Кина о борьбе с пьянством, казаки закричали: «Никакого Кина мы не признаем!» Попытка дежурного вызвать подмогу натыкалась всюду на ответ, «что все люди участвуют в церемонии на похоронах А. Г. Света и помощь оказана быть не может». Когда известие о налете дошло до кладбища, многочисленные боевые отряды моментально устремились на Университетскую, где едва не произошло самое кровавое уличное сражение в Харькове. Местные газеты так описывали эту картину: «Завидев милицию, казаки построились в боевой порядок в ширину улицы. Впереди были установлены пулеметы. Конная милиция также рассыпалась во всю ширину улицы». Однако увидев значительное численное превосходство отрядов под руководством Кина, казаки отказались от вооруженного сопротивления, а комендант лично арестовал руководителей группы налетчиков.[666]

Но этим история не закончилась. Буквально на следующий день, 23 марта, несколько пьяных казаков вновь спровоцировали конфликт с охраной уголовного комиссариата и вновь были задержаны, после чего казаки вновь пошли на штурм здания. Однако на этот раз их встретили во всеоружии. Казаки, построившись цепью, пошли с винтовками наперевес со стороны Павловской площади. «Заметив залегших в канаве солдат партизанского от-

ряда, казаки шагах в пятидесяти от них открыли по партизанам беглый и частый огонь из винтовок. Партизаны отвечали. Всего с обеих сторон было сделано до 100 выстрелов», — так описывает бой харьковская пресса. В результате сражения, длившегося до получаса, был убит один казак и арестованы восемь, остальные разбежались при виде броневика «Коршун», на котором прибыл Кин, и автомобилей с боевой группой Сановича. Один из задерживаемых пытался бросить гранату, но впопыхах забыл выдернуть чеку. Такие вот картины можно было наблюдать в столице Донецкой республики.[667]

Боевым отрядом Кина—Сановича восторгалась харьковская публика, включая вполне либеральную. Пресса с удовольствием описывала быт отряда, обосновавшегося в трехэтажном особняке на Мироносицкой площади, дом 5: «Отряд Сановича состоит из ста человек и содержит в себе все виды оружия: имеются самокатчики, пулеметчики, бомбометчики. Помещение отряда являет собой настоящую крепость, обладающую колоссальной силой сопротивления. Прямо напротив входной двери установлен пулемет, готовый разорвать в клочья непрошеных посетителей. Пулеметы поставлены и против каждого окна на втором и третьем этажах дома. Вся Мироносицкая площадь взята под прицел и в любой момент может быть очищена от всего живого»[668].

Главным противником отряда была самая мощная и организованная банда некоего Ивана Бондаренко, терроризировавшая Харьков и окрестности. Бондаренко прослыл уголовным авторитетом еще в царские времена, получил солидный тюремный срок, но вышел после февраля 1917 года по амнистии, организовав невероятную по размаху криминальную организацию. Охота на Бондаренко и его сподвижников постоянно проваливалась, пока однажды удача не улыбнулась бойцам Сановича. В ночь на 23 марта 1918 года боевая дружина нагрянула с обыском на квартиру в доме по Гимназической (ныне Красношкольной) набережной, 17 — источники донесли, что в этом доме регулярно собираются подозрительные личности для кутежей, азартных игр и пьянства. В квартире оказались лишь 12-летний мальчик и старуха, назвавшаяся «женой бедного слесаря». Однако при обыске у бедной старушки были найдены ценные бумаги на 150 тыс. руб. и около 20 тыс. руб. наличных. Там же был найден блокнот с записями финансовых операций, судя по которому некий «Степа» (как выяснилось, это и был легендарный Бондаренко) передавал старухе на хранение изрядные

суммы денег. О подготовленности банды свидетельствовал также обнаруженный подземный ход, который вел из квартиры к берегу реки — вполне возможно, бандиты успели скрыться от облавы именно по нему.

Собрав у свидетелей данные о загадочном «дяде Степе», отряд Сановича моментально нагрянул к предположительному месту проживания того — на улицу Петинскую (ныне Плехановская). Вступив в перестрелку с жильцом этого дома, бойцы уложили бандита и, судя по приметам, опознали в нем того самого Ивана Бондаренко. Уже под утро бойцы Сановича довершили операцию, задержав в гостинице «Швейцария» трех грабителей банды Бондаренко, а в разных частях города семь членов шайки. Как сообщила газета «Возрождение», «все арестованные при попытке бежать были расстреляны». Через неделю была застрелена и старуха, содержавшая притон Бондаренко, — якобы также пыталась бежать.[669]

За одну ночь бойцы Сановича нанесли столь мощный удар по грозной банде Бондаренко, что, если верить задержанной после этого сожительнице Левы Розенблюма, правой руки убитого лидера шайки, оставшиеся в живых бандиты решили уехать «ввиду невозможности из-за отряда Сановича «работать» в Харькове»[670]. Можно представить, какое ликование это известие вызвало у жителей столицы Донецко-Криворожской республики. Правда, ликование длилось недолго — Иван Бондаренко «возрождался» и «расстреливался» затем в Харькове еще неоднократно. О том, что он в очередной раз убит (на этот раз якобы своими подельниками), сообщила в августе 1918 г. гетманская власть. Что не помешало ему в 1919 г. совершить самый дерзкий свой налет — он умудрился захватить здание Южного вокзала Харькова. И окончательно «дострелить» неуловимого Бондаренко якобы удалось лишь зимой 1920 года. Кто был убит бойцами Сановича на Петинской улице, где в жизнеописаниях бандита Бондаренко больше правды, а где вымысла, останется загадкой. Мифы о нем долго еще будоражили харьковцев. Правда, как пишут нынешние его биографы, «не нашлось в Харькове своего Исаака Бабеля, а соответственно, не получилось из Бондаренко и Бени Крика»[671].

Отряд Кина—Сановича действительно стал грозой для многочисленных бандитов, оперировавших в столице Донецкой республики. Для того чтобы нейтрализовать отряд, те прибегали к самым изощренным методам. К примеру, излюбленным способом отвлечь или распылить силы отряда стали многочис-

ленные ложные вызовы, совершаемые в момент какого-нибудь налета. 20 марта Санович вынужден был объявить, что вводит штраф на сумму 100—300 рублей за ложный вызов по телефону 22—66 (телефон боевой дружины).[672]

Правда, реализовать эту угрозу на практике было гораздо страшнее, чем объявить о ней. Харьков, находившийся в состоянии военной мобилизации, был наводнен людьми с оружием. Порой отличить грабителя от правоохранителя, наделенного некими официальными полномочиями, было невозможно. А потому в штаб Сановича звонили при первом появлении любого вооруженного отряда, даже если тот предъявлял какие-то ордера или мандаты.[673] На самом деле, сами бандиты с удовольствием использовали поддельные мандаты для совершения своих преступлений — в точности как описал Михаил Булгаков в «Белой гвардии», рассказывая об ограблении Василисы.

Таких эпизодов было множество. Харьковский совет вынужден был констатировать: «За последнее время в Харькове и губернии различные организации производят обыски и реквизиции, а также под видом реквизиции неизвестно под чьим ведением состоящими вооруженными отрядами производятся грабежи. Часто происходят столкновения, с одной стороны, делающими обыски и реквизиции, а с другой — посланными патрулями». Во избежание путаницы Совет запретил незаконные обыски, установив централизованный порядок выдачи ордеров. Правда, этот порядок не защищал обывателей от грабителей с поддельными ордерами, производство которых было поставлено на поток.[674]

К примеру, бойцы Сановича 26 марта арестовали на Кладбищенской улице (ныне ул. Муранова) еще одного известного в Харькове грабителя Овчаровского, у которого был найден блокнот с печатями штаба по борьбе с контрреволюцией и несколько удостоверений, включая документы на право требования и на право ношения оружия. Было установлено, что Овчаровский раздавал своим коллегам различные мандаты штаба.[675]

И судя по криминальным сводкам, те активно пользовались данными документами. 29 января квартира на ул. Михайловской, 23 была ограблена десятью людьми в солдатской и двумя в матросской форме, которые предъявили ордер на обыск от имени коменданта Войцеховского. В конце марта лично Санович с двумя помощниками на улице Чернышевской вступил в перестрелку с отрядом из шести людей в солдатской форме, которые пыта-

лись вымогать деньги у зажиточного горожанина. Устроив погоню со стрельбой в лучших традициях боевиков, Санович со товарищи настиг троих преступников на Мироносицкой улице и застрелил их. При убитых были найдены «грубо подделанные документы о личности»[676].

«На скомканном листке — четвертушке со штампом «Штаб 1-го сичевого куреня» было написано химическим карандашом косо крупными каракулями:

«Предписуется зробить обыск у жителя Василия Лисовича, по Алексеевскому спуску, дом № 13. За сопротивление карается расстрилом.

Начальник Штабу Проценко.
Адъютант Миклун.»

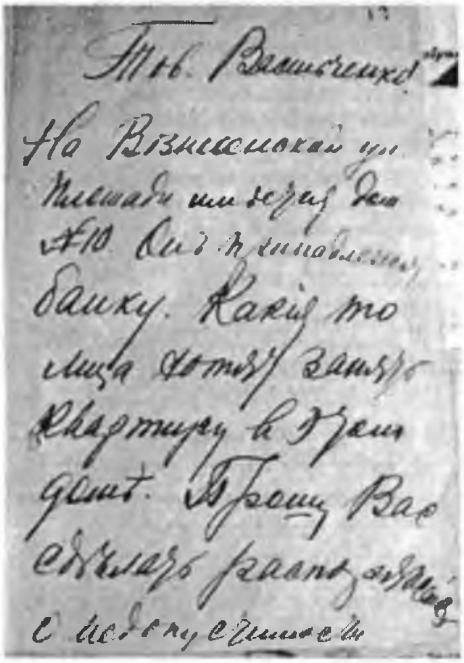
В левом нижнем углу стояла неразборчивая синяя печать»...

Михаил Булгаков
«Белая гвардия»

Какие только документы не пускали грабители в дело! Начальник еврейского боевого отряда «Бунда» Лев Туркельтауб, к примеру, вынужден был 19 марта публично откреститься от обысков и арестов, которые якобы производились его отрядом, и предупредил, что грабители, пойманные с подложными документами «Бунда», будут «караться по всей строгости революционного закона, вплоть до расстрела»[677].

«Донецкий пролетарий» отмечал: «Обыватель уже осторожен и не верит самозваным отрядам с подложными мандатами и удостоверениями»[678]. Кто прибегал к помощи домовых охранных комитетов, кто — к Сановичу, а кто — и напрямую в правительство ДКР. К примеру, Василий Высочин, житель дома 43 по улице Нетеченской, умудрился вызвать представителей комиссаров Донецкой республики через прислугу, когда в его доме уже шел обыск — некие вооруженные люди пришли с ордером на изъятие 25 тысяч рублей, а в противном случае грозились хозяина дома немедленно отправить «на работы в Донецкие рудники»[679].

Иногда к помощи комиссаров ДКР для защиты от неких людей «с мандатами» вынуждены были прибегать и люди, наделенные немаленькими полномочиями. К примеру, в архиве сохранилась собственноручная записка Серго Орджоникидзе, написанная комиссару Донецкой республики С. Васильченко. В ней всемогущий представитель Ленина просит немедленно вмешаться в ситуацию вокруг занятия «какими-то лицами» помещения в здании банка на Вознесенской площади, дом 10, и не допустить рек-

Жалоба Орджоникидзе на имя наркома ДКР Васильченко

визиции помещения у банковской структуры. По словам Орджоникидзе, эти «лица» прикрывали свои действия официальным разрешением некой «жилищной комиссии». Кто уполномочивал эту комиссию на вторжение в банк, осталось неизвестным.[680]

Все эти мнимые или реальные обыски и реквизиции совершались людьми, вооруженными до зубов. Оружие в Харькове и других городах Донецкой республики было ходовым товаром. Непосильной задачей для местных властей оказалось изъятие оружия у населения. Уже 20 февраля Главный штаб по борьбе с контрреволюцией (располагался на Садово-Куликовской, 7) издал приказ, которым объявлял холодное и огнестрельное оружие «достоянием народа» и велел до 25 февраля сдать означенное «достояние», грозя в противном случае 6-месячным тюремным заключением и штрафом до 10 тыс. рублей. Правда, через пару недель Кин уточнил этот приказ, запретив изъятие зарегистрированных в законном порядке охотничьих ружей.[681]

Судя по всему, кампания по добровольной сдаче оружия явно не увенчалась успехом (во всяком случае, известий об очередях на Садово-Куликовской зафиксировано не было). Тогда власти прибегли к обыскам с целью выявления оружия. Так, в ночь на 21 марта после тотального обыска гостиницы «Гранд-отель» на Павловской площади единственной находкой стал австрийский штык, найденный у сына владельца гостиницы мсье Боннотта, за которого, как указывалось выше, хлопотал консул Франции. А 24 марта состоялся обыск 4-этажного дома № 65 по Пушкинской улице. Как сообщала пресса, при

обыске было найдено три нагана, а также изъяты 2 пуда сахара, 10-рублевая золотая монета и один золотой французский луидор. Владелица луидора просила оставить его «как память об окончании французского университета», но ее просьба не была удовлетворена. Эти случаи демонстрируют, что обыски в целях выявления и изъятия оружия, как правило, не достигали своей цели.[682]

И уж совсем безуспешной была еще одна кампания, объявленная в Донецкой республике, — борьба с пьянством. Собственно, и тут ДКР не была первопроходцем — «сухой закон» был объявлен сначала Николаем II в 1914 г., а затем подтвержден Лениным, продлившим запрет на торговлю алкоголем в декабре 1917 г. «Успешность» этой борьбы была одинаковой во всей стране. 30 января 1918 г. по столице ДКР было объявлено «Обязательное постановление», первый пункт которого гласил: «Все вина, во всякой посуде, находящиеся на территории гор. Харькова в... погребах, гостиницах, ресторанах, клубах и у частных лиц, подлежат немедленной конфискации». Все владельцы больших запасов вина обязаны были уведомить власти под страхом конфискации их имущества.[683]

По указанию коменданта, в Харькове были введены драконовские меры не только против продавцов спиртного, но также против официантов и посетителей питейных заведений. К примеру, в середине марта приказом Кина № 4 на 2 тыс. руб. был оштрафован владелец ресторана «Румыния», допустивший распитие алкоголя у себя в заведении, официант был арестован на 1 месяц «за подачу штопора для откупорки бутылки коньяку гостю Долгому», а сам г-н Долгий за пьянство был арестован на 2 месяца. А 5 апреля на том же основании было закрыто кафе «Богема», а его владельцы за допущение распития спиртного были арестованы на 3 месяца (вряд ли они отбыли свой срок, учитывая, что через пару дней в Харьков пришли немцы)[684].

Как это обычно бывает при борьбе государства с качественным спиртным, народ быстро находит утешение в суррогатах. Типичную картину нарисовал в местной прессе житель Варваровки Старобельского уезда, назвавший свое село «царством самогонки». «Почти в каждой хате есть свой собственный "винокуренный завод"», — сообщил в письме селянин. По его словам, несмотря на значительную цену (8 рублей за бутылку), спрос на самогон был колоссальным: «Берут главным образом парни, которые, напившись, ходят по улицам и творят разные безобразия, вроде разбивания голов своим товарищам»[685].

Если в Харькове борьбу против коньяка вел Кин, то на местах власти не особенно-то рьяно боролись за трезвость. 20 апреля 1918 г. (опять-таки буквально накануне прихода немцев в Юзовку) на заседании Юзовской организации РКП(б) большевичка Гордон «указала, что в последнее время стало наблюдаться пьянство среди наших партийных товарищей», за что она предложила исключать из партии. Судя по решению партячейки, главным источником для производства местного самогона служила мелясса, остававшаяся в качестве отходов сахарного производства.[686]

В условиях военного положения и безуспешной борьбы с пьянством власти Харькова дошли даже до запрета увеселительных мероприятий. 8 марта 1918 г. по указанию Кина в столице ДКР были запрещены балы, маскарады и танцевальные вечера — стоит особо отметить, что до этой даты в городе они проходили регулярно, несмотря на войны и революции. Время работы кинематографа и театров было ограничено — до полдвенадцатого вечера. При этом исключения делались для «благотворительных вечеров». Соответственно, балы под видом таких вечеров были продолжены и после запрета. Невзирая ни на какие военные положения.[687]

Зато на военное положение в Харькове переводились целые дома и особняки. Как бы ни старался Кин или Санович, каких бы успехов милиция ни достигала в борьбе с отдельными бандами, опять-таки «анархия была сильнее». Налеты грабителей на квартиры и даже отдельные здания, начавшиеся в 1917 году, продолжались. Причем порой эти грабежи носили «партийный» характер. Так, 9 января 1918 г. харьковцев потрясло известие о налете на особняк графини фон дер Лауниц (урожденной Марии Трубецкой из знатного княжеского рода), вдовы бывшего Харьковского уездного предводителя дворянства, убитого террористами в 1906 году. Отряд анархистов ночью ворвался в особняк и, угрожая вдове револьверами, начисто ограбил богатое здание (всего было награблено имущества на 2 млн рублей).

Поражало то, насколько легко и быстро анархисты нашли спрятанные тайники. Как позже вспоминал генерал Б. Штейфон, «навела» грабителей старушка-няня, много лет работавшая на семью Лауниц: «Няня считалась верным человеком, и от нее в доме секретов не было. Через несколько дней после того, как вещи были спрятаны, ворвалась шайка и направилась прямо к тому месту, где находились драгоценности. А где они находились, зна-

ли только госпожа Лауниц да няня. Бандиты действовали уверенно и унесли богатую добычу. Няня была безутешна и повинилась, что без всякого умысла похвасталась в соседней лавчонке, «как хорошо мы с барыней спрятали бриллианты». Воодушевленная самоудовлетворением, няня увлеклась и поведала приятельнице-лавочнице, где именно спрятаны вещи. Дальнейший ход событий становится ясным...»[688]

Если в данном случае няня подвела своих хозяев по недомыслию, то чаще всего наводчиками для обысков и налетов слуги выступали сознательно. Тот же Штейфон вспоминает: «Сущим бедствием была прислуга — горничные, кухарки, дворники. Они зачастую бескорыстно доносили в ЧК на своих господ или наводили бандитов в дома, где служили. Уберечься от этих домашних шпионов было невозможно, и большинство семей предпочитали обходиться без прислуги. Даже верные люди, то есть няни или кухарки, жившие десять-пятнадцать лет и считавшиеся своими, вспоминали какие-то старинные обиды и сводили счеты»[689].

Власти Харькова довольно жестко отреагировали на захват особняка фон дер Лауниц, осадив его и изгнав анархистов из здания. 12 января комендант потребовал сдать награбленные ценности властям, но выполнять это требование никто не стал. Особняк велено было вернуть владелице. Но еще 28 февраля на областном комитете ДКР рассматривался вопрос выполнения этой резолюции. Выяснилось, что из бюджета Донецкой республики потрачено уже 3 тыс. рублей на обустройство в этом особняке детского сада, а эсер Голубовский и большевик Тевелев пояснили, что графине Лауниц уже выделена где-то одна комната.[690]

Гораздо тяжелее было бороться с грабежами различных неорганизованных банд. Штейфон пишет: «Грабежи, нередко сопровождаемые убийствами, не носили характера какой-либо системы. Налеты совершались и на богатые особняки, и на лачуги. Одной и той же ночью в центре города забирали бриллианты, меха, а на окраине снимали пальто с кондуктора»[691].

Грабители действовали порой очень жестоко. Так, при ограблении была убита семья Готман, при налете на дом по улице Чайковской бандитами была изнасилована 13-летняя девочка. В ночь на 3 марта, скорее всего, та же шайка, которая убила Готманов, совершила налет на квартиру некоего Кабакова по улице Садовой. Впечатляет размах и наглость действий этой банды: «Вся Садовая улица была оцеплена грабителями... Во время ра-

боты грабителей в доме Кабакова, «часовые», расставленные на Садовой улице, задерживали арестованных прохожих и обыскивали. Расставлены были патрули и у соседних телефонов». 19 марта шайка из 5 человек (четверо в штатском, один — в военной форме) ограбила несколько квартир в доме по ул. Монастырской, 8, унеся в общей сложности денег и добра на сумму 7700 рублей.[692]

Что говорить о квартирах, если грабители совершали налеты даже на охраняемые объекты. Силы чаще всего были не в пользу охраны. Так, во время упомянутого выше налета на склад Харьковской губернской продовольственной управы, банде Терешко численностью до 40 человек противостояло всего 3—4 вооруженных охранника. Бандиты взламывали сейфы управы в течение трех часов, удерживая сотрудников и обезоруженную охрану в качестве заложников. Времени было настолько много, что по требованию грабителей жена кассира даже успела испечь им блинов. Когда кассир решил давить на совесть, говоря о том, что грабители отбирают деньги у многочисленных служащих, ответ был прост: «Не беспокойтесь. Большевики так же легко дадут вам деньги, как легко их получают». Уходя, Терешко велел передать Кину, что ему осталось жить три дня, добавив: «Кина мы не боимся. Нас целая организация. Убили одного на Столярном переулке — на его место вступил другой. Мы никогда не уменьшаемся в количестве»[693].

Не гнушались бандиты и более мелкой наживой. К примеру, вечером 25 марта шайка из четырех человек (один — в матросской форме) напала на столовую «Аларди» по Москалевской улице. Обнаружив, что в кассе столовой денег нет, грабители забрали окорок, ветчину, хлеб и несколько килограммов колбасы, «после чего спокойно удалились». Правда, успокаивались они напрасно — через несколько часов их все-таки удалось арестовать. У сытых бандитов были изъяты 3 винтовки, наган, граната и сабля.[694]

В таких условиях харьковцам ничего не оставалось, как защищать себя самостоятельно, особо не полагаясь на правоохранительные органы. Штейфон вспоминал: «В то время большевики еще заискивали перед населением и власть, стремясь быть популярной, разрешила жителям организовывать районные самообороны. Скоро каждая улица имела свой отряд самообороны, каковой дежурил с наступлением сумерек до утра»[695]. А вот как описывали эти процессы газеты того времени: «В последние дни усиленно организуются домовые охра-

ны. Обитатели больших домов устраивают ночные дежурства, устраивают сигнализации на случай тревоги, для того, чтобы поднять на ноги весь дом и оказать сопротивление дерзким бандитам. Словом, мирный провинциальный город обратился в какой-то вооруженный лагерь... Каждый дом превратился в маленькую осажденную крепость, защищающую свою жизнь и имущество»[696].

Один из таких отрядов лично возглавил полковник Генерального штаба Борис Штейфон. Вот как красочно описывает он этот уникальный период своей «службы»: «Благодаря благоприятным обстоятельствам, а главным образом тому, что на нашей улице проживало несколько человек молодых офицеров и вольноопределяющихся, наша самооборона была хорошо организована: дежурства неслись добросовестно, сигнализация действовала безотказно, а в случае тревоги все мужчины быстро выбегали на улицу. Особенно старательным был сосед — старичок профессор. Обращаться с оружием он не умел, но, считая тревогу своей «гражданской повинностью», выбегал на улицу с тросточкой, а за ним неизменно выбегала жена и громким шепотом уговаривала его: «Иван Федорович, вернись домой! Ты и так простужен!» Иван Федорович послушно уходил, но при новой тревоге опять был на улице. В общем, самооборона была своего рода спортом, занимавшим всех, особенно в первое время!»[697]

Борис Штейфон во главе Белозерского полка на параде деникинских войск в Харькове

В связи с ростом активности домкомов и отрядов самообороны, создаваемых при них, перед властью стояла сложная дилемма: разрешать выдачу оружия отрядам или нет. Этот более чем спорный вопрос не раз обсуждался на заседаниях правительства

и обкома ДКР. 7 марта на областном комитете данную тему затрагивали Голубовский и Рубинштейн. Последний 19 марта на заседании Харьковского совета призвал обеспечить право всех граждан на свободное ношение оружия.[698]

Подобными просьбами домовые комитеты заваливали и правительство Донецкой республики. К примеру, в середине марта к наркому по делам управления ДКР Васильченко обратился большевик Виктор Шатуковский, глава отряда самообороны дома № 26 по улице Дмитриевской: «Ввиду повторяющихся каждую ночь в районе нашей улицы разбойных нападений, сопровождающихся нередко убийствами, обращаюсь к Народному Комиссару с просьбой: выдать, под мое ручательство и ответственность, домовому комитету... разрешение иметь оружие для самообороны. Ручаюсь, что ни при каких обстоятельствах Домовым Комитетом не будет произведено и допущено никаких выступлений против Советской власти»[699].

Однако эти ручательства руководители Донецкой республики воспринимали с настороженностью. Васильченко на областном комитете заявил: «Домовые комитеты не дают гарантии того, что оружие не пойдет белой гвардии». «Донецкий пролетарий» по этому поводу высказался еще более резко: «Формирование в Харькове отрядов белой гвардии перешло уже из области слухов в область фактов. Но господа харьковские домовладельцы, являющиеся инициаторами в этом деле, приобрели себе новых союзников в лице домовых комитетов, многие из которых усиленно стараются вооружить своих членов, прикрываясь необходимостью организовать ночную охрану, якобы для защиты населения от грабителей. Если же принять во внимание, что комитеты эти, в состав которых вошли в огромном количестве «товарищи» и близкие родственники домовладельцев, представляют собою настоящие контрреволюционные организации... то станет совершенно ясна та цель, с которою они стремятся приобрести оружие для своих членов»[700].

Эти опасения властей были небезосновательными. Тот же Штейфон писал о том, как при отступлении большевиков из Харькова в апреле 1918 г. велел своему домовому отряду самообороны выставить на перекрестке у дома свой пулемет (!) и открыл из него огонь по отряду красных, оказавшемуся неподалеку.[701] Кроме того, будущий белогвардейский генерал не скрывал, что зачастую домовые охраны представляли собой тех же бандитов, фактически «крышевавших» кварталы и

дома, которые платили им дань: «Зимою 1918 года возник даже своеобразный промысел: группа предприимчивых людей образовывала вооруженный отряд и за хорошее вознаграждение предлагала свои услуги по охране. Подобные «ландскнехты» по существу являлись жульем, но принятые на себя обязательства выполняли добросовестно: «свой» район не трогали, а грабили другие»[702].

Но даже хорошо вооруженные отряды самообороны несли потери в схватке с бандитами. Те иногда проверяли наличие и экипировку домкомов, предварительно открывая огонь по дому. К примеру, в середине марта бандиты, подошедшие к дому № 39 по Конторской улице, открыли огонь по охране без всякого предупреждения, тяжело ранив одного из членов отряда. И лишь убедившись, что охрана открыла огонь в ответ, нападавшие скрылись в ночной темноте. Самооборона свою функцию выполнила — дом был спасен от грабителей, — но цена безопасности была высокой.[703]

Надо заметить, что жители Харькова проявляли готовность не только оборонять свои жилища, но и вершить суд, не прибегая к формальностям или помощи официальных судебных органов. Эта напасть — самосуды — обрушилась на Россию сразу же после ликвидации царских правоохранительных структур в 1917 году. Когда население увидело, что власть не просто не наказывает преступников, но еще и выпускает их из тюрем, повсеместно правосудие начала вершить толпа. Это было характерно для России в целом, для Украины, для Донецко-Криворожского региона. Вот, к примеру, как описывал ситуацию на Украине Винниченко: «Суд не функционировал. Народ не верил этой закостенелой, продажной и приспособленной к защите привилегий и законов господствующих классов институции. Народ сам искал спасения и справедливости в себе. Пошла эпидемия самосудов»[704].

Страшнее всего, что даже просвещенное, интеллигентское общество особенно не протестовало против линчеваний, если они совершались в отношении бандитов и грабителей. Достаточно проанализировать либеральную прессу конца 1917 — начала 1918 г., чтобы убедиться в этом. Если она протестовала против конфискаций, обысков, реквизиций, ущемлений свободы слова, ограничения религиозных или имущественных прав, то сообщения об очередном самосуде над грабителем или даже мелким воришкой описывались в лучшем случае бесстрастно,

а то и с откровенным злорадством. Просвещенная российская публика, уставшая от грабежей, искренне радовалась такой форме борьбы с ними, не понимая, что уже в самом скором времени ожесточенная, развращенная кровью толпа обернет свое «правосудие» не только против грабителей.

Вот лишь несколько примеров того, как вершилось «народное правосудие» в столице Донецкой республики. В начале весны обитатели дома по Фесенковской улице поймали человека, одетого в форму матроса, который вымогал деньги у жительницы этого дома (причем вымогал оригинальным способом — угрожая ей каким-то шприцом). Некоторые предложили сразу же линчевать захваченного, но затем его решили отвести за угол — на Тарасовскую улицу, где незадолго до этого такими же «матросами» на 800 рублей был ограблен лавочник. Тот сразу же опознал в приведенном арестанте одного из грабителей. Харьковские газеты, как само собой разумеющееся, констатировали: «После этого приговор толпы был бесповоротным. Случайно оказался кто-то среди нее с винтовкой, который тремя пулями и покончил с разбойником». Никакого возмущения по этому поводу либеральная пресса не высказывала.[705]

20 марта средь бела дня два налетчика попытались ограбить мелкую лавочку на Молочной улице (ныне ул. Кирова), уложив на пол трех человек, находившихся в магазине. Однако в этот раз вовремя вмешались милиционеры, которые вместе с солидной толпой устроили преследование бандитов. Вот как описывала этот случай харьковская газета: «Задержав их, разъяренная толпа учинила над преступниками жестокий самосуд. В результате один из грабителей оказался убитым, а другой тяжело раненным». Таких случаев в Харькове было множество — и до провозглашения Донецкой республики, и после ее эвакуации.[706]

Практически все вышеприведенные примеры налетов и грабежей свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве случаев в них участвовали люди в военной или матросской форме. Чаще всего это были мнимые военные либо деклассированные дезертиры, тысячами бежавшие с фронта в 1917 году. Но ситуацию усугублял тот факт, что нередко преступления творились представителями действующих силовых структур — либо армии, либо Красной гвардии, либо милиции. На IV областном съезде Советов меньшевики в своей декларации заявили о том, что атмосфера царившей в начале 1918 года анархии привлекала к большевизму «в громадном количестве

всевозможные темные элементы», занимавшие ответственные посты.[707] И это заявление не было лишено оснований. Немало усилий правоохранительных органов ДКР было направлено на борьбу со своими же, с их произволом, пьяными выходками и грабежами.

18 февраля 1918 г. Главный штаб по борьбе с контрреволюцией издал приказ: «Адъютанта Главного штаба Усакова, ввиду безобразия, учиненного им в пьяном виде, уволить от занимаемой им должности и подвергнуть тюремному заключению на шесть месяцев». Подобные случаи были не диковинкой в ДКР. 15 марта Харьковский трибунал вынес приговор по делу представителя Купянского штаба по борьбе с контрреволюцией Ивана Солдатова, который был обвинен в «превышении полномочий» и проведении «незаконных обысков и арестов». Суд подтвердил вину борца с контрреволюцией, но посчитал смягчающим обстоятельством тот факт, что Солдатов... находился в состоянии алкогольного опьянения. Поэтому он получил относительно мягкий приговор — 1 месяц тюрьмы.[708]

Борьба с незаконными обысками и злоупотреблениями при всевозможных конфискациях велась правительством ДКР неустанно, что не раз приводило к конфликтам руководства республики с различными силовыми структурами. Так, 26 февраля наркомы ДКР были вынуждены вмешаться в ситуацию, связанную с арестом купца Кринского. К тому домой в ночь на 26 февраля ворвалась группа красногвардейцев с полномочиями от военного отдела при Харьковском совете. Они потребовали от торговца 150 тыс рублей, а поскольку у того было лишь 14 тыс., взяли эти деньги и арестовали Кринского, пригрозив отправить его на рудники Донбасса в случае, если к утру 27 февраля родственники купца не выделят недостающие деньги.[709]

Кстати, стоит отметить, что харьковские большевики пытались бороться и против этого наказания — отправки капиталистов на донецкие шахты. Эту практику завел еще в конце 1917 г. Антонов-Овсеенко, что вызвало протесты Харьковского совета. Данный спор дошел даже до Всероссийского совнаркома, где на заседании 30 декабря также вызвал бурные дискуссии. Но резолюция, написанная лично Лениным, была однозначной: «Совет Народных Комиссаров приветствует решительные меры т. Антонова... а вместе с тем постановляет, что командующий войсками вправе применять против грозящих вызвать безработицу и голод капиталистов-саботажников репрессии вплоть до отдачи ви-

новных в принудительные работы на рудники». Против данной резолюции категорически выступили левые эсеры, входившие в советское правительство, однако она была в итоге принята.[710] Соответственно, подобная мера наказаний относительно капиталистов была узаконена в России, и властям Донецкой республики ничего не оставалось делать, как принять этот способ влияния на преступников.

Со стороны же купца Кринского власти Донецкой республики состава преступления не обнаружили. Потому нарком Васильченко лично вмешался в эту ситуацию и пояснил, что военный отдел не был уполномочен на данный обыск и тем более арест купца. После его вмешательства Кринский и ряд незаконно арестованных торговцев были освобождены. Правда, 14 тысяч, изъятые у Кринского, ему возвращены не были — деньги были «распределены между нуждающимися красногвардейцами»[711].

Но и сами красногвардейцы не раз представали перед судом Донецкой республики. Так, немалое внимание привлек процесс по делу красногвардейца Василия Ситцевого, обвиненного в «контрреволюционной деятельности». 14 марта Харьковский трибунал приговорил его к 3 месяцам тюрьмы. Ситцевой был красногвардейцем, который участвовал во взятии Полтавы в январе 1918 года и был заподозрен в краже денежного сейфа с 46 тыс. рублей, изъятого в тамошнем юнкерском училище. Когда его коллеги-красногвардейцы высказали эти подозрения, в пылу ссоры Ситцевой заявил, что «ждет лишь поворота революции и тогда первый готов вешать» (следует полагать, своих коллег-рабочих). Этой фразы было достаточно, чтобы обвинить красногвардейца в контрреволюционных намерениях. В итоге эпизод с кражей сейфа на суде не фигурировал, а приговор касался лишь слов, сказанных в пылу ссоры.[712]

Не раз вскрывались и ложные обвинения. 4 марта под давлением меньшевиков (в частности, Павлова) по личному приказу наркома ДКР Васильченко был арестован заведующий политическим отделом контрразведки некий Веритэ, который был предан трибуналу за «произведенную реквизицию с корыстной целью». Однако на суде, состоявшемся через пару недель, все обвинения в адрес представителя власти рассыпались, и Веритэ в итоге был оправдан.[713]

Но бывали и случаи, когда отличить правоохранителя от бандита было невозможно (совсем как в нынешние времена).

В конце марта Харьков был взбудоражен диким случаем на Старо-Московской улице, когда некий Милов, рядовой боец формировавшегося тогда в Харькове партизанского отряда, застрелил прямо у вагона конки, на глазах толпы, раненого солдата, Георгиевского кавалера, с которым вступил в словесную перепалку. Милов был моментально задержан подоспевшей милицией, а в кармане у него был найден любопытный для солдата набор инструментов — отмычка, чужая банковская книжка на значительный вклад, золотой браслет, чистые бланки различных партийных организаций с оттисками печатей и т. д.[714]

Через год Артем, говоря о солдатах, наполнивших Харьков в начале 1918 года, и, в частности, о солдатах революционного 30-го полка, заявлял: «Эти люди умели бить контрреволюционеров, но они не умели понимать вполне смысла новых порядков, власти Советов. Они вызывали чувство восхищения своим героизмом там, где был враг. Но часто возмущали своим беспорядочным поведением там, где не было ни борьбы, ни открытого врага»[715].

В этой связи власти ДКР вынуждены были пойти на решительные меры, ликвидировав 30-й полк как таковой. Несмотря на то что Донецкая республика находилась в состоянии военной мобилизации в связи с наступлением немцев, а соответственно, ей крайне нужны были опытные воинские кадры, 30-й полк, так много сделавший для прихода большевиков к власти в Харькове, к тому времени был уже источником постоянных конфликтов и вооруженных столкновений внутри республики и доставлял больше головной боли, чем пользы. Активист полка Н. Глаголев вспоминает о его ликвидации следующим образом: «В марте 1918 г. 30-й полк в порядке выполнения приказа округа был демобилизован, партийные же и руководящие кадры были использованы в основном для работы во вновь сформированном Народном комиссариате по военным делам Донецкого и Криворожского бассейнов. Н. Руднев был назначен заместителем наркомвоена»[716].

С одной стороны, с ликвидацией полностью революционизированного 30-го полка в столице ДКР исчез очаг вольницы и анархии. С другой, проблема, связанная с преступлениями солдат, не была решена — практически все демобилизованные военнослужащие остались на территории Донецкой республики, многие из них сохранили оружие и продолжали его использовать отнюдь не в оборонительных целях.

ЗАГОВОРЫ И МЯТЕЖИ

В то время в Харькове много разговоров велось по поводу наличия на территории ДКР подпольного «белого центра», очага контрреволюционного офицерского заговора.[717] И хотя многие в то время считали эти опасения проявлением паранойи, а самих руководителей республики обвиняли в необоснованных обысках у офицеров, основания для подобных предположений были.

Харьков испокон веку был офицерским городом, здесь постоянно квартировали многие полки и воинские подразделения России. В течение ста лет (с 60-х годов XVII века) он был местом постоянной дислокации Харьковского слободского полка, в XVIII веке в Харькове была учреждена военная канцелярия, а в самом городе и в его наместничестве расположились гусарские полки.[718] С 1865 г. в непосредственной близости от Харькова, в Чугуеве, было создано пехотное юнкерское училище, существовавшее там и в бытность ДКР. В 1906 г. великий князь Константин Константинович торжественно открыл Сумской кадетский корпус, который к началу Первой мировой войны успел выпустить целую плеяду молодых офицеров, по большей части — выходцев из Харьковской губернии и Юга России.

Сумской кадетский корпус

Генерал Штейфон вспоминал: «Как известно, в довоенные годы Харьков, Полтава, Курск, Кременчуг и ряд других городов являлись стоянками тех или иных частей. Во многих пунктах полки квартировали десятилетиями. Города считали эти части

«своими», а офицерский состав имел прочные и разнообразные связи с населением. После развала фронта в 1917 году офицерство вернулось в свои прежние стоянки, с которыми они были связаны всеми своими интересами — служебными, семейными, имущественными и пр.» По оценкам Штейфона, после демобилизации 1917—1918 гг. на Юге России проживало не менее 75 тыс. офицеров. «Целая армия!» — восклицал белогвардейский генерал.[719]

Конечно, русским офицерам в ДКР, как и по всей России, было в то время очень тяжело. «Сидя в Харькове, мы являлись крохотным островком средь огромного большевистского моря, — вспоминал Штейфон. — Связь с другими городами была очень затруднительна, а сведения, оттуда поступавшие, ничего утешительного не давали. Всюду офицер был синонимом бесправия и беззащитности. В Киеве, Севастополе, Одессе офицеры гибли сотнями, и мы благодарили Бога, что хранит нас!»[720] На самом деле, офицерство должно было благодарить не только Бога, но и довольно-таки либеральный режим, существовавший в ДКР, — само собой, если сравнивать его с тем, что творилось в Киеве, Севастополе или Одессе.

Современный чугуевский исследователь Артем Левченко констатирует: «Единственным крупным центром на Юге России, который не потряс массовый террор зимы-весны 1918 года, стал Харьков». Правда, сам историк считает, что причиной этому не «гуманность харьковских чекистов и уголовников», а деятельность самого генерала Штейфона и возглавляемого им подпольного «Харьковского Главного Центра Добровольческой армии», который защищал офицеров, помогал им деньгами и продуктами.[721] Правда, сам Штейфон признавался в ином: «О Добровольческой армии или о каком-то вооруженном сопротивлении большевикам мы тогда ничего не знали. Приезжие из Ростова передавали, что генерал Алексеев собрал небольшой отряд и ушел в степь»[722]. Вот, собственно, и все сведения о формировавшейся тогда Добрармии, которые имел «подпольный центр Штейфона», представлявший собой, как было выше описано, лишь хорошо структурированный комитет по охране домов от налетчиков. Называть его «Главным Центром Добровольческой армии» (во всяком случае, во времена ДКР) все-таки было бы неправильно хотя бы исходя из того, что его не считал таковым начальник штаба Добрармии генерал-лейтенант Александр Лукомский, обитавший в то время в Харькове.

Да-да, один из лидеров белогвардейского движения, начальник штаба верховного главнокомандующего российской армии, участник «корниловского мятежа», разыскивавшийся по всей России после бегства из Быховской тюрьмы в сентябре 1917 года, с марта 1918 г. преспокойно проживал в столице ДКР. Сам Лукомский так описывает свое прибытие в столицу ДКР: «До Харькова я добрался благополучно. Здесь я сначала поместился в гостинице, но затем, благодаря рекомендации Х., я отлично устроился в богатом доме одной старушки, германской подданной. Нельзя обойти молчанием, что, при бывших в Харькове грабежах и уплотнениях квартир, в этот дом, хотя он и был полной чашей, ни разу не заглянул ни один большевик». Дети же Лукомского — 14-летний сын и 15-летняя дочь — проживали там же еще до приезда отца в семействе подданных Швейцарии.[723] Любопытно, что чуть ли не теми же словами («Приехали благополучно в Харьков») описывает свой переезд через этот город генерал Деникин. Правда, это было в ноябре 1917 года, еще до оформления ДКР. Именно на станции в Харькове будущий лидер «белого движения» встретил ехавших на Дон генералов Романовского и Маркова, также разыскиваемых по всей России как беженцев из Быховской тюрьмы.[724]

Надо заметить, Лукомский описывает встречу с неким «полковником, стоявшим во главе Харьковской военной организации [вполне вероятно, Штейфоном, хотя и странно, что спустя несколько лет после отъезда за границу Лукомский то ли не может, то ли не хочет вспомнить фамилию своего соратника, с которым затем прошел не один месяц войны. — *Авт.*], и с командиром офицерского батальона». И хотя генерал Лукомский на тот момент уже состоял в Добрармии и даже был начальником ее штаба вплоть до февраля 1918 г., харьковских подпольщиков он с этой армией никак не ассоциирует.[725]

Мало того, вся информация о деятельности этой «разветвленной» подпольной организации содержится исключительно в словах Штейфона — либо в его воспоминаниях, либо же в мемуарах Лукомского, который также ссылается исключительно на рассказ означенного харьковского «полковника». «Была надежда, — вспоминает Лукомский, — в случае восстания, получить четырехорудийную батарею, личный состав для батареи был подготовлен. В батальоне, который, по словам полковника, стоявшего во главе организации, можно было бы собрать в любой момент, числилось около тысячи человек. Кроме того, в списке офицеров, живших в Харькове, числилось око-

ло двух тысяч человек. Эти последние офицеры не были посвящены в существующую организацию. Каждый из офицеров батальона должен был в случае необходимости привести 2—3 офицеров, значившихся в списке и лично ему известных». По сведениям, полученным Лукомским, «такие же организации, но в меньших размерах, существовали в других городах Харьковской и Полтавской губерний»[726].

Генерал Александр Лукомский

Не менее интересным является тот факт, что, согласно мемуарам генерала, спонсировал деятельность «подпольной военной организации» в Харькове не кто иной, как Н. фон Дитмар и его горнопромышленники. Учитывая эту информацию, можно сделать вывод, что не такими уж и беспочвенными выглядели обвинения против Дитмара и арестованных руководителей ССГЮР на заре создания ДКР. А ведь Артем и руководство республики приложили значительные усилия, чтобы вызволить этих господ из тюрьмы. Более либеральный, чем в иных частях охваченных смутой и зарождавшейся Гражданской войной России, режим Донецко-Криворожской республики, несмотря на грозные предупреждения о расстрелах «контрреволюционеров», сквозь пальцы смотрел на деятельность многочисленных офицеров в Харькове.

Говорить о массовых репрессиях против офицерства в ДКР не приходится. Красочной иллюстрацией довольно либерального (по сравнению с остальными частями большевистской России, разумеется) отношения к офицерам служит пример, описанный выпускниками Сумского кадетского корпуса, которые решили найти временный приют в родном учебном заведении в феврале 1918 года. Конный отряд расформированного Новгородского полка в боевом порядке, окольными тропами прошел из Киевской губернии к Сумам (на прохождение 700 километров было потрачено две недели). Там большая часть отряда разошлась по домам. Ротмистр Иванов вместе с корнетом Снегиревым, поскольку ночевать им было негде, прибыли в родной кадетский корпус, где

попросили приюта на несколько ночей. Однако некий капитан Х., бывший воспитателем в корпусе, на следующий день сдал своих коллег-офицеров местным властям. «На другое утро, — вспоминает Иванов, — мы были арестованы и отправлены под конвоем в штаб Красной Армии; там нас обыскали, отобрали коней и... выпустили». Так обычно и поступали в отношении офицеров в Донецко-Криворожской республике, ограничиваясь допросом и изъятием оружия. Любопытно, что некоторое время спустя, служа уже в Добровольческой армии, ротмистр Иванов в Екатеринодаре столкнулся с выдавшим его капитаном. Оказалось, что офицер, сотрудничавший с большевиками в Сумах, уже служил в деникинской контрразведке.[727]

Конечно, трудно сказать более или менее точно, сколько русских офицеров находилось в Харькове и тем более в ДКР в начале 1918 года. Когда в апреле большевики покинули столицу Донецкой республики, на улицы Харькова сразу высыпали люди в офицерских погонах (местные газеты даже пристыдили их за то, что те надели русскую военную форму в период немецкой оккупации). А 21 апреля на собрание российских офицеров, созванное оккупационной комендатурой, прибыло до тысячи человек. Когда будущий глава деникинской пропагандистской структуры (ОСВАГ) К. Соколов проезжал через оккупированный Харьков (по его словам, «переполненный спекулянтами»), то заметил характерную для города картину: «В ресторанах я видел русских офицеров, подающих немецким лейтенантам»[728].

Как видим, несмотря на слухи о заговорах, офицеры Харькова вооруженных выступлений против властей ДКР не готовили. Правда, харьковская исследовательница Астахова утверждает, что в конце марта, организовав митинг против эвакуации предприятий, готовили свержение власти меньшевики: «Подготавливая вооруженную демонстрацию, они рассчитывали расправиться с большевиками, прекратить эвакуацию города и открыть его для вступления неприятеля». Но, по мнению Астаховой, «у большевиков было достаточно сил, чтобы быстро и решительно расправиться с контрреволюционной авантюрой»[729]. Честно говоря, документальных подтверждений готовящегося меньшевиками в Харькове вооруженного мятежа нет. Как мы убедимся ниже, митинги (в том числе меньшевистские) против эвакуации в ДКР проводились неоднократно, однако «решительная расправа» с протестами чаще заключалась в пламенной речи Артема, умевшего переубедить своих оппонентов или же смягчить их радикализм. Астахова же, скорее

всего, имела в виду арест организаторов меньшевистской демонстрации, который длился несколько дней и о котором речь пойдет ниже.

Если и случались вооруженные выступления в Харькове, то чаще всего это были пьяные выходки анархистов и деморализованных солдатских отрядов. Различные вооруженные отряды анархистов периодически захватывали тот или иной дом в городе, вывешивая там черные знамена. Так, в середине марта ими был захвачен особняк предпринимателя Владимира Коренева на углу Епархиальной и Бассейной улиц. Анархисты устроили бесплатную раздачу солдатам посуды и книг из обширной библиотеки Кореневых (отец владельца был в свое время председателем правления Донецкого каменноугольного правления). Вскоре здание было без боя отобрано у захватчиков боевыми дружинами «Бунда» и меньшевиков, которые пообещали жителям защиту от возможного повторения бесчинств. Подобные инциденты происходили регулярно. Позже советские историки и мемуаристы также описывали их как «вооруженные восстания в городе Харькове». Хотя, конечно, на восстания и мятежи эти стычки никак не тянули.[730]

Гораздо более серьезные вооруженные столкновения с анархистами произошли в Екатеринославе в начале марта. Там дошло до 15-минутного боя, в ходе которого последователи Бакунина разоружили отряд Еврейской социалистической партии. А затем они принялись за разоружение городской милиции под предлогом ее «контрреволюционности». И даже захватили тюрьму, выпустив всех заключенных. Отряд «черной гвардии» был успокоен лишь при посредничестве известного на Юге России лидера анархистов Арона Барона (в тот момент он был комендантом Полтавы, а позже Махно называл его «украинским Бонапартом»). В Екатеринославе же в результате этих столкновений было введено военное положение.[731]

Следствием беспорядков стало введение осадного положения и в городе Лебедин. 18 марта об этом издал приказ Иннокентий Кожевников, всего за неделю до этого кооптированный в состав правительства ДКР. Обосновывая введение чрезвычайных мер, Кожевников так в своем приказе обрисовал ситуацию в Лебедине, куда он прибыл с небольшим партизанским отрядом: «Я застал здесь полный хаос: на улицах толпы народа, беспорядочная стрельба, среди белого дня избиение толпой отдельных лиц и даже убийство двух». Правда, Антонов-Овсеенко уверяет, что Кожевников прибыл в Лебедин уже после подавления мятежа,

в ходе которого погиб советский матрос Денисенко, чьи пышные похороны 19 марта использовались большевиками для пропаганды своих взглядов.[732]

Через несколько дней Кожевников сообщил руководству ДКР о раскрытии контрреволюционного заговора и подготовке вооруженного мятежа в Ахтырке: «Там организована белая гвардия и милиция стоит на стороне белой гвардии. Во главе этой банды стоят офицеры расформированных полков». Для разоружения мятежников наркомом ДКР в Ахтырку был послан отряд во главе с его помощником Спасенко. В те же дни «Донецкий пролетарий» сообщал: «В Сумах белая гвардия после подавления ее восстания 24 марта притихла». Антонов-Овсеенко также сообщал о «вооруженных выступлениях кулачества» в Лебедине и Славянске. Так что, в отличие от Харькова, в иных районах Донецкой республики незначительные попытки офицерских мятежей случались.[733]

Досаждали и проезжавшие эшелоны с солдатами различных отрядов, которых приходилось утихомиривать оружием (или же угрозой применения оружия). Так, в марте боевому отряду Сановича пришлось стрелять в воздух, чтобы прекратить дебош нескольких десятков солдат и матросов, которые высыпали «погулять» из шедшего мимо Харькова эшелона. Расхаживая по Екатерининской улице, «вся эта компания безобразничала, кричала, останавливала прохожих и извозчиков, каталась на них, не платя денег, ругалась непечатными словами»[734].

Гор. Харьковъ. Екатеринославская улица

Поскольку передвижение практически всех отрядов (и советских, и немецких, и деникинских) велось исключительно по железным дорогам, больше всех от бесчинств солдат страдали жители железнодорожных узлов и станций. Антонов-Овсеенко вспоминал вполне типичную картину для тех лет, описывая мятеж красноармейцев левого эсера Ю. Саблина, прибывших в январе 1918 г. в Купянск: «Солдаты начали пьяный кутеж, разбежались; ему [Саблину. — *Авт.*] удалось с трудом удержать половину отряда, остальных пришлось разоружить»[735].

Юрий Саблин

Любопытно, что спустя всего лишь год, выступая в Харькове, вновь занятом Красной Армией, Саблин (теперь уже представлявший большевиков) с ностальгией вспоминал разбои своих солдат и анархистов, вполне оправдывая их: «Им за эту роль простятся те ошибки, тот небольшой элемент бандитизма, который был здесь... Ставить вопрос о том, что партизанские отряды это банды грабителей — это ставить вопрос, что революция тоже бандитизм». Данная реплика советского комдива вызвала гром аплодисментов делегатов Харьковского губернского съезда Советов.[736]

Иногда отряды красногвардейцев вступали в открытое противостояние с Советами (и наоборот). Причем зачастую трудно определить, кто из противоборствующих сторон выступал в роли «контрреволюционеров», а кто «подавлял мятеж». Непрекращающимся конфликтом, к примеру, выглядели взаимоотношения местных органов власти Чугуева с отрядом Красной гвардии, присланным из столицы Донецкой республики «для защиты революции».

12 марта 1918 г. местный исполком послал в Совнарком ДКР крик души с жалобой на бесчинства этого отряда, который любил забавляться стрельбами посреди улиц и взрывами гранат. В жалобе сообщалось (сохраняем стиль и пунктуацию оригинального документа): «Почти каждый день вечером слышно вы-

стрелы, это пьяные красногвардейцы стреляют без всякой надобности... Товарищи! Избавьте нас! Работа невозможна! В городе паника, а завтра обыски, реквизиции, аресты и пр... Мы более чем уверены, что этот отряд готов придумать и доказывать что угодно дабы оставаться в Чугуеве где им живется по барски без всякого контроля, и не признавая над собой фактически никакой власти»[737].

Спустя неделю народный судья Чугуева Брезинский уведомил харьковцев: «Вследствие конфликта Совета с частью Красной гвардии и объявления единолично начальником Красной гвардии, именующего себя военно-народным комиссаром по борьбе с контрреволюцией, Чугуева на военном положении и запрещения без ведома комиссара собраний всяких общественных и профессиональных организаций, народный суд считает дальнейшую свою работу невозможной и временно ее приостанавливает»[738].

Особенно тяжело складывались отношения с Советами городов Донбасса, в которых преобладали меньшевики. 1 февраля 1918 г. произошел инцидент между большевистским вооруженным отрядом, прибывшим в Алчевск на бронепоезде, и рабочими Донецко-Юрьевского завода (ныне Алчевский металлургический комбинат). Инцидент был вызван обыском, произведенным матросами в квартире одного из лидеров местных меньшевиков и Союза металлистов В. Польшинского. Обнаружив у того револьвер и изъяв его, отряд предпринял попытку арестовать обыскиваемого и препроводить его в свой бронепоезд. Однако к этому времени дом уже осадила толпа вовремя подоспевших металлургов численностью примерно в 500 человек. Матросы вызвали подкрепление из поезда. Но в итоге конфликт удалось погасить: Польшинский был отпущен, а отряд отошел, угрожая в скором времени «расправиться со всеми меньшевиками завода». Довольно любопытно, что толпа рабочих в принципе не возражала, но в ответ закричала, что «надо сначала арестовать монархистов, которые находятся в каком-то общении с большевиками»[739].

События, которые произошли 20 марта 1918 г. в Юзовке в связи со скандалом вокруг авантюр Залмаева (см. выше), также получили в советской исторической литературе название «мятежа»[740]. И в принципе, имеют больше оснований так называться. То, насколько серьезной сложилась ситуация в Юзовке, видно из панической телеграммы лидера местных большевиков Шулима Грузмана, отправленной в этот день в Совнарком Донецкой

республики: «Юзовский совет совместно с Думой постановили вооружить милицию и разоружить Красную армию. Контрибуцию, наложенную на Юзовских капиталистов Донецким Совнаркомом, сняли в пользу Думы. Постановлено, чтобы Центроштаб выселился из Юзовки. Часть рабочих, подозреваемая [видимо, Грузман хотел написать «подстрекаемая». — *Авт.*] меньшевиками, эсерами и провокаторами, бросает работу. Получаются уличные эксцессы... Дело может дойти до кровопролития... Необходимо всем авторитетом советской власти сказать юзовчанам, что они зарвались»[741].

«Мятежники», представлявшие советскую власть Юзовки, даже заняли почту. Учитывая тот факт, что в этом городе располагался Центральный штаб Красной армии, который ведал мобилизацией отрядов на борьбу с подступавшими немцами, можно представить, насколько серьезным сложилось бы поло-

Грузман Шулим Айзикович (партийная кличка — Александр)

Дата и место рождения неизвестны. Большевик с 1912 г. Профессиональный революционер.

Один из ярких ораторов большевистской партии в Донбассе, пользовавшийся значительным авторитетом среди горняков и за несколько месяцев создавший фактически с нуля в Горловско-Щербиновском районе одну из самых радикальных большевистских организаций в бассейне.

Биографические сведения о Грузмане довольно скудны. Известно, что с 1915-го по начало 1916 года он отбывал ссылку в Сибири. Прибыв после Февральской революции в Петроград, Грузман сам попросил направить его в Донбасс, где катастрофически не хватало агитаторских кадров. Будучи сначала совершенно неизвестным в регионе, он уже в марте 1917 г. возглавил Горловско-Щербиновский комитет РСДРП(б), а в мае был избран делегатом на I Всероссийский съезд Советов, значительно обойдя при голосовании популярного тогда в регионе меньшевика Трубицына. На съезде вошел в состав ВЦИК. Благодаря Грузману Никитовка и Горловка стали основными центрами большевистского влияния в шахтерском регионе.

Сразу после II съезда Советов, на котором Ленин объявил о свершившейся революции, Грузман был направлен Центральным Комитетом партии в Юзовку, где полностью заправляли меньшевики. При его активном участии в Донбассе был создан Центральный революционный комитет и Центроштаб, которые фактически являлись в Донбассе исполнительными органами власти Донецкой республики в начале 1918 г.

С эвакуацией ДКР перебрался в Москву, где работал в Секретариате ЦК. Представлял Донецко-Криворожскую организацию большевиков при формировании компартии Украины. В октябре 1918 г. в связи с отсутствием Артема был введен в Заграничное бюро КП(б)У и вскоре направлен на организацию большевистского подполья в Харьков, а затем в Екатеринослав. Убит петлюровцами в Екатеринославе в начале 1919 года.

жение Донецкой республики в случае продолжения конфликта. Однако после вмешательства руководства ДКР конфликт удалось погасить, не прибегая к насилию. Данный случай является примером того, как Совнарком ДКР выступал в роли третейского судьи, гасившего конфликты на местах между различными ветвями власти — следует заметить, советской власти.

Но если в случае с чугуевским или юзовским конфликтами хотя бы понятно, какие политические силы стояли за противоборствующими сторонами, то зачастую под видом «красногвардейцев» или «представителей властей» вообще неизвестно кто действовал. Так, 25 февраля представитель обкома Донецкой республики Константин Алексеев был избит и ограблен некими казаками в Алексеево-Орловке (ныне — г. Шахтерск). Пострадавший сообщил в Совнарком ДКР: «Эти казаки оказались членами банды, терроризировавшей Алексеево-Орловку, нарядившей суд над местным военно-революционным комитетом и сместившей его члена, лидера местных большевиков Григория Васильевича Семинишина. Грабежи и насилия банды вызвали возмущение местных крестьян, которые до того сотрудничали с рабочими, а теперь крайне озлоблены и вымещают злобу на рабочих. Совместная организация, державшаяся 10 месяцев, распалась и крестьяне отошли от рабочих». По сведениям Алексеева, банда, которую возглавлял некий Роман Кравченко, переехала из Алексеево-Орловки в Дмитровку (возле Макеевки), силой увозя с собой «несколько женщин из помещичьих прислуг»[742].

Нарком ДКР С. Васильченко так и не смог разобраться, кого представлял упомянутый Кравченко и его отряд, поручив выяснить это Политическому отделу Чрезвычайного штаба Донецкой республики. «И если и тот, и другой будут грабители, — писал Васильченко, — то ликвидировать его, а виновных в нападениях и насилиях привлечь к ответственности перед судом Революционного трибунала». Стоит обратить внимание на это «если» — то есть нарком допускал и вариант, что грабители таковыми и не являются.[743]

ДКР и «ПОХАБНЫЙ МИР»

Сейчас, конечно, трудно сказать, как бы сложилась судьба Донецкой республики, если бы не вторжение германской армии в пределы Украины, начавшееся 18 февраля 1918 г., то есть буквально через неделю после провозглашения ДКР. Наступление немцев началось на основании договора, заключенного с фактически уже ликвидированной УНР. А вплоть до 3 марта, дня подписания Брестского договора между Петроградом и Берлином, уже в условиях немецкого наступления, велись споры об условиях и целесообразности мира.

Вопрос войны и мира горячо дебатировался на протяжении и 1917-го, и 1918 года во всей стране. И само собой, Юг России не был исключением. Порой какой-нибудь митинг или сугубо хозяйственное собрание завершалось в итоге принятием резолюции относительно Бреста. Конечно, реалисты понимали, что вести войну с германской армией уже некому и нечем. Но в России в те дни преобладал революционный романтизм, породивший формулу «ни мира, ни войны» и иррациональную позицию советской мирной делегации на переговорах в Бресте. В таких условиях реалистам было довольно сложно отстаивать свою позицию.

Сторонники «революционной войны до победного конца» преобладали и в Донецко-Криворожской области еще до получения известий о вторжении немцев. Эти позиции значительно усилились, когда в регионе стали известны условия мирного договора между Германией и УНР. Немалую роль в определении позиций элиты ДКР сыграл глава ВСНХ В. Оболенский-Осинский, убежденный противник мира с немцами (настолько убежденный, что он в конце концов покинул свой пост в знак протеста про-

тив ратификации Брестского мира). Его мнение воспринималось многими в Харькове как мнение советского руководства, а потому поддерживалось довольно многими, включая главу ЮОСНХ В. Бажанова. Тот, выступая на экономической конференции, организованной правительством ДКР 24 февраля 1918 г., назвал Брестский договор «похабным миром с германским империализмом, который установит в России экономическую диктатуру германского финансового капитала»[744].

Да и сам Артем до его поездки в Петроград на VII съезд партии категорически выступал против мира с немцами. Произнося речь на областном съезде, провозгласившем создание ДКР, лидер харьковских большевиков заявил: «Это и был бы «похабный мир», если бы мы с одной стороны признали власть империалистов, и с другой — Советов. Сейчас нельзя заключать мира»[745].

Одно из объединенных заседаний областного комитета ДКР и исполкома Советов, состоявшееся 26 февраля, было специально посвящено выработке позиций относительно Брестского мира между советским правительством России и Центральными державами. Получилось оно довольно бурным и чуть ли не переросло в потасовку между оппонентами. От имени меньшевиков Феликс Кон назвал этот договор «позорной капитуляцией перед германским империализмом» и «предательством всех революционных элементов Украины, Финляндии, Литвы, Польши, Эстляндии и др., связавших свои судьбы с русской революцией». Ввиду бурного характера прений вся делегация большевиков покинула зал заседаний, при-

Офицеры из штаба фельдмаршала фон Гинденбурга встречают делегацию Советской России

хватив с собой и протокол собрания. В результате была принята эсеровская резолюция, осуждавшая идею заключения мира с немцами.[746]

Накануне областной исполком Советов также принял эсеровскую резолюцию, которая гласила: «Отвергая необходимость формального заключения мира на германских условиях, Исполком призывает к наивысшему напряжению революционной энергии, к сплочению и организации всех революционных сил вокруг Советов, для защиты революции от контрреволюционных покушений отечественной буржуазии и для отражения наступления германских милитаристов на цитадель международной социальной революции — революционную Россию»[747].

В последние дни февраля большевистский актив ДКР провел ночное заседание, чтобы выработать свою позицию по поводу Бреста. Артем уже уехал в Петроград на партийный съезд, поэтому основным докладчиком был нарком ДКР Межлаук, только что вернувшийся из российской столицы. Изложив суть споров в Питере, Межлаук призвал все-таки осудить готовящийся мир, выразив надежду на слабость Германии: «Что касается германского наступления, то... больших пехотных частей нет, наступление слабое, наступают в некоторых точках с небольшими силами». Правда, тут же донецкий нарком вынужден был признать, что противостоят немцам еще более слабые противники: «Беда в том, что остатки русских регулярных войск настолько разложились, что бегут перед одним германским автомобилем».

Позицию «реалистов» на этом собрании представлял лишь Ворошилов, заявивший: «Мы все за революционную войну, но в данный момент мы не в состоянии воевать, у нас для этого нет никаких средств, никаких возможностей, мы должны заключить этот не «похабный», а несчастный мир. Но мы не отказываемся от революционной войны, мы только ее откладываем до тех пор, пока мы оправимся». Как признался журналист большевистской газеты, эта точка зрения «встретила мало сочувствия» у большевиков. «Донецкий пролетарий» писал: «Ораторов с трудом слушают, перебивают негодующими возгласами с мест».

По предложению Оболенского большевики ДКР в час ночи приняли резолюцию, в которой вообще взяли на себя ответственность за организацию сопротивлению немцам (а стало быть, и Брестскому миру) в рамках всей России: «Соединенное заседание... приступает немедленно к организации всероссий-

ского пролетарского восстания против капитализма германского, российского, организует партизанские отряды для борьбы с германскими ударниками и приступает к решительным мерам социалистического характера». Чувствуется масштаб Оболенского, мыслящего глобальными категориями!

«Настроение поднялось, — сообщал «Донецкий пролетарий». — Мы знаем, что делать, мы смело смотрим вперед, мы не сдаемся, мы идем в бой с верой в наше правое дело, с надеждой на торжество и победу нашей светлой идеи свободы, равенства и братства. Смерть не страшна! Будь что будет». Стоит подчеркнуть еще раз, это «романтическое» постановление было принято в отсутствие Артема.[748]

В его же отсутствие областной комитет ДКР под председательством Васильченко принял резолюцию такого содержания: «Принятие условий мира германского правительства не на словах, а на деле означало бы самоубийство революционной демократии России, означало бы гибель социальной революции... Областной комитет признает необходимым заключение мира на условиях Германского правительства отвергнуть, если он уже заключен — расторгнуть и провозгласить священную партизанскую войну. Социалистическая Россия против международного империализма!» Этот текст был предложен именно большевиками, представленными в руководстве ДКР, и принят большинством в четыре голоса. Причем и меньшевики, и эсеры, входившие в состав обкома, представили свои проекты резолюций, также осуждавшие мир с немцами. Стоит отметить, что обком ДКР принимал решения от имени «социалистической России», а не каких-то иных государств.[749]

То есть консенсус основных политических сил региона по отношению к готовящемуся Брестскому миру по состоянию на начало марта 1918 года был фактически полным. Вплоть до VII съезда РКП(б) такие резолюции принимались повсеместно в различных районах Донецкой республики. К примеру, полностью на сторону противников Брестского мира стала Горловского-Щериновская большевистская организация, выступившая с соответствующей резолюцией.[750]

При этом, признавая наличие серьезных расхождений во взглядах на этот вопрос в столице, руководство харьковских большевиков выражало полную готовность подчиниться решениям готовившихся партийного съезда и IV Всероссийского съезда Советов. «Каково бы ни было решение этого съезда, — писал «Донецкий пролетарий» накануне съезда Сове-

тов, — безусловно все большевистские организации, несмотря на существующие разногласия по этому вопросу, не создадут раскол на этой почве, а будут действовать в согласии и взаимном контакте». «Известия Юга» подчеркивали, что на съезд едут отдельные делегации Украинской и Донецкой республик, и успокаивали население тем, что текст договора, конечно же, не распространяется на ДКР.[751]

На означенных же съездах развернулась нешуточная борьба по вопросу о войне и мире, в принципе подробно (хоть и однобоко) описанная в советской исторической литературе. Немалую роль в этой борьбе сыграл и глава правительства ДКР Артем.

Елизавета Репельская, боевая подруга и будущая жена Артема, которую он взял с собой в Петроград, позже вспоминала: «Сразу же после приезда к нам в номер зашли некоторые товарищи из «левых», предложившие Артему подписать материал, требующий отказа от грабительского Брестского мира. Но, вежливо извинившись, Артем выпроводил их и сразу же уехал в редакцию «Правды». Здесь мы всю ночь накануне съезда помогали Марии Ильиничне Ульяновой готовить очередной номер ленинской газеты, призывающий к немедленной ратификации договора с Германией»[752].

Как бы ни обрабатывали Артема, на партийном съезде 6 марта 1918 г. он в итоге полностью встал на сторону Ленина, выступив с эмоциональной речью, на которую пришлось обратить внимание всем последующим ораторам — все-таки глава ДКР непосредственно представлял регион России, судьбу которого обсуждавшийся Брестский мир подвесил на волосок и потерей которого пугали на протяжении всего съезда противники ратификации договора. Именно поэтому его мнение и пытались использовать «левые коммунисты», выступавшие против договора.

Артем заявил: «Нам говорят, что положение наше ужасно, что хозяйственная разруха невероятна, что у нас отнимают Донецкий бассейн с углем, Украину с хлебом [он постоянно подчеркивал, что речь идет о разных административных единицах. — *Авт.*]. Если мы объявим сейчас войну, мы их не получим; наоборот, как раз потеряем. Я, как один из представителей Донецкого бассейна, скажу, что если Петроград и Москва объявят войну, то прежде всего заберут нашу Красную гвардию, то, что у нас есть, с чем мы можем воевать с Петлюрой, чем мы били на другой стороне Каледина. Заберут ее сюда — отстаивать Петроград, а что останется нам? Мы потеряем революционные

и промышленные центры. Товарищи, сторонники революционной войны, должны понять, что мы начнем войну в условиях продолжительной хозяйственной разрухи, когда она уже почти убила Донецкий бассейн, когда наши лучшие рабочие ушли оттуда воевать... Если нам предлагают в качестве выхода из хозяйственной разрухи войну с Германией и надеются этим спасти Донецкий бассейн, то я думаю, товарищи, что таким образом подходят к вопросу совсем не с той стороны. Объявление войны Германии — а ничего другого, кроме объявления войны, нам не остается, если мы откажемся ратифицировать договор, — означает только одно, что мы, пытаясь спасти положение, делаем его еще хуже, мы удесятеряем разруху... Нам говорят, что если мы сейчас при условиях, в которых мы находимся, ратифицируем мир, то это будет предательством по отношению к рабочим Латвии, Украины и др., но я вас спрашиваю: разве, если мы сейчас объявим войну, они будут в лучшем положении?»[753]

Надо учесть, что эта речь произносилась в момент, когда немцы уже заняли Киев и фактически всю территорию Украины (в понимании этого термина лидерами ДКР, разумеется). Намерения немцев относительно того, наступать им на Донецкую республику или нет, были до конца неясны никому (как мы увидим, и самим немцам), хотя большинство понимало, что лидеры УНР будут настаивать на принадлежности этих земель Украине, а стало быть, у Германии будет значительное искушение взять под контроль промышленные районы Донбасса. Харьков в этот момент уже был объявлен на военном положении, мобилизация шла полным ходом, и, собственно, через неделю после этой речи войска Донецкой республики вступили в первые бои с оккупантами. Однако, как ни старался российский наркомат иностранных дел получить от немцев разъяснения по поводу их намерений, четких ответов получено не было. До последнего момента и в Харькове, и в Москве, куда в эти дни перебиралось правительство России, все-таки надеялись на то, что германская армия остановится на границах ДКР.

Дело в том, что Брестские договоры (имеются в виду и договор с УНР, и последующий договор с Россией), довольно четко определив границы немецкой оккупации на севере и западные кордоны УНР, оставили открытым вопрос восточной и северной границы УНР, а стало быть, остались неопределенными и пределы продвижения немцев на восток.

Как известно, поначалу на мирных переговорах в Бресте, начавшихся в ноябре 1917 г., «украинский вопрос» вообще не стоял. Обсуждались судьбы Польши, Финляндии, прибалтийских территорий, но вплоть до января 1918 г. вопрос отчленения Украины от России участники переговоров не обсуждали. Достаточно сказать, что официальный договор о перемирии, заключенный 2 декабря в Бресте, демаркационную линию между Россией и Центральными державами определил по Дунаю, ни словом не обмолвившись об Украине.[754]

При этом обе стороны ссылались на то самое пресловутое «право наций на самоопределение». Еще 27 ноября Ленин наметил следующие задачи советской делегации: «1) Официальное признание за каждой (недержавной) нацией, входящей в состав данной воюющей страны, права на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; 2) право на самоопределение осуществляется путем референдума всего населения самоопределяющейся области; 3) географические границы самоопределяющейся области устанавливаются демократически избранными представителями этой и смежных областей»[755].

Во исполнение этих указаний российская мирная делегация в декабре выступила с декларацией по поводу своей позиции, также подчеркнув, что Петроград не допускает «насильственного присоединения захваченных во время войны территорий», настаивая на проведении свободных референдумов, которые бы определили волю населения этих территорий и их дальнейшую судьбу.[756] Россия постоянно подчеркивала свою позицию о том, что ее будущие границы (и внешние, и внутренние) будут определяться «свободной волей самих народов, живущих на этих границах». «Окончательное решение о государственном положении упомянутых областей и о форме их внутреннего государственного устройства устанавливается путем всенародного референдума» — такова была официальная позиция советской России относительно любых спорных территорий.

30 декабря эту позицию в Бресте озвучил Каменев, заявивший: «Старые границы бывшей Российской империи... уничтожены. Новые границы Братского Союза Народов Российской Республики и народов, которые пожелают остаться за его пределами, должны будут формироваться свободным выражением чаяний народов». Советская делегация подчеркнула, что не намерена на переговорах в Бресте углубляться в территориаль-

ный диспут, настаивая на самоопределении населения спорных и приграничных территорий. Главное, с точки зрения советской России, заключалось в том, чтобы «линия, которая отделяет ее от соседей, была бы сформирована доброй волей самих народов, а не насилием извне»[757].

В принципе, немцы не возражали против такой постановки вопроса, понимая трудность осуществления этих мероприятий на практике. Представители Берлина подчеркивали, что право наций на самоопределение не распространяется на колонии Германии (в ходе Брестских переговоров советская делегация пыталась вступиться и за их судьбу), но абсолютно ничего не имели против будущего самоопределения территорий распавшейся Российской империи. Немцы громогласно стали обещать, что их «отряды будут находиться на оккупированных территориях до тех пор, пока там не состоится референдум»[758].

Рейхсканцлер Германии г-н фон Гертлинг в специальном послании рейхстагу 19 февраля 1918 г. подчеркнул, что этот принцип будет распространяться и на занимаемые немцами территории Украины: «С целью избежать несправедливости, договаривающиеся стороны воздержались от определения деталей пограничной линии и указали лишь общие направления в сторону учета этнографических условий; с учетом пожеланий населения приграничной зоны пограничная линия будет определена смешанной комиссией»[759]. То есть референдум в спорных территориях был обещан всеми сторонами — и большевистской Россией, и имперским Берлином.

Время от времени в Бресте поднимался и вопрос границ Украины. 17 января на заседании российско-австрийского комитета по политическим и территориальным вопросам О. фон Чернин предложил советской стороне обсудить границу Украины, с которой Центральные державы уже планировали подписать мир. Чернин впервые предложил вопрос российско-украинской границы обсудить без участия Германии или Австро-Венгрии, путем прямых переговоров между Петроградом и Киевом. Но это предложение было отвергнуто Троцким, заявившим, что «Украина является частью Федеративной Республики России». На этом встреча была завершена.[760]

Когда советская сторона поняла, что вопрос вторжения немецко-австрийской армии в пределы Украины уже решен, Москва постаралась договориться с Берлином о пределах оккупации. 27 января, за полторы недели до вторжения и за три дня до провозглашения ДКР, на пленарном заседании военной подкомиссии

российские эксперты подняли данный вопрос, однако на этот раз Германия отказалась обсуждать его, заявив, что это «не вопрос российско-германской границы, а вопрос границы между Россией и новыми приграничными государствами»[761].

18 февраля, когда немецкая армия, не встречая особого сопротивления, двинулась в сторону Киева, никто точно не мог сказать, где это наступление должно закончиться. Этого не знали ни немцы, ни украинцы, ни тем более большевики. Последние признавались позже: «Необходимо отметить, что среди нас в то время долго жила надежда, что Донбасс не будет оккупирован немцами, тем более, что его оккупация не была предусмотрена Брестским договором»[762].

Генерал Эрих Людендорф

Эта надежда была не беспочвенной. Главнокомандующий германской армии генерал Эрих Людендорф в своих мемуарах признавался, что, уже начав наступление на Украину, немцы точно не знали, где оно должно закончиться. Сначала, по его словам, армии Центральных держав наступали исключительно ради зерна, в котором нуждалась Германия, «а еще больше Австрия». Немецкому командованию, пишет Людендорф, необходимо было помнить эту цель «и продолжать наступление не дальше тех объектов, которые были необходимы». Генерал признался, что уже в начале апреля, когда немцы «оккупировали главный зерновой район», эта цель была достигнута. То есть немцы не собирались первоначально идти дальше Харькова. Но затем планы изменились. Людендорф пишет: «Главнокомандующий Восточным фронтом [с марта 1918 г. — генерал-фельдмаршал г-н фон Эйхгорн. — *Авт.*] обнаружил, что железные дороги не смогли бы функционировать без угля Донецкого бассейна. Поэтому, волей-неволей, мы должны были согласиться оккупировать и эту часть Украины, продвинувшись дальше, до Ростова»[763].

Бывший высокопоставленный австро-венгерский дипломат Иосиф Горичар признавался, что Австрия, разрабатывая планы

ведения войны на территории России, намеревалась ограничиться оккупацией лишь Правобережной Украины, вплоть до Киева. Но не дальше.[764]

TERMS OF PEACE MADE BY UKRAINE

New Republic Gets Increased Territory at Expense of Rest of Russia.

TRADE RESUMED AT ONCE

No Reimbursement of War Expenditures and No Indemnities for War Damages.

AMSTERDAM, Feb. 11.—A dispatch from Brest Litovsk via Berlin gives the details of the conference at which the peace treaty between the Central Powers and the new Ukrainian Republic was signed, and the text of the agreement reached.

"It was possible to announce at the beginning of the last pause in the negotiations that the basis for the entire-

The Ukrainian Republic

«Нью-Йорк таймс» — о планах приращения территории Украины

При этом представители Центральной Рады изначально убеждали немцев идти вплоть до Области Войска Донского, а затем и до Кубани. Сразу после подписания Брестского договора западные журналисты предполагали, что Австрия и Украина могут воспользоваться ситуацией, чтобы «вырвать часть территории из холодеющих рук России, чтобы за их счет увеличить территорию Украины». «Новая Республика увеличила свою территорию за счет остальной России» — гласил заголовок «Нью-Йорк таймс» после того, как начали доходить сведения о результатах переговоров в Бресте.[765]

Когда началось наступление немцев, в догадках по поводу их планов терялись и западные наблюдатели, оценивая посягательства УНР на «российские земли» как «экстремальные». Еще 21 марта, когда немцы лишь начали продвижение вглубь Донецкой республики, западная пресса терялась в догадках, будут ли «границы новой Украины простираться восточнее Харькова и Екатеринослава»[766].

Не знали этого и высокопоставленные германские офицеры. Так, командующий немецкой 91-й пехотной дивизии, занявшей Харьков в апреле 1918 г., генерал-лейтенант Клаузиус, давая свое первое интервью в столице ДКР, был явно поставлен

в тупик прямым вопросом местного журналиста о дальнейших планах немцев. Генерал заявил: «Мы дойдем только до границ Украины, признанных мирным договором, и ни шагу дальше»[767]. Учитывая тот факт, что восточные границы Украины не были определены в Бресте, можно предположить, что Клаузиус попросту не знал ответа на этот вопрос. И это в середине апреля 1918 г., когда немцы уже вступали в Донбасс!

Кстати, похоже, сами руководители Украинской Народной Республики поначалу не надеялись и на то, что немцы пойдут на Харьков, не говоря уже о Донбассе. 19 марта 1918 г., то есть в день, когда австро-германские войска полностью заняли территории западнее границ ДКР, председатель Совета министров УНР В. Голубович официальной нотой поблагодарил правительство Австро-Венгрии, заявив буквально следующее: «Правительство Украинской Народной Республики... выражает свою благодарность за ту военную помощь, которую Австро-Венгрия по первому нашему зову оказала в размере большем, чем мы ожидали, и помогла нам установить порядок и побороть врагов Украинской республики и нашего мира. Теперь мы констатируем тот приятный факт, что соединенными силами германских, австро-венгерских и украинских частей в стране нашей установлен порядок и спокойствие... Задача, возложенная вашим правительством на ваших воинов, ими с честью, достойной наилучших войск, выполнена быстро и хорошо»[768].

Очень ценное свидетельство того, что даже высокопоставленные деятели УНР после овладения австро-германцами территорий Украины в пределах, признаваемых и Донецкой республикой, посчитали задачу выполненной. То есть как минимум глава правительства УНР не надеялся, что наступление немцев будет продолжено вплоть до Харькова и дальше. Судя по сообщениям прессы, в те же дни украинские эсеры также призвали немцев остановить свое продвижение за пределы малороссийских губерний на территорию ДКР, «поскольку это подрывает доверие крестьян к Раде»[769].

В этой ситуации первоначальные надежды руководителей ДКР на то, что можно будет избежать оккупации, не выглядят слишком уж наивными. Хотя изначально этот вариант рассматривался как чересчур оптимистичный. Антонов-Овсеенко, прибывший в Харьков в первой половине марта, вспоминал, что «харьковские товарищи» изначально понимали, что немцы «перешагнут через границы Донбасреспублики».

«Конечно, — писал он, — протестами во имя права наций на самоопределение невозможно было остановить империалистическое нашествие»[770].

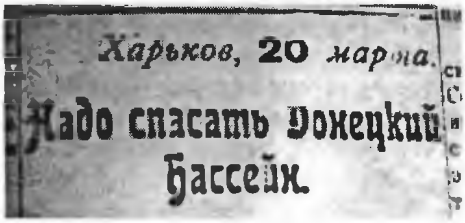
Через несколько дней после начала немецкого вторжения областной комитет ДКР рассматривал оба варианта — вторжения немцев на территорию республики и остановки их наступления. Еще до ратификации Россией Брестского мира «Донецкий пролетарий» писал: «Несомненно, гайдамацкие банды в случае мира будут требовать отнятия от Советской власти Харьковской и Екатеринославской губерний в их пользу... Совет Народных Комиссаров Донецкой республики, однажды постановив о создании и целости этой республики, не остановится ни перед чем, чтобы защитить ее от петлюровской банды жадных хищников»[771].

Нарком Васильченко доказывал, что «подписываемый мир является простой бумажкой, которая никого ни к чему не обяжет». При этом он настаивал на том, что Брестский мир не касается ДКР. «Счастливый исход для местной советской власти оратор видит в том, что недавно провозглашена Донецкая республика. Действие того пункта мирного договора, который касается Украины, естественно, не распространяется на Харьков и Донецкий бассейн», — заявил нарком.[772]

Этот тезис — о нераспространении условий Брестского договора на Донецкую республику — использовался затем неоднократно. «Донецкий пролетарий» писал в те дни на потрясающем суржике (специально приведу цитату в полном соответствии с оригиналом, чтобы читатель убедился, насколько в те дни были не сформированы еще литературные нормы украинского языка): «Тепер українско-німецькі банди після того як заняли Київску і Волинску губ. двинулись на Полтаву і Харьків. Що вони йдуть на Полтаву то це і повино будте, бо Полтава в українской республикі і коли вони хочут прибрати до своіх рук всю Україну, то певно і Полтаву не мене участь Кіива та інших міст Україні. Алеж шо ім треба в Харькові, яке вони мают право чипати город другої республикі, не той, на котру вони накладають свою грязну руку і німецкий сапог, а другої: Донецко-Криворожской, республикі... Може вони примусють всю Україну згодитися будте іхніми холопами, алеж робітників та селян Донецко-Криворожской республіки вона не здоліє бо це народ... не злякається и як один вони повині стати и стануть захищати свою республіку від кровожадних українскіх павуків котри хочут свои пазури простягти до неі»[773].

Власти ДКР выразили свою позицию в статье «Надо спасать Донецкий Бассейн», опубликованной в «Известиях Юга». Основная цель Донецкой республики была выражена довольно четко — «спасение для России Донецкого бассейна».

В статье утверждалось: «Поскольку Украина отделяется от России — это ее дело. Мы за ней не идем. Такова принципиальная сторона вопроса о взаимоотношениях между Донецкой Республикой и остальными... Теперь особенно необходимо подчеркивать этот момент в выделении Донецкого бассейна в автономную республику. Надо на весь мир кричать о том, что Донецкий пролетариат не считает себя входящим в Украинское государство, он самоопределяется не в сторону Украины, а в сторону Великой России».

Харьков, 20 марта.
Надо спасать Донецкий Бассейн.

В качестве второго шага лидеры ДКР считали необходимым распространить «заявление всем иностранным государствам, в том числе и Германии, что согласно воле Донецкого пролетариата, выраженной на IV Областном съезде, Донецкая Республика не считает себя входящей в состав Украины, и принадлежащей остальной России» (так в тексте). «Дальше правительство Донецкой Республики, — писали «Известия Юга», — должно заявить Германии и ее союзникам, что оно присоединяется к миру, заключенному Советом Народных Комиссаров Российской Федерации, и на этом основании потребовать невторжения германских войск за пределы Республики»[774].

По этому алгоритму правительство ДКР и действовало, громогласно объявляя о самостоятельности ДКР. Еще в феврале, когда немцы были далеки от границ Донкривбасса, Артем лично направил ноту кайзеру Германии, поясняя, что регион не входит в состав Украины, и предупреждая о том, что в случае вторжения в пределы суверенной республики трудящиеся поднимутся с оружием в руках против оккупантов.[775]

Такая позиция кому-то может показаться нынче и нереалистичной. Однако в этом смысле позиция меньшевиков ДКР еще меньше опиралась на реальное осмысление ситуации. Рубинштейн, к примеру, обсуждая судьбу Харькова, заявил: «Я считаю, что полумиллионный город с 50 тыс. рабочих не может быть театром войны и должен быть объявлен «откры-

тым» городом». Иллюзии по поводу возможности избежать войны и немецкой оккупации путем объявления своего города «вольным» или «открытым» за несколько дней до этого были развеяны у одесситов.[776]

Надежды на то, что немецкие войска, вторгаясь в пределы УНР, ограничатся лишь Малороссией и не пойдут в губернии Юга России, которые не были признаны как Украина и Временным правительством, поначалу существовали и в Москве. Об этом свидетельствуют многочисленные ноты и заявления, которые распространяло российское правительство относительно границ Украины.

18 марта, то есть в день вторжения немцев в пределы Донецкой республики, Народный комиссариат иностранных дел России передал по радио ноту правительству Германии с протестом против вторжения немцев за пределы границ Украины и потребовали вывода войск с территории, которая Украиной не является. В частности, Москва устами Чичерина потребовала немедленного очищения Одессы, заявив: «Народный комиссариат надеется, что если, несмотря на то что Одесса не входит в пределы Украины, ее занятие рассматривается как наступление и занятие украинской территории, Германское правительство не откажется сообщить, в каком виде оно представляет границу Украины».

На ответ немцам потребовалась неделя консультаций — лишь 24 марта германское правительство передало следующую ноту: «Императорское Германское правительство отклоняет протест Русского Народного Комиссариата по иностранным делам от 18 с. м. против вступления германских войск в Одессу и требование о немедленном оставлении этого города ввиду того, что он якобы не находится на украинской территории. Согласно заявлениям украинской делегации во время мирных переговоров в Бресте к территории Украины принадлежит, в частности, и Херсонская губерния. Следовательно, Одесса также должна рассматриваться как находящаяся на украинской территории».

Из этого ответа видно, что, во-первых, Германия, определяя границы Украины, базировалась лишь на устных пояснениях украинской делегации в Бресте, а во-вторых, на 20-е числа марта, когда уже велись бои в пределах ДКР, не имела четкого представления о том, какие еще губернии России следует причислять к территории Украины. Во всяком случае, четкого ответа на четкий вопрос НКИД России о границах Украины Берлин дать не смог.

В этой связи уже 26 марта 1918 г. народный комиссар Чичерин официальной нотой попросил Берлин «сообщить, основывает ли Германское правительство свое заявление о принадлежности Одессы к Украине на словесных заявлениях украинских делегатов или на каких-либо документах международного характера и как именно Германское правительство определяет границы Украинской Республики». В те же дни аналогичные усилия с целью доказать немцам, что Одесса «не является украинским городом и не имеет никакого желания таковым быть», прилагала и Одесская городская дума[777].

Еще одной пространной нотой от 26 марта Наркомат иностранных дел России четко указал Германии, что считает наступление, развернувшееся в Донецкой республике, выходом немецких армий за пределы Украины: «Народный комиссариат... не может не указать, что продолжающееся наступление германских войск на юге России, наступление, перешедшее за границу чисто украинской территории, не может быть согласуемо с принятым Договором». И вновь правительству Германии было настоятельно предложено «высказаться определенно по вопросу о том, какие именно границы ставит это правительство Украинской Республике»[778].

И лишь 29 марта 1918 г. германский МИД ответил радиограммой № 13402, в которой сформулировал наконец планы о продвижении своих войск, основанные исключительно на последнем Универсале Центральной Рады: «Императорское Германское правительство в соответствии с прокламацией Украинской Центральной Рады считает, что к собственно Украине относятся следующие девять губерний: Волынская, Подольская, Херсонская, Таврическая (без Крыма), Киевская, Полтавская, Черниговская, Екатеринославская и Харьковская». Таким образом, лишь к концу марта Берлин официально заявил о намерении занять ДКР. При этом было подчеркнуто, что вопрос принадлежности этих земель Украине не является окончательным и должен являться предметом договоренности между Москвой и Киевом: «Окончательно установление границы между Россией и Украиной должно иметь место в русско-украинском мирном договоре, немедленно заключить который Русское правительство обязалось по Мирному договору с нами и нашими союзниками»[779].

Таким образом, сомнений в том, что немцы пойдут на Харьков и, видимо, дальше, к началу апреля у Москвы не осталось. При этом, судя по дальнейшему обмену многочисленными

нотами, Россия прямо и косвенно постоянно подчеркивала, что не признает земли Донецкой республики частью Украины. В каждой ноте Чичерина упоминалось о том, что границы УНР (а соответственно, и продвижения немецких войск) Берлин определял лишь «согласно одностороннему заявлению украинской делегации» или «по односторонним заявлениям Киевской Рады». Наступление же немецких войск официально трактовалось Москвой как «вторжение в пределы Советской Республики»[780].

МОБИЛИЗАЦИЯ ДОНЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В условиях немецкого наступления все мирные планы экономических и социальных преобразований были отложены, главной задачей правительства Донецкой республики стала мобилизация и срочная подготовка к отражению возможной военной агрессии. Правда, времени на подготовку было крайне мало.

На момент провозглашения ДКР у новой республики фактически не было своей армии. По подсчетам современного украинского исследователя Я. Тинченко, к январю 1918 г. под командованием Антонова-Овсеенко в борьбе против Центральной Рады находилось до 19 тыс. штыков, 25 пушек, 5 броневиков, 3 бронепоезда и 2 самолета. Львиная доля этой разрозненной «армии» к февралю 1918 г. добивала Раду на Правобережье либо же выдавливала калединцев за пределы Донбасса, оперируя уже больше в Области Войска Донского. В Харькове и в крупных промышленных центрах ДКР сохранялось лишь сравнительно небольшое количество красногвардейских отрядов, набранных из местных рабочих, плохо обученных и фактически не обмундированных. Часть из них вернулась по домам после похода против Центральной Рады, а оставшиеся к моменту создания ДКР еще не нюхали пороха. Большинство из них не находились на казарменном положении, а являлись в штабы по вызову. Трудно сказать, сколько всего красногвардейцев было в подчинении у местных органов власти Донецкой республики. По оценкам советских историков (скорее всего, завышенным), на начало 1918 г. в Донбассе насчитывалось до 16 тыс. бойцов Красной гвардии.[781]

Что эта «армия» могла противостоять сотням тысяч вымуштрованных австро-германских войск, вторгшимся в фев-

рале в пределы Украины? В общей сложности на Киев, а затем на Донецкую республику наступали 29 пехотных и 4 кавалерийские дивизии общей численностью около 230 тыс. человек.[782] Силы явно были не равными. И судя по откровенным

Рухимович Моисей Львович

Родился в октябре 1889 г. в селе Кагальник (Область Войска Донского) в семье еврейского слесаря. Революционер, командир, хозяйственник, реформатор советской экономики. В революционном движении — с 15 лет. Входил в ростовские структуры «Бунда», с 1913 г. — член РСДРП(б).

Из наркомов ДКР Рухимович достиг наибольших высот в иерархии руководства СССР

Окончил сельскую школу, Грозненское реальное училище и несколько курсов Харьковского технологического института. Последний не окончил в связи с эмиграцией (1906—1909 гг.), жил в Турции, Египте, Греции, Болгарии. С 1911 г. — на подпольной работе на Юге России.

В 1914—1917 гг. — на фронте. После февраля 1917 г. — глава военной организации Харьковского совета, создатель Красной гвардии в Харькове. В 1918 г. — нарком ДКР по военным делам, организатор обороны, а затем освобождения ДКР.

С 1920 г. — глава Донецкого губисполкома, директор треста «Донуголь», сыграл важную роль в скорейшем восстановлении угольной отрасли Донбасса. В 1925—1926 гг. — глава ВСНХ Украины. С 1926 г. — заместитель главы ВСНХ СССР, член ЦК ВКП(б), с 1930 — нарком путей сообщения СССР, в 1936—1937 гг. — нарком оборонной промышленности. В качестве наркома Рухимович ведал организацией знаменитых полетов Валерия Чкалова. Планировался на пост главы Госплана.

Рухимовича очень ценил Хрущев, который был обязан бывшему наркому ДКР своей карьерой. Сохранилось немало мемуаров советских хозяйственников, с пиететом вспоминавших роль, которую Рухимович сыграл в индустриализации СССР.

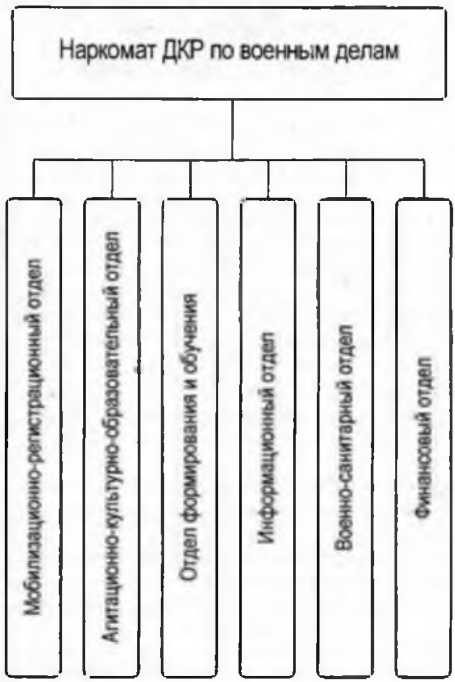
В октябре 1937 г. арестован, 29 июля 1938 г. расстрелян как «злейший враг народа» и троцкист (притом что еще с обороны Царицына боролся с Троцким и во всем поддерживал Сталина).

В 1944 г. был расстрелян и сын Рухимовича — Владимир. Ему вменили в вину причастность к подпольной организации «Смерть за отцов» и попытку покушения на Сталина, которую он намеревался осуществить на Воробьевых горах 1 мая, чтобы отомстить за родителя. Имели ли эти обвинения реальную почву, еще предстоит выяснить исследователям.

заявлениям лидеров Донецкой республики, в Харькове изначально прекрасно понимали невозможность победить эти армии в открытом военном столкновении.

Тем не менее, с первых дней немецкого вторжения в пределы Украины, несмотря на надежды, связанные с тем, что немцы остановятся на Днепре, руководство ДКР энергично приступило к организации обороны молодой республики от возможного продолжения немецкого наступления. Руководство обороной и формированием армии было возложено на комиссариат по военным делам во главе с Моисеем Рухимовичем, ставшим впоследствии одним из крупнейших руководителей СССР. 22 февраля 1918 г., то есть буквально сразу после начала немецкого наступления, был обнародован приказ Артема и Васильченко о назначении молодого Николая Руднева заместителем наркома по военным делам. На нескольких заседаниях Совнаркома обсуждалась структура этого наркомата. В конечном итоге она приобрела вид, приведенный в схеме, с наличием шести основных отделов. Структура наркомата и персональный состав руководителей отделов были утверждены приказами Руднева от 28 февраля.[783]

Структура наркомата по военным делам ДКР

Источник: диссертация В. Ревегука

25 февраля под председательством начальника гарнизона Сергея Петриковского (Рухимович, вызванный из Донбасса, доехал до Харькова и вступил в свою наркомовскую должность лишь 4 марта) состоялось совместное заседание военного наркомата и представителей воинских частей, на котором был рассмотрен вопрос о мобилизации и финансировании

армии. Представитель 30-го полка Н. Глаголев попытался внести резолюцию, осуждавшую Брестский мир. Однако при голосовании (да-да, первоначально вопросы обороны в ДКР также обсуждались путем голосования) 13 голосов против 6 приняли решение воздержаться от каких бы то ни было резолюций вплоть «до получения полных, более точных сведений» об условиях мира.

27 февраля СНК ДКР постановил приступить к полной мобилизации военных сил республики. Уже 1 марта в соответствии с этим декретом был создан военный отдел при Харьковском совете

Петриковский Сергей Иванович (псевдоним — Петренко)

Родился 3 (15) сентября 1894 г. в Люблине (ныне — Польша) в семье учителя. Революционер, советский военачальник, генерал-майор. Большевик с 1911 года.

Сам Петриковский о себе писал: «Отношу себя к профессиональным революционерам. К этому готовился, этому давал клятву в юные годы, так строил жизнь».

Окончил Люблинскую гимназию, где под влиянием своего преподавателя Н. Крыленко (будущего советского главковерха) стал большевиком. Учился на физико-математическом факультете Петербургского университета. Стал связным руководства РСДРП(б) с Лениным, находившимся в эмиграции в Кракове, там тесно сошелся с большевистским вождем и его семьей. С 1915-го по 1916 год — в сибирской ссылке.

В 1916 г. мобилизован и послан в 30-й Сибирский запасный полк, где сошелся с Н. Рудневым. В 1917 г. окончил ускоренные юнкерские курсы, направлен в Харьков. Осенью 1917 г. назначен начальником военного гарнизона Харькова. Вместе с Рухимовичем и Рудневым организовывал боевые отряды ДКР для обороны от немцев.

С 1919 года — начдив, участник боев на Юге России и в Крыму. В июне 1919 г. арестован по приказу Троцкого за самовольные переговоры с противником, но освобожден по личному ходатайству Ленина. Был свидетелем гибели Н. Щорса (позже выдвинул версию умышленного убийства советского комдива его помощником Иваном Дубовым). В 1920 г. штурмовал Перекоп.

После Гражданской войны — на командных постах, один из создателей советского авиапрома и ВВС.

Умер от инфаркта 25 января 1964 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

в количестве 13 человек. Ему подчинялись «все воинские части и учреждения бывшего военного ведомства и все красногвардейские организации Харьковской губернии». Отдел напрямую подчинялся наркомату по военным делам ДКР.[784]

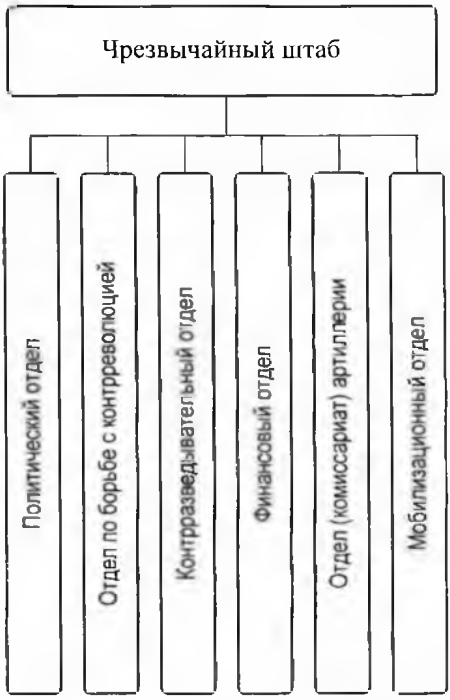
3 марта в 11 часов вечера на совместном совещании представителей военных учреждений Харькова и Донбасса был создан Чрезвычайный штаб обороны ДКР, фактически выполнявший функции мобилизационного отдела при военном наркомате. Председателем штаба был назначен нарком М. Рухимович, его заместителем — Н. Руднев, членами штаба — С. Петриковский, М. Сапельников и Н. Коляденко. Располагался штаб на Садово-Куликовской ул., 7.[785]

Данная структура была создана, когда немцы уже вошли в Киев. Примечательно, что, невзирая на эти чрезвычайные обстоятельства, меньшевики и эсеры, входившие в областной комитет ДКР, выразили протест против образования штаба (они его называли «пятеркой»). Рубинштейн возмутился тем, что эта структура создана в обход областного комитета, и заявил, что Харькову необходимо создание не военного, а «гражданского центра». Он заявил: «Я констатирую, что областной комитет не несет ответственности за образование «пятерки», за круг ее ведения и за ее действия».

В ходе бурных дискуссий была принята резолюция, выдвинутая Васильченко, где Советам было предложено «оказать доверие Чрезвычайному штабу Донецкой Республики как органу, руководящему военно-стратегической областью деятельности Советской власти». В знак протеста против принятия этого постановления Черный от имени эсеров заявил о намерении фракции покинуть областной комитет ДКР, хотя тут же сделал уточнение: «Впредь до выяснения вопроса о практическом применении постановлений областного комитета фракция С.-Р. остается в комитете лишь в целях борьбы за отмену гибельных постановлений»[786].

Военный наркомат и Чрезвычайный штаб ДКР опирались на различные военные структуры Советов на местах. В Харькове и губернии, как уже было отмечено выше, упор был сделан на военные отделы местных Советов. В Екатеринославе за организацию обороны сначала отвечало Бюро по организации Рабоче-крестьянской добровольческой армии (почти как у Деникина), а с конца марта 1918 г. — военный отдел губернского Совета с мобилизационной коллегией при нем.[787]

Структура Чрезвычайного штаба обороны ДКР

Источник: диссертация В. Ревегука

Одним из мощнейших мобилизационных центров ДКР стал Центральный штаб Красной Армии в Донбассе (сокращенно — Центроштаб). Он был создан еще 4 декабря 1917 г. как Центральный штаб Красной гвардии Донбасса. В начале марта 1918 г. данная структура была слита с коллегией Центрального военно-революционного комитета бассейна и сконцентрировала, таким образом, в одном органе военную и гражданскую власть в крае. Решением Совнаркома ДКР от 26 февраля этот орган был переименован в Центроштаб Красной Армии в Донбассе с центром в Юзовке (ныне — Донецк), при нем было создано 9 отделов, главными из которых стали организационно-агитационный, мобилизационный, а также отдел формирования и обучения.[788]

27 февраля Центроштаб бодро телеграфировал на места: «Штаб взял на себя организацию Красной армии. Немедленно и энергично беритесь за дело»[789]. Стоит обратить внимание на дату — как известно, официальной датой создания Красной армии советской России считается 23 февраля 1918 года. То есть в ДКР армия формировалась одновременно и параллельно общероссийской.

Центроштаб действовал настолько энергично, что позже некоторые мемуаристы ошибочно приписывали ему функции основной военной структуры в ДКР. В то время как штаб фактически функционировал на положении губернской структуры

Чрезвычайного штаба Донецкой республики.[790] С 8 марта при Центроштабе в Юзовке начала выходить газета «Донецкий пролетарий» (не следует путать с харьковской одноименной газетой), которую выпускал глава издательского отдела Центроштаба Ш. Грузман, сыгравший значительную роль в мобилизации рабочих Донбасса.

В своей мобилизационной деятельности руководство Донецкой республики старалось строго следовать указаниям из российских столиц — соответственно, сначала из Петрограда, а потом из Москвы. 4 марта нарком ДКР И. Кожевников в ходе беседы по прямому проводу со Смольным получил известия о подписании за день до этого Брестского мира между Россией и Германией. Собеседник Кожевникова подчеркнул неясность ситуации с границами и с месторасположением советских войск. Он заявил, что боевые действия «на фронте от Петрограда до границы Украины» приостанавливаются, но советские отряды «остаются на месте в полной боевой готовности до новых директив» и до ратификации (или же нератификации) договора. Смольный дал понять, что в данный момент главное — выиграть время. При этом, несмотря на неясность дальнейших планов немцев, Петроград дал вполне четкие указания руководству ДКР относительно дальнейших действий, в том числе в тылу врага: «Советуем вам готовиться всеми силами, организовывать партизанские отряды, подрывные группы, взрывать мосты, шоссейные дороги, вывозить хлеб на восток немедленно, а чего нельзя вывести — сжигать дотла. Не нужно ждать появления немцев, устремляйтесь сами вперед навстречу врагу и взрывайте все дороги. Первое дело — остановить врага и затруднить его продвижения, второе дело — залить деревни воззваниями, призывающими против новотатарского ига, создаваемого германскими бандитами»[791].

Как видно из этого послания, в Петрограде, в отличие от Харькова, особых иллюзий по поводу дальнейших планов немцев не питали. При этом советское руководство России и не намеревалось изначально, подписывая Брестский договор, останавливать боевые операции против немцев. Даже учитывая возможность выхода за пределы не только Украины, но и ДКР, Смольный намеревался развернуть широкую партизанскую борьбу в тылу германской армии. Самое поразительное, что подобные телеграфные переговоры в те времена запросто могли быть в тот же день опубликованы в прессе. В наши дни «открытого общества» такая откровенность была бы невозможна.

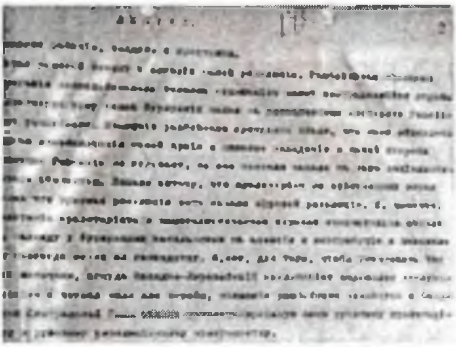
Получив и обнародовав столь откровенные директивы из российской столицы, руководство ДКР устами «Донецкого пролетария» так же откровенно сообщило населению своей республики, что не намерено выполнять приказ о демобилизации, так как этот приказ «не может быть приложен к политической конъюнктуре Южной России, ибо подчинение этому приказу обозначает самоубийство всего пролетариата Донецкой Республики, уничтожение всех боевых сил нашей Советской власти». Газета провозглашала: «Каждую пядь земли, каждый клочок нашей территории мы должны защищать с яростью льва, с гневом неумолимой борьбы». Правда, тут же жителей столицы ДКР успокаивали: «Непосредственная опасность Харькову не угрожает. Вопрос об осаде его является, в крайнем случае, при абсолютно плохом обороте вещей, вопросом нескольких недель». Задача перед создаваемыми частями армии ДКР формулировалась более чем забавно: «Противопоставить реальную силу, мощное противодействие беспорядочному наступлению гайдамацких шаек»[792].

Трудно сказать, насколько автор этих слов был искренен, выражая надежду на то, что даже при худших раскладах «беспорядочное наступление» противника будет остановлено на подступах к Харькову. Скорее всего, подобные заявления делались с целью хоть как-то успокоить население, прекратить начавшуюся в городе панику. Во всяком случае, энергичные мобилизационные и эвакуационные усилия властей ДКР свидетельствовали о том, что они изначально готовились к гораздо более худшему сценарию, хотя и не оставляли надежд на то, что немцы не пойдут в пределы ДКР.

28 февраля Руднев выступил с докладом об организации военного дела на областном комитете ДКР. Он сообщил руководству республики: «При Народном Комиссариате по военным делам создается коллегия по формированию и обучению добровольческой социалистической рабоче-крестьянской армии. Все военные отделы губернских и уездных Совдепов устраивают Бюро записи добровольцев в Социалистическую Красную армию». Руднев подчеркнул, что набор солдат происходит исключительно на добровольной основе «по рекомендации революционных организаций». При обсуждении доклада Рубинштейн потребовал «не создавать искусственных преград для тех, кто желает защитить дело революции». Кроме того, он предложил ввести для солдат «отличительные знаки», разрешить «открытое ношение оружия» и соблюдать «правила войны».[793] Учитывая,

что всего через четыре дня тот же Рубинштейн будет настаивать на плане объявления Харькова «открытым городом» и на прекращении сопротивления немцам, позицию меньшевиков последовательной назвать трудно.

В тот же день Руднев издал приказ № 4 об организации набора добровольцев в армию. Помимо упомянутой на обкоме схемы применения рекомендаций со стороны общественных организаций Руднев указал также порядок назначения командиров: «Все воинские начальники должны быть утверждены Советами. В управлениях воинских начальников Совдепом избирается комиссар». Руднев стал одним из первых советских деятелей, выступивших за создание регулярной армии. Как позже писал о Рудневе Артем, «он был как раз в числе той группы харьковцев, которая подняла голос протеста против отрядной системы и требовала создания настоящей Красной Армии»[794].

Декрет Совнаркома ДКР о мобилизации республики

Этот призыв в конце концов был услышан руководством Донецкой республики, которое издало пространный декрет, разъяснявший международное положение и гласивший:

«Товарищи! Революция в опасности! Поднимайтесь на защиту революции от вековечных насилий. Труженики — к оружию, буржуазия — на работы! Терять нам нечего, приобретем весь мир. Пускай буржуазия узнает, что ей нужно пройти через трупы революционных рабочих, солдат и крестьян Российской республики, прежде чем будет свергнута Советская власть. Революция в опасности! Беритесь за оружие! Спасайте революцию!

Именем республики Донецкого и Криворожского бассейнов Совет Народных Комиссаров постановляет приступить к полной мобилизации всех революционных сил республики, для чего:

1) Народному Комиссариату по военным делам создать Центральный орган по формированию добровольческой социалистической рабоче-крестьянской Красной армии.

2) Всем военным отделам губернских и уездных Совдепов приступить к записи добровольцев, стоящих на платформе Со-

ветской власти, и к формированию Красных отрядов согласно инструкциям Народного Комиссариата по военным делам.

3) Распустить остатки постоянной армии.

4) Ассигновать на формирование Красной Армии Народному Комиссариату по военным делам необходимые средства»[795].

Начиная с 3 марта, основные харьковские газеты начали публикацию броских объявлений о «наборе боевых отрядов партии большевиков». Запись происходила в Харьковском комитете партии по адресу ул. Рождественская, 8. Упор, безусловно, делался на рабочих.[796]

Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия.

ДОНЕЦКИЙ ПРОЛЕТАРИЙ

ежедневная рабочая газета. | ВОСКРЕСЕНЬЕ 3 МАРТА 1918 ГОДА.

Товарищи! записывайтесь в боевые отряды партии большевиков.

Запись производится на Рождественской, № 8 в помещении Харьковского Комитета.

7 марта был опубликован призыв Чрезвычайного штаба ко всем фабрикам и заводам произвести мобилизацию рабочих-мужчин от 18 до 50 лет, способных носить оружие, и сразу же четверть мобилизованных направить в казармы 30-го полка для зачисления в ряды армии. Остальные рабочие оставались в резерве, обучаясь при этом военному делу. Решение Чрезвычайного штаба было поддержано совещанием представителей 44 предприятий Харькова.[797]

В тот же день руководство завода ВЭК постановило мобилизовать всех рабочих до 27 лет, а остальным велело начать строевое обучение на заводе. Через несколько дней общее собрание ВЭК постановило: «Обязать всех рабочих и служащих завода от 18 до 50 лет обучаться в казармах 232-го пехотного запасного полка, чтобы в течение 12 дней овладеть оружием. Не явившихся штрафовать или увольнять с завода». Подобные же резолюции были приняты работниками станции Харьков-Товарная, Брянского завода в Екатеринославе, Таганрогского металлургического завода и других предприятий Донецкой республики.[798]

Но далеко не все заводы поддержали призывы к мобилизации. Так, в начале марта в ходе бурных дискуссий на заводе «Гельферих-Саде» была принята «резолюция протеста против

действий Совета Народных Комиссаров, о защите Учредительного собрания», при этом было постановлено «мобилизации принудительной не производить, работы продолжать и предоставить каждому добровольно поступить в Красную армию»[799]. Меньшевики пытались и на других харьковских заводах принять подобные резолюции.

Много бойцов дала мобилизация в Луганске, где 5 марта местный комитет большевиков обратился с воззванием к рабочим: «Всем, кому дороги идеалы пролетариат, все, кто ценит пролитую кровь наших братьев за освобождение России, все до одного — к оружию! С оружием в руках, стройными железными рядами ударим по врагам труда, по белогвардейцам немецким, великорусским и украинским». Уже к 26 марта, то есть за три недели мобилизации, из Луганска на фронт были отправлены два подразделения добровольцев.[800]

Добровольческие отряды большевиков формировались и в других городах Донбасса. 25 марта в ряды 3-й советской армии под командованием Муравьева влился отряд, сформированный в Попасной. Активно записывались в добровольцы шахтеры. Только за одну неделю второй половины марта из Макеевки были посланы на фронт в распоряжение Сиверса 8 отрядов общей численностью до 2000 чел., из Дружковки — 2 отряда количеством 1240 чел., из Мариуполя — сводный отряд из 1500 бойцов, из Горловско-Щербиновского подрайона — 320 чел. В районе Юзовки был сформирован 1-й пролетарский полк Донбасса, комиссаром в котором даже некоторое время был Никита Хрущев.[801]

Военные руководители ДКР пытались создать не только пехотные полки. «Мы особенно нуждались в специальных кавалерийских, артиллерийских и других воинских частях, — вспоминал старый харьковский большевик П. Чепурнов. — Военный отдел занялся также и этими вопросами. Приступили к формированию кавалерийского отряда и созданию броневых поездов. Особенно активно проявили себя железнодорожники, которые оборудовали под броневые площадки пульмановские вагоны»[802].

Кроме того, на базе 29-го отделения бронедивизиона, разместившегося на Мироносицкой площади в Харькове еще в 1917 г., было создано броневое подразделение ДКР, которое использовалось сначала боевой группой Кина—Сановича, а затем участвовало в боях с немцами. Начав с пяти броневиков, часть расширялась за счет машин, которые снимались властя-

ми Харькова с поездов, уходивших с фронта. О создании этого подразделения оставил подробные воспоминания непосредственный участник событий харьковец Алексей Селявкин.[803]

Создатель броневых частей ДКР Алексей Селявкин

28 марта в «Известиях Юга» появилось воззвание к артиллеристам, подписанное в числе прочих «комиссаром артиллерии Донецкой республики», призвавшим записываться в артиллерийские отряды Красной армии: «Товарищи артиллеристы! От вас ждет русский революционный рабоче-крестьянский народ помощи для борьбы с контрреволюцией... Да здравствует Красная артиллерия!»[804]

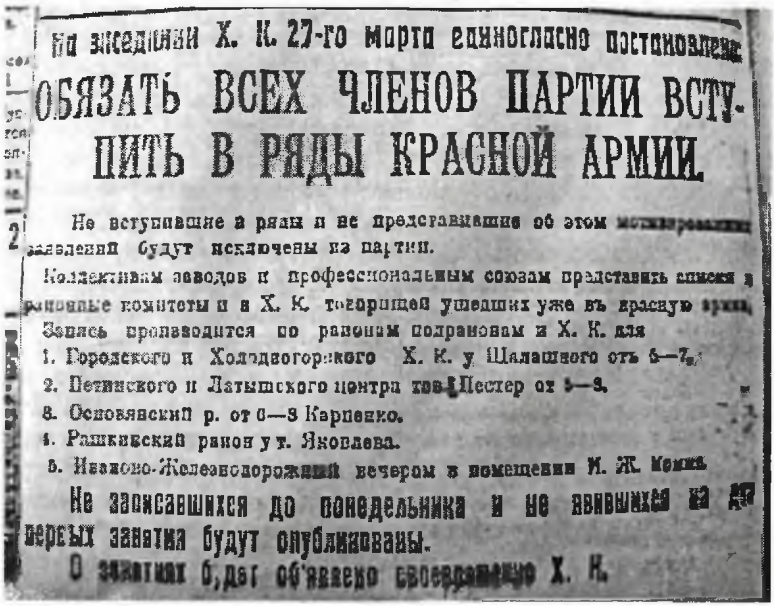
Уже в конце марта, когда немцы стремительно приближались к Харькову, военное руководство ДКР спешно начало набирать в армию военных специалистов и инженеров, специализировавшихся на строительстве оборонительных укреплений.[805] Бывший царский и будущий советский генерал Михаил Бонч-Бруевич, заседая на Высшем военном совете, пообещал прислать в Харьков «достаточное количество генштабистов для налажения главного штаба» и заявил, что им уже послана туда специальная военная инспекция во главе с харьковцем, генералом Л. Болховитиновым, которому было поручено войти в подчинение Антонову-Овсеенко. Последний, прибыв в Харьков, констатировал: «Никаких военспецов, посланных М. Д. Бонч-Бруевичем, налицо не оказалось и не удалось разыскать»[806]. А Болховитинов вскоре оказался в расположении Добровольческой армии, где его чуть было не расстреляли за сотрудничество с красными.

Чепурнов вспоминал: «Острую нужду испытывали мы и в санитарном персонале. Организацию санитарных отрядов и госпиталей для наших войск проводили тт. Межевая, Груздева и другие». Набором врачей ведал военно-санитарный отдел Чрезвычайного штаба, расположившийся в здании Дворянского собрания. При этом от военных врачей, в отличие от других доб-

ровольцев, не требовалось никаких рекомендаций и стояния на «советской платформе».[807]

27 марта руководство большевиков ДКР приняло решение мобилизовать в Красную Армию всех членов РКП(б). Распоряжение гласило: «Не вступившие в ряды и не представившие об этом мотивированных заявлений будут исключены из партии»[808].

Из большевиков и рабочих было сформировано несколько боевых подразделений Донецкой республики. Под руководством Сурика-Емельянова и Данилевского еще в начале марта была создана Коммунистическая дружина, которая приняла бой с немцами еще на подступах к Донецкой республике. На фронте она была переименована в Коммунистическую роту. Преимущественно из большевиков были сформированы Рабоче-крестьянская батарея Харькова и 1-й Пролетарский полк (1684 чел.), который был создан по приказу Рухимовича от 11 марта как пулеметный полк, поначалу расположившийся в казармах 29-го полка на Старо-Московской улице. Затем из харьковских рабочих был сформирован 2-й Пролетарский полк, который, по воспоминаниям очевидцев, насчитывал до 1 тыс. чел. и имел свою артиллерию и пулеметную команду, что было роскошью по тем временам.[809]

На заседании Х. К. 27-го марта единогласно постановлено:

ОБЯЗАТЬ ВСЕХ ЧЛЕНОВ ПАРТИИ ВСТУПИТЬ В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ.

Не вступившие в ряды и не представившие об этом мотивированных заявлений будут исключены из партии.

Коллективам заводов и профессиональным союзам представить списки в районные комитеты и в Х. К. товарищей ушедших уже въ красную армию.

Запись производится по районным подрайонам и Х. К. для

1. Городского и Холодногорского Х. К. у Шалашного отъ 5—7.
2. Петинского и Латышского центра тов. Нестер от 5—8.
3. Основянский р. от 6—8 Карпенко.
4. Рашкинский район у т. Яковлева.
5. Ивано-Железнодорожный вечером в помещении И. Ж. Комм.

Не записавшихся до понедельника и не явившихся на два первых занятия будут опубликованы.

О занятиях будет объявлено своевременно Х. К.

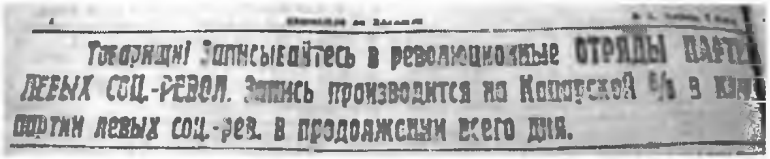
Кроме того, большевики Харькова, переведенные на казарменное положение, расположились в воинских казармах на Конной площади и в помещении пехотного полка на Ващенковской улице. По воспоминаниям очевидцев, очень часто эти подразделения посещал Артем. С 28 марта начался спешный набор полка Совнаркома ДКР. Как говорилось в объявлении о его наборе, для вступления в него были «необходимы рекомендации, безупречная идейность записывающихся, готовность на всякое самоотвержение». Запись производилась непосредственно в основном помещении правительства Донецкой республики — на Сумской, 13.[810]

С сегодняшнего дня принимается запись в полк
Совета Народных Комиссаров
Донецкой Республики.
Запись производится от 11 час. утра до 6 час. дня, в помещении Совета Комиссаров, (Сумская, 13).
Необходимы рекомендации, безупречная идейность записывающихся, готовность на всякое самоотвержение.

Поясняя решение о создании этого полка, Совнарком ДКР выпустил обращение «Ко всем!», в котором, в частности, заявлялось: «Озабоченный защитой социалистических завоеваний революции, Совет Народных Комиссаров Донецкой Республики не видит другого выхода для спасения этих завоеваний как только в самой решительной борьбе с насильниками. Борьба с палачами революции и предателями бедноты и рабочего класса, — борьба с ними не на живот, а на смерть — это было первым словом Совета комиссаров Донецкой Республики — это же будет и последним нашим словом... Совет Народных Комиссаров объявляет, что в этот критический момент, когда решается судьба Юга, он сам отдаст свои личные силы на дело защиты революции и социализма». За подписью Артема и наркомов ДКР было объявлено, что «при

первом же известии о приближении к центрам республики банд врага Совет Народных Комиссаров во всем своем составе выйдет на позицию, чтобы принять в борьбе с врагом непосредственное участие». Было решено, что все наркомы ДКР, включая Артема, лично входят в качестве бойцов в состав этого полка.[811]

Конечно, на фоне безыдейных наемников или разнузданных анархистов большевистские отряды казались более сознательными и воевали более дисциплинированно. Хотя иногда их «идейность» даже мешала делу. К примеру, Антонов вспоминал Елизаветградский отряд большевиков, который отказался занимать оборону в окопах, мотивируя это следующим образом: «Мы воюем с буржуазией, но не признаем окопной борьбы»[812].

Товарищи! Записывайтесь в революционные отряды ПАРТ
ЛЕВЫХ СОЦ.-РЕВОЛ. Запись производится на Кацарской 6/8 в кан
партии левых соц.-рев. в продолжении всего дня.

При этом не только большевики Донецкой республики занимались набором своих партийных полков. Если меньшевики полностью самоустранились от мобилизации и даже всячески пытались сорвать ее, то левые эсеры и анархисты проявляли немалую активность в подготовке своих собственных вооруженных формирований для отправки на фронт. Эсеры уже с 1 марта начали набор «отряда Красной армии из левых социалистов-революционеров и сочувствующих им», проводя запись добровольцев в своем партийном клубе на ул. Кацарской, 6—8. Только за первые дни марта в Харькове был сформирован хорошо вооруженный «полк левых эсеров» в количестве 400 человек, который уже в 20-е числа действовал в районе Лебедина.[813]

С 6 марта объявила о наборе добровольцев для защиты «Великой Русской Революции» харьковская организация еврейской социал-демократической партии «Поалей-Цион». Запись бойцов проводилась на ул. Мещанской, 5. Анархисты и сочувствующие анархизму записывались для вступления в партизанский отряд «для борьбы с русско-германо-гайдамацкой контрреволюцией» по ул. Вознесенской, 3.[814]

Партийные боевые подразделения формировались, как правило, без учета центральными военными органами, зачастую

вступали в вооруженные стычки с теми, кого они считали бандитами и налетчиками. При этом большевики настаивали на разоружении боевых групп других партий, не ведших агитации за войну с немцами, — меньшевиков, Бунда, правых эсеров и т. д.[815]

Учитывая тот факт, что к началу революции 1917 г. на Юге России скопилось значительное количество иностранцев (военнопленных и зарубежных рабочих, приехавших в Донбасс на заработок), а также беженцев разных национальностей, прибывших из прифронтовых районов Западной России, во всей Донецкой республике велась серьезная агитация по набору национальных и интернациональных боевых подразделений для борьбы с немцами. В Харькове на Конной площади, 17 разместился штаб по набору латышских боевых отрядов из числа многочисленных рабочих, прибывших вместе с эвакуированными предприятиями из Риги. Активный набор отрядов вела Польская социалистическая партия (ППС), заключившая на эту тему договор с Чрезвычайным штабом ДКР и вошедшая в состав штаба на правах автономной организации. Запись в польские отряды велась в клубе «Промень» на ул. Гоголя, 4 — фактически в здании католического храма. На Дмитриевской улице под эгидой Чешско-словацкой социал-демократической рабочей партии собирались пленные чехи и словаки.[816]

Призыв к латышским рабочим в харьковской прессе

В Мариуполе готовился к отправке на фронт сербский отряд. Но, по свидетельству Антонова, в последний момент офицеры, стоявшие во главе этого отряда, сорвали его выход в сторону Екатеринослава.[817]

Набирались даже китайские отряды! В период бурного экономического роста Донбасса в начале века на шахты хлынула дешевая рабочая сила из Китая, поэтому к началу революционных событий в крае имелась уже немаленькая китайская

диаспора. 22 апреля 1918 г. главковерх Антонов-Овсеенко издал специальное распоряжение фабзавкомам: «Категорически предписываю никаких препятствий к переходу китайцев-рабочих в Красную Армию не чинить. Малейшая попытка в этом отношении повлечет строжайшую ответственность». Антонов уполномочил некоего товарища Шен Чит-Хо формировать китайские революционные батальоны в Донбассе. И несмотря на то, что до полного оставления Донецкой республики войсками Антонова оставалось в тот момент чуть меньше двух недель, китайский отряд был сформирован и, по словам Антонова-Овсеенко, «китайцы прекрасно дрались в наших рядах против немцев»[818].

Деления на русских и украинцев в Донецкой республике особенно не делали, термин «украинцы» поначалу использовали, как правило, для обозначения политической ориентации граждан, принадлежности их к организациям, связанным либо с Центральной Радой, либо с Цикукой. Однако с приближением немецких войск и отрядов УНР не учитывать тот факт, что среди этнических украинцев велась пропаганда по поводу приближения «своих», было нельзя. Поэтому с 3 марта в «Донецком пролетарии» и «Известиях Юга» время от времени начали появляться редкие призывы к украинцам записываться в отряды Красной армии. Были написаны они на замечательном суржике, свидетельствовавшем о том, что устоявшихся правил украинского языка в тот период либо не было, либо их никто не знал.

Вот яркий образчик такого призыва на языке оригинала: «Товарищі Українці! Я звертаюсь до Вас, я заклекаю Вас взяте рушниці и іти защіщати Україну, ті защітникі, котрі обманювали нас, що казали ми ідемо защіщате вильный Українскій народ, брехня Ви бачете що воны обманилі Вас? Вони пішли із германскіми капиталістамі, щоб задушіть Українскій народ, вони травили проті Россіян і казали що Россіяне вороги ваші. Але не правда ви сами тепер бачіте що не Россіяне ваші ворогі, а ворогі ті, хто пішов протів бідних селян, робітників, та солдатів Українців... Предательська Українска Рада пішла із Германскіми імперілистами проті вас. Роскрийте очі беріть рушниці і гарматі і ідіть у мисти із Россіянами проті капиталистів». Этот очаровательный пассаж был подписан неким помощником начальника Харьковского гарнизона Сепянским.[819]

Понятно, что никто в Донецкой республике не формировал и отдельных великорусских частей. Некоторые подраз-

деления, формировавшиеся в Харькове, получили название «революционных интернациональных отрядов»[820]. В современной украинской исторической литературе часто встречается известная манипуляция, при которой многие отряды или деятели периода революции и Гражданской войны представляются публике как «русские», «россияне», «иностранцы», вторгшиеся в пределы Украины с целью порабощения ее Россией. Не будем останавливаться на том факте, что сами жители Украины не особенно-то признали ее отделение и уж точно не считали русских «иностранцами», или на том, что в том же Харькове или Донбассе с такой же точно «аргументацией» могли считать вторжение отрядов УНР как «порабощение». Но главное заключается даже не в этом. Главное — это то, что значительная доля людей, которые приводятся современными украинскими историками в качестве «российских оккупантов», к Украине и к Донецкой республике имели гораздо большее отношение, чем, к примеру, Сечевые стрельцы из Галиции, впервые оказавшиеся на этой территории лишь в составе австро-германских войск.

К примеру, поражает безапелляционное заявление донецкого краеведа П. Лаврива, сделанное в официальном органе Верховной Рады «Голос Украины»: «Против отделения Донецкого и Криворожского бассейнов и других южных и восточных губерний от Украины не протестовало большинство харьковских большевиков, безусловно неукраинцев»[821]. Но среди харьковских большевиков было немало этнических украинцев, даже Скрыпник жаловался позже на украинскую фамилию главы ДКР Васильченко.

Украинская официозная история часто упоминает о жестокости «оккупанта» Антонова, забывая, что настоящая его фамилия все-таки Овсеенко, а сам он родом из Чернигова. Среди россиян, присланных в Украину в 1918 г., О. Поплавский, к примеру, называет г-на Петровского и Л. Мокиевскую-Зубок. Но как уроженца Харькова Петровского, проведшего львиную долю своей жизни в Екатеринославе и в Донбассе, можно называть «оккупантом»? Единственную женщину-командира бронепоезда Людмилу Мокиевскую-Зубок, которая, как мы увидим ниже, сыграла значительную роль в судьбе Артема и руководителей ДКР, также трудно считать «иностранкой». В советские времена ее называли «черниговской Жанной д'Арк», поскольку она являлась землячкой Овсеенко и происходила из старого черниговского мещанского рода. В отличие

от галичан, эти люди и их подчиненные сражались на своей родной земле, за свою Родину, вне зависимости от идеологем, которые они отстаивали.

Как пишет современный харьковский исследователь Л. Мачулин, «здесь переплелось все: ...борьба украинцев за независимость Украины и борьба украинцев против независимости; борь-

Мокиевская-Зубок Людмила Георгиевна

Родилась в 1896 г. в Чернигове в дворянской семье (фамилия — по матери). Отец — народоволец, один из лидеров партии эсеров, известный публицист Наум Быховский, вечно скитался по ссылкам и тюрьмам, поэтому дочь его фактически не видела. Революционерка, единственная в истории женщина — командир бронепоезда. Эсерка-максималистка.

С одной стороны, Мокиевская-Зубок не имела прямого отношения к ДКР. Но именно ее бронепоезд спас правительство этой республики в апреле 1918 г.

Окончила частную гимназию в Чернигове. В 1912 г. поступила в Петербургский психоневрологический институт, который окончила с отличием, несмотря на то что ее пытались исключить за вольнодумство. В октябре 1917 г. 21-летняя девушка вступила в Петроградскую Красную гвардию под видом мужчины — Мокиевского Леонида Григорьевича. В декабре послана в Екатеринослав в качестве комиссара продовольствия. Там под ее непосредственным руководством был сооружен бронепоезд № 3, который она и возглавила в феврале 1918 г. Был момент, когда ее пытались снять с командования ввиду отсутствия военного образования.

Во время эвакуации ДКР бронепоезд Мокиевской совершил сумасшедший прорыв немецкой линии наступления, благодаря чему окруженный Совнарком Донецкой республики во главе с Артемом смог пробиться в Донбасс.

После ремонта на Сормовском заводе бронепоезд Мокиевской участвовал в сражениях с деникинцами. 9 марта 1919 г. под Дебальцево в бою с белым бронепоездом «Офицер» Мокиевская погибла в результате прямого попадания снаряда противника. Дважды торжественно похоронена в Купянске (после захвата Купянска деникинцами ее труп был вырыт и выброшен на свалку).

Все знавшие Мокиевскую отмечали необычайную ее скромность: «Одевалась Люда в недорогие платья, а чаще всего — в синюю сатиновую юбку и кофточку-матроску из той же материи или белую блузку. Карие пытливые глаза, озаренные каким-то внутренним светом, внимательно и спокойно глядели на людей».

ба украинцев за федерацию в составе России и борьба украинцев против федерации; ...борьба украинцев против большевиков и борьба украинцев за большевиков»[822]. Собственно, в этом и есть суть гражданской войны: русские против русских, латыши против латышей, украинцы против украинцев.

Поскольку советская Россия, подписав Брестский мир, официально вышла из войны с Германией, большевистские армии, оперировавшие на Юге, были провозглашены армиями южнороссийских республик — Украинской, Донецкой, Одесской и Донской. Для внешнего мира эти республики назывались независимыми, чтобы отделить действия их армий против немцев от позиции Москвы, но «для внутреннего пользования» подчеркивалось, что все они входят в состав Российской Федерации.

Вот, к примеру, как об этом говорилось в приказе командарма Р. Сиверса от 16 марта 1918 г.: «Советские республики Юга России — Украинская, Донецкая и Донская, входящие в состав Российской Федеративной Республики, вынуждены поднять меч для защиты своей свободы и независимости от посягательств германских и своих собственных буржуазных штыков... Все революционные солдаты, рабочие и крестьяне без различия национальностей, украинцы и великороссы, донцы и сибиряки, обязаны встать на защиту попираемой свободы наших братьев и вступить в ряды армий советских республик Юга»[823]. Как видно из этого документа, по состоянию на середину марта Украинская и Донецкая советские республики рассматривались советским руководством как равноправные административные единицы, которые обладали своими армиями, действовавшими в союзе.

Командир бронепоезда Л. Мокиевская-Зубок с командармом и наркомом ДКР И. Кожевниковым

Большей частью отряды, сформированные в Донецкой республике, вливались в 1, 2 и 3-ю советские армии Муравьева, оперировавшие в марте 1918 г. на юге, от Черного моря до Полтавы, в 4-ю армию, которая под командованием Киквидзе защищала на-

правление на Харьков, и в 5-ю армию Сиверса, действовавшую в районе Бахмача, Глухова, Новгород-Северского. При этом некоторые подразделения, сформированные в Харькове и Донбассе, подчиняясь общему командованию единого фронта, сохраняли свою самостоятельную структуру и названия вплоть до полного вывода за пределы ДКР.

Кроме того, когда стало более или менее ясно, что немцы продолжат наступление на Донецкую республику, в ней активно начали формироваться партизанские отряды с целью боевых операций на занимаемой немцами территории. По словам Антонова-Овсеенко, он «поручил» И. Кожевникову формирование сети партизанских отрядов в глубинке еще в начале весны: «5 марта я вызвал И. С. Кожевникова, старшего механика харьковского телеграфа, и предложил ему с его группой дельных товарищей (телеграфистов) принять на себя задачу военной организации деревень Полтавской и Харьковской губерний.

Кожевников Иннокентий Серафимович

Родился 1 (13) ноября 1879 г. в селе Бочкарево (Иркутская губерния) в крестьянской семье. Революционер, партизан, командарм, вечный бунтарь и искатель приключений. Большевик с 1917 г.

Кожевников успел побывать членом правительства и в Донецкой, и в Дальневосточной республиках, создавал Гилянскую республику, а закончил свою жизнь, провозгласив себя «императором Иннокентием I».

Окончил Харьковский коммерческий институт. В 1915—1917 гг. служил механиком на Харьковском телеграфе. По словам Антонова-Овсеенко, после Октябрьской революции Кожевников «сломил саботаж по всей телеграфной линии от Харькова до Москвы».

В 1918 г. — нарком почт и телеграфов ДКР. Правда, большей частью занимался формированием партизанских отрядов Донецкой республики. Весной 1919 г. — командир 13-й советской армии, оперировавшей в Донбассе. В 1920 г. — один из руководителей десанта в Энзели (Северный Иран), отбившей у англичан русский флот на Каспии, участвовал в провозглашении там Гилянской советской республики. В 1921 г. — товарищ министра иностранных дел Дальневосточной республики. В 1922—1923 гг. — полпред России в Бухарской республике и в Литве. В 1924—1926 гг. работал в наркомате почт и телеграфов СССР, жил в Москве, на ул. Моховой.

Арестован в январе 1926 г. и выслан на Соловки. Был одним из немногих заключенных, которому удался побег оттуда. Перед бегством он обнародовал манифест, в котором объявил себя «Соловецким императором Иннокентием I», даровал всем заключенным свободу и обнародовал план боевого похода на Петроград. Скрывался в лесу, был схвачен в 1929 г., при аресте отбивался топором. Увезен в Москву.

Расстрелян 15 апреля 1931 г. за побег и «контрреволюционную деятельность». Реабилитирован в июле 1961 г. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Вся полоса пред Харьковом, Полтавой и даже до Днепра должна быть охвачена боевой организацией крестьянства: в каждом селе — вооруженная группа, она держит связь с соседним селом и в тылу — с губернским или уездным центром... Кожевников согласился взять на себя эту работу»[824].

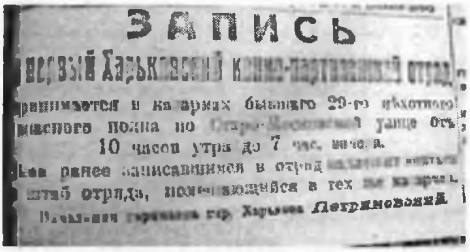
20 марта, через два дня после вторжения немцев в пределы ДКР, «Донецкая правда» вынуждена была публично признать возможность оставления Харькова: «Сейчас угрожает непосредственная опасность Донецкой Республике и, в частности, городу Харькову. Возможно, что при наличии превосходящих сил противника, во избежание излишнего, бесцельного кровопролития и в целях сохранения боевых сил для грядущей кровавой схватки, советским войскам придется временно сдать свои позиции». При этом орган донецко-криворожских большевиков провозглашал намерение руководителей ДКР развязать борьбу в тылу врага: «Мы вошли сейчас в стадию партизанской народной войны, когда с противником борются не только силой оружия, но и косвенным путем... Мы должны всячески стараться создать продовольственный и технический кризис в стане врагов, далеко ушедших от своего фатерланда»[825].

В тот же день Совнарком ДКР выпустил обращение «Рабочим, бедноте, гражданам Донецкой республики. Всем». В нем правительство призывало рабочих республики «к самому широкому вооружению и организации партизанских отрядов», поясняя это так: «Мы не можем признать авантюристическую Раду властью для южных республик... Мы не можем допустить порабощения республик Украинской, Донецкой и Одесской»[826].

В упомянутой выше статье «Надо спасать Донецкий бассейн» «Известия Юга» так обосновывали необходимость перейти к партизанской тактике против немцев: «О подлинных военных действиях, о войне в специальном смысле этого слова речи быть, конечно, не может. Но о партизанской борьбе, о щипании немецко-гайдамацких банд мы не только можем думать, мы это сможем осуществить... Завязнув в Донецком бассейне, далеко от операционной базы, «щипаемый» со всех сторон и во всех отношениях, «победитель» может предстать в образе мокрой курицы и потеряет всякое желание осуществлять свои цели. Для успешности такой партизанской борьбы мы должны направить все наши усилия, вооружая партийных товарищей, оставляя оружие в тылу немцев, если им удастся пробраться в пределы Донецкой республики». Желанной целью этих действий газета называла «спасение для России Донецкого бассейна»[827].

Этот призыв даже нашел некое сочувствие у меньшевиков ДКР, которые в период всеобщей мобилизации занимались в основном созерцанием и критиковали эвакуацию Харькова. П. Павлов в «Возрождении» написал по поводу воззвания Совнаркома: «Вооружаясь против баварских корпусов, идущих в авангарде немецкого капитала, черная армия рудников и шахт Донецкого бассейна вооружается на защиту своих интересов, охраняет от расхищения материальные и духовные ценности, накопленные российским пролетариатом в годы революции. Мужеством отчаяния продиктован призыв донецких комиссаров к партизанской войне». При этом Павлов выразил уверенность, что в ходе этой партизанской войны против немцев вскоре объединятся все классы и сословия России. «И тогда, — восклицало «Возрождение», — на заре нового возрождения России, день поминовения погибших в первых партизанских боях будет днем общенационального траура»[828]. Надо заметить, сами меньшевики, в рядах которых состоял Павлов, в подготовке партизанских отрядов участия не принимали, а после прихода немцев даже поначалу выразили готовность сотрудничать с оккупационной властью.

Запись в различные партизанские отряды шла так же публично, как и набор регулярных воинских частей, с широкой рекламой в газетах. Вербовщики партизан устраивали публичные митинги в городах, где записывали в отряды при всем честном народе. Так, 24 марта в Лебедине состоялся митинг трудящихся, организованный Харьковским партизанским отрядом. Прямо на собрании была создана комиссия по организации партизанского подразделения, которая тут же и приступила к работе. О конспирации будущие партизаны, похоже, особенно не задумывались.[829]

ЗАПИСЬ
10 часов утра до 7 час. вечера.

1-й Харьковский конно-партизанский отряд набирался Суриком, Данилевским и Петриковским. Бойцам обещалась неплохая зарплата: взводному командиру полагалось 350 рублей, а рядовому — 50 рублей в месяц «при всех видах довольствия». По словам Антонова-Овсеенко, «довольствие» военнослужащих ДКР также было неплохим: «Каждый сол-

дат Социалистической армии получает 50 рублей в месяц, его семья получает паек, определяемый местным Советом депутатов, пока же выдается пособие в размере 100 рублей в месяц жене, по 50 рублей на каждого нетрудоспособного члена, 25 рублей на каждого ребенка моложе 16 лет». Антонов, повидавший за годы Гражданской войны немало мобилизационных кампаний, даже спустя многие годы восторгался тем, как в ДКР в столь тяжелое время было поставлено финансирование армии: «Денежное снабжение велось довольно упорядоченно... Финансовой частью Главного штаба ведал т. В. Межлаук, один из наркомов Кривдонбасреспублики. Он назначал в армштабы казначеев, организовавших в них денежные отделы. Мы до середины апреля, в общем, не знали перебоев в этой части снабжения»[830].

Кстати, разница в зарплатах советских военнослужащих вызвала бурные дискуссии, в том числе в прессе. Так, коллектив бойцов формировавшейся Красной Армии опубликовал открытое письмо, в котором обратился к коллегам: «Разве Вы и Ваши семьи хуже, чем тов. командир взвода?.. Разве эти 350 рублей, которые будут получать Ваши взводные командиры, не можно уравнять с Вашим жалованьем? Товарищи, нам не надо идти обратно к тому, от кого мы отреклись. Нам не надо больше то проклятое время, когда мы, солдаты, служили за те несчастные гроши, когда в это самое время наши командиры получали их сотнями». Авторы воззвали к совести и самих командиров: «Обращаемся к Вам с тем самым, с чем обращались мы к товарищам солдатам. Протестуйте против того. Против тех несчастных 350 рублей, которые могут нести раздор между Вами и товарищами солдатами... Мы все одинаковы, мы все равны. Требуйте, чтоб эти несчастные 350 рублей были разделены поровну между всем взводом»[831]. Вот какие дискуссии велись на заре «несокрушимой и легендарной» Советской армии.

Никто не может точно сказать, сколько всего вооруженных подразделений было создано в Донецкой республике. Среди сформированных там подразделений только в Харькове Ревегук перечисляет следующие: 1-й и 2-й Пролетарские полки, 1-й броневой дивизион, 1-й Пролетарский железнодорожный полк, 1-й партизанский отряд красного казачества (до 400 человек), 1-й Интернациональный отряд по борьбе с контрреволюцией (260 чел.), 1-й Пролетарский пулеметный полк, 1-й Харьковский рабоче-крестьянский полк, 4 артиллерийские батареи, около 10 отрядов в количестве от 60 до 150 человек.[832]

В основном отряды набирались из числа рабочих. Так, по данным Ревегука, 68% бойцов 1-го Макеевского отряда составляли шахтеры и рабочие Донбасса, 31% были демобилизованными солдатами бывшей царской армии и лишь 4 человека пришли из рядов служащих. По мнению Ревегука, это был вполне типичный состав отряда Красной Армии того времени. В Луганской области был создан отряд рабочих в количестве 640 человек во главе с Ворошиловым, ставшим позже командиром отступавших донецких армий. Луганцы построили для этого отряда два бронепоезда. Там же был сформирован отряд под командованием Александра Пархоменко, ставшего затем в СССР мифологизированным героем Гражданской войны благодаря известному фильму о нем.[833]

Ревегук провел кропотливую работу по сбору данных обо всех боевых подразделениях, сформированных в ДКР и упоминавшихся в документах или прессе, и установил, что на начало апреля 1918 г. в составе донецких армий было до 80 тыс. человек. При этом полтавский историк, как и все остальные исследователи того периода, признает: «Точно установить количество добровольцев и мобилизованных в Красную Армию в Донецко-Криворожском бассейне в феврале-апреле 1918 г. невозможно, потому что в то время не велся централизованный учет»[834].

Вновь следует подчеркнуть: все эти отряды официально считались боевыми подразделениями Донецкой республики. Поскольку Россия официально в войне участия принимать не могла, а Украиной ДКР себя не признавала, донецкие армии действовали в формальном союзе с отступавшими отрядами советской Украины и Одесской республики. При этом большинство объявлений о наборе добровольцев в ДКР сопровождались призывами защитить Россию и «завоевания Русской Революции».

Кадр из советского фильма «Александр Пархоменко»

Порой в резолюциях, в большом количестве принимавшихся в

поддержку фронта и армии на предприятиях ДКР, упоминалась необходимость помощи и советской Украине, но она упоминалась наравне с Донецкой республикой. Так, большевики Никитовских ртутных рудников «Ауэрбаха и К°» 25 марта после обсуждения вопроса о «надвигающейся грозной туче мирового империализма на федеративную Российскую Республику», приняли резолюцию против попыток германского империализма «восстановить полицейский и жандармский порядок на Украине и в Донецкой республике»[835].

БАРДАК НА ФРОНТЕ

Серьезной проблемой при формировании отрядов ДКР были их вооружение и экипировка. Оружия, патронов, снарядов сначала катастрофически не хватало. Проблема усугублялась тем, что поначалу, когда даже самые пессимистические прогнозы не учитывали возможности прихода немцев в Харьков, Донецкая республика встала на путь... демобилизации промышленности. При ЮОСНХ был создан технико-демобилизационный отдел, целью которого был перевод предприятий ДКР на производство предметов мирного назначения. Так, на Юзовском металлургическом заводе была остановлена работа всех цехов, на которых производилось вооружение. Русско-Балтийский завод в Таганроге, эвакуированный туда в 1915 г. из прифронтового Ревеля, остановил выпуск снарядов, начав изготовление тракторов и иной сельскохозяйственной техники.[836] В условиях полного распада экономики и необходимости при этом мобилизовать тысячи рабочих, срывая их с мест, очень сложно было восстановить собственное производство оружия в нужном объеме.

Тем не менее, власти ДКР после начала немецкого наступления на Украину попытались наладить оборонную промышленность. Паровозостроительные заводы в Луганске и Харькове, а также Брянский машиностроительный завод в Екатеринославе в спешном порядке строили бронепоезда. Луганский патронный до последнего работал, снабжая донецкие армии боеприпасами. Только с 23 февраля по 23 марта 1918 г. этот завод отправил на фронт более 34,5 млн патронов. Завод «Борман, Шведе и К°», в свое время эвакуированный в Александровск из Варшавы, перешел на сверхурочное время

работы с тем, чтобы выполнить заказ на производство бомб для аэропланов (в распоряжении Антонова действовало несколько авиаотрядов).[837]

Одним из источников получения оружия и обмундирования на нужды военных подразделений ДКР были старые военные склады, арсеналы расформированных воинских частей и юнкерских училищ. Так, 8 марта отряд «червонного казачества» из Харькова опустошил склады юнкерского училища в Чугуеве. Самое веселое, что, судя по журналу происшествий штаба комиссара по борьбе с контрреволюцией Чугуева, отряд из Харькова якобы лично возглавлял... тов. Ленин. Изъятие обмундирования встретило возражения чугуевцев. «Что нашли в цейхгаузах Чугуева годное для себя — забрали, — сообщает журнал происшествий. — Вышел небольшой конфликт с Советом в том смысле, что весь инвентарь бывшего военного училища находится на учете в Москве. На что получали простой ответ: пока вы спишетесь с Москвой — немцы всю Россию пройдут»[838].

Судя по воспоминаниям представителя военного отдела Харьковского совета П. Чепурнова, власти ДКР пополняли свои арсеналы тем, что «разоружали откатывавшиеся с фронта к Харькову остатки старой армии». Большевик вспоминал: «В Ващенковских казармах была организована оружейная мастерская по починке и проверке оружия. Главный склад оружия до самого отступления находился на заводе ВЭК, второй большой склад был в Дворянском собрании»[839].

Но само собой, основным источником получения оружия военными отрядами ДКР были Москва, Петроград и Тула. По линии Всероссийской военной коллегии только в марте 1918 г. Донбасс получил 60 тыс. винтовок, 300 пулеметов и 60 тыс. комплектов обмундирования. Личные распоряжения по поводу снабжения рабочих и шахтеров Донбасса отдавали Ленин, Сталин и Свердлов. По приблизительным подсчетам советских историков, за март-апрель 1918 г. из России было направлено на нужды армий республик Юга 165 тыс. винтовок, 1840 пулеметов, 36 орудий, 60 минометов, 90 бомбометов, более 17 млн патронов, 28 тыс. ручных гранат и др.[840]

Опять-таки стоит отметить, что все эти подсчеты очень приблизительны и неполны, так как учет воинских формирований и уж тем более их экипировки был разрозненным и сопровождался полной неразберихой, царившей на всех фронтах. На натуральный бардак в армии жаловались все руководители разного уровня.

В первую очередь, неразбериха царила вокруг полномочий различных вербовочных центров. Попытки Чрезвычайного штаба ДКР взять всю эту работу под свой централизованный контроль часто проваливались из-за отсутствия нормальных средств коммуникации между регионами. Само собой, наступление немцев и спешные перемещения отступавших советских войск различных республик не добавляли порядка.

Поскольку вербовкой добровольцев занимались местные Советы ДКР, которые имели различную внутреннюю структуру, мобилизационные центры носили самый разнообразный характер. Например, в Дружковке и Константиновке эту работы выполняли военно-революционные штабы, в Бахмуте так называемый «совет трех», а в Горловско-Щербиновском подрайоне — «совет семи». Действия Центроштаба Донбасса, который просил Рухимовича «широко оповестить население... что все отряды Красной армии Донецкого и Криворожского бассейнов формируются и отправляются лишь» этой структурой, блокировались откровенной партизанщиной различных эмиссаров.[841]

20 марта Центроштаб жаловался телеграммой в Харьков: «Появление в районах вербовщиков партизанских отрядов порождает различные толки и тормозит дело формирования Красной армии. Вербовщики... набирая партизанские отряды, увозят их по неизвестному Центроштабу направлению»[842]. Как мы понимаем, в условиях царившего бардака эти партизанские отряды возникали где угодно и действовали на свое усмотрение — так, собственно, и зарождалось явление в степях Юга, получившее позже название «махновщина». Немало отрядов (особенно анархистских), набранных в Донецкой республике, влились затем в различные подразделения всевозможных «атаманов» и «батек».

Командарм Петр Баранов

Некоторые подразделения ДКР, даже влившись в регулярную армию, фактически занимались партизанской деятельностью, действуя оторванно от основных сил и автономно от центрального командования. К примеру, в приказе и. о. командующего

Красной армией Донбасса Петра Баранова (кстати, позже он станет создателем советских воздушно-десантных войск) от 7 апреля 1918 г. подробно расписывалась диспозиция войск, оборонявших бассейн, и при этом содержалась поразительная с точки зрения централизованного командования фраза: «Мариупольские и бердянские группы самостоятельны в своих военных операциях»[843]. Антонов-Овсеенко жаловался на то, что некоторые отряды, набранные в ДКР, совершенно не признавали центрального командования, считая «себя подчиненными лишь Харьковскому Чрезвычайному штабу»[844].

Разнородность вербовочных центров порождала и разнобой в названиях «армий», «полков», «дружин», «бригад» и «фронтов». Сиверс в своем приказе 16 марта выразил безграничное удивление по поводу «военной безграмотности товарищей командующих и их легкомысленно-преступной игре во власть», указав: «Некоторые начальники отрядов и представители просто штабов, именуя себя различными высокими чинами, не присвоенными им, отдают приказы частям, им не подчиненным». В этой связи он приказал: «Немедленно сдать и уничтожить все печати и бланки «командиров», «главкомов», «южных фронтов» и т. п. ... Не расписываться на бумагах, телеграммах и телефонограммах не присвоенными названиями должностей»[845].

А поскольку практически каждый из командиров, пусть даже имея за плечами несколько месяцев боевого стажа, уже мнил себя Наполеоном, война их амбиций порой перехлестывала любые разумные пределы. Порой получив какую-нибудь должность на несколько дней, тот или иной командир старался обставить это особым шумом вокруг своей персоны. Так, небезызвестный подполковник Михаил Муравьев, получив назначение на должность начальника штаба Антонова, ознаменовал свой приезд в Харьков 17 марта фразерской телеграммой: «Всем начальникам отрядов, батарей, сотен, эскадронов... Вступил в

Начдив В. Киквидзе (на переднем плане справа) во время принятия присяги бойцами его дивизии

должность начштаверха, объявляю всем для сведения. Слушать мою команду. Наштаверх Муравьев». Весь этот шум закончился буквально через несколько дней, когда Муравьев попросился в отставку «по болезни» и отбыл в Москву, подальше от линии фронта.[846]

Соперничество между советскими командирами принимало порой довольно жесткий характер. Антонов-Овсеенко утверждает, что командарм В. Киквидзе, прибыв в первых числах апреля в Харьков, вступил в открытый конфликт с командармом Ю. Саблиным, «захватив силой штабной вагон 4-й армии, нужный и самому Саблину». А после этого Киквидзе, чем-то обиженный, гордо отказался от должности начальника обороны Харькова.[847]

Ситуация усугублялась всеобщей военной безграмотностью и неопытностью боевых командиров и комиссаров, незнанием элементарных основ военного дела, необученностью и неопытностью. Вспоминая апрель 1918 г., один из свидетелей эвакуации ДКР через год рассказывал: «Я сам был свидетелем, что когда от Харькова отступала наша армия, начальники не могли найти по картам, где расположен Харьков — на севере или на юге. Это были выборные начальники. Только один умел указать, как нужно пользоваться компасом»[848].

Профессор Академии Генштаба РККА В. Меликов вспоминал о первых боях частей ДКР: «В только что начинавшей развертываться гражданской войне опытные военно-технические кадры у революции исчислялись единицами, так как подавляющее большинство офицерского состава оказалось на стороне контрреволюции. А поэтому вполне закономерно, что в первом сражении с немецкими оккупантами матрос т. Львов управлял огнем пулеметов, начальник артиллерии, бывший фейерверкер, сам наводил трехдюймовку; из штабного начальства старшим по званию оказался ефрейтор. Ни оперативного плана, ни письменных распоряжений, ни телефонов не было и в помине, — все заменяла импровизация»[849].

Для того чтобы понять уровень проблемы, приведем лишь один фрагмент из вполне типичного для раннего периода Гражданской войны в Донбассе разговора по прямому проводу советских командиров (условно 1 и 2):

«1: В ваших ли руках теперь Еленовка и Ступки?

2: Еленовка и Ступки в руках противника.

1: Где же стоят наши части на линии Еленовка—Краматорск?

2: А где это Еленовка? [Отметим, что пару секунд назад этот командир уверенно заявлял, что Еленовка «в руках противника» — видимо, он решил так, учитывая, что он Еленовку не занимал. — *Авт.*]

1: Укажите расположение наших частей от Деконской до Константиновки.

2: Один батальон 12-го полка — Михайловка.

1: Знаю. Михайловка—Деконская—Параскеевка, а дальше по направлению к Константиновке?..

2: Два часа тому назад, когда я направлялся в Бахмут, 3-й батальон 12-го полка... завязал бой; после боя сведений пока не поступало. Мною послано распоряжение, чтобы упомянутый батальон отошел на линию Часов Яра и старался установить связь с 11-м полком.

1: Значит, линия железной дороги Бахмут—Краматорск в руках противника до Часов Яра?

2: Нет, ст. Вильяновка до Ступок, а с Вильяновки до Краматорской — в наших руках.

1: По какой карте вы говорите?

2: Вильяновка — это разъезд по железной дороге, и как разъезд, наверное, не отмечен»[850].

Этот характерный диалог красноречиво свидетельствует об уровне владения картами и согласованности действий советского командования, оперировавшего в Донбассе.

Еще хуже было с такими понятиями, как «секретность» и «конфиденциальность». Понятно, что руководство ДКР и командование только что сколоченных военных отрядов не имели ни малейшего представления о том, где проходит грань между публичной и непубличной информацией, о допусках к военной тайне и режимности работы. Не надо забывать, что наркомы ДКР одновременно были редакторами правительственных газет и выпускали их, что называется, «не отходя от кассы», прямо в здании Совнаркома на Сумской, 13. Потому в газетах Донецкой республики очень оперативно, чаще всего на следующий день, публиковались приказы с фронта, секретные распоряжения командования, стенограммы телеграфных переговоров. Более «открытого общества», чем то, которое существовало в ДКР, представить себе сложно!

2 апреля 1918 г. главковерх Антонов даже вынужден был обратиться телефонограммой к редакциям харьковских газет с настоятельным требованием: «С получением сего прошу воздерживаться впредь от печатания каких-либо сообщений о военных

действиях, кроме моих официальных сообщений». Эту телефонограмму с радостью напечатали харьковские газеты — ведь на телеграммы Антонова запрет не распространялся[851].

Правда, в самом штабе Антонова-Овсеенко ситуация с «секретностью» была не намного лучше. Журналистка московской газеты «Раннее утро», посетившая в марте штаб главковерха в Таганроге, после того как Антонов дал ей посмотреть «для сведения» военные сводки, просто-таки поражалась «какой-то детской беспомощности, чисто русской неприспособленности... и простодушной доверчивости» командования. Она поведала читателям, как зашла в службу связи штаба и спросила новости, на что получила ответ: «А вас что интересует? Пожалуйста, товарищ, вот вам все полученные за ночь телеграммы и разговоры по прямому... А тут вот старые... Только не взыщите, видите, какой у нас беспорядок! Иногда день ищешь какую-нибудь бумажку!» Московская журналистка призналась: «Несмотря на большой соблазн, я не воспользовалась наивным и доверчивым предложением «порыться» в секретных военных телеграммах... Ну, а в какой мере пользуются таким «простодушием» (или неряшливостью?) их враги?..»[852]

Бардак на столе главковерха не мог не отразиться и на ситуации с качеством самих приказов. В отчете Сиверса от 10-х чисел апреля 1918 г. (на этот раз он уже подписывался как «командующий 2-й Особой армией Южнорусских советских республик») видно, как он постоянно получал совершенно разноречивые приказы из Ставки по поводу действий по обороне Харькова. Сиверс жаловался, что как только он закончил работы по укреплению станции Готня на подступах к столице ДКР, как ему было велено перебрасывать армию на Грайворон. Но как только он двинулся туда, ему было велено сосредоточить войска у Пересечной, в результате чего «войска были вновь собраны из похода, погружены в вагоны и направлены на Белгород—Харьков». Прибыв на станцию Дергачи, Сиверс получил приказ двигаться на... Пересечную. И так продолжалось несколько дней, пока артиллерийский огонь неприятеля не застал части Сиверса в эшелоне. В итоге советская «тяжелая артиллерия не успела еще выгрузиться и вынуждена была уехать эшелоном на Харьков». В общем-то, это тоже — вполне типичная картина первых месяцев Гражданской войны в России.[853]

Еще одна характерная иллюстрация периода немецкого наступления на ДКР: 20 апреля 1918 г. общее собрание Юзовской организации РСДРП(б) обсуждало одну «насущную проблему» —

о праздновании Первомая. В протоколе записано: «Тов. Гордон доложила, что ввиду наступления 1 Мая необходимо готовить хор для празднества и что желающие вступить в хор должны ходить на спевку в зал Тудоровских [театр братьев Тудоровских на Садовом проспекте. — *Авт.*] в указанный срок»[854]. С учетом того, что уже 22 апреля немцы вошли в Юзовку, у местных большевиков явно не было более важных тем для обсуждения. Что уж удивляться полной неразберихе на фронте?

Справедливости ради надо заметить, что этот бардак был характерен не только для большевиков того периода и не только для Донецкой республики. Достаточно вспомнить, как в марте-мае 1918 г. по тылам войск Германии, УНР и ДКР фактически беспрепятственно совершил многокилометровый поход значительный по тем меркам (ок. 1 тыс. человек) боевой отряд полковника Михаила Дроздовского, отправившегося на Дон из румынских Ясс.

Деникин так описывал обстоятельства похода дроздовцев по украинским степям: «Весь Юг России переживал тогда сумбурный период безвременья и безвластья несколько иначе, чем юго-восток. Земельный вопрос был уже там захватным правом разрешен...; на Юге не оседали еще в сколько-нибудь широких размерах фронтовые части, а без них формирование Красной гвардии и утверждение советской власти шло замедленным темпом... Край был наполнен небольшими неорганизованными шайками, не имевшими решительно никакой политической физиономии и своими разбоями доводившими до отчаяния все население. Благодаря этим обстоятельствам отряд Дроздовского шел, почти не встречая сопротивления; только у Каховки и Мелитополя он столкнулся с большевистскими бандами, которые разбил легко, почти не понеся потерь, и принял участие в двух-трех карательных экспедициях»[855].

Переход М. Дроздовского по южнорусским степям (весна 1918 года)

Схема похода полковника М. Дроздовского (из «Дневника» Дроздовского)

Стоит отметить, что «карательные экспедиции» Дроздовского были довольно жесткими и, по признанию самого генерала Деникина, сыграли в дальнейшем определенную роль в негативном восприятии белого воинства на Юге. Деникин так описывает миссию Дроздовского во время его похода, романтизированного белыми мемуарами: «Из далеких сел приходили депутации, ...привозили связанными своих большевиков, членов Советов — и преступных, и, может быть, невинных — «на суд и расправу». Суд бывал краток, расправа жестока. А наутро отряд уходил дальше, оставляя за собой разворошенный муравейник, кипящие страсти и затаенную месть»[856]. Заметьте, это было время, когда в ДКР еще спорили о том, применять или нет смертную казнь, не знали кровавого разгула «чрезвычаек», а будущий «палач» Саенко еще упражнялся в стрельбе по грабителям, а не по пленным. «Затаенная месть», о которой писал Деникин, только копилась и превратилась в массовый «красный террор» чуть позже, спустя всего-то несколько месяцев.

Сам Дроздовский писал в своих дневниках: «Страшная вещь гражданская война; какое озверение вносит в нравы, какою смертельной злобой и местью пропитывает сердца; жутки наши жестокие расправы, жутка та радость, то упоение убийством, которое не чуждо многим из добровольцев. Сердце мое мучится, но разум требует жестокости». Дроздовский признавался, что исповедовал принцип «два ока за око, все зубы за зуб»[857]. Так рождалась «геометрическая прогрессия» нараставшего террора со всех сторон. Глупо сейчас искать виновных и меряться количеством крови, пролитой той или другой армией.

По воспоминаниям участников похода дроздовцев, они лишь пару раз соприкасались с немцами и австрийцами, не

вступая с ними в перестрелку, несколько раз имели стычки с большевистскими отрядами, а отрядов УНР не видали вовсе на протяжении всего похода. Надо заметить, что наступление Дроздовского шло параллельно, ни быстрее, ни медленнее, немецкого наступления и, соответственно, отступления войск советских республик Юга России. К примеру, 4 мая последние донецкие армии покинули пределы ДКР и по приказу Ленина формально должны были быть разоружены, а на Пасху, 5 мая, отряд Дроздовского занял Ростов, который оборонялся лишь небольшим отрядом местных красногвардейцев. Накануне Таганрог, уже занятый немцами, дроздовцы обошли, едва не вступив в вооруженный конфликт с оккупантами. То есть на самом деле, офицеры Дроздовского шли за немецким наступлением и прямого столкновения с регулярными армиями ДКР у них не было ни разу. Но сам факт длительного (более 1200 км) похода большого отряда по тылам различных противоборствующих сторон свидетельствует о том, что фронта в современном понимании слова в 1918 году не было.[858]

Кстати, большевики распространяли историю о примерно таком же походе по тылам немецких войск неких австрийских драгун, которые решили перейти на сторону Советов (надо полагать, речь идет о галичанах, поскольку шли они из Галиции первоначально по приглашению Центральной Рады, обещавшей платить им по 300 рублей в месяц). В середине марта нарком ДКР И. Кожевников по прямому проводу из Сум сообщил, что в распоряжение командарма Сиверса явился драгунской полк 2-й гренадерской дивизии, якобы «прорвавшийся из Галиции сквозь немецкий фронт». По словам Кожевникова, драгуны беспрепятственно дошли до Киева, обошли его, форсировали Днепр и Десну, а затем на линии Бахмач—Гомель без единого выстрела разоружили немецкую заставу и вышли в расположение советских войск, предложив свои услуги Сиверсу. Тоже характерный эпизод, свидетельствующий о состоянии не только Красной армии, но и австро-германского фронта.[859]

Здесь стоит отметить также, что политические деятели ДКР уделяли значительное внимание агитации вообще и агитации среди немцев в частности. Эсерка Кондратьева 1 марта на губернском съезде своей партии провозгласила: «Мы бессильны бороться с Германией ее оружием, но немцы нам не страшны, так как мы верим в силу наших идей, которые зажгут германский пролетариат». Эсеровская типография в Харькове (на Пушкинской, 31) уже в середине марта, за несколько недель до появления

германских войск, начала печатать пропагандистские листовки на немецком языке. Как сообщает Антонов-Овсеенко, по состоянию на 22 марта по городам и селам ДКР было развезено до 5 тыс. листовок на немецком языке. Судя по докладам на московском II съезде Компартии Украины в октябре 1918 г., даже в период оккупации в Харькове подпольно печатались пропагандистские материалы, направленные на разложение австро-германских войск. Помимо этого, агитационную литературу для немецких частей, стоявших в оккупированной Донецкой республике, завозили из России пудами.[860]

Многим надежды на «перековку» немецких солдат казались наивными и лишенными всяческого смысла. Но как показали дальнейшие революционные события в Германии и поведение деморализованных и апатичных немецких войск в конце 1918 г., эти надежды не были лишены основания.

Однако это было позже. Весной же 1918 года австро-германские войска продвигались вглубь территории УНР, не встречая особого сопротивления. В отличие от руководства ДКР, Скрыпник и его Цикука фактически полностью провалили мобилизацию, а потому не могли противопоставить немцам даже того слабого сопротивления, которое было предпринято донецкими войсками в Донбассе. По утверждению советского военного историка Н. Какурина (в 1918 г., кстати, служившего в войсках УНР), «объявленная секретариатом Украины мобилизация трех возрастных классов не дала результатов». «Нечего удивляться, — продолжает Какурин, — что в таких условиях трудности оккупации германцами Украины состояли главным образом в преодолении ее пространства, а не вооруженного сопротивления ее сил» (см. цветн. вкладку, стр. 6). Как писала в конце февраля газета «Нью-Йорк таймс», Германия «продвигается вперед практически по всему фронту, но это движение — не битва, а марш». При этом американцы также не знали, где немцы остановятся: «Единственное, что их может ограничить, — их собственные пожелания»[861].

Представитель германского МИДа Колин Росс в марте, после взятия Киева, докладывал в Берлин: «До сих пор почти не приходилось наталкиваться на организованное вражеское сопротивление». При этом он понимал, что при продвижении на восток немецкие армии встретят «более энергичное сопротивление»[862].

Так оно и случилось. Если от Луцка до Киева немцы прошли всего за 11 дней, преодолевая примерно по 35 км в день, то путь

от Киева до Харькова занял уже 38, а до Ростова — 69 дней (примерно по 12—13 км в день). Артем перед отступлением из столицы ДКР говорил: «Как бы ни были плохи наши отряды, как бы мало они ни были обучены, недостаточно знакомы с техникой военного дела, — степень быстроты продвижения немцев сейчас определяется в 50 раз меньше, чем тогда, когда было наступление на Петроград... Около двух дивизий завязли в своем стремительном шествии, когда дошли до пределов... Донецко-Криворожской республики»[863].

То же отмечала и другая сторона. Генерал Людендорф вспоминал: «На Украине продвижение происходило стремительно... Операции производились вдоль железнодорожных линий; там иногда возникали случайные стычки между бронепоездами; гигантские расстояния быстро преодолевались небольшими отрядами. Большевистские отряды демонстрировали очень слабое сопротивление». Но, как отмечает Людендорф, после взятия Киева 1 марта немецким войскам пришлось «продолжать свое продвижение гораздо медленнее»[864].

Таким образом, можно отметить, что мобилизация, произведенная властями Донецкой республики, сыграла определенную роль в торможении темпов продвижения немецких войск вглубь российской территории.

Как уже было отмечено выше, наступление немецких и австрийских войск все время велось фактически строго по железнодорожным линиям. Как писал Росс, «незначительные воинские отряды при поддержке бронированных поездов с пулеметными командами могут пройти сотни километров вглубь страны и захватить самые важные технические сооружения, узловые железнодорожные станции, а также продовольственные склады и удержать их до подхода подкреплений»[865].

Используя эту схему, 11-й германский корпус в составе 4 пехотных дивизий двигался по железной дороге Брест—Гомель—Брянск. 26-й корпус немцев в составе 6 пехотных дивизий шел вдоль железной дороги Киев—Купянск, «разбрасывая свои части от хутора Михайловского до Кременчуга». 22-й корпус германских войск в составе 2 дивизий использовался в качестве оккупационных сил на Правобережной Украине. Для оккупации ДКР, включая Донбасс, предназначался 1-й германский резервный корпус в составе 5 пехотных и 1,5 кавалерийских дивизий. На Крым и морское побережье были направлены 4 немецкие пехотные и 1 кавалерийская дивизии. 25-й и 27-й австрийские корпуса в составе 5 пехотных и 2 кавалерийских дивизий дви-

гались на Подолье, Одессу и Херсон, а 3 австрийские пехотные дивизии брали в свою зону ответственности Екатеринослав и прилегающие территории.[866]

Сведения о продвижении австро-германских армий по территории Украины в Донецкой республике были довольно отрывочными и противоречивыми, сопровождались различными паническими или, наоборот, неоправданно оптимистическими слухами, не согласующимися между собой. Тиражировались слухи о том, что чехи пропускают «гайдамаков», о том, что немцы взяли Петроград, Гельсингфорс и даже Москву. Центроштаб, отчаявшись бороться с паническими слухами, 15 марта отправил телеграмму всем Советам Донбасса, призвав их: «Ввиду того, что часто телефон используется владельцами аппаратов для передачи нелепых провокационных слухов, Центроштаб предлагает всем совдепам Донецкого бассейна немедленно установить свой строжайший контроль на всех центральных телефонных станциях. Пытающихся передавать слухи предавать строгой ответственности как контрреволюционеров и лишать их аппаратов». Лишение телефонного аппарата — такова была «строгая ответственность за контрреволюционную деятельность» в Донецкой республике.[867]

При этом через средства массовой информации ДКР распространялись не менее нелепые слухи слишком оптимистического характера. 7 марта, то есть через неделю после оставления большевиками Киева, «Донецкий пролетарий» перепечатал полученную ночью телеграмму из Луганска, в котором местный Совет сообщал: «Сейчас распространился слух, что Киев взят чехо-словацкими отрядами во главе с Муравьевым».

ДОНЕЦКИЙ
ПРОЛЕТАРИЙ

Этот слух, не имевший с реальностью ничего общего, фактически подтверждался в редакционной статье: «Переходивший из одних рук в другие Киев снова, судя по сведениям, занят нашими отрядами красногвардейцев»[868].

31 марта, когда бои уже велись в непосредственной близости от Харькова, местная пресса радостно протрубила: «Ночью получена радиотелеграмма о том, что Украинская Центральная Рада запросила мира у Великорусской Советской Республики». Это притом, что формально советская Россия в военных действиях

участия не принимала, а слух был порожден телеграммой правительства УНР в Москву известиями по поводу необходимости начать переговоры о границах, к чему их понуждали немцы. Преподносилось же это так, будто бы загнанная в угол Рада умоляет Россию срочно подписать мир на любых условиях.[869]

«ВТОРОЙ ФРОНТ» БОРЬБЫ ЗА ВЫЖИВАНИЕ РЕСПУБЛИКИ

В этих боевых условиях Донецкой республике приходилось бороться не только с надвигавшейся немецкой армией. Руководству ДКР фактически пришлось вести войну за существование своей республики на два фронта. Нет, речь сейчас идет не о донских казаках и Добровольческой армии, только сколачивавшейся на Дону и Кубани. Речь идет о серьезной кабинетной войне, которую развернул Скрыпник и советская Украина. Если Артем искал любой повод для того, чтобы не ехать в Смольный или Кремль, чтобы заниматься организацией обороны Донецкой республики, то Скрыпник не упускал любой возможности для посещения российских столиц и убеждения советского центрального руководства в необходимости ликвидации ДКР. Проявив полную несостоятельность в деле мобилизации Киева и украинских рабочих для сколь-нибудь серьезной обороны, Скрыпник проявлял чудеса подковерных интриг и аппаратной борьбы.

Скептическое (мягко говоря) отношение харьковцев к Цикуке было подробно описано в начале этой книги. Правда, чего греха таить, руководители ДКР испытывали некие иллюзии по поводу способности их украинских союзников хоть что-то противопоставить немецкому наступлению. По мере же поступления трагических известий о беспрепятственном продвижении австро-германских армий к Киеву раздражение по поводу полной политической импотенции Цикуки нарастало и проявлялось в очень резких комментариях в харьковской прессе.

«Донецкий пролетарий» вынес на первую страницу гигантским шрифтом результаты их безуспешных попыток связаться с Цикукой 28 февраля: «На просьбу соединить с Центральным Исполнительным Комитетом был получен ответ: У нас такого нет! Представитель редакции попросил Совет к аппарату. Киев

ответил: Еще раз повторяем: в городе никакой власти нет. Поняли? Разговор прервался»[870].

3 марта «Донецкий пролетарий» вышел с эмоциональной статьей, озаглавленной «Измена делу революции» — такая хлесткая характеристика была дана действиям Цикуки. Харьковцы, наблюдая за активной мобилизацией рабочих в ДКР, поражались легкости, с которой был взят Киев, имевший немало рабочих: «Можно удивляться тому равнодушию украинцев рабочих и пролетариата, которые так безучастно отнеслись к оставлению Киева». К основным причинам бесславного падения украинской столицы харьковская газета отнесла «полную дезорганизацию Советской власти на Украине в лице Народного Секретариата, затем интриги и личное, преступное самолюбие начальствующих». «Анархия Цикуки» была названа «непростительным преступлением»[871].

ДОНЕЦКИЙ
ПРОЛЕТАРИЙ

В Киеве (по прямому проводу).

Редакция вчера в 3 часа делала попытку разговаривать по прямому проводу с Киевом.

На просьбу соединить с Центральным Исполнительным Комитетом был получен ответ:

У нас такого нет!

Представитель редакции попросил Совет к аппарату:

Киев ответил:

Еще раз повторяем: в городе никакой власти нет. Поняли?

Разговор прервался.

Антонов-Овсеенко, сотрудничавший с Цикукой Скрыпника гораздо более тесно, чем с руководством ДКР, вынужден был позже признать: «Киев был покинут, по-видимому, без достаточных оснований, без должной обороны». Киквидзе, по его словам, прошел через Киев, «не задерживаясь» там. Антонов отмечает, что Цикука проявила свою полную беспомощность и нерешительность, не могла наладить мобилизации на подконтрольной территории. «Военный министр» советской Украины Евгений Неронович (уникальная личность: в течение года успел послужить и в Центральной Раде, и в советском правительстве Скрыпника, а в апреле 1918 г. был расстрелян войсками Рады) убеждал Антонова в том, что надо без боя

оставлять Харьков, Донбасс и срочно отходить на Воронеж или даже в район Царицына, где начинать мобилизацию. То есть он даже не предполагал проведение мобилизации в пролетарском Донбассе![872]

Сначала ЦИК и большевистский Народный секретариат Украины прибыли в Полтаву, с 10 марта обосновались на территории ДКР, в Екатеринославе, а уже с 21 марта — в Таганроге. Такие стремительные перемещения советского украинского правительства вызвали откровенные насмешки в Харькове и еще большее раздражение Цикукой. Антонов писал: «Если «фронт» чувствовал в эту пору рядом с собою... постоянное действенное присутствие харьковских руководящих товарищей — членов Совнаркома Кривдонбасреспублики, то нигде на фронте не виделось и не чувствовалось присутствие членов центрального советского украинского правительства. Наоборот, когда 22 марта вечером я ехал экстренно в Екатеринослав, на ст. Синельниково «скрестился» с уезжавшим из Екатеринослава в Таганрог поездом Народного секретариата, с которым выезжал и военный отдел. Тщетно я пытался задержать хоть сопровождавшую пулеметную команду...»[873] Это было натуральное бегство! И как же это поведение контрастирует с оставлением Харькова правительством ДКР!

Потому-то появившиеся призывы объединения с украинцами вызывали настоящие приступы гнева со стороны прессы ДКР. «Известия Юга» 24 марта обрушились на эти призывы и действия Цикуки: «Руководить восстанием, сидя вне Украины, это значит предавать и позорить уже восставших, кричать громкие фразы и творить похабные делишки. Негодный секретариат Украины во внутренней политике достаточно себя скомпрометировал, не говоря уже о стремительном бегстве по маршруту Киев, Полтава, Екатеринослав». Призывы «В Таганрог!» газета приравняла к призывам «Долой Донецкую Республику!» и заявила: «Переездом в Таганрог ЦИК бесшумно покончил жизнь самоубийством. Спасти Украину от немецко-гайдамацких банд можно не сидючи в Таганроге в министерских креслах, а поднимая восстание крестьян и рабочих. Руководить же восстанием можно и надо, находясь в первых рядах повстанцев, а не за спинами». «Наша позиция ясна и определенна: Донецкая Республика в силу экономических причин автономная единица Российской Федерации Советских Республик, но отнюдь не Украинской», — заключала харьковская газета.[874]

Ей вторил «Донецкий пролетарий», заявивший, что Народный секретариат Скрыпника «не опирается ни на один голос теперь в Киевской, Волынской и Подольской губернии». Украина «представляет из себя фикцию, которая еще остается кое-как в вотчинах мелкобуржуазного крестьянства, но которая перенесением в Таганрог окончательно разложилась и задышала на ладан», — писала газета.[875]

Такое отношение к Цикуке было повсеместным. Антонов-Овсеенко сообщал в начале марта в Москву, испытывавшую некие иллюзии об авторитете Скрыпника на Юге России: «Нарсекретариат не признается Доном, Кубанью, Крымом, Одессой, Донбассом за всеюжную власть». Несмотря на такое отношение к Цикуке, руководителей Донецкой республики активно склоняли к различным формам объединения с большевистской Украиной. Вначале эти уговоры касались больщей частью военного союза. В этой связи главковерх предлагал, «предоставив будущему (свободному) соглашению народов Юга распределение границ автономных областей, сейчас создать боевой объединенный центр для защиты революции»[876]. Кто бы потом вспомнил об обещании «свободного распределения границ автономных областей» в рамках Украины?

В общем-то, изначально, еще до ратификации Брестского договора, еще надеясь на то, что немцы не пойдут в ДКР, руководство Донецкой республики не отрицало возможности совместных боевых действий, скоординированных с руководителями Украинской советской республики и армией Муравьева. Однако речь ни в коем случае не шла об административном объединении ДКР и Украины.[877]

7 марта состоялось эмоциональное заседание Народного секретариата и Цикуки, свидетелем которого стал Антонов-Овсеенко. Любопытна переданная им телеграмма Ленину, описывавшая данное мероприятие. В ней главковерх дал просто-таки убийственные характеристики центральному правительству советской Украины: «Здорово попорчено дело — расхлябица, подлая трусость и напыщенное самодурство и помпадурство, политиканство, словом — дрянной народ»[878].

На этом заседании ЦИК Украины по предложению Скрыпника принял декларацию, основной целью которой было убеждение руководителей ДКР в необходимости вступить в военно-политический союз с советской Украиной. Свой призыв Цикука обставила рядом принципиальных обещаний о будущем устройстве Украинской Советской Республики и ее связей с Россией. Скрыпник стал забрасывать эту декларацию в виде телеграмм

Телеграмма Н. Скрыпника с декларацией ЦИК Украины от 7 марта 1918 г.

властям всех уровней в ДКР, публиковать ее во всех возможных СМИ, включая газеты Донецкой республики.

В частности, декларация гласила:

«1. Мы никогда не рассматривали Украинскую Советскую Республику как национальную республику, а исключительно как Советскую республику на территории Украины.

2. Мы никогда не стояли на точке зрения полной независимости Украинской Народной Республики, рассматривая ее как более или менее самостоятельное целое, связанное с общероссийской рабоче-селянской республикой федеративными узами.

3. Одновременно мы не возражали против образования различных советских объединений, оставляя разрешение вопроса о взаимоотношениях их как с краевой, так и центральной общефедеративной Советской властью, до более подходящего времени.

4. В настоящий момент, когда объединенная буржуазия, частью открыто, как Центральная Украинская Рада и ее новейшие союзники — австро-германские империалисты, частью скрыто, как буржуазия российская, Дон, Крым и др., грозят раздавить рабоче-селянскую власть Украины, притом Украину в границах III и IV Универсалов, т. е. в том числе и те части Украины, которые составляют Донскую, Донецкую, Крымскую и Одесскую Советские республики, именно теперь особенно необходимо тесное объединение всех советских организаций»[879].

Таким образом, можно констатировать, что руководство советской Украины пыталось втянуть Донецкую республику в общий союз (а по возможности, как показывали действия Скрыпника, в единое административное образование) на нескольких непреложных условиях: 1) ненациональный характер будущей Украины; 2) ее неразрывная федеративная связь с Россией; 3) возможность сохранения внутри будущей Украины

автономных образований, чьи полномочия и уровень взаимоотношений с общероссийским центром будут определяться позже, после войны.

Для реализации подобного союза Скрыпник созвал на 15 марта в Екатеринославе конференцию представителей всех названных в декларации советских республик, включая Донецкую. Каждое из образований должны были представлять по два делегата. Согласно декларации, ни одна из входящих в новообразованный союз республика не имела права «без ведома и согласия остальных республик выйти из объединения и заключать секретные соглашения». Для ведения совместных военных действий создавалось главное командование во главе с «общим главнокомандующим всеми военными силами» Антоновым-Овсеенко.[880]

Кстати, после этого Антонов написал Муравьеву: «Рада идет с немцами против советской власти на Украине, а под Украиной разумеется весь юг до Дона. Надо приспособиться к этому положению и поступить на службу к южнорусскому союзу Советов». Антонов начал подписываться как Овсеенко, именуя себя «главковерхом южно-русской федерации советских республик». Когда Скрыпник был уже в Таганроге и потребовал разъяснений от Антонова по поводу того, на каком основании он именует себя «Главнокомандующим вооруженными силами не только советской Украины, а и всех южных советских республик», главковерх вспылил, высказав все, что у него накопилось по поводу недостойного поведения Цикуки и самого Скрыпника: «Я не только разъяснил т. Скрыпнику, что называюсь так в силу согласия правительств всех этих республик признать меня начальником их вооруженных сил, но прибавил к этому едкое заявление о сложении с себя звания Народного секретаря, ввиду недостойного, перед лицом неприятеля, поведения советского украинского правительства, и ставил в пример Нарсекретариату поведение Совнаркома Донбасса, заявившего, что становится в ряды войск»[881]. И вот с таким руководством советской Украины должен был вступать в союз Донкривбасс!

Получив указанную выше декларацию, представители ДКР первоначально решили ее отвергнуть. 11 марта на заседании обкома Донецкой республики Васильченко огласил данный документ, отметив, что «позиция Совета Народных Комиссаров Донецкой Республики и Областного Комитета несколько иная по отношению к Революционной войне, ибо Совет и Областной

комитет войны не объявляет, но поддерживает Революционное восстание»[882].

Не разделив подходов Васильченко к «революционному восстанию», меньшевики ДКР также отвергли предложение Цикуки о едином военном союзе. Рубинштейн на том же обкоме заявил: «Вопрос о мире на Украине не может быть решен независимо от Общероссийского вопроса. Предложение ЦИК Украины от 7 марта об образовании Южно-Русской военной конфедерации Советских республик... для нас неприемлемо». Глава харьковских меньшевиков в присущем его партии стиле заявил сначала, что общеукраинский съезд Советов сейчас невозможен ввиду того, что значительная часть Украины занята оккупантами, а потому для решения вопросов будущего устройства Украины и отношения ее территорий с Россией требуется созвать «Народное Учредительное собрание всей Украины» (будто бы его на оккупированных территориях было легче созвать, чем съезд Советов).

Рубинштейн указал на то, что «с переводом Цикуки в Екатеринослав получается столпотворение — на екатеринославской территории теперь две республики, не считая местной власти». Он предложил делегацию от ДКР в Екатеринослав все-таки послать, но исключительно «для информации», а затем на 21 марта созвать экстренный 5-й съезд Советов Донецкой республики, что в условиях начавшихся боевых действий, конечно же, было крайне трудно осуществить. Тем не менее, последнее предложение было поддержано обкомом с указанием фразы: «по возможности скорее созвать» съезд. Как показали дальнейшие события, такой «возможности» не представилось.

В итоге обкомом была принята резолюция, предложенная Васильченко: «Ввиду того, что военные действия в пределах Украины представляют вооруженное восстание угнетенных против угнетателей, Областной комитет Донецкого и Криворожского бассейнов всеми силами и средствами будет поддерживать восстание и поручает Совету Народных Комиссаров Донецкой республики найти конкретные формы для объединения восстания во всех республиках Юга»[883].

Таким образом, Артем как глава Совнаркома получил формальный мандат на ведение екатеринославских переговоров с Цикукой о военном союзе, но не о вхождении Донецкой республики в состав советской Украины как государственного образования, на чем прямо и косвенно настаивал Скрыпник. Артем направился в Екатеринослав фактически сразу из Москвы, где он

участвовал в заседании ЦК РКП(б). Как мы видели, отправлялся он на «совещание представителей республик Юга России», а попал на... II съезд Советов Украины.

Можно только догадываться о том, что творилось за кулисами ожесточенных переговоров об условиях вхождения Донецкой республики в состав Украины и союза южнороссийских республик. Позиция советского руководства стала более понятной после обнародования в 1960 г. полного текста послания Ленина в адрес Серго Орджоникидзе от 14 марта 1918 года (во многих источниках, особенно в Интернете, почему-то это письмо ошибочно датируется 1 марта, а то и февралем, что создает почву для различных манипуляций по поводу якобы изначально негативного отношения Ленина к ДКР). Это письмо, вошедшее в итоге в Полное собрание сочинений Ленина, хорошо известно и освещено в современной исторической литературе.

Ленин призывал своего представителя на Юге: «Очень прошу Вас обратить серьезное внимание на Крым и Донецкий бассейн в смысле создания единого боевого фронта против нашествия с Запада... Что касается Донецкой республики, передайте товарищам Васильченко, Жакову и другим, что как бы они не ухитрялись выделить из Украины свою область, она, судя по географии Винниченко, все равно будет включена в Украину, и немцы будут ее завоевывать. Ввиду этого совершенно нелепо со стороны Донецкой республики отказываться от единого с остальной Украиной фронта обороны. Межлаук был в Питере, и он согласился признать Донецкий бассейн автономной частью Украины; Артем тоже согласен с этим; поэтому упорство нескольких товарищей из Донецкого бассейна походит на ничем не объяснимый и вредный каприз, совершенно недопустимый в нашей партийной среде. Втолкуйте все это, тов. Серго, крымско-донецким товарищам и добейтесь создания единого фронта обороны»[884].

Данное письмо на протяжении нескольких десятилетий является предметом различных споров, пересудов и манипуляций. Это облегчается тем, что различные пункты сего послания гласят о разных формах объединения, в принципе не противоречащих друг другу. С одной стороны, вождь большевистской революции требует от Донецкой республики создать единый «с остальной Украиной» оборонительный союз, что не противоречило позиции руководства ДКР. С другой, звучит довольно неоднозначная фраза о якобы имевшем место быть согласии наркома ДКР Межлаука на признание ДКР «автономной частью

Украины», с чем якобы согласился Артем. Трудно сказать, какой из визитов Межлаука и Артема в Петроград имеет в виду автор письма. Судя по воспоминаниям самого Межлаука, этот вопрос обсуждался им с центральным руководством партии большевиков во время III Всероссийского съезда Советов еще в январе 1918 года. И единственный из руководства партии, кто обсуждал этот вопрос с Межлауком, был не Ленин, а Сталин, который с самого начала был критически настроен к идее создания ДКР.[885]

Официальные хроникеры жизни Ленина утверждают, что он встречался в Петрограде с Артемом и Межлауком в марте, не позднее 10-го числа (так как 10 марта Ленин уже выехал в Москву вместе с советским правительством). Биографы вождя уверяют, что Ленин побеседовал с гостями «о признании Донецко-Криворожской Республики автономной частью Украинской Советской Республики и создании единого боевого фронта Советских республик Юга России против нашествия австро-германских оккупантов»[886]. Однако данное утверждение явно базируется на упомянутом письме — просто авторы биографии Ленина сопоставили дату его отъезда из Петрограда с фразой о беседах с Межлауком и Артемом именно в Питере. Советские же историки уже не могли поставить под сомнение «факт», который был утвержден каноническим жизнеописанием классика, а потому повсеместно тиражировали известие о приеме Лениным наркомов ДКР и теме их беседы.

Анализ же процитированного письма Ленина свидетельствует о том, что его автором на самом деле был... Сталин. Практически весь документ написан рукой будущего «вождя всех народов». Ленин же собственноручно добавил лишь дату, подпись и несколько последних строк о необходимости «архиосторожно» относиться к расходованию средств, выделяемых на оборону.[887] Изначально скептическое отношение Сталина к Донецкой республике нашло отражение и в этом послании. Любопытны при этом ссылки на мнение Артема, в данное время уже находившегося в Москве и 15 марта участвовавшего в заседании ЦК РКП(б), которое, в частности, обсуждало вопрос отношений Донецкой республики с Украиной.

Судя по всему, выяснение этих отношений было довольно бурным, хотя аргументы сторон в протоколах и не были отражены. Со стороны советской Украины с правами совещательного голоса в мероприятии участвовали Затонский и Шахрай, прибывшие в Москву для участия в IV Всероссийском съезде

Советов. Артем же на заседании ЦК оказался в одиночестве — особенно учитывая тот факт, что мнение Ленина—Сталина уже получило свое оформление за день до этого. То есть лидера ДКР, по сути, поставили перед фактом необходимости объединяться с Украиной, как и перед известием о том, что уже через два дня в Екатеринославе должно состояться не просто совещание республик Юга России, а II Всеукраинский съезд Советов. Решение ЦК гласило:

«На созванный украинский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов должны поехать товарищи со всей Украины, в том числе и из Донецкого бассейна. На съезде необходимо создать одно правительство для всей Украины. Всем партийным работникам вменяется в обязанность работать совместно по образованию единого фронта обороны. Донецкий бассейн рассматривается как часть Украины. При подходе немцев к угольному району уголь и рабочих вывозить, рудники заливать водой. О Крымской республике решено отложить объявить ее независимой. Представителем ЦК на Украине является т. Серго»[888].

Вот таким довольно-таки бессвязным текстом определялась судьба Донецкой республики без учета мнения не только ее жителей, но и ее политических элит. «По существу, — пишет Фридгут, — это был предвестник гибели Донбасской республики»[889].

Стоит обратить особое внимание на тот факт, что еще за день до означенного заседания ЦК, то есть 14 марта, ни в Харькове, ни в Москве, ни тем более в Донбассе и речи не было о Всеукраинском съезде Советов, который начал свою работу 17 марта в Екатеринославе. Информационное сообщение о том, что такой съезд начинает работу 15 марта, издевательски было опубликовано в Екатеринославе лишь за день до начала мероприятия.[890] Это значит, что в Донецкой республике никто не проводил выборов на этот съезд, не уполномочивал своих делегатов на какие бы то ни было судьбоносные решения. Не сохранилось никаких документальных подтверждений, что на этот съезд от Харькова кто-то кого-то официально делегировал. От ДКР на нем присутствовал лишь Артем, который, как было сказано выше, посылался обкомом Донкривбасса в Екатеринослав исключительно для обсуждения мероприятий по организации совместной обороны.

Если уж I Всеукраинский съезд Советов всегда вызывал сомнения в своей легитимности после переезда в Харьков, то

можно однозначно утверждать, что спешно созванный из никому не известных делегатов II съезд не имел абсолютно никаких признаков легитимности. Согласно официальным советским источникам, на съезде присутствовали 964 делегата, из которых большевики не составляли и половины (428 человек). Причем представителей Екатеринославской губернии на съезде оказалось 582 человека, то есть более 60%! Вообще не было представителей Киевской, Черниговской, Волынской губерний, то есть собственно Украины. При этом, вроде бы представляя в основном пролетарские регионы, «съезд в большинстве был крестьянский», как вспоминал Антонов-Овсеенко, выступавший на нем. Антонов, кстати, поражался, что потом нигде на фронтах не встречал никого из делегатов данного собрания. Это лишний раз подтверждает довольно случайный подбор участников мероприятия.[891]

Известно, что этот съезд избрал новый состав ЦИК Украины, председателем которого стал В. Затонский, главой же правительства (Народного секретариата) и народным секретарем внешних дел был избран Н. Скрыпник. Помимо резолюций общего характера («О политическом моменте», «Об организации военной силы», «О социализации земли»), в которых содержались громкие фразы о необходимости борьбы против немецкой оккупации и от имени «украинского трудового народа» выражалась готовность защитить революцию, была принята резолюция «О государственном устройстве», на которую любят ссылаться многие украинские историки, не приводя при этом полного текста резолюции. Некоторые сборники документов, показывая декларативные, особо ничего не значащие резолюции съезда, по какой-то странной случайности «упускают» эту принципиальную резолюцию.[892] При этом безапелляционно утверждается: резолюция якобы «предусматривала, что Донецко-Криворожская республика должна входить в состав советской Украины»[893].

На самом деле, в данной резолюции не было ни слова о Донецкой республике. В ней было заявлено: «В настоящее время мирный договор, насилием навязываемый германским империализмом Российской федерации, формально прекращает федеративную связь Украины со всею Советской федерацией. Украинская Народная Республика становится самостоятельной Советской Республикой. Но по существу отношения советских республик остаются прежними».

Согласно резолюции, Украина провозглашалась «Федеративной советской Республикой», которая «объединяет все советские объединения — вольные города и республики, как автономные части Украинской Федеративной Советской Республики». При этом косвенный намек на границы Украины содержится только во фразе о намерении, о стремлении «объединить для борьбы с контрреволюционной Центральной радой всех трудящихся на всей территории Украины, завладеть которой стремится Центральная рада, т. е. Украины в рамках 3-го и 4-го Универсалов»[894]. Из данных слов видно, что границы советской Украины ее создатели базировали на Универсалах Центральной Рады, но при этом избегали прямого очерчивания этих кордонов, говоря лишь о «стремлении» объединить трудящихся в тех землях, завладеть которыми хочет Рада! Довольно обтекаемое определение, вовсе не свидетельствовавшее о вхождении ДКР в федеративную Украину (уж ее федеративный характер обозначен в резолюции довольно четко).

Самое интересное, что те немногие харьковцы, которые все-таки попали на этот съезд, как раз дискуссии по этому вопросу и данной резолюции не заметили. Некий делегат из Харькова по имени Штерн, невесть как ставший делегатом, рассказал о своей поездке в Екатеринослав во время политического вечера в Харьковском медицинском обществе. Он заявил: «Съезд, созванный наспех, не отражал воли всей Украины. Состав съезда поражает непропорциональным строением своим». По словам Штерна, представители Харькова попытались «поставить вопрос о разграничении Украины», но остальные делегаты отмахнулись от такой постановки вопроса, заявив: «Пускай у вас будут свои комиссары, а у нас свои». Так «решалась» судьба будущего административно-территориального устройства Украины.[895]

В этой связи важно понять, какую позицию занял на съезде глава Совнаркома ДКР Артем. Советские и современные украинские историки часто используют сам факт присутствия Артема на Всеукраинском съезде как подтверждение его согласия на присоединение ДКР к Украине. Поплавский, к примеру, пишет: «Руководствуясь указаниями ЦК РКП(б), Артем, несмотря на сопротивление части Совнаркома ДКР, возглавил делегацию Донецко-Криворожского бассейна на съезде»[896]. Однако стоит отметить два обстоятельства: во-первых, «делегации бассейна» как таковой на съезде не было, а во-вторых, Артем еще не мог

столкнуться с «сопротивлением» Совнаркома, у него не было физической возможности обсудить данный вопрос с правительством ДКР. Судя по воспоминанием жены Артема, тот уехал из Москвы в последний день Всероссийского съезда, то есть 16 марта (якобы Ленин лично подошел к главе ДКР и сказал ему: «На Украине тяжело. Нужно сейчас же ехать»[897]). А 17 марта уже открывался съезд в Екатеринославе. Тот факт, что у Артема не было времени обсудить отношение ДКР к резолюции ЦК и к вопросу об объединении с Украиной, подтверждает и правительственный кризис, разразившийся в Донецкой республике после получения известий о Екатеринославском съезде.

К сожалению, позиция Артема по отношению к этому съезду публично не была оглашена. На пленуме Харьковского совета 25 марта глава Совнаркома ДКР должен был делать доклад по своему участию в данном мероприятии, однако бурные дебаты об эвакуации Харькова не дали этого сделать: Артем отказался от доклада в связи с «поздним временем»[898].

На самом же съезде в Екатеринославе Артем ограничился лишь кратким приветствием от имени ДКР. Вот как его реплика была воспроизведена в «Вестнике УНР»: «Тов. Артем от имени трудящихся Донецкой республики приветствует съезд и призывает к единению всех трудящихся для того, чтобы действовать единым фронтом против помещиков и капиталистов, к какой бы нации они не принадлежали». Вот, собственно, и все участие Артема в наспех собранном Екатеринославском мероприятии. Судя по реплике председательствующего собрания, поблагодарившего главу ДКР, тот поспешил после своего краткого выступления ретироваться якобы для участия в «съезде казачества»[899].

Оценивая позицию Артема, занятую им на Екатеринославском съезде, Солдатенко пишет: «Артем вел себя на форуме довольно пассивно. Приветствовав съезд, не принял, однако, участия в обсуждении вопросов повестки дня. Ни он, ни другие его сторонники не вошли в состав обновленного после съезда Народного Секретариата, чтобы лично принять участие в объединении Украины»[900].

Как видим, несмотря на строгие указания московского ЦК, Артем не спешил с публичными заявлениями об объединении Донецкой республики с советской Украиной. Что не мешает некоторым современным украинским исследователям заявлять, что якобы 18 марта лидеры ДКР «заявили о ликвидации республики, а Н. Скрыпник — тогдашний глава Народного Секретариа-

та — издал декрет о включении ДКР в состав Украины»[901]. Откуда нынешнее поколение украинских историков черпает подобные «сенсации», всегда остается загадкой.

На самом деле, не было таких решений ни со стороны лидеров ДКР, ни со стороны Скрыпника. Тот в качестве первого своего шага в обновленном правительстве советской Украины издал бодрую телеграмму о переезде этого правительства в Таганрог и отбыл... в Москву. В то время как руководство ДКР организовывало оборону Харькова и Донбасса, глава советской Украины Скрыпник 1 апреля торжественно въехал в российскую столицу в качестве «главы Чрезвычайного посольства самостоятельной Украинской Народной Республики»[902].

Там он произносил пространные речи на различных съездах, заявлял о своей роли в организации сопротивления немецкому наступлению, не указывая при этом причин своего стремительного бегства за пределы Украины. 3 апреля «Чрезвычайное посольство» Скрыпника было принято Лениным и участвовало в заседании российского Совнаркома, который в тот же день принял резолюцию, приветствующую «объявление Украинской Народной Республики самостоятельной Федеративной Советской Республикой». Стоит заметить, что федеративный характер советской Украины постоянно и тщательно подчеркивался различными советскими деятелями. Так, Антонов-Овсеенко даже начал издавать приказы в качестве «Главковерха войсками Украинской Федеративной Народной Республики»[903].

И хотя в документе, оглашенном в Москве, также не идет речь о границах советской Украины, нет никаких сомнений в том, какую точку зрения на этот вопрос изложил Скрыпник, получивший от Москвы поддержку своих действий и одобрение идеи собрать в Таганроге совещание партийных организаций Украины. Повторимся, все дни, когда глава украинского советского правительства бодро рапортовал в российской столице об организации им обороны, на подступах к столице ДКР велись ожесточенные бои.

Совещание, организованное Скрыпником, состоялось в Таганроге 19—20 апреля 1918 года. Несмотря на попытки затянуть на него представителей Донецкой республики, мероприятие ограничилось в основном членами ЦИК Украины (всего 71 человек), включая некоторых выходцев из Харькова, которые в январе перебрались в Киев — например, Эрде. Руководство ДКР, в отличие от Скрыпника занятое на фронтах, не прислало своих представителей. Притом что Таганрогское совещание постановило создать

центральный орган будущей Компартии (большевиков) Украины в составе 7 человек, в котором одно место зарезервировать для представителя Донецко-Криворожского обкома партии.[904] Кстати, современные украинские исследователи уверяют, что Донецко-Криворожскую организацию на Таганрогском совещании представлял Квиринг (он в самом деле был на первом дне этого заседания, но его представительские полномочия от имени Донкривбасса сомнительны) и что после попытки Скрыпника поставить вопрос о создании Компартии Украины «в знак протеста против такой постановки вопроса делегация большевиков Левобережья покинула конференцию»[905]. Хотя протоколы данного собрания известий о протесте «делегации Левобережья» не содержат.[906]

20 апреля ЦИК и Народный секретариат Украины самораспустились, создав вместо этого Бюро для руководства повстанческой борьбой. Как пишут современные историки, «на следующий день члены правительства Советской Украины и цекисты выехали из Таганрога в Москву, решив прекратить борьбу за Украину». Бесславный финал структуры, которая для этой борьбы толком ничего и не сделала. Даже личный недоброжелатель Артема и извечный критик ДКР Антонов-Овсеенко вынужден был позже признать: когда «Нарсекретариат Украины погряз в истощающих раздорах», а «Совнарком Тавриды обнаруживал определенную склонность отмежеваться от общей борьбы», только «Совнарком Донецкой республики проявлял значительную жизненность и крепкую энергию»[907].

Таким образом, хоть нас и уверяют в обратном некоторые украинские исследователи, публичных заявлений или действий руководства ДКР, свидетельствующих о вхождении в состав Украины или тем более о ликвидации Донецкой республики, так и не прозвучало, как ни пытались склонить к этому Артема в ЦК большевистской партии, в Цикуке или в самом Харькове (левые эсеры ближе к концу марта, когда в Таганроге сошлись бежавший туда Скрыпник и военный штаб Всероссийской партии эсеров, начали активно забрасывать тему объединения ДКР с Цикукой в харьковской прессе).[908]

Но при всем при том, как было сказано выше, руководители ДКР изначально не возражали против военного союза со всеми республиками Юга, включая советскую Украину. В опубликованном еще 16 марта «Декрете военных действий» Совнарком ДКР выразил готовность передать командование вооруженными силами республики Антонову-Овсеенко и

признал необходимость создания единого фронта обороны всех южных республик. Правительство Донецкой республики поручало наркому Рухимовичу постоянно докладывать Антонову обо всех военных операциях.[909]

То есть данное решение принималось параллельно и вне зависимости от соответствующей резолюции ЦК от 15 марта. Судя по всему, оно было принято до 14 марта, поскольку в этот день Антонов-Овсеенко уже издал приказ № 2, свидетельствовавший о том, что он действовал в полном контакте с руководством ДКР. Приказ, в частности, гласил:

Приказ № 2 Антонова-Овсеенко

«Настоящим объявляю, что назначение и устранение с постов в пределах Донецкой Республики различных должностных лиц... принадлежит исключительно органам местной советской власти и Совету Народных Комиссаров Донецкой Республики. Виновные в неподчинении распоряжениям Совета Народных Комиссаров Донецкой Республики и местным органам советской власти предаются мною или областным Советом Народных Комиссаров суду революционного трибунала Донецкой Республики»[910].

Данные факты свидетельствуют о том, что у руководителей Донецкой республики изначально не было никаких возражений против тесного сотрудничества и единого оборонительного союза со всеми республиками Юга, включая советскую Украину. Но нет ни одного документального подтверждения сведениям, которые использовались и советскими, и современными украинскими официальными историками, о том, что якобы руководство ДКР или лично Артем весной 1918 года официально признали Донецкую республику составной частью Украинской советской республики.

Если, в самом деле, считать, что формальное участие Артема на Екатеринославском съезде Советов в марте 1918 г. было признанием ДКР частью Украины, то как объяснить тот факт, что буквально через несколько недель Артем и его Совнарком офи-

циально по радио обращались с нотами ко всем правительствам Европы, к Германии, к Центральной Раде от имени независимой Донецкой республики, а не от некой составной части Украины? Ведь все эти обращения появились после решения ЦК РКП(б) от 15 марта и Екатеринославского съезда 17—19 марта. Нет ни одного официального решения руководящих органов ДКР об административном объединении с Украиной или о ликвидации Донецкой республики. Как бы кому-то ни хотелось обратного и в те годы, и в наши дни.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ КРИЗИС

Однако и того, что было, хватило для возникновения серьезнейшего правительственного кризиса внутри ДКР. Решение ЦК РКП(б) и участие Артема во Всеукраинском съезде Советов, на который никого из Харькова не посылали, а также последующие попытки объединить ДКР с советской Украиной вызвали трения внутри Совнаркома Донецкой республики. В конечном итоге это привело к отставке трех влиятельных деятелей правительства — Васильченко, Филова и Жакова.

Эта троица, появившись в Харькове осенью 1917 года, изначально действовала согласованно, как одна команда. Они взвалили на себя большой участок работы, связанный с медийным, пропагандистским и идеологическим направлениями деятельности большевиков в Донкривбассе. Обосновавшись с января 1918 г. на Сумской, 13, троица сконцентрировала в данном здании значительную часть органов ДКР. Они курировали вопросы административного обеспечения деятельности правительства и выпуск нескольких печатных изданий одновременно.

С самого начала все трое обосновывали один из важнейших принципов, на котором базировалась идея о создании Донецкой республики, — экономический принцип построения будущего Советского Союза, а не национальный. Это был краеугольный камень всей идеологии ДКР. Ясно, что данная идея встречала серьезное сопротивление со стороны «национал-коммунистов» вроде Скрыпника и отдельных представителей центрального руководства большевистской партии. Именно поэтому Скрыпник с гневом вспоминал о Филове, Васильченко и Жакове даже спустя много лет.[911]

Васильченко Семен Филиппович

Родился 3 (15) февраля 1884 г. в хуторе Недвиговка (Область Войска Донского) в семье железнодорожного будочника. Революционер, большевик с 1901 г., популярный писатель-беллетрист.

В иерархии руководства ДКР Васильченко был вторым после Артема, фактическим «президентом» в «парламентской республике».

У Васильченко было трудное, нищее детство. Очень рано потеряв отца, он вынужден был еще до поступления в школу работать в детских артелях, чистить котлы, плавать юнгой на казачьем парусник. В 1900 г. устроился в кузнечный цех Владикавказской железной дороги и с этих пор — в революционном движении.

Первый раз арестован в 18-летнем возрасте. В начале 1903 г. Васильченко создал и возглавил рабочий кружок «Отчаянный», который устраивал в Ростове резонансные стачки и демонстрации, за что приговорен к 4-летней каторге (блестящая речь Васильченко на процессе часто потом перепечатывалась отдельными листовками). Бежал с каторги в Читу, где подпольно организовывал побеги другим каторжанам. В декабре 1905 г. вернулся в Ростов, организовав там восстание. В мае 1906 г. вновь приговорен к каторге на 7 лет и вновь бежал, создав с Жаковым «Союз сибирских рабочих», после чего опять арестован.

В марте 1917 г. вернулся в Ростов, будучи местной легендой. Создал там газету «Наше знамя». Был избран делегатом Учредительного собрания от Дона. С приходом в Ростов Каледина перебрался с Жаковым и Филовым в Харьков, где они создали газеты «Донецкий пролетарий» и «Известия Юга». В 1918 г. — председатель обкома и нарком по делам управления ДКР. В знак протеста против возможного объединения с Украиной вышел из Совнаркома.

Затем входил в состав правительства Донской республики. В 1920 г. переехал в Москву, где организовал издательство «Московский рабочий». Написал немало автобиографических художественных произведений, включая вскоре запрещенный роман «Не той стороной» (о своем участии в троцкистской оппозиции в 1920-е годы).

За троцкизм и участие в «платформе 46» арестован и расстрелян в 1937 г.

В Ростове именем Васильченко назван переулок.

Те же всегда отличались довольно резкими оценками и по поводу Скрыпника, и по поводу Цикуки вообще, и по поводу неправомерных действий Антонова в Харькове. Демарши этой троицы случались и раньше. Так, 31 декабря 1917 г. после обсуждения жгучего вопроса об отношении Харьковской городской организации большевиков к агрессивным действиям штаба Антонова-Овсеенко Жаков, а также примкнувшие к нему Васильченко и Разин-Тушин (он же Филов) заявили о сложении с себя «всех полномочий, связанных с обязанностями» членов Харьковской городской парторганизации. Они посчитали, что одобрение действий Антонова является прямым вызовом и выражением недоверия областному парткомитету во главе с Артемом. Правда, демарш тройки остался без последствий. Резолюция городского собрания, принятая единогласно при пяти воздержавшихся, гласила: «Харьковская общегородская конференция и партийное совещание Харьковской организации РСДРП (большевиков) своей прежней резолюцией не поставили вопроса о недоверии Харьковскому и областному партийным комитетам и потому требуют от тт. Жакова, Васильченко и Разина-Тушина неоставления их постов»[912]. Это был первый публичный конфликт, в котором три идеолога ДКР выступили в качестве единой команды. Он, как оказалось, был не последним.

Васильченко, Жаков и Филов постоянно отстаивали идею экономического принципа построения советской федерации и откровенно издевались над идеологическими метаниями Цикуки, которая пыталась объединить интернациональную идеологию коммунизма и национальные лозунги Центральной Рады. Все трое постоянно подчеркивали тезис о невозможности присоединения Донецкой республики к Украине — ни к скрыпниковской, ни тем более к петлюровской.

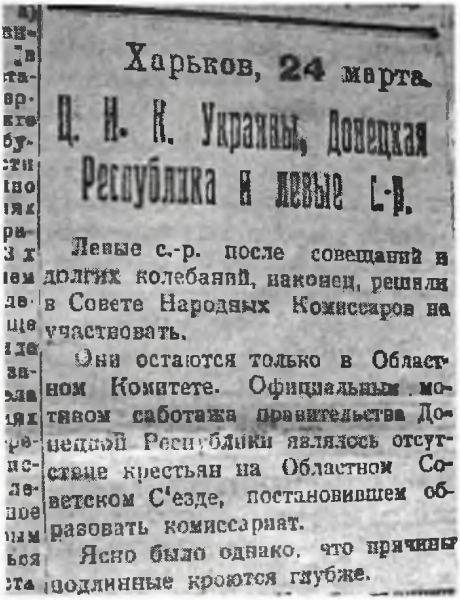
6 марта в «Известиях Юга» вышла программная статья за подписью Тушина (в статье, видимо, опечатка: «Тумин») под заголовком «Мир и война». Речь шла о «двусмысленном положении», в которое попала Донецкая республика в связи с притязаниями на нее Центральной Рады.

Автор писал: «Рада же, конечно, предъявит свои требования и на Харьковскую, и на Екатеринославскую губернии, т. е. наиболее ценную и большую часть Донецкой Советской Республики. Перед пролетариатом Донецкого и Криворожского бассейнов встает вопрос: сдастся ли он без боя или он будет

всеми возможными силами противиться аннексированию его Радой. Ему надо решить вопрос, в состав какого из двух самостоятельных государств войти — в Украинское или Великорусское. Собственно, им этот вопрос решен. Задачи сводятся к тому, чтобы заставить и других — Раду и ее союзников признать орган отделения Донецкой Республики от Украины. Этот вопрос наш мы должны решить самостоятельно и независимо от Питера... Возврата к прошлому нет. Раз признав себя самостоятельными, мы не можем отказаться от этого. Причины, заставившие нас сделать это, остаются налицо и в силе. Если поставить так вопрос: войти ли нам в качестве автономной единицы в состав Украины или Великороссии, то двух ответов быть не должно. Экономически наш бассейн тяготеет к Питерской Республике. Политически нам также выгоднее входить в Российскую Федерацию. Национально-бытовые условия как Харьковской, так и Екатеринославской губерний... нас не связывают с Украиной. Все силы пролетариат Донецкой Республики должен направить на отстаивание своей автономности и независимости от Украины»[913].

Та же линия была продолжена в дальнейших публикациях. Однако после соответствующих решений ЦК РКП(б), письма Ленина—Сталина и, видимо, последовавших затем действий Орджоникидзе основной линией статей Филова и Жакова стала критика Цикуки и ее устремлений, направленных на «аннексию» Донкривбасса. Многие исследователи считают отставку Васильченко и Ко прямым последствием решения ЦК от 15 марта. «Зеркало недели» даже опубликовало оригинальное известие о том, что данное решение ЦК было принято после того, как «донецко-криворожские лидеры (Васильченко, Жаков, Филов и пр.) категорически отказались ехать на II съезд Советов в Екатеринослав», то есть после соответствующего демарша наркомов ДКР[914] (хотя, как показано выше, до 15 марта Васильченко со своими товарищами еще и не подозревали о проведении такого съезда).

На самом деле отставка лидеров ДКР наступила через две недели после означенного решения ЦК и после того, как их поставили в известность о прошедшем Всеукраинском съезде Советов. До этого они продолжали активно публиковать свои статьи в харьковской прессе, настаивая на необходимости соблюдать принципы Донецкой республики — в первую очередь, экономический принцип построения будущей федеративной России, неразрывной частью которой видели ДКР ее учредители.

Харьков, 24 марта.

Ц. И. К. Украины, Донецкая Республика и левые С.-р.

Левые с.-р. после совещаний и долгих колебаний, наконец, решили в Совете Народных Комиссаров не участвовать.

Они остаются только в Областном Комитете. Официальным мотивом саботажа правительства Донецкой Республики являлось отсутствие крестьян на Областном Советском С'езде, постановившем образовать комиссариат.

Ясно было однако, что причины подлинные кроются глубже.

Статья в «Известиях Юга» от 24 марта 1918 г.

24 марта «Известия Юга» опубликовали большую редакционную статью под заголовком «Ц.И.К Украины, Донецкая Республика и левые с.-р.». Авторы статьи давали теоретические обоснования преимуществ экономического принципа над национальным. Они, в частности, писали: «Попытка созданного самостоятельного украинского государства есть покушение с негодными средствами (национальный принцип) на весьма неблагоприятную цель, контрреволюционную по своей сущности, поскольку она содержит в себе элементы репрессии, рутинности, затхлости, реакционности, возврата к изжитому старому. История борьбы с Радой блестящим образом опровергла наличность какого-либо национального чувства в широких народных массах... Классовый принцип, т. е. экономический победил национальный. Это значит, что именно экономический принцип жизненен, реален, соответствует требованиям момента». К тому же статья содержала уничижительные характеристики Цикуки, к этому времени уже перебравшейся в Таганрог.[915]

После данной статьи, в которой довольно четко прослеживалась линия Васильченко, Филова и Жакова, прошло еще пять дней. И лишь 29 марта последовало их коллективное заявление в Совнарком следующего содержания: «Заявляем о своем выходе из Совета Народных Комиссаров Донецкой Республики. Сдаем свои обязанности лицам, которые будут назначены в Совет Комиссаров на ближайшем заседании Областного Комитета Сов. Р. и С. Д. Донецкого и Криворожского бассейнов»[916].

Коротко и лаконично, без указания причин своего поступка. Что дает основания для различных предположений об окончатель-

ных побудительных мотивах для совершения такого кардинального шага. Цикука, находясь в Таганроге, даже распространила слух о том, что данная троица ушла в отставку якобы «в связи с тем, что их товарищи по Совнаркому не поддержали вопроса о выселении монахов из Покровского монастыря»[917].

Заявление в Совет Народных Комиссаров.

Заявляем о своем выходе из Совета Народных Комиссаров Донецкой Республики.

Сдаем свои обязанности лицам, которые будут назначены в Совет Комиссаров на ближайшем заседании Областного Комитета Сов. Р. и С. Д. Донецкого и Криворожского бассейнов Васильченко, Жаков и Филов. 29 марта 1918 г.

Заявление наркомов о выходе из правительства ДКР

«Одно из двух: или мы авантюристы, или у нас были на то действительно серьезные основания», — заявлял Филов. Судя по его словам, наркомов не только никто не побуждал к увольнению, но наоборот, 30 марта партийное собрание потребовало от них (как и 31 декабря) остаться на своих местах: «Предлагаем т. Васильченко, Жакову и Филову подчиниться партийной дисциплине — остаться на своих местах, в противном случае мы назначим партийный суд, не останавливаясь даже перед исключением из партии». Филов утверждает, что собрание «сочло излишним дослушать нас до конца и преждевременно прекратило всякие прения»[918].

Несмотря ни на что, Васильченко, Жаков и Филов продолжали оставаться на своих постах в редколлегии «Известий Юга» и «Донецкого пролетария». 2 апреля они выдали серию статей, в которых камня на камне не оставляли от Цикуки и ее притязаний на ДКР. Они, в частности, писали: «Что касается Центрального Исполнительного Комитета Украины, исполняющего в настоящий момент амплуа туриста, то его комично-плачевная роль красноречиво свидетельствует о полнейшем бессилии в области разрешения политических проблем. Наклонности эмигранта, принудившие Цикуку после целого ряда гастролей бросить якорь успокоения в чуждом ее влиянию Ростове, заранее обрекают все ее планы на полнейшие неудачу и разложение»[919].

В статье «Украина и Донецкая республика» выражалась тревога в связи с возможным признанием со стороны России тер-

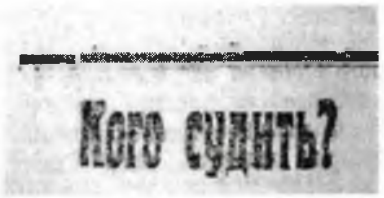
риториальных претензий Центральной Рады на Харьковскую и Екатеринославскую губернии. «Территорией Донецкой Республики распоряжаются без хозяина, — возмущалась газета. — Совет Народных Комиссаров Донецкой Республики, полномочный хозяин Донецкого и Криворожского Бассейнов должен во всеуслышание заявить, что он не позволит распоряжаться бассейном немецким и германским империалистам. Только он выполняет волю населения Донецкой Республики, эта воля, выраженная на IV Областном Съезде Советов, говорит, что донецкий шахтер и рабочий не причисляет себя к Украине. Донецкая Республика входит в состав Общероссийской федерации».

«Известия» настаивали на том, что «союз уже с умершей Цикукой — обузой на шее Донецкой Республики — должен быть расторгнут». До полного воссоединения с Россией редакция (читай, Васильченко, Жаков и Филов) предлагала создать свой комиссариат по иностранным делам и потребовать включения представителя ДКР в переговорный процесс между Россией и Германией. «Мы не имеем право предоставить распоряжаться богатствами и населением Донецко-Криворожского бассейна чужим. Нам нужна своя внешняя политика. Связывать свою судьбу с ЦИК Украины — это значит поставить себя в зависимость от мертвеца», — заключала газета.[920]

Предлагалось также вступить в незамедлительные переговоры с Центральной Радой с тем, чтобы пояснить ей следующее: «Последняя не имеет права претендовать на те территориальные участки, которые в силу непреложных экономических факторов являются неотъемлемой собственностью Донецкой Советской Республики. Протекторат Центральной Рады не может в сферу своего политического влияния включать также и Донецкую Республику... Центральная Рада должна знать, что все ее гнусные попытки овладеть предательским путем при помощи прусских штыков Донецкой республикой будут встречать решительное противодействие, вооруженное сопротивление со стороны широких масс пролетариата. Рабочий класс не может спокойно и равнодушно с тупой покорностью снести вступление гайдамацких коней за черту Донецкой республики, где каждая пядь земли будет защищаться нами с героическим мужеством и твердой непоколебимостью. Донецкая Республика не даст себя на разграбление и уничтожение украинским дворянам и помещикам»[921].

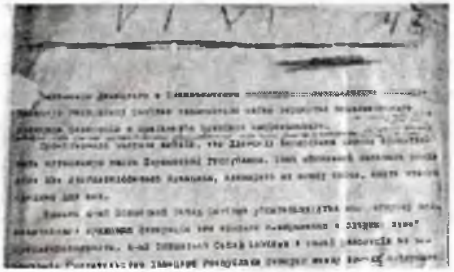
Однако последней каплей, переполнившей чашу терпения руководства харьковских большевиков, стала статья В. Филова

«Кого судить?», опубликованная в «Известиях Юга» 2 апреля (см. также цветн. вкладку, стр. 5). В ней бывший нарком обрушился на своих коллег по партии за угрозу предать всю троицу партийному суду.

Кого судить?

В архивах чудом сохранился черновик этой статьи. Судя по всему, первоначально она писалась как обращение в Совнарком ДКР (вполне возможно, коллективное). Затем, получив предупреждение о возможности партийного суда, Филов добавил преамбулу и решил публиковать свои пространные рассуждения в виде статьи с продолжением.[922]

В преамбуле Филов заявил, что он и его коллеги готовы к суду и даже ждут его с нетерпением. «Предоставим нашим судьям готовиться к судебному ритуалу, обвинителям шить белыми нитками позорные обвинения против нас», — писал бывший нарком, предупреждая, что лучшим судьей для них все-таки будет история.

Черновик статьи В. Филова «Кого судить?»

В самой же статье Филов попытался привести свои аргументы в защиту тех принципов, на основе которых создавалась Донецкая республика: «Выделение Донецкого и Криворожского Бассейнов в автономную единицу — Донецкую Республику Советов знаменовало собою торжество экономического принципа федерации в противовес принципа национального... Существовало частное мнение, что Донецкая республика должна составлять автономную часть Украинской Республики. Этой мешаниной пытались соединить два противоположных принципа, примирить их между собою, найти что-то среднее для них. Однако IV Областной Съезд Советов решительно стал на сторону экономического принципа федерации без всякого компромисса в сторону своей противоположности».

Экс-нарком утверждал, что вначале между членами правительства ДКР существовало «полное единодушие по этому вопросу», однако затем якобы обнаружились разногласия по поводу взаимоотношений с советской Украиной. Раскритиковав Цикуку,

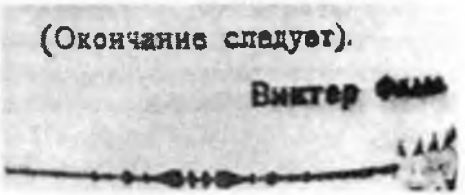
назвав ее «живым трупом» и сравнив с «кочующим правительством Сербии», Филов обвинил ее в стремлении «аннексировать» Донецкую республику. Упомянул бывший министр и указания о «включении Донецкой Республики в украинскую», которые «частным образом» присылались из Москвы (видимо, речь идет о том самом письме Ленина—Сталина на имя Орджоникидзе). При этом Филов указал на явное противоречие такой позиции упоминавшимся выше нотам Чичерина относительно вторжения немцев за пределы Украины. Из чего сделал закономерный и, видимо, соответствовавший действительности вывод: «У Всероссийского Совета Народных Комиссаров нет твердой линии поведения в разбираемом вопросе».

А затем Филов обвинил Артема в его позиции, занятой на украинском съезде в Екатеринославе, где тот якобы «склонялся к необходимости вхождения Донецкой Республики в Украинскую». Это обстоятельство, по мнению Филова, знаменовало собой «открытый раскол в среде рабоче-крестьянского правительства Донецкой Республики». К сожалению, бывший коллега Артема не поясняет, в чем выразились действия главы ДКР, которые привели к столь резким оценкам со стороны ушедших наркомов. Шла ли речь о каких-то публичных действиях Артема или о внутренних дискуссиях внутри правительства ДКР, неизвестно.

Далее Филов поясняет свою позицию: «Донецкая Республика входит автономной единицей в Российскую Федеративную Республику. Я совершенно согласен с тем, что для борьбы с немецко-гайдамацкими бандами необходимо создание авторитетного органа, объединяющего все Советские Республики на территории Винниченковской Украины. Однако этим авторитетным органом ни Секретариат, ни ЦИК Украины являться не могут... Передача всей полноты власти ЦИК Украины, чего последний и некоторые политические деятели домогаются, противоречит воле населения тех местностей, которые выделились в автономные республики единой Российской Советской Федерации... Вручать в такой момент разлагающемуся трупу, хотя еще и не похороненному, судьбы Донецкого бассейна, без которого погибнет Российская промышленность, это значит делать заведомую глупость, совершать объективное предательство»[923].

Статья Виктора Филова сопровождалась многообещающей фразой «Окончание следует». Однако в тот же день, когда первая часть статьи была опубликована (то есть 2 апреля),

областной комитет Компартии (большевиков) Донецкого и Криворожского бассейнов постановил исключить Филова из партии, четко указав на причину — статью «Кого судить?»[924] Продолжение статьи так никогда и не было опубликовано.

После этого имя Виктора Филова не появлялось среди перечня деятелей Харькова (если не считать выступлений Скрыпника спустя много лет после окончания Гражданской войны). Отметим, что его коллеги Васильченко и Жаков из партии не исключались. Мало того, Жаков подписал совместное с Артемом публичное обращение в качестве секретаря Совета Народных Комиссаров ДКР в последний день перед отступлением из Харькова.[925] Видимо, он все-таки подчинился решению партийной организации о невыходе из Совнаркома. Известно, что просьба Жакова о переводе его в Луганск рассматривалась Оргбюро ЦК РКП(б) 15 марта 1919 г., а 24 апреля того же года Оргбюро принимало кадровые решения по Жакову и Васильченко.[926] Это свидетельствует о том, что они оба сохранили свое членство в РКП(б). Может быть, партийный суд над Жаковым и Васильченко планировался, однако 7 апреля правительство ДКР оставило Харьков, было уже не до судов. Так Донецкая республика пережила свой правительственный кризис.

Этот кризис происходил в условиях ожесточенных боев, которые уже велись в непосредственной близости от столицы Донецкой республики. Первые сражения с немцами, в которых участвовали боевые подразделения, сформированные в ДКР, начались 15 марта под Бахмачем, то есть еще на подступах к Донкривбассу.

В середине марта на границы ДКР, под Конотоп, на подмогу Харьковскому красногвардейскому отряду Руднева прибыли 2 луганских отряда во главе с Ворошиловым и Пархоменко, а также 3 отряда, сформированные большевиками Берестово-Кальмиусского подрайона Донбасса. В боях под разъездом Дубовязовка (15 километров восточнее Конотопа) эти отряды на протяжении 10 дней сдерживали массированное наступление немецких войск.[927]

По мнению Какурина, «в план германского командования входило стремление отрезать красные силы, действующие

на Украине, от Великороссии, оттеснить их от портов Черного моря и, сбив к середине, потом уничтожить». Военный историк отмечал: «В то время как силы красных, действовавшие на направлениях, непосредственно ведущих к Харькову, испытывали непрерывный нажим со стороны 1-го армейского резервного корпуса, армии бывшей группы Муравьева, который в момент начала австро-германского вторжения был отозван в Москву, не только не испытывала такого нажима, но даже в течение, правда, короткого времени вели бои с переменным успехом на фронте Павлоград—Синельниково—Александровск»[928].

Это подтверждают сводки с фронта, сообщавшие в 20-х числах марта даже о некоторых локальных успехах и оттеснении немецких войск со своих позиций на юге оборонительных рубежей ДКР. [929]

Данные бои, конечно же, не могли остановить наступления германских войск, по численности во много раз превышавших армии ДКР и других республик Юга. Однако задержка в наступлении, о которой упоминал Людендорф, дала возможность властям Донецкой республики организовать масштабную эвакуацию людей, средств и материальных ресурсов до подхода к Харькову сил противника.

ЭВАКУАЦИЯ РЕСПУБЛИКИ

С момента принятия решения об эвакуации до полного оставления территории ДКР советскими войсками прошло достаточно небольшое время. Однако за эти несколько недель руководство Донецкой республики развило столь бурную деятельность, что многие мемуаристы затем, описывая данный период истории региона, вспоминали в первую очередь именно это направление работы Артема и его команды. Климент Ворошилов, который во всех своих многочисленных мемуарах старался подчеркнуть роль исключительно свою и Сталина во всех событиях Гражданской войны, писал: «Донецко-Криворожская республика просуществовала очень недолго, но она успела сыграть свою положительную роль в деле организации обороны и эвакуации Донбасса»[930].

Правда, следует признать, что вплоть до 20-х чисел марта, пока существовали иллюзорные надежды на остановку наступления немцев на границах ДКР, в основном речь шла о моби-

лизации и оборонительных мероприятиях, а не об эвакуации. 5 марта приказом Чрезвычайного штаба по обороне в Харькове было введено военное положение. В тот же день было сообщено о временной приостановке пассажирских железнодорожных перевозок через столицу ДКР.[931]

7 марта на заседании обкома обсуждался вопрос о закрытии заводов Харькова, но исключительно в связи с мобилизацией рабочих на фронт, а не из-за планов эвакуации предприятий за пределы ДКР. Одновременно представитель левых эсеров Голубовский предложил прекратить «массовое закрытие заводов» в связи с тем, что это «на практике не вынуждается необходимостью и создает громадные потрясения экономической жизни». Как это ни парадоксально, предложение Голубовского было принято. То есть еще 7 марта руководители ДКР, включая и большевиков, и эсеров, не рассматривали вопрос об эвакуации предприятий Донецкой республики в связи с наступлением немцев.[932]

Через неделю было принято памятное решение ЦК о необходимости заливать шахты водой при подходе немцев к угольным районам. А спустя еще неделю, 20 марта, «Донецкий пролетарий» писал о Брестском мире: «Настоящий мир — это есть лишь замедленный темп войны», передышка перед «окончательной смертельной схваткой», в которой стороны должны будут «использовать весь запас своей духовной и физической энергии». В связи с этим орган большевиков ДКР призывал: «Отступив, мы должны предать уничтожению все то, что может оказаться полезным и необходимым для неприятеля»[933].

21 марта при Чрезвычайном штабе ДКР была создана эвакуационная комиссия, которую лично возглавил Артем. В ее функции входила «эвакуация государственных ценностей, их перевозка и разгрузка железнодорожных станций». В тот же день был утвержден план эвакуации, согласно которому продовольствие и фураж должны были вывозиться через Курск, боевые грузы — через Лозовую, Славянск, Купянск, а все иные — на Царицын. Для координации этих действий с российским руководством в Москву был послан представитель Совнаркома ДКР А. Каменский и ответственный сотрудник ЮОСНХ г-н Юрилин. С конца марта эвакуационные комиссии начали создаваться при местных Советах и железнодорожных станциях ДКР.[934]

Секретарь обкома Донецкой республики Иосиф Варейкис в «Донецком пролетарии» так разъяснял смысл и направле-

ние эвакуационной кампании, развернутой в ДКР: «Захватить лежащие продукты, как сельско-хозяйственной промышленности, так фабрично-заводской и горной — вот цель хищников германского капитала, а не те «добрые стремления помочь панской Раде сесть на трон». Из этого вывод ясный — пролетариату и беднейшему крестьянству необходимо всячески спасти не только эту область, советскую власть, но спасти и все сырые

Варейкис Иосиф (Юозас) Михайлович

Родился 6 (18) октября 1894 г. в селе Варейки Ковенской губернии (ныне — Литва) в крестьянской смешанной семье литовца и польки. Революционер, партийный аппаратчик. Большевик с 1913 г.

Варейкис не достиг карьерных высот Межлаука или Рухимовича, но благодаря тому что география его работы была обширной, память о нем сохранилась в топонимике многих современных городов бывшего СССР. В этом смысле из деятелей ДКР его превосходит лишь Артем.

С 1904 г. отец Варейкиса в поисках заработка устроился кочегаром в Подмосковье. Варейкис после окончания ремесленного училища стал работать слесарем на фабрике Опеля в Подольске.

В августе 1917 г. командирован партией в Екатеринослав, где устроился токарем на заводе Мантеля (ныне — завод им. Артема), эвакуированном из Риги. С начала 1918 г. Варейкис — секретарь обкома ДКР, замнаркома, а затем и нарком призрения ДКР. Один из руководителей «Донецкого пролетария».

После эвакуации ДКР подавлял мятеж М. Муравьева, а затем — на руководящих постах в Симбирске, Витебске, Баку (бакинцы до сих пор вспоминают Варейкиса в связи с тем, что тот построил им первый трамвай), Киеве, Туркестане, Саратове, Воронеже, Сталинграде, на Дальнем Востоке. Благодаря такой мобильности имя Варейкиса сейчас носят улицы многих городов. Был членом ЦК ВКП(б) с 1930-го по 1937 год.

Современники так описывали его: «Выступает Варейкис — пышноволосый, скуластый, нос прямой, с горбинкой, рыжеватые усики. Рабочие слушают, затаив дыхание».

Арестован 10 октября 1937 г. в связи с показаниями против него другого деятеля ДКР — Яковлева-Эпштейна. Тот указал на связи Варейкиса с немецкой разведкой и на его причастность к «правотроцкистской организации» (к ее руководству он также причислил Н. Н. Попова, еще одного выходца из ДКР).

Варейкис приговорен к смертной казни 28 июля 1938 г. и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1956 году.

продукты, без которых российская промышленность будет поставлена в критическое положение. Это — задача дня... Если мы оставим все сырье и все ценности, находящиеся в Донецком бассейне, то с того момента, как их захватят германские банкиры, они немедля ни минуты их сплавят в Германию, и пролетариат фактически останется на «бобах». Если же все, что есть, мы перевезем на север, то ясно, полчища при известном повороте вещей должны будут уйти, а нам вновь можно будет использовать вывезенное нами»[935].

В первую очередь эвакуации подлежали грузы военно-стратегического назначения. Рабочие металлургического завода Донецко-Юрьевского общества (Алчевск), к примеру, приняли следующую резолюцию: «Должно быть эвакуировано все, что только может представлять ценность для нашего врага, а именно: различные металлы, медь, железо, сталь, а что невозможно по техническим причинам в короткое время вывезти, то должно быть взорвано и уничтожено, чтобы оно не попало в руки врагов»[936].

Харьковский паровозостроительный завод вывез за пределы ДКР оборудования и сырья на сумму более 3 млн рублей, а также паровозы и вагоны. ВЭК эвакуировал в Самару 18 эшелонов с оборудованием, в результате чего полностью остановил свою деятельность. Завод «Герлях и Пульст» отправил готовой продукции на 600 тыс. рублей, а также станки для изготовления пулеметов и цветные металлы.[937]

Эвакуации подлежало сырье и горючее. Юзовская организация РКП(б) 13 апреля обсуждала вопрос необходимости «эвакуировать уголь в промышленные центры, а не бросать его на произвол судьбы». При этом собравшиеся жаловались на бедлам, царивший вокруг: «Относительно эвакуации было указано, что эвакуация проходит в полном беспорядке и хаосе. Даже не имея данных об эвакуации, она проходила, как в угаре, без всякой надобности и даже неизвестно куда и что вывозится»[938].

От Артема и его коллег из Центра постоянно требовали предпринимать гораздо более жесткие меры относительно эвакуации и уничтожения имущества перед приходом немцев. В частности, звучали требования взрывать предприятия Харькова и затапливать шахты Донбасса. Однако Артем понимал, чем это было бы чревато для экономики края и его будущего, а стало быть, и будущего сотен тысяч рабочих и членов их семей. Совнарком ДКР был уверен, что вернется в свою республику уже в ближайшее

время, а потому категорически отказывался от осуществления самых радикальных планов по уничтожению предприятий региона. Затем, после смерти Артема, его коллеги в биографии главы СНК как одно из главных его достижений отмечали: «Перед уходом из Донбасса под натиском германских войск, он удержал своих товарищей от затопления шахт и уничтожения оборудования в них и, таким образом, спас весь угольный район»[939]. Правда, критики Артема упрекали его в этой связи за излишний «либерализм».

Меньше внимания в ДКР уделяли эвакуации хлеба и продовольствия — собственно, тех стратегических ресурсов, ради которых немцы изначально шли на территорию Украины. В первую очередь, это было связано с тем, что отправлением хлеба в Москву ведал Чрезвычайный областной комитет по продовольствию и снабжению Юга России («Чокпрод»), который действовал на правах отдела всероссийского Наркомпрода. Только по линии этой структуры, действовавшей в тесном контакте с властями ДКР, но все-таки довольно автономно, со 2 февраля по 10 марта 1918 г. в центральные регионы России было отправлено до 900 вагонов хлеба. А после официального начала эвакуации интенсивность отправки эшелонов с продовольствием увеличилась.[940]

Но особенно интенсивно шла эвакуация денежных средств, чем непосредственно ведал Серго Орджоникидзе, до старта этой кампании отвечавший за направление денежных потоков в противоположном направлении — из Москвы в ДКР. К примеру, к 31 марта из Екатеринослава было вывезено денег и ценностей на сумму более 37 млн рублей. По данным Затонского, из Харькова в общей сложности было эвакуировано до 50 млн рублей.[941]

При этом властям Донецкой республики приходилось постоянно искать «золотую середину» между необходимостью, с одной стороны, финансировать мобилизационные мероприятия и оборонную промышленность, а с другой — эвакуировать средства. В 20-е числа марта правительство ДКР приложило немало усилий для погашения панических слухов о полном вывозе денег. Слухи, как мы можем убедиться по приведенным цифрам, не были лишены оснований, однако зачастую гиперболизировались.

26 марта Совнарком ДКР и ЮОСНХ выступили с совместным заявлением, направленным против паники в связи с вывозом средств. «Не деньги вывозятся на север, а наоборот, прави-

тельство из севера посылает деньги на юг для каменноугольной и металлургической промышленности, — говорилось в заявлении. — Некоторые же суммы, эвакуируемые по военным обстоятельствам, отправляются в ближайшие к Донецкому бассейну пункты, которые будут точно указаны особо»[942].

В тот же день нарком финансов ДКР Межлаук выступил с аналогичным заявлением, угрожая распространителям панических слухов беспощадные кары «по законам военного времени». В частности, он вынужден был изворачиваться по поводу закрытия в Харькове отделения Госбанка: «Комиссариат сообщает, что Государственный банк закрыт вследствие отсутствия денежных знаков, впредь до их получения, которое ожидается в недалеком будущем; все слухи об ограблении Государственного банка и тому подобные являются лишь вздорной болтовней или сознательной провокацией»[943].

Затем данный тезис — о вывозе средств из харьковского Госбанка в некие «пункты» неподалеку для дальнейших расчетов с рабочими — звучал неоднократно. В частности, 7 апреля, то есть в последний день пребывания властей ДКР в Харькове, Артем и Жаков подписали совместное обращение по этому поводу от имени правительства республики: «Совет Народных Комиссаров Донецкой республики об'являет, что ценности из государственного банка эвакуированы в один из пунктов, откуда будут производиться финансовые операции, связанные с деятельностью «Монотопа» и т. д. Всякие слухи о расхищении ценностей являются провокационными»[944].

28 марта Межлаук вынужден был гасить слухи об эвакуации сберегательных касс. Он заявил, что вклады в них являются неприкосновенными, уверив: «Заявляем категорически, что сберегательные кассы будут работать все время, как и раньше, и эвакуация их или хотя бы временное закрытие ни в коем случае не будут иметь места. А потому и нет данных для паники, нет данных для того, чтобы выбирать свои вклады. Спокойствие, граждане — спокойствие»[945].

Однако спокойствием среди граждан и не пахло. Артему пришлось очень эмоционально отстаивать план эвакуации и в среде своих единомышленников-рабочих, не говоря уже о многопартийных собраниях. 24 марта на конференции фабзавкомов главе Донецкой республики пришлось выдержать значительный прессинг, вызванный паническими настроениями рабочих относительно эвакуации средств. А на следующий день он был подвергнут перекрестному допросу по той

же теме на заседании Харьковского совета. Артем заверил, что власти ДКР эвакуируют в первую очередь не деньги, а «ценные бумаги аннулированных займов». «Никто этих бумаг не брал, однако разошелся слух, что большевики вывозят из Харькова 250 миллионов. Но я уверен, что Харьков никогда таких денег не видал», — заявил Артем. Он подчеркнул, что главная цель эвакуации заключается в вывозе товаров и сырья военно-стратегического назначения, особенно меди. И выразил при этом мнение, что с эвакуацией этой продукции у Харькова появится шанс — мол, он станет менее привлекательным для немцев.[946]

Деньги из Харьковского отделения Госбанка все-таки были изъяты под непосредственным руководством Орджоникидзе. Окончательное изъятие, по свидетельству самих сотрудников банка, произошло 5 апреля. Стоит отметить, что большевики выполнили обещание Межлаука не трогать вклады сберегательных касс, что по тем временам было диковинкой. Управляющий отделением Госбанка пытался уверить большевиков, что «хранение вкладов в конторе вполне обеспечено и нет оснований даже предполагать, что неприятель их захватит». Однако визитеров эти пояснения не удовлетворили. Администрация харьковской конторы составила протокол по поводу того, что «выемка вкладов произведена принудительным порядком», и сложила с себя всю ответственность за возможную утерю средств. В общей сложности из отделения было вывезено 57 мешков денег и облигации «Займа Свободы» на номинальную сумму 3 млн 866 тыс. рублей. Орджоникидзе пояснил, что все средства переводятся в Саратовское отделение Госбанка. Банкиров успокаивали: «Если вкладчики конторы предъявят какое-либо требование по эвакуированным ценностям, Орджоникидзе предложил сноситься с названными учреждениями, где он будет находиться, и требования вкладчиков будут немедленно исполнены»[947].

Вряд ли затем, после начала немецкой оккупации, кто-то из харьковских вкладчиков смог связаться с Орджоникидзе в Саратове. Однако надо не забывать и о том, что речь в данном случае формально шла о переводе средств из одного отделения государственного банковского учреждения России в другое. В условиях, когда границы России подобным образом ужимались, такая постановка вопроса имела юридическое оправдание. Хотя, конечно, эвакуация денежных средств коснулась не только государственных банков, но и частных. Так, из Юзовки были

эвакуированы 5 банков. При этом надо учесть, что многие частные банковские учреждения ДКР сами испытывали дефицит денежных средств, а потому изымать у них можно было только ценные бумаги. К примеру, по данным Астаховой, только из Харькова на восток было увезено 104 млн процентных бумаг. Правда, к завершению Гражданской войны все эти бумаги потеряли всякую ценность[948].

Особо остро для правительства ДКР стоял вопрос о том, чтобы при эвакуации денежных средств не страдали рабочие, на которых власть, собственно, и опиралась. Местные власти брали на себя дополнительные обязательства по охране материальных ценностей, предназначенных для зарплат. К примеру, большевики Юзовки постановили за счет своих собственных ресурсов усилить охрану касс заводов Новороссийского общества «с целью не допустить никаких посягательств на заработки рабочих» (после скандала с Залмаевым для большевиков это было особенно актуально).[949]

Артем и члены правительства ДКР неоднократно убеждали рабочих в том, что перед отступлением и эвакуацией предприятий пролетариям и членам их семей будет выплачена зарплата за несколько месяцев вперед. Неизвестно, на всех ли предприятиях успели выполнить это обещание. Но, к примеру, харьковские железнодорожники получили 2-месячный оклад, а активные работники рабочего комитета имели возможность и эвакуироваться вместе с членами семей.[950]

Несмотря на это, сопротивление эвакуации предприятий в целом ряде рабочих коллективов Донецкой республики было значительным и порой принимало довольно горячие формы. Инициатором митингов протеста и принятия резолюций, направленных против эвакуационной кампании, стали меньшевики Донецкой республики, которые усмотрели в этом возможность поднять свои упавшие рейтинги. Если еще за месяц до этого меньшевики упрекали большевиков в самом факте подписания Брестского мирного договора и чуть ли не призывали к «революционной войне до победного конца», то ныне, в 20-х числа марта, позиция этой партии резко поменялась. Теперь она призывала к «непротивлению злу», к подчинению решениям «похабного мирного договора», к отказу от эвакуации предприятий республики и от вывоза сырья.

Меньшевистская партия развернула широкую агитационную кампанию, направленную на то, чтобы рабочие различных предприятий выступили против эвакуации и, соответ-

ственно, против инициировавших ее большевиков. Дошло до того, что 25 марта рабочие ВЭК — этой опоры харьковских большевиков — на митинге вынесли резолюцию следующего содержания: «Мы принципиально соглашаемся на вывоз ценных материалов, но если все-таки материалы вывезут все и работать будет нечем, то ясно, что рабочие обречены на безработицу и на голодную смерть. Сегодня же была прочитана официальная бумага на имя комиссара Киркеща с приказанием немедленно вывезти все материалы. Эта бумага произвела на рабочих сильное впечатление. И теперь рабочие требуют у своих представителей в Совете удовлетворяющих объяснений». Тот же митинг выразил недоверие своему Совету в связи с эвакуационной кампанией. Как пояснили рабочие ВЭК, в свое время эвакуированные из Риги в Харьков, «товарищи латыши отлично знают всю тяжесть этой эвакуации». При этом на митинге прозвучали слова о том, что «латыши уже продают мебель за бесценок, чтобы выехать из Харькова», поскольку «они как наиболее революционный элемент знают, что немецкие репрессии будут направлены на них первых». То есть против эвакуации латышские рабочие ВЭК выступали, но мебель на всякий случай продавали, требуя при этом 2—3-месячного оклада авансом.[951]

27 марта состоялся митинг на Харьковском паровозостроительном заводе, на котором рабочие решили: «Эвакуации не признавать, Харьков должен быть нейтральным, в нем должно быть все оставлено, ибо сами рабочие ничего не отдадут немецко-гайдамацким полчищам»[952]. Следует заметить, что наивные ожидания рабочих не оправдались — немцы никого не спрашивали, что забирать, а что оставлять.

Примерно те же аргументы приводили представители торгово-промышленных служащих. На пленуме Харьковского совета 27 марта было объявлено: «Мануфактуристы заявляют, что так как из мануфактуры немцы снарядов не отольют и она им не нужна, то ее и нет надобности вывозить. В противном случае мы останемся без хлеба и без работы». Правда, Артем, присутствовавший на заседании, тут же пояснил, что мануфактура, подлежащая эвакуации, была ранее прислана из Москвы в качестве предоплаты за непоставленные продукты и возвращается обратно.

Меньшевики в итоге огласили требования, связанные с эвакуацией, среди которых было: создание контрольных комиссий с включением туда представителей рабочих, оставление в Харь-

кове сырья хотя бы на месяц, выплата рабочим 2—3-месячного аванса (как мы видели на примере железнодорожников, власти ДКР хотя бы частично выполнили это требование), оставление в Харькове части денежных знаков и продовольствия. Несмотря на эмоции, которые царили на пленуме Совета, длившемся до 3 часов ночи, он одобрил действия правительства ДКР относительно эвакуации, приняв дополнительно предложение левых эсеров включить в эвакуационные комиссии представителей фабзавкомов.[953]

Однако действия Артема одобрили далеко не все. Того же числа, 27 марта, состоялся бурный 12-тысячный митинг железнодорожников Харьковского узла, подавляющим большинством «вечевым способом» принявший резолюцию, суть которой сводилась к следующему: «Железнодорожное имущество не должно быть эвакуировано; не должны эвакуироваться и железнодорожники; резолюция предлагает в случае надобности бороться против немецко-гайдамацкого засилья» (в оригинале — «насилия»). Попытки председательствующего поставить на голосование большевистские резолюции, одобрявшие эвакуацию, натолкнулись на мощное «Нет!» со стороны собравшихся. Некая женщина возопила: «Мы уже эвакуировались из Польши, порастеряли детей!» В отсутствие Артема большевистские ораторы не смогли склонить чашу весов в свою пользу, в то время как меньшевики были встречены митингующими громом аплодисментов.[954]

Аналогичные митинги проходили в разных частях Донецкой республики. Часть из них поддерживала решения большевиков об эвакуации ДКР, часть выступала против. К примеру, рабочие Екатеринославских железнодорожных мастерских в конце марта приняли резолюцию против эвакуации, а в защиту действий советских властей категорически выступили рабочие крупнейшего в Екатеринославе завода — Брянского. 9 апреля начальник Александровского проволочного завода сообщал эвакуационной комиссии: «Завод не находит возможности в настоящее время эвакуироваться дальше, потому что для возобновления завода необходимо около двух лет. Эвакуация завода оставит рабочих без заработка, кроме того, на общем собрании рабочих и служащих количеством 600 человек была принята резолюция о том, чтобы эвакуацию не проводить»[955].

Поскольку подобные резолюции зачастую были написаны как под копирку, а митинги против эвакуации происходили, как правило, под непосредственным руководством меньшеви-

ков, это дало властям ДКР повод говорить о саботаже эвакуационной кампании. Большевистская пресса писала в те дни: «Наименее сознательные рабочие, подстрекаемые меньшевиками, заявили о том, что прежде чем они позволят что-нибудь вывозить, они требуют, чтобы им за месяц вперед было уплачено. И советской власти приходилось прежде разрешить финансовый вопрос, а затем только думать об эвакуации. А между тем когда приходят немцы, то они ни за месяц, ни за неделю вперед не платят, а просто берут что найдут в захваченном городе и увозят»[956].

В довольно резкой форме заговорил о саботаже и сам Артем, который на протяжении 20-х чисел марта выступал чуть ли не каждый день на различных собраниях и митингах, убеждая рабочих в необходимости проведения мобилизации и эвакуации. По его речам видно, что с каждым днем аргументы властей становились все более резкими и категоричными.

24 марта на эмоциональном собрании представителей фабрично-заводских комитетов в 6-часовой дискуссии Артем склонил чашу весов на свою сторону. Причем изначально подавляющее большинство собравшихся категорически выступали против эвакуации, что лишний раз подчеркивает ораторские таланты лидера ДКР. [957]

В результате уговоров Артема 69 голосами при 31 воздержавшемся была принята резолюция следующего содержания: «1. Обратиться к комиссарам Донецкой и Криворожской Республики с предложением бесцеремонно призвать буржуазию к рытью окопов. 2. Производить по мере возможности эвакуацию тех материалов и фабрикатов, которые могут быть полезны в военном отношении германо-гайдамацким бандам. 3. Планы эвакуации и их исполнение должна произвести организованная при Чрезвычайном штабе эвакуационная комиссия. 4. Эвакуационная комиссия должна знать о количестве эвакуируемых и остающихся в Харькове рабочих. 5. Обратиться к комиссарам Донецкой и Криворожской Республики с просьбой по мере возможности снабжать остающихся в Харькове рабочих финансами и продовольствием». Надо заметить, что в последующие месяцы, когда из Харькова уходили немцы или деникинцы, никому и не приходило в голову принимать резолюции подобного содержания.[958]

На упомянутом пленуме Харьковского совета Артем выступал на протяжении нескольких дней подряд, постепенно ужесточая тон. Сначала он подтвердил, что рабочие Харькова получат

требуемый ими аванс, затем он призвал к прекращению панических слухов, дискредитирующих власть, и отнес их к результатам работы немецкой агентуры, добавив: «Если немецкие агенты и служащие банков, которые также сеют различные слухи, будут особенно стараться, то они будут расстреливаемы как отменные немецкие шпионы»[959].

28 марта Артему сообщили о готовящейся «вооруженной демонстрации» работников Харьковского паровозостроительного завода. «При слабости организаций, заведующих охраной города, сопротивление трудно будет оказать», — предупредили главу правительства ДКР. После чего тот лично распорядился задержать трех организаторов акции (Ткаченко, Бондаренко и Калашникова) и не дать ее провести.[960]

На следующий день, 29 марта, ХПЗ остановился. Рабочие, протестующие против ареста своих коллег, заявили: «Не время работать, когда разбивают душу: инструменты валятся из рук». Депутация рабочих отправилась к коменданту города Кину, который только развел руками — поскольку арест производился по приказу Чрезвычайного штаба, это была не его юрисдикция. Митинг рабочих принял резолюцию по поводу «позорного ареста наших истинных защитников», в которой говорилось: «Морально протестуем против ареста. Не приступать к работе впредь до освобождения наших товарищей и в случае отказа в освобождении устроить мирную демонстрацию к Чрезвычайному штабу»[961].

В это же время Артем давал пояснения по данному поводу на очередном заседании пленума Харьковского совета. Он заявил: «Должен сказать, что политическая подготовка нашего поражения ведется здесь успешно. И для борьбы с преступными агитаторами придется, как я уже и раньше говорил, прибегать к расстрелам... В Харькове найдется еще много сил для подавления контрреволюционных авантюр».

Артем предупредил, что 1-й Пролетарский полк, сформированный в ДКР, отступает от Полтавы и, придя в Харьков, может выместить злобу за это отступление на саботажниках, которых Артем обвинил в оставлении городов за пределами Донецкой республики. Приведя сведения о том, что в результате меньшевистского саботажа эвакуации создаются сознательные препятствия для вывоза из Харькова меди, Артем заявил: «Так знайте же, что если медь не будет вывезена, если ее не начнут немедленно же погружать, мы будем травить ее кислотой, чтобы сделать ее совершенно негодной к употреблению. А... части тех заводов,

которые еще ничего не погрузили, будут взорваны. Будьте же готовы к этому!»

При этом Артем сообщил, что, выполняя требования паровозостроителей, он выдал им 300 тысяч рублей аванса, взяв эти деньги у Антонова-Овсеенко. Однако, по его словам, это не повлекло прекращения саботажных действий. «Деньги-то они взяли, — заявил глава ДКР, — но ничего все-таки до сих пор не вывезли. Таким людям давать деньги преступно». В завершение Артем еще раз пригрозил расстрелами, к которым, впрочем, не прибег.

В ходе развернувшейся дискуссии слово было предоставлено представителю ХПЗ, который признал, что общее собрание завода постановило не проводить эвакуации, но арестованные лидеры заводского комитета якобы горячо переубеждали своих коллег. Один из лидеров харьковских меньшевиков Попов (тот самый, который спустя много лет рассуждал о том, соответствовала ли позиция руководителей ДКР генеральной линии компартии или нет) признал, что арестованные представители ХПЗ принадлежат к его партии, и заявил о том, что арестом нарушено «постановление Совета об иммунитете его членов». Артем же возразил, что процедура задержания члена исполкома соблюдена, поскольку Совет был в соответствии с правилами извещен об этом. При этом Артем добавил: «Не забывайте о фронте! Трагический момент, идет кровавая борьба, а вы говорите о парламентских традициях. Для нас один красногвардеец на фронте неизмеримо дороже десяти саботажников в тылу».

В итоге пленум Совета незначительным большинством (108 против 90 голосов) постановил освободить троих заключенных и даже отрядил троих представителей Совета проконтролировать выполнение этого решения — еще одно свидетельство более чем либеральных порядков в ДКР. [962]

Как бы то ни было, но угрозы Артема подействовали. Общее собрание ХПЗ постановило «мирную демонстрацию» отменить, «дабы не растрачивать последние силы пролетариата». В связи с обещанием Артема освободить арестованных меньшевиков 1 апреля на ХПЗ начались эвакуационные работы: была произведена разборка двух дизельных машин для подводных лодок и начался вывоз меди и «белого металла». В тот же вечер обещание Артема было выполнено — арестованные были освобождены.[963]

Пожалуй, данный случай был самым резонансным в ходе эвакуации (именно его и называли «попыткой мятежа» в советских

учебниках), что вновь-таки подтверждает отсутствие в арсенале руководителей ДКР в 1918 году практики расстрелов «контрреволюционеров» и «саботажников», в чем их порой обвиняют современные историки, перенося практику «красного террора» последующих лет на весь период Гражданской войны и на всех большевиков без разбора.

Интересно, что один из аргументов, которым Артем «успокаивал» противников эвакуации, был связан с бардаком на железных дорогах. Выступая в те дни на различных митингах и собраниях, он неоднократно говорил о том, что даже при всем своем желании вывезти значительные ресурсы из Харькова власти не смогли бы этого сделать ввиду отсутствия железнодорожного транспорта и забитости железнодорожных путей. Этот аргумент даже был использован в официальном обращении Совнаркома ДКР и ЮОСНХ от 26 марта: «Относительно продовольствия сами же клеветники прекрасно знают, что это не может быть вывезено на Север, даже буде местные организации этого хотели бы, ибо загроможденные железные дороги, ведущие туда, не в состоянии принимать грузов»[964].

Действительно, по мере подхода немцев к Харькову и без того не отличавшаяся порядком Южная железная дорога пришла в состояние полного хаоса. 5 апреля эвакуационная комиссия во главе с Артемом наделила коллегию по управлению железной дороги в составе пяти человек чрезвычайными полномочиями для разгрузки Харьковского железнодорожного узла. Коменданту станции был выделен отряд красноармейцев для обеспечения разгрузки, что немедленно принесло свои плоды. Уже 6 апреля Артем сообщал Свердлову: «Новая железнодорожная власть работает, положение улучшилось, пробки уже почти нет»[965].

Во многом именно это — своевременное наведение порядка на Харьковском узле — и спасло самого Артема и членов правительства ДКР. В отличие от Скрыпника и Цикуки, предпочитавших убираться из своих обиталищ задолго до подхода противника, руководители Донецкой республики обещали находиться в своей столице до последнего и выполнили обещание. Как капитан тонущего корабля, Артем оставлял Харьков с верным ему полком Совнаркома ДКР и членами правительства на последнем эшелоне, уходившим на восток, — в момент, когда в Харькове уже находились передовые немецкие отряды.

Последний день пребывания правительства ДКР в Харькове до эвакуации, 7 апреля 1918 года, в принципе, хорошо описан в

многочисленных советских биографиях Артема. Накануне тот сообщал Свердлову в Москву: «Немцы все ближе. В городе и у наших паники нет. Если уйдем, то отойдем, а не убежим»[966].

Основное время Артем проводил на Южном вокзале, отправляя эшелон за эшелоном эвакуируемых большевиков и грузов стратегического назначения. К числу последних действий правительства ДКР в Харькове относится объявление города на осадном положении. Оно было введено приказом Рухимовича с полудня 4 апреля. Любопытно, что в приказе о столь жесткой мере содержался пункт следующего содержания: «Всякие увеселительные заведения должны быть закрыты к 9 часам вечера». То есть стремительно приближавшийся фронт и эвакуация не остановили, а лишь ограничили работу увеселительных заведений в столице ДКР.[967]

В субботу, 6 апреля, в 21.45 начался последний перед отступлением пленум Харьковского совета. В этот момент под станцией Основа (ныне входит в городскую черту Харькова) сильнейший натиск немцев сдерживали луганцы Клима Ворошилова, отряды донецких шахтеров и харьковский коммунистический отряд. Рухимович на заседании Совета сообщил: «Орудийные выстрелы слышны в Харькове. Положение наше очень серьезно. С нашей стороны нет подготовленных артиллерийских частей. С их же стороны гремят 6-дюймовые орудия. Но наши части отходят организованно»[968].

Открыл заседание Совета нарком ДКР Борис Магидов, позже к Совету присоединились лидеры харьковских большевиков Артем, Рухимович, Кин и Сурик. Харьковские журналисты описали трогательные сцены с этого мероприятия, которое, по их словам, «прошло под флагом примирения непримиримых», когда «фракция большевиков и фракция меньшевиков дружески протянули друг другу руки».

Пример небывалой по тем временам толерантности по отношению к оппонентам продемонстрировал Артем, заявивший: «Фракция большевиков, расставаясь с другими советскими фракциями, расстается с ними друзьями. Когда наш вынужденный отход будет осуществлен, чувство дружбы, родственности останется между нами. Выступая в последний раз, мы уверены, что впредь мы не будем спорить так горячо». Как писал позже Б. Магидов, «мы были уверены, что скоро вернемся в Харьков с большим революционным опытом»[969].

Но главным в речи главы ДКР было иное. Артем абсолютно однозначно заявил свою принципиальную позицию по поводу

отношений с Центральной Радой: «Рада, вторгшаяся в пределы Донецкой республики, предлагает Советской власти прекратить братоубийственную войну, Рада считает демократическим миром такой мир, по которому территория нашей республики будет наводнена войсками Рады, и воля народа будет раздавлена силою германских штыков. Но мира без признания Донецкой республики обеими сторонами быть не может»[970].

Данное выступление Артема и последующие действия правительства ДКР в период отступления на Донбасс и Царицын в корне опровергают рассуждения советских и современных украинских историков о том, что Артем и его наркомы после Всеукраинского съезда Советов в Екатеринославе согласились слить воедино ДКР и советскую Украину. Как видим из этой речи, в ней нет и намека на Цикуку, доживавшую свои последние дни в Таганроге. Наоборот, Артем, несмотря на давление, которое он испытывал со стороны большевистского руководства России, до последнего считал вопрос признания Донецкой республики, не входящей в состав Украины, принципиальным для начала переговоров с Радой и немцами.

После выступления Артема перед Советом отчитался Кин, сообщивший, что комендатура Харькова сохраняет свои правоохранительные функции и даже подготовила план перехода этих функций неким отрядам после оставления города во избежание мародерства и грабежей. Последующие события показали, что данный план был выполнен — Кин за пару дней до отступления издал приказ с указанием лиц, которые должны были взять на себя милицейские функции после отступления советских властей. Все эти лица служили до большевистского переворота в милиции и «обладали опытом прежней службы». По воспоминаниям большевиков, отряды, которым передавались милицейские функции в оккупируемом Харькове, представляли в основном боевые дружины меньшевиков. Еще один пример сотрудничества большевиков ДКР с представителями «старого режима» и идеологической оппозиции — невероятный для многих регионов тогдашней России.[971]

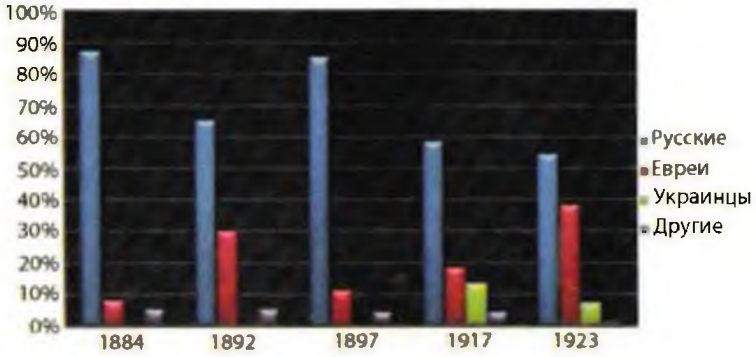
В 23.00 пленум Харьковского совета рабочих и солдатских депутатов завершился пением «Интернационала». Следующее заседание Совета с участием большевиков состоялось лишь в начале 1919 года.

В воскресенье, 7 апреля, вышел последний номер «Донецкого пролетария», который содержал воззвание правительства ДКР, подписанное Артемом, Рухимовичем, Межлауком и

Магидовым. Помимо подробного описания границ Донецкой республики, которое было приведено выше и довольно часто цитируется в различных исследованиях, воззвание гласило: «Киевское Правительство Рады вторглось в пределы нашей Донецко-Криворожской Республики. В то же время оно предлагает Правительству Федеративной Российской Республики прекратить братоубийственную войну и начать переговоры о демократическом мире. Как будто оно воюет с Великороссией, а не с рабочими и крестьянами нашей Республики. Миром демократическим, миром без насилия Киевское Правительство соглашается считать такой мир, по которому территория нашей Донецко-Криворожской Республики будет наводнена войсками Киевского Правительства и воля народа нашей Республики будет задавлена силою германских и австрийских штыков. Мы, Правительство Республики, заявляем: никакого мира без признания нашей Республики обеими сторонами быть не может. С оружием в руках народ нашей Республики поднялся против Киевского Правительства, наводнившего нашу страну германскими войсками, и мы не сложим оружия, пока эти войска будут находиться на территории нашей Республики. Уступая силе штыков, мы будем отступать, но не уступим, пока хоть один вершок территории Республики будет в наших руках, пока останется хоть один человек, способный носить оружие. Мы заявляем, что Киевское Правительство не может ссылаться, завоевывая нашу Республику германо-австрийскими штыками, ни на какие исторические и другие права, кроме права на завоевание, права на насильственное порабощение»[972].

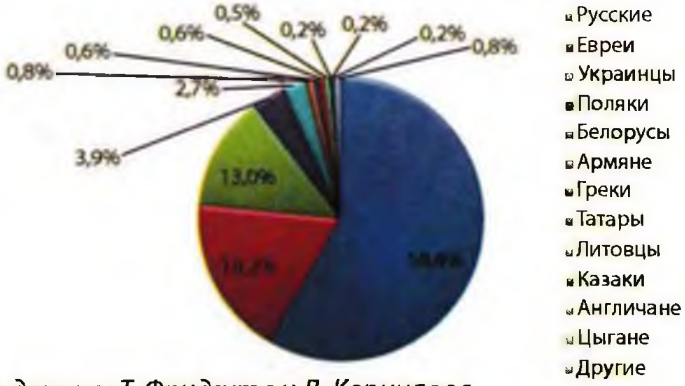
Стоит обратить внимание на то, что данное обращение было подписано Артемом не только как председателем Совнаркома Донецко-Криворожской республики, но и как наркомом по иностранным делам. Сам Артем и его коллеги не раз при создании ДКР говорили о том, что они, признавая республику частью федеративной России, не намерены вести самостоятельной внешней политики и создавать свой наркомат иностранных дел. Решения Совнаркома ДКР о наделении Артема такими полномочиями до нас не дошли. Но можно предположить, что за пару дней до эвакуации Харькова правительство ДКР приняло соответствующее решение для того, чтобы Артем имел возможность напрямую обратиться с протестом против вторжения немцев к правительствам других государств. В дальнейшем, уже находясь в Луганске, Артем продолжал именоваться главой Совнаркома и наркомом иностранных дел.

Этнический состав Юзовки с 1884-го по 1917 г.

По данным Т. Фридгута и Д. Корнилова

Этнический состав Юзовки в 1917 г.

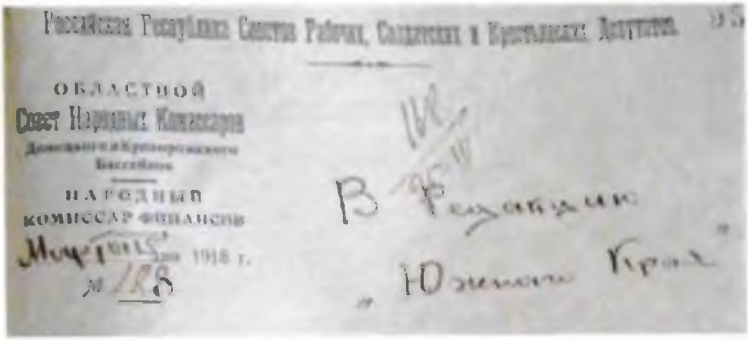

По данным Т. Фридгута и Д. Корнилова

Как видели в ЦК РСДРП(б) административное деление Юга России осенью 1917 года

Российская Республика Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

ОБЛАСТНОЙ
Совет Народных Комиссаров
Донецкого и Криворожского
Бассейнов

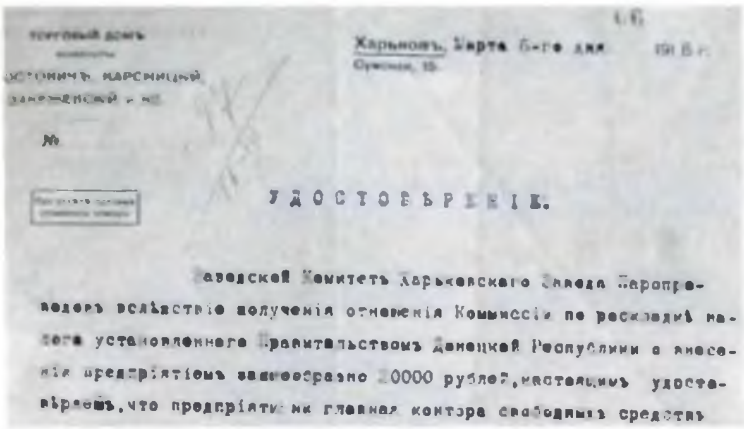
НАРОДНЫЙ
КОМИССАР ФИНАНСОВ

1918 г.

В Ревакцию

Бланк наркома финансов Донецкой республики

Телеграмма Антонова-Овсеенко комиссарам ДКР
от 24.02.1918

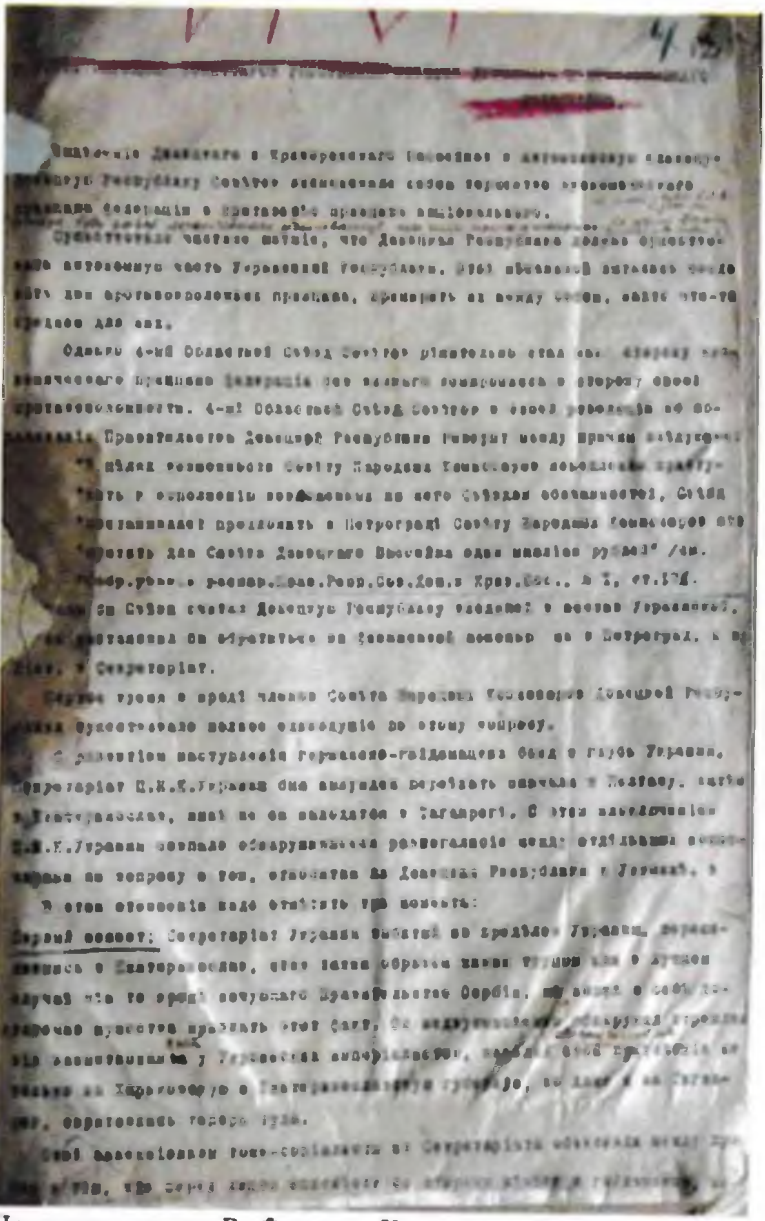

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Письмо Харьковского завода паропроводов об отказе платить налог

Список харьковских «миллионеров», подлежавших чрезвычайному налогообложению в ДКР

Черновик статьи В. Филова «Кого судить?»

Схема продвижения австро-германских войск весной 1918 г. (из книги Н. Какурина «Как сражалась революция»)

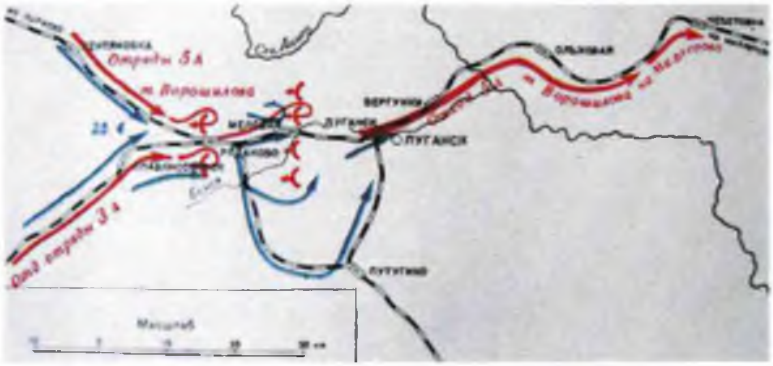
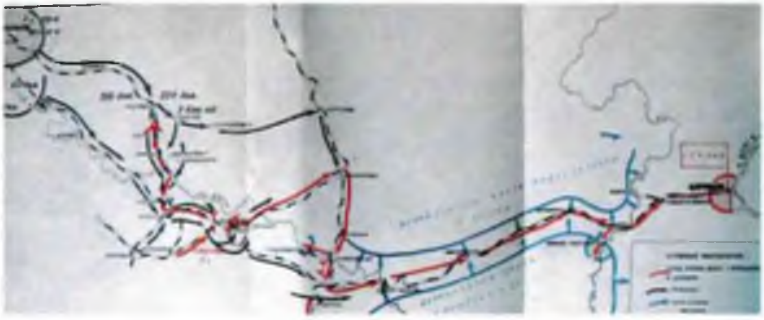

Схема боев частей ДКР с немцами под Луганском (из книги В. Меликова «Героическая оборона Царицына»)

Область Войска Донского с указанием зон контроля по состоянию на май 1918 г. (по книге В. Меликова «Героическая оборона Царицына»)

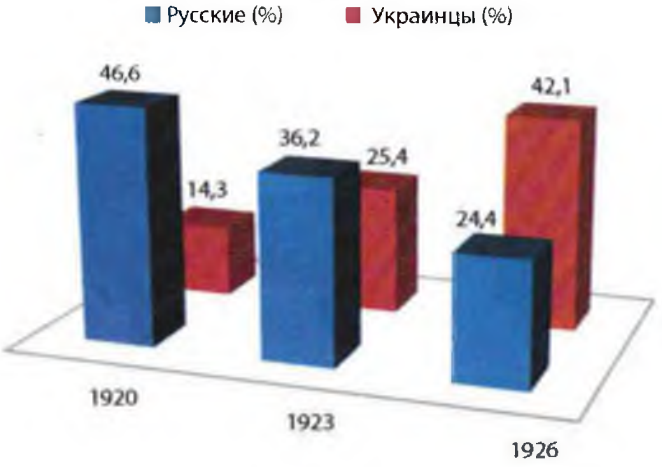

Карта похода армий ДКР из Луганска в Царицын (из книги В. Меликова «Героическая оборона Царицына»)

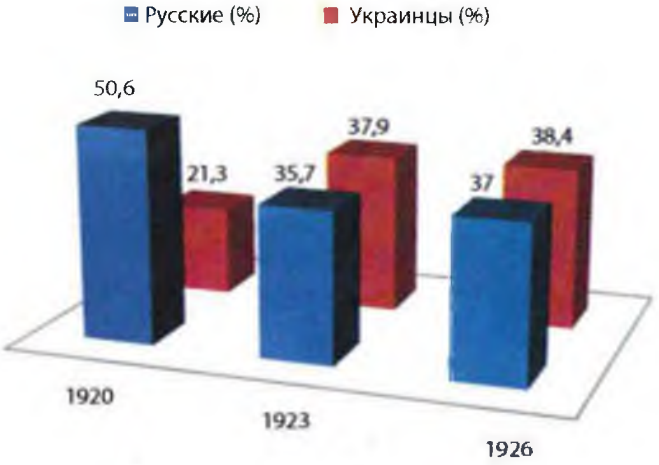

Карта боев у Лихой в мае 1918 года
(по книге В. Меликова «Героическая оборона Царицына»)

Этнический состав населения Киева

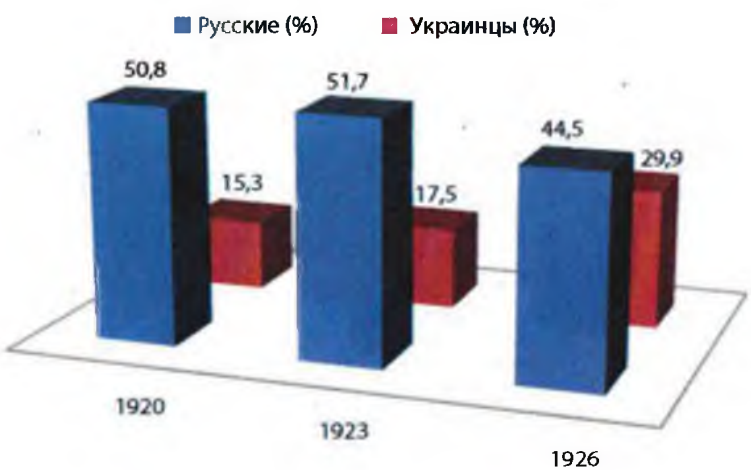
Этнический состав населения Харькова

Этнический состав населения Екатеринослава (Днепропетровска)

Этнический состав населения Николаева

Советский агитационный плакат 1921 года

Грандиозный памятник главе ДКР Артему-Сергееву на Святых горах

Карта предполагавшейся Юго-Восточной Украинской Автономной республики

Большевик В. Моргунов, у которого некоторое время после возвращения из Австралии жил Артем, вспоминал, что к 7 апреля в Харькове уже фактически не оставалось частей Красной Армии. «Только специально созданный Харьковский пролетарский отряд еще оставался в городе, — вспоминает Моргунов. — Он должен был обеспечить полную эвакуацию города и уйти последним. На Южном вокзале был подготовлен последний эшелон, с которым должен был выехать Пролетарский отряд и руководители харьковской партийной организации и органов Советской власти»[973].

По словам Моргунова, в последний день перед отступлением Артем лично участвовал в конфискации крупной суммы денег, якобы утаенной ранее руководством Южной железной дороги. Вот как этот эпизод выглядел со слов Моргунова: «Член партии тов. Бунякин сообщил, что в Управлении Южной железной дороги имеется крупная сумма денег. Срочно была организована небольшая группа товарищей во главе с Артемом для изъятия этих денег. Вооруженные винтовками и револьверами Артем, Покко, Бунякин и еще несколько человек ворвались в Управление Южной железной дороги. Деньги были немедленно изъяты и погружены в эшелон»[974].

Управление Южной железной дороги в Харькове

Артем продолжал руководить эвакуацией оставшихся поездов вплоть до утра 8 апреля. Вот как описаны эти события у Астаховой: «Находясь на Южном вокзале, члены областного комитета партии и Совнаркома Донецко-Криворожской рес-

публики во главе с Артемом отправляли последние эшелоны по не занятой еще оккупантами Северо-Донецкой железной дороге. Несмотря на приближение немцев и сильный артиллерийский обстрел, Артем в течение этой ночи дважды выезжал на ст. Основа и добился, что она была разгружена до последнего поезда. 8 апреля в 3 часа утра Артем подписал приказ о сдаче города. В 6 часов утра передовые немецкие части вступили в Харьков»[975].

В первые утренние часы в Харькове появились некоторые разрозненные отступавшие красноармейские отряды. «Многие из них имели чрезвычайно жалкий вид: босые, голодные, истомленные, без всякой амуниции, они, с трудом удерживая в руках ружье, устало плелись неведомо куда, хватая съестное из корзин уличных торговцев и тут же с жадностью пожирая его. Это были солдаты и красногвардейцы наиболее дезорганизованных частей»[976].

В момент, когда Артем отъезжал с вокзала, немецкие передовые подразделения уже двигались по улицам Харькова. По словам Астаховой, эшелон с Артемом и 1-м Харьковским коммунистическим отрядом выехал, когда немцы уже заняли Холодную Гору и вышли на Екатеринославскую улицу. В три часа дня 8 апреля вокзал был в немецких руках, а в шесть часов вечера на него начали прибывать армейские эшелоны с немецкими солдатами. По словам самого Артема, последним из руководителей ДКР уходил Николай Руднев: «Он ушел из Харькова, когда город был занят германскими войсками. Ему пришлось сбросить командную тужурку, чтобы не быть узнанным»[977].

По словам журналиста газеты «Возрождение», отступавшие комиссары захватили с собой со станции лишь два телеграфных аппарата.[978] А украиноязычный «Бюлетень газети "Рух"», напротив, заявлял, что большевики увезли десятки телеграфных и телефонных аппаратов вокзала, оставив лишь два. Эта же газета сообщила, что со станции также увезены самовар и зачем-то портрет Шевченко с несколькими украинскими «рушниками», которыми было украшено помещение.[979] Трудно сказать, спасали ли лидеры ДКР портрет Тараса Шевченко от немецкого вандализма или же сами решили увезти его, чтобы надругаться над ним. Но, оказывается, до эвакуации Донецкой республики портрет Кобзаря спокойно висел на вокзале Харькова, что не вызывало никаких возражений у властей. Так что обвинения властей ДКР в «украинофобии» не имеют под собой почвы.

Некоторые из исследователей датой 8 апреля и отступлением из Харькова заканчивают историю Донецко-Криворожской республики. Хотя дальнейшее описание событий подтверждает тот факт, что ДКР и ее правительство на этом не прекратили существование. В конце концов, если оставление столицы руководством того или иного государства необходимо считать его концом, то история УНР закончилась 26 января 1918 года.

Путь отступления правительства ДКР лежал через станцию Основа и Змиев на Луганск. На ст. Основа к эшелону присоединились луганские отряды во главе с Ворошиловым, который все это время сдерживал немцев, значительно превосходивших его силы, на данном направлении (некоторые источники уверяют, что Ворошилов не успел в отступавшие эшелоны на Основе и пробивался до Чугуева через окружение самостоятельно, хотя эта версия противоречит многим воспоминаниям участников событий[980]). Тут же Артем получил телефонограмму со станции Жихарь о том, что немцы уже заняли город и станцию Змиев — единственный путь, по которому можно было пробиться на Луганск. Фактически правительство ДКР оказалось в окружении. После короткого совещания, в котором участвовали Артем, Рухимович и Ворошилов, было решено во что бы то ни стало пробиваться через Змиев.[981]

Вряд ли члены правительства ДКР смогли бы осуществить свой дерзкий план, если бы им на помощь не пришел бронепоезд Людмилы Мокиевской-Зубок, осуществивший невероятный прорыв немецких линий и вышедший в тыл наступавшим немцам. Антонов-Овсеенко так вспоминал этот эпизод: «Наши части, успешно сражавшиеся на харьковском направлении, оказались отрезанными от основных сил Красной армии. Тогда бронепоезд Мокиевской прорвался к Харькову и вывел из окружения штаб и оборонявшие город советские войска»[982].

Антонов-Овсеенко, описывая стычку у Змиева, особо отметил действия правительства ДКР: «Отряды харьковских рабочих, под непосредственным руководством членов Донецкого совнаркома, выдержали бой у Змиева с подоспевшим авангардом немцев. Дружной атакой наши части отбросили врага, захватив несколько пленных и два орудия»[983].

А вот как этот эпизод описан в воспоминаниях на тот момент уже бывшего токаря, бывшего эсеровского боевика и будущего советского комдива Ивана Локатоша: «Верстах в 4—6 от Змиева наш отряд вступил в бой с немцами и гайдамаками, которые артиллерийским огнем старались испортить железнодорожный

путь». По его словам, бой длился около трех часов, а атакой красногвардейцев лично руководил Артем. По сути, это было боевое крещение Артема, который до сих пор лично не участвовал в боевых действиях армий. Этот бой был первым, но не последним для лидера ДКР.

Благодаря дерзости атаки и огню бронепоезда немцы отступили. Большевики потеряли 8 бойцов, но захватили в качестве трофеев два орудия и два пулемета. Правда, под Змиевом пришлось еще задержаться, так как необходимо было разминировать железнодорожное полотно. Участник этого похода В. Бобовников вспоминает: «Из Змиева мы уходили в 11 часов ночи... Везли с собой раненых, оружие, а также запас рельсов, т. к. часто встречали поломанные пути»[984].

«ЛУГАНСКИЙ ПЕРИОД» ИСТОРИИ ДКР

Сделав остановку в Попасной, 9 апреля правительство Донецкой республики прибыло в Луганск, идеологический и организационный оплот Клима Ворошилова. Хотя и в этом «оплоте» было неспокойно. По воспоминаниям Селявкина, который командовал одним из бронепоездов, сопровождавших ценные грузы из Харькова, «в городе бесчинствовали анархисты и эсеры, наводя панику на население». Он даже утверждает, что в Луганске была совершена попытка вооруженного нападения на эшелоны: «Пронюхав, что мы эвакуируем большие ценности, анархисты решили захватить их и под прикрытием трех автобронемашин напали на комендатуру. Команда бронепоезда, стоявшего вблизи здания комендатуры, открыла огонь из скорострельных пушек и рассеяла бандитов»[985].

Дореволюционный Луганск

На тот момент центральное советское руководство уже приняло решение об организации обороны Донбасса. Какурин пишет: «В это время в южной части Донецкого бассейна образовалась довольно плотная группировка красных

благодаря сосредоточению здесь отрядов, отошедших с екатеринославского направления и откатившихся от Харькова. К этим силам надо еще прибавить до 2000 человек местных формирований, из которых пытались образовать 5-ю армию. У красного командования возникла мысль ударить этими силами с юга на противника, двигающегося от Харькова на Купянск». С этой целью еще 3 апреля, то есть до приезда правительства ДКР, в Луганске был создан мобилизационный штаб Красной Армии, который объединил прибывшие туда мобилизационные отделы Киевской, Полтавской, Черниговской губерний и военный отдел самого Луганска.[986]

Руководство ДКР моментально по прибытии в свое новое месторасположение произвело реорганизацию собственного состава, вызванную несколькими обстоятельствами — часть наркомов республики была задействована на фронте, «оппозиционеры» выбыли из состава, да и присутствие в Луганске требовало включить в состав правительства местных политиков.

Обновленный состав правительства выглядел следующим образом:

председатель и нарком иностранных дел — Ф. Артем-Сергеев;

заместитель председателя, комиссар без портфеля — Ю. Лутовинов;

управляющий делами Совнаркома — А. Повзнер;

Нарком военных дел — М. Рухимович;

нарком финансов — В. Межлаук;

нарком контроля — А. Каменский;

нарком труда — Б. Магидов;

нарком продовольствия — И. Алексеев;

нарком управления — Якимович;

нарком юстиции — А. Червяков;

нарком народного образования — Я. Истомин;

нарком земельных дел — Ханзон;

нарком общественного имущества — Пузырев;

нарком путей сообщения — Котов (он же называется и наркомом профсоюзов);

нарком госпризрения — Молдавский;

нарком почт и телеграфов — А. Осипович[987].

Довольно короткий луганский период деятельности Совнаркома ДКР, как и биографии некоторых его членов, пока что малоизучен. Исследователям даже неизвестны инициалы неко-

торых из наркомов, кооптированных в правительство, не говоря уже об их деятельности. Зато известно, что стремление Артема создать наконец многопартийное правительство в Луганске было осуществлено: Повзнер принадлежал к меньшевистской партии, а Ханзон — к левым эсерам. Из присоединившихся к правительству ДКР луганцев достаточно изучены лишь биографии местных большевиков Лутовинова, Алексеева-Кума, Червякова.

Вне зависимости от вклада каждого из означенных персоналий правительство ДКР, находясь в Луганске, сосредоточило в своих руках значительный объем работ, связанных с организацией обороны республики. В первых числах апреля в Никитовке состоялось заседание военных отделов «районов республики Донецкого бассейна», на котором было принято решение «немедленно поднять население, распределить участки линии борьбы и приступить к устройству оборонительных позиций». Расширенное заседание Совнаркома ДКР постановило объединить все вооруженные силы республики в одну армию и создать Главное командование советских войск в регионе, пока не занятом немцами.[988]

15 апреля Клим Ворошилов по согласованию с Совнаркомом ДКР принял предложение возглавить 5-ю советскую армию, приняв командование у Сиверса. 16 апреля правительство Донецкой республики на совещании в присутствии Антонова-Овсеенко вынесло лаконичное постановление: «Советом народных комиссаров Донецкой республики назначается командующим 5-й армией т. К. Ворошилов». Руднев стал начальником его штаба, расположенного тогда в районе Купянска. Именно в эту армию влилось большинство сохранившихся советских отрядов, которые были сформированы в Донецкой республике. Собственно 5-я армия, затем воспетая советской пропагандой, прошла до Царицына и вернулась обратно в 1919 году. Несмотря на то что в нее затем вливались новые силы на Дону и на Волге, костяк армии Ворошилова постоянно составляли рабочие Донбасса и Харькова, мобилизованные под руководством Донецкой республики.[989]

Все действия по мобилизации и обороне руководство ДКР осуществляло в непосредственном контакте с центральным руководством советской России. 16 апреля, к примеру, состоялся прямой телефонный разговор наркома ДКР Каменского со Сталиным. Из Луганска сообщали: «Я нарком Донецкой республики Каменский... Сегодня мы с Ворошиловым направля-

емся на фронт». Каменский одновременно поддерживал контакт с Серго Орджоникидзе, который в эти дни находился в Ростове.[990]

Сталин от имени Ленина в этом разговоре передал указания «о необходимости отстаивать Донбасс до последней возможности, превратить весь Донецкий бассейн в единый боевой военный корабль, мобилизовать все силы на его оборону, создать мощные укрепленные районы и опорные пункты и опоясать ими весь Донбасс, превратить Луганск и Юзовку в главные центры всего бассейна»[991].

Следует особо подчеркнуть: все назначения в 5-й армии, все оборонительные работы, все переговоры с Москвой велись исключительно от имени Донецкой республики. Никаких упоминаний о советской Украине, о таганрогской Цикуке, о Скрыпнике, как бы обязанных руководить координацией обороны республик Юга, уже нет и в помине! Никто не вспоминает и о решении ЦК РКП(б) по поводу «автономного статуса» ДКР в составе Украины. Сталин ведет переговоры со своим хорошим знакомым Каменским, представляющимся наркомом Донецкой республики — и это также не вызывает в Москве никаких возражений. Из чего можно сделать однозначный вывод: советская Россия признавала Донецкую республику и после пресловутого Всеукраинского съезда Советов в Екатеринославе.

Хотя один раз в ходе «луганского периода» деятельности ДКР представители Цикуки напомнили о себе. В 10-х числах апреля в Луганске вдруг попытался раздавать какие-то команды Григорий Разживин, представлявший мобилизационный отдел ЦИК Украины. На эти его действия была получена довольно жесткая и более чем ясная телеграмма от Антонова-Овсеенко: «Совет народных комиссаров Донецкого бассейна заявил недавно, что Донецкий бассейн и часть Криворожья составляет независимую от Украины часть Российской советской республики. В Донецком бассейне над формированием Красной армии давно работает Центроштаб в Юзове. Во главе всего формирования новых войсковых частей мною поставлен тов. Рухимович. Ввиду всего этого, предписываю немедленно выделить желающих работать в контакте с Центроштабом и тов. Рухимовичем, а остальных удалить. Из выделенных образовать отдел Центроштаба, обязав строгой отчетностью перед ним. Об исполнении донести срочно»[992].

Этот документ красноречиво свидетельствует о том, что по состоянию на середину апреля 1918 г. ДКР не просто суще-

ствовала, она признавалась полномочными представителями центральной российской власти как «независимая от Украины часть Российской советской республики». И никто в этот момент — ни в Москве, ни в Луганске — не вспоминал ни о грозных директивах ЦК по поводу принадлежности Донбасса Украине, ни тем более о решениях забытого уже всеми Екатеринославского съезда.

Правительство ДКР находилось в Луганске недолго — с 9 по 28 апреля 1918 года. Само собой, эти три недели не были переломными в судьбе фронта и Луганска как такового. Говорить о серьезных преобразованиях, которые за это время могло бы совершить правительство Донецкой республики, не приходится. Практически все усилия имели три основных направления — организация обороны, продолжение масштабной эвакуационной кампании и пропаганда, которая обеспечивалась изданием газеты «Луганский революционный вестник» (такое название получил орган местных большевиков «Донецкий пролетарий» буквально накануне приезда в Луганск СНК Донецкой республики).[993]

Ситуация на фронте представлялась критичной. Немцы взяли Купянск, тем самым целенаправленно отрезая пути сообщения, связывающие с центральными губерниями России отряды Донецкой армии (командующий — Геккер) и 5-й армии Ворошилова. Попытка советского контрудара на изюмском направлении провалилась. Главной целью немецкого наступления стала станция Чертково, находившаяся уже за пределами Харьковской губернии, в Области Войска Донского. Отрезав от этой станции Красную армию, немцы оставляли ей единственный путь отхода — на восток, через территорию, в основном контролировавшуюся враждебно настроенными к большевикам донцами.[994]

В этой связи 20 апреля в Никитовке по призыву Совнаркома Донецкой республики состоялось Вседонецкое совещание представителей Советов и военных организаций, на котором был принят план эвакуации Донецкого бассейна. Совнарком ДКР был назначен ответственным за осуществление этого плана. Сам Артем, лично руководивший данным совещанием, поставил задачу: «Ни одного гвоздя немецким грабителям»[995].

Правда, и эти координирующие усилия не ликвидировали бардак в управлении военными силами ДКР. Центроштаб, сформированный в Донбассе, продолжал автономные действия и обвинялся Антоновым в «сепаратизме». 23 апреля в Луганске на совместном совещании Совнаркома ДКР и штаба Антонова-

Овсеенко было решено объединить все мобилизационные усилия в прифронтовой зоне, после чего Центроштаб с немаленьким красногвардейским отрядом в количестве 1500 бойцов, с пулеметами и артиллерийскими орудиями внезапно снялся с линии фронта и отбыл в Новочеркасск, ослабив оборонительные позиции непосредственно под Луганском.[996]

В. Межлаук перед строем красноармейцев (май 1919 г.)

В этих условиях властями ДКР даже предпринимались попытки начать переговоры с немецким командованием и с Центральной Радой. Взялся за это глава ЮОСНХ В. Бажанов, который пытался убедить немцев остановить наступление хотя бы на старых административных границах Екатеринославской губернии — с тем, чтобы оккупанты не переходили Кальмиус и не вторгались в Макеевку и дальше. И хотя Бажанову не удалось убедить немцев остановиться, по словам Антонова-Овсеенко, эта миссия несколько придержала наступление на Иловайск и Таганрог. Воспользовавшись этой задержкой, большевики успели отправить бронепоезд и эшелон с особо ценными грузами из Харьковского отделения Госбанка на север, в район ст. Лыски. Сопровождал эти ценности нарком ДКР В. Межлаук, за что его лично поблагодарил сразу по прибытии в Москву Ленин.[997]

Все это время Артем непосредственно руководил эвакуационными работами. В Донбассе скопилось неимоверное количество эшелонов с грузами и людьми, эвакуируемыми из Харькова и всей Донецкой республики. Станции были загружены, а двигаться эшелонам было фактически некуда — линии с центральными регионами России были уже фактически перерезаны немцами, а регионы восточнее ДКР представляли собой донскую вольницу, через которую ценные грузы можно было перемещать лишь под серьезным вооруженным контролем.

Эвакуировались целые заводы. 24 апреля правление Луганского паровозостроительного завода решило закрыть предприятие «в связи с вывозом с завода всех ценных, необходимых для

производства материалов», а только что построенные паровозы были использованы для вывоза грузов. Артем лично выезжал на станцию Лиман с целью наведения там порядка, а 22 апреля отдал приказ грузить ценности в вагоны без бюрократических процедур, связанных с их учетом, — было уже не до того.[998]

Нельзя точно оценить, сколько всего грузов стратегического назначения было эвакуировано усилиями Артема и членов правительства ДКР. Известно, к примеру, что с 12 апреля по 5 мая 1918 г. только через станцию Лыски со стороны ДКР проследовало 572 паровоза, 7134 груженых вагона, 2073 пассажирских и товарных вагонов, в общей сложности — примерно 116 млн кг грузов. Лишь за короткое время пребывания правительства ДКР в Луганске было вывезено 60 паровозов и более тысячи вагонов оборудования и сырья. Рабочие Луганского патронного завода отправили на восток более 200 вагонов латуни. Кроме того, эвакуации подлежали многие рабочие, члены семей бойцов Красной Армии и партийного актива. По приблизительным подсчетам, из Донбасса было эвакуировано до 35 тыс. человек. Сам Артем писал, что при отступлении на Царицын «почти сто паровозов, самых крупных, самых мощных, везли народное имущество колоссальной боевой ценности». В условиях полного разложения и бардака на железных дорогах эти цифры не могут не впечатлять.[999]

Неудивительно поэтому, что, зная об этих колоссальных усилиях местных советских властей, немцы так стремились поскорее перерезать железнодорожную линию на участке Миллерово—Чертково. Артем и Ворошилов сообщили в письме Ленину: «Эшелонами и ценными грузами забиты совершенно Зверево, Лихая, Царицын. Немцы и гайдамаки стремятся занять Чертково, хотят отрезать нас от Севера»[1000]. В день рождения Ленина, 22 апреля, на заседании всероссийского Совнаркома под непосредственным руководством именинника было обсуждено чрезвычайное сообщение, переданное Орджоникидзе об угрозе захвата немцами станции Чертково. В 11 часов вечера того же дня Ленин подписал срочную телеграмму следующего содержания: «Предложить Военному Комиссариату принять незамедлительно все зависящие от него меры для обороны восточной границы Харьковской губернии, особенно же станции Чертково, занять которую стремятся немцы и гайдамаки для перерыва железнодорожного сообщения с Ростовом. О деталях переговорить со Сталиным»[1001].

В результате армии Донецкой республики завязали серьезнейший бой с немцами на линии Родаково—Меловая. Этот бой во многих советских источниках назван чуть ли не первой крупной победой советских войск на Юге в годы Гражданской войны. Две немецкие дивизии были впервые во время австро-германского наступления не просто задержаны, но и отброшены назад. Бои длились в течение трех дней — с 24 по 26 апреля 1918 года. В результате контрудара армия Ворошилова захватила две немецкие артиллерийские батареи, 20 пулеметов и даже сбила 2 самолета. Тем самым немецкое наступление на Луганск было на короткое время остановлено[1002] (см. цветн. вкладку, стр 6).

Телеграмма Ленина об обороне Донбасса

Как писал Антонов-Овсеенко, под Родаково «красноармейцы показали, что у них начинают отрастать "клыки"». «Этот эпизод уже предуказывал героев "царицынского сидения"», — считал главковерх.[1003]

Но этот успех не помешал немцам продвинуться на основной линии своего наступления — станция Чертково была ими взята. Как пишет Какурин, «таким образом, красные силы Донецкого бассейна были отрезаны от прямых путей сообщения с Великороссией, а в их распоряжении для выхода из грозившего замкнуться перед ними кольца оставалась лишь железная дорога Лихая—Царицын и кружная магистраль Ростов—Тихорецкая—Великокняжеская—Царицын»[1004].

ОТ ДОНБАССА К ЦАРИЦЫНУ

У правительства и армейского руководства Донецкой республики не оставалось выбора, кроме как двигаться в направлении Царицына — «красного Вердена», как назвал его генерал Деникин. Идти предстояло через обширные степи Области Войска Донского — этой «казачьей Вандеи», как называл данный регион советский комдив Меликов.[1005]

В отличие от прежних и нынешних штампов, Дон тогда не представлял собой монолитный в идеологическом смысле регион. На юге области в тот момент уже активно действовала Добровольческая армия, которую тоже, как свидетельствуют многочисленные мемуары лидеров Белого движения, донцы далеко не всегда встречали с распростертыми объятиями. Львиная доля области находилась под контролем отдельных антибольшевистских подразделений донских казаков. Регионы же, непосредственно примыкавшие к Царицыну, а также центральные регионы области со станицей Усть-Белокалитвенская находились под контролем большевиков. Практически зажатый со всех сторон, в центре Дона с казаками сражался отряд будущего советского генерала Ефима Щаденко.[1006] Через эти неспокойные и непредсказуемые районы, в которых местная казачья власть постоянно переходила из рук в руки, войскам ДКР предстояло совершить многокилометровый поход (см. цветн. вкладку, стр 7).

28 апреля правительство Донецкой республики во главе с Артемом выехало из Луганска — как и из Харькова, на одном из последних эшелонов, уходивших на восток. Подавляющее большинство историков именно на этом моменте заканчивают описание истории ДКР, что также нельзя считать корректным. Даже ярый противник самой идеи существования Донецкой республики Николай Скрыпник вынужден признать: «Правда, Совнарком Криворожско-Донецкой республики, который был создан в январе 1918 г., существовал еще и в дальнейшем». Но он тут же добавляет: «...Но только формально; все его работники были откомандированы на места, а вскоре этот Совнарком совсем растаял»[1007].

Скрыпник не уточняет времени «таяния» Совнаркома ДКР. Так же как и не упоминает о том, что возглавляемое им правительство советской Украины было официально распущено еще 20 апреля 1918 г. в Таганроге, а вот решений об официальном прекращении деятельности Донецкой республики или ее правительства никто никогда не принимал (кстати, составители фундаментального советского сборника документов «Гражданская война на Украине» уверяют, что СНК ДКР был ликвидирован в июне 1918 года, хотя и не приводят никаких подтверждающих этот тезис доказательств[1008]). Последующие события и документы (в частности, решение Совета обороны РСФСР от 17 февраля 1919 года), о которых еще пойдет речь ниже, свидетельствуют о том, что Донецкая республика и ее

руководящие структуры сохранились вплоть до возвращения советской власти в Харьков.

При этом, действительно, многие руководители ДКР в период вынужденного отсутствия на родной земле занимались деятельностью различного направления. Не надо забывать, что некоторые военные подразделения Донецкой республики и их руководители успели выйти за ее пределы еще на север, став фактически пограничными войсками советской России на образованной демаркационной линии немецкой оккупации. Отряд рабочих харьковской электростанции во главе с Михаилом Струковым преобразовался в пограничный отряд Чрезвычайной комиссии на станции Бибиково. Будущий «красный палач» Степан Саенко со своим отрядом занял станцию Белянихино на центральной линии Харьков—Москва. На станции Желобовка (линия Курск—Ворожба) находился отряд во главе со слесарем завода «Гельферих-Саде» Григорием Лозой. Некоторые из лидеров харьковских большевиков, включая упоминавшегося выше издателя «Пролетария» Сильвестра Покко, находились в Курске. Некоторые (включая Тевелева) остались на подпольной работе в Харькове и окрестностях. Однако основное ядро правительства ДКР уходило вместе с Артемом на Царицын.[1009]

Последним населенным пунктом, формально входившим в состав Донецкой республики, стала для Совнаркома ДКР станция Миллерово, к которой с севера, со стороны Чертково, уже приближались немцы. Прибыв туда, Артем вновь созвал заседание Совнаркома ДКР, чтобы посоветоваться о дальнейших планах. Астахова, ссылаясь на воспоминания В. Моргунова, пишет об этом совещании: «В отдельных выступлениях на заседании было высказано мнение о том, что пробиться через Лихую на Царицын все равно не удастся, и поэтому есть смысл задержать эшелоны в Миллерово и не вступать в военные столкновения с немцами. Но большинство членов Совнаркома категорически отвергли такое предложение. Было принято решение любой ценой пробиваться через Лихую на соединение с царицынской группировкой советских войск»[1010] (см. цветн. вкладку, стр 7).

4 мая последние воинские части Донецкой республики и ее правительство покинули территорию ДКР, двинувшись к югу, в направлении узловой станции Лихая, к которой и с запада, и с севера приближались немцы. В тот же день, 4 мая, Совет народных комиссаров советской России признал демаркационную

линию с немцами, одновременно издав приказ о прекращении военных действий на Юге и разоружении всех частей, которые переходили указанную линию. Была принята отставка главнокомандующего войсками республик Юга Антонова-Овсеенко. Хочется особо отметить, что сам главковерх подал прошение об отставке со следующими словами: «Выполняя волю Советской власти на Украине и в Донецкой республике, я в течение двух месяцев, в меру своих сил, руководил борьбой советских Украинских и Донецких войск против германо-гайдамацкого вторжения».

Он же в тот же день издал приказ № 4, в котором вновь-таки говорит о войсках Украины и «Донецкой рабочей республики», что лишний раз подтверждает тезис о существовании и ДКР, и ее войск на момент отступления в мае 1918 г. Приказ Антонова гласит: «В полном согласии с Советскими правительствами Украины и Донецкой рабочей республики объявляю о сложении с себя звания Верховного Главнокомандующего войсками республик Южной России и о прекращении военных действий. Приказываю частям, подчиненным мне и не сложившим еще оружие, сдать таковое немедленно представителям военной власти Российской Федеративной Республики»[1011].

Эти решения Антонова были в тот же день подтверждены приказом Ленина: «Строжайше наблюдать за тем, чтобы отдельные, еще неразоруженные отряды бывшей армии Южных республик немедленно разоружались по переходе через границу Российской Советской Республики». Понятно, никто эти отряды разоружать не собирался, а подобные приказы, как видно из того же документа, нужны были лишь для того, чтобы устранить «какой бы то ни было повод для перенесения борьбы на территорию Российской республики». 10 мая Главный штаб войск Южных республик (опять-таки — не только Украины) был официально ликвидирован.[1012]

Даже если бы у представителей советской власти было бы желание разоружить отступавшие армии Донецкой республики при выходе ее за свои пределы, осуществить это было бы невозможно хотя бы в связи с тем, что в районе станция Лихая, к которой двигались Артем со товарищи, советской власти не было — разоружать было некому.

Незначительный по расстоянию отрезок от Миллерово до Лихой (всего-то около 80 километров) преодолевался с колоссальными сложностями. По воспоминаниям Моргунова, на всем пути следования до Лихой «все железные мосты были взорваны,

деревянные сожжены, насыпи местами разрушены, полотно в 5—10 верст было согнуто в кольца и петли». А ведь двигалось до 80 эшелонов, более чем 3 тысячи вагонов с воинскими частями и грузами! Восстанавливать железную дорогу приходилось под непрерывным огнем. «По утрам, — вспоминает В. Моргунов, — нас ежедневно посещали аэропланы, угощая бомбами. С боков делали налеты казаки». Десятки эшелонов двигались плотной колонной со скоростью до 20 километров в час и с постоянными остановками. Впереди шел, постоянно отстреливаясь, бронепоезд, по бокам двигались броневики, в арьергарде — «бронелетучки» — бронированные дрезины.[1013]

Сам Артем так вспоминал этот поход: «У Лихой собрались деморализованные остатки разбитой германцами и разложенной безнаказанностью части так называемой 3-й армии, масса беглецов-шахтеров с семьями из Донецкого бассейна. С севера, с запада и с юга надвигались немецкие войска; на востоке в Донской области началось восстание, организованное по взаимному уговору с немцами. В Лихой оказалось колоссальное военное имущество, которое в руках восставших казаков явилось бы страшным оружием против неподготовленной к борьбе Советской России... Немцы надвигались и зажимали нас в железное кольцо. Нас громили и из орудий, и с аэропланов... Защищаться было нечем»[1014].

У станции Каменская, уже пройденной основными силами ДКР, произошли столкновения немцев с арьергардными советскими частями, которыми командовал Ворошилов и присоединившийся к нему отряд донецких шахтеров и красных казаков во главе с Щаденко. Данная стычка задержала продвижение немцев с севера. В это время Артем и Руднев уже распоряжались отправкой на восток эшелонов из самой Лихой, на которую уже насели немцы с запада и юга (см. цветн. вкладку, стр 8).

Свидетели событий позже вспоминали ад, царивший в Лихой 5—6 мая: «На самой станции оставаться было почти невозможно. К вечеру нам все же удалось много эшелонов продвинуть вперед. Чуть забрезжил рассвет. Началась канонада. В наш вагон попал снаряд, кому-то оторвало голову. Обстрел усилился. Часов в 8 утра стало известно, что наши бросают позиции и что по пятам их к станции продвигается противник. К полудню положение создалось невообразимое. Мчались группами, в одиночку кавалеристы, пехота, артиллерия, на ходу рубились постромки, бросались орудия, пулеметы. Трудно было установить, кто же бегущие»[1015].

Локатош, прибывший в Лихую с Ворошиловым, вспоминал: «Весь путь к Лихой мы шли под огнем противника, идущего по нашим пятам, и когда подошли к Лихой, она представлялась нам в дыму и огне. Снаряды и патроны рвутся. Не успевшие проскочить эшелоны горят. И все же продолжают вырываться на царицынскую дорогу с горящими вагонами... По вокзалу, кроме артиллерийского, открыт пулеметный огонь с трех сторон. На вокзале я нашел Колю Руднева с Артемом, они отправляли поезда с оружием и боевыми припасами»[1016].

Артем, скромно умалчивая о своих личных заслугах, вовсю превозносил за операцию под Лихой Николая Руднева: «Прибывший на станцию Коля проделывал чудеса. Он был невероятно измучен непрерывными боями. Он был на посту все двадцать четыре часа трое суток подряд. Здесь впервые он развернулся в вождя, каких мало выдвигается даже в такое время, как наше»[1017].

Правда, иные участники этой операции указывали на важную роль самого Артема, который «с маузером в строю» лично руководил боевыми операциями по защите Лихой. Нарком ДКР Магидов, к примеру, вспоминая Лихую, писал: «В трудную минуту Артем неожиданно для всех появлялся в самом опасном месте... и своей бесстрашностью заражал и увлекал всех». По словам очевидцев, в последний день обороны станции, 6 мая, Артем лично остановил дрогнувший отряд, который сдерживал натиск немцев на Лихую.

В этом бою глава Совнаркома ДКР был довольно серьезно контужен. У Астаховой, которая на протяжении нескольких лет довольно тесно общалась с Елизаветой Репельской-Артем, этот эпизод описан следующим образом: «Лиза Репельская, незадолго перед эвакуацией ставшая женой Артема и отступавшая как медицинская сестра в составе санитарной команды 1-го Харьковского Коммунистического отряда, уложила его в санитарном вагоне. Но задержать его там не удалось. Придя в сознание, Артем немедленно вернулся в бой»[1018].

Бой под Лихой, в котором непосредственное участие приняли руководители Совнаркома Донецкой республики, был красочно воспет Алексеем Толстым в повести «Хлеб». И хотя данное произведение, безусловно, является художественным, ряд непосредственных участников этого боя признавали позже, что данный эпизод описан писателем очень верно, на основе документальных источников. Однако нельзя забывать, что повесть была написана классиком советской литературы в 1937 году и во многом носила пропагандистский характер.

«Конец этого дня был ужасен. Конные и пешие немцы напирали, казалось, со всех сторон. Их пушки ревели по всему горизонту. Низко проносились аэропланы. Вся степь кипела взрывами, будто сама земля лопалась, извергая ураганы праха. Пылью и дымом застилало медное солнце.

На станции горели вагоны, взрывались платформы со снарядами. Пути были осыпаны дымящимися осколками, безобразно валялись трупы, ползли, кричали раненые. Валил пар из боков раненых паровозов, иные завалились кверху колесами. Усиливающийся артиллерийский огонь разметывал все, что еще оставалось нетронутым.

В этой невообразимой обстановке эшелоны все же продолжали отходить, забирая людей, сгоняемых со станции и с болота. Ворошилов, Артем, Коля Руднев, Чугай со своей бригадой — оглушенные, одуревшие от напряжения и усталости, давно за эти дни переступившие за грань жизни, — одним мужеством, решительностью боролись с паникой, делали то, что еще было возможно в этом аду: собрать людей в последние эшелоны и вывести их на царицынские стрелки. Разбитые вагоны и раненые паровозы рвали гранатами.

С холмов, где догорали мельницы, по всем дорогам к Лихой мчалась группами и в одиночку отступающая кавалерия. Скакали орудийные запряжки без орудий... Стреляя в воздух, отступали беспорядочными кучками отряды. Они встречали Артема, пытавшегося остановить их, — верхом, весь в копоти, мокрый, страшный, в разодранной гимнастерке. Он грозил, хрипел с коня, налитые кровью глаза его казались страшнее пулеметов. Люди останавливались, и удавалось посылать их обратно... Но уже весь фронт торопливо отступал, увлекая тех, кто возвращался в бой...»

Алексей Толстой
«Хлеб»

Поэтому любое, пусть даже очень красочное описание событий тех лет, в «Хлебе» следует оценивать, не забывая основной цели повести.

Вырвавшись из Лихой и выведя из возможного окружения сотни вагонов с ценным грузом, военные подразделения и правительство Донецкой республики 6 мая переправились по восстановленному мосту через Северский Донец у Белой Калитвы и больше в бои с немцами не вступали.

Однако многодневный поход на Царицын спокойнее после этого не стал. На протяжении всего пути следования эшелонов совершались нападения казачьих частей. С севера напирали отряды генерала Алексея Фицхелаурова и войскового старшины Александра Голубинцева (до 10 тыс. штыков), с юга — генерала Константина Мамонтова (до 5 тыс. штыков).

Все это время походом руководили члены правительства Донецко-Криворожской республики во главе с Артемом. Как бы ни утверждал обратное Н. Скрыпник, в это время занимавшийся

организационной работой по созданию Компартии Украины в Москве и Курске, члены Совнаркома ДКР не «растворились» и не «растаяли». Участник похода Т. Панков писал о них: «С винтовками в руках, плечом к плечу, отступали они вместе с красноармейцами. Эта близость членов правительства с красноармейцами немало способствовала повышению настроения и усилению боеготовности частей»[1019].

У каждого противоборствующего лагеря в Гражданской войне существуют свои мифологизированные герои и героические походы. У белых и их современных адептов существовал и вечно будет существовать «Ледяной поход» Корнилова, воспетый во многих мемуарах и поэмах, творцы современного украинского исторического мифа не нашли ничего лучше, как воспеть опять-таки «Ледяной поход», но на этот раз остатков войск УНР осенью 1921 г., советские мифотворцы Гражданской войны воспели 68-дневный поход 5-й армии из Донбасса на Царицын и, собственно, оборону Царицына — города, который сыграл переломную роль в истории сначала Гражданской, а потом (под именем Сталинград) в ходе Второй мировой войны. Об этом походе слагали оды, писали художественные произведения, снимали эпические фильмы.

С одной стороны, благодаря такой пропагандистской раскрутке данный поход хорошо описан в исторической литературе. Но с другой, именно в связи с пропагандистским характером этой литературы, главная цель творцов советского исторического мифа заключалась не в точном описании событий, а в воспевании двух культовых личностей советской эпохи — Сталина и Ворошилова, которые руководили обороной Царицына.

Харьковский исследователь Валентина Астахова в годы «хрущевской оттепели» отмечала, что художественной литературы о царицынском походе гораздо больше, чем сугубо исторической, а в большинстве материалов на эту тему воспевается лишь Ворошилов, который затмевает всех остальных руководителей марша. «Все заслуги в обороне Донбасса, — пишет Астахова, — в проведении перехода советских армий авторы приписывают только Ворошилову. С подобной тенденцией встречаемся мы в работе С. П. Кихтева, где при изложении материала по рассматриваемому вопросу, кроме Ворошилова и Сталина, вообще ничьи имена не упоминаются»[1020]. Та же тенденция прослеживается в большинстве работ советских историков. Ну, а современные историки, бросившись заполнять «белые пятна», больше всего стараются уделять анализу

действий войск УНР или же белых армий. Ввиду идеологической конъюнктуры тема царицынского похода и обороны Царицына сама постепенно становится «белым пятном», а роль правительства ДКР и донецких армий в данных операциях толком не изучена и поныне.

Расстояние, которое проделали армии ДКР во главе с Артемом и Ворошиловым, сравнительно небольшое — до 500 километров. Однако в некоторые дни десятки эшелонов проделывали по 3—5 километров в сутки ввиду непрекращающихся боевых стычек с донцами, при этом вся колонна порой растягивалась на расстояние до 75 км. От Белой Калитвы до разъезда Жирнов, то есть на территории, номинально контролировавшейся большевиками, колонна отбивала атаки отряда полковника И. Быкадорова (3,5 тыс. штыков, 8 орудий и 20 пулеметов).[1021]

Надо не забывать, что в эшелонах перевозили не только боеприпасы и стратегические грузы, в них ехали тысячи людей, членов семей рабочих. Как писал один из участников похода, «это двигался шахтерский и металлургический Донбасс по полям когда-то тихого, теперь взбунтовавшегося Дона». Меликов, ссылаясь на воспоминания очевидцев, так описывал быт этого «переселения народов»: «У эшелонов можно было наблюдать детишек, игравших в наступление, употреблявших коробки из-под консервов вместо снарядов. Женщины стирали и сушили белье. В отдельных теплушках стояли кровати, небольшие, простые домашние зеркала, шумел самовар. Вблизи на разведенных кострах жарилось, варилось, и если эшелон начинал двигаться, то варившие на кострах протестовали и требовали подождать... Во время пути до Царицына в некоторых эшелонах появились даже новорожденные»[1022].

На протяжении всего похода Артема и Ворошилова не раз уговаривали бросить эшелоны и пробиваться к Царицыну налегке. Когда дошли до станицы Морозовской и узнали, что впереди, на станции Чир, уже находится отряд Мамонтова, охранявшего единственный железнодорожный мост через обширный Дон, местные красные казаки предложили окопаться именно тут, в Морозовской, где население в основном сочувствовало большевикам. В Морозовской произошло окончательное вливание остатков 3-й армии в 5-ю армию Ворошилова. Кроме того, из местных большевиков и сочувствующих им был набран значительный отряд красногвардейцев.

23 мая основная часть эшелонов еще находилась в Морозовской, от которой до Царицына оставалось всего 180 км. Однако

там было получено известие, что 600-метровый мост через Дон «был взорван так, что одна его сторона висела на 3 м и перекренился он весь набок метра на 1,5 и к довершению был загружен паровозом и платформами». Это известие вызвало дезорганизацию среди участников похода (надо отметить, что Артем вместе с Орджоникидзе к тому времени уже уехали в Царицын, приведя туда первые эшелоны и начав подготовку к размещению основных сил). Вновь зазвучали призывы бросить грузы, рассеяться или даже возвращаться в занятый немцами Донбасс. Однако командованием было принято решение, окопавшись у Чира, начать работы по восстановлению моста.[1023]

Картина М. Грекова «На пути к Царицыну»

Восстановительные работы были затруднены тем, что ремонтные поезда ушли вместе с Артемом в Царицын и были отрезаны от основных сил Ворошилова Доном и подошедшими казаками. Строительство Чирского моста длилось почти три недели, в ходе которых продолжались непрерывные бои с казаками. Порой в атаку переходили и бойцы Ворошилова, 15 июня было решено атаковать ставку генерала Мамонтова в станице Нижне-Чирской. С 19 по 24 июня в этом районе велись ожесточенные бои, в ходе которых донцы безуспешно пытались пробиться к эшелонам.

1 июля мост был восстановлен, но переправа через него всех эшелонов ввиду непрекращающегося огня противника была

закончена лишь 3 июля. В тот же день, 3 июля, основная часть армий, сформированных в Донецко-Криворожской республике, прибыла в долгожданный Царицын.[1024] Выйдя 26 апреля из Луганска, преодолев почти 500 километров за 68 дней в условиях непрекращающихся боев, Артем и правительство ДКР воссоединились со своим воинскими частями в «красном Вердене».

Артем, расписывая заслуги Руднева в походе, говорил: «В Царицын он привел не отрядики, а дивизии. Царицын не дал армии передышки, в которой она нуждалась. В Царицыне мы нашли несколько деморализованных отрядиков, неспособных воевать с казаками»[1025].

Чтобы понять значение военных подразделений Донецкой республики в дальнейшей обороне Царицына, достаточно сопоставить размер отрядов до и после подхода к городу армии Ворошилова. До июня в Царицыне насчитывалось в лучшем случае 3—4 тысячи необстрелянных красногвардейцев. А армия, сформированная в основном в ДКР, подошла к Царицыну в размере до 30 тыс. красноармейцев, уже имевших опыт боевых действий, да еще с эшелонами, груженными доверху оружием и боеприпасами. Эта армия и стала костяком многомесячной обороны последнего оплота большевиков на Юге России. И хотя в дальнейшем она, конечно же, разбавлялась местными кадрами, обученными представителями Донкривбасса, до последнего дня обороны, до возвращения в родные земли основной ударной силой большевистских армий в этом регионе были харьковские рабочие и донецкие шахтеры, мобилизованные усилиями Артема, Руднева, Рухимовича и Ворошилова. Неслучайно под Волгоградом до сих пор, несмотря на иную идеологическую конъюнктуру, существуют памятные знаки и мемориальные доски, посвященные памяти донецких шахтеров, которые обороняли Царицын.

Фрагмент панорамы М. Грекова «Оборона Царицына»

Ворошилов, вспоминая о первых атаках Краснова на волжский город, писал: «Помню как сейчас начало августа 1918 года. Красновские казачьи части ведут наступление на Царицын, пытаясь концентрическим ударом отбросить красные полки за Волгу. В течение многих дней красные войска во главе с коммунистической дивизией, сплошь состоявшей из рабочих Донбасса, отражают исключительной силы натиск прекрасно организованных казачьих частей. Это были дни величайшего напряжения». В 20-х числах октября 1918 г. Сталин докладывал, что на Южном фронте в красных войсках насчитывается до 50 тыс. донецких шахтеров.[1026]

Боевые действия на Волге с лета по осень 1918 г., получившие название первой и второй обороны Царицына (всего их, согласно официальным трактовкам истории, было четыре), нет смысла подробно описывать. Хотя бы потому, что этот вопрос хорошо изучен и не связан напрямую с темой нашей книги.

Кратко упомянем лишь действия Артема и других членов правительства ДКР в означенный период. Руднев возглавил процесс формирования и обучения новых красных частей из местных царицынских рабочих. 15 октября Руднев погиб при довольно странных обстоятельствах.

Рухимович стал одним из руководителей Северо-Кавказского военного округа, руководил снабжением фронта, стал во время обороны Царицына одним из доверенных лиц Сталина. Как и Каменский, который также занимал ответственные посты в руководстве обороны города. Магидов стал начальником политотдела 5-й армии Ворошилова (позже преобразованной в 10-ю). В Царицыне он отвечал за всю советскую пропаганду и агитацию, издавал и редактировал газету «Солдат революции».

Артем почти сразу по прибытии частей Донецкой республики в Царицын получает срочное задание ЦК партии отправиться на Северный Кавказ для того, чтобы «обеспечить продовольственное снабжение Красной Армии и центров Советской России». Но уже 13 августа Артем был снова в Царицыне. Судя по воспоминаниям генерала Артема Федоровича Сергеева, сына главы ДКР, под Царицыном его отец тесно сближается со Сталиным, они живут в одном вагоне, их молодые жены (и Елизавета Репельская, и Надежда Аллилуева приехали в Царицын уже в качестве официальных жен Артема и Сталина) становятся лучшими подругами на долгие годы.[1027]

В последних числах августа Артем прибывает в Москву в качестве посланника Сталина, чтобы попросить у Ленина выделить

на Волгу легкие миноносцы и подводные лодки для ведения морских операций под Царицыном.[1028] Но в Царицын, где воинские части Донецкой республики продолжали боевые действия, Артем уже не возвращается, поскольку вводится в состав Центрального Военно-революционного комитета и начинает вести подготовку к операциям по занятию территорий, оккупированных немцами, после их возможного вывода. Вскоре к нему присоединяются его старые соратники по руководству Донецкой республики — Ворошилов, Рухимович, Межлаук, Магидов и др. К тому времени в Москве уже гласно и негласно оккупированные немцами территории стали называть единым словом — Украина. Правда, как показали последующие события, Артем со товарищи еще не оставили надежды на то, что, вернувшись в родной Донецко-Криворожский бассейн, они восстановят Донецкую республику. Тем более что это административное образование официально не было ликвидировано.

НЕМЕЦКО-УКРАИНСКИЙ ХАРЬКОВ

А что же происходило в это время в землях, которые еще в марте 1918 года составляли ту самую Донецкую республику, а уже в апреле узнали, что они находятся в составе Украинской Народной Республики?

Итак, в ночь на 8 апреля 1918 г. в Харьков вошли авангардные отряды немецкой армии, а к утру 8 апреля по улицам столицы ДКР уже маршировали части трех германских дивизий — 45-й и 91-й пехотных, а также 2-й кавалерийской.

Вот как живописует их вступление корреспондент «Возрождения»: «День был ясный и солнечный. И канонада, раздававшаяся с разных сторон, казалась невероятной, нелепой и бессмысленной. Не верилось, что... такой светло-радостный день будет свидетелем мрачного позора родины... Когда замолк артиллерийский бой и прекратился шум взрывающихся где-то далеко снарядов, еще многолюднее стали улицы и яркие пятна весенних туалетов приятно разнообразили ландшафт. Поражала тишина... Сознание настойчиво боролось со смутными предчувствиями неизбежного. Появилась вера в возможность чуда — свободной жизни в свободной России. Одни уехали, зачем нужны другие? И уста шептали молитву... Но это длилось недолго». По Сумской прошли отряды немецкой пехоты, затем — кавалерия. Журналист

отмечает: «Цветов не было. И мало было праздничного кругом. Не чувствовалось большой радости и у них, когда они проходили сквозь строй облепившей их толпы. Не слышно было звуков бравурного марша»[1029].

Генерал Штейфон так описывал процесс овладения Харькова немцами: «Видно было, что роты и батальоны хорошо знали, куда им направляться. Германские офицеры имели, по-видимому, тоже соответствующие указания, на какой улице и у кого им отведены квартиры. Если бы не сознание, что город заняли вражеские войска, то можно было подумать, что это вернулись домой в свои казармы части харьковского гарнизона. Германская комендатура сразу обосновалась в доме Дворянского собрания на Николаевской площади. На балконе был выставлен пулемет, а у входа часовые. К вечеру кроме этого пулемета да часового ничто не напоминало, что Баварский корпус занял Харьков»[1030].

Генерал Х. фон Клаузиус

Высший офицерский состав оккупационных войск во главе с генерал-лейтенантом Х. фон Клаузиусом разместился в «Гранд-отеле» на Павловской площади. В первую очередь генерал встретился с немецкими и австрийскими военнопленными, пообщался с делегацией вновь возникшей городской Думы Харькова во главе с Рубинштейном и на следующий день в сопровождении консула Дании устроил экскурсию по Харькову, в том числе осмотрев местную электростанцию и водопровод. Сопровождавшие оккупанта журналисты отмечали, что «генерал неоднократно выражал удовлетворение, находя, что существующие предприятия имеют достаточно оборудованный вид для «русского города»». Судя по всему, немецкий генералитет еще не был достаточно политкорректен по отношению к своим украинским союзникам. Правда, делегации городской Думы командующий немецкими войсками сообщил, что рассматривает Харьков «как часть украинской территории»[1031].

10 апреля в Харьков прибыл командир 1-го корпуса генерал-лейтенант Т. Менгельбир со своим штабом. 11 апреля генерал фон Клаузиус принял торжественный парад возглавляемой им 91-й пехотной дивизии. Немцы полностью контролировали власть в городе. Они назначили своего коменданта — подполковника Астера. И даже заставили местные власти перевести часы на полчаса назад «для согласования нашего времени со временем г. Вены»[1032].

Наводили порядок немцы также довольно жестко, как и положено настоящим оккупантам. В первые же дни после смены власти в Харькове и окрестностях было объявлено о запрете митингов, собраний и забастовок. Правда, прошла всего неделя после начала оккупации, как на Харьковском паровозостроительном заводе, немало митинговавшем и при большевиках, состоялся большой митинг, однако на этот раз (впервые с Февральской революции) — «с дозволения начальства». В Донецкой республике митинги и собрания не требовали выдачи особых дозволений сверху.[1033]

Цензура, за которую ругали большевиков, была не меньшей и при немцах, если не большей. О выпуске большевистских газет и речи быть не могло. Харьковский исследователь И. Михайлин, не приведя источник, утверждает, что после эвакуации ДКР «инициаторы создания «Донецкого пролетария» пытались сберечь газету». Видимо, он имеет в виду подпольный выпуск пары номеров «ДП», после чего выпуск газеты накрывался местными полицейскими органами еще в стадии набора.[1034] Большевистская, левоэсеровская и анархистская партии на оккупированных территориях были под строгим запретом, а их печать могла выходить только подпольно.

Но тяжело пришлось и ряду других газет, в том числе тем, которые преследовались и при большевиках. Моментально были прикрыты меньшевистский «Голос народа» и эсеровская «Земля и Воля». 8 мая, то есть уже после свержения Центральной Рады, харьковский губернский атаман издал официальный приказ о введении цензуры: «Обращая внимание на то положение, в каком сейчас находится Украина, когда всякие провокационные и недостоверные слухи могут волновать население, я временно приказываю ввести предварительную цензуру на все периодические издания, которые выходят на территории всей Харьковщины». «Наш Юг» так описывал ситуацию: «Белые пятна вместо отчетов о заседании съезда деятелей печати... Приостановка газет, аресты редакторов, штрафование прессы...»[1035]

Расстрелы без суда и следствия использовались оккупационной властью гораздо чаще, чем это случалось в Донецкой республике. Самое любопытное заключается в том, что многие представители местной интеллигенции, критиковавшие большевиков за жестокость, за аресты и расстрелы, если и не одобряли немецкую жесткость, то относились к их действиям с некоторым пониманием. К примеру, генерал Штейфон вспоминал о том, как немцы в первый же день оккупации, через несколько часов после ареста расстреляли во дворе Дворянского собрания неких лиц, заподозренных в убийстве семьи предпринимателя Ребиндера, когда-то близкого к царскому двору. Штейфон с удовлетворением отмечает: «Столь быстрая и решительная расправа оказала потрясающее впечатление на весь преступный мир. Не только убийства и налеты, но и хулиганства немедленно исчезли»[1036]. Полковник явно преувеличивал. Во-первых, и большевистский комендант Павел Кин, как говорилось выше, применял расстрелы к грабителям, задержанным на месте преступления, за что сам Штейфон критиковал большевистскую власть. А во-вторых, ни грабежи, ни налеты в Харькове (не говоря уж о провинции, куда зачастую немецкая власть не совалась) не прекратились и после расстрела предполагаемых убийц Ребиндера.

Первые дни новой власти в Харькове ознаменовались чередой повальных расстрелов. Вот как выглядел город 10 апреля: «Жители Набережной, возле виллы Жаткина, утром нашли на берегу реки 9 трупов молодых людей. Все убиты огнестрельным оружием. Возле трупов толпился народ все утро. По расположению трупов видно, что расстреляны все в одно время и одним залпом... Личности расстрелянных, как и виновники расстрела, не выяснены. Зрелище валяющихся трупов было ужасное. Все расстрелянные по виду рабочие. В массе зрителей царило возмущение варварской расправой со своими противниками, посылались проклятия убийцам, плакали. За Нобелевским переездом, около поселка Южный... в течение полудня лежали 12 трупов с огнестрельными ранами. Из них 11 одеты в солдатскую форму, а один в штатском и в пенсне... У Химического корпуса утром 11 апреля валялись три трупа расстрелянных неизвестно кем людей»[1037].

Ни во время октябрьского переворота, ни во время расквартирования в городе штаба Антонова-Овсеенко, ни тем более во времена Донецкой республики Харьков не видел таких жутких картин. За первые же дни немецкой оккупации такие

картины стали обыденностью. 14 апреля возродившийся на время «Южный край» сообщал: «Изо дня в день повторяются на улицах Харькова случаи ужасных находок человеческих трупов. Трупы находят преимущественно в глухих местах города, на берегу рек, в тупиках, на пустырях и левадах, на полотне железной дороги. Все убитые — мужчины, большинство в солдатской одежде. Иногда находят сразу группу убитых людей, связанных одной веревкой. Почти все трупы (за единичными исключениями) имеют огнестрельное ранение, большей частью в затылок и в спину. Вчерашний день дал несколько новых случаев расстрелов; всего за последние дни в городе обнаружено до 100 трупов»[1038].

Дошло до того, что в Харькове образовалась очередь на кареты по перевозке трупов. 13 апреля «Возрождение» возопило: «Не надо крови!» Газета писала: «Улицы города обагрены кровью, неубранные трупы валяются на площадях, плавают в реках... Кто они, эти погибшие? Мы этого никогда не узнаем, как не узнаем вину, за которую они поплатились жизнью... В Харькове война кончилась. Здесь нет преступников, здесь могут быть лишь пленные... Город, отданный на милость победителя, вправе взывать к его великодушию. Кто бы ни был победитель, он не может руководствоваться чувством мести, не может поступать, как завоеватель-варвар»[1039].

На одном из первых заседаний городской Думы харьковские избранники указали новым властям на «усиливающуюся погромную агитацию» и на необоснованность арестов. О том же заговорил собравшийся под председательством Феликса Кона Харьковский совет (понятно, уже без большевиков). Один из делегатов констатировал: «Репрессии захлестнули нас»[1040].

16 апреля рабочие ХПЗ, еще недавно митинговавшие против арестов своих коллег большевиками, снова вышли на митинг, но на этот раз в связи с совершенно необоснованным расстрелом рабочего завода Смолаковского. Тот был убит в Аптекарском переулке в связи с доносом своего домохозяина, обвинившего рабочего в большевизме, — этого доноса было достаточно для скорой расправы, без всяких дознаний, следствия или трибунала.[1041] Прошло всего несколько дней с митингов рабочих ХПЗ против «репрессий большевиков», а как резко изменилась повестка дня! Стоит ли удивляться тому, что после «второго пришествия большевиков» уже никто не митинговал против мобилизаций, рабочие стали активнее записываться в Красную армию и совершенно не протестовали против «красного террора».

При этом представители оккупационной власти поначалу отнекивались от причастности к расстрелам. «Возрождение» по этому поводу иронизировало: «Есть, очевидно, какая-то закулисная неуловимая власть, которая обыскивает и расстреливает. Нужно эту власть убрать»[1042]. Вскоре после этого было закрыто и «Возрождение».

А немецкий комендант Харькова вынужден был выпустить специальное воззвание к населению города, в котором фактически впрямую возложил ответственность за «совершаемые в последнее время убийства и бесчинства» на прибывавшие в Харьков украинские воинские подразделения, которые, вопреки строжайшему распоряжению немецких властей, не проходят должной регистрации. Так что не все было так радужно с ситуацией вокруг убийств, как позже описывал Б. Штейфон.[1043]

Кстати, версия немецкого коменданта о том, что расстрелы без суда и следствия в Харькове в основном вершились украинскими, а не германскими военными, находит подтверждение в массе сообщений новостной хроники. К примеру, среди 12 трупов, найденных возле железнодорожного парка в середине апреля, был опознан некий Яков Порч, проживавший в Михайловском переулке, 3. Хозяин этой квартиры дал показания о том, что убитый был арестован в ней 10 апреля и вывезен в неизвестном направлении «украинскими казаками»[1044].

Того же 10 апреля прибывшие в Харьков украинские части стали хватать в городе дружинников городской управы, которым Кин, как и обещал, передал милицейские функции перед уходом из Харькова. Были арестованы и препровождены в украинский штаб в том же Михайловском переулке девять дружинников городской охраны. Продержав их под замком несколько часов, украинцы собрались их уже было расстреливать, но вовремя вмешались представители городской власти, вызволив арестованных.[1045]

В ночь на 18 апреля был схвачен некто Лещинский, которому «было предъявлено обвинение в большевизме». Харьковец был жестоко избит в участке и также избежал участи быть расстрелянным, поскольку его вызволил прокурор судебной палаты.[1046]

Гораздо более печальной была участь юного ученика 1-го Харьковского реального училища Федора Капустина, который в порыве энтузиазма записался добровольцем-санитаром. По

приходу оккупантов он и еще несколько санитаров были арестованы опять-таки «по подозрению в большевизме» и их буднично повели на расстрел за ограду Озерянской церкви. Вовремя вмешались городские дружинники, которые опросили арестованных и поручились за них. Вскоре по приказу немецкого коменданта санитары были освобождены. Но несостоявшийся расстрел так подействовал на юного Капустина, что он «лишился рассудка и стал бродить по городу, крича всем встречным, что он большевик и анархист». Это его поведение привело к тому, что 13 апреля ученик бесследно исчез.[1047]

Никто не может сказать, сколько всего харьковцев было расстреляно в первые дни новой украинско-германской власти. Расстреливали и арестовывали только за подозрение в сочувствии к большевикам. Лишь за первые недели после ухода правительства ДКР из Харькова в городе было расстреляно больше лиц, чем погибло за все время предыдущего правления большевиков. В конце апреля прокуратура объединила массу дел по самым резонансным убийствам, совершенным после 9 апреля, — среди расстрелянных числились десятки горожан, известных и неопознанных. Само собой, никто эти дела до суда не довел. Либеральный «Наш день» даже вынужден был предположить: «Немецкое лекарство может, однако, оказаться хуже и опаснее большевистской болезни»[1048].

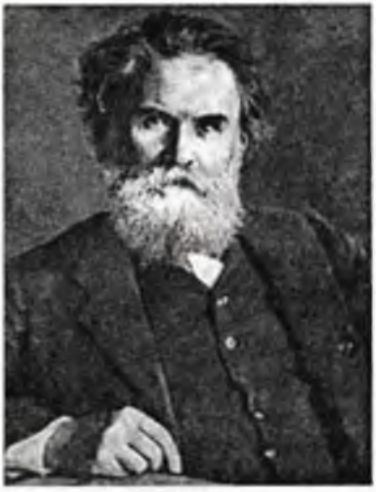
Расстрелами дело не ограничивалось. В точности как и при большевиках, продолжались налеты на квартиры. Только теперь их совершали украинские части. К примеру, в ночь на 8 мая 5 солдат «с украинскими национальными повязками» совершили форменный налет на квартиру по Колодезному переулку, 16. Не найдя домовладельца Боборыкина, которого они также «заподозрили в большевизме», украинцы «ограбили все, что можно было унести», не предъявив при этом никакого ордера. 9 мая вооруженными лицами была ограблена квартира Ефима Глязера на Тюремной улице, 30. 11 мая совершен налет на квартиру по Нетечинской улице, 52. А 12 мая в ходе налета на Всехсвятской улице, 14 был даже ограблен квартировавший там немецкий солдат, у которого отобрали винтовку. Газеты вынуждены были констатировать, что власти не могут справиться с грабежами. Так что вышеприведенное утверждение генерала Штейфона о том, что с приходом немцев в Харькове прекратился разбой, совершенно не соответствует действительности.[1049]

Харьковская тюрьма

Аресты и обыски без предъявления каких бы то ни было обвинений продолжались на протяжении всего периода немецкой оккупации Харькова. К концу года в знаменитой холодногорской тюрьме содержалось несколько сотен арестованных рабочих, в отношении которых не было выдвинуто ни одного обвинения.[1050]

Местная пресса не раз критиковала немецкие и украинские власти за повальные аресты и обыски. Причем возмущение высказывалось и по поводу событий, происходивших за пределами Харькова. Так, харьковская общественность выразила протест по поводу обысков, которые украинские и немецкие власти устроили в полтавской квартире 64-летнего писателя Владимира Короленко, где почему-то решили искать оружие. Харьковская пресса возмущалась: «Немцы могли, конечно, в поисках оружия, по неведению, прийти с обыском к В. Г. Короленко, имя которого, может быть, ничего не говорит их уху... Что же касается украинского офицера, участника обыска, то он не мог не знать, кто такой Короленко... Поступку этому нет оправдания. Едва ли может Украина, претендующая выступить на историческую арену как нация, приобрести себе симпатии сознательного населения, если деятели ее... будут позволять себе оскорблять насилием достойнейших, окруженных славой, всеми чтимых представителей интеллигенции»[1051].

В. Короленко

После ухода Совнаркома ДКР из Харькова на некоторое время в городе образовался вакуум власти, который постаралась заполнить возрожденная городская Дума во главе с меньшевиком

Я. Рубинштейном и управа во главе с исполняющим обязанности начальника правым эсером В. Агабековым (в 1917 г. он был заместителем городского головы). В первый же день оккупации Дума собралась на свое заседание, а генерал Клаузиус даже посетил ее через пару дней после ввода немецких войск — меньшевики, которые всего за несколько месяцев до этого призывали к «войне до победного конца», особого возмущения присутствием немецкого генерала не выразили. Рубинштейн обратился к горожанам с воззванием, в котором обнародовал «обязательное постановление» Думы о том, что она «взяла всю власть в городе в свои руки»[1052].

Правда, в условиях оккупации полномочия городской Думы были не определены, финансирования у нее не было. Уже на заседании 10 апреля Рубинштейн и Агабеков сложили с себя полномочия, констатировав, что германцы сделали продовольственные органы города своими интендантствами, реквизировали всю муку, а грузы, стоящие на железных дорогах, «считают военной добычей». Управа печально констатировала, что «финансовое положение г. Харькова в высшей степени безотрадно и... приняло прямо катастрофический характер». Кстати, после долгой паузы появился на людях и Д. Багалей, принявший участие в думском обсуждении финансового состояния Харькова.[1053]

Как уже говорилось, 26 апреля попытался собраться и Харьковский Совет рабочих и крестьянских депутатов во главе с Феликсом Коном. Правда, этот эксперимент был разовым. Совет также констатировал факт отсутствия у него бюджета и ударился исключительно в революционную риторику и песнопения, в промежутках между этим жалуясь на оккупационную власть и репрессии, чинимые новыми властями.[1054]

Причем если такая ситуация с местным управлением происходила в крупном Харькове, то что уж говорить о глубинке! Как отмечал в своих мемуарах генерал Лукомский, «немцы были хозяевами только по линиям железных дорог и в городах, занятых их гарнизонами». В глубинке же зачастую власти не было никакой. Как отмечал на I съезде КП(б)У делегат от Новомосковского уезда Екатеринославской губернии, оккупационные войска базировались лишь в крупных городах, а в деревню изредка наведывались немецкие реквизиторы продовольствия и карательные отряды. Вернувшийся к своим обязанностям директор Юзовского металлургического завода А. Свицын, оценивая ситуацию в оккупированном Донбассе, констатировал «отсутствие твердой

Петр Болбочан

власти на местах и индифферентность соответствующих военных властей»[1055].

Ну, а что же украинская власть? Ныне официальными украинскими историками навязывается легенда о том, что, мол, части УНР приходили в «освобождаемые» города чуть ли не раньше немцев. Можно найти следующие, абсолютно не соответствующие реальным фактам описания «взятия Харькова украинским полковником Петром Болбочаном» в 1918 году: «6 апреля 1918 года украинский флаг взвился над Харьковом — войска Болбочана вошли в город, став там гарнизоном. Жители Харькова радостно встречали украинцев — революционный террор порядком надоел населению». Или вот как описывают данное событие авторы вышедшего недавно в Киеве жизнеописания Болбочана: «6 апреля 1918 г. запорожцы победно вступили в Харьков»[1056].

Откуда черпают данные «факты» современные украинские историки, совершенно непонятно. Дата 6 апреля указывается в качестве дня вступления Болбочана в Харьков многими украинскими источниками, хотя достоверно известно, что и 6, и 7 апреля большевики во главе с Артемом пребывали в Харькове, проводили заседания Совета и контролировали город. Харьковская пресса подробно осветила вход оккупационных немецких войск в столицу ДКР 8 апреля. При этом ни одного украинского военного с немцами не было! Можно было бы подумать, что на фоне нескольких немецких полков, вступивших в Харьков, журналисты «не заметили» украинцев. Однако корреспондент «Возрождения» удостоверился в этом, спросив лично у командующего оккупационными войсками. Вот как это описано: «В восьмом часу вечера генерал-лейтенант Клаузиус, представительный высокого роста мужчина, с загорелым лицом, в генеральском защитного цвета мундире с белым боевым орденом на шее и бантами орденских знаков на груди, в беседе с нашим сотрудником... сообщил, что поход этот совершают одни немцы, австрийцев и гайдамаков с ними нет, что с уста-

новлением свободного движения между Харьковом и Киевом оттуда прибудут представители Центральной Рады, причем он надеется, что это вопрос нескольких дней»[1057]. Так что сообщения украинских историков о том, что Болбочан якобы взял Харьков, как и многие другие описания событий Гражданской войны, — не более чем байка.

Зафиксировали харьковские журналисты и точное время прибытия первого украинского подразделения, сообщив, что 9 апреля в 5 часов утра туда прибыла часть 2-го Запорожского полка во главе с Болбочаном. Причем в подавляющем большинстве именно в таком порядке и происходила оккупация городов Донецкой республики — сначала появлялись немцы или австрийцы, а дня через 2—3 подходили первые украинские части. Вот, к примеру, как житель Екатеринослава описывал прибытие украинцев в его город после прихода немцев: «А дня через два появились в городе какие-то странные люди в цветных широких шароварах, ярких кафтанах, разговаривавшие на ломаном русском языке, но делавшие вид, что русского языка совершенно не понимают... Потом пошел первый поезд на Харьков, и тогда только мы узнали, что Россия кончается за Харьковом — там, где начинается Белгород... Курск, Орел, Тула, Москва и Петербург остались за границей. И столицей нашей стал Киев»[1058].

Конечно, сказкой является и сообщение о «радостной встрече» Болбочана жителями Харькова. Хотя и нельзя сказать, что украинские военные были приняты в штыки. Судя по прессе, их встретили скорее с настороженным любопытством, без явных признаков вражды. При этом на протяжении всей оккупации у харьковцев не было абсолютно никаких иллюзий по поводу того, кто на самом деле управляет Харьковом и Украиной. На одном из первых заседаний Харьковской думы лидер меньшевиков Сан-Девдариани заявил, что «сейчас не найдется ни одного человека, преданного новым властям». Правда, один человек все-таки нашелся — единственным, кто публично выступил в защиту Центральной Рады на заседании Харьковской думы, был упоминавшийся выше писатель Гнат Хоткевич.[1059]

Харьковские городские власти честно пытались вступить в сношения с представителяли центральной украинской власти. Рубинштейн от имени Думы в первые же дни после прибытия украинцев встретился с командующим Запорожской дивизии генералом Зурабом Натиевым, который присутствовал на параде немецких войск в Харькове.[1060] Контактировали городские

Генерал З. Натиев (в центре) во время немецкого парада в Харькове

власти и с назначенным украинским комендантом Харькова полковником Александром Шаповалом. Особенно это касалось постоянных запросов о причинах очередного расстрела или ареста. Правда, чаще всего выяснялось, что Шаповал совершенно не контролирует ситуацию вокруг интересуемых событий.

Еще меньше пиетета по отношению к украинским союзникам было у германского командования. Штейфон оставил красочное описание встречи немецкого генерала с представителями украинских властей в Харькове: «Командир баварского корпуса генерал Менгельбир оказался очень суров к пришедшей к нему украинской делегации. Последняя явилась в украинских костюмах, с «оселедцами». Менгельбир заявил, что «не умеет говорить с людьми, у которых хвосты растут на голове». Подобные слова старшего начальника чрезвычайно правдиво выявили фактическое отношение немецкого офицерства к украинскому вопросу»[1061].

Штейфон, как мы видели, любил преувеличивать. Но его вывод об отношении немцев к украинским союзникам подтверждается массой документов. Генерал Людендорф жаловался на качество украинских частей, которые пришлось расформировать, и причитал: «Мы могли бы в конце концов получить хоть немного поддержки со стороны сыновей земли, которую мы освобождали от большевистского доминирования»[1062].

Колин Росс в докладе германскому МИДу вынужден был признать: «Украинская самостийность, на которую опирается Рада, имеет в стране чрезвычайно слабые корни. Главным ее защитником является небольшая группа политических идеалистов. Рада... все же опирается теперь, как, по всей вероятности, еще долго и в будущем, на немецкие штыки». Немецкий публицист, изучив ситуацию в Украине, дал уничижительные характеристики украинской армии: «Украинское войско — войско наемников; оно состоит из бывших солдат и офицеров, без-

работных и авантюристов... Численность Украинской армии приблизительно равна 2000 человек; армия делится на целый ряд отрядов, отличающихся друг от друга своей формой... Боевая ее сила чрезвычайно мала»[1063].

Сегодняшние легенды, распространяемые историками с титулами и учеными степенями, о том, что украинская армия, дескать, насчитывала сотни тысяч солдат и чуть ли не самостоятельно, без немцев, проводила значимые боевые операции, не выдерживают никакой критики. Немцы не раз докладывали своему командованию о том, что украинские союзники только создают проблемы, в том числе и во взаимоотношениях с населением оккупированных территорий. Командование германскими войсками, расквартированными в Донбассе, докладывала о бардаке, царившем в войсках генерала Натиева: «Конные сотни — недисциплинированные банды, командный состав одинаково ненадежен... Вмешиваются в дела администрации, грабят. Для спокойствия уезда необходимо гайдамаков убрать». О том же просили и представители местной власти. К примеру, уездный староста Александровска докладывал, что «желательно пребывание в уезде не галицийских войск, а германских или венгерских»[1064].

К. Соколов, наблюдая за взаимоотношениями немцев с украинскими вояками, отмечал: «Конечно, казачьи «войска» играли при немцах роль простой декорации. Казаки могли выставить ничтожную горсть плохо снаряженных «людей»... Потомки запорожцев в сборной одежде, вооруженные чем Бог послал, смотрелись совсем михрютками рядом с молодцеватыми краснощекими, отъевшимися на русских хлебах баварцами. Немецкий генерал, которому однажды представили группу казаков, махнул рукой и любезно посоветовал отпустить «этих парней» на полевые работы»[1065].

Во многом такое состояние украинских частей объяснялось природой их происхождения. Как писал генерал Деникин, украинизация войск в 1917 г. представляла собой всего лишь «простое дезертирство и шкурничество». Это же подтверждает командующий войсками Киевского военного округа полковник К. Оберучев, лично участвовавший в формировании украинских частей. Он вспоминал, как из дезертиров, случайно собравшихся в Киеве, сколачивали первые украинские полки. «Но напрасно вы стали бы искать на фронте всех... этих украшенных национальными эмблемами защитников Украины, которой, к слову сказать, угрожал сильный враг, — писал Оберучев. — Их не было там, они туда не пошли, а разбежались по деревням»[1066].

Оберучев вспоминал: «Чуть только я посылал в какой-либо запасный полк приказ о высылке маршевых рот на фронт в подкрепление тающих полков, как в жившем до того времени мирною жизнью и не думавшем об украинизации полку созывался митинг, поднималось украинское желто-голубое знамя и раздавался клич: «Підем під українським прапором»... И затем ни с места. Проходят недели, месяц, а роты не двигаются ни под красным, ни под желто-голубым знаменем»[1067].

Поэтому не приходится удивляться тому, что украинское войско представляло собой скорее фикцию, бутафорию. Как писал Штейфон, «в 1918 году существовали украинские корпуса, дивизии, полки, но их состав ограничивался только скромными штатами «старшин», то есть офицеров, да небольшими командами, главным образом, хозяйственного назначения»[1068].

Очевидцы тех событий единодушно сходились на том, что украинского войска чаще всего не было видно ни в Украине вообще, ни тем более на территориях, входивших до оккупации в Донецкую республику. Достаточно обратить внимание на то, как весь юг Украины и ДКР прошел отряд М. Дроздовского. До Днепра дроздовцы встречали исключительно австрийцев, после — немцев. Периодически вступали в стычки с большевистскими отрядами. Но нигде не видели этого чудного зрелища — войск УНР.[1069]

Харьковцы, путешествовавшие по новосозданному государству Украина, также отмечали отсутствие украинских армий. В разгар битвы за Донбасс в апреле 1918 г. корреспондент «Возрождения», к примеру, передавал с фронта: «Линия до Купянска и от Купянска до Харькова восстановлена. Всюду немцы и только украинцев нигде не пришлось видеть»[1070].

А вот как описывал поездку в столицу УНР профессор Я. Диманштейн, который с делегацией ССГЮР прибыл в Киев по приглашению украинского правительства буквально через неделю после оккупации Харькова: «Всю дорогу встречаем идущие в направлении Харькова поезда с германскими войсками, хорошо одетыми и с довольными физиономиями. Поведение солдат очень сдержанное и корректное... Примечательно было то, что на всем пути, длившемся двое суток (вместо 14 часов в мирное время), мы совершенно не видели украинских войск, существующих больше на бумаге, чем в действительности». Как же эти описания расходятся с утверждениями некоторых украинских историков о нескольких сотнях тысяч украинских военных, чуть ли не самостоятельно решавших исход боевых

операций в 1918 году! Скорее был прав Антонов-Овсеенко, считавший, что «гайдамаки, сопутствуя немцам», всего лишь придавали германскому наступлению «украинский колорит» — и не более того.[1071]

То, как немногочисленные отряды петлюровцев действовали в годы Гражданской войны, наблюдал воочию во время боев в Киеве в 1919 году публицист Иван Солоневич, так прокомментировавший увиденное: «Совершенно случайно мне пришлось быть живым свидетелем одного исторического симптома. С Фундуклеевской на Крещатик вливались мощные колонны каких-то серожупанников — петлюровской гвардии, одетой и вооруженной немцами. Со стороны Липок туда же проскочил какой-то казачий отряд, едва ли больше двух-трех десятков нагаек. Казаки сразу атаковали петлюровскую армию, и атаковали ее нагайками. Петлюровская армия бежала сразу... Если бы я сказал, что петлюровская гвардия состояла из трусов, — это было бы глупым утверждением... Серожупанники бежали вовсе не потому, что они струсили, а потому, что никто из них не собирался проливать своей крови из-за петлюровского балагана... Никто никогда ни за каких Мазеп, ни Петлюр не воевал»[1072].

Не спорили с этим утверждением и многие военнослужащие, волею судьбы оказавшиеся в украинских частях. К примеру, С. Устинов, оставивший мемуары о своей службе у гетмана Скоропадского, признавался, что изначально не верил «германской выдумке Украине». «Вообще наше положение казалось нам

Украинские синежупанники в 1918 году

не серьезным, — писал он. — Мы все-таки оставались русскими офицерами и не могли сделаться украинцами». При этом Устинов подчеркивает, что такая же ситуация была и в петлюровских частях: «То, что мы были Гетманцами, а не Петлюровцами, было для нас чисто случайным»[1073].

Полковник Б. Штейфон летом 1918 года также совершил поездку из Харькова в Киев, отметив для себя: «По сравнению с Харьковом, Киев внешне производил впечатление более украинского города. Большинство вывесок было на мове — наследство Рады. Иногда на улицах слышалась украинская речь, но нарочито громкая, демонстративная. Встречались украинские костюмы». Однако, сделав эти наблюдения, Штейфон посчитал их скорее исключением из правил: «Впрочем, и речь, и костюмы двигались в русской массе. Пришлось даже наблюдать из окна гостиницы украинскую манифестацию: человек двести украинцев с жовто-блакитным флагом. Шли по Крещатику «жинки» в малороссийских костюмах, «чоловики» в серых смушковых шапках. Манифестанты пытались что-то петь, но у них ничего не выходило. В общем, это было довольно убогое зрелище. Явно чувствовалось, что Киев твердо русский город. Русскость его еще более усиливалась той волной беженства, какая непрерывно неслась с Севера на Юг России»[1074].

С мнением Штейфона соглашались и немцы, и иные жители Левобережья. Немецкий журналист Рольф Брандт, посетивший Киев в первые дни оккупации, писал в газете «Tägliche Rundschau»: «50 процентов населения признает себя русскими, однако в умах граждан господствует такой хаос, оставленный в наследство революцией, что вывести отсюда какие-либо заключения весьма трудно... Между прочим киевляне задавали вопрос: привезли ли вы с собою украинцев из Берлина для Украины?»[1075].

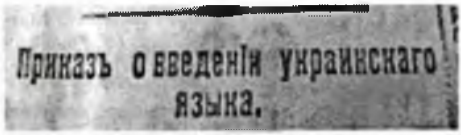
Харьковец Диманштейн, оказавшись в столице УНР, писал: «Нужно отметить, что несмотря на враждебные нотки по отношению к России, пропитывающие все министерские декларации и декламации, столица Украины представляет и сейчас чисто русский город. Население сплошь говорит по-русски и не понимает украинского языка, точнее того галицкого наречия, на котором написаны все нарицательные издания и министерские речи. В результате этого — отношение к правительству у публики, как к чему-то чужеземному. Никому не приходит в голову сказать: «наше правительство», наша армия и т. д. И в то время, как всякому совершенно очевидно, что разумеется под понятием «Россия», — Украина есть нечто непонятное и темное, о чем ни-

чего определенного нельзя сказать. При таких условиях неудивительно, что создается впечатление... что правительство совершенно оторвано от населения и общественных настроений края. Интерес к его деятельности минимальный. Всех в несравненно большей степени интересуют виды и намерения германского правительства».

Диманштейн, посетивший Центральную Раду и правительство УНР, дает этим институциям уничижительные характеристики: «Рада, как и правительство, совершенно не опирается на симпатии населения... Парламентарии в Центральной Раде какие-то не настоящие, поддельные... Интерес публики сосредотачивается не на парламенте, хотя он и председательствуется «самим» Грушевским, а на тех истинных властителях страны в серых костюмах и стальных касках, которые никогда не показываются в парламенте... Невидимый, но явно ощутимый во всех проявлениях государственной жизни вершит свое дело управления страной бронированный кулак. Тень Блюхера поглощает тень Сагайдачного... И всем ясно до последней степени, что и Рада... будет собираться, принимать мистические запросы министрам и одобрять столь же мистические законопроекты, пока этого захочет германское командование. Эти марионетки делают все от них зависящее, чтобы казаться совсем живыми людьми. Спорят до хрипоты, подводят друг против друга мины, и все же не смогут добиться к себе интереса»[1076]. Стоит ли удивляться тому, что не успел Диманштейн опубликовать эти свои путевые заметки, а полурота немецких солдат преспокойно сместила Центральную Раду. И «многотысячные» украинские отряды не смогли или не захотели ничего этому противопоставить! «Тень Блюхера» поглотила тень украинской власти...

УКРАИНИЗАЦИЯ ЮГА РОССИИ — КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

Не имея никакой реальной власти в оккупированных австрогерманцами землях, слабо влияя на экономическое и финансовое состояние страны, украинские власти приложили максимум усилий, направленных на украинизацию населения. Уже в первые часы пребывания на харьковской земле полковник А. Шаповал издал приказ о введении украинского языка в качестве официального. Примечательно, что тем же пунктом представитель

Приказъ о введеніи украинскаго языка.

Объявление о начале украинизации Юга России

украинской власти вводил немецкое время. Приказ гласил буквально следующее: «Приказываю во всех государственных институциях Харьковщины все дела вести только на украинском языке; кроме того — с этого времени приказываю пользоваться календарем нового стиля, а часы перевести по-среднеевропейски (на 1 час 8 минут назад)»[1077].

Различные чины новой администрации издали спешные приказы по этому поводу. Новоназначенный комиссар Южной железной дороги М. Свергун распорядился: «Решительно приказываю уничтожить все надписи, которые имеются по Управлению и по станциям на русском языке, и заменить их на украинские. Украинские Громады милостиво прошу особенно побеспокоиться об этом деле». Кстати, вскоре Министерство путей сообщения УНР распорядилось принимать на службу в железную дорогу «исключительно подданных Украинской республики и при том только знающих украинских язык и украинское правописание». Чем харьковские железнодорожники, не особо владеющие этим языком, были откровенно поставлены в тупик.[1078]

Взбудоражила общественность также срочная телеграмма, пришедшая из столицы УНР в первые же дни после прихода в Харьков немцев: «Особым приказом украинского министра почт и телеграфов Сидоренко предписано по всем учреждениям заменить в продолжении трех дней все вывески, надписи, плакаты и объявления украинским языком... Заявления начальников о невозможности замены надписей в три дня признаны не убедительными, ибо есть уже некоторые учреждения, где это распоряжение выполнено... Если и после этого не будут немедленно заменены в учреждениях вывески, плакаты, объявления и пр. написанными на государственном языке, то означенные начальники округов или отделов перевозки и почт будут сурово караться по законам Украинской Народной Республики»[1079].

Это распоряжение фактически продублировал губернский комендант Харьковщины, чье «обязательное постановление» было обнародовано 25 апреля: «Во всех Государственных, городских и земских институциях и учреждениях Харьковской губернии печати, бланки, вывески и надписи внутри сих институций на протяжении 2-х недель завести на Государственном языке»[1080]. Уездные коменданты обязаны были доложить об исполнении

приказа до 14 мая. Правда, до этого срока Центральная Рада была уже свергнута немцами и местные власти, включая комендантов, были заменены.

15 апреля Киев назначил главой Харьковского учебного округа бывшего председателя «Слобожанской учительской спилки» А. Синявского, перед которым была поставлена задача перевести все делопроизводство округа на украинский язык, а летом начать создавать курсы по изучению этого языка для поэтапной украинизации «низших учебных заведений». «Относительно смены языка обучения в средних и высших учебных заведениях, — сказал журналистам чиновник, — ввиду неимения учебников и знатоков украинского языка пока готовых решений нет и в какую форму выльется дальнейшая их жизнь, предугадать сложно»[1081].

21 апреля в Харькове состоялась встреча представителей средних школ с делегацией министерства образования УНР, которая заявила о планах по «национализации школы», обещая при этом наличие украинских, великорусских, еврейских, польских школ с родным языком обучения и с обязательным предметом «украинский язык». Для этого по национальному признаку была создана комиссия, в которую вошли 4 украинца и по одному представителю от трех вышеперечисленных языковых групп. Кстати, сам докладчик, поприветствовав собравшихся по-украински, тут же перешел на русский язык, чем, по словам журналиста, «очень удовлетворил

На каком языке ведется преподавание в школах вашего округа?			
Уезды	только на русском языке	только на украинском	на обоих языках
Сумской	25	—	7
Лебединский	9	—	1
Ахтырский	7	—	11
Богодуховский	18	1	8
Валковский	7	2	7
Харьковский	29	1	10
Волчанский	3	—	5
Змиевской	43	3	2
Изюмский	44	—	1
Купянский	13	—	1
Старобельский	15	—	—
Грайворонский	13	1	—
Белгородский	1	—	—
ИТОГО	227	8	53

присутствовавших, большинство коих еще не изучило украинской мовы»[1082].

Как бы украинские власти ни старались, значительных успехов в украинизации образования на территориях, входивших в ДКР, им достичь не удалось. По состоянию на февраль 1919 г., когда к власти в Харькове уже вернулись большевики, 227 из 288 делегатов губернского съезда Советов указали, что в их округах преподавание в школах ведется исключительно на русском языке, 53 — на русском и украинском языках, а 8 — только на украинском (см. таблицу[1083]). Учитывая, что ряд украинских школ в губернии появился еще в 1917 г. и во времена ДКР, можно констатировать, что в составе самостийной Украины харьковское образование не стало более украинизированным.

Тяжелее пришлось харьковским юристам, которые понятия не имели, как переводить юридические термины на украинский язык. В конце апреля убеленный сединами прокурор Харьковской судебной палаты получил письмо от адъютанта украинского губернского коменданта. В письме, помимо ответа на запрос прокурора, значилось (на языке оригинала): «Крім того пан отоман прохає на перед звертатися тільки на державній мови Украинской Народной Республики, а не на мові чужеземної». Неудивительно, что в прессе сразу же появились объявления следующего содержания: «Негайно потрібний фаховець-знавець літературної української мови для навчення. Адреса: Дворянська, д. № 12. Присяжний повіренний Леонид Константинович Берман»[1084].

Примерно в те же дни харьковский представитель министерства внутренних дел УНР вновь в довольно жесткой форме потребовал от городских властей «придать всем организациям самоуправления национальный государственный характер», для чего было необходимо украинизировать все вывески на городских учреждениях, лечебницах, школах, мастерских, дорожные знаки, уличные таблички и т. д. МВД предупреждало, что «те лица, которые будут противиться этому распоряжению или задерживать его осуществление», будут привлечены к судебной ответственности. При этом понимая, что «для делопроизводства на украинском языке вначале может не найтись местных интеллигентных сил», МВД дозволяло учреждениям временно вести документацию на русском языке.[1085]

То, как вели делопроизводство в оккупированной немцами Украине, красочно проиллюстрировал генерал Деникин: «Начальник пишет бумаги на русском языке и дает ее переводить

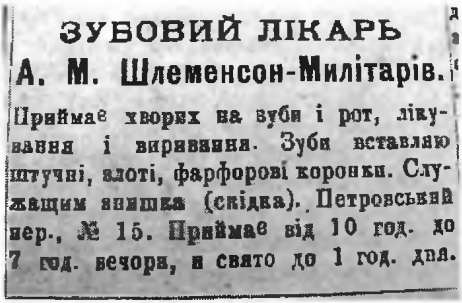
писарю. Последний берет словарь Толпыго, подыскивает украинские слова и, не зная оборотов речи, склоняет и спрягает их по-русски... Интересно, что сношения с немцами приказано было вести только на русском или немецком языках»[1086].

Представитель Центральной Рады Довгорученко вообще приравнял отказ от украинизации к подрыву государственности. Выступая 21 апреля на заседании Харьковского уездного земства, он заявил: «Мы живем в Украинской Народной Республике и всякие враждебные выступления против Украинской державы будут строго караться. Истекающей из этого необходимостью является повсеместное введение украинского языка»[1087].

Трагикомедией назвал украинизацию Юга России очевидец этого процесса Сергей Штерн: «Насильственное навязывание украинского языка, малопонятного южно-русскому населению, не освоившемуся с «галицизмами» «мовы», было длительной трагикомедией. Учреждения засыпались бумагами, которые надо было переводить, среди чиновничества началось нездоровое соревнование в знании украинской мовы, шпионаж и доносительство на говорящих «по-московски»... Можно, не рискуя впасть в преувеличение, утверждать, что все разновидности украинской самостийнической власти отдали дань, и не малую, срыванию вывесок на русском языке, переименованию улиц и площадей, перекрашиванию в желто-голубой цвет почтовых ящиков и т. д. Все это делалось с ожесточением, грубо, озлобленно, благо украинские самостийники вербуют адептов преимущественно из малокультурных рядов сельской полуинтеллигенции, а прозелиты и мелкие карьеристы строили на «кацапофобии» свое личное благополучие»[1088].

На территории, которая внезапно для себя весной 1918 года стала Украиной, с первых же дней украинизации появилась новая отрасль заработка — переводы с русского на украинский язык. В Харькове, на Пушкинской, 34, где начала издаваться украиноязычная газета «Рух», сразу же открылось бюро переводов. На Екатеринославской, 18 открылись платные курсы украинского языка (плата была немалой — до 75 рублей в месяц). Причем подрабатывать в них не гнушался и упомянутый выше глава Харьковского учительского округа. Стали появляться объявления такого типа: «В Пораіонний Комітет

КУРСЫ
УКРАИНСКАГО ЯЗЫКА

ЗУБОВИЙ ЛІКАРЬ
А. М. Шлеменсон-Милітарів.
Приймає хворих на зуби і рот, лікування і виривання. Зуби вставляю штучні, злоті, фарфорові коронки. Служащим знишка (скідка). Петровський пер., № 15. Приймає від 10 год. до 7 год. вечора, в свято до 1 год. дня.

Одно из первых рекламных объявлений на украинском языке в Харькове

потрібен з доброю освітою, добре володіючий українською мовою, а також знайомий с залізничними депешами перекладчик»[1089].

Изредка стала появляться и реклама на украинском языке (правда, это было абсолютным исключением). Чуть ли не первую рекламу в Харькове издал стоматолог А. Шлеменсон-Милитарев. Правда, язык, на котором публиковалась реклама, украинским можно назвать с большой натяжкой: «Зубовий лікарь А. М. Шлеменсон-Милітарів. Приймає хворих на зуби і рот, лікування і виривання. Зуби вставляю штучні, злоті, фарфорові коронки. Служащим знишка (скідка)»[1090]. Как видим, некоторые слова в рекламе приходилось пояснять — ну откуда харьковцы могли до этого знать, что такое «знишка»? Да и сами украиноязычные газеты, выходившие в Харькове, вынуждены были часть украинских слов пояснять в скобках. К примеру, слово «квітень» в шапке газет обязательно сопровождали пояснением — «апрель». Иначе могла бы возникнуть путаница.

Знание украинского языка стало неким пропуском для неизвестных доселе людей, той самой «сельской полу-интеллигенции», о которой писал Штерн, на вершины власти. Показательна в этом смысле склока, возникшая на заседании Харьковского уездного земства 21 апреля. Как только началось собрание, некий г-н Доброскок, который до этого не выделялся из общей толпы, заявил «протест против того, что «деловодство» в собрании ведется на российском языке» и потребовал вести его на «державной украинской мове». Ввиду того что никто из собравшихся украинского языка не знал, в президиум в качестве секретаря заседания был избран тот самый Доброскок. Председатель управы ошарашенно спросил у нового секретаря: «Доклад управы написан на русском языке; не знаю, можно ли его читать?» На что получил снисходительный ответ новоиспеченного члена управы: «Можно, можно»[1091].

В связи с резкой нехваткой (а точнее — полным отсутствием) кадров, владевших украинским языком, в русскоязычных территориях Юга России сложился спрос на эмигрантов из

Галиции, которых, как указывалось выше, до революции скопилось немало в Харькове и в Донбассе. Еще в 1915 г. беженцы из Галиции, собравшиеся в Харькове, через городского голову В. Багалея пытались истребовать материальную помощь от вице-консульства США — почему-то галичане считали, что американцы должны иметь «соответствующие ассигнования для оказания помощи» именно выходцам из Галиции. Хотя промышленный Юг России был интернационален по своей природе и вбирал в себя представителей десятков различных национальностей, галичане до революции полностью не интегрировались в местное сообщество, не стали «своими», их воспринимали примерно так же, как прибывших в Харьков латышей или поляков, четко отделяя от украинцев или малороссов. Как писал С. Штерн, по внешнему виду и языку галичан скорее принимали на Юге России за «немцев». И кстати, рост пробольшевистских настроений в этих регионах в конце 1918 года Штерн во многом относил к антисанитарии галичан и «резкости реквизиционных приемов» галицких отрядов: «Появление галицийской воинской части имело часто последствием окончательное разочарование в самостийности и проявление симпатии к «москалям». Получалось так, что галицийские украинцы являлись невольными насадителями русского духа»[1092].

Приход Украины на территории Юга России наконец предоставил галичанам возможность влиться в ряды местных чиновников. Так вышло, что галицкие эмигранты, проживавшие в Донецко-Криворожском бассейне, оказались теми самыми людьми, которые в большей или меньшей степени владели украинским языком, пусть даже и далеким от грамотности или от центральноукраинского произношения. Характерными для первых дней украинской власти в Харькове стали подобные объявления, написанные на потрясающем суржике: «ГАЛИЦКА-УКРАІНКА знаюче добре Українську мову и правопись, шукає якоі небудь посади по — письменству. Звернутись письменно Искренська вул. № 51 Ю. Кінср»[1093]. Собственно, так галичане, эмигрировавшие в ходе Первой мировой войны на Юг России, и рождали то явление, которое позже назовут «харьковским», или «скрыпниковским правописанием» («Харківський правопис»).

Но в своей основе местное население восприняло украинизацию в штыки, что дало основания украинским властям заявлять о «саботаже». По словам генерала Деникина, борьба против насильственного навязывания одного языка консоли-

дировала против украинской власти людей с абсолютно противоположными идеологическими позициями: «Дикие и обидные формы украинизации, отталкивавшие одних и не удовлетворявшие других, восстанавливали против власти большевицкое и противобольшевицкое население городов, настроение которых сдерживалось присутствием австро-германских гарнизонов»[1094].

Против украинизации территорий Юга России выступили фактически все слои населения. На митинге рабочих ХПЗ 16 апреля был затюкан представитель украинских социал-демократов Петренко, который пытался выступать в поддержку Центральной Рады и ее курса на украинизацию. Будучи освистанным, он махнул рукой со словами: «Я с вами не сговорюсь, подожду, когда вы присмиреете и лучше уразумеете то, что происходит!» В ответ рабочие заявили оратору, что «силой штыков украинский язык вводить не допустимо»[1095].

Против насильственной украинизации выступило и духовенство. Так, газета «Рух» жаловалась на «попов» села Жихарь (недалеко от Харькова) за то, что те якобы чинили препятствия работе активистов «Просвиты».[1096]

На встрече только что прибывшего из Киева нового харьковского губернского коменданта подполковника П. Мироненко-Васютинского (кстати, Георгиевского кавалера) с многочисленной толпой бывших офицеров, собравшихся в Харькове, оратор сорвал овации, когда заговорил с аудиторией на русском языке: «Я буду говорить по-русски, дабы дать всем понять, что власть нового молодого государства не стоит на точке зрения зоологического национализма (аплодисменты) и что она хочет, чтобы все народности на Украине пользовались одинаковыми правами»[1097].

Наверняка присутствовавший на этой встрече полковник Штейфон отмечал: «Не замечалось желания стать украинцами и среди населения. Украинство в его специфическом понимании не имело в Харькове корней ни прочных, ни, тем более, глубоких. То, что после революции стало называться обобщенным именем «украинства», являлось не более как сомнительно распространенной на Юге хохломанией. «Хохлы» встречались во всех социальных группировках и по своей природе не проявляли никаких серьезных сепаратистских тенденций. Хохломания проявлялась довольно невинными склонностями: имелась симпатия к рубашкам, вышитым крестиком, водка называлась горилкой, пелись малороссийские песни, а в некоторых случаях

произносилось «це дило треба розжувати». И как крайнее проявление политического радикализма затягивалась «Як умру, то поховайте...». Конечно, существовали в Харькове и «спилки», зараженные левоукраинскими тенденциями. Однако их влияние было ничтожным. Городские окраины ... были заселены обывательской массой явно выраженного «хохлацкого» типа. Украинство, занесенное из провинции с языком малопонятным, а иногда и совсем непонятным, представлялось как интеллигентское измышление»[1098].

Абсолютно та же картина наблюдалась и в других регионах Юга. Так, в Екатеринославе, по словам очевидцев, «официальная украинско-галицийская «мова» совершенно игнорировалась населением, не понимавшим ее». Замминистра иностранных дел петлюровской Директории Арнольд Марголин признавал, что расхожей фразой интеллигентов было заявление о том, что «они признают Шевченко и его малороссийский язык, но отвергают, как чуждое и непонятное, галицийское наречие, "на котором теперь пишут в газетах"». Кстати, один из собеседников Марголина заявил, что на данный аргумент не получил от того «удовлетворительного ответа»[1099].

Явное и скрытое сопротивление тотальной украинизации, которую пытались внедрить киевские власти на оккупированных немцами территориях, украинская пресса называла «саботажем» или «саботажиком». Местным чиновникам газета «Рух» советовала: «Что ж, уважаемые, сочувствуем вам, искренне сочувствуем, но посоветовали б вам: заячий саботажик не устраивайте и бланчиков, которых вы так боитесь, не заказывайте под шумок на русском языке, потому что они не нужны и деньги, потраченные на них, пропадут напрасно»[1100]. Надо заметить, что бланки вскоре пригодились и на русском языке (мало того, при Деникине они запрещались на украинском), а газета «Рух» сама была закрыта после гетманского переворота.

Сопротивление украинизации проявилось не только в отказе переводить все и вся на украинский язык, но еще и во всеобщем осмеянии данного процесса. Такого количества едких фельетонов не вызывала ни одна иная тема в прессе Юга России. Как только в Харькове было объявлено, что отныне он является составной частью Украины, а единственным государственным языком будет украинский, «Возрождение» буквально сразу разразилось гомерическим хохотом:

«Побачимо, як Харків будеть мовить на украинский лад... Харьковцы знают много наречий. Многие говорят по-француз-

ски... Не мало харьковцев знают язык немецкий... Часто слышим разговоры по-польски... Иногда обмениваются двумя-тремя фразами по-английски. Привыкли слышать речи на языках армянском, еврейском, турецком и даже китайском, но меньше всего приходилось харьковцам «балакать» на украинский лад... — Застукали нас гайдамаки! — говорят харьковцы и запасаются украинскими книгами. То-то будут «Украинцы»!..»[1101]

Не меньше веселья вызвало приведенное выше распоряжение в течение трех дней украинизировать все вывески на железной дороге. «Возрождение» представило, как железнодорожник Иван Иванович Иванов, «социал-демократ по вероисповеданию и украинец по профессии», должен теперь эти вывески переводить:

«Может, надписи-то эти 5 лет писались, а ты их в 3 дня перепиши... Тьфу!

Однако сел.

— «Дежурный по станции».

Задумался.

— Ну, дежурный — діжурний. Это что и говорить. А по станции?

А за первой — вставала другая:

— «Кипяченая остуженная вода». Кипяченая! — кипятился Иванов. — Откуда на украинском кипяченая вода, когда ее запорожцы просто-напросто из Днепра сырьем дули? Остуженная... О, господи!.. «Поезд опаздывает на...». Да что он, по-русски опоздать не может, что ли? — выходил из себя Иванов. — Ежели самостийность, так непременно им на украинском языке опоздай!!»

В итоге Иванов нашел выход из ситуации в том, чтобы где ни попадя вставлять «і»: «На основаніи парагріфа 6-го інстр. по отділу...». Кончилось для него все приемным покоем, где врачи определили ему болезнь: «Delirium Ukrainum». «На утро, — пишет фельетонист, — последовала смерть. Естественная. От огнестрельной раны. Причем руки почившего были связаны позади»[1102]. Так что знаменитые сцены «Белой гвардии» были не просто выдумкой Михаила Булгакова, они были жизненными для Юга России начального периода Гражданской войны.

Самое интересное, что, в отличие от расхожего мнения о том, что украинский язык был языком деревни, в самой деревне официального языка юного украинского государства не понимали, о чем также есть масса свидетельств очевидцев. К примеру, вот как один харьковский публицист описывал свою поездку в оккупированный немцами Киев в конце апреля 1918 г.:

«Путешественники усиленно расспрашивают недавно севших о местных настроениях:

— Ну как у вас украинизация?

— Да так, ничего, все по-прежнему.

— Все на украинском говорите?

— Куда там! У нас в деревне и то все новые законы и наказы на русском языке сходом читаются.

— Почему же?

— Да крестьяне на русском-то плохо разбираются в этих законах, а на украинском совсем ничего не понимают. Как на украинском начнут читать, так все смеются. Ведь это же язык литературный и масса незнакомых слов для народа»[1103].

Эта картина сегодня кому-то может показаться парадоксальной. Однако подобные же свидетельства приводили многие, в том числе иностранцы. Британский публицист и путешественник Карл Эрик Бехгофер, который объездил пылающую Россию, писал: «Каждый украинский крестьянин считает себя русским, и, более того, прокламации, публикуемые на «украинском языке» (смесь русского и польского) украинским националистическим Правительством в 1917—18 гг., приходилось переводить на русский язык, чтобы рядовой украинец мог понять их смысл»[1104].

Известный уроженец Екатеринославской губернии, председатель российской Госдумы Михаил Родзянко (кстати, много сделавший для защиты этнических прав малороссов) еще до революции заявлял, что крестьяне литературного украинского языка не понимают и желают читать книги на русском языке. И как пример, он привел тот факт, что екатеринославские крестьяне в свое время в штыки восприняли факт перевода манифеста 17 октября 1905 г. на украинский язык.[1105]

Эти факты особенно интересны в связи с тем, что всероссийское руководство большевистской партии, обсуждая вопросы о национальной работе и вообще будущем Украины, также постоянно ссылалось именно на тот факт, что южнорусская деревня говорит по-украински, а стало быть, с ней надо общаться именно на украинском языке. Когда в декабре 1917 г. обсуждалась идея создания Компартии Украины, один из лидеров Цикуки полтавчанин Василий Шахрай, заявил: «Литература должна издаваться на украинском языке. Должен выходить орган, приспособленный к деревне, на простом языке». Идея издания для деревни газеты на украинском языке была поддержана и наркомом просвещения советской Украины, уроженцем Каменец-Подольско-

го Владимиром Затонским.[1106] Как видно из вышеприведенных примеров, языком деревни земель, входивших в Донецкую республику, далеко не всегда был украинский. Вполне возможно, большевики, происходившие из малороссийских губерний, об этом не догадывались.

Недовольство, связанное с украинизацией, было настолько велико, что, к примеру, украинский комендант Мелитополя не нашел ничего лучшего, как запретить публичную лекцию на тему «Национальный вопрос на Украине». Когда его спросили о причинах такого странного решения, комендант ответил: «По украинскому вопросу ничего, кроме неприятностей, сказать нельзя». Харьковская газета «Наш Юг», прослышав об этом, разразилась гневной тирадой по поводу запрещенной темы: «На Украине далеко не все обстоит благополучно. Об этом необходимо не только говорить, но прямотаки кричать. «Ставка на сильного» во всех областях жизни... не отвечает укладу общественных сил на Украине... Быть может, это неприятно слышать нынешним рулевым украинского государственного корабля, но это факт, подтверждаемый сотнями официальных сообщений»[1107].

Александр Яблоновский

Стоит ли говорить, что украинские власти, прикрываясь словами о необходимости «разговаривать с народом на его родном языке», вовсе не собирались учитывать мнение самого этого народа? Популярный в России публицист, фельетонист, критик Александр Яблоновский (Снадзский), вопрошал: «Разве вы, сторонники украинской самостийности и представители киево-харьковской национальной интеллигенции, спрашивали у вашего народа о его желаниях? Кто это спрашивал? Когда спрашивал? Где спрашивал? Укажите мне хотя бы подобие всенародной анкеты, дайте мне хотя бы намек на действительную волю народа, и я первый закричу вместе с вами: "Хай живе самостийна Украина!"»[1108].

Харьковский деятель украинства Гнат Хоткевич, к примеру, очень оскорбился предложением Харьковского уездного съезда учителей учитывать мнение народа при выборе языка школ. Хоткевич возмущался: «Хорошо. Казалось бы, что лучше — пусть сам народ скажет. Зачем, мол, будем навязывать ему школу, — а может, он ее и не хочет и т. д. Мысль страшно демократичная и совсем такая, как вон дают собаке кусок хлеба, а в нем иголку. В первую очередь, а спрашивали у народа тогда, когда заводили по царскому приказу московскую школу? Нет, тогда не спрашивали, а теперь, видите ли, хотят спросить. Это раз. А потом — неужели только голос простого народа имеет вес, а голос детей народа, только образованных, с широким кругозором, со знанием истории, современности и желаемого будущего — голос этих людей ничего не значит?»

Автор этих слов даже не задумался над тем, чем же он лучше ненавидимого им царского режима, если предлагает перенимать его же методы. Но любопытно, что, приводя эту цитату, современный украинский исследователь полностью становится на сторону гласного Харьковской городской думы: «Не актуальна ли и поныне ситуация и не злободневна ли аргументация г. Хоткевича?»[1109] Что за вопрос! Конечно, актуальна! Собственно, как актуально и предложение Харьковского съезда учителей почти что вековой давности. И видимо, будет актуально всегда. Во всяком случае, так считал В. Солоневич, ссылавшийся на ситуацию 1918 года: «В тот короткий промежуток времени, когда Великая Петлюра балаганила — при немецкой поддержке в Киеве, — русская общественность подняла вопрос о плебисците. И петлюровский министр Василий Шульгин [видимо, автор перепутал, имея в виду Александра Шульгина, генерального секретаря УНР по межнациональным делам. — *Авт.*] сказал прямо: никаких там голосований — ибо мы знаем, что голосование будет в пользу русского языка. Поговорите, пожалуйста, с любым самостийником — первым встречным и поперечным: ни на какое голосование он не согласится никак. И по тем же самым соображениям»[1110].

В периоды всех кампаний по украинизации оккупированных территорий Донецкой республики, а позже — Юго-Востока советской Украины — население этих регионов всегда выступало за официальное двуязычие. «Равноправие языков в местностях со смешанным населением есть элементарная гражданская свобода, которую истинно-демократическая власть должна охранять, а не нарушать, — писал «Южный край» в первые

дни после оккупации Харькова. — Русскому языку, глубоко и прочно распространившемуся в Слобожанщине, должно быть обеспечено равноправие в школе, в самоуправлении, в администрации, в суде, в армии и в законодательстве»[1111].

Дмитрий Овсянико-Куликовский

Известный русский лингвист академик Дмитрий Овсянико-Куликовский, преподававший в те годы в Харькове, писал в апреле 1918 г.: «Современные деятели украинского возрождения ненавидят наш великий общерусский язык... и нашу великую литературу, ставшую одной из мировых, и здесь-то и усматривают важнейшую опасность для национального возрождения Украины. Они готовы черпать слова и выражения откуда угодно, только не из этого источника. Они посылают проклятия по адресу языка Пушкина и Лермонтова, Толстого и Тургенева. К этой дикой вражде и чудовищной нетерпимости присоединяется у них еще одно, очень странное, недоразумение: они полагают, что распространение на Украине общерусского языка и литературы ведет к «обрусению» Украины, т. е. к превращению украинцев в великороссов (в «кацапов», в «москалей»). Вот именно тут-то и скрывается ключ к загадке шовинизма и, так сказать, лингвистического фанатизма вождей возрождающейся Украины... Перед нами уже картина, очень близкая к психопатологии и очень далекая от разума и морали, — и мы реагируем на нее не ощущением брезгливости, а нравственным ужасом и умственным отвращением».

Академик, профессор четырех университетов, уроженец Каховки взывал к чувствам и разуму умеренных деятелей УНР: «Не к тем, которые находятся под роковою властью этих страстей, не к фанатикам украинской идеи обращаюсь я со своей речью: их не вразумишь, они и слушать не захотят. Я обращаюсь к тем неофитам украинской идеи, которые еще не отравлены ядом вражды и ненависти и только проходят стаж национального возрождения... Общие языки, имея свою историческую миссию, не препятствуют, а содействуют национальному развитию

областных, из которых тот или другой в свою очередь может... стать общим. Но Украина... воздвигает пущее гонение на общий русский язык, торопясь насильственно, по приказу, по-большевистски украинизировать все ведомства, все учреждения, все канцелярии на огромной территории, разноплеменное и разноязычное население которой давно привыкло, в этих сферах, пользоваться языком общерусским. Нельзя не предвидеть, нельзя не опасаться здесь серьезной помехи и даже ущерба для правильного развития самой украинской национальности: ибо тут нарушаются натуральные права личностей и целых масс населения, и неминуема вспышка недоброжелательных и даже одиозных чувств в отношении к новому языку, с такой быстротой и натиском вторгающемуся в школу, в суд, в нотариальные конторы, в банки и т. д. и т. д. А между тем дело, казалось бы, совсем простое и могло бы уладиться к общему удовольствию: стоит только узаконить оба языка, украинский и общерусский, и предоставить населению возможность пользоваться, как тем, так и другим — на равных правах»[1112].

Тот же Овсянико-Куликовский спустя некоторое время возмущался насильственной украинизацией южнорусских школ и вузов. Он, в частности, отмечал: «Мы должны признать совершенно ложною и извращенною ту школу, которая, навязывая питомцам чужой язык, препятствует свободному развитию национальных пружин мышления и, таким путем, ведет к денационализации или насильственной замене одного национального уклада другим... Родным языком подавляющего большинства интеллигентных слоев на Украине является язык общерусский. Его нельзя упразднить по мановению властной руки. Невозможно также установить сроки, с наступлением которых он обязан перестать быть родным... Все гонения, на него направленные, только поднимут его престиж и усилят его обаяние». В этой связи академик делает однозначный практический вывод: «Остается одно: установить нормы свободного сотрудничества и живого симбиоза двух языков — украинского и общерусского»[1113].

Эти статьи академик Овсянико-Куликовский успел опубликовать до закручивания гаек в прессе, позволявшей себе критиковать украинизацию. Уже с конца апреля 1918 г. в статьях харьковских газет на тему украинского национального вопроса появились зияющие пустоты, связанные с цензурой. К примеру, такими «многоточиями» пестрит обширный ответ известного российского критика и публициста Александра Яблоновского

Христина Алчевская

(уроженца Херсонской губернии) на письмо Христины Алчевской, той самой, которая еще до революции решила поддержать экстремистские националистические потуги Николая Михновского.

Цензура вымарала фразы, следовавшие за вопросами газеты: «Отдаете ли вы себе отчет, милостивая государыня, в том, что сейчас происходит? Помните ли вы, украинская интеллигентка, в каком черном деле вы принимаете нравственное участие?». Далее — стертый цензурой абзац. Правда, одну фразу, связанную с злободневной современностью, украинский цензор как-то упустил, видимо, решив, что речь идет об исторических персонажах: «Ведь, насколько я могу судить, Новороссию присоединил к нам Потемкин, а не Петлюра... Или в самом деле это надо еще доказывать, что история знает только Потемкина-Таврического, но совершенно не знает Петлюры Таврического?»[1114]

Жители территорий, входивших в Донецкую республику, в своей основе так и не восприняли тот факт, что они вдруг стали гражданами Украины, несмотря на то, что их обязывали немедленно принять подданство УНР. Уже в первый день появления украинской власти в Харькове и. о. губернского коменданта полковник А. Шаповал торжественно объявил: «Все население Украины должно принять подданство Украинской Народной Республики, после чего будут считаться гражданами Украинской Республики». При этом альтернативы у жителей ДКР было немного: «Не согласные с этим должны покинуть пределы Украины»[1115].

Такие драконовские меры по отношению к «негражданам» не привели к тому, что за украинскими паспортами выстроились очереди. Хотя некоторые (в первую очередь, чиновники) кое-как приспосабливались. Харьковская пресса так описывала мучения местного чиновника: «И они покупают портреты Т. Шевченко, которого еще так недавно... называли хохлацким мужицким поэтом. Учат украинский язык, коверкают украин-

ские слова и жалуются друг другу, что дела идут плохо: никак не могу выговорить по-мужицки... Сидят читают газеты и переводят их на украинский язык и среди молчания иногда слышится: "Мефодий Андрианович, как по-украински «неделя»?»" — «Не знаю, я сам хотел это слово узнать, но у кого не спрошу, никто не знает». Через несколько минут снова кто-нибудь спрашивает новое слово, а там снова... Бедные чиновники аж потеют с теми переводами»[1116].

Украинская националистическая пресса, к слову, очень взволновалась тем фактом, что некие тайные «русофилы» получили возможность стать украинскими гражданами и поступать на госслужбу. Стали звучать призывы к бдительности. Газета «Рух» сообщала о ситуации на Харьковщине: «Во время этой русификации тут развелось очень много чисто Великорусского элемента, который захватил все более или менее ответственные должности... Нет ни одной институции в городах и уездах, где б не сидели эти сторонники Российского централизма... Некоторые, ранее известные как отъявленные Российские централисты, перекрещиваются сейчас в Украинскую веру и на вопрос об их национальности отвечают «Украинец»». Корреспондент предупреждал: «Нужно очень опасаться давать какие-то ответственные должности этим «оборотням в хохлов» вообще, а у нас на Харьковщине особенно»[1117].

И понеслось стукачество! В «Рух» посыпались доносы на затаенных «русофилов», пробирающихся на службу молодой Украинской республике. К примеру, писарь Рады украинцев при Харьковском губернском продовольственном комитете, член партии украинских эсеров Иван Гринченко нажаловался на главу губернского земства некоего господина Кузнецова, с которым у автора доноса произошел личностный конфликт: «Интересно отметить, что до освобождения Украины пан Кузнецов был Украиножером, сейчас же он сделался «завзятым Украинцем», будто бы работающим на пользу Державе. Видите, как скоро перекрашиваются такие люди, у которых кроме шкурного вопроса и «Карьеры» нет ничего»[1118].

Однако творцам украинской державности ничего не оставалось, как использовать и тех жителей Юга России, которые с самого начала и до конца скептически относились к самостийности. Просто выбирать-то особо не из кого было. Непредвзятый анализ периодической печати того периода и мемуаров очевидцев событий не оставляет сомнений в том, что значительное большинство жителей Левобережья не сомневались в

возрождении единства России — вне зависимости от ее будущей формы устройства.

С. Штерн, к примеру, писал: «Трезво и объективно подходя к вопросу об отношении южно-русского населения, к вопросу об отделении Украины от России, нельзя самым категорическим и решительным образом не признать того, что подавляющее большинство этого населения абсолютно против самостоятельности Украины. Беда только в том, что это большинство населения, в общем, политически недостаточно активно, неорганизованно. Аморфной массе большинства населения противопоставляется шумливое и крикливое ничтожное его меньшинство, твердящее о самостийности»[1119].

В первый же день после прихода немцев харьковская пресса начала наперебой обсуждать вопрос о том, что с помощью германцев будет восстановлено единство России, категорически утверждая: «К этому единству она должна вернуться: вне этого нет спасенья». Редактор «Возрождения» П. Павлов при виде немцев, шагавших по его родному городу, выражал надежду на то, что теперь-то уж «достойных вождей должен обрести себе народ Пушкина и Гоголя, Суворова и Скобелева» (почему-то харьковец говорил не о народе Тараса Шевченко или Ивана Франко). При этом «Возрождение» в статье под характерным названием «Русь» успокаивало харьковцев рассказами о русской природе нового государства, в котором они вдруг оказались: «Нет, русская Украйна не отринет своей исконной русской сущности и русскую ориентацию, служение общерусскому делу не должно ни на мгновение смешивать с москвофильством и со специфически-великорусскими тенденциями»[1120].

«Наш Юг» тоже писал о необходимости скорейшего «объединения всей демократической России». И провозглашал: «От германского правительства и от украинских империалистов — к русской демократии!.. Это наша интернациональная и вместе с тем национальная платформа». В другом номере газеты напрямую указывалось на тот факт, что Юг России, входя в состав УНР, не является свободным: «Рано еще поворачиваться спиной к России и из-за Красной армии, из-за комиссаров не видеть русской революционной демократии!.. Судьба Юга далеко еще не предопределена... Ее освобождение еще должно совершиться вместе с освобождением России!»[1121]

А «Южный Край» даже предлагал превратить Украину в федеративное государство, которое станет основой для скорейшего возрождения единства России: «Чем быстрее будет идти дело пре-

вращения украинского государства в федерацию областей и народностей, тем больше шансов на восстановление прочных государственных связей между всеми частями бывшей России»[1122].

Наивных надежд на то, что Украина (особенно Украина гетмана Скоропадского) станет основой для «собирания Земли Русской», тогда высказывалось немало. Харьковская пресса даже призывала официально провозгласить этот курс: «Пусть Киев призовет к единству и за Украйной пойдут, тогда ей выпадет славная доля вождя... Украина и Россия — свободные и слиянные, вот к чему мы должны стремиться»[1123].

Эти же тезисы привезла в Киев на встречу с правительством УНР обширная делегация промышленников, аграриев и финансистов Харькова во главе с главой ССГЮР Н. фон Дитмаром. Встреча должна была состояться 24 апреля, но была перенесена из-за споров делегации с представителями киевского бизнеса по поводу наличия в проекте декларации следующего пункта: «Мы верим в возрождение России... Может быть, судьбой суждено Киеву быть не только центром Украины, но и вновь взять на себя собирание земли Русской, на этот великий исторический путь Украинскому народу надлежит твердо встать, на этот путь создания новой Великой России для счастья всех ее народов». Киевляне настаивали на исключении этого пункта, а харьковцы во главе с Дитмаром убеждали в необходимости его сохранить.[1124]

За скорейшее восстановление единства с Россией в те дни высказывались и общественные учреждения. К примеру, на упомянутом заседании Харьковского уездного земства, состоявшемся 21 апреля, докладчик получил порцию критики за «шовинизм» в связи с тем, что проявил «спокойное отношение к факту отделения Украины от России». Делегаты «под шумные аплодисменты» аудитории заявили: «Мы не должны отделяться от России, родственной нам по кресту»[1125].

Собственно, в то, что Украина после Гражданской войны сольется с Россией, не сомневались и немцы. Известный германский философ Курт Рицлер, служивший тогда в германской дипломатической миссии в Москве, докладывал 4 июня 1918 г. прусскому министру Диего фон Бергену: «Способствовать восстановлению России, которая может вновь стать империалистической, — не очень приятная перспектива, но эта опция может быть неизбежной, так как, учитывая полную нестабильность Рады (это все видят тут), любая идея о длительной независимости Украины представляется сейчас лишь фантазией... Украина должна пасть

вместе с большевиками. Свершившийся факт существования династии в Киеве [видимо, автор имеет в виду династию Скоропадского. — *Авт.*] может слегка продлить жизнь этого искусственного государства, но не более того». С этим соглашался и посол Германии в Москве Вильгельм Мирбах. 25 июня (за две недели до своего убийства) он сообщал в Берлин: «Позитивная политическая аксиома заключается в том, что перманентное отделение Украины от остальной России должно быть объявлено невозможным». Создание же Украины Мирбах относил к «мероприятию военного времени».[1126]

Да что там немцы! Даже отдельные министры Украинской державы открыто признавались: «"Через самостийность к федерации" — такова была в то время, при создавшейся ситуации, единственно возможная программа медленного, постепенного воссоздания бывшего Российского Государства на федеративных началах. Такой путь и намечали наиболее зрелые и авторитетные представители украинского движения»[1127].

Если верить многочисленным свидетельствам лидеров Белого движения, ту же позицию кулуарно высказывал и сам гетман Скоропадский. Генерал Лукомский, которого марионеточный лидер Украины пытался привлечь на свою сторону, так вспоминал беседу с ним: «После завтрака гетман пригласил меня к себе и в кабинет и очень горячо стал мне объяснять, что... он не «щирый украинец», что вся его работа будет идти на создание порядка на Украине, на создание хорошей армии и что, когда Великороссия изживет свой большевизм, он первый подымет голос за объединение с Россией; что он отлично понимает, что Украина не может быть «самостийной», но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать из себя "щирого украинца"»[1128]. Конечно, трудно сказать наверняка, кого гетман Скоропадский и подобные ему деятели Украинской державы образца 1918 года больше разыгрывали из себя: украинцев перед немцами или русских — перед деникинцами. Вряд ли история когда-нибудь даст однозначный ответ на этот вопрос.

БЕСКОНЕЧНЫЕ СПОРЫ О ГРАНИЦАХ

Пока на территориях, оккупированных немцами, велись дискуссии о будущем Украины и России, сама Россия продолжала дискуссию о том, какие территории входят в состав Украины, а какие

являются неотъемлемой частью Российского государства. Можно с абсолютной точностью утверждать, что в 1918 году советская Россия ни разу официально не подтвердила факт ликвидации Донецкой республики и не признала земли, входившие в ее состав, частью Украины. Мало того, в ходе споров, которые Москва продолжала вести с Киевом и Берлином, не раз выдвигался тезис о незаконности оккупации некоторых регионов, включая Донбасс.

4 мая 1918 г. в селе Коренево (Курская губерния) Россия и Германия заключили перемирие. Об отношении к противнику и значимости этого договора со стороны немцев можно судить по составу делегации, подписывавшей документ: майор фон Розенберг, ординарец и адъютант. Принципиально важно подчеркнуть, что договор ни словом не оговаривал границы между Украиной и Россией, а лишь установил временную демаркационную линию между советскими и оккупационными австро-германскими войсками. По этой линии устанавливалась 10-километровая нейтральная зона — и не более того. Как пишет генерал Деникин, эта демаркационная линия определялась по расположению германских аванпостов и никто при ее определении не считался «ни с этнографическими, ни с историческими признаками», учитывая лишь необходимость немецкого контроля над важнейшими железнодорожными узлами.[1129]

Ни Германия, ни тем более Россия не соглашались с притязаниями УНР на обширные территории Дона, Кубани, Крыма,

Карта Украины согласно меморандуму УНР в адрес правительства США

Центральной России, Польши и даже будущей Чехословакии. Согласно меморандуму, представленному от имени УНР правительству США, в состав Украины должны были быть включены Львов, Брест-Литовский, Пинск, Новозыбков, Белгород, Валуйки, Бирюч, Ровеньки, Новохоперск, Таганрог, Ростов, Новочеркасск, обширные территории Области Войска Донского и вся Кубань вплоть до Майкопа включительно. Аппетиты были настолько велики, что, рисуя для правительства США украинскую карту, ее авторы даже не смогли вырисовать юго-восточные границы Украины — места не хватило.[1130]

Немцы неоднократно в официальных нотах подчеркивали: «Окончательное установление границы между Россией и Украиной должно иметь место в русско-украинском мирном договоре». На этом немцы как бы умывали руки. Их дальнейшие действия сводились лишь к тому, что они формально рассылали различные послания Москве и Киеву с призывом быстрее сесть за стол переговоров и договориться о границах. При этом Берлин постоянно подчеркивал, что сам считает вопрос размеров Украины спорным вопросом, настаивая в своих нотах: «Заключенный русско-украинский мирный договор должен разрешить также и все сомнительные вопросы относительно размеров украинской территории»[1131].

В то же время ни Москва, ни Киев договариваться друг с другом не очень-то и торопились. 11 апреля 1918 г. Чичерин жаловался Берлину: «Возложенная на нас Брестским договором обязанность заключить мир с Киевской Радой остается невыполненной по причине, не зависящей от Русского Правительства»[1132].

Христиан Раковский

В конце концов, после ряда переносов места и даты начала переговоров между УНР и РСФСР они стартовали в Киеве, в Педагогическом музее, 23 мая 1918 г. — те самые, хорошо описанные в исторической литературе и даже в художественном кино, переговоры между гетманским сенатором Сергеем Шелухиным и болгарским гражданином Румынии

Христианом Раковским, представлявшим советское правительство. Как сказал Деникин, переговоры эти были «теоретически-бесконечными, подчас курьезными»[1133].

Курьезы начались уже с первых дней заседания комиссии. Штерн так описывает поведение на них хорошо знакомого ему Шелухина: «С украинской стороны представителем выступал член одесского окружного суда С. П. Шелухин, внезапно оказавшийся не знающим или позабывшим русский язык, а Россию большевиствующую представлял румыно-болгарин Раковский, изъяснявшийся только по-русски, вследствие чего г-н Шелухин не без кокетливого цинизма требовал ведения переговоров через переводчика. Впрочем, г-н Шелухин вообще страдает не то внезапной потерей памяти, не то острой формой карьеризма: он же так мило прятал себя и свою самостийную отчизну под крылышко немцев, против которых он так яростно нападал в своей брошюре военного периода о немецком землевладении на Юге России». В этой связи Штерн обобщает: «Вообще, украинство, как направление и политическая система, становилось средой, благоприятной для разведения бацилл оппортунистического карьеризма и карьерного оппортунизма. Находились люди, которые не без ловкости жонглировали то трехцветным, то желто-блакитным флагами»[1134].

23—24 мая Шелухин «отказался вести переговоры с российской делегацией на том основании, что в полномочиях российских делегатов было сказано, что они уполномочиваются заключить договор, но не было упомянуто слово «мирный», а также на том основании, что в них не было указано, из каких государств состоит Российская Федеративная Республика»![1135]

Сергей Шелухин

Такая позиция Киева, с первых минут занявшего позицию затягивания переговоров, объясняется довольно просто — Киев до последнего момента надеялся на приращение территорий за счет продолжения немецкой оккупации и признания Крыма частью Украины. Новоиспе-

Дмитрий Дорошенко

ченный министр иностранных дел гетманской Украины Дмитрий Дорошенко признается в своих мемуарах, что украинская власть разрабатывала планы десанта и оккупации (или «освобождения от большевиков» — кому как больше нравится) Кубани, которая и без того уже была фактически во власти «добровольцев» генерала Алексеева. Сам-то Дорошенко откровенно писал о том, что дело вовсе не в большевиках: «Речь шла о том, чтобы опередить Алексеева, захватить Екатеринодар, и тогда можно было бы провозгласить присоединение Кубани к Украине». При этом согласие на операцию дал лично гетман Скоропадский (тот самый, который уверял белых генералов в своей приверженности идее «единой и неделимой»), и она якобы была согласована с немцами.[1136]

Определяя, к примеру, границы Харьковского учебного округа, украинское правительство планировало включить в него, помимо Харьковской, Екатеринославской и Полтавской губерний, всю Область Войска Донского, 4 уезда Курской и 3 уезда Воронежской губерний.[1137] О каких границах с Россией в таких условиях могла идти речь, если «отцы-основатели» самостийной Украины планировали резкое расширение территорий, а соответственно, и границы должны были оговариваться совершенно иные?

Кроме того, Киев делал все от него зависящее, чтобы сократить участок российско-украинской границы лишь до северной линии, а восточные кордоны Украины определять с Донским правительством, в обход Москвы. «Разумеется, что нам интереснее было иметь своим соседом на северо-востоке самостоятельную Донскую Республику, — писал Дорошенко, — чем какую-то часть будущей «единой» России. А пока что очень важно было признать Дон, чтобы установить с ним границы и начать экономические отношения. Имея определенную уже линию на востоке, легче было говорить с большевистской делегацией, договариваясь с ней о границы лишь от того пункта, где сходились пределы Украины, Дона и Московщины»[1138].

Педагогический музей в Киеве

В секретном послании Дорошенко так объяснял своим подчиненным суть политики Киева: «Заданием нашей внешней политики является одновременно навязать наилучшие связи с Донбассом, где установится, без сомнения, своя донская власть после изгнания большевиков и, таким образом, сократится наша сухопутная граница с Россией»[1139].

Здесь явно проявлены двойные стандарты идеологов украинской государственности — с одной стороны, они не признавали и не признают сейчас, спустя почти столетие, факт существования Донецкой республики, ссылаясь на то, что, дескать, она не была построена по национальному принципу, но данный аргумент не стал препятствием для признания независимости русского Дона от России.

При этом даже в переговорах с более покладистыми донцами Киев имел серьезные проблемы с определением восточной границы украинского государства. Претензии Украины на Таганрогский округ и другие территории Области Войска Донского, оккупированные немцами, натолкнулись на сопротивление донских казаков. И в итоге, как пишет Дорошенко, Киев вынужден был «согласиться на границы по старой линии между бывшей Екатеринославской губернией и Доном, за исключением небольшого кусочка возле Мариуполя, который мы выторговали себе по стратегическим мотивам»[1140].

Предварительное соглашение между Украиной и Всевеликим Войском Донским, подписанное 7 августа 1918 г., гласило:

«Границы, разделяющие названные государства, определяются последней административной границей, отделявшей Украину от прежней Области Войска Донского, т. е. между Екатеринославской, Харьковской и Воронежской губерниями, причем в районе Мариуполя, который остается за Украиной, стороны признали необходимым отвод на восток площади земли, необходимой в целях обеспечения единства административно-хозяйственного управления города и порта с их окрестностями»[1141].

Таким образом, экономическое и административное единство Донбасса, достигнутого в рамках Донецко-Криворожской республики, вновь было нарушено. Притом важно отметить, что данным договором с Донской Республикой Киев официально отказался от притязаний на значительные территории, ныне входящие в состав Украины и включающие многие города — Макеевку, Новоазовск, Амвросиевку, Иловайск, Харцызск, Красный Луч, Краснодон и т. д. Еще раз стоит подчеркнуть: эту границу признала Украина, но не Россия!

Чем объясняется такая странная покладистость Киева, вынашивавшего грандиозные планы расширения своих границ вплоть до Майкопа? Дорошенко, конечно же, делает хорошую мину при плохой игре, ссылаясь на некие «стратегические мотивы». Однако атаман Краснов прямо указал на то, что именно немцы помогли ему «уладить пограничный вопрос с Украиной, покушавшейся на западную часть Донской земли»[1142]. Так что говорить о том, что Дорошенко был самостоятелен в определении своих «стратегических мотивов», не приходится.

Гораздо более правдоподобную версию высказал генерал Деникин: «Внешние сношения Украины также всецело зависели от немцев. Все спорные территориальные вопросы о западной границе, о подчинении Украине Крыма, о Ростовском, Таганрогском округах и части Бессарабии, на которые претендовала Украина, разрешались односторонней волей немцев и притом не в ее пользу... Поскольку вопросы, касавшиеся интересов Германии, как, например, передача оккупированной Украине в большом числе подвижного железнодорожного состава и урегулирование железнодорожного сообщения, проходили быстро, постольку все остальные, в особенности вопросы о границах, затягивались неимоверно. Участники конференции играли положительно непристойную роль, будучи пешками в руках закулисного дирижера».

В подтверждение этого тезиса Деникин приводит убедительное свидетельство — секретную директиву министра Дорошенко

главе украинской делегации Шелухину: «Ввиду того, что в частном разговоре с министром иностранных дел председатель мирной делегации Раковский выразил желание разрешить возможно скорее вопросы, относящиеся к соглашению между Российской республикой и Украинским государством, считаем необходимым поставить вас в известность, что ускорение украино-русских отношений возможно лишь после того, как по этому вопросу выскажется германское правительство»[1143].

Но и российская сторона никуда не спешила. Она постоянно жаловалась Берлину на украинцев, затягивавших переговоры, но сама использовала многочисленную миссию в Киев в совершенно иных целях — как пишет Деникин, она «с большим успехом вела пропаганду и организацию тайных большевицких очагов»[1144].

Позже советские историки с этой версией вовсе и не спорили, даже воспевая хитрость и мудрость вождей пролетариата, легально установивших в столице оккупированной Украины организационно-пропагандистское бюро большевиков. Раковский в своей автобиографии, описывая период пребывания в Киеве, ни словом не упомянул о спорах по границам или признании независимой Украины, зато указал: «В Киеве задача руководимой мною мирной делегации заключалась в том, чтобы пред рабочими и крестьянскими массами Украины выяснить истинную политику советской власти, противопоставляя ее политике Скоропадского, Центральной Рады и других агентов германского империализма и русских помещиков»[1145].

Для советской делегации были отведены десятки комнат в отеле «Марсель», который в Киеве давно пользовался репутацией притона (сейчас — дом № 3 по бульвару Шевченко, в котором располагаются различные учреждения культуры Киева). Дорошенко даже похвалялся тем, как украинская администрация унизила представителей Москвы, поселив их именно там: «Для размещения большевицкой делегации был предназначен отель «Марсель» на Бибиковском бульваре, отель — второго, если не третьего сорта, такой, где обычно находят себе убежище веселые девочки и их кавалеры. Из-за этого один из членов делегации — Грановский — в своем письме в Москву, копию которого добыла наша разведка, квалифицировал свое помещение в Киеве хоть несколько резким, но соответствующим действительности термином, видя в факте предназначения для большевицкой делегации именно этого отеля какое-то специальное надругательство. И Раковский, и Мануильский время от времени жаловались мне на свое помещение»[1146].

Дорошенко, конечно, мог похваляться такими жалобами москвичей. Им, возможно, в самом деле было некомфортно от качества отеля, зато они сполна использовали несколько месяцев нахождения практически на Крещатике для организации советского подполья в Киеве. И тот факт, что украинская разведка смогла раздобыть лишь жалобы на поселение в притоне, когда делегация Раковского и Мануильского открыто вербовала будущих красногвардейцев для борьбы против гетмана, многозначительно свидетельствует о качестве спецслужб Украины. Деникин уверяет: «В октябре министерство внутренних дел обнаружило две большевицких крупных организации в Киеве и Одессе, находившихся в деятельных сношениях с делегацией Раковского. После произведенных арестов и выемок, как в организациях, так и у самих делегатов, обнаружилось, что работа большевиков велась совместно с Украинским национальным комитетом, и что посредниками между ними были... представители немецкой власти»[1147]. Неудивительно, что в таких условиях посланники советской России также были не очень заинтересованы в скорейшем завершении переговоров и в отъезде их пропагандистской структуры из оккупированного Киева.

Несмотря на взаимное стремление затянуть и даже сорвать переговоры, обе стороны довольно принципиально спорили о границах между Украиной и Россией. Украинская сторона в качестве довода приводила результаты работы этнографичес-

Бибиковский бульвар в Киеве (слева — отель «Марсель»)

кой комиссии Льва Падалки из Полтавы, российская упирала на право жителей самим определить, к какому государству себя отнести. Как пишет Дорошенко, «большевицкие делегаты постоянно выставляли требования плебисцита или ставили вопрос о Крыме, о Доне, претендовали даже на части Харьковщины и Екатеринославщины»[1148]. Это лишний раз подтверждает тот факт, что официальная Москва ни на секунду не переставала считать земли Харьковской и Екатеринославкой губерний или хотя бы их частей российской территорией. И любопытно в этом смысле, что украинская сторона также прекрасно понимала, на чьих позициях окажется мнение жителей данных регионов в случае проведения плебисцита или референдума.

Споры вокруг Донбасса длились вплоть до осени 1918 г. и в итоге привели к тому, что 8 сентября полномочный представитель советской России в Берлине Адольф Иоффе нажаловался на позицию Украины тем, кто, по мнению и Москвы, и Деникина, на самом деле определял эту позицию. В ноте, представленной в МИД Германии, Иоффе заявил: «Переговоры России с Украиной наткнулись в данное время на непреодолимое препятствие. Украинская делегация заявила русской, что Украина признала самостоятельную Донскую республику и потому не желает устанавливать с Россией границ в области Дона. Эта точка зрения абсолютно неприемлема для России, ибо Россия никакой Донской республики не знает. Область Войска Донского является неразрывной и несомненной частью Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и одностороннего заявления одной Украины о признании ею этой области самостоятельной и независимой республикой, конечно, совершенно недостаточно для того, чтобы отторгнуть эту область от территории России и сделать ее независимым государством. С другой стороны, ясно, конечно, что Россия, заключая с Украиной договор, существеннейшей частью которого именно и является установление государственных границ между Россией и отделившейся от нее Украиной, не может согласиться с тем, чтобы не установлены были южные границы и чтобы, таким образом, вновь создавшаяся Украинская республика в одной своей части была вообще неограниченной и могла расширять свою территорию по собственному своему желанию»[1149].

27 сентября Россия выразила протест в связи с переговорами Киева с Доном и Крымом, заявив: «Крым, как и Донская область,

составляет часть Российской Республики и отделение их от России, признание их независимости или присоединение их к какому-либо другому государству является нарушением суверенных прав Российской Социалистической Федеративной Советской Республики». Москва заявила, что «отказ устанавливать с Российской Республикой государственную границу в этих областях лишают Россию возможности выполнить принятое ею на себя по Брестскому договору обязательство заключения мирного договора с Украиной»[1150].

То есть Россия так и не признала ни северную, ни восточную, ни южную границу гетманской Украины, продолжая настаивать на спорности ее притязаний, касающихся земель, которые составляли Донецко-Криворожскую республику.

Интересно, что обе стороны — и Киев, и Москва — в переговорах использовали в качестве аргумента желание того или иного населенного пункта присоединиться к Украине или России соответственно. Дорошенко вспоминал: «Раковский похвалялся, что имеет сотни сельских «приговоров» (резолюций) из прифронтовых местностей о желании остаться под Россией. Однажды похвастался даже письмом из села Баламутовка Сквирского уезда на Киевщине, где баламутовчане заявили, что они хотят принадлежать «Рассее», потому что недовольны украинским правительством». В ответ украинская делегация заявляла, что «в Киев ежедневно приезжают делегации из-под Курска и Воронежа, из местностей, где живет смешанное население, и умоляют оставить их под Украиной»[1151].

И действительно, многие современные историки Украины ссылаются на якобы имевшее место быть желание различных населенных пунктов и уездов России присоединиться к УНР или Украинской державе Скоропадского. Правда, вы вряд ли встретите в современной литературе обоснования, которыми были сопровождены подобные просьбы в 1918 году. И неудивительно: если обратиться к документам того периода, то откроется, что отнюдь не желание жить в независимой Украине и украинское самосознание толкали жителей расположенных недалеко от УНР российских уездов на этот шаг, а желание жить под... немцами, которые, по мнению некоторых жителей России, уставших от революций и войн, несли «порядок»! Например, 29 апреля 1918 г. делегация Корочанского уезда Курской губернии обратилась с просьбой о его присоединении к Украине. Причем обратилась не к Центральной Раде, а именно к немецкому командованию, фактически заявляя: «Придите и

правьте нами». Германцы развели руками и ответили, что Короча не входит в зону немецкой оккупации, но «смилостивились» и выдали делегации для защиты от большевиков до сотни винтовок. Современник, описывающий этот эпизод, поясняет: «Между прочим, Корочанский уезд — почти сплошь настоящие кацапы»[1152].

Однако были и другие случаи. Когда в сентябре 1918 г. в Орловской губернии кто-то запустил слух, что какие-то ее уезды собираются присоединять к Украине, повсеместно начались стихийные сходы, которые стали выносить резолюции «Не хотим в Скоропадию!»[1153]

В конечном итоге, бесплодные споры Шелухина и Раковского закончились скандалом. Украинские власти, поняв наконец, что все эти месяцы у них под носом советские «дипломаты» занимались отнюдь не дипломатической работой, забыли об их дипломатическом статусе и начали обыски. Раковский, несмотря на его статус, в октябре 1918 г. был задержан в поезде на пути из Киева в Москву и обыскан. Освобожден он был в Бахмаче только после вмешательства немецких властей, ранее гарантировавших неприкосновенность советской миссии в Киеве. Затем поезд с уезжавшей миссией был задержан в Харькове, где начальник охраны станции заявил, что «председателя российской мирной делегации не следует выпускать живым с Украины». Налетам подверглись российские миссии в Харькове, Бахмаче, Киеве, консульство в Одессе. К 13 октября среди арестованных сотрудников этих миссий числилось до 70 человек, а 13-го были арестованы еще 53 человека (можно себе представить, сколько всего людей под видом «дипломатов» Москва отправила как бы на переговоры с Шелухиным).[1154] Практически все арестованные были освобождены по приказу немецких властей — настоящих властей оккупированной Украины.

Но и на этом работа «дипломатической миссии» формально не прекратилась. В 20-е числа октября, по сообщению газеты «Беднота», некая группа белогвардейских добровольцев, активно вербовавшихся тогда в Киеве, совершила налет на гостиницу «Марсель», где по-прежнему проживали советские представители из Москвы. Белые якобы пытались обстрелять отель «пулеметным огнем, а председателя российской делегации, секретаря и генерального консула увезти за город и расстрелять». И снова-таки членов делегации защитил немецкий патруль, имевший власти гораздо больше, чем весь гетманский кабинет министров вместе взятый.[1155]

Последнее обстоятельство прекрасно понимали в России. Потому вопросы принадлежности земель, входивших в ДКР, а особенно угольного Донбасса, старались решать с немцами напрямую. Пока Киев торговался с Москвой и Доном по поводу границ, советская Россия и страны Тройственного союза 27 августа 1918 г. в Берлине заключили Добавочный договор к Брестскому миру. Согласно этому документу, Германия обязывалась до 7 ноября вывести свои войска с территорий царской России, входивших в Область Войска Донского. Кроме того, Россия и Германия (без всякого участия Киева!) договаривались о совместной эксплуатации Донецкого бассейна, занятого немцами. Согласно Добавочному договору, немцы соглашались на то, что Россия получает донецкий уголь в обмен на поставки в Германию бакинской нефти и бензина. Мнение Скоропадского по этому поводу, судя по всему, мало кого интересовало.[1156]

2 сентября нарком иностранных дел советской России г-н Чичерин отчитывался по этому поводу перед ВЦИК и заявил, что необходимость заключения Добавочного договора была вызвана не в последнюю очередь неопределенностью границ Украины[1157].

Мало того, Москва и Берлин торговались о возможности беспрепятственного получения Россией железной руды из Кривого Рога — «по меньшей мере половины всего производства», а также о «присоединении района Юзовки, Русско-Бельгийских и Донецко-Юрьевских каменноугольных копей к России». Даже не дожидаясь разрешения этих споров, Ленин уже предлагал Соединенным Штатам Америки обсудить возможность создания совместных российско-американских проектов по «развитию водных путей Донецкого бассейна» и финансированию тамошней угольной промышленности. Данные обстоятельства лишний раз подчеркивают тот факт, что Россия, официально признав Украинскую Народную Республику, а затем и гетманскую Украину, никогда в период германской оккупации 1918 года не признавала присоединение Донецкой республики или, как минимум, Донбасса к Украине.[1158]

Потеря Донецкого бассейна представлялась в России временной. Один из советских лидеров Карл Радек (кстати, уроженец Лемберга — ныне Львов), докладывая в Москве об экономических последствиях Брестского мира, говорил об утрате Россией Польши, Литвы, Прибалтики, Украины и при этом подчеркивал временный характер утраты Донецкого бассейна.[1159]

Да и представители украинской власти не спорили с тем, что вопрос принадлежности и эксплуатации Донбасса оставался

спорным и во время, и после немецкой оккупации. Бывший товарищ министра торговли и промышленности Украины Владимир Тимошенко даже по состоянию на 1919 год признавал: «Вопрос Донецкого бассейна не разрешен. Этнографическая граница Украины и России проходит через эти угольные залежи. Украина и Россия могли бы легко, ради их жизненных интересов, достичь некоего понимания и договориться о границах»[1160].

Конечно, такая неожиданно возникшая «покладистость» бывшего урядника Центральной Рады объясняется тем, что слова эти писались в момент, когда за Донецкий бассейн боролся кто угодно (большевики, деникинцы, махновцы), но только не Украина. В связи с революцией в Германии и ее капитуляцией в Первой мировой войне 13 ноября 1918 года советский ВЦИК за подписью Ленина и Свердлова торжественно провозгласил: «Условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор... в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными».

В данном постановлении ВЦИК речь шла об Украине, Крыме и ряде других регионов, «освобождаемых от гнета грабительского договора», но уже не упоминалась Донецкая республика. Было сказано лишь: «Все оккупированные области России будут очищены. Право на самоопределение в полной мере будет признано за трудящимися нациями всех народов»[1161].

После этого большевики начали стремительное занятие территорий, оккупированных немцами. И в который раз выяснилось, что «многотысячные» армии самостийной Украины были не более чем мифом.

«ПРОСИТЬ т. СТАЛИНА... ПРОВЕСТИ УНИЧТОЖЕНИЕ КРИВДОНБАССА»

Да, пока Чичерин и Раковский публично доказывали, что Украина не вправе претендовать на земли, входившие в состав Донецкой республики, и особенно на Донбасс, в Кремле постепенно Украиной стали называть всю территорию, оккупированную австро-германскими войсками. Для ее освобождения готовили военные и идеологические кадры, создавали Компартию

Украины и ее советское правительство в изгнании. Правда, и на данном этапе споры о том, считать ли Донецко-Криворожский бассейн составной частью будущей большевистской Украины или нет, продолжались.

По состоянию на начало июня 1918 г., когда Артем и ряд его коллег по правительству ДКР еще были в районе Царицына, представители областного комитета Донецко-Криворожского бассейна и Екатеринославского партийного комитета, оказавшиеся в России, начали самостоятельно, без киевских коллег, образовывать в Москве «группу для ведения партийной работы в Донецком бассейне и Криворожье». С этой группой, а также с одесситами, категорически отказывавшимися признавать себя частью будущей украинской Компартии, вновь начал борьбу неутомимый Скрыпник, возглавивший Организационное бюро по созыву конференции большевистских организаций оккупированной Украины.[1162]

3 июня Оргбюро Скрыпника констатировало отсутствие у представителей большевиков Донецкой республики желания сотрудничать с украинцами и постановило: «Вновь предложить товарищам из партийного областного комитета Донецкого бассейна и Криворожья, живущим вне пределов Украины, послать своих представителей в Организационное бюро одного-двух — сколько они могут дать — для работы в Организационном бюро». Такое же предложение повторно было послано одесситам. Тем же постановлением решено было нажаловаться на коллег в Центральный комитет РКП(б): «Обратиться в ЦК партии с тем, чтобы он принял со своей стороны меры для устранения возникающей, благодаря образованию в Москве все новых групп, ставящих себе параллельные задачи, несогласованности работы по содействию из России партийной работе на Украине» (так в тексте).[1163]

Видимо, эти жалобы подействовали, так как в промежутке с 3 по 8 июня Скрыпник и Затонский провели в Москве встречу с представителями Донецкой республики Межлауком и Шварцем. После тяжелой дискуссии (видимо, не без нажима Центра) большевики ДКР согласились на создание «за пределами Украины лишь одного партийного центра», при этом оговорив себе право «допустимости образования за пределами Украины особых центров для отдельных областей Украины». На этом совещании Шварц попытался оспорить и необходимость создания Компартии Украины, однако, по словам Скрыпника, его переубедили.[1164]

Какими методами «убеждали» непокорных представителей ДКР, сам Скрыпник признался на очередном заседании Оргбюро: «Авторитет Организационного бюро недостаточен для многих товарищей из отдельных местностей Украины, и Организационному бюро пришлось уже прибегнуть к авторитету ЦК, чтобы ликвидировать попытки создания обособленных центров... для отдельных областей Украины»[1165]. «Авторитет ЦК» на данном совещании представлял сам глава ВЦИК Яков Свердлов. В который раз именно Москва обязывала представителей Донецко-Криворожского бассейна наступить на горло собственной песне и «ради интересов общего дела» влиться в состав советской Украины.

Причем некоторые из членов Оргбюро (в частности, Андрей Бубнов, который с июля станет главой украинского Центрального ревкома) усмотрели в попытках Скрыпника привлечь дончан и одесситов к процессу формирования компартии Украины исключительно подковерные партийные интриги — мол, таким образом глава Оргбюро хотел опереться на них, «правых большевиков», «против левых коммунистов и тех центровиков, которые идут против линии Скрыпника»[1166].

Как бы то ни было, но представители ДКР и Одессы, согласившись создавать «один партийный центр» для организации будущего восстания на территориях, оккупированных немцами, и делегировав своих представителей в Оргбюро Скрыпника, выговорили себе фактически автономный статус.[1167] 8 июня дончане и одесситы были включены в состав украинского Организационного бюро.

При этом Межлаук и Шварц от имени Донецко-Криворожского областного комитета большевиков — того самого, который, по словам некоторых современных украинских исследователей «исчез» в апреле-мае 1918 года, — обратились с письмом в ЦК РКП(б), в котором подчеркнули, что украинская Компартия создается исключительно «в дипломатических целях», «для сложения ответственности с Российской Коммунистической партии за действия ее украинских членов». То есть представители оккупированных Донецкой и Одесской республик по требованию Свердлова и Скрыпника согласились на то, что вся подпольная работа в оккупированных немцами областях должна вестись под единым брендом «Коммунистическая партия Украины». Но своим письмом лидеры ДКР подчеркивали, что по-прежнему намерены обращаться за директивами не к Скрыпнику, а непосредственно в ЦК РКП(б). На этом письме даже имеется резолюция Свердлова:

«Поручить товарищу Ленину совместно с Шварцем и Скрыпником подготовить резолюцию»[1168]. Вот на каком уровне решался вопрос о «дипломатическом» вливании Донецко-Криворожских большевиков в украинскую партию.

Но далеко не все представители ДКР, в это время обитавшие в Москве, согласились с подобными решениями. 30 июня в «Правде» Я. Яковлев-Эпштейн выступил с большой статьей,

Шварц Исаак Израилевич (партийная кличка — Семен)

Родился 6 (18) января 1879 г. в Николаеве в рабочей семье. Профессиональный революционер, подпольщик, чекист. Большевик с 1899 г.

Среди большевистских деятелей ДКР Шварц имел самый большой партийный и подпольный стаж, а потому пользовался значительным авторитетом, часто выполнял функции связного с Лениным. В. Затонский писал о нем: «Старые большевики знают, что В. И. Ленин очень уважал И. Шварца... Мы говорили между собой о том, что Семен держит ЦК РКП(б) в курсе всех дел».

С 13-летнего возраста — рабочий-литейщик на артурном заводе в Николаеве. Несколько раз был арестовыван и сослан в Якутию, откуда бежал в Швейцарию. Окончил партийную школу в Лонжюмо, где готовили профессиональных подпольщиков. В 1905 г. воссоздавал партийную организацию Екатеринослава, в 1906 г. — Урала. В общей сложности арестовывался 7 раз и совершил 6 побегов. По Уральскому процессу его защитником был лично А. Керенский, будущий глава Временного правительства. Был личным другом Серго Орджоникидзе.

С марта 1917 г. — член бюро Донецко-Криворожского обкома РСДРП(б), финансист газеты «Пролетарий», участник совещания, наметившего создание ДКР (хотя во властные структуры республики не вошел). Во время Гражданской войны — один из руководителей антигерманского подполья. Один из создателей Компартии Украины.

В 1919 г. — первый глава Всеукраинской ЧК (до сих пор Служба безопасности Украины считает Шварца одним из своих официальных создателей). В 1921—1930 гг. — глава ЦК Союза горнорабочих, член ЦК РКП(б). В 1930-е годы — один из руководителей ВЦСПС и ВСНХ СССР, председатель «Союзугля». Делегат восьми всесоюзных съездов партии.

С 1946 г. — персональный пенсионер.

Умер 26 октября 1951 г. в Москве.

в которой он резко критиковал решения тех совещаний, собранных «главным образом из членов ЦИК Украины... и «эмигрировавших» партийных работников Украины». Он заявил, что постановления этих совещаний «не носят окончательного характера и не являются обязательными». Яковлев выступил вообще с критикой идеи создания отдельной Компартии Украи-

Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич

Родился 9 (21) июня 1896 г. в Гродно в семье учителя. Революционер, подпольщик, один из руководителей советской коллективизации. Большевик с 1913 г.

Еще один деятель ДКР, который достиг значительных высот в СССР, был сталинским наркомом, а затем — ключевой фигурой в «теории заговора» против Сталина.

Окончил Белостокское реальное училище (там стал близким другом будущего известного писателя Михаила Кольцова) и 4 курса Петроградского политехнического института. С 13 лет начал зарабатывать частными уроками.

Участник Февральской революции в Петрограде, был арестован на несколько дней. В марте 1917 г. командирован партией в Екатеринослав. Был одним из тех большевиков, которые настаивали на том, чтобы центр ДКР находился именно в Екатеринославе, а не в Харькове. Действовал довольно автономно от Совнаркома Донецкой республики. В марте 1918 г. эвакуировался вместе со Скрыпником в Таганрог. При формировании КПУ выступил против Скрыпника и «национал-коммунистов». В конце 1918 г. руководил харьковским подпольем. Под руководством Яковлева еще до подхода советских войск Харьков в январе 1919 г. был занят большевиками.

В 1919—1920 гг. был председателем Екатеринославского, Киевского и Харьковского губкомов Компартии. Один из создателей советского агитпропа. В 1920-е гг. — редактор газет «Крестьянская правда» и «Беднота», завотделом печати ЦК ВКП(б). С 1929-го по 1934 год — первый нарком земледелия СССР, член ЦК ВКП(б), один из идеологов коллективизации и раскулачивания. В 1937 г. — и. о. первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии.

В октябре 1937 г. арестован как руководитель «фашистско-шпионской троцкистской организации», дал показания против многих бывших деятелей ДКР — Попова, Варейкиса, Рухимовича и др. Заявил, что на протяжении многих лет был связан с немецкой разведкой. Расстрелян 29 июля 1938 г. Через месяц расстреляна его жена — директор «Мосфильма» Софья Соколовская. Реабилитирован в 1957 году.

ны, написав: «Загипнотизированные «успехами» националистической идеологии, некоторые товарищи не могут рассмотреть, а следовательно, и не умеют использовать несомненно существовавшее и существующее в самых широких массах Украины отвращение к отделению Украины от России, тяготение к соединению с Советской Россией, ненависть к оккупантам, объяснимая тем основным фактом, что Украина была и остается экономически частью России. Это тяготение к России достаточно ярко проявилось на целом ряде крестьянских съездов, особенно Донецкого бассейна и южной части нынешней Украины, несмотря на отсутствие у нашей партии на Украине выдержанной линии, несмотря на почти полное отсутствие проповеди добровольного соединения наций и вреда «отделения». Нечего и говорить о тяготении всего рабочего класса Украины к Советской России»[1169].

Итогом работы скрыпниковского Оргбюро стало проведение I съезда Коммунистической партии (большевиков) Украины, который состоялся 5—12 июля 1918 года в Москве. Первоначально съезд планировали собрать 1 июля, но в итоге он был перенесен на 5 июля из-за неприбытия делегатов от Киева и все того же Харькова. При этом 2 июля, когда прибывшие делегаты съезда вновь схлестнулись из-за названия будущего съезда и организации, собравшиеся констатировали: «Многие области, как Донецкая Республика, не представлены своими лучшими силами, часть которых находится за границей Украины». Что лишний раз доказывает: как бы Скрыпник ни хотел забыть о существовании ДКР, но и в июле 1918 г. с этой республикой вынуждены были считаться при организационном оформлении Компартии Украины.[1170]

На самом съезде «доклады с мест» делались от разных губерний, включая Екатеринославскую. Но доклады о ситуации в Донбассе или Харькове не звучали. Это дает основания полагать, что представители столицы Донецкой республики все-таки предпочли игнорировать собрание или же не участвовать в нем слишком активно.[1171]

Тем не менее съезд в ходе бурных дискуссий (32 голоса «за» при 12 «против») принял резолюцию «По организационному вопросу», которой рекомендовал создать 4 областных комитета КПУ — Одесский, Харьковский, Киевский и Екатеринославский. Все иные структуры, включая Донецко-Криворожский областной комитет РКП(б), по идее Скрыпника, должны были быть распущены, поскольку резолюция довольно однозначно гласила:

«Отдельные областные бюро, организовавшиеся в России для работы на Украине, и партийные комитеты отдельных областей, действующие вне пределов Украины, распускаются, и все дела их передаются ЦК КПУ; все их работники поступают в распоряжение ЦК КПУ для посылки на партийную работу на Украине или для работы в Заграничном бюро КПУ. Областные партийные комитеты никаких заграничных представительств или бюро или вообще каких-либо агентов в России не имеют и сносятся с ЦК РКП и с советскими властями в России через ЦК КПУ и через Заграничное бюро КПУ»[1172].

Так была создана Компартия Украины, которая, судя по этому решению, пыталась не просто запретить самостоятельный Донецко-Криворожский большевистский комитет, но и раздробить его — на Харьковский и Екатеринославский. Правда, не все в этом смысле у Скрыпника сразу получилось. До 25 июля все-таки состоялось заседание областного бюро именно Донецко-Криворожского бассейна, которое было созвано от партийных организаций всей Донецкой республики («губернии Харьковская, Екатеринославская и часть Области Войска Донского»). По сообщению журнала «Коммунист», «бюро сконструировалось и разбило область на 2 основных района и ряд подрайонов, по которым и распределило имеющихся налицо партийных работников и членов областного бюро». На работу Донецко-Криворожской организации была отпущена «существенная денежная субсидия»[1173].

Уже в начале августа 1918 года в Харькове появились листовки в поддержку забастовавших железнодорожников, подписанные Донецко-Криворожским областным комитетом Компартии (большевиков) Украины. При этом она, несмотря на «дипломатическое» стремление вывести из-под удара Российскую Компартию, содержала клич «Да здравствует РКП!»[1174]

В октябре Донецко-Криворожский обком также выпустил воззвание в честь годовщины революции. В нем содержался призыв к скорейшему объединению оккупированных немцами территорий с Россией и восстановление советской власти.[1175] Эти листовки вновь опровергают слова Скрыпника о том, что якобы Донецко-Криворожский обком большевистской партии прекратил свою деятельность чуть ли не сразу после эвакуации.

Как уже говорилось выше, Артем прибыл из Царицына в Москву в последних числах августа и вновь активно включился в работу партийных структур и Донецко-Криворожского комитета. Несмотря на это он, как обычно, проигнорировал работу

II съезда КП(б)У, который состоялся в Москве 17—22 октября. Но на этот раз руководство украинских коммунистов позаботилось, чтобы Донкривбасс хотя бы формально был представлен на съезде — выступал некий «тов. Николай» (в связи с тем, что делегаты представляли подпольные организации оккупированных территорий, фамилии многих из них не оглашали), который проявил свою неполную осведомленность о состоянии дел в Харькове. К примеру, он сообщил, что харьковские коммунисты начали издавать газету «Дон.-Кривбасс», хотя никогда газет с таким названием никто не выпускал.[1176]

II съезд продемонстрировал, что «самостийнический уклон» в КП(б)У был уже преодолен. Основной пункт резолюции съезда гласил: «Общей задачей... является объединение Советской Украины с Советской Россией, которое одно только в состоянии обеспечить украинским трудящимся массам полную свободу национального и культурного развития». Скрыпник к тому времени был фактически оттеснен от руководства партией и направлен в ВЧК. В ЦК КП(б)У в октябре 1918 г. заседал уже целый ряд представителей Донецкой республики — Квиринг, Шварц, Грузман. К ним же присоединился прибывший с фронта Сталин. Артема также выдвинули в состав Заграничного бюро ЦК, но ввиду его отсутствия постановили пока включить туда Грузмана.[1177]

Правда, основные решения, касающиеся организации подпольного сопротивления в Украине и в Донецкой республике, а также подготовки вооруженного наступления, принимались тогда Центральным военно-революционным комитетом (ЦВРК) Украины, который с осени 1918 года возглавил сам глава ДКР Артем.

28 ноября 1918 г. в Судже (Курская губерния), куда за 4 дня до этого, невзирая на демаркационную линию, вошли советские войска, было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство советской Украины во главе с г-ном Пятаковым. В состав данного органа в качестве главы военного отдела (фактически — военного министра) был включен и Артем. В тот же день он был кооптирован в состав Военного совета украинской Советской армии.[1178] Этим фактически началась операция по освобождению территорий Донецкой республики и Украины.

Вхождение деятелей ДКР (включая Артема, Межлаука и др.) в правительственные структуры советской Украины означало, что те, кого согласно современной терминологии окрестили бы

«политическими элитами» края, после длительного давления сверху фактически согласились считать Донецко-Криворожский бассейн частью советской Украины. Но это согласие, как мы видели выше, было обставлено рядом условий, включая непременную автономию донецко-криворожского руководства в решении региональных проблем. И как мы увидим ниже, данная мера считалась Артемом и компанией временной, вынужденной на период боевых действий по освобождению родных земель от немцев и от петлюровской Украины.

Уже 7 декабря командующий группы советских войск на Курском направлении Антонов-Овсеенко рапортовал главкому Вацетису о том, что в Харькове после всеобщей забастовки рабочих восстановлен местный Совет. При этом, судя по его сообщению, большевики фактически вступили в союз с деморализованными германцами: «Петлюровцы немцами прогнаны. С немцами мы успешно договариваемся». Антонов представил план по освобождению Харькова.[1179]

Главной ударной силой Антонова должны были быть подразделения, сформированные в основном в Донецкой республике и сосредоточенные после ее эвакуации в районе демаркационной линии. Антонов рапортовал, что в его распоряжении до 6 тысяч штыков, 500 сабель и 7 орудий, поясняя: «Они все из Харьковщины. Только к Харькову они пойдут охотно». Кроме того, в ударную группу был включен отряд наркома Донецкой республики И. Кожевникова.[1180] Эти отряды, а позже и вооруженные шахтерские отряды ДКР с востока (Сталин называл их «лучшей частью армии»[1181]), стали той силой, которая в основном и освобождала свои родные земли от немецкой оккупации.

Наступление большевиков началось в условиях, благоприятных для них. Немцы были озабочены лишь скорейшим возвращением домой и легко входили в контакт с большевиками. Немало способствовали возвращению красных и представители украинской власти, восстанавливавшие против себя местное население. Особенно постарался вернувшийся в Харьков полковник Болбочан. По словам Винниченко, он, будучи «политически безграмотным», расстрелял целый ряд меньшевиков за попытку провести несанкционированный рабочий съезд. «Разумеется, — пишет Винниченко, — это была наилучшая пропаганда против Директории. Сразу все рабочие Харьковщины, Екатеринославщины, Донецкого района и даже Херсонщины... получили впечатление и убеждение, что власть Директории является такой же, как и гетманская». «Расстрелы рабочих и

крестьянских съездов, расстрелы и порки розгами рабочих и крестьян» — все это, по мнению Винниченко, «агитировало против Директории весь Левый берег, рабочих и крестьян, без разницы в национальности»[1182].

12 декабря Донецко-Криворожский обком коммунистов распространил инструкцию с предложением на местах в оккупированных немцами территориях края воссоздавать Советы и фабричные комитеты. Во всех городах началось брожение и митинги против петлюровской Директории. 17 декабря в Харькове состоялся митинг крестьян, которых пытались мобилизовать в украинскую армию. К ним присоединился и украинский батальон, находившийся в Харькове.[1183]

Как это ни парадоксально, но подготовка к большевистскому наступлению на Харьков для освобождения его от немцев велась в тесном контакте с... немцами. Состояние германских войск после капитуляции Берлина уже можно было сравнить с разложением российской армии начала 1917 года, в немецких частях начали править Советы (недаром пропагандисты Донецкой республики долго готовили листовки на немецком языке), в Харькове и ряде городов Донбасса были даже зафиксированы случаи, когда немецкие солдаты участвовали в митингах совместно с рабочими. Ближе к концу декабря представители Временного правительства советской Украины подписали договор с Советом солдатских депутатов 1-го армейского корпуса германской армии в Харькове (мог ли предполагать холеный генерал Клаузиус, вступая в столицу ДКР, что будет представлять собой его вышколенная армия всего-то через полгода пребывания в этой объятой анархией стране!) о порядке эвакуации немецких войск. Большевики обязались беспрепятственно пропускать германских солдат через российскую территорию на запад с оружием в руках. При этом договором предусматривалась даже возможность задержки немецких войск на некоторых территориях по обоюдному согласию.[1184]

В конце декабря Харьковский совет при полном попустительстве немцев фактически взял власть в городе в свои руки, даже не ожидая наступления советских войск из-за пределов зоны оккупации. Хваленому полковнику Болбочану нечего было противопоставить практически безоружным рабочим Харькова — настолько был низок авторитет центральной украинской власти в оккупированной Донецкой республике! Харьковцы за подписью Эпштейна и др. сообщили своим коллегам в ЦК КП(б) Украины: «1 января начинаем выступление. Сообщите ваши ресурсы

и намерения. Немцы берутся задержать украинские войска, заняв совместно с нами вокзал. Действуйте решительно, напролом. Украинские войска очень ненадежны, пред смелостью отступают. Линия Лозовая—Екатеринослав в наших руках»[1185].

В этой ситуации Временное правительство Украины и Антонов-Овсеенко приняли решение начать спешное наступление 2 января. И уже на следующий день они были в Харькове! 3 января в 15.45 Реввоенсовет армии советской Украины, в который входил и Артем, рапортовали Вацетису: «Петлюровцы очистили Харьков. Советские украинские войска вступают в город». Одновременно по тому же сценарию и вновь-таки при поддержке немцев советские армии вошли в Изюм и Чугуев.[1186]

Так «желто-блакитный» флаг гетманско-петлюровской Украины бесславно покинул Харьков и Донбасс. С тем, чтобы вторично появиться там лишь в 1941 году. По странному стечению обстоятельств — вновь вместе с немецкими оккупантами.

Артем, Межлаук, Квиринг, ряд других членов правительства и областного комитета ДКР вернулись в свою столицу. Лидеры Донецкой республики моментально развернули работу по воссозданию прежних структур власти. 4 января комендантом Харькова вновь был назначен Кин.[1187]

Параллельно Артем и его коллеги занимались работой в составе советского правительства Украины. К примеру, подпись Артема стоит под решением Временного правительства Украины, принятого 6 января в Харькове, о том, что отныне советская Украина должна именоваться УССР — Украинской Социалистической Советской Республикой.[1188]

При этом, как пишет В. Солдатенко, «Ф. Сергеев по сути не приступил к исполнению обязанностей члена правительства, не занимался организацией военно-революционных комитетов на местах, подготовкой украинских войск к активным боевым действиям... Ф. Сергеев вообще считал, что военной работой должно руководить не правительство, а военный отдел ЦК КП(б)У через местные партийные комитеты». Артем и Квиринг создали свою, донецко-криворожскую, оппозицию главе украинского правительства г. Пятакову, фактически взяв под контроль ЦК украинских коммунистов.[1189]

Пятаков в сердцах жаловался Сталину, с которым Артем по старой «царицынской» дружбе контактировал напрямую, в обход украинского ЦК: «Артем всячески препятствует работе. Видимо, неверно понимает стремление центра... Если считаете наше существование лишним, скажите, так и сделаем, но допустить,

чтобы Артем делал по-своему, опираясь на авторитет центра, не можем»[1190].

Артем же, несмотря на всевозможные жалобы и кляузы, целенаправленно работал по восстановлению органов Донецкой республики. В первые же дни его пребывания в Харькове в январе 1919 года Артем собрал вокруг себя весь костяк руководства ДКР — Межлаука, Ворошилова, Магидова, Рухимовича и др. 11 января Троцкий, жалуясь Ленину на Рухимовича, которого он не любил со времен Царицына, писал о «царицынской группировке», собравшейся в Харькове: «Рухимович не один, они цепко держатся друг за друга». Троцкий выступал за то, чтобы командующим армии назначить Артема, лишь бы не Ворошилова или Рухимовича («Рухимович — это псевдоним Ворошилова», — писал он).[1191]

8 января Артем добился отстранения Антонова-Овсеенко с поста главкома группы войск и назначения на эту должность военного министра ДКР Рухимовича (причем Антонов уверяет, что харьковцы отстраняли его за «украинский сепаратизм»). Однако это решение было оспорено Троцким, Пятаковым и Затонским, а затем отменено по распоряжению Ленина.[1192]

В ответ представители ДКР Артем, Квиринг, Яковлев-Эпштейн обвинили Пятакова в склочничестве и предложили Ленину заменить его на Раковского, предупредив: «Только в этом случае кризис главы правительства не станет правительственным». К 16 января 1919 г. правительство советской Украины было в подавляющем большинстве представлено членами правительства ДКР: из восьми «министров» было пять донкривбассовцев — Артем, Квиринг, Магидов, Рухимович, Ворошилов. На заседании 16 января остальные трое (Пятаков, Затонский и Аверин) оказались в меньшинстве и не смогли препятствовать инициативе харьковцев по отстранению главы правительства Пятакова. Новым главой

Георгий Пятаков (автор карикатуры — В. Межлаук, подпись «Руки загребущие, глаза завидущие» сделана рукой К. Ворошилова)

Временного правительства УССР был избран сам Артем. А Реввоенсовет советской Украины вообще составили одни представители ДКР — Рухимович, Ворошилов и Межлаук.

Но в это же время в Москве, учтя предыдущую просьбу Артема и К° о замене Пятакова на Раковского, приняли решение отправить последнего в Украину в качестве руководителя украинского правительства. 22 января тот появился в Харькове, а уже 24-го на скоротечном заседании правительства был официально назначен его главой.[1193] Таким образом, Артем пробыл номинальным председателем правительства УССР восемь дней. После же появления Раковского он окончательно утерял интерес к этой институции (28 января после реорганизации правительства в Совнарком УССР ему был дан пост наркома советской пропаганды[1194]), сосредоточившись со своими харьковскими коллегами на организационной работе по воссозданию рабочих органов Донецкой республики.

Тот факт, что сам Артем и его харьковские коллеги по ДКР не «похоронили» Донецкую республику по состоянию на начало 1919 года, бесспорен. Есть немало свидетельств того, что в январе-феврале в освобожденном Харькове, в котором Артем по возвращении «нашел положение дел существенно изменившимся по сравнению с тем, каким оно было» до его отъезда, лидеры Донецкой республики занимались рутинной работой по реорганизации и возобновлению нормальной деятельности разрушенных за год оккупации органов власти ДКР. Сейчас сложно судить, в какой форме Артем и его команда видели дальнейшее функционирование своей республики — в первоначально задуманном виде субъекта общероссийской федерации с прямым подчинением столице России или же в виде автономного субъекта освобождаемой от немцев советской Украины.

Скорее всего, лидеры ДКР вынуждены были остановиться на втором варианте. Причин этому несколько. Во-первых, никто не отменял постановления ЦК РКП(б) о том, чтобы считать Донецко-Криворожский бассейн автономной частью Украины, а дисциплина внутри Компартии к тому времени значительно ужесточилась. Во-вторых, за период оккупации термин «Украина» начали использовать практически ко всей оккупированной территории, включая и Донкривбасс. В-третьих, соответствующие московские договоренности требовали от большевиков ДКР на автономных началах работать в структурах КП(б)У — хотя бы из «дипломатических соображений», хотя бы до конца войны. Именно поэтому практически все ру-

ководство Донецкой республики, прибывшее в свою столицу, оказалось в правительстве советской Украины. В-четвертых (и это немаловажный фактор), «самостийнические» тенденции внутри зарождавшейся Компартии Украины были официально преодолены, и, не без помощи лидеров ДКР, непреложным тезисом для всех стало обязательное условие — объединение Украины с Россией. Не считаться со всеми этими обстоятельствами Артем и его люди не могли.

И Артем, и Межлаук уже употребляли термин «Украина», говоря о Харькове и освобождаемых от немцев территориях, чего год назад за ними не наблюдалось. 16 февраля 1919 г. Артем от имени советского правительства Украины приветствовал в Харькове губернский съезд Советов рабочих и крестьянских депутатов, сообщив делегатам, что они собрались «теперь на освобожденной Украине». Артем подчеркнул: «Наш Центральный Комитет привел Вас к тому, что теперь здесь имеет возможность собраться настоящая власть, настоящие представители трудящихся, угнетенных и порабощенных ранее масс части Украины, Харьковской губернии»[1195]. Пожалуй, первый раз лидер ДКР публично сообщил харьковцам о своем согласии считать их губернию частью украинской советской республики.

Правда, Межлаук на том же съезде говорил об освобождении России: «Красная армия пришла в Донецкий бассейн и своим приходом принесла освобождение всей России». А Раковский довольно категорично заявил, что «Советская Россия и Советская Украина составляют единый Советский и революционный фронт (аплодисменты) и что враги Советской России являются заклятыми врагами Советской Украины (аплодисменты)»[1196].

Вообще, на этом съезде наглядно проявился комизм ситуации, связанной с преобразованием харьковцев в украинцев. Если жители губернии, не выезжавшие за ее пределы в период оккупации, за 9 месяцев пребывания в составе украинской державы уже как-то привыкли к заявлениям о принадлежности к Украине и даже слышали речи на украинском языке (хотя, как было продемонстрировано выше, даже представители центральной киевской власти зачастую с харьковцами предпочитали общаться по-русски), то многие большевики, представлявшие правительство УССР, к подобным вещам только начинали привыкать и явно чувствовали себя не в своей тарелке.

К примеру, 19 февраля председательствовавший на съезде П. Кин предоставил слово некоему представителю Всеукраин-

ского съезда искусств, который чуть ли единственный в ходе нескольких дней заседаний выступал на украинском языке. Он призвал увековечить память Тараса Шевченко и «не отдать его буржуям». «Пусть Шевченко будет Вашим поэтом — память Шевченко для нас свята, — провозгласил оратор. — ...Никто не смеет посягнуть на Украинскую мову. Революционный народ скажет «зась, наша мова — Украинская мова» — и никто теперь не может закрыть нам рта. Я предлагаю Вам почтить память Шевченко и пропеть "Заповит"». Это предложение явно ошеломило Кина, который начал было произносить: «Товарищи, я извиняюсь, хотя я уроженец Украины, но я не понимаю по-украински...» Его перебил оратор: «Украинский гимн можно пропеть?» Кину пришлось пресекать поползновения любителя «Заповита»: «В конце заседания будут петь «Интернационал», тогда пропоем и гимн. А сейчас не нужно затягивать заседание»[1197].

Губернский съезд Советов завершился 19 февраля, а на 20-е было намечено другое мероприятие, на которое значительное число делегатов этого съезда собиралось остаться, — областная партийная конференция большевиков Донецко-Криворожского бассейна. Именно к ней и готовились усиленным образом Артем и его харьковские коллеги, приложившие немало предварительных усилий для организации этого мероприятия на должном уровне. Еще 17 января на станции Яма был создан Центральный ревком Донецкого бассейна. 5 февраля не без участия Артема Совнарком УССР издал декрет «О Донецкой губернии», согласовав его с ВЦИК и Совнаркомом РСФСР. В связи с военными обстоятельствами и неподконтрольностью значительной части края Советам декрет носил временный характер и четко не оговаривал границы будущей области, на данном этапе объединив лишь два уезда. Декрет гласил: «Ввиду особого значения Донбасса создается административная единица из Бахмутского и Славяносербского уездов Екатеринославской губернии, которой присваивается название Донецкой губернии». Было принято решение начать подготовку выборов делегатов на губернский съезд Советов в землях, освобождаемых от немцев и казаков.[1198]

Через несколько дней, 10 февраля, был сформирован Донецкий губернский исполком Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов. Об участии в формировании этой структуры Артема свидетельствует тот факт, что вскоре его жена, Елизавета Репельская, была включена в руководящие ор-

ганы исполкома. То есть подготовка к партийной конференции Донецко-Криворожской области 20 февраля и последующему областному (или губернскому) съезду Советов была серьезной и целенаправленной.

Никто сейчас достоверно не может утверждать, что именно готовили объявить на мероприятии 20 февраля 1919 г. лидеры пока еще никем официально не распущенной Донецкой республики. Возможно, речь шла о формальном объявлении автономии партийной организации ДКР внутри КПУ, возможно — о возобновлении работы всех органов власти ДКР. Но в любом случае, подготовка областной конференции значительно встревожила сторонников идеи вливания Донецкой республики в советскую Украину. Потому что в Москву вновь полетели доносы на Артема и его коллег.

На этот раз, в отличие от ситуации января 1918 года, реакция центральных властей большевистской России последовала незамедлительно. 17 февраля Совет обороны РСФСР под председательством Ленина принял лаконичное постановление о судьбе Донецкой республики: «Просить т. Сталина через Бюро ЦК провести уничтожение Кривдонбасса»[1199]. Сталин, как известно, никогда не испытывал восторга относительно идеи существования ДКР, заявляя: «Никакого Донкривбасса не будет и не должно быть, пора бы бросить заниматься глупостями»[1200]. Потому он быстро и жестко, в своем стиле, исполнил данное поручение — мероприятие, затеянное Артемом и Межлауком, в означенное время не состоялось.

Собственно, данное решение можно расценивать как точку в истории Донецко-Криворожской республики. Различные версии советских и украинских историков о том, что история ДКР завершилась либо в апреле, либо в мае 1918 года, легко разбиваются этим постановлением: если Донецкая республика была официально ликвидирована на II Всеукраинском съезде Советов либо же в момент ухода Совнаркома ДКР за ее пределы, либо же в какую-то иную дату 1918 г., то что же тогда ликвидировал Сталин в феврале 1919-го?

При этом стоит особо отметить, что никто официально ликвидацию ДКР не провозглашал. Созданная в январе 1918 года, она, в отличие от ЦИК Украины, никогда так и не была распущена. И это давало основания сторонникам идеи ее существования добиваться возрождения административно-территориального обособления территорий, входивших в состав Донецкой республики. Попытки эти продолжались еще неоднократно и пос-

ле означенного решения ленинско-сталинского Совета обороны. Однако, по словам О. Поплавского, попытки эти «жестоко душились».[1201]

Несмотря на то, что позиция Москвы относительно идеи существования ДКР была проявлена однозначно, Артем и его коллеги продолжили работу в этом направлении. 23 марта 1919 г. они провели в Славянске Донецкий губернский съезд Советов, который вновь поставил вопрос об «экономическом единстве региона». Резолюция съезда гласила: «Донецкий бассейн, который является сложным, грандиозным производственным механизмом, распыленный по разным губерниям, ...должен быть выделен и объявлен в тех геологических пределах, который формируют его производственное единство»[1202]. При этом вопрос границ Украины и создававшейся Донецкой губернии оставался открытым. Оргбюро ЦК РКП(б) рассматривало вопросы «об административном делении Донецкого бассейна» и о «расчленении Донской области» на заседаниях 13 марта и 4 апреля 1919 г., а 20 апреля вынуждено было особо пояснять руководству Компартии Украины, «в чьем распоряжении находится север и юг Таврической губернии».[1203]

На I Донецком губернском съезде Советов Артем был избран главой Донецкого облисполкома Советов. Он также возглавил Донецкий губернский исполком, расположившийся в Бахмуте (ныне — Артемовск) и всерьез занявшийся районированием края, исходя из экономической целесообразности. Идеи, на которых базировалась ДКР, постепенно начали вновь реализовываться.

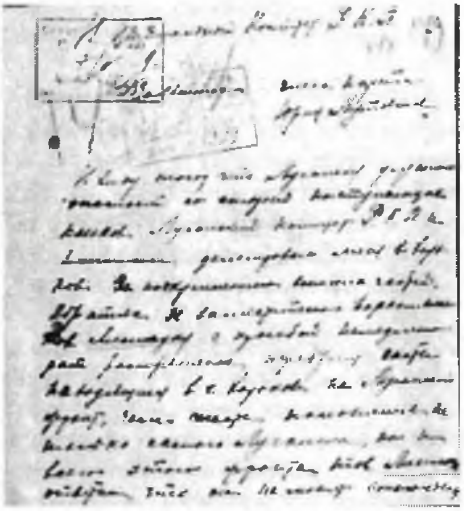
Несколько раз в течение 1919 года «призрак Донецко-Криворожской республики» пугал руководителей формировавшегося СССР. 20—23 апреля в Луганске состоялась партийная конференция Донецко-Криворожской большевистской организации. Как пишет В. Солдатенко, «уже тогда проблемы партийного строительства вошли в противоречие с тем, как разрешались вопросы государственного строительства, в частности административного устройства»[1204].

А 30 апреля 1919 г. в Харькове состоялось особое совещание, вызванное угрозой наступления Деникина в Донбассе. В совещании приняли участие многие деятели бывшей Донецкой республики — главы Донецкого и Харьковского облисполкома Артем и Феликс Кон (он уже к тому времени стал заядлым большевиком), глава Донецкого губернского совнархоза А. Каменский, нарком труда УССР Б. Магидов, заместитель

наркома военных дел В. Межлаук и др. Обвинив Пятакова и Раковского в «неуважительном отношении к обороне Донбасса», совещание решило создать бюро Совета обороны Донецкого бассейна. Как пишет Солдатенко, «в руках бюро предусматривалось сосредоточить военные, промышленные, финансовые, продовольственные и транспортные ресурсы, выделив часть этих ресурсов и управленцев из подчинения Советского правительства Украины». Авторы этого решения сослались на мнение центрального руководства РКП(б), указав в протоколе: «Неофициально это бюро находится в связи, под контролем и действует по директиве исключительно Москвы». Данное решение совещание предложило утвердить как декрет Совнаркома Украины.[1205]

Как видно из этого решения, Артем и другие деятели ДКР пытались, несмотря ни на какие запреты из Центра, под разными предлогами воссоздать самоуправление края, не подчиненного центральному руководству советской Украины.

На протяжении года в Москву сыпались жалобы различных «уполномоченных», разъезжавших по Донбассу, по поводу популярности в крае возрождения Донецко-Криворожской республики.[1206] А в мае этот вопрос вновь стал предметом разбирательств на уровне Ленина и Оргбюро ЦК РКП(б). На этот раз причиной стала кляуза Юрия Лутовинова, правой руки Ворошилова и наркома ДКР «без портфеля».

Жалоба Ю. Лутовинова на В. Межлаука

7 мая Лутовинов, ранее посланный Луганским ревкомом в Харьков, каким-то образом оказался в Москве и лично встретился с представителями центрального руководства Компартии, включая Сталина. В этот день Ленину поступила сумбурная, от руки написанная докладная Лутовинова с жалобой на Межлаука. Современные историки утверждают, что в этой записке Лутовинов,

ссылаясь на харьковское совещание от 30 апреля, «сигнализировал» Ленину о том, что в Харькове якобы зреют «сепаратистские тенденции», и напрямую указывал на желание Межлаука и других харьковских лидеров воссоздать ДКР.

На самом деле, в самой записке, которую получил Ленин, об этих тенденциях речь не шла, хотя вождь большевиков воспринял информацию луганского гостя именно в таком смысле. Лутовинов, подписавшись просто как «член партии», очень неразборчиво сообщал в ЦК: «Ввиду того, что Луганску угрожают атакой со стороны наступающих казаков, Луганский комитет Р. К. П. и Исполком делегировали меня в Харьков за подкреплением воинских частей. Обратился к заместителю наркомвоена тов. Межлауку с просьбой немедленно дать распоряжение перебросить части, находящиеся в г. Харькове, на Луганский фронт, чем спасти положение не только самого Луганска, но и всего этого фронта, тов. Межлаук ответил, что он не может этого сделать на том основании, что товарищ Подвойский отменит его распоряжение»[1207].

Как видим, в самой записке, написанной на клочке тетрадной бумаги чернильной ручкой с разводами и кляксами, нет ни слова о «сепаратистских тенденциях» и ДКР. В ней содержится лишь жалоба обиженного луганского деятеля, который посчитал, что его бюрократично отфутболили в Харькове. Однако в тот же день Ленин отреагировал более чем жестко, немедленно отправив в Харьков на имя Межлаука с копией Артему телеграмму следующего содержания: «Получил от Лутовинова еще одно подтверждение, что Вы играете в самостийность и в местные республики, отказываясь немедленно отправить в Донбасс все военные силы и всех мобилизованных рабочих Харькова... Заявляю, что Вы будете преданы партийному суду и исключению из партии, если не бросите этой игры и не отправите тотчас все военные силы Харькова и всех мобилизованных рабочих на помощь Донбассу. Отвечайте немедленно шифром исполнение, сколько и когда посылаете. Вы будете ответственным за промедление»[1208].

Чем же вызвана такая бурная реакция Ленина, который, возможно, Лутовинова в этот день даже в глаза не видел, получив лишь его записку? Интересно, что в аппарате ЦК входящий номер этой записки датируется 8 мая, то есть на следующий день после того, как ее прочел Ленин. Это значит, что лидеру РКП(б) ее занесли, минуя бюрократические процедуры, и передали лично в руки.

Протокол Оргбюро ЦК РКП(б) от 7 мая 1919 года

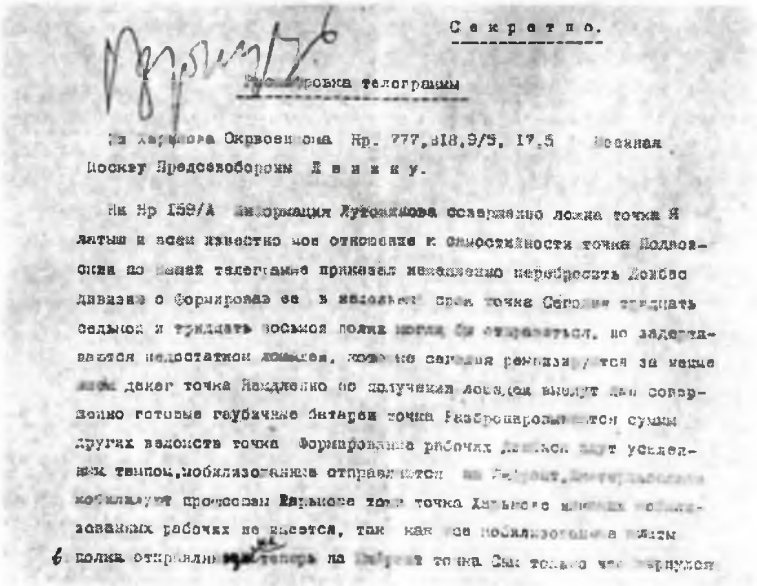
Скорее всего, человеком, который запросто мог войти к Ильичу с записками или с самим Лутовиновым, был один из членов Оргбюро ЦК, заседание которого состоялось в тот же день, 7 мая. На этом заседании присутствовали Сталин, Стасова, Серебряков, Крестинский, Новгородцева, Панюшкин и... сам Лутовинов — прямо скажем, факт удивительный, поскольку далеко не каждый заезжий «член партии» мог запросто посидеть на заседании центрального органа РКП(б). Пункт 3 повестки дня Оргбюро гласил: «т. Лутовинов сообщает о сепаратистских тенденциях, существующих на Украине у киевлян и у харьковцев, о стремлении последних образовать Донецко-Криворожскую республику, о необходимости послать в Харьков авторитетного и твердого человека для наведения порядка и спасения Донбасса». В решении Оргбюро значилось лаконичное: «Принято к сведению».[1209]

Вот где Лутовинов донес на своих соратников по Совнаркому ДКР по поводу их планов воссоздать Донецкую республику! Ленина на этом совещании не было, соответственно, вел его Сталин. Видимо, Сталин и передал на словах смысл обвинений Лутовинова, сорвавшего намерения своих коллег.

Реакция Ленина, как мы видим, была мгновенной. Хотя обвинения вождя оказались полной неожиданностью для Межлаука. Тот 10 мая 1919 г. ответил Ленину секретной телеграммой, из которой следовало, что он совершенно не понял приклеенного ему ярлыка «самостийника». Поскольку данный термин употреблялся исключительно по отношению к украинским самостийникам, Межлаука подобные обвинения явно покоробили. Он писал Ленину: «Информация Лутовинова совершенно ложна. Я латыш и всем известно мое отношение к

самостийности. Подвойский по Вашей телеграмме приказал немедленно перебросить в Донбасс дивизию, сформировав ее в недельный срок. Сегодня 37-й и 38-й полки могли бы отправиться, но задерживаются [*в связи с. — Авт.*] недостатком лошадей, которые сегодня реквизируются за неимением денег. Немедленно по получении лошадей выедут две совершенно готовые гаубичные батареи. Разбронировываются суммы других ведомств. Формирование рабочих Донбасса идет усиленным темпом, мобилизованные отправляются на Южфронт, в Екатеринославе мобилизуют профсоюзы, в Харькове тоже. В Харькове никаких мобилизованных рабочих не имеется, так как все мобилизованные влиты в полки, отправляющие их теперь на Южфронт. Сам только что вернулся с фронта и немедленно по прибытии Троцкого выеду опять. Снабжение мною отправляется на Южфронт в мере возможности для мобилизуемых, нет вооружения и снабжения. О всем последующем Вам донесу. Наисрочнейшим образом вышлите денежных знаков для Харьковского Окрвоенкома. Подпись — ЗамНаркомвоен Межлаук»[1210].

Трудно сказать, имели ли под собой основания обвинения неистового Лутовинова (настолько неистового, что спустя 5 лет он

Секретно.

Расшифровка телеграммы

Из Харькова Окрвоенкома Нр. 777,318,9/5, 17,5 Посланная Москву Предсовоборони Л е н и н у.

На Нр 159/А Информация Лутовинова совершенно ложна точка Я литы и всем известно мое отношение к самостийности точка Подвойского по моей телеграмме приказал немедленно перебросить Донбасс дивизию с формировкой ее в недельный срок точка Сегодня тридцать седьмой и тридцать восьмой полки могли бы отправиться, но задерживаются недостатком лошадей, которые сегодня реквизируются за неимением денег точка Немедленно по получении лошадей выедут две совершенно готовые гаубичные батареи точка Разбронировываются суммы других ведомств точка Формирование рабочих Донбасса идет усиленным темпом, мобилизованные отправляются на Южфронт, в Екатеринославе мобилизуют профсоюзы, в Харькове тоже точка В Харькове никаких мобилизованных рабочих не имеется, так как все мобилизованные влиты в полки, отправляющие их теперь на Южфронт точка Сам только что вернулся

Телеграмма В. Межлаука Ленину от 10 мая 1919 года

пустил себе пулю в лоб в знак протеста против бюрократизации партии). Скорее всего, с ним действительно контактировали по поводу дальнейших планов о воссоздании ДКР — в конце концов, в последнем составе правительства ДКР он был не последним наркомом. Будучи на протяжении нескольких лет правой рукой Ворошилова, Лутовинов не мог не общаться во время своей поездки в Харьков со своим соратником и не обсудить с тем свои обиды на Межлаука или на кого бы то ни было еще.

В любом случае, предупреждение Ленина о партийном суде не могло не подействовать на лидеров ДКР. Они поняли, что данное предупреждение может быть последним, и больше мы не наблюдаем попыток Артема, Межлаука и их харьковских коллег воссоздать Донецкую республику в прежнем виде.

Но история на этом не закончилась. Руководители Донецкой республики продолжали попытки сформировать структуры, которые могли бы при благоприятном стечении обстоятельств стать основой для формирования особой административной единицы — в рамках будущей советской Украины или вне ее. Судя по списку лиц, которым Ленин адресовал свои грозные телеграммы в начале июня 1919 г., такие планы вынашивали Артем, Межлаук, Ворошилов и др.

Они намеревались для начала создать особый Реввоенсовет Донбасского фронта, объединив три армии, действовавшие против деникинцев в Донбассе в одну — донецкую. Кроме того, планировалось вывести этот Реввоенсовет из подчинения Украинскому фронту, переведя его в подчинение Южному фронту. На экстренном заседании ЦК КП(б)У 28 мая 1919 г. под давлением Межлаука и Ворошилова было принято решение: «Все командование в Донецком участке должно быть объединено одним временным Реввоенсоветом, который может быть подчинен Южфронту. Этот Реввоенсовет должен действовать как Реввоенсовет группы войск Донецкого направления. Состав этого Реввоенсовета намечается следующий: командующий группой — т. Ворошилов, члены Реввоенсовета — т. Межлаук и кто-либо от Южфронта»[1211].

На этот раз кляузу на харьковцев отправил в Москву лично Троцкий, заявивший, что те планируют создать, ни много ни мало, «Донецкую военную республику». Троцкий срочно телеграфировал Ленину из Кантемировки: «Домогательства некоторых украинцев объединить вторую укрармию, тринадцатую и восьмую в руках Ворошилова совершенно несостоятельны. Нам нужно не донецкое оперативное единство, а общее единство

против Деникина... Идея военной и продовольственной диктатуры Ворошилова есть результат донецкой самостийности, направленной против Киева и Южфронта... Прошу потребовать от ЦК, чтобы Ворошилов и Межлаук выполняли вполне реальную задачу, которая им поставлена: создать крепкую вторую укрармию. Предполагаю на завтра или послезавтра вызвать в Изюм, как центральный пункт, командующего восьмой, тринадцатой и второй, т. е. Ворошилова (также Межлаука и Подвойского), и продовольственников, чтобы объединить то, что может подлежать объединению, отнюдь не создавая Донецкой военной республики»[1212].

Данная телеграмма была направлена Троцким утром 1 июня. И сразу же вождь советской России телеграфировал вышеназванным лицам: «Надо во что бы то ни стало немедленно прекратить митингование, ...бросить всякое прожектерство об особых группах и тому подобных попытках прикрытым образом восстановить Украинский фронт»[1213].

В тот же день Политбюро ЦК РКП(б) под эгидой Ленина специально обсудило вопрос об идее Межлаука и Артема объединить ряд армий, сформированных на территориях бывшей ДКР, в «донецкую группу войск» и категорически раскритиковало данную идею. Сразу же Ленин телеграфировал Межлауку, Ворошилову и Артему постановление, которое «решительно отвергало» план «создавать особое донецкое единство», а вместо этого обязывало указанных лиц «создать крепкую украинскую армию».[1214]

По итогам данного заседания в тот же день, 1 июня, ВЦИК оперативно утвердил декрет «О военном союзе советских республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы против империалистов» — многие советские историки считали его прообразом договора об образовании СССР. Позже, в мае 1920 г., IV Всеукраинский съезд Советов, принимая постановление «О государственных отношениях между УССР и РСФСР», ссылался именно на этот документ от 1 июня 1919 г. Таким образом отрицание идеи представителей ДКР об «особом донецком единстве» в течение одного дня трансформировалось в идею о создании союза Советской России и Советской Украины. Только этот формат — единый союз с Россией — мог успокоить жителей Донецко-Криворожского бассейна, у которых еще свежи были в памяти не самые приятные воспоминания о пребывании на своей родной земле, но за пределами единого с Россией государства. Правда, в означенных документах от

1919-го и 1920 г. большевики уже не вспоминали о не раз обещанных Донкривбассу плебисцитах, референдумах, праве на автономию и самоопределение.

ПОД ФЛАГАМИ «ЕДИНОЙ, НЕДЕЛИМОЙ»

А уже 25 июня 1919 г. Харьков был взят войсками Деникина, в которых также находилось немало харьковцев и выходцев из Донецко-Криворожской области. Те обыватели, которые в апреле 1918 г. первыми бросились учить украинский язык и устанавливать вывески на ломаном суржике, теперь стали записными всероссийскими патриотами — «дроздовцы» позже вспоминали, что харьковские шляпники даже заранее заготовили к приходу Добровольческой армии сотни фуражек различных белых полков.[1215]

Генерал Деникин (в центре) на улицах Харькова летом 1919 года

Само собой, с приходом армии «единой, неделимой России» в Донецко-Криворожский регион разговоры об Украине и украинском языке стихли. По воспоминаниям очевидцев, к примеру, когда на приеме в занятом Екатеринославе генерал Деникин услышал украинскую речь, он прервал оратора со словами: «Ваша

ставка на самостийную Украину бита... Да здравствует Единая и Неделимая Россия!.. Ура!»[1216]

Согласно Временному положению «Об управлении областями, занимаемыми Добровольческой армией», которым определялся порядок администрирования в зоне деникинского контроля, русский язык был объявлен единственным государственным, при этом употребление «местных языков и наречий в государственных и общественных установлениях» допускалось «в пределах, установленных законом». А поскольку законов таких не было, украинский язык наряду с другими местными языками фактически запрещался.[1217]

Если даже в Киеве деникинцы «начали поход на украинскую литературу, печать, общественность, кооперации», сжигая газеты и журналы на украинском языке[1218], то что уж говорить о Харькове и тем более Донбассе, где украинский язык совершенно не прижился за время существования там самостийной и советской Украины! Генерал В. Май-Маевский, безраздельно заправлявший в занятом деникинцами Харькове, 3 августа 1919 г. издал приказ № 22 следующего содержания: «Все школы, в которых до появления «украинских» властей преподавание велось на русском языке, а затем, по распоряжению украинской власти, языком преподавания был сделан малорусский язык, должны вернуться вновь к преподаванию на русском языке». Май-Маевский фактически запретил украинские школы, дотирующиеся государством или земствами, разрешив лишь частные учебные заведения. Этим же приказом был упразднен предмет «украиноведение», учрежденный в гетманский период.[1219] Следует заметить, что в данном

ВОЙСКА РОССІЯ.

ПРИКАЗЪ

Приказ генерала Май-Маевского об украинских школах

вопросе деникинская власть резко расходилась с советской, которая в период своего пребывания в Харькове и Донбассе не тронула ни эти школы, ни этот предмет.

Однако в некоторых вопросах деникинцы были менее радикальными, чем представители Центральной Рады. Во всяком случае, они не боролись с украинскими вывесками так, как с русскими боролись представители украинской власти. Председатель созданной при Деникине Подготовительной по национальным делам комиссии В. Степанов сообщал: «Никто не собирается замазывать и вывесок, написанных на малороссийском языке. Менее всего мы похожи и намерены действовать как петлюровские шовинисты»[1220].

В отличие от большевиков «второго пришествия», деникинцы не употребляли термин «Украина» по отношению к территориям, входившим ранее в Донецкую республику. Они категорически выступали против национального принципа построения России. И в этом они были совершенно солидарны с теоретиками идеи провозглашения Донецко-Криворожской республики!

При выработке административного деления Юга России при Деникине за основу была взята брошюра профессора Киевского университета Александра Билимовича (выходца из Житомира) «Деление Южной России на области», в которой он утверждал: «При устроении возрождающейся России на новых началах страна мыслится нам разделенной на ряд автономных областей. Области эти должны состоять из нескольких губерний, отличающихся общностью физико-географических, этнографических, экономических и историко-политических признаков... При применении принципа областных автономий Южная Россия (Украина, как ее теперь называют) должна быть разделена на несколько областей»[1221]. Эту идею горячо поддержал известный киевский публицист и политик Василий Шульгин, не раз писавший: «Южная Россия может быть разделена на три или четыре области: Киевскую, Одесскую и Харьковскую или же Киевскую, Одесскую и Екатеринославскую» (как видим, и идеологи Белого движения спорили о том, где должна быть столица Донецко-Криворожского края — в Харькове или Екатеринославе).[1222]

На практике теория «областничества», пропагандируемая Билимовичем и Шульгиным, вылилась в деникинский приказ от 25 августа 1919 г. о создании на территории Юга России (помимо Дона, Северного Кавказа и Крыма) трех областей — Киевской, Харьковской и Новороссийской. Опять-таки такое районирова-

ние фактически полностью совпало с административными границами трех советских республик, провозглашенных в 1918 году, — Украинской, Донецкой и Одесской. В Новороссийскую республику со столицей в Одессе входила Херсонская и часть Таврической губернии, в Киевскую — Киевская, Черниговская и Подольская губернии, в Харьковскую — Харьковская, Екатеринославская, Полтавская и часть Таврической губерний. При этом по мере продвижения деникинских войск на север в состав Харьковской области временно включались земли Курской, Орловской, Тульской губерний. Над каждой областью был поставлен главноначальствующий — генерал Май-Маевский в Харькове, генерал Драгомиров в Киеве, генерал Шиллинг в Одессе.[1223]

Генерал В. Май-Маевский со своим адъютантом П. Макаровым (ставшим прототипом для героя фильма «Адъютант его превосходительства»

То есть фактически деникинцами в прежних границах была воссоздана Донецкая республика как часть будущего общероссийского государства. Исключение составляли лишь Полтава, по каким-то причинам присоединенная к Харькову, а не к Киеву, и восточные земли Донбасса, не входившие в Екатеринославскую губернию, — Деникин должен был блюсти интересы Всевеликого Войска Донского, своей идеологической опоры.

Надо заметить, что с этим административным делением вынуждены были считаться и большевики. 13 августа, обсуждая вопрос о ведении подпольной работы в «местностях Левобережной Украины, занятых Деникиным, ЦК КП(б)У создал особое Центральное бюро Восточной Украины.[1224]

«ДОНБАСС — СЕРДЦЕ РОССИИ»

Таким образом, когда большевики вернулись в Харьков в декабре 1919 года (на этот раз надолго — вплоть до осени 1941 г.), теоретические предпосылки для воссоздания Донецкой респуб-

лики имелись. И вопрос о республиканской принадлежности если не всей территории ДКР, то как минимум Донбасса, периодически поднимался вплоть до середины 1920-х годов.[1225]

Вопрос границ между советскими Украиной и Россией впервые был поднят еще в конце января 1919 г., когда Временное правительство УССР делегировало Пятакова на «конференцию советских республик» в Москву «для определения границ» между этими республиками. Еще 30 января, к примеру, на одном из первых заседаний только что сформированного Совнаркома УССР министры Советской Украины не знали, куда им отнести Черниговскую губернию — в Харьковский или Орловский военный округ. «До определения границ Республики» решили оставить Чернигов в пределах Орловского округа.[1226]

Аналогичные проблемы возникли при определении подчиненности местных органов власти Донбасса. 12 февраля 1919 г. член Военно-революционного комитета Донбасса Василий Марапулец жаловался на действия Реввоенсовета Курской группы войск и пытался получить разъяснения о порядке взаимоотношений с ней и Временным правительством Украины. Марапулец предлагал: «Необходимо Военревкому Донецкого бассейна предоставить право реорганизовать Реввоенсовет Курской группы из популярных в Донецком бассейне товарищей. Мы полагаем, что только при таком условии удастся избежать всех недоразумений как области административной и хозяйственной, так и в отношениях с рудничными рабочими». Вацетис подтверждал, что трения местных властей в Донбассе с военным командованием приобрели в начале 1919 г. системный характер.[1227]

Любопытно, что большевики, споря о полномочиях и границах Украины, фактически воссоздали ту географическую разбивку Юга России, которую они первоначально планировали для местных организаций РСДРП(б), создав три военных округа — Харьковский (Харьковская, Екатеринославская и часть Таврической губернии), Одесский (Херсонская, Бессарабская и часть Таврической губернии) и Киевский (собственно Украина).[1228] Позже, после упомянутого выше решения ВЦИК от 1 июня 1919 г. о военном союзе советских республик, Украину было решено разбить на два равных военных округа (Киевский и Харьковский), «входящих в общую организационную систему Федеративной Республики», то есть подчиняющихся напрямую общероссийскому центру. Такая система устанавливалась «впредь до окончательного оформления взаимоотношений двух республик», что лишний раз подчеркивает: по

состоянию на вторую половину 1919 г. судьба этих отношений и административных границ еще не была определена окончательно.[1229]

Еще в 1921 году советская пресса признавала, что «границы Украины в настоящее время не могут быть в точности определены»[1230]. Это создавало серьезные проблемы для составителей атласов большевистской России. К примеру, Ленин, ознакомившись с пробным экземпляром первого советского атласа, жаловался 24 апреля 1921 года г. Зиновьеву: «Границы республик (Украина) и автономных областей должны быть везде особо показаны. Этого не сделано большей частью. Ни для Украины, ни для Белоруссии»[1231].

А как бедным картографам можно было указывать границы Украины, если споры об этих границах продолжались и после 1921 года? В первую очередь это касается восточных границ республики, особенно — границ Донбасса и Донецкой губернии. Как пишут современные донецкие историки, «в отличие от других губерний Украины, где в основном еще сохранялось административное деление на уезды, Донецкий губревком не имел даже карты Донбасса»[1232].

В этот период Донбасс представлял собой печальное зрелище. Пожалуй, не было такого региона в России, который пострадал от Гражданской войны столь сильно, как Донецкий бассейн. Если Михаил Булгаков писал, что в Киеве за эти годы было 14 смен власти, из которых 10 он «лично пережил», то можно себе представить, каково было жителям, скажем, Константиновки, в которой только с февраля по май 1919 г. власть менялась 27 раз![1233] Причем каждая смена власти сопровождалась все более ожесточенными репрессиями, поголовными мобилизациями, гибелью и бегством рабочих и шахтеров. По словам Эпштейна-Яковлева, к декабрю 1919 г. «Донецкий бассейн, этот экономический центр Советской республики, стал... кладбищем донецкого шахтера и металлиста»[1234].

Города и рудники обезлюдели, в крае начался перманентный голод, от которого шахтеры начали спасаться бегством из региона. «Это движение было таким массовым, — пишет японо-американский историк г-н Куромия, — что его назвали "великим переселением народов"». По найденным им сведениям, только с марта по октябрь 1918 г. количество шахтеров Донбасса уменьшилось с 215 тыс. до почти 78 тыс. чел. (то есть за семь месяцев падение составило 64%!). Соответственно, падение производства угля упало с 24 836 тыс. тонн в 1917 году до 8910 тыс. тонн в 1918 году.[1235]

Советский командарм А. Скачко в апреле 1919 г. констатировал: «Шахты брошены, а брошенная шахта в неделю разрушается так, что ее нельзя потом восстановить месяцами. Еще неделя промедления... у Юзовского района — и он будет погублен безвозвратно и даже при будущих успехах уже не сможет дать нам угля. А ведь это будет самый тяжкий крах нашей армии и нашей революции». Такая ситуация плачевным образом отразилась на экономике всей России. Если в 1916 г. доля дров и нефти составляла 45% в балансе потребления топлива в Российской империи, то в 1919 г. — 88%.[1236]

Затонский на 8-й партконференции РКП(б) в декабре 1919 г. констатировал: «Промышленность Донецкого бассейна стоит... Из пролетариата все лучшее ушло в Россию, ушло в Красную армию, вернулись немногие. Остались те, которые связаны с семьей, частной собственностью, потому что немало есть таких, которые имеют домики при руднике, при заводе и остаются там. Они психологически разбиты, сидят без работы, занимаются мелкой спекуляцией, и это понятно, потому что есть хочется»[1237].

Это «есть хочется» было для индустриальных районов Юга России сущим бедствием на протяжении нескольких лет в ходе и после Гражданской войны. Массовый голод в Донбассе постоянно увеличивал отток населения и рабочей силы. Особенно катастрофическим был для региона голод между осенью 1921-го и весной 1922 г. — по последствиям для Донецкого бассейна он был более тяжелым, чем голод начала 1930-х, который теперь в украинской литературе принято называть Голодомором.

Римско-католический священник из Франции Пий Эжен Неве, который прожил в Макеевке с 1906-го по 1926 год, так описывал страшные сцены донбасского голода 1921—1922 гг., свидетелем которого ему пришлось стать: «В прошлое воскресенье фунт мяса стоил 37 тыс. рублей, и никто не знает, было ли это мясо забитого животного или животного, умершего от эпидемии. Если я расскажу вам о некоторых зверствах, которые творятся из-за голода, или опишу вам тот океан страданий, которые переживают бедные русские люди, ваши волосы встанут дыбом. Мы являемся свидетелями сцен, которые напоминают описание осады Иерусалима у Флавия Иосифа. Матери убивают своих детей, а потом совершают самоубийство, чтобы положить конец своим страданиям. Повсюду мы видим людей с изможденными лицами и распухшими телами, людей, которые с трудом передвигаются и ко-

торые вынуждены есть дохлых котов, собак и лошадей. Неудивительно, что здесь так часто случаются тиф, холера, цинга и даже сап. В Европе должны знать, что переживает Россия. Неужели христиане больше не возмущаются от мысли, что тысячи умирают с мыслью о куске хлеба?»[1238]

Обложка книги «Крестьянин из Макеевки» о епископе П. Неве

В том числе и благодаря стараниям отца Неве (будущего католического епископа Москвы) Европа обратила внимание на страшный голод в Донбассе. 14 декабря 1921 г. «Комитет Нансена», занимавшийся спасением голодающих России под эгидой Международного Красного Креста, учредил свою миссию в Харькове на Садово-Куликовской, 2. С 13 февраля 1922 г. в качестве представителя Нансена там появился 34-летний офицер норвежского Генерального штаба Видкун Квислинг, позже ставший диктатором Норвегии и мировым символом коллаборационизма (кстати, находясь в Харькове, Квислинг нашел себе поочередно двух жен из числа местных красавиц).[1239]

Судя по исследованию миссии Квислинга, по состоянию на март 1922 г., когда бедствие уже пошло на убыль, в Донбассе голодало около 655 тыс. человек. Детская смертность в Екатеринославской губернии достигла уровня 31,4% (для сравнения — в 1903 г. она составляла 18,6%). В Юзовском районе 18 из 26 уездов были объявлены зоной бедствия. По данным Квислинга, в этом районе голодали 48 тыс. детей и более 64 тыс. взрослых, что составляло на тот момент 38% всего населения и без того обезлюдевшего после войны района. Одной из жертв донецкого голода и сопутствующих эпидемий была и первая жена Никиты Хрущева — Ефросинья Писарева.[1240]

Причем, в отличие от голода 1932—1933 гг., затронувшего в первую очередь деревню, голод 1921—1922 гг. больнее всего ударил по индустриальным районам Юга России и крупным городам — Запорожью, Харькову, Юзовке, Макеевке и т. д. Вскоре это привело к драматическим изменениям в этнической структуре населения ряда индустриальных центров бывшей Донецкой республики. Во время Гражданской войны и голода многие коренные жители края (особенно русские рабочие и русская интеллигенция) покинули обжитые места — рабочие в основном подались в более сытые регионы центральной России, интеллигенция составила ту волну русской эмиграции, которая после 1920 г. заполонила улицы Парижа, Константинополя, Белграда и Праги. Как только голод и война закончились и началось стремительное восстановление промышленности края, на предприятия Юга России хлынул поток рабочей силы из деревень Центральной Украины. В результате буквально в течение 4—5 лет русское национальное большинство ряда крупных городов УССР превратилось в подавляющее меньшинство (см. цветн. вкладку, стр. 9, 10)[1241]. Это дало основания Николаю Скрыпнику уже в 1926 г. на заседании ВЦИК называть русских Украины «национальным меньшинством» — термин, который доселе к русским Юга России не применялся.[1242]

Конечно, Россия тоже не была безучастным зрителем бедствия, которое охватило в начале 1920-х годов Донбасс. Москва, несмотря на то что ей надо было спасать и жителей голодающего Поволжья, постоянно посылала на Юг хлеб. По некоторым данным, помощь голодающему Донбассу составила до 650 тыс. пудов зерна.[1243]

По всему советскому государству (не надо забывать, что по состоянию на середину 1921 г. большевики контролировали далеко не всю Россию) была развернута кампания «Донбасс — сердце России!» с призывом собирать средства и продукты для голодающего края. Непосредственное руководство этой кампанией осуществлял Серго Орджоникидзе (см. цветн. вкладку, стр. 11).

Сейчас лозунг «Донбасс — сердце России!» и соответствующий плакат 1921 года могут кого-то и удивить. Но еще тогда, в начале 1920-х годов данный слоган не удивлял ни самих донбассовцев, ни жителей России. Как бы большевики ни говорили о борьбе за «советскую Украину», но, воюя за Донбасс, они довольно четко ставили задачу объединения его с общероссийским государством — не столь важно, в какой из республик. «Для нас один выход, — писала в те годы правительственная газета «Эко-

номическая жизнь», — ...добиться, как можно скорее, воссоединения с Россией Донецкого бассейна и Кавказа — этих основных источников нашего экономического существования, прежде чем добрые наши союзники успеют выкачать оттуда все имеющиеся запасы для себя»[1244].

Сами жители Донбасса, несмотря на то что уже успели побывать к началу 1920-х годов в различных государственных и полугосударственных образованиях, продолжали считать себя русскими, имея в виду, разумеется, не столько этническую принадлежности, сколько государственную. Анализ различных документов того периода свидетельствует о том, что чаще всего в ходе различных общественных мероприятий население Донецкого бассейна «забывало» о своей принадлежности Украинской ССР или фактически не знало об этом.

Так, первомайский митинг в Луганске в 1919 г. вспоминал о «победоносном пролетариате России» вообще и о «смелых борцах Красного Луганска» в частности, бросал клич «Стойте же смело, товарищи, на подступах Русской Революции!», призывал к единению «русских рабочих и крестьян», но ни словом не упоминал о советской или какой бы то ни было еще Украине.[1245]

Да что там говорить о луганцах, если даже Всеукраинский съезд профсоюзов, обращаясь к защитникам Луганска, писал: «Организованный пролетариат Юга России в лице своих профессиональных союзов шлет вам братский привет, выражает твердую уверенность в том, что общими дружными усилиями победим контрреволюцию и водворим в России нашу власть»[1246].

Съезд волостных ревкомов Юзовского района еще в феврале 1920 г. принимал резолюцию, в которой отмечалось, что съезд «настаивает на скорейшем экономическом и политическом слиянии Донецкой губернии с Советской Россией в едином ВЦИК Советов»[1247].

Побывав в течение двух лет в нескольких административно-государственных образованиях — в Донецкой республике, в УНР, в Украинской державе, в УССР, в «единой и неделимой России», — жители Донбасса не переставали считать себя составной частью общероссийского государства. И, как это ни покажется кому-то парадоксальным с точки зрения современных идеологем, большевики в этом смысле многим казались центристами на фоне националистической Центральной Рады, настаивавшей на отделении Украины от России, и Деникина, выступавшего, как и большевики, за «единую и неделимую Россию», но категорически запрещавшего украинский язык.

Большевики, с одной стороны, распространили действие законов России на территорию Украинской ССР — абсолютно по сценарию лидеров Донецкой республики. Они постоянно заявляли: «Вольная и независимая Украинская Социалистическая Советская Республика... будет идти рука об руку с вольной и независимой социалистической Советской Россией. Объединение их армий в одну русско-украинскую Красную Армию будет служить залогом прочности этого союза». Некоторые из них даже не стеснялись в открытую использовать лозунг «единая и неделимая» в отношении общероссийской партии большевиков, что вызывало гневные филиппики от национал-коммуниста Н. Скрыпника.[1248]

Но с другой стороны, большевики, в отличие от Деникина, не отрицали права украинского языка на существование и свободное развитие. Возвращаясь на Юг России в конце 1919-го — начале 1920 г., они провозглашали: «Украинская культура, преследовавшаяся как старым правительством, так и белогвардейскими властями Деникина, глумившимися над украинским языком, закрывавшими украинские школы, получит возможность развиваться свободно при содействии самой рабоче-крестьянской власти. В трудовой школе Украинской Советской Социалистической Республики украинский язык станет мощным и действительным средством освобождения украинских трудящихся масс от темноты и невежества. Да не будет больше никакого национального гнета, да исчезнут всякие национальные привилегии!»[1249]

Очень быстро, по мере развития идеи о будущем общероссийском государстве как союзе национальных республик (то есть той самой идеи, против которой активно боролись идеологи создания Донецкой республики), большевистские лозунги в национальном вопросе стали приобретать все более радикальный характер и все более сближаться с лозунгами украинских националистов. Под давлением очень активных аппаратчиков, более опытных в подковерных партийных интригах, вроде Скрыпника, при поддержке массы советских номенклатурщиков, направленных в Харьков и Киев на «усиление партийных организаций» из Москвы и совершенно не понимавших, что собой представляет Юг России, началось откровенное заигрывание с украинскими националистами. Уже в декабре 1919 г. Ленин открыто заговорил о том, что «надо сыграть в поддавки, надо сделать максимальные уступки националистическим тенденциям»[1250].

Если еще в середине 1917 г. большевики, как было показано выше, вообще сомневались в необходимости использовать термин «Украина» и создавать «общеукраинскую» партийную ор-

ганизацию, если еще в 1918—1919 гг. верхом проявления своей приверженности национальным устремлениям украинцев была печать листовок на суржике и празднование дня рождения Тараса Шевченко (кстати, распоряжение о чествовании Кобзаря отдавал лично В. Межлаук[1251]), то уже в январе 1920 г. появились «рекомендации» о назначении на высшие посты преимущественно этнических украинцев. Что резко контрастировало с обещаниями отсутствия «национальных привилегий».[1252]

В декабре 1919 г., на VIII партийной конференции РКП(б) бывший преподаватель Киевского политехнического института Владимир Затонский заговорил о необходимости идти к «украинскому мужику» с украинским языком, приведя сравнение с Польшей и Францией — излюбленное сравнение, используемое сторонниками тотальной украинизации и по сей день: «Если речь идет об украинском языке, то это не уступка. Если вы едете во Францию или в Польшу и говорите с французскими рабочими по-французски, а с польскими по-польски, — что же это уступка? А когда говорят с украинским мужиком по-украински, то, говорят, это уступка, чтоб себя разорвало, сам определяйся, я тебе уступаю. Это старая привычка товарищей смотреть на Украину как на Малороссию, как на часть Российской империи — привычка, которая вколочена вам тысячелетиями, сотнями лет существования российского империализма».

Правда, «уступки» или «поддавки» предполагались сначала очень умеренными, без украинизации всего и вся. Тот же Затонский сразу же уточнил: «Украинский национализм требует национальной украинизации, чтобы она проводилась, например, в смысле обязательного обучения детей на украинском языке. Это излишне, это не нужно. Этим никого мы на свою сторону не привлечем, а только оттолкнем всех тех украинских культурных работников, тонкий слой которых на Украине все-таки существует, на которых надо опираться». Данный подход не встречал никаких возражений у жителей территорий, входивших в состав бывшей Донецкой республики.[1253]

ГИБЕЛЬ АРТЕМА

Но как недолго длилась эта умеренность! Уже в те годы советскую Украину наводнили посланцы общероссийского руководства, которые сами себя откровенно называли «гастролерами,

попавшими в украинскую ссылку» (именно так себя назвал один из будущих украинизаторов Д. Мануильский), а других своих коллег — «накипью, полученной из Москвы». Быстро вникнув в дела и считая, что они уже во всем разобрались, данные лица заявляли о несогласных с их взглядами: «Советскую вошь, товарищи, которая проникла к нам на Украину, мы будем теперь гнать и будем направлять в пломбированных вагонах обратно в Москву»[1254].

Эти люди большей частью совершенно не знали местных условий и обстоятельств, истинного отношения населения Юга России к националистическим лозунгам и самостийническому движению. Руководство в советской Украине в 1919—1920 гг. начали формировать либо же такие «гастролеры», либо же выходцы из Малороссии. Харьковцы, прекрасно разбиравшиеся в настроениях жителей индустриального Юга России, постепенно устранялись от управления, Артем изредка появлялся на заседаниях ЦК КП(б)У, сосредоточившись на работе в ЦК РКП(б) и на делах Донецкой губернии. По мнению Солдатенко, Артему, «очевидно, было тесно и в пределах губернии, и в составе Украины»[1255].

Центральное руководство Компартии всегда считало верхом мудрости решение локальных споров и конфликтов путем перемещения одной или всех спорящих сторон в иные географические районы, подальше от места конфликта. В конце 1919 г. таким образом решили «переместить» Артема, направив его в... Башкирию. Вплоть до начала 1920 г. он представлял там ЦК Компартии и возглавил организацию «Башкирпомощь». Данная структура была создана в 1919 г. для помощи голодающим башкирам, но в конце этого же года Троцкий обвинил бывшего главу Башкирской республики, а на тот момент главу Башкирского ревкома Ахмет-Заки Валидова (в будущем — подданный Турции и любитель Гитлера Заки Валиди) в растрате средств, после чего начался серьезный конфликт, сопровождавшийся арестами сотрудников «Башкирпомощи».

Ленин лично распорядился направить в Стерлитамак (тогда он считался столицей советской Башкирии) для контроля за более чем конфликтной ситуацией в качестве своих доверенных лиц Артема и другого старого большевика Ф. Самойлова. Тех явно восприняли в штыки, причем, судя по письму Ленина, написанному в 20-х числах января 1920 г., главная причина такого отношения заключалась в том, что они были восприняты как «чужаки», как... «украинцы». Ленин писал: «Ваша попытка выслать из Башкирии старых партийных товарищей, нелепая ссылка на бухаринскую ориентацию, упорное, хотя и неверное, употреб-

ление в применении к Преображенскому, Артему, Самойлову эпитета «украинцев» — дает мне основание усомниться в вашей объективности в данном вопросе»[1256]. Показательный «эпитет» для Артема, не правда ли?

ВЦИК в телеграмме от 20 января указывал: «ВЦИК по соглашению с ЦК РКП послал в Стерлитамак товарищей Артема (Сергеева), Преображенского и Самойлова, чуждых местным уфимским интересам, не способных вести местническую, шовинистическую политику... ВЦИК считает неправдоподобным и совершенно исключенным, чтобы они могли вести агитацию против Башреспублики»[1257]. В тот же день Артем был включен в состав партийного бюро Башкирии, а Дзержинский предоставил ему широкие полномочия для руководства силовыми структурами.

Здание в Стерлитамаке, в котором Артем работал в 1919—1920 гг.

Валидов тогда пожаловался в Москву на засилье «чужаков» в руководстве Башкирии: «В руководящем органе РКП нет ни одного в совершенстве знакомого со своей страной, сильного и авторитетного на Востоке человека из восточных мусульманских национальностей... Вы сами больше, чем мы, понимаете, какие трудности Вам и восточным революционерам приходится одолевать, когда Вы рукою русского пролетариата начинаете восстанавливать похороненное, как казалось навсегда, русским империализмом человеческое самосознание, сознание необходимости борьбы за существование забитых восточных народов»[1258]. В связи с этими жалобами «чужаки», включая Артема, в апреле 1920 г. были отозваны из Башкирии.

Сохранилось немало рекомендаций Артема о структуре построения Башкирской автономной республики. В основу этих

советов явно был положен опыт руководства Донецкой республикой, которую Артем также видел как автономное образование в составе Российской Федерации. Однако благодаря стараниям Артема автономная Башкирия была создана декретом от 19 мая 1920 г., а автономию его родного Донецко-Криворожского края создавать было запрещено.

Последняя попытка в этом направлении была предпринята Артемом сразу после его возвращения в Донбасс в конце апреля 1920 г., когда он был снова избран главой Донецкого губернского исполкома на губернском съезде Советов. Однако, по словам Солдатенко, «на этот раз и Харьков, и Москва более жестко придерживались общей линии». Украинский историк пишет: «Логичным продолжением «разрешения» противоречий с «облатками», которые исповедовали идеи регионализма, стремились к их воплощению в общественную практику, стало их постепенное устранение с ответственных общенациональных, общегосударственных должностей, перемещение на участки работы в РСФСР и даже в международные организации... главное — подальше от Украины. С лишением основных носителей регионалистских идей возможностей влиять на государственное строительство была решена и проблема борьбы с донкривбассовским сепаратизмом». Правда, Солдатенко тут же вынужден признать, что эта «проблема» решалась лишь среди элит, но продолжала существовать в общественном мнении края: «Хотя в значительно меньших масштабах и ярких формах — большей частью на бытовом уровне, регионалистские настроения и в дальнейшем сохранялись и иногда давали о себе знать»[1259].

Центральное руководство Компартии быстро отозвало Артема, популярного в Донбассе, в столицу. Выглядело это как серьезное повышение — Артем на IX съезде РКП(б) весной 1920 г. и на X съезде весной 1921 г. избирается членом ЦК партии. Ирония судьбы: на X съезде честь объявлять результаты выборов, которые зафиксировали, что Артем входит в число наиболее популярных лидеров Компартии, была доверена Николаю Скрыпнику.[1260] Тогда же Артем входит в ближайшее окружение Ленина, который опирается на бывшего главу ДКР в борьбе с набиравшим популярность Троцким (именно Артем был главным организатором т. н. «платформы десяти», которая была сформирована для поддержки Ленина[1261]), занимает очень почетную должность секретаря Московского горкома РКП(б), а также возглавляет Всероссийский союз горнорабочих. По поводу этой структуры у Артема были просто-таки глобальные планы:

на ее базе он собирался создать разветвленную международную организацию шахтеров, которая должна была бы стать движущей силой «мировой революции» (благо, для этого у Артема хватало связей в зарубежной социал-демократии).

Аэровагон Абаковского, погубивший Артема

Однако этим и иным планам не суждено было сбыться. **24 июля 1921 г. жизнь** Артема оборвалась во время испытания некоего чудо техники, изобретенного 25-летним тамбовским инженером-самородком Валерианом Абаковским, — аэровагона (моторной дрезины с авиационным пропеллером, развивавшей невиданную по тем временам скорость выше 100 км/ч). По дороге из Тулы в Москву аэровагон потерпел крушение, в результате чего погибли все, кто в нем находился, включая Артема, нескольких представителей Коминтерна и самого Абаковского.

Эта катастрофа до сих пор остается загадкой. Итоги расследования ее причин остались тайной. Сын Артема, генерал-майор Артем Федорович Сергеев до конца своей жизни не сомневался в том, что смерть бывшего лидера ДКР была подстроена умышленно. Подозревал он в этом Троцкого, говоря в своем последнем в жизни интервью в конце 2007 г.: «Как говорил Сталин, если случайность имеет политические последствия, к этому надо присмотреться. Выяснено, что путь аэровагона был завален камнями. Кроме того, было две комиссии. Одну возглавлял Енукидзе, и она увидела причину катастрофы в недостатках конструкции вагона, но Дзержинский говорил моей матери, что с этим нужно разобраться: камни с неба не падают. Дело в том, что для противодействия влиянию Троцкого Артем, по указанию Ленина, создавал Международный союз горнорабочих как наиболее передового отряда промышленного пролетариата. Оргкомитет этого союза был создан за несколько дней до катастрофы. Троцкий в то время представлял очень большую силу: на его стороне были и значительная часть армии, и мелкая буржуазия. Сталин по тогдашней иерархии находился на пятом месте после Ленина, Троцкого, Каменева и Зиновьева, и эта иерархия строго соблюдалась. Впрочем, Ленин тогда уже был безнадежно болен и оставался не у дел»[1262].

«Дом на Набережной» в Москве, где жили вдова и сын Артема

Трудно сказать, насколько версия генерала Сергеева соответствует действительности, однако тот факт, что расследование гибели Артема прошло очень тихо и быстро, наталкивает на определенные догадки о неслучайности аварии. Российский историк А. Широкорад прозрачно намекает на иную версию: «Артем действительно был рьяным противником Льва Давыдовича, но, я думаю, для незалежных национал-коммунистов он был гораздо опаснее»[1263].

После этой трагической гибели Артем стал одним из символов советской эпохи, ему воздвигнуты грандиозные памятники, в честь него названы города, районы, улицы и площади (см. цветн. вкладку, стр. 12). Гагарин после своего исторического полета в космос признавался, что с младых лет мечтал походить на людей, у которых «вся жизнь — сплошной подвиг», и среди этих людей на первое место поставил Артема.[1264]

Семья лидера ДКР также была обласкана советской властью. Артема Сергеева усыновил сам Сталин, находившийся в хороших отношениях с Артемом и его женой еще со времен Царицына. По свидетельству В. Астаховой, близко знавшей Елизавету Репельскую-Артем, та с сыном вскоре поселилась в знаменитом «Доме на Набережной» в Москве, где ее соседями стали многие бывшие деятели ДКР, включая Межлаука, Каменского и др. (соответственно, вдова Артема была и свидетельницей того, как бывшие его соратники исчезали один за другим в «воронках»). Сын Артема стал известным в СССР человеком, генералом, освобождал родной для своего отца Донбасс от нацистов (как немецких, так и украинских). Его женой стала испанка Амая, дочь «пламенной революционерки» Долорес Ибаррури. После их развода Амая с дочерью Лолой Сергеевой вернулась в Испанию. Внучка главы ДКР теперь является испанской журналисткой, «вольной художницей» и очень активным человеком — дают знать о себе гены то ли русского дедушки, то ли испанской бабушки.

«Подальше от Украины» «переместили» не только Артема. Межлаука послали в Воронеж, Магидова перевели в Самару, Варейкис оказался в Баку, некоторые из деятелей ДКР «остались» в Ростове, не вошедшем в состав Украины. А в самой УССР Москва решила опереться на упомянутых выше «гастролеров», на «национал-коммунистов» вроде Скрыпника, на «боротьбистов». Как пояснял такие подходы донецкий историк и публицист Дмитрий Корнилов, описывая не только период XX века: «В Москве никогда толком не отдавали себе отчет в том, что же происходит на Украине».

Уже на VIII партконференции в 1919 г. Андрей Бубнов, который вместе с Артемом входил в Центральный ревком Украины, говорил о непонимании Москвой ситуации на Юге России, о явной «переоценке национального движения на Украине». Уступка украинским националистам, по словам оратора, значила «уступку пустому месту». И когда Бубнов заговорил о необходимости как можно быстрее выгнать из УССР «банды профессионального партизанства», уроженец Херсонской губернии Лев Троцкий с места сделал важное уточнение: «Выгнать на украинском языке».[1265]

То есть в Москве уже в 1919 г. были уверены, что на русском языке обращаться к жителям всей Украины, включая Донбасс, не имело смысла. С этим соглашался и Ленин, который, по мнению А. Широкорада, «весьма поверхностно разбирался в национальном вопросе». «Ему, видимо, и в голову не приходило, — пишет Широкорад, — что на Украине, в Грузии, Казахстане и других республиках люди говорят на десятках языках и диалектах. И заставляя всех поголовно учить украинский, грузинский, казахский и другие «титульные» языки, он насаждает дискриминацию куда худшую, чем при "проклятом царизме"».[1266]

Но если по отношению к Украине мнение в Москве в целом уже сложилось к началу 1920 г., то вопрос о восточных границах этой Украины и подчиненности Донбасса оставался открытым еще долго. 4 сентября 1922 г. член Политбюро украинской Компартии Дмитрий Мануильский писал Сталину, что надо действовать «в направлении ликвидации самостоятельных республик и замены их широкой реальной автономией, национальный этап революции прошел»[1267]. Однако эта позиция была раскритикована Лениным. «Автономисты» в спорах о

будущем устройстве общероссийского государства проиграли, и 30 декабря 1922 г. Союз ССР был провозглашен как объединение национальных республик. Соответственно, была отвергнута и идеология создателей Донецкой республики, видевших будущее своего государства как объединение автономных, самоуправляющихся хозяйственно-экономических субъектов единой федерации.

Но любопытно, что и после провозглашения СССР у представителей Донбасса сохранялись надежды на особое выделение своего края, объединенного по хозяйственно-экономическому принципу. Один из лидеров Компартии Алексей Рыков, фактически руководивший экономическим блоком СССР, 23 апреля 1923 г. на XII съезде РКП(б) представил свое видение будущего районирования государства, базировавшееся на создании областей, которые объединяли бы несколько губерний, — то есть деникинское «областничество» в чистом виде!

Рыков, в частности, заявил: «Опыт шест лет убедил меня в полной невозможности систематического, планового правления страной, в особенности же руководства экономикой страны, опираясь на ту систему, которую мы имеем в настоящее время. Мне думается, что все хозяйственное развитие нашей республики и будущая система административно-хозяйственной организации Советского государства должны будут покоиться на организации областей... Более того: я лично совершенно убежден в том, что дальнейшее развитие хозяйственной жизни нашей страны чем дальше, тем больше будет покоиться на все большей спецификации отдельных районов на тех или других хозяйственных и экономических задачах. Это относится не только к Донецкому району. Это относится и к Уралу, это относится и к Сибири...»[1268]

Рыков предложил съезду уже в ближайший год провести эксперимент по созданию таких самоуправляющихся, более автономных в экономическом смысле регионов «в двух крупных наилучше организованных областях», имея в виду Донбасс и остальную Украину, и «организовать там областные исполнительные комитеты, предоставить им целый ряд финансовых и налоговых прав, заставить Совнарком передоверить часть функций центрального правительства областным исполкомам». По мнению Рыкова, таким образом достигался бы «максимальные синтез — безусловно полнейшее использование всех сил области, всех сил района, полный учет его местных ресурсов, специальных навыков местной культуры с теми общефедера-

тивными и общесоюзными задачами, которые стоят перед Республикой»[1269].

Практически данное предложение повторяло идею создателей ДКР: единый Донецко-Криворожский регион, имеющий широкие административные и экономические права и, что немаловажно, напрямую подчиняющийся (хотя бы в хозяйственных решениях) общероссийскому Совнаркому. Съезд поддержал идею Рыкова, приняв резолюцию «О районировании», которая гласила: «XII съезд РКП... поручает ЦК партии новый план административно-хозяйственного деления республики провести для начала, кроме производящихся в этом направлении работ на Украине, в двух районах (промышленном и сельскохозяйственном), с организацией в них областных исполкомов. По отношению к остальным областям, национальным республикам и губерниям поручает ЦК партии ограничиться продолжением разработки плана районирования, не допуская его фактического проведения в жизнь до учета опыта в указанных двух областях»[1270].

Казалось бы, элиты Донецко-Криворожского региона должны были бы быть довольны подобным решением в случае его реального воплощения в жизнь. Однако XII съезд закрепил еще два положения, которые сводили на нет данный экономический эксперимент — о непринципиальности границ внутри СССР и о внедрении политики «коренизации» в национальных республиках (в применении к Украине — украинизации).

О том, что границы внутри будущего общероссийского государства нет смысла принципиально обсуждать, говорилось уже давно. Еще в 1919 году в программе РКП(б) было записано: «Как одну из переходных форм на пути к полному единству, партия выставляет федеративное объединение государств, организованных по советскому типу»[1271]. То есть федерация рассматривалась как переходная форма — и не более того. Причем речь шла о «полном единстве» в мировом масштабе!

Всегда, когда представители ДКР пытались обсудить границы и формы своей возможной автономии, им приводили тезис о скорой «всемирной революции», когда не будет ни государств, ни границ. Скажем, на II Всеукраинском съезде Советов, прошедшем в 1918 г. в Екатеринославе, в резолюцию «О государственном устройстве» (ту самую, которая объявляла львиную долю ДКР частью советской Украины) было записано, что федеративные отношения в будущем общероссийском государстве будут «формальными», поскольку «все советские республики объединятся в единую мировую социалистическую федерацию»[1272].

Когда меньшевики критиковали идею создания ДКР, они также говорили о будущем мировом государстве: «Экономические силы развились теперь настолько, что им тесно в пределах даже всей страны, поэтому экономически подготовляется почва для превращения всей Европы, а затем и всего земного шара в единое государственное целое... Это соответствует и нашему идеалу мирового государства. Стремиться же к мировому государству и в то же время ослаблять степень уже достигнутого объединения, как это делают большевики, по крайней мере нелогично»[1273].

И уж, конечно, не мог того же не заявлять Н. Скрыпник, яростно боровшийся против идеи существования ДКР. Он также убеждал всех вокруг о том, что «все советские республики объединятся в единую мировую социалистическую республику». Ну, а если скоро объединятся, то зачем же сейчас спорить о каких-то мелочных границах? Скрыпник писал: «Есть три лозунга, которые сейчас борются на протяжении революции между собою. Первый — самостоятельная республика украинская. Этот лозунг является лозунгом петлюровщины, шовинизма украинского, который идет против пролетариата. Второй лозунг — «Единой неделимой России», лозунг буржуазии и мещанства русского, — мы его знаем, с этим лозунгом приходил Деникин. Ни того, ни другого мы не принимаем. И те и другие — наши враги. Враг нам и Деникин, враг нам и мелкая буржуазия, и украинская, и русская. Только наш пролетарский лозунг проводим мы в жизнь, и только он отвечает нашему заданию объединить все силы пролетариата, а именно — тесный союз пролетариата, наитеснейшее объединение сил всех существующих республик, в первую очередь русской и украинской, а далее, вообще, всемирная федерация советских республик»[1274].

Старались ту же мысль насадить и различные представители Москвы, наезжавшие в Донецко-Криворожский край. К примеру, Бухарин, выступая в Екатеринославе, заявил: «Вам, товарищи, не нужно сейчас думать о том, почему центром Красной Украины является не Киев, а Харьков, и пусть многие из вас не скорбят о том, что нет одной Красной Москвы, без красных центров Харькова, Азербайджана, Минска и Ташкента, а думайте, товарищи, о том, что скоро и очень скоро вырастет мировым колоссом одна интернациональная коммунистическая власть трудящихся всего мира — Лондона, Парижа, Нью-Йорка и Берлина — с одним интернациональным красным Центром — нашей русской коммунистической Москвой!!»[1275]

Ну, а на этом основании не было никакого смысла волноваться о границах и территориях. Военный нарком Н. Крыленко заявлял: «Какое нам дело до того, заботится или не заботится Германия о наращении или ненаращении территории? Какое нам дело — будет или не будет существовать сама Россия в том виде, как это доступно пониманию буржуазии? Наплевать нам на территорию! Это — плоскость мышления буржуазии, которая раз навсегда и безвозвратно должна погибнуть»[1276].

Эта логика влекла за собой откровенные авантюры, в которых разменной монетой не раз становился Донбасс. По мнению командующего 2-й Советской армии А. Скачко, в апреле 1919 г. большевики могли бы не сдать Донецкий бассейн Деникину, не превратить этот край в арену очередных кровавых битв, если бы не авантюрный поход в «иностранную» Галицию (или Галичину — как кому больше нравится) ради разжигания там «пожара мировой революции». 19 апреля он отправил Антонову-Овсеенко полное горечи письмо, в котором требовал немедленной переброски дивизий с Запада, которому ничего не угрожает, в Донбасс. Командарм, используя свой талант бывшего военного корреспондента, с пафосом писал: «Когда я сейчас получаю известия, что Каменец-Подольск взят, что мы уже в пределах Галиции, не радостное, но злобное чувство овладевает мною. Мы сами уходим туда, куда нас вытесняет из России реакция, мы побеждаем для того, чтобы в чужих странах, в которые мы сейчас входим как победители, оказаться в роли жалких изгнанников, потерявших свою страну, отдавших ее во власть реакции, благодаря увлечению широкими планами».

Но увлеченный походом «к славе международной арены» Антонов, как всегда, самоуверенно отвечал: «Ваши соображения о западе — слабоваты: там наш толчок развязывает новые силы, которые сами доделают свое дело... Вся задача в организации удара, способного сокрушить последние барьеры для развития революции. Сил для этого много на местах и их ни на что другое не отвлечешь. Раз там тронется — руки у нас целиком развязаны»[1277]. Не тронулось. Не развязались. И Галицию большевики «своей» страной не сделали, и Донбасс, а с ним и весь Юг России на время потеряли.

Когда они расхлебывали затем результаты своего пренебрежительного отношения к Донбассу и Деникину, вновь превратив Юг России в арену ожесточенных стычек, Ленин выступил с программным письмом «К рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». В нем советский вождь ответил

на злободневные вопросы, от которых зависело во многом то, кого поддержат крестьяне Полтавщины или шахтеры Донбасса. Для того чтобы снять противоречия, Ленин вновь завел старую пластинку о непринципиальности границ в связи со скорой победой «мировой революции». «Мы — противники национальной вражды, — писал он, — национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты. Мы стремимся к тесному объединению и полному слиянию рабочих и крестьян всех наций мира в единую всемирную Советскую республику... Поэтому, неуклонно стремясь к единству наций, беспощадно преследуя все, что разъединяет их, мы должны быть очень осторожны, терпеливы, уступчивы к пережиткам национального недоверия. Неуступчивы, непримиримы мы должны быть ко всему тому, что касается основных интересов труда в борьбе за его освобождение от ига капитала. А вопрос о том, как определить государственные границы теперь, на время — ибо мы стремимся к полному уничтожению государственных границ — есть вопрос не основной, не важный, второстепенный. С этим вопросом можно подождать и должно подождать... Было бы единство в борьбе против ига капитала, за диктатуру пролетариата, а из-за вопроса о национальных границах, о федеративной или иной связи между государствами коммунисты расходиться не должны».

Признавая, что среди коммунистов есть сторонники полной независимости Украины, ее широкой автономии и полного слияния с Россией, Ленин сказал, что все в итоге должен когда-то решить Всеукраинский съезд Советов. Но почему-то в конечном итоге он сделал вывод, что «великорусские коммунисты должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»[1278].

Вот так парадоксально тезисы о равенстве наций, о добровольном союзе республик, о второстепенности границ через несколько абзацев трансформировались в необходимость уступать по самым принципиальным вопросам, связанным с государственным строительством будущей страны. Причем уступать, учитывая национальный признак!

К этим аргументам извечно, с момента появления идеи о создании Донецко-Криворожской республики, добавлялся еще один аргумент — тот, который в итоге стал убийственным для ДКР. Это аргумент о необходимости «разбавить мелкобуржуаз-

ный сельский элемент Украины сознательным пролетарским элементом Донбасса» и тем самым облегчить идеологические задачи коммунистической партии на Юге России.

Этот аргумент обсуждался еще на зародышевой стадии формирования украинской партии большевиков, когда киевские ленинцы предлагали перенести свой штаб из «мелкобуржуазного Центра» куда-нибудь ближе к пролетарскому Востоку. Затем этот тезис стал использоваться все чаще и чаще, в конечном итоге превратившись в «аксиому».

Как только представители ЦИК Украины В. Затонский и С. Бакинский прослышали о намерении Артема со товарищи провозгласить в Харькове ДКР, в своей жалобе, направленной в ЦК, они так аргументировали, почему центральное руководство РСДРП(б) должно вмешаться и пресечь сие «безобразие»: «Выделение Харьковской и Екатеринославской губерний из состава Украины — создаст из нее мелкобуржуазную крестьянскую республику и заставит жить в вечном стрессе, что на каком-нибудь другом съезде Советов преимущество возьмет крестьянское большинство, потому что единственными чисто пролетарскими округами являются горные округа Донецкого бассейна и Запорожья»[1279]. Вот почему нельзя было жителям Донецко-Криворожского бассейна решать свою судьбу самим, без «мелкобуржуазного довеска» в виде Киева или Житомира.

Пока идеологи Донецкой республики с пеной у рта доказывали необходимость экономического принципа построения будущего общероссийского государства, их оппоненты из Украины поставили во главу угла сугубо идеологический принцип. И особенно в этом смысле преуспел основной борец против ДКР Николай Скрыпник. Он, как было видно выше, не смог добиться мало-мальских успехов в мобилизации населения против немецкого нашествия и бежал от немцев так, что поражал видавшего виды Антонова-Овсеенко, но в искусстве казуистики и аппаратной борьбы ему, конечно же, не откажешь.

В своей программной статье «Донбасс и Украина», напечатанной в журнале «Коммунист» в середине 1920 г., Скрыпник описывал Правобережную Украину как землю, которая живет «в условиях крепостнических латифундий», а всю «суть вопроса о коммунистической революции на Украине» сводил исключительно к «борьбе за крестьянство, ...за завоевание влияния на него». На практике, по мнению Скрыпника, это должно было привести к «походу пролетариата Донбасса, чтобы завоевать украинское

крестьянство для общего строительства пролетарской Украины как части Советской федерации»[1280].

Но, продолжал свою мысль Скрыпник спустя всего три года, «для того, чтобы понять украинское крестьянство, мы должны подойти к пролетариату и сказать: "передовые отряды рабочего класса, выучите украинский язык для того, чтобы вести украинское крестьянство к социализму"»[1281].

Спустя многие годы советские историки вновь и вновь воспроизводили эту логику. Николай Супруненко писал: «Искусственное выделение из состава Советской Украины в отдельную республику наиболее развитых в промышленном отношении районов с хорошо организованными и высокосознательными кадрами рабочих-металлистов и горняков — очень ослабляло пролетарскую базу Советской Украины»[1282].

В. Астахова, в целом вполне сочувственно относясь к организаторам ДКР, все равно вынуждена была повторять этот тезис: «В условиях обострившейся до предела борьбы с украинской буржуазно-националистической контрреволюцией оставлять сельскохозяйственные районы Правобережья без поддержки пролетарских масс Донкривбасса было бы серьезной ошибкой»[1283].

Идеологи ДКР пытались активным образом противостоять этому тезису, доказывая, что мещанский, сельский дух Украины все равно не истребить, что сил пролетариата Донкривбасса для этого не хватит. Когда Скрыпник уже бежал от немцев в Таганрог, в Харькове «Известия Юга» писали: «Советская власть побеждена мелкобуржуазностью Украины. Поэтому нет на Украине силы, которая может противостоять немецко-гайдамацким бандам. Это горькая правда... Земледельческая Украина для советской власти на ближайшее время потеряна... Мы обретаем правду, трезвый учет реальной жизни, мы делаем посылки, которые не приведут нас к ложному выводу, к ложной тактике. Мы до конца сможем использовать нежелание донецкого пролетариата входить в состав Украинского государства»[1284].

Тезисы о том, что рабочие Донкривбасса должны «вести украинских крестьян к социализму», в течение нескольких лет были заменены на тезисы о национальном «подчинении» пролетариата Донкривбасса украинским крестьянам и нуждам юной Украинской ССР.

На XII съезде РКП(б) Сталин, ответственный в партии за национальные отношения, сделал доклад о «классовой сущности национального вопроса». «Если пролетариату удастся устано-

вить с крестьянством инонациональным отношения, могущие подорвать все пережитки недоверия ко всему русскому, которое десятилетиями воспитывалось и внедрялось политикой царизма, если русскому пролетариату удастся, более того, добиться полного взаимного понимания и доверия, установить действительный союз не только между пролетариатом и крестьянством русским, но и между пролетариатом русским и крестьянством иных национальностей, то задача будет разрешена... Для того, чтобы Советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт. Только тогда, и только постольку Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и международной, родной для крестьян ранее угнетенных национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке»[1285].

Так начиналась «коренизация» республик СССР — насаждение культуры, быта, языка, нравов «титульной нации», давшей название той или иной республике. Обещания, раздаваемые при формировании этих республик, по поводу равенства культур, языков, этносов, по поводу самоопределения самого населения при выборе республики, в которой они хотят жить, или по поводу языка обучения их детей быстро были забыты. Тезис о том, что рабочий Донбасса должен идти к крестьянину и говорить на родном языке последнего, вовсе не учитывал обильно приведенные выше факты о том, что для многих крестьян Донецко-Криворожского региона и даже самой Украины родным языком был именно русский, а не украинский. Слова о том, что местные органы власти должны возглавляться местными же кадрами, знающими язык, нравы и обычаи своего края, быстро трансформировались в практику приема на высшие посты украиноязычных коммунистов, в основном представлявших ту самую «мелкобуржуазную», «сельскую» Украину или даже Галицию, многочисленные беженцы из которой наконец-то получили возможность развернуться вширь в не понимающем их Харькове. Действительные же выходцы из региона, представлявшие до 1918 года политическую элиту этого края и знавшие его досконально, вынуждены были либо покидать свои родные земли (как Артем), либо же приспосабливаться к новым условиям (как Рухимович).

Когда же местные политики, выходцы из Донецкой республики, пытались указать товарищам из Центра на тот факт, что значительная часть населения в крае и даже в самой УССР хотят общаться с властью на родном русском языке, их одергивали в довольно резкой форме. На XII съезде прозвучали упреки по этому поводу в их адрес: «Ответственнейшие товарищи из Украины говорят так: я всю Украину изъездил вдоль и поперек, я разговаривал с крестьянами, и я вынес впечатление, что они не хотят украинского языка. Вместо того, чтобы анализировать крупнейшие общественные движения, эпоху Центральной Рады, петлюровщины, национальных восстаний и т. д., довольствуются некритическими методами личных впечатлений и на этом строят политику в национальном вопросе». Нарком просвещения УССР (на тот момент уже бывший), «боротьбист» Григорий Гринько в открытую уже заявил, что идеология, допускающая «свободную борьбу культур», является «крупнейшим препятствием при проведении нового курса национальной политики»[1286]. А ведь именно это — свободное развитие языков и культур разных народов — было обещано Донецко-Криворожской республике, когда ее убеждали в необходимости слиться в единое административное образование с Украиной.

Выходец из Елизаветграда (ныне Кировоград) Григорий Зиновьев, возглавлявший на тот момент Коминтерн, со всем своим недюжинным ораторским талантом обрушился на тезис по поводу свободной конкуренции языков и культур: «Не можем мы стоять на точке зрения нейтральности, на точке зрения того, что вот, пускай там, на Украине или еще где, борются две культуры, а мы подождем и посмотрим, что из этого выйдет. Это точка зрения не наша, особенно теперь, когда наша партия стоит у власти. Мы должны сыграть в этом вопросе активную роль... Вот почему ни к черту не годится теория нейтральности. Она абсолютно не годится для Советской России, где должно быть создано такое положение, при котором каждый пастух в Азербайджане будет знать, что если национальные школы у него существуют, то это не потому, что коммунисты стояли в сторонке и выдумали мудреное слово «нейтральность», а потому, что коммунисты активно помогали ему получить то, что ему нужно, и, таким образом, приобщают их к коммунизму»[1287]. Правда, глава Коминтерна и собравшиеся не задались вопросом, что будет чувствовать тот же металлист Харькова по поводу того, что эта же власть отбирает ЕГО национальную школу.

Еще дальше зашел Бухарин, который на том же съезде провозгласил практическим текстом тезис о необходимости национального угнетения русских в национальных республиках за пределами России: «Нельзя даже подходить здесь с точки зрения равенства наций, и т. Ленин неоднократно это доказывал. Наоборот, мы должны сказать, что мы в качестве бывшей великодержавной нации должны... поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям... Только при такой политике, когда мы себя искусственно поставим в положение, более низкое по сравнению с другими, только этой ценой мы сможем купить себе настоящее доверие прежде угнетенных наций»[1288]. Маски сброшены, лидеры Компартии в открытую заговорили о вреде идеи национального равенства. Когда харьковцев убеждали в том, что они должны присоединиться к Украине, им было обещано совершенно противоположное.

Скрыпник рядом со Сталиным на XV съезде ВКП(б)

В применении к Украине эта идеология нашла отражение в словах Скрыпника: «Для того, чтобы осуществлять свои классовые, пролетарские, коммунистические задания, рабочему классу на Украине нужно, обязательно нужно, не отождествлять себя с русским языком и с русской культурой... наоборот, нужно всемерно пойти в этом деле навстречу крестьянству»[1289]. Попросту говоря, рабочие Украины (и в первую очередь, разумеется, рабочие Донецко-Криворожского региона как наиболее развитой индустриальной части УССР) должны были перестать быть русскими! Ради святого дела, само собой — ради скорой всемирной революции.

Так идеологические, сугубо партийные рассуждения стали превалировать в деле государственного строительства над любыми иными, в том числе над задачами хозяйственно-экономического развития страны, ради которого и создавалась Донецкая республика. Собственно, поэтому история ДКР в конечном итоге оказалась под запретом.

Так начиналась советская украинизация Украины и Донецко-Криворожского региона — кампания гораздо более яростная, агрессивная, дикая и продолжительная по сравнению с украинизацией периода 1918 года. Уже в 1926 г. (всего-то через 8 лет после того, как глава Народного секретариата Скрыпник клятвенно обещал харьковцам, уговаривая их присоединиться к Украине, автономию и ненациональный характер УССР) Генеральный прокурор УССР Скрыпник, отметая жалобы харьковцев на украинизацию, ставил их в известность: в центральные учреждения Украины набираются лишь «служащие, которые нам нужны, то есть которые знают язык сельского большинства Украины». А еще спустя три года, в 1929 г., власти Сталино (ныне Донецк) уже нижайше просили наркома просвещения УССР Скрыпника оставить хотя бы один местный вуз — Сталинский горный институт (ныне Донецкий технический университет) — на русском языке обучения. И получили от него высокомерный отказ.[1290]

Сопротивление украинизации (а Скрыпник к этому приравнивал даже попытки ввести изучение языка эсперанто, не говоря уже о русском языке) жестоко подавлялось. В 1930 г., к примеру, был арестован целый ряд профессоров Харьковского сельскохозяйственного института (ХСХИ), которые были обвинены во «вредительстве», выражавшемся в отказе от перехода на украинский язык. Профессора этого вуза Кононенко вынудили подписать следующее признание: «Мы не видели и не хотели видеть и считаться с тем здоровым национальным возрождением, которое охватило Украину после революции. Для нас это было не массовое движение к национальной культуре, а движение интеллигентских групп, в значительной мере шовинистических, которые под этим знаменем боролись за осуществление своих интересов. Мы не видели необходимости перехода к украинской культуре, когда есть всем понятная старая русская культура. Мы доказывали, что это приведет к культурному регрессу, что селу это не нужно, что оно с большей охотой берет русскую книгу, что украинизацию ему навязывают. В дальнейшем, когда нам пришлось понять факт самостоятельной национальной политики соввласти, мы стремились объединяемую нами среду питать русской литературой, русофильскими настроениями... Старые «южнорусские» убеждения, «малороссийские подходы» к Украине долго господствовали среди нас и дали свой отпечаток на всей нашей работе»[1291]. То есть даже факт снабжения «русской литерату-

рой» в период украинизации в глазах властей УССР выглядел как «вредительство»!

Скрыпник на возражения и отказ от украинизации говорил о «диктатуре»: «Нет, примите нас такими, какими нас история дала — с нашей диктатурой, ...с нашей украинизацией». И радостно констатировал в 1929 году: «Новороссии нет... Я, может, единственный, кто... вспомнил это слово — «Новороссия». Оно стало чужим для жизни, для целой страны, для всего человечества»[1292].

Так под запретом оказались термины «Новороссия», «Юг России», «Донецко-Криворожский край» и т. д. Так постепенно вытравливали культурную, национальную, историческую память о южнорусской идентичности населения земель, ставших Юго-Востоком Украины. Так оказалась неугодной и неудобной память об истории Донецко-Криворожской республики. Так проводилась дикая большевистская украинизация края, жуткую историю которой еще предстоит постичь — научных исследований по этому периоду до сих пор не намного больше, чем по истории ДКР.

Так постепенно, одно за другим, исчезало упоминание о Донецкой республике. Затем постепенно, один за другим, расстреливались комиссары ДКР. А вместе с ними расстреливалась мечта — мечта жителей Донецко-Криворожского края о том, что когда-нибудь они сами, без указаний очередной столицы (будь то Москва, будь то Киев, будь то Берлин), будут определять, на каком языке им разговаривать, обучать своих детей, читать газеты. Мечта о том, чтобы жить в стране, лишенной национальных предрассудков и строящей свое будущее, исходя из собственных возможностей и ресурсов.

ИСТОРИЯ ДОНЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ: ЕСТЬ ЧТО ИЗУЧАТЬ И ЧЕМУ ПОУЧИТЬСЯ

История не знает сослагательного наклонения. Сейчас сложно предположить, что приключилось бы с Донецкой республикой, если бы в 1918 году на ее территорию не вторглись австро-германские войска, сопровождаемые «для национального колорита» отрядиками украинских гайдамаков. В любом случае, споры о будущем административно-государственном устройстве СССР продолжались бы, и не исключено, что и без немецкого вторжения советское руководство приняло бы линию на построение

государства по национальному принципу, а идеологический расчет на «разбавление мелкобуржуазной Украины сознательным пролетариатом Донбасса» взял бы верх. Мы можем также только догадываться, насколько бы прочным мог оказаться Советский Союз в случае, если бы победила линия идеологов создания ДКР — идея о том, что общероссийское государство должно строиться не по национальному, а по экономическому принципу. В любом случае, можно с большой вероятностью предполагать, что при таком развитии сценария некоторых нынешних постсоветских государств (в том числе и особенно — Украины) в нынешних границах сейчас бы не было.

На вопрос, хорошо это или плохо, пусть каждый из читателей этой книги формулирует для себя свой собственный ответ. Наверняка он будет напрямую зависеть от геополитических воззрений того или иного индивидуума.

Автор этой книги вовсе не собирался давать ответ на каждый из спорных вопросов, связанных с историей Юга России периода Гражданской войны — на эти вопросы, наверное, никогда не будет однозначных ответов. Как было сказано во вступлении, эта книга не является абсолютно законченной и полной историей ДКР. Верим, это — лишь начало. Начало длительного пути, на котором нужно будет найти еще немало сведений, источников, биографических данных некоторых из деятелей Донецкой республики. Это — лишь первый шаг, который рано или поздно надо было совершить для закрытия давнего «белого пятна» в истории Донецко-Криворожского края. И очень печально, что совершается он спустя почти сто лет после провозглашения Донецкой республики.

Не претендуя на полноту и бесспорность исследования, автор тем не менее рискнет сделать несколько важных выводов, исходя из сказанного выше. Главный из них заключается в том, что абсолютно неверно наклеивать на создателей ДКР ярлык «сепаратистов», чем занимались многие советские политики и историки, чем занимаются многие историки и политики современной Украины. К примеру, современный исследователь Олег Поплавский постоянно относит провозглашение ДКР к актам проявления «советского сепаратизма», говорит о реализации «идеи вычленения Донкривбасса из состава Украины», но тут же признает, что создатели этой республики и не думали отделяться от Российского государства, в которое до 1918 г. входили и Украина, и Донецко-Криворожский край, сам же пишет о том, что «авторы идеи отделения Донкривбасса от Украины пытались

снова подчинить Донецко-Криворожский бассейн российскому центру»[1293].

Позвольте, но о каком «сепаратизме» в таком случае может идти речь, если отделяться от государства (общероссийского) собирался вовсе не Донецко-Криворожский регион, а именно Украина?! Разве это не подмена понятий, на которую еще указывал Артем, отвечая на подобные упреки Скрыпнику в момент провозглашения ДКР: «Сепаратисты не мы, а вы»?

Виктор Ревегук в 1970-е годы писал: «Идея о выделении Донецко-Криворожского бассейна из состава Украины возникла впервые в ноябре 1917 г. и была обусловлена стремлением отмежеваться от контрреволюционной Центральной Рады и сохранить на территории бассейна Советскую власть, включив его в состав Российской Федерации»[1294]. Опять-таки довольно странное сочетание для «сепаратистов»: «выделение», но при этом «сохранение»! Так кто откуда собирался «выделяться» — уже существовавшая на тот момент и признанная общероссийской властью Донецко-Криворожская область из состава Украины, в которую она еще не входила, или еще не признанная никем и даже не объявившая о своей независимости (в ноябре 1917 г., во всяком случае) Украина — из состава России? Кто в этом случае «сепаратист»-то?

Приведенные выше факты бесспорно свидетельствуют о том, что Донецко-Криворожский бассейн, как бы кому-то ни хотелось иначе, на момент провозглашения Донецкой республики не мыслил себя в отрыве от России, не видел себя в отрыве от общероссийского государства. И если и пришлось в срочном порядке создавать «наркомат иностранных дел» (на самом деле, был нарком, но не было наркомата), то только перед лицом немецкой агрессии — в качестве отчаянной попытки остановить продвижение иностранных войск дипломатическим путем. Действия идеологов провозглашения этой республики диктовались соображениями сохранения общегосударственного единства, а вовсе не «сепаратизмом». И эта идея как раз пользовалась абсолютной поддержкой населения края, который не воспринимал тогда лозунги украинской самостийности.

Конечно, мы сейчас можем говорить о том, что референдума никто по этому поводу не проводил. Поплавский пишет: «При создании Донецко-Криворожской республики ее инициаторы нарушили важное условие, которое требует согласовывать такие действия с точно выраженной волей всего населения данной территории. В ноябре 1917 г. Артем и другие руководители

области предлагали провести по этому поводу референдум. Но уже вскоре предложение было забыто и воля населения... была проигнорирована. Потому идея отделения Донкривбасса от Украины и подчинения его России была не просто исторически и политически безосновательной, бесперспективной, но во многом авантюристичной»[1295].

То есть раз не было референдума — значит, авантюра? Любопытно, а когда же был референдум по поводу провозглашения Украинской Народной Республики или тем более о присоединении к ней регионов, которые до III Универсала не признавались в составе Украины и самим Киевом? Ведь не было и обещанных этому краю (между прочим, обещанных и Украиной, и Москвой) референдумов и плебисцитов по поводу решения о принадлежности края или отдельных его земель Украине или России в момент волюнтаристских решений московского ЦК о том, чтобы считать этот край частью Украинской ССР! Тоже авантюра?

В. Солдатенко во многих своих статьях красной нитью проводит одну и ту же мысль: «Характерно, что идеи вычленения Донкривбасса из состава Украины не нашли сколько-нибудь заметного отклика в народных массах. По крайней мере, документы, касающиеся этого, не сохранились»[1296]. А взамен он же приводит несколько решений Советов разных уровней (преимущественно принятых до конца января 1918 г., то есть до провозглашения ДКР), которые поддержали действия правительства Советской Украины, то есть Цикуки и ее Народного секретариата. «Именно решения этих съездов и конференций, — пишет Солдатенко, — следовало бы рассматривать как волеизъявление всего населения области»[1297].

Однако Солдатенко наверняка знаком с массой резолюций тех же Советов, на январские решения которых он ссылается, где поддерживается Совнарком Донецко-Криворожской республики, признается сама республика и, что принципиально, в отличие от простой поддержки действий советской Украины, решениями этих же Советов и конференций регион признается частью Донецкой республики! Почему эти решения, принятые уже после января 1918 г., маститый украинский историк не считает «волеизъявлением всего населения»?

Итак, решений съездов Советов в поддержку ДКР, на самом деле, хватало. А задавался ли кто-то из историков вопросом: сохранились ли какие-либо документы, свидетельствующие о том, что кто-то в Донецко-Криворожском крае вышел на митинги про-

теста против провозглашения Донецкой республики? Зафиксированы ли массовые (ну, или хотя бы не очень массовые) акции в поддержку «украинской государственности», в поддержку идеи о нахождении данного края в составе хоть какой-то из Украин — либо советской, либо незалежной? Документы и мемуары точно зафиксировали, что рабочий Харьков вываливал на улицы, чтобы радостно встречать большевиков (без разбору, под каким брендом они выступали — ДКР ли, УССР ли, советской ли России), а интеллигенция Харькова с огромным воодушевлением и массовыми гуляниями встречала Деникина с его лозунгами о «единой и неделимой России». А вот появление в обозе немецкой армии украинских войск Болбочана оставило харьковцев совершенно равнодушными. И это — тоже бесспорный факт.

Солдатенко и целый ряд других украинских исследователей указывают также на то, что «Совнарком РСФСР не признал Донецко-Криворожскую республику ни самостоятельной республикой, ни частью Российской Федерации»[1298]. Но как же быть с массой телеграмм, приводимых в этой книге и наверняка известных указанным историкам? Кто же тогда от имени советского правительства слал из Петрограда, а затем из Москвы многочисленные депеши Совнаркому ДКР (напрямую, в обход Киева—Екатеринослава—Таганрога — в зависимости от местонахождения стремительно передвигавшейся по стране Цикуки)? Почему представитель советского командования Антонов-Овсеенко признавал власть правительства ДКР, подчеркивая представителю Цикуки, что Донецкая республика не входит в состав Украины? Почему, в конце концов, Наркомат иностранных дел России протестовал против вторжения в Одесскую и Донецкую республики австро-германских войск и почему официальная советская делегация из Москвы долго торговалась по поводу восточных границ Украины, так и не признав их?

Да, Москва, чья позиция относительно Украины в различные периоды истории зачастую базировалась на непроверенных слухах, мифах, национальных предрассудках и совершенном игнорировании мнения местного населения, постоянно колебалась относительно и Украины, и ДКР. Мнение лидеров советской России разнилось и часто менялось в зависимости от сиюминутной политической конъюнктуры и колебаний «генеральной линии партии». Да, как правило, это мнение зависело от частоты появления в российской столице Скрыпника, который умел играть в аппаратные игры гораздо лучше, чем управлять вверенной ему территорией, и порой не вылезал из российской столицы в

момент, когда надо было организовывать оборону своей республики, или Артема, который, наоборот, всячески избегал частых поездок в Москву и, как капитан тонущего корабля, уходил из оккупируемых городов последним. Но отрицать тот факт, что Москва в различные периоды, забыв об Украине, о Цикуке и Скрыпнике, связывалась с Совнаркомом ДКР, тоже было бы неправильно — слишком много документов, подтверждающих этот факт, имеется в архивах, уже введены в научный оборот или вводятся этой книгой.

Нельзя не отрицать, что в конечном итоге именно давление Москвы (жесткое и неприкрытое), а не мнение жителей Донецко-Криворожского региона или тем более мнение Киева, вынудило лидеров Донецкой республики согласиться с тем, чтобы считать ее частью советской Украины. Но при этом, как мы видели выше, это согласие было обставлено целым рядом непреложных условий, с которыми согласились и Киев, и Москва. На всякий случай, стоит повторить эти условия:

1. Будущая Украина ни в коем случае не будет считаться национальной республикой, языковые и национальные права всех этносов в ней будут равными.

2. Украина сохранит неразрывную федеративную связь с Россией и не будет от нее отделяться.

3. Внутри будущей (как порой обещали, федеративной) Украины возможны автономные образования, к каковым обязательно будет относиться и Донецко-Криворожский бассейн, а уровень взаимоотношений с общероссийским центром для этих образований будет определен после войны.

Как известно, два из трех этих пунктов были нарушены буквально сразу же после Гражданской войны: Украинская ССР была в итоге объявлена национальной республикой, в ней началась кампания насаждения одного языка в ущерб другому, а попытки Донецкого бассейна получить автономию жестко подавлялись. А в 1991 г. было нарушено и последнее условие — Украина и Россия стали отдельными государствами. Во многом из-за того, что при формировании общесоюзной державы изначально был заложен не тот принцип, который предлагали идеологи Донецкой республики.

Констатация этих фактов — это всего лишь необходимая дань правде истории. И не стоит делать из них политических выводов, перенесенных в современность. Хотя как раз украинские историки, говоря о Донецкой республике, к сожалению, чаще всего как раз экстраполируют события почти что вековой

давности на современные события, а не занимаются изучением самой истории. И потому чаще всего сразу же накладывают табу на саму тему. Те же немногие исследователи, которые все-таки рискуют обратиться к теме существования ДКР, также не избегают соблазна покритиковать эту республику с точки зрения сегодняшнего дня.

Например, О. Поплавский пишет, говоря об истории Донецкой республики: «Сегодня, как и 90 лет тому назад, все разговоры о соборности, независимости, суверенности кажутся несколько проблематичными, хотя бы с оглядкой на то, что наше национальное, информационное, книжное, кино-аудиопространство давно и полностью сдано на откуп соседней державе. В итоге ни государственная власть, ни многочисленные политические партии на данном этапе не способны идеологически организовать массы, а тем более повести их за собой». Интересные параллели, не правда ли? Трудно сказать, о какой «соседней державе», которой что-то «сдавали на откуп», шла речь в 1917—1918 гг. — то ли о России, то ли о Германии, то ли о самой Украине, которую в Донецко-Криворожском бассейне тоже в тот момент начали считать «соседней державой». Логика автора этого тезиса проясняется, когда он объявляет, что в его работе «обобщен опыт дезинтеграции Украины, совершенной российскими большевиками при поддержке их местных сторонников в конце 1917 — начале 1918 г., что может стать ценным исходным материалом при организации наступления на подобные тенденции в наше время»[1299].

И в качестве примера подобных тенденций Поплавский приводит приснопамятные события 2004 года, когда политические элиты Юго-Восточной Украины подняли вопрос о создании Юго-Восточной Украинской автономной республики со столицей все в том же Харькове — ее границы очень напоминают границы ДКР (плюс Крым, разумеется) (см. цветн. вкладку, стр. 12). Тот же Поплавский вспоминает общественную организацию «Донецкая Республика», неоднократно запрещавшуюся в связи с обвинениями в «сепаратизме», и целый ряд других примеров из новейшей истории современной Украины.

Именно эти тенденции и пугают украинских политиков, историков, журналистов, когда речь заходит о событиях, казалось бы, давно уже минувших дней. Еще в период «гласности» и «перестройки», когда открыто и свободно в обществе дискутировали по поводу любых ранее запретных исторических тем, в донецких газетах наконец-то стали появляться статьи об

истории ДКР, в которых писалось: «Мы полагаем, что никто... не имеет права в духе прежних времен указывать нам, как изучать наше прошлое. Донецкая республика, хотим мы того или нет, — часть нашей истории, перечеркнуть которую или обойти молчанием просто нельзя»[1300]. И тут же послышался гневный оклик одного из тогдашних лидеров националистических организаций Украины Левко Лукьяненко: «Будем настороже!»[1301] А ведь казалось бы, что крамольного в желании изучать и знать историю своего края, какой бы она ни была — эта история?

Тем более что в истории Донецкой республики — краткой, но яркой — есть что изучать и чему поучиться. В ней были героические страницы, в ней хватало захватывающих историй, достойных детективов, в ней были попытки невероятных по скорости и по масштабам реформ, в ней были правительственные кризисы и скандалы, и, самое главное, в ней четко прослеживается стремление построить свою судьбу и судьбу своей Родины своими руками. Можно сейчас долго спорить по поводу верности или неверности избранных идеологем и взглядов на будущее мироустройство (в этом смысле претензии можно предъявлять всем сторонам, ввергшим государство в долгий период Гражданской войны и разрухи). Но нельзя отрицать того факта, что Донецко-Криворожская республика существовала и ее историю следует изучать в той же канве, в которой сейчас изучается история УНР, ЗУНР, советской Украины, деникинского Юга России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Архивы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦДАВО).

Материалы периодической прессы

Бюлетень газети «Рух» (Харьков)
«Вечерний Донецк»
«Возрождение» (Харьков)
«Голос Украины» (Киев)
«Донецкий кряж» (Донецк)
«Донецкий пролетарий» (Луганск)
«Донецкий пролетарий» (Харьков)
«Жизнь» (Донецк)
«Звезда» (Екатеринослав)
«Земля и Воля» (Харьков)
«Зеркало недели» (Киев)
«Известия Юга» (Харьков)
«Комсомолец Донбасса» (Донецк)
«Кочегарка» (Горловка)
«Наш день» (Харьков)
«Наш Юг» (Харьков)
Приложение к газете «Донецкий пролетарий» (Харьков)
«Пролетарий» (Харьков)
«Рідне слово» (Харьков)
«Рух» (Харьков)
«Утро» (Харьков)
«Южный край» (Харьков)
New York Times (Нью-Йорк)

ЛИТЕРАТУРА

Bechhofer C. In Denikin's Russia and the Caucasus, 1919—1920. London: W. Collins sons & Co., 1921.

Croghan P. A. The peasant from Makeyevka. Worcester: Augustinians of the Assumption, 1982.

Friedgut T. Iuzovka and Revolution (Vol. 1—2). New Jersey: Princeton university press, 1994.

Germany and the Revolution in Russia. 1915—1918. London: Oxford Press, 1958.

Goricar J. The Inside Story of Austro-German Intrigue. New York: Doubleday, Page & Co, 1920.

Koutaissoff A. Ukraina. Copenhagen, 1918.

Liber O. Soviet nationality policy, urban growth, and identity change in the Ukrainian SSR. 1923—1934. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

Ludendorff E. Ludendorff's Own Story (Vol. 1—2). New York and London: Harper & Brothers, 1919.

Magnes J. L. Russia and Germany at Brest-Litovsk. New York: The Rand school of social science, 1919.

McCaffray S. P. The politics of industrialization in tsarist Russia. The Association of Southern Coal and Steel Producers. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996.

McCay J. P. Pioneers for Profit: Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885—1913. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

Memorandum to the Government of the United States on the Recognition of the Ukrainian People's Republic. Washington: Friends of Ukraine, 1920.

Shoulguin A. The problems of the Ukraine. London: The Ukrainian Press Bureau, 1919.

Timoshenko W. Ukraine and Russia. A survey of their economic relations. Washington: Friends of Ukraine, 1919.

The Bolshevik revolution 1917—1918: documents and materials. Stanford: Stanford University Press, 1965.

Tompson W. J. Khrushchev: A Political Life. — Palgrave Macmillan, 1997.

Trotsky L. History of the Russian Revolution. New York: Simon and Schuster, 1932.

Ukraine «peace». Washington: Government Printing Office, 1918.

Voronine-Yourieff Y. S. In Quisling Shadow. The memoirs of Vidkun Qusling's first wife, Alexandra. — Stanford: Hoover Institution Press, 2007.

Абросимов М. Невыпущенные боны. Бонистика (http://www.bonistikaweb.ru/SOVKOL/abrosimov.htm)

Автономия Башкиртостана в 1919—1922 гг. Башкирские новости (http://bashkir.info/2001-avtonomija-bashkortostana-v-1919—1922-gg.html)

Алданов М. А. Огонь и дым. Париж: Франко-русская печать, 1922.

Александров Я. Белые дни. Вюнсдорф: Печатное искусство, 1922.

Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне (тт. 1—3). Москва: Государственное военное издательство, 1924—1932.

Арбатов З. Ю. Екатеринослав в 1917—22 гг.//Архив Русской Революции (Т. 12). Берлин: Издательство г. В. Гессена, 1922.

Артем на Украине. Документы и материалы. Харьков: Харьковское книжное издательство, 1961.

Астахова В. И. Революционная деятельность Артема в 1917—1918 годах. Харьков: ХГУ, 1966.

Бабенко А. Боны Славянска//Московский бонист. 1979. № 1—2.

Багалей Д., Миллер Д. История города Харькова за 250 лет его существования (тт. 1—2). Харьков: М. Зильберберг и Сыновья, 1912.

Билимович А. Д. Деление Южной России на области. Одесса: Подготовительная по национальным делам комиссия, 1919.

Большевистские организации Украины: организационно-партийная деятельность. Февраль 1917 — июль 1918. Киев: Издательство политической литературы Украины, 1990.

Борьба за власть Советов в Донбассе. Сталино: Сталинское областное издательство, 1957.

Бош Е. Б. Год борьбы. Киев: Издательство политической литературы Украины., 1990.

Валентинов А. Капитан Филибер. Москва: Эксмо, 2007.

Варгатюк П. Л. Донецько-Криворізька Радянська Республіка в оцінці В. І. Леніна// Український історичний журнал. 1988. № 4. С. 33—55.

Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине. Февраль 1917 — апрель 1918 (Т. 3. Борьба за распространение и упрочение Советской власти на Украине). Киев: Государственное издательство политической литературы УССР, 1957.

Весь Харьков на 1917 год. Харьков: Издание Е. С. Элькина, 1917.

Винниченко В. Відродження нації (тт. 1—3). Киев; Вена, 1920.

Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. — Москва, 1962.

Восьмая конференция РКП(б). Декабрь 1919 г. Москва: Партийное издательство, 1934.

Гагарин Ю. А. Дорога в космос. Москва: Правда, 1961.

Горчаков О. А. Внимание: чудо-мина! Москва: Советская Россия, 1973.

Государственная Дума Российской империи. 1906—1917. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2008.

Гражданская война на Украине (тт. 1—3). Киев: Наукова думка, 1967.

Грицкевич. Борьба за Украину. 1917—1921. Минск: Современная школа, 2011.

Гутман Е. И. Командир бронепоезда// Без них мы не победили бы. Москва: Политиздат, 1975.

Даренский В. Дело чести (из истории Донецко-Криворожской Республики и ее борьбы с немецкими оккупантами в 1918 году)// Жизнь Луганска. 2003. № 7.

Двенадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. Москва: Издательство политической литературы, 1968.

Декреты Советской власти (т. 1). Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957.

Деникин. Очерки Русской Смуты (тт. 1—4). Париж; Берлин: Слово, 1924—1925.

Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. Москва: Советская энциклопедия, 1989.

Дипломатія УНР та Української Держави в документах і спогадах сучасників (тт. 1—2). Киев: Український письменник, 2008.

Дмитриевский А. Артем Сергеев: «Для меня большая честь — быть сыном председателя Донецко-Криворожской Республики» // Донецкий кряж. 2007. 19 октября.

Добрынин В. В. Борьба с большевизмом на юге России. Участие в борьбе Донского казачества. Прага: Славянское издательство, 1921.

Документы внешней политики СССР (т. 1). Москва: Государственное издательство политической литературы, 1959.

Документы по истории гражданской войны в СССР (т. 1). Москва: Политиздат при ЦК ВКП(б), 1941.

Дорошенко В. Українство в Росії. Новійші часи. Вена: Союз визволення України, 1916.

Дроговоз И. Г. Крепости на колесах: История бронепоездов. Минск: Харвест, 2002.

Дроздовский М. Г. Дневник. Берлин: Отто Кирхнер и К°., 1923.

Думанский В. Детище пламенного революционера Артема. К 90-летию Донецко-Криворожской советской республики// Зеркало недели. 2008. 8 марта.

Затонський В. Уривки з спогадів про українську революцію// Архіви України. 1990. № 1. С. 40—66.

Зинухов А. Комендант Саенко// КЛИО. Историко-художественный журнал. 1994. № 1. С. 39—55.

Зуб Э. Галерея к юбилею// Вечерний Харьков. 2007. 13 июля.

Зуб Э. Дядя Степа. Не милиционер// Вечерний Харьков. 2007. 3 сентября.

Зуб Э. Дикий Запад на востоке// Вечерний Харьков. 2007. 17 октября.

Игренев Г. Екатеринославские воспоминания (Август 1918 г. — июнь 1919 г.)// Архив Русской Революции. Т. 3. Берлин: Издательство Г. В. Гессена, 1921.

История гражданской войны в СССР (т. 3). Москва: Государственное издательство политической литературы, 1957.

Какурин Н. Е. Как сражалась революция (т. 1. 1917—1918 гг.). Москва: Издательство политической литературы, 1990.

Каплин А. Д., Матвеенко М. П. Харьковская епархия в условиях революционных событий 1917 г.// Сумський історико-архівний журнал. 2010. № 8—9. С. 165—167.

Керенский А. Ф. Издалека. Сборник статей (1920—1921). Париж: Русское книгоиздательство Я. Поволоцкого и К°, 1922.

Кихтев С. П. Коммунисты Донбасса в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. Киев: Государственное издательство политичекой литературы УССР, 1954.

Корнилов В. В. 15 мифов и правда о Донецко-Криворожской республике//2000. 2011. 25 февраля.

Корнилов Д. В. Артем//Вечерний Донецк. 1991. 24 июля.

Корнилов Д. В. Кто жил в Юзовке?// Донецкий кряж. 1997. 23 ноября.

Корнилов Д. В. Отчаянная республика// Укрстор (http://ukrstor.com/ukrstor/9908p3_1.html).

Королівський С. М. Перший з'їзд Рад України, Киев: Государственное политическое издательство УССР, 1957.

Кульчицкий С. В, Шаповал Ю. І. Новітня історія України (1914—1939): Підруч. для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл. Киев: Генеза, 2003.

Куромія Г. Свобода і терор у Донбасі. Українсько-російське прикордоння, 1870—1990-і роки. Киев: Основа, 2002.

Лаврив П. Донецко-Криворожская республика: правда и вымысел// Голос Украины. 1993. 12 июня.

Латипов Т. Л. Д. Троцкий и «Башкирский вопрос» 1920 г. // Международный историчекий журнал. 2002. № 19.

Левченко А. Борис Штейфон — незамеченная годовщина// Медиапорт (http://starosti.mediaport.ua) от 5 мая 2010 г.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений (тт. 32, 35, 36, 50, 52, 54). Москва: Издательство политической литературы, 1969—1975.

Ленинский сборник (т. 40). Москва: Политическая литература, 1980.

Лукомский А. С. Из воспоминаний// Архив Русской Революции (Т. 5). Берлин: Издательство Г. В. Гессена, 1922.

Магидов Б. И. Донецко-Криворожская республика// Кочегарка. 1927. 6 ноября.

Магидов Б. И. Организация ДКР и отступление из Харькова// Пять лет. Сборник статей и воспоминаний, посвященный пятой годовщине Октябрьской революции. Харьков, 1922.

Мальгин А. В. Украина: соборность и регионализм. Симферополь: Сонат, 2005.

Марголин А. Украина и политика Антанты. Берлин: С. Ефрон, 1921.

Маргулиес М. С. Год интервенции. Берлин: Издательство З. И. Гржебина, 1923.

Мартов Л. Письма: 1916—1922. Benson: Chalidze Publications, 1990.

Матеріали та документи про Донецько-Криворізьку республіку//Літопис революції, 1928, № 3, стр. 246—283.

Мачулин Л. И. Украинская столица для Красного императора. Харьков: Мачулин, 2009.

Меликов В. А. Героическая оборона Царицына (1918 год). Москва: Государственное военное издательство Наркомата обороны СССР, 1940.

Милюков П. Н. (1921). История второй Русской Революции (т. 1. Выпуск 1—3). София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921—1923.

Михайлин І. Л. Нарис історії журналістики Харківської губернії. Харьков: Колорит, 2007.

Оберучев К. М. В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. New York: First Russian Publishing Corporation, 1919.

Оболенский-Осинский В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. Москва: ЦСУ СССР, 1928.

Осинский В. В. Строительство социализма. Статья вторая// Коммунист. 1918. № 1. 20 апреля.

Печать и революция (т. 2). Москва: Государственное издательство, 1921.

Плотичер Е. А. Слово о родном городе. Харьков: Золотые страницы, 2009.

Поплавський О. О. Донецько-Криворізька Радянська республіка: історико-політичний аспект. Дисертація на здобуття вченого ступеня кандидата історичних наук. Днепропетровск: ДНУ, 2010.

Поплавський О. О. Донецько-Криворізька Радянська республіка: історико-правовий аспект. Автореферат дисертації. Харьков: ХГУ, 2010.

Протоколы Десятого съезда РКП(б). Москва: Партиздат, 1933.

Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 гг. Москва: РОССПЭН, 2006.

Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (лето 1918 — весна 1920)// Русский сборник. 2010. № VII. С. 158—259.

Работы Харьковского Губернского Съезда Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов от 16 февраля 1919 года. Харьков: Центропечать, 1919.

Рассказ о почетном шахтере. Сталино: Сталино-Донбасс, 1961.

Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). Москва: Государственное статистическое издательство, 1956.

Ревегук В. Я. Донецько-Криворізька республіка. Дисертація на здобуття вченого ступеня кандидата історичних наук. Харьков: ХГУ, 1974.

Росс К. Доклад начальнику операционного отделения германского Восточного фронта о положении дел на Украине в марте 1918 года// Архив Русской Революции, т. 1. Издательство Г. В. Гессена.

Савченко В. А. Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование. Харьков: Фолио, 2000.

Савченко В. А. Двенадцать войн за Украину. Харьков: Фолио, 2008.

Седьмой экстренный съезд РКП(б). Стенографический отчет. Москва: Государственное издание политической литературы, 1962.

Селявкин А. И. В трех войнах на броневиках и танках. Харьков: Прапор, 1981.

Сергеев А., Глушик Е. Беседы о Сталине. Москва: Крымский мост, 2006.

Сідак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Киев: Темпора, 2009.

Скрипник М. О. Вибрані твори. Киев: Україна, 1991.

Скрипник М. О. Статті й промови з національного питання. Мюнхен: Сучасність, 1974.

Скрипник М. О. Статті й промови, т. 2, 1929.

Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Записки русского еврея (т. 2). Париж, 1933.

Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Украины (т. 6), 1919.

Соколов К. Н. Правление генерала Деникина. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1921.

Солдатенко В. Ф. Українська революція. Історичний нарис. Киев: Либідь, 1999.

Солдатенко В. Ф. Донецко-Криворожская республика — иллюзии и практика национального нигилизма// Зеркало недели. 2004. 4 декабря.

Солдатенко В. Ф. (2010). Україна в революційну добу (тт. 3—4). Киев: Світогляд, 2010.

Солдатенко В. Ф. Революційна доба в Україні (1917—1920 роки). Киев: Парламентське видавництво, 2011.

Солженицын А. И. Двести лет вместе. Москва: Русский путь, 2009.

Солоневич И. Л. Россия и революция. Москва: Имперское возрождение, 2007.

Сталин И. В. Сочинения (т. 17). Тверь: Северная корона, 2004.

Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов// Приложение к газете «Донецкий пролетарий». 1918. 23 февраля.

Стромилюк Л. «...Не має бути нікому і ніякого монумента з чужинців...»// Наукові виклади. 2006. № 1. С. 13—18.

Сумский кадетский корпус. Сан-Франциско, 1955.

Суханов Н. Н. Записки о революции (тт. 1—3). Москва: Республика, 1991

Тинченко Я. Українські збройні сили. Киев: Темпора, 2009.

Троцкий Л. Д. История русской революции (т. 2. Октябрьская революция).

Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. Москва: Наука, 1990.

Туркул А. В. Дроздовцы в огне. Белград: Светлост, 1937.

Турченко Г. Ф. Історичний вибір: Південна Україна чи Новоросія// Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету. — 2010 г. Вип. XXIX. С. 77—87.

Удод О. А. Історіографія Донецько-Криворізької Радянської республіки// Регіональна історія України. Збірник наукових статей. 2007. № 1.

Український національно-визвольний рух. Березень-листопад 1917 року. Документи і матеріали. Киев: Видавництво імені Олени Теліги, 2003.

Устинов С. М. Записки начальника контрразведки. Белград: Всеславянский книжный магазин Стефанович и К°, 1922.

Федоровский Ю. Р. К 80-летию Донецко-Криворожской республики. История в документах// Братья-славяне. 1998. № 2.

Федоровский Ю. Р. Судьбы наркомов// Коммунист Донбасса. 2000. 4 февраля.

Федоровський Ю. Р. Повстанський рух в Донбасі та Махно. Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата історичних наук. Донецк, 2000.

Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир: Октябрь 1917 — ноябрь 1918 гг. Москва: Терра, 1992.

Харьков в 1917 году. Воспоминания активных участников Великой Октябрьской социалистической революции. Харьков, 1957.

Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник документов. Февраль-декабрь 1917 г. Харьков, 1947.

Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник документов и материалов. Февраль 1917 — апрель 1918. Харьков: Харьковское областное издательство, 1957.

Харьков. Его прошлое и настоящее. Историко-справочный путеводитель. Харьков: Типография Адольфа Дарре, 1902.

Харьков. Путеводитель для туристов и экскурсантов. Харьков: Типография И. М. Аничкина, 1915.

Христюк П. Українська революція. Розвідки и матеріяли (т. 4). Institut sociologique Ukrainien, 1922.

Хрущев Н. С. Время. Люди. Власть (т. 1). Москва: Московские новости, 1999.

Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). Москва: Посев, 2009.

Чернецов на Щетове// Калитва (http://www.kalitva.ru/130954-statya-p-krindacha-chernecov-na-shhetove.html)

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. Москва: Терра, 1991.

Шабельніков В. І. Про виділення Донбасу в єдиний адміністративно-територіальний і економічний регіон України (1919—1921 рр.)// Нові сторінки історії Донбасу: Збірник статей, 2010. Кн. 19. Донецк: ДонНУ. С. 164—170.

Шевченко В. А. О Донецко-Криворожской республике// Комсомолец Донбасса. 1990. 9 февраля.

Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы. Москва: Государственное издательство политической литературы, 1958.

Широкорад А. Б. Украина — противостояние регионов. Москва: АСТ, 2009.

Штейфон Б. А. Кризис добровольчества. Белград: Русская типография, 1928.

Штерн С. В огне гражданской войны. Воспоминания, впечатления, мысли. Париж: Типография Е. А. Гутнова, 1922.

Шульгин В. В. Нечто фантастическое. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1922.

Щербініна О. В. Регіональна представницька організація — з'їзд гірничопромисловців Півдня Росії// Проблеми історії України XIX — початку XX ст. 2003. Вип. 6. С. 85—91.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Варгатюк, стр. 36, Ревегук, стр. 10.

2 См.: Кульчицький С., Шаповал Ю. Історія України (1914—1939): Підруч. для 10 кл. загальноосвіт. навч. закл. — К.: Генеза, 2003.

3 Даренский, стр. 13.

4 Удод, стр. 224.

5 Астахова, стр. 94—122.

6 Корнилов Д., Отчаянная республика.

7 Ревегук, стр. 18.

8 См.: Поплавський, Дисертація.

9 Ревегук, стр. 195; Поплавський, Автореферат диссертации, стр. 15.

10 Поплавський, Автореферат диссертации, стр. 16.

11 Корнилов Д., Отчаянная республика.

12 См.: Валентинов А., Капитан Филибер.

13 Корнилов Д., Артем.

14 Корнилов В., 15 мифов и правда о Донецко-Криворожской республике.

15 Корнилов Д., Отчаянная республика.

16 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

17 Донецкий пролетарий, 7 апреля 1918 г.

18 См.: к примеру: http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/6113231.

19 Речь, прежде всего, идет о книгах Гироаки Куромия (Hiroaki Kuromiya, Freedom and terror in the Donbass) и Теодора Фридгута (Theodore H. Friedgut, Iuzovka and Revolution).

20 McCaffray, стр. 245.

21 См.: Зеркало недели, 8 марта 2008 г.

22 Куромія, стр. 149—150; Мальгин, стр. 75.

23 Винниченко, т. 2, стр. 270.

24 Известия Юга, 7 апреля 1917 г.

25 В первую очередь следует обратить внимание на следующие труды: фон Дитмар, Краткий очерк истории съездов горнопромышленников юга России. Харьков, 1908; Фомин П. И., История съездов горнопромышленников юга России. Харьков, 1906; Susan P. McCaffray, Politics of Industrialization in Tsarist Russia: The Association of Southern Coal and Steel Producers, 1874—1914. — Northern Illinois University Press, 1996.

26 Friedgut, т. 2, стр. 25, 33; Щербініна, стр. 85.

27 Friedgut, стр. 29; McCaffray, стр. XV.

28 Харьков. Путеводитель для туристов и экскурсантов, стр. 68.
29 Friedgut, т. 2, стр. 35.
30 Friedgut, т. 2, стр. 30, 279, 280.
31 McCaffray, стр. 4.
32 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, стр. 22.
33 См.: McCaffray, стр. 11.
34 Friedgut, т. 2, стр. 42.
35 McCaffray, стр. 25.
36 Friedgut, т. 2, стр. 45, 47.
37 Friedgut, т. 2, стр. 45, 49.
38 Friedgut, т. 2, стр. 44.
39 Friedgut, т. 2, стр. 47—48.
40 Friedgut, т. 2, стр. 46.
41 Слиозберг, стр. 135.
42 Солоневич, стр. 345.
43 См.: Солженицын, Двести лет вместе.
44 Оболенский-Осинский, стр. 45—47.
45 Корнилов Д., Кто жил в Юзовке?.
46 Оболенский-Осинский, стр. 49; Слиозберг, стр. 136—137.
47 McCaffray, стр. 10.
48 McCaffray, 1996, стр. 20—21.
49 Оболенский-Осинский, стр. 46.
50 См.: Солженицын, Двести лет вместе.
51 Поплавський, Дисертація, стр. 70.
52 Friedgut, т. 2, стр. 46—47.
53 Friedgut, т. 2, стр. 33.
54 Friedgut, т. 1, стр. 330, McCaffray, 1996, стр. XVI.
55 Цит. по: Friedgut, т. 2, стр. 280.
56 Український національно-визвольний рух, стр. 593—595.
57 Слиозберг, стр. 132.
58 Friedgut, т. 2, стр. 207—208.
59 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
60 Помни Героев Крут — останови вражескую орду Януковича//Рупор (http://rupor.info/glavnoe/2010/01/29/pomni-geroev-krut-ostanovi-vrazheskuju-ordu-januko/).
61 См.: Слиозберг, стр. 135.
62 Цит. по: Горчаков, Внимание: чудо-мина!.
63 Tompson, стр. 5—6.
64 См.: Троцкий, История русской революции, т. 2// Враг капитала (http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/2-G.html).
65 Слиозберг, стр. 135.
66 Рашин, стр. 44—45.
67 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
68 Мачулин, стр. 13; Багалей, Миллер, т. 2, стр. 114—180.

69 Весь Харьков, стр. 152.
70 Плотичер, стр. 17.
71 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 46.
72 Большевистские организации, стр. 404—405.
73 Там же, стр. 426; McCaffray, стр. 98.
74 Friedgut, т. 2, стр. 64.
75 См.: Рашин, 1956, стр. 285—302.
76 McCay, стр. 135.
77 Куромія, стр. 31.
78 Friedgut, т. 2, стр. 20.
79 Куромія, стр. 21.
80 Friedgut, т. 2, стр. 116.
81 McCaffray, стр. 134.
82 Friedgut, т. 2, стр. 175.
83 Germany and the Revolution, стр. 142.
84 Государственная Дума, стр. 378—379.
85 Friedgut, т. 2, стр. 224; Trotsky, стр. 287—288.
86 Friedgut, т. 2, стр. 64—65, 216.
87 Там же, стр. 234—235.
88 Там же, стр. 124.
89 Куромія, стр. 164.
90 Мачулин, стр. 18.
91 Koutaissoff, стр. 13.
92 Маргулиес, стр. 197.
93 Плотичер, стр. 19—20; Деникин, т. 2, стр. 167.
94 Friedgut, т. 2, стр. 347.
95 Наш Юг, 17 января 1918 г.
96 New York times, 17 марта 1918 г.
97 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, стр. 11.
98 Рідне слово, 24 июня 1917 г.
99 Михайлин, стр. 300.
100 Цит. по: Деникин, т. 2, стр. 237.
101 Донецкий пролетарий, 9 декабря 1917 г.
102 Харьков в 1917 году, стр. 154.
103 Донецкий пролетарий, 31 марта 1918 г.
104 Стромилюк, стр. 15.
105 Михайлин, стр. 239—242.
106 Там же, стр. 312.
107 Мачулин, стр. 29.
108 Український національно-визвольний рух, стр. 209.
109 См.: там же, стр. 487—488.
110 Александров, стр. 49.
111 Алданов, стр. 36—38.

[112] Деникин, т. 1, вып. 1, стр. 130—131.
[113] Арбатов, стр. 84.
[114] Милюков, т. 1, вып. 3, стр. 107—108.
[115] New York times, 2 декабря 1917 г. и 21 февраля 1918 г.
[116] Добрынин, стр. 61.
[117] Федоровський, 2000, стр. 24; см.: также: Волобуев, Экономическая политика Временного правительства.
[118] Friedgut, т. 2, стр. 244.
[119] Там же.
[120] ЦДАВО. Фонд 4317.
[121] Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 67—71.
[122] Возрождение, 19 апреля 1918 г.
[123] Friedgut, т. 2, стр. 273, 310—311.
[124] Кихтев, стр. 24; Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 370.
[125] Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 21.
[126] Поплавський, Дисертація, стр. 71.
[127] Там же.
[128] Весь Харьков, стр. 78.
[129] Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 126.
[130] Поплавський, Дисертація, стр. 73; Кихтев, стр. 148.
[131] Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
[132] Кихтев, стр. 148—149.
[133] Friedgut, стр. 305.
[134] Большевистские организации Украины, стр. 459.
[135] Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
[136] Земля и Воля, 12 декабря 1917 г.
[137] Хрущев, стр. 34.
[138] Рассказ о почетном шахтере, стр. 36.
[139] Friedgut, т. 2, стр. 224.
[140] Там же, стр. 246.
[141] Большевистские организации Украины, стр. 694.
[142] Шестой съезд РСДРП(б), стр. 92.
[143] Там же, стр. 92—93.
[144] Там же, стр. 358.
[145] Кихтев, стр. 24.
[146] Михайлин, стр. 329; Большевистские организации Украины, стр. 344.
[147] Большевистские организации Украины, стр. 197.
[148] Там же, стр. 209.
[149] Астахова, стр. 9—10.
[150] Артем на Украине, стр. 151.
[151] Харьков в 1917 году, стр. 11.
[152] Артем на Украине, стр. 154.
[153] Кихтев, стр. 44—46.

154 Большевистские организации Украины, стр. 212; Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 79.
155 Большевистские организации Украины, стр. 357.
156 Шестой съезд РСДРП(б), стр. 38.
157 Там же, стр. 36.
158 Харьков в 1917 году, стр. 11, 143.
159 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 85; Куромія, стр. 139—140.
160 Кихтев, стр. 125; Шестой съезд РСДРП(б), стр. 53.
161 Кихтев, стр. 126; Чуев, стр. 225.
162 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 137—138.
163 Большевистские организации Украины, стр. 161, 345.
164 Там же, стр. 346.
165 Деникин, т. 2 , стр. 160.
166 Харьков в 1917 году, стр. 7.
167 Артем на Украине, стр. 202.
168 Харьков в 1917 году, стр. 81, 46—47.
169 Деникин, т. 2, стр. 110.
170 Там же, т. 1, вып. 2, стр. 94.
171 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов; Рассказ о почетном шахтере, стр. 42—43.
172 Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 73; Пролетарий, 11 мая 1917 г.
173 Харьков в 1917 году, стр. 14.
174 Там же, стр. 154.
175 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 204.
176 Там же, стр. 280.
177 Харьков в 1917 году, стр. 81, 59.
178 Там же, стр. 61.
179 Артем на Украине, стр. 202; Харьков в 1917 году, стр. 151.
180 Возрождение, 16 апреля 1918 г.
181 Харьков в 1917 году, стр. 154—155.
182 Там же, стр. 144.
183 Донецкий пролетарий, 10 марта 1918 г.
184 Возрождение, 31 марта 1918 г.
185 Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 115.
186 Большевистские организации Украины, стр. 357.
187 Харьков в 1917 году, стр. 131.
188 Штерн, стр. 120.
189 Харьков. Путеводитель для туристов и экскурсантов, стр. 14; Харьков в 1917 году, стр. 131.
190 Весь Харьков на 1917 год, стр. 196—201.
191 Харьков в 1917 году, стр. 132, 139.
192 Там же, стр. 152, 161.
193 Шестой съезд РСДРП(б), стр. 149.

194 Официальный сайт газеты «Луганская Правда» (http://www.pravda.lg.ua/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=2).

195 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 93; Харьков в 1917 году, стр. 163.

196 Артем на Украине, стр. 158—159; Большевистские организации Украины, стр. 297; Харьков в 1917 году, стр. 9.

197 Харьков в 1917 году, стр. 165.

198 Большевистские организации Украины, стр. 512.

199 Там же, стр. 543.

200 Михайлин, стр. 336—337.

201 Там же, стр. 337.

202 Там же, стр. 342.

203 Савченко, Двенадцать войн за Украину, стр. 23.

204 Винниченко, т. 2, стр. 215—216.

205 Поплавський, Автореферат дисертації, стр. 3.

206 Бош, стр. 29.

207 Там же, стр. 43.

208 Большевистские организации Украины, стр. 192, 203—204, 707.

209 Там же, стр. 350.

210 Там же, стр. 405, 414.

211 Там же, стр. 468.

212 Там же, стр. 476.

213 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 360.

214 Большевистские организации Украины, стр. 495—500.

215 Там же, стр. 498—499.

216 Там же, стр. 520.

217 Там же, стр. 522.

218 Бош, стр. 123—124.

219 Скрипник, Вибрані твори, стр. 160.

220 Бош, стр. 127.

221 Донецкий пролетарий, 15 декабря 1917 г.

222 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 403.

223 Матеріали та документи про Донецько-Криворізьку республіку, стр. 246.

224 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 246—247.

225 Бош, 1990, стр. 138, 136.

226 Там же, стр. 135—136.

227 Скрипник, Статті й промови, т. 2, стр. 13.

228 Цит. по: Ревегук, 1974, стр. 31—32.

229 Бош, стр. 142.

230 Там же, стр. 144.

231 Поплавський, Дисертація, стр. 78—79.

232 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 256.

233 Солдатенко, Донецко-Криворожская республика — иллюзии и практика национального нигилизма.

234 Варгатюк, стр. 38.
235 Бош, стр. 152.
236 Большевистские организации Украины, стр. 533.
237 Бош, стр. 151.
238 Бош, стр. 151, 153.
239 Харьков в 1917 году ; Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР, стр. 174.
240 Антонов-Овсеенко, т. 1, стр. 54—55.
241 Там же, стр. 61.
242 Там же, стр. 62.
243 Бош, стр. 155; Затонський, стр. 63.
244 Бош, стр. 155—156.
245 Донецкий пролетарий, 3 марта 1918 г.
246 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 10.
247 Михайлин, стр. 103.
248 Наш Юг, 21 февраля 1918 г.
249 Земля и Воля, 25 января 1918 г.
250 Известия Юга, 24 марта 1918 г.
251 Зуб, Галерея к юбилею.
252 Наш Юг, 21 января 1918 г.
253 Наш Юг, 30 января 1918 г.
254 См.: Суханов, Записки о революции.
255 Деникин, т. 1, вып. 2, стр. 124.
256 Антонов-Овсеенко, т. 1, стр. 64.
257 Донецкий пролетарий, 10 ноября 1917 г.
258 Friedgut, т. 2, стр. 318.
259 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 266.
260 Харьков в 1917 году, стр. 62—63.
261 Деникин, т. 2, стр. 173.
262 Там же, стр. 208.
263 Антонов-Овсеенко, т. 1, стр. 104; Донецкий пролетарий, 3 января 1918 г.
264 Чернецов на Щетове.
265 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 134.
266 Там же, стр. 229.
267 Милюков, т. 1, вып. 1, стр. 157.
268 Там же, стр. 234.
269 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 269.
270 Там же, стр. 270.
271 Милюков, т. 1, вып. 2, стр. 86—87.
272 См.: Shoulguin, стр. 32.
273 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 270.
274 Милюков, т. 1, вып. 2, стр. 87.
275 Винниченко, т. 1, стр. 167—169.

276 Милюков, т. 1, вып. 2, стр. 85.

277 Ленин, т. 32, стр. 341—342; Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 338; История гражданской войны в СССР, стр. 37.

278 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 202; Большевистские организации Украины, стр. 134, 217, 230.

279 Харьков в 1917 году, стр. 159.

280 Донецкий пролетарий, 14 и 21 ноября 1917 г.

281 Винниченко, т. 2, стр. 259—261.

282 Деникин, т. 3, стр. 33.

283 История гражданской войны в СССР, стр. 38; Михайлин, стр. 340; Friedgut, т. 2, стр. 292.

284 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 202.

285 Донецкий пролетарий, 17 февраля 1918 г.

286 Большевистские организации Украины, стр. 546.

287 Наш Юг, 17 января 1918 г.

288 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 236—237.

289 Friedgut, т. 2, стр. 349—350.

290 Сталин, т. 17, стр. 56—57.

291 Троцкий, История русской революции, т. 2 (см.: http://www.1917.com/Marxism/Trotsky/HRR/2-G.html).

292 New York times, 19 января 1918 г.

293 Марголин, стр. 37—38.

294 Бош, стр. 77; Наш Юг, 31 января 1918 г.; Документы внешней политики СССР, стр. 15.

295 Magnes, стр. 31, 33, 36.

296 Штерн, стр. 170.

297 Бош, стр. 121.

298 Наш Юг, 19 января 1918 г.

299 Кульчицкий, Шаповал, стр. 69.

300 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 414.

301 Тинченко, стр. 69.

302 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 414.

303 Тинченко, стр. 66.

304 Харьков в 1917 году, стр. 127.

305 Тинченко, стр. 71—72.

306 Харьков в 1917 году, стр. 127.

307 Тинченко, стр. 70.

308 Харьков в 1917 году, стр. 128—130.

309 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 415.

310 Тинченко, стр. 83—84; Винниченко, т. 2, стр. 271.

311 Деникин, т. 2, стр. 169.

312 Поплавський, Дисертація, стр. 77.

313 Скрипник, Вибрані твори, стр. 161; Артем на Украине, стр. 177.

314 Поплавський, Дисертація, стр. 18—19.

315 Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 147, 123; Большевистские организации Украины, стр. 297.

316 Friedgut, т. 2, стр. 350; Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 102.

317 Матеріали та документи про Донецько-Криворізьку республіку, стр. 246, см.: также: Скрипник, Вибрані твори, стр. 161.

318 Суханов, стр. 146.

319 Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 211.

320 Мачулин, стр. 42.

321 Артем на Украине, стр. 177; Поплавський, Дисертація, стр. 77—78.

322 Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 184—185.

323 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 236.

324 Friedgut, стр. 309.

325 Мартов, стр. 240—242, 244.

326 Там же, стр. 242.

327 Там же, стр. 243—244.

328 Там же, стр. 240.

329 Земля и Воля, 17 января 1918 г.

330 Донецкий пролетарий, 23 января 1918 г.

331 Ревегук, стр. 36—37.

332 Там же, стр. 37.

333 Земля и Воля, 21 января 1918 г.

334 Донецкий пролетарий, 28 января 1918 г.

335 См.: Думанский, Детище пламенного революционера Артема.

336 Магидов, Организация ДКР и отступление из Харькова, стр. 65—66.

337 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

338 Наш Юг, 28 января 1918 г.

339 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

340 Наш Юг, 29 января 1918 г.

341 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

342 Там же.

343 Там же.

344 Там же.

345 Наш Юг, 31 января 1918 г.

346 Донецкий пролетарий, 30 декабря 1917 г.

347 Земля и Воля, 27 января 1918 г.

348 Донецкий пролетарий, 28 января 1918 г.

349 Там же.

350 Поплавський, Дисертація, стр. 80—81.

351 Наш Юг, 14 февраля 1918 г.

352 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

353 Там же.

354 Там же.

355 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 1. Лист 23.
356 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
357 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 1. Лист 36.
358 Земля и Воля, 3 марта 1918 г.
359 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
360 Мачулин, стр. 47.
361 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов; Наш Юг, 14 февраля 1918 г.
362 Михайлин, стр. 352.
363 Астахова, стр. 97.
364 Поплавський, Дисертація, стр. 181.
365 Артем на Украине, стр. 182.
366 Известия Юга, 19 февраля 1918 г.
367 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 95.
368 Донецкий пролетарий, 8 марта 1918 г.
369 Донецкий пролетарий, 21 февраля и 1 марта 1918 г.; Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 344.
370 Деникин, т. 1, вып. 1, стр. 18.
371 Донецкий пролетарий, 10 марта 1918 г.
372 Донецкий пролетарий, 24 марта 1918 г.
373 Известия Юга, 20 марта 1918 г.
374 Г.оплавський, Дисертація, стр. 97.
375 Там же.
376 Корнилов Д., Отчаянная республика.
377 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 351.
378 Документы внешней политики СССР, стр. 332, 434.
379 Там же, стр. 252, 439.
380 Винниченко, т. 2, стр. 269—271.
381 Земля и Воля, 14 февраля 1918 г.
382 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
383 Наш Юг, 17 февраля 1918 г.
384 Friedgut, т. 2, стр. 355.
385 Наш Юг, 17 февраля 1918 г.; Донецкий пролетарий, 6 и 15 марта 1918 г.
386 Friedgut, т. 2, стр. 355.
387 Земля и Воля, 19 февраля 1918 г.
388 Известия Юга, 24 марта 1918 г.
389 Донецкий пролетарий, 19 февраля 1918 г.
390 Наш Юг, 20 февраля 1918 г.; Возрождение, 30 марта 1918 г.
391 Наш Юг, 21 февраля 1918 г.
392 Земля и Воля, 19 февраля и 21 марта 1918 г.
393 Земля и Воля, 8 марта 1918 г.
394 Наш Юг, 2 марта 1918 г.
395 Земля и Воля, 8 марта 1918 г.
396 Поплавський, Дисертація, стр. 115.

397 Солдатенко, Українська революція. Історичний нарис, стр. 389.
398 Наш Юг, 19 февраля 1918 г.
399 Friedgut, т. 2, стр. 352.
400 Кихтев, стр. 222; Ревегук, стр. 52; Friedgut, т. 2, стр. 358.
401 Кихтев, стр. 222.
402 Солдатенко, Донецко-Криворожская республика — иллюзии и практика национального нигилизма.
403 Ревегук, стр. 53.
404 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Листы 8—11.
405 См.: Варгатюк, Донецько-Криворізька Радянська Республіка в оцінці В. І. Леніна.
406 Большевистские организации Украины, стр. 558—559.
407 Там же, стр. 564.
408 Там же, стр. 587.
409 Мачулин, стр. 42; Ревегук, стр. 38—39.
410 См.: Астахова, стр. 98; Ревегук, стр. 8.
411 Ревегук, стр. 8.
412 Астахова, стр. 99, 110.
413 Астахова, стр. 111—112.
414 Антонов-Овсеенко, т. 1, стр. 271.
415 Деникин, т. 3, стр. 60.
416 Земля и Воля, 19 февраля 1918 г.
417 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов; Наш Юг, 17 февраля 1918 г.
418 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Лист 16.
419 Ревегук, стр. 61—62; Friedgut, т. 2, стр. 330.
420 Донецкий пролетарий, 24 февраля 1918 г.
421 Ревегук, стр. 62.
422 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Листы 13—14.
423 Известия Юга, 24 мата 1918 г.
424 Земля и Воля, 25 марта 1918 г.
425 Поплавський, Дисертація, стр. 70.
426 Shoulguin, стр. 25.
427 Известия Юга, 7 апреля 1918 г.
428 Поплавський, Автореферат, стр. 2.
429 Росс, стр. 288.
430 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Лист 7.
431 Ревегук, стр. 58—59; Наш Юг, 22 февраля 1918 г.
432 Земля и Воля, 14 января 1918 г.
433 Зуб, Галерея к юбилею; Дроговоз, стр. 110; Возрождение, 20 марта 1918 г.
434 Земля и Воля, 14 января 1918 г.
435 Земля и Воля, 20 января 1918 г.
436 Земля и Воля, 22 февраля 1918 г.

437 Зуб, Галерея к юбилею; Возрождение, 20 марта 1918 г.
438 Антонов-Овсеенко, т. 1, стр. 263—265; Фельштинский, стр. 28.
439 Возрождение, 20 марта 1918 г.
440 Донецкий пролетарий, 10 марта 1918 г.
441 Известия Юга, 17 февраля 1918 г.
442 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Лист 1; Ревегук, стр. 61.
443 Friedgut, т. 2, стр. 329—331.
444 Земля и Воля, 18 января 1918 г.
445 Донецкий пролетарий, 9 марта 1918 г.
446 См.: The Bolshevik revolution 1917—1918: documents and materials, стр. 623—267.
447 Куромія, стр. 156; New York times, 8 января 1918 г.
448 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 106.
449 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 94, 106.
450 Там же, стр. 230.
451 Земля и Воля, 3 марта 1918 г.
452 Земля и Воля, 23 января 1918 г.; Возрождение, 11 апреля 1918 г.
453 Земля и Воля, 22 февраля 1918 г.
454 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 4.
455 Цит. по: Деникин, т. 3, стр. 263.
456 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 56; Рассказ о почетном шахтере, стр. 31; Friedgut, т. 2, стр. 264.
457 См.: Волобуев, Экономическая политика Временного правительства.
458 Там же; Friedgut, т. 2, стр. 265—266; Кихтев, 1954, стр. 228.
459 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов; Возрождение, 12 апреля 1918 г.; Кихтев, стр. 229.
460 Земля и Воля, 21 декабр 1917 г.
461 Земля и Воля, 20 января 1918 г.; Донецкий пролетарий, 6 марта 1918 г.
462 См: Суханов, Записки о революции.
463 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
464 Милюков, т. 1, вып. 2, стр. 245.
465 Донецкий пролетарий, 10 марта 1918 г.
466 Ревегук, стр. 78.
467 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
468 Ревегук, стр. 80.
469 Осинский, Строительство социализма. Статья вторая.
470 Ревегук, стр. 81.
471 Осинский, Строительство социализма. Статья вторая.
472 Земля и Воля, 19 февраля 1918 г.; Ревегук, стр. 81.
473 Осинский, Строительство социализма. Статья вторая.
474 Донецкий пролетарий, 27 февраля 1918 г.; Наш Юг, 2 марта 1918 г.; Ревегук, стр. 92; Земля и Воля, 19 февраля 1918 г.
475 Наш Юг, 6 марта 1918 г.
476 Донецкий пролетарий, 21 марта 1918 г.; Ревегук, 1974, стр. 90.

[477] Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов; Донецкий пролетарий, 20 февраля 1918 г.; Ревегук, стр. 88.

[478] Донецкий пролетарий, 20 февраля 1918 г.; Ревегук, стр. 88—89.

[479] Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР, стр. 25—26.

[480] Донецкий пролетарий, 21 февраля 1918 г.

[481] Весь Харьков на 1917 год.

[482] Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 117—125.

[483] Friedgut, т. 2, стр. 295.

[484] Харьков в Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 197—198.

[485] Там же, стр. 199.

[486] Там же, стр. 127—128.

[487] Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов; Донецкий пролетарий, 17 февраля 1918 г.

[488] Наш Юг, 31 января 1918 г.; Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

[489] Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

[490] Донецкий пролетарий, 2 марта 1918 г.; Ревегук, стр. 84.

[491] Ревегук, стр. 102—103.

[492] Кихтев, стр. 243; Ревегук, стр. 103; Friedgut, т. 2, стр. 343.

[493] Возрождение, 30 апреля 1918 г.

[494] Friedgut, т. 2, стр. 344.

[495] Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 289.

[496] Донецкий пролетарий, 19 и 27 февраля 1918 г.

[497] Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 307.

[498] Friedgut, т. 2, стр. 345.

[499] Донецкий пролетарий, 20 февраля и 19 марта 1918 г.

[500] Friedgut, т. 2, стр. 336.

[501] Возрождение, 30 апреля 1918 г.

[502] Наш Юг, 31 января 1918 г.; Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.

[503] Винниченко, т. 1, стр. 50.

[504] Деникин, т. 1, вып. 1, стр. 154.

[505] Там же.

[506] ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 66.

[507] Ревегук, стр. 67—68.

[508] Там же, стр. 68.

[509] Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов; Наш Юг, 6 марта 1918 г.; Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР, стр. 65, 183, 200.

[510] Friedgut, т. 2, стр. 336; Ревегук, стр. 68—69.

[511] Донецкий пролетарий, 22 февраля 1918 г.

[512] Весь Харьков на 1917 год, стр. 205—215.

[513] ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Лист 29.

514 Ревегук, стр. 67.
515 Известия Юга, 16 февраля 1918 г.
516 Донецкий пролетарий, 17 февраля 1918 г.
517 Возрождение, 27 марта 1918 г.
518 Донецкий пролетарий, 1918 г.
519 Известия Юга, 1 марта 1918 г.
520 Донецкий пролетарий, 24 февраля 1918 г.
521 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 5. Лист 1.
522 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 5. Лист 11.
523 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 5. Лист 28.
524 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 5. Лист 15; Земля и Воля, 3 марта 1918 г.
525 Донецкий пролетарий, 23 марта 1918 г.
526 Донецкий пролетарий, 5 марта 1918 г.
527 Наш Юг, 3 марта 1918 г.; Донецкий пролетарий, 8 марта 1918 г.
528 Земля и Воля, 1 марта 1918 г.
529 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 5. Лист 25.
530 Известия Юга, 5 апреля 1918 г.
531 Поплавський, Дисертація, стр. 109.
532 Friedgut, т. 2, стр. 328.
533 Ревегук, стр. 69—70; Земля и Воля, 3 марта 1918 г.
534 Наш Юг, 3 марта 1918 г.
535 Донецкий пролетарий, 2 марта 1918 г.
536 Бабенко, Боны Славянска.
537 Ревегук, стр. 71.
538 Донецкий пролетарий, 20 марта 1918 г.
539 Возрождение, 28 марта 1918 г.; Абросимов, Невыпущенные боны.
540 Поплавський, Дисертація, стр. 110.
541 Ленин, т. 35, стр. 159.
542 Донецкий пролетарий, 8 марта 1918 г.
543 Ревегук, стр. 89; Донецкий пролетарий, 8 марта 1918 г.
544 Ревегук, стр. 105; Возрождение, 19 апреля 1918 г.
545 Донецкий пролетарий, 20 февраля и 6 марта 1918 г.
546 Донецкий пролетарий, 27 февраля 1918 г.; Ревегук, стр. 107; Кихтев, стр. 249; Наш Юг, 21 февраля 1918 г.
547 Поплавський, Дисертація, стр. 102.
548 Донецкий пролетарий, 8 марта 1918 г.; Кихтев, стр. 249.
549 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
550 Ревегук, стр. 95.
551 Там же.
552 Кихтев, стр. 246.
553 Донецкий пролетарий, 20 февраля и 6 марта 1918 г.; Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
554 Плотичер, стр. 20; Донецкий пролетарий, 31 марта 1918 г.

555 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 53.
556 Деникин, т. 1, вып. 1, стр. 137.
557 См.: Волобуев, Экономическая политика Временного правительства.
558 Поплавський, Дисертація, стр. 112.
559 Наш Юг, 28 января 1918 г.
560 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов; Донецкий пролетарий, 10 марта 1918 г.
561 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 5.
562 Донецкий пролетарий, 3 марта 1918 г.
563 Поплавський, Дисертація, стр. 121.
564 Кихтев, стр. 246.
565 Донецкий пролетарий, 15 марта 1918 г.
566 Ревегук, стр. 120.
567 Там же, стр. 97—98; Возрождение, 20 и 23 марта 1918 г.
568 Донецкий пролетарий, 10 и 1 марта 1918 г.; Ревегук, стр. 119.
569 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 83.
570 Ревегук, стр. 110; Наш Юг, 3 марта 1918 г.
571 Известия Юга, 2 марта 1918 г.; Ревегук, стр. 114.
572 Friedgut, т. 2, стр. 274.
573 Там же, стр. 276.
574 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
575 Деникин, т. 1, вып. 1, стр. 146, 149.
576 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 132.
577 Friedgut, т. 2, стр. 280, 294.
578 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов; Донецкий пролетарий, 20 февраля 1918 г.
579 Ревегук, стр. 111; Известия Юга, 6 марта 1918 г.
580 Возрождение, 27 марта 1918 г.; Донецкий пролетарий, 8 марта 1918 г.; Ревегук, стр. 118.
581 Ревегук, 1974, стр. 117, 119.
582 Донецкий пролетарий, 19 февраля 1918 г.
583 Донецкий пролетарий, 20 февраля 1918 г.
584 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 1. Лист 26.
585 Донецкий пролетарий, 3 марта 1918 г.
586 Донецкий пролетарий, 21 февраля 1918 г.
587 Донецкий пролетарий, 9 марта 1918 г.
588 Ревегук, стр. 131.
589 Донецкий пролетарий, 22 февраля 1918 г.
590 Ревегук, стр. 125.
591 Поплавський, Дисертація, стр. 127; Ревегук, стр. 131.
592 Донецкий пролетарий, 21 февраля 1918 г.
593 Известия Юга, 18 марта 1918 г.
594 Донецкий пролетарий, 21 февраля 1918 г.; Поплавський, Дисертація, стр. 128.

595 Ревегук, стр. 125.
596 Поплавський, Дисертація, стр. 133—134.
597 Большевистские организации Украины, стр. 390.
598 Артем на Украине, стр. 177.
599 Возрождение, 15 марта 1918 г.
600 Ревегук, стр. 126.
601 Донецкий пролетарий, 9 марта и 23 февраля 1918 г.; Ревегук, стр. 127—128.
602 Донецкий пролетарий, 9 марта 1918 г.
603 Поплавський, Дисертація, стр. 132; Ревегук, стр. 130.
604 Поплавський, Дисертація, стр. 134.
605 Донецкий пролетарий, 21 февраля 1918 г.; Ревегук, стр. 124.
606 Возрождение, 28 марта 1918 г.
607 Каплин, стр. 165.
608 Донецкий пролетарий, 28 марта 1918 г.
609 Возрождение, 30 марта 1918 г.; Земля и Воля, 31 марта 1918 г.
610 Возрождение, 30 марта 1918 г.
611 Возрождение, 2 апреля 1918 г.
612 Донецкий пролетарий, 20 февраля 1918 г.
613 Донецкий пролетарий, 12 марта 1918 г.; Земля и Воля, 27 февраля 1918 г.
614 Кихтев, стр. 259; Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине, стр. 609.
615 Известия Юга, 16 февраля 1918 г.; Донецкий пролетарий, 20 февраля 1918 г.
616 Земля и Воля, 14 февраля 1918 г.
617 Харьков и Харьковская губерния в Великой Октябрьской социалистической революции, стр. 440—441.
618 Михайлин, стр. 349.
619 Наш Юг, 5 марта 1918 г.
620 Донецкий пролетарий, 5 марта 1918 г.; Земля и Воля, 9 марта 1918 г.
621 Донецкий пролетарий, 10 марта 1918 г.
622 Возрождение, 23 марта 1918 г.
623 Известия Юга, 26 февраля 1918 г.
624 Известия Юга, 6 марта 1918 г.
625 Деникин, т. 1, вып. 1, стр. 138—139.
626 Friedgut, т. 2, стр. 244.
627 Там же, стр. 337.
628 Наш Юг, 22 февраля 1918 г.
629 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Листы 15—19.
630 Донецкий пролетарий, 14 марта 1918 г.
631 Возрождение, 16 марта 1918 г.; Зуб, Дикий Запад на востоке.
632 Известия Юга, 24 февраля 1918 г.; Донецкий пролетарий, 19 февраля 1918 г.
633 Земля и Воля, 21 января 1918 г.; Возрождение, 19 марта 1918 г.

634 Земля и Воля, 19 февраля 1918 г.; Наш Юг, 19 февраля 1918 г.
635 Наш Юг, 16 января 1918 г.
636 Земля и Воля, 24 января 1918 г.
637 Наш Юг, 20 января 1918 г.
638 Возрождение, 19 марта 1918 г.
639 Донецкий пролетарий, 10 марта 1918 г.
640 Ревегук, стр. 62—63; Возрождение, 22 марта 1918 г.
641 Известия Юга, 2 марта 1918 г.
642 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 63.
643 Наш Юг, 20 января 1918 г.
644 Зуб, Галерея к юбилею.
645 Декреты Советской власти, стр. 491.
646 Донецкий пролетарий, 5 марта 1918 г.
647 Донецкий пролетарий, 21 марта 1918 г.
648 Известия Юга, 27 марта 1918 г.
649 Донецкий пролетарий, 5 апреля 1918 г.; Возрождение, 9 апреля 1918 г.
650 Возрождение, 21 марта 1918 г.
651 Зинухов, Комендант Саенко.
652 Работы Харьковского Губернского Съезда, стр. 17.
653 Наш Юг, 20 февраля 1918 г.; Донецкий пролетарий, 3 марта 1918 г.
654 Донецкий пролетарий, 7 марта 1918 г.
655 Земля и Воля, 7 марта 1918 г.; Донецкий пролетарий, 10 марта 1918 г.
656 Донецкий пролетарий, 6 марта 1918 г.
657 Донецкий пролетарий, 9 марта 1918 г.
658 Донецкий пролетарий, 10 и 30 марта 1918 г.
659 Зуб, Дикий Запад на востоке.
660 Харьков в 1917 году, стр. 33; Селявкин, стр. 35.
661 Возрождение, 21 марта 1918 г.
662 Донецкий пролетарий, 21 марта 1918 г.
663 Возрождение, 21 марта 1918 г.; Донецкий пролетарий, 24 марта 1918 г.
664 Возрождение, 28 марта 1918 г.
665 Возрождение, 26 марта 1918 г.
666 Возрождение, 23 марта 1918 г.
667 Возрождение, 26 марта 1918 г.
668 Зуб, Дикий Запад на востоке.
669 Возрождение, 24 и 31 марта 1918 г.
670 Возрождение, 27 марта 1918 г.
671 Зуб, Дядя Степа. Не милиционер.
672 Возрождение, 31 и 20 марта 1918 г.
673 Наш Юг, 3 марта 1918 г.
674 Земля и Воля, 23 февраля 1918 г.
675 Возрождение, 27 марта 1918 г.
676 Наш Юг, 19 февраля 1918 г.; Возрождение, 31 марта 1918 г.
677 Донецкий пролетарий, 19 марта 1918 г.
678 Донецкий пролетарий, 14 марта 1918 г.

679 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Листы 6—8.
680 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Листы 13—14.
681 Донецкий пролетарий, 20 февраля и 9 марта 1918 г.
682 Возрождение, 26 марта 1918 г.
683 Земля и Воля, 30 января 1918 г.
684 Донецкий пролетарий, 14 марта и 6 апреля 1918 г.
685 Земля и Воля, 19 февраля 1918 г.
686 Большевистские организации Украины, стр. 631.
687 Донецкий пролетарий, 9 марта 1918 г.
688 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Листы 15—19.
689 Там же.
690 Земля и Воля, 14 января 1918 г.; Донецкий пролетарий, 3 марта 1918 г.
691 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Л. 15—19.
692 Наш Юг, 22 февраля и 3 марта 1918 г.; Возрождение, 23 марта 1918 г.
693 Возрождение, 16 марта 1918 г.
694 Возрождение, 28 марта 1918 г.
695 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Листы 15—19.
696 Донецкий пролетарий, 14 марта 1918 г.
697 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Листы 15—19.
698 Донецкий пролетарий, 21 марта 1918 г.
699 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 33.
700 Донецкий пролетарий, 10 и 6 марта 1918 г.
701 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Лист 39.
702 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Листы 15—19.
703 Возрождение, 20 марта 1918 г.
704 Винниченко, т. 1, стр. 51.
705 Возрождение, 18 марта 1918 г.
706 Возрождение, 22 марта 1918 г.
707 Наш Юг, 31 января 1918 г.
708 Донецкий пролетарий, 20 февраля и 19 марта 1918 г.
709 Наш Юг, 26 февраля 1918 г.
710 Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР, стр. 174.
711 Наш Юг, 26 февраля 1918 г.
712 Возрождение, 15 марта 1918 г.
713 Донецкий пролетарий, 5 и 21 марта 1918 г.
714 Возрождение, 2 апреля 1918 г.
715 Артем на Украине, стр. 203.
716 Харьков в 1917 году, стр. 96.
717 Донецкий пролетарий, 6 марта 1918 г.
718 Харьков. Его прошлое и настоящее, стр. 9.
719 Штейфон, стр. 59, 114.
720 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Лист 36.
721 Левченко, Борис Штейфон — незамеченная годовщина.
722 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Лист 36.
723 Лукомский, 1922, стр. 173.

724 Деникин, т. 2, стр. 149.
725 Лукомский, стр. 174.
726 Там же.
727 Сумский кадетский корпус, стр. 81—82.
728 Возрождение, 24 апреля 1918 г.; Соколов, стр. 16.
729 Астахова, стр. 149—150.
730 Возрождение, 24 марта 1918 г.; Харьков в 1917 году, стр. 33.
731 Известия Юга, 3 апреля 1918 г.; Савченко, Авантюристы гражданской войны, стр. 76.
732 Донецкий пролетарий, 21 марта 1918 г.; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 111—112.
733 Донецкий пролетарий, 24 и 28 марта 1918 г.; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 11.
734 Возрождение, 21 марта 1918 г.
735 Антонов-Овсеенко, т. 1, стр. 77.
736 Работы Харьковского Губернского Съезда, стр. 92, 94.
737 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Листы 24—25.
738 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Лист 133.
739 Наш Юг, 20 февраля 1918 г.
740 Кихтев, стр. 282.
741 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Лист 104.
742 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 100.
743 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 72.
744 Донецкий пролетарий, 27 февраля 1918 г.
745 Стенограмма IV Съезда Советов Донецкого и Криворожского районов.
746 Наш Юг, 27 февраля 1918 г.; Земля и Воля, 27 февраля 1918 г.
747 Земля и Воля, 24 февраля 1918 г.
748 Донецкий пролетарий, 1 марта 1918 г.
749 Земля и Воля, 3 марта 1918 г.
750 Астахова, стр. 123.
751 Донецкий пролетарий, 7 марта 1918 г.; Известия Юга, 9 марта 1918 г.
752 Астахова, стр. 129—130.
753 Седьмой экстренный съезд РКП(б), стр. 86—87.
754 Документы внешней политики СССР, стр. 49.
755 Там же, стр. 44—45.
756 Там же, стр. 60—61.
757 Magnes, стр. 74.
758 New York Times, 4 января 1918 г.
759 Ukraine «peace», стр. 53.
760 Magnes, стр. 107.
761 Там же, стр. 131.
762 Харьков в 1917 году, стр. 64.
763 Ludendorff, т. 2, стр. 258.

764 Goricar, стр. 260—261.
765 New York times, 10 и 12 февраля 1918 г.
766 New York times, 17 февраля и 21 марта 1918 г.
767 Возрождение, 13 апреля 1918 г.
768 Гражданская война на Украине, стр. 58.
769 Донецкий пролетарий, 28 марта 1918 г.
770 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 15.
771 Земля и Воля, 24 февраля 1918 г.; Донецкий пролетарий, 7 марта 1918 г.
772 Наш Юг, 27 февраля 1918 г.
773 Донецкий пролетарий, 8 марта 1918 г.
774 Известия Юга, 20 марта 1918 г.
775 Поплавський, Дисертація, стр. 165.
776 Донецкий пролетарий, 8 марта 1918 г.; История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 38.
777 Документы внешней политики СССР, стр. 214; New York Times, 24 марта 1918 г.
778 Документы внешней политики СССР, стр. 216.
779 Там же, стр. 217.
780 Там же, стр. 217, 220, 238, 254.
781 Тинченко, стр. 66; Поплавський, Дисертація, стр. 143.
782 Савченко, Двенадцать войн за Украину, стр. 71.
783 Донецкий пролетарий, 22 февраля 1918 г.; Известия Юга, 1 марта 1918 г.
784 Ревегук, стр. 140; Донецкий пролетарий, 1 марта 1918 г.
785 Донецкий пролетарий, 5 марта 1918 г.
786 Донецкий пролетарий, 8 марта 1918 г.
787 Ревегук, стр. 142.
788 Там же.
789 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Листы 18—22.
790 Ревегук, стр. 141.
791 Донецкий пролетарий, 6 марта 1918 г.
792 Донецкий пролетарий, 7 марта 1918 г.
793 Донецкий пролетарий, 3 марта 1918 г.
794 Известия Юга, 1 марта 1918 г.; Артем на Украине, стр. 206.
795 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Листы 2—3.
796 Донецкий пролетарий, 3 марта 1918 г.
797 Наш Юг, 7 марта 1918 г.; Ревегук, стр. 149.
798 Наш Юг, 7 марта 1918 г.; Донецкий пролетарий, 12 марта 1918 г.; Ревегук, стр. 149.
799 Наш Юг, 7 марта 1918 г.
800 Поплавський, Дисертація, стр. 145; Гражданская война на Украине, т. 1, кн.1, стр. 84.
801 Гражданская война на Украине, т. 1, кн.1, стр. 75; Ревегук, стр. 162—163; История гражданской войны в СССР, т. 3, стр. 136.
802 Харьков в 1917 году, стр. 63.
803 См.: Селявкин, В трех войнах на броневиках и танках.

804 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 356—357.
805 Донецкий пролетарий, 30 марта 1918 г.
806 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 94, 97.
807 Харьков в 1917 году, стр. 63—64; Донецкий пролетарий, 20 марта 1918 г.
808 Донецкий пролетарий, 28 марта 1918 г.
809 Известия Юга, 12 марта 1918 г.; Ревегук, стр. 150.
810 Астахова, стр. 144; Донецкий пролетарий, 28 марта 1918 г.
811 Известия Юга, 28 марта 1918 г.; Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 83.
812 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 146.
813 Земля и Воля, 1 марта 1918 г.; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 129.
814 Земля и Воля, 6 и 8 марта 1918 г.
815 Земля и Воля, 17 февраля 1918 г.; Донецкий пролетарий, 28 марта 1918 г.
816 Донецкий пролетарий, 8 и 9 марта 1918 г.
817 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 166.
818 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 127; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 245.
819 Известия Юга, 3 марта 1918 г.
820 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 23.
821 Лаврив, Донецко-Криворожская республика: правда и вымысел.
822 Мачулин, стр. 7.
823 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 46.
824 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 16.
825 Донецкий пролетарий, 20 марта 1918 г.
826 Там же.
827 Известия Юга, 20 марта 1918 г.
828 Возрождение, 21 марта 1918 г.
829 Донецкий пролетарий, 30 марта 1918 г.
830 Земля и Воля, 27 марта 1918 г.; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 28—29, 102.
831 Донецкий пролетарий, 3 марта 1918 г.
832 Ревегук, стр. 152.
833 Там же, стр. 153; Поплавський, Дисертація, стр. 148.
834 Ревегук, стр. 153—154.
835 Донецкий пролетарий, 4 апреля 1918 г.
836 Ревегук, стр. 91.
837 Там же, стр. 163; Донецкий пролетарий, 31 марта 1918 г.
838 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 3. Лист 102.
839 Харьков в 1917 году, стр. 64.
840 Астахова, стр. 143; Кихтев, стр. 188; Ревегук, стр. 151.
841 Поплавський, Дисертація, стр. 141.
842 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Листы 95—96.
843 1967, стр. 111.

844 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 45.
845 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 47.
846 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 77.
847 Там же, стр. 135.
848 Работы Харьковского Губернского Съезда, стр. 95.
849 Меликов, стр. 24.
850 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, стр. 109.
851 Донецкий пролетарий, 3 апреля 1918 г.
852 Возрождение, 20 марта 1918 г.
853 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 114.
854 Большевистские организации Украины, стр. 631.
855 Деникин, т. 2, стр. 330—331.
856 Там же, стр. 331.
857 Дроздовский, стр. 53, 71.
858 Туркул, стр. 16; Деникин, т. 2, стр. 335.
859 Известия Юга, 23 марта 1918 г.
860 Земля и Воля, 3 и 15 марта 1918 г.; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 110; Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 374; т. 1, кн. 2, стр. 39.
861 Какурин, стр. 177—178; New York Times, 24 февраля 1918 г.
862 Росс, стр. 291.
863 Астахова, стр. 145.
864 Ludendorff, т. 2, стр. 191, 258.
865 Росс, стр. 291.
866 Какурин, стр. 178.
867 Донецкий пролетарий, 3 и 6 марта 1918 г.; Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 343.
868 Донецкий пролетарий, 7 марта 1918 г.
869 Донецкий пролетарий, 31 марта 1918 г.
870 Донецкий пролетарий, 1 марта 1918 г.
871 Донецкий пролетарий, 3 марта 1918 г.
872 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 18, 83—84.
873 Там же, стр. 107.
874 Известия Юга, 24 марта 1918 г.
875 Донецкий пролетарий, 24 марта 1918 г.
876 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 22.
877 Известия Юга, 9 марта 1918 г.
878 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 23.
879 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Листы 90—92.
880 Там же.
881 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 25, 107.
882 Донецкий пролетарий, 15 марта 1918 г.
883 Там же.
884 Ленин, т. 50, стр. 49—50.
885 Ревегук, стр. 38—39.
886 Ленин, т, 36, стр. 682.

887 Большевистские организации Украины, стр. 604.
888 Там же.
889 Friedgut, т. 2, стр. 359.
890 Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине, стр. 319.
891 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 758; Возрождение, 23 марта 1918 г.; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 79, 107.
892 Гражданская война на Украине, т. 1, кн.1, стр. 51—53.
893 Поплавський, Дисертація, стр. 170.
894 Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине, стр. 324.
895 Возрождение, 23 марта 1918 г.
896 Поплавський, Дисертація, стр. 170.
897 Астахова, стр. 133.
898 Известия Юга, 27 марта 1918 г.
899 Артем на Украине, стр. 193.
900 Солдатенко, Донецко-Криворожская республика — иллюзии и практика национального нигилизма.
901 Михайлин, стр. 352.
902 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 762.
903 Скрипник, Вибрані твори, стр. 97, 102; Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 101; Донецкий пролетарий, 2 апреля 1918 г.
904 Большевистские организации Украины, стр. 629.
905 Мачулин, стр. 35.
906 Большевистские организации Украины, стр. 627—630.
907 Грицкевич, стр. 110; Савченко, Двенадцать войн за Украину, стр.99; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 108.
908 Земля и Воля, 22 марта 1918 г.
909 Ревегук, стр. 161; Поплавський, Дисертація, стр. 170.
910 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 4. Лист 37.
911 Скрипник, Вибрані твори, стр. 161.
912 Большевистские организации Украины, стр. 531.
913 Известия Юга, 6 марта 1918 г.
914 Думанский, Детище пламенного революционера Артема.
915 Известия Юга, 24 марта 1918 г.
916 Известия Юга, 30 марта 1918 г.
917 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 108.
918 Известия Юга, 2 апреля 1918 г.
919 Донецкий пролетарий, 2 апреля 1918 г.
920 Известия Юга, 2 апреля 1918 г.
921 Донецкий пролетарий, 2 апреля 1918 г.
922 ЦДАВО. Фонд 1822. Опись 1. Дело 1. Листы 12—13.
923 Известия Юга, 2 апреля 1918 г.
924 Донецкий пролетарий, 3 апреля 1918 г.
925 Донецкий пролетарий, 7 апреля 1918 г.

926 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 1, 3.
927 Ревегук, стр. 159.
928 Какурин, стр. 179.
929 1967, т. 1, кн. 1 стр. 84—85.
930 Астахова, стр. 120.
931 Известия Юга, 6 марта 1918 г.; Донецкий пролетарий, 5 марта 1918 г.
932 Донецкий пролетарий, 10 марта 1918 г.
933 Донецкий пролетарий, 20 марта 1918 г.
934 Ревегук, стр. 173—174.
935 Донецкий пролетарий, 28 марта 1918 г.
936 Ревегук, стр. 174.
937 Ревегук, стр. 181; Возрождение, 2 апреля 1918 г.
938 Большевистские организации Украины, стр. 623.
939 Деятели СССР и революционного движения России, стр. 357.
940 Поплавський, Дисертація, стр. 156.
941 Ревегук, 1974, стр. 182, 180.
942 Донецкий пролетарий, 26 марта 1918 г.
943 Там же.
944 Донецкий пролетарий, 7 апреля 1918 г.
945 Донецкий пролетарий, 28 марта 1918 г.
946 Возрождение, 27 марта 1918 г.; Известия Юга, 27 марта 1918 г.
947 Возрождение, 11 апреля 1918 г.
948 Friedgut, т. 2, стр. 335; Астахова, стр. 147.
949 Большевистские организации Украины, стр. 631.
950 Возрождение, 10 апреля 1918 г.
951 Известия Юга, 27 марта 1918 г.; Возрождение, 27 марта 1918 г.
952 Известия Юга, 27 марта 1918 г.
953 Там же.
954 Известия Юга, 29 марта 1918 г.; Возрождение, 31 марта 1918 г.
955 Известия Юга, 3 апреля 1918 г.; Поплавський, Дисертація, стр. 158.
956 Известия Юга, 5 апреля 1918 г.
957 Возрождение, 27 марта 1918 г.
958 Возрождение, 26 марта 1918 г.
959 Возрождение, 27 марта 1918 г.
960 Донецкий пролетарий, 31 марта 1918 г.
961 Возрождение, 30 марта 1918 г.
962 Донецкий пролетарий, 31 марта 1918 г.; Земля и Воля, 31 марта 1918 г.
963 Возрождение, 2 апреля 1918 г.
964 Донецкий пролетарий, 26 марта 1918 г.
965 Ревегук, стр. 181.
966 Там же, стр. 166.
967 Донецкий пролетарий, 4 апреля 1918 г.
968 Астахова, стр. 151.
969 Возрождение, 9 апреля 1918 г.; Астахова, стр. 151.
970 Возрождение, 9 апреля 1918 г.

971 Возрождение, 9 и 10 апреля 1918 г.; Харьков в 1917 году, стр. 65.
972 Донецкий пролетарий, 7 апреля 1918 г.
973 Харьков в 1917 году, стр. 20.
974 Там же.
975 Астахова, стр. 152.
976 Возрождение, 9 апреля 1918 г.
977 Астахова, стр. 152; Артем на Украине, стр. 204.
978 Возрождение, 10 апреля 1918 г.
979 Бюлетень газети «Рух», 11 апреля 1918 г.
980 Меликов, стр. 25.
981 Астахова, стр. 153.
982 См.: Гутман, Командир бронепоезда.
983 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 190.
984 Астахова, стр. 153.
985 Селявкин, стр. 61.
986 Какурин, стр. 179; 1967, т. 1, кн. 1, стр. 103.
987 Ревегук, стр. 167; Федоровский, К 80-летию ДКР. История в документах.
988 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 110; Астахова, стр. 156.
989 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 120; Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 127; Астахова, стр. 156.
990 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 365.
991 Астахова, стр. 155.
992 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 194.
993 Борьба за власть Советов в Донбассе, стр. 361.
994 Какурин, стр. 179.
995 Астахова, стр. 157.
996 Ревегук, стр. 170.
997 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 264—265, 272—273; Селявкин, стр. 63—65.
998 Ревегук, стр. 183—185.
999 Ревегук, стр. 186; Астахова, стр. 158; Артем на Украине, стр. 205.
1000 Астахова, стр. 158.
1001 Документы по истории гражданской войны в СССР, стр. 128.
1002 История гражданской войны в СССР, т. 2, стр. 136.
1003 Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 266.
1004 Какурин, стр. 180.
1005 Деникин, т. 4, стр. 35; Меликов, стр. 40.
1006 Какурин, стр. 180.
1007 Скрипник, Вибрані твори, стр. 163.
1008 Гражданская война на Украине, т. 1, кн.1, стр. 752.
1009 Харьков в 1917 году, стр. 34.
1010 Астахова, стр. 163.
1011 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 134—135.
1012 Там же, стр. 135; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 297.
1013 Астахова, стр. 163; Меликов, стр. 46.

1014 Артем на Украине, стр. 204.
1015 Меликов, стр. 48.
1016 Астахова, стр. 164.
1017 Артем на Украине, стр. 204.
1018 Астахова, стр. 165—166.
1019 Ревегук, стр. 171.
1020 Астахова, стр. 160—161.
1021 Меликов, стр. 55.
1022 Там же, стр. 58.
1023 Астахова, стр. 166—167.
1024 Там же, стр. 167.
1025 Артем на Украине, стр. 206.
1026 Астахова, стр. 173; Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 387.
1027 См.: Сергеев, Глушик, Беседы о Сталине.
1028 Документы по истории гражданской войны в СССР, стр. 249.
1029 Возрождение, 10 апреля 1918 г.
1030 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Лист 41.
1031 Возрождение, 10 и 11 апреля 1918 г.
1032 Возрождение, 11 и 12 апреля 1918 г.
1033 Рух, 14 апреля 1918 г.; Возрождение, 19 апреля 1918 г.
1034 Михайлин, стр. 341; Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 774.
1035 Возрождение, 28 апреля и 9 мая 1918 г.; Рух, 20 апреля 1918 г.; Наш Юг, 9 июня 1918 г.
1036 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Лист 41.
1037 Наш Юг, 12 апреля 1918 г.
1038 Южный край, 14 апреля 1918 г.
1039 Возрождение, 12 и 13 апреля 1918 г.
1040 Возрождение, 12 и 28 апреля 1918 г.
1041 Возрождение, 19 апреля 1918 г.
1042 Возрождение, 21 апреля 1918 г.
1043 Возрождение, 14 апреля 1918 г.
1044 Возрождение, 19 апреля 1918 г.
1045 Возрождение, 11 апреля 1918 г.
1046 Возрождение, 21 апреля 1918 г.
1047 Возрождение, 16 апреля 1918 г.
1048 Возрождение, 27 апреля 1918 г.; Наш день, 15 апреля 1918 г.
1049 Возрождение, 9, 11, 14 мая 1918 г.
1050 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 496.
1051 Возрождение, 30 апреля 1918 г.
1052 Возрождение, 9 и 10 апреля 1918 г.
1053 Возрождение, 12 и 23 апреля 1918 г.
1054 Возрождение, 28 апреля 1918 г.
1055 Лукомский, стр. 179; Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 212, 365.
1056 Петр Болбочан. Покоритель Крыма; Сідак, Осташко, Вронська, стр. 21.

1057 Возрождение, 10 апреля 1918 г.
1058 Возрождение, 11 апреля 1918 г.; Арбатов, стр. 87.
1059 Возрождение, 12 апреля 1918 г.
1060 Там же.
1061 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Листы 64—67.
1062 Ludendorff, т. 2, стр. 191.
1063 Росс, стр. 289—290.
1064 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 181, 198.
1065 Соколов, стр. 21.
1066 Деникин, т. 1, вып. 2, стр. 130; Оберучев, стр. 95.
1067 Оберучев, стр. 97.
1068 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Листы 64—67.
1069 Деникин, т. 3, стр. 333—334.
1070 Возрождение, 24 апреля 1918 г.
1071 Возрождение, 1 мая 1918 г.; Антонов-Овсеенко, т. 2, стр. 93.
1072 Солоневич, стр. 249.
1073 Устинов, стр. 103, 107.
1074 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Лист 98.
1075 Возрождение, 10 мая 1918 г.
1076 Возрождение, 1 мая 1918 г.
1077 Рух, 14 апреля 1918 г.
1078 Рух, 14 апреля 1918 г.; Возрождение, 30 апреля 1918 г.
1079 Возрождение, 14 апреля 1918 г.
1080 Рух, 25 апреля 1918 г.
1081 Возрождение, 16 апреля 1918 г.
1082 Возрождение, 24 апреля 1918 г.
1083 Работы Харьковского Губернского Съезда, стр. 148.
1084 Возрождение, 28 апреля 1918 г.; Рух, 19 апреля 1918 г.
1085 Наш Юг, 23 апреля 1918 г.
1086 Деникин, т. 3, стр. 38.
1087 Возрождение, 23 апреля 1918 г.
1088 Штерн, стр. 173—174.
1089 Рух, 18 и 21 апреля 1918 г.; Возрождение, 21 апреля 1918 г.
1090 Рух, 21 апреля 1918 г.
1091 Возрождение, 23 апреля 1918 г.
1092 Утро, 8 октября 1915 г.; Штерн, стр. 177.
1093 Рух, 23 апреля 1918 г.
1094 Деникин, т. 3, стр. 32.
1095 Возрождение, 19 апреля 1918 г.
1096 Рух, 21 апреля 1918 г.
1097 Возрождение, 24 апреля 1918 г.
1098 ГАРФ. Фонд 5881. Опись 2. Дело 754. Листы 64—67.
1099 Игренев, стр. 234; Марголин, стр. 59; Маргулиес, стр. 197.
1100 Рух, 19 апреля 1918 г.
1101 Возрождение, 12 апреля 1918 г.

1102 Возрождение, 16 апреля 1918 г.
1103 Возрождение, 27 апреля 1918 г.
1104 Bechhofer, стр. 175.
1105 Дорошенко, стр. 101—102.
1106 Большевистские организации Украины, стр. 496, 499.
1107 Наш Юг, 9 июня 1918 г.
1108 Возрождение, 30 апреля 1918 г.
1109 Михайлин, стр. 326.
1110 Солоневич, стр. 250.
1111 Южный край, 15 апреля 1918 г.
1112 Возрождение, 25 апреля 1918 г.
1113 Возрождение, 28 апреля 1918 г.
1114 Возрождение, 30 апреля 1918 г.
1115 Бюллетень газеты «Рух», 11 апреля 1918 г.
1116 Донецкий пролетарий, 26 марта 1918 г.
1117 Рух, 20 апреля 1918 г.
1118 Рух, 25 апреля 1918 г.
1119 Штерн, стр. 175.
1120 Возрождение, 10 и 11 апреля 1918 г.; Рух, 23 апреля 1918 г.
1121 Цит. по: Рух, 17, 21 и 26 апреля 1918 г.
1122 Цит. по: Рух, 25 апреля 1918 г.
1123 Возрождение, 19 апреля 1918 г.
1124 Возрождение, 4 мая 1918 г.
1125 Возрождение, 23 апреля 1918 г.
1126 Germany and the Revolution in Russia, стр. 131—132, 139.
1127 Марголин, стр. 54.
1128 Лукомский, стр. 180—181.
1129 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 136—137; Деникин, т. 3, стр. 32.
1130 Memorandum to the Government of the United States, стр. 2.
1131 Документы внешней политики СССР, стр. 215, 233.
1132 Там же, стр. 239.
1133 Деникин, т. 3, стр. 31—32.
1134 Штерн, стр. 181—182.
1135 Документы внешней политики СССР, стр. 315.
1136 Дипломатія УНР та Української Держави, т. 1, стр. 317—318.
1137 Возрождение, 16 апреля 1918 г.
1138 Дипломатія УНР та Української Держави, т. 1, стр. 314—315.
1139 Там же, стр. 272.
1140 Там же, стр. 315.
1141 Гражданская война на Украине, т. 1, кн.1, стр. 266.
1142 Добрынин, стр. 59.
1143 Деникин, т. 3, стр. 37.
1144 Там же.
1145 Деятели СССР и революционного движения России, стр. 617.

1146 Дипломатія УНР та Української Держави, т. 1, стр. 306—307.
1147 Деникин, т. 3, стр. 37.
1148 Дипломатія УНР та Української Держави, т. 1, стр. 310.
1149 Документы внешней политики СССР, стр. 470—471.
1150 Там же, стр. 504.
1151 Дипломатія УНР та Української Держави, т. 1, стр. 310.
1152 Возрождение, 30 апреля 1918 г.
1153 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 322—323.
1154 Документы внешней политики СССР, стр. 522—523.
1155 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 392.
1156 Документы внешней политики СССР, стр. 443.
1157 Там же, стр. 463.
1158 Там же, стр. 674, 301.
1159 Христюк, стр. 187.
1160 Timoshenko, стр. 8.
1161 Документы внешней политики СССР, стр. 565—566.
1162 Большевистские организации Украины, стр. 656—657.
1163 Там же, стр. 659—660.
1164 Там же, стр. 662.
1165 Там же, стр. 664.
1166 Там же, стр. 663.
1167 Там же, стр. 662.
1168 Там же, стр. 666—667.
1169 Там же, стр. 670—671.
1170 Там же, стр. 675, 684.
1171 Документы по истории гражданской войны в СССР, т. 1, стр. 210—214.
1172 Большевистские организации Украины, стр. 692—693.
1173 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 239.
1174 Там же, стр. 261—262.
1175 Там же, стр. 395—396.
1176 Там же, стр. 373.
1177 Там же, стр. 378, 386—388.
1178 Астахова, стр. 174.
1179 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, стр. 34.
1180 Там же.
1181 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 387.
1182 Винниченко, т. 3, стр. 146, 181.
1183 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 499—500, 507.
1184 Там же, стр. 532.
1185 Там же, стр. 538.
1186 Там же, стр. 540; Савченко, Двенадцать войн за Украину, стр. 155.
1187 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 542.
1188 Там же.
1189 Солдатенко, Україна в революційну добу, стр. 29.

1190 Там же.
1191 См.: Троцкий, Сталинская школа фальсификаций.
1192 Антонов-Овсеенко, т. 3, стр. 40; Солдатенко, Україна в революційну добу, стр. 30.
1193 Солдатенко, Україна в революційну добу, стр. 30—32.
1194 Гражданская война на Украине, стр. 591.
1195 Работы Харьковского Губернского Съезда, стр. 2—3.
1196 Там же, стр. 6, 16.
1197 Там же, стр. 85—86.
1198 Шабельніков, стр. 165; Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства Украины, стр. 78.
1199 Гражданская война на Украине, т. 1, кн.1, стр. 627.
1200 Цит. по: Удод, стр. 227.
1201 Поплавський, Дисертація, стр. 186.
1202 Шабельніков, стр. 165—166.
1203 РГАСПИ. Фонд 17. Опись 112. Дело 1, 3.
1204 Солдатенко, Революційна доба в Україні, стр. 188.
1205 Там же.
1206 Турченко, стр. 83.
1207 РГАСПИ. Фонд 2. Опись 1. Дело 24007. Листы 1—2.
1208 Ленин, т. 50, стр. 308.
1209 РГАСПИ Фонд 17. Опись 112. Дело 4. Лист 14.
1210 РГАСПИ Фонд 2. Опись 1. Дело 9697. Листы 1—2.
1211 Гражданская война на Украине, т. 2, стр. 93.
1212 См.: Троцкий, Сталинская школа фальсификаций.
1213 Ленин, т. 50, стр. 332—333.
1214 Там же, стр. 333.
1215 Туркул, стр. 121.
1216 Арбатов, стр. 94.
1217 Деникин, т. 3, стр. 267.
1218 Штерн, стр. 176.
1219 Гражданская война на Украине, т. 2, стр. 283—284.
1220 Пученков, стр. 210.
1221 Билимович, стр. 106.
1222 Шульгин, Нечто фантастическое, стр. 18.
1223 Цветков, стр. 210—218.
1224 Гражданская война на Украине, т. 2, стр. 296.
1225 Friedgut, т. 1, стр. 331.
1226 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 600; т. 1, кн. 2, стр. 74.
1227 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, стр. 120, 227.
1228 Там же, т. 1., кн. 1, стр. 674; т. 1, кн. 2, стр. 320, 385.
1229 Гражданская война на Украине, т. 2, стр. 675.
1230 Печать и революция, 1921, т. 2.
1231 Ленин, т. 52, стр. 164.
1232 Шабельніков, стр. 167.

[1233] Куромія, стр. 144.
[1234] Восьмая конференция РКП(б), стр. 83.
[1235] Куромія, стр. 154—155.
[1236] Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, стр. 355; Friedgut, т. 2, стр. 411.
[1237] Восьмая конференция РКП(б), стр. 102.
[1238] Croghan, стр. 54—55.
[1239] Voronine-Yourieff, стр. 42, 57.
[1240] Friedgut, т. 2, стр. 431—432.
[1241] Liber, стр. 189.
[1242] Скрипник, Статті й промови з національного питання, стр. 50.
[1243] Friedgut, Iuzovka and Revolution, т. 2, стр. 426.
[1244] Керенский, стр. 136.
[1245] Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 406—407.
[1246] Там же, стр. 414—415.
[1247] Шабельніков, стр. 167.
[1248] Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, стр. 259—260; т. 2, стр. 728; Скрипник, Статті й промови з національного питання, стр. 19—20.
[1249] Гражданская война на Украине, т. 2, стр. 730.
[1250] Восьмая конференция РКП(б), стр. 99.
[1251] Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 1, стр. 649.
[1252] Там же, т. 2, стр. 675.
[1253] Восьмая конференция РКП(б), стр. 103.
[1254] Там же, стр. 104—106.
[1255] Солдатенко, Революційна доба в Україні, стр. 188.
[1256] Ленин, т. 54, стр. 423—424.
[1257] См.: Латипов, Л. Д. Троцкий и «Башкирский вопрос».
[1258] Автономия Башкиртостана в 1919—1922 гг. (http://bashkir.info/2001-avtonomija-bashkortostana-v-1919—1922-gg.html).
[1259] Солдатенко, Революційна доба в Україні, стр. 190.
[1260] Протоколы Десятого съезда РКП(б), стр. 405.
[1261] Там же, стр. 338.
[1262] Донецкий Кряж, 19 октября 2007 г.
[1263] Широкорад, Украина — противостояние регионов, стр. 247—248.
[1264] Гагарин, Дорога в космос, стр. 21.
[1265] Восьмая конференция РКП(б), стр. 99—100.
[1266] Широкорад, Украина — противостояние регионов, стр. 273.
[1267] Там же, стр. 272.
[1268] Двенадцатый съезд РКП(б), стр. 474—475.
[1269] Там же, стр. 477.
[1270] Там же, стр. 697.
[1271] Там же, стр. 883.
[1272] Великая Октябрьская социалистическая революция на Украине, т. 3, стр. 324.

1273 Наш Юг, 19 февраля 1918 г.
1274 Скрипник, Вибрані твори, стр. 97; Солдатенко, Україна в революційну добу, стр. 260.
1275 Арбатов, стр. 137.
1276 Деникин, т. 2, стр. 210.
1277 Гражданская война на Украине, т. 1, кн. 2, стр. 355—356.
1278 Ленин, т. 40, стр. 42—46.
1279 Ревегук, стр. 36.
1280 Скрипник, Вибрані твори, стр. 157—158, 165.
1281 Скрипник, Статті й промови з національного питання, стр. 37.
1282 Цит. по: Астахова, стр. 102.
1283 Астахова, стр. 104.
1284 Известия Юга, 20 марта 1918 г.
1285 Двенадцатый съезд РКП(б), стр. 482.
1286 Там же, стр. 504—505.
1287 Там же, стр. 604.
1288 Там же, стр. 613.
1289 Скрипник, Вибрані твори, стр. 159.
1290 Скрипник, Статті й промови з національного питання, стр. 51, 183.
1291 Там же, стр. 190, 223.
1292 Там же, стр. 190, 144—145.
1293 Поплавський, Автореферат дисертації, стр. 6; Поплавський, Дисертація, стр. 97, 182.
1294 Ревегук, стр. 54.
1295 Поплавський, Дисертація, стр. 181.
1296 Солдатенко, Донецко-Криворожская республика — иллюзии и практика национального нигилизма.
1297 Солдатенко, Революційна доба в Україні, стр. 184.
1298 Там же, стр. 182.
1299 Поплавський, Дисертація, стр. 185; Поплавський, Автореферат дисертації, стр. 3.
1300 Корнилов Д., Артем.
1301 Жизнь (Донецк), 31 июля 1991 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ СОБЫТИЙ

(Даты до 14 февраля 1918 г. приведены по старому стилю)

1917 год

2 марта — Николай II отрекся от престола, в России победила Февральская революция.

13 марта — Временным правительством России создан Временный комитет Донецкого бассейна.

15—17 марта — в Бахмуте состоялась первая конференция Советов Донбасса, согласившаяся объединить Советы Донецко-Криворожского бассейна в единую областную структуру с центром в Харькове.

23 марта — большевики Харькова начали выпуск газеты «Пролетарий».

28 марта — в Луганск прибыл К. Ворошилов.

25 апреля — 6 мая — в Харькове состоялся I съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов.

20 июня — в Харьков из Тулы переведен 30-й запасный полк, в котором неформальным командиром был Н. Руднев.

28 июня — большевики Екатеринослава инициировали создание единого партийного центра РСДРП(б) для Донецко-Криворожского бассейна.

3 июля — после нескольких лет изгнания в Харьков вернулся Артем-Сергеев.

13—15 июля — в Екатеринославе состоялась первая областная конференция РСДРП(б) Донецкого и Криворожского бассейнов, постановившая учредить областной центр в Харькове.

4 августа — Временное правительство опубликовало «Временную инструкцию Генеральному секретариату Украинской Центральной Рады» с указанием границ Украины, в которые не включены Екатеринославская и Харьковская губернии.

30 августа — Советы Щербиновских рудников (ныне г. Дзержинск) создали орган местной власти, наделив его диктаторскими полномочиями

1—2 сентября — в Харькове состоялась областная конференция Советов Донецкого и Криворожского бассейнов.

1 октября — большевики Донецко-Криворожского бассейна приобрели свою типографию в Харькове.

6 октября — в Харькове состоялся II съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов.

2 ноября — в Харькове вышел первый номер большевистской газеты «Донецкий пролетарий».

3—4 ноября — в Никитовке сформировано Центральное бюро ревкомов Донбасса.

11 ноября — областной комитет большевиков Юго-Западного края предложил ЦК РСДРП(б) создать большевистскую партию Украины с включением в нее организаций Донкривбасса.

17 ноября — пленум областного комитета Донкривбасса признал область частью России и призвал к административному выделению области.

23 ноября — большевистская фракция областного комитета Советов Донкривбасса призвала переизбрать местный Совет.

24 ноября — Харьковский совет выразил протест против притязаний Украины на Донкривбасс и признал высшей властью в стране общероссийскую власть.

24 ноября — Я. Свердлов от имени ЦК РСДРП(б) выразил несогласие с идеей создания партии украинских большевиков.

3—5 декабря — в Киеве состоялся областной съезд украинских большевиков, в котором отказались принять участие большевики Донецко-Криворожского бассейна.

5 декабря — большевистские делегаты I Всеукраинского съезда Советов покинули Киев и решили перебраться в Харьков.

5 декабря — Юзовский Совет не признал вхождение в Украину и высказался за административное объединение Донбасса.

5—6 декабря — конференция большевиков Донецко-Криворожской области в Харькове объявила мобилизацию рабочих на борьбу с Калединым.

6 декабря — в Харькове создан Центральный штаб Красной гвардии во главе с Рудневым и Рухимовичем.

8 декабря — Ленин назначил Антонова-Овсеенко командующим советских войск на Юге России.

9 декабря — большевики закрыли газету «Южный край» в Харькове.

9—12 декабря — в Харькове состоялся III съезд Советов Донецко-Криворожской области, к которому присоединились большевистские делегаты I Всеукраинского съезда Советов.

15 декабря — Центральная Рада организовала генеральный штаб для осуществления операций по взятию «оплота большевизма» Харькова.

17 декабря — отряды Цикуки захватили редакцию газеты «Южный край» в Харькове, что вызвало конфликт с местными властями.

22 декабря — ЦК РСДРП(б) командировал Скрыпника на Украину в качестве своего представителя.

27 декабря — в Донбассе большевики начали наступление на войска Каледина.

1918 год

4 января — харьковский отряд Н. Руднева занял Сумы.

5 января — отдан приказ о начале наступления советских войск на Киев.

5 января — в Никитовке создан Центральный штаб Красной гвардии Донбасса.

6 января — отряды донецко-криворожской Красной гвардии без боя заняли Полтаву.

6 января — в Петрограде разогнано Учредительное собрание.

9 января — обком Донецкого и Криворожского бассейнов принял решение о проведении IV съезда Советов.

10 января — отряды харьковских и донецких красногвардейцев начали поход из Полтавы на Киев.

10—18 января — в Петрограде состоялся III Всероссийский съезд Советов, на котором присутствовал Артем.

15 января — в Киеве началось восстание рабочих против Центральной Рады.

15—16 января — в Никитовке состоялось заседание ревкомов Донбасса, объявившее верховной властью в крае Центральный Военно-революционный комитет Донецкого бассейна.

18 января — в Одессе провозглашено создание Одесской Советской республики.

22 января — Центральная Рада провозгласила IV Универсал, объявив Украину независимым государством и включив в ее состав территории Екатеринославской и Харьковской губерний.

24 января — предприятия Юзовского «Новороссийского общества» объявлены собственностью Российского государства.

26 января — Киев взят большевиками.

27 января — в Бресте подписан мирный договор между Германией и Украиной.

27 января — 30 января — в Харькове состоялся IV съезд Советов Донецкого и Криворожского бассейнов.

28 января — в Екатеринодаре провозглашено создание независимой Кубанской народной республики.

30 января (12 февраля н. ст.) — провозглашение Донецкой республики на IV съезде Советов Донецкого и Криворожского бассейнов.

31 января — Артем информировал ЦК РСДРП(б) о создании ДКР, получив косвенную поддержку от Свердлова.

14 февраля — Россия перешла на григорианский календарь *(далее даты приводятся по новому стилю).*

14 февраля — на первом заседании областного комитета избран Совет народных комиссаров ДКР во главе с Артемом

16 февраля — заводы общества «Унион» объявлены собственностью государства.

17 февраля — Свердлов от имени ЦК сообщил Артему по поводу создания ДКР: «Выделение считаем вредным».

17 февраля — эсеры Харькова приняли резолюцию о необходимости автономии Донецко-Криворожского бассейна.

18 февраля — в ДКР создана комиссия по народному образованию.

18 февраля — армии Германии и Австрии начали наступление на Украину.

27 февраля — Совнарком ДКР учредил Главный штаб Республики по борьбе с контрреволюцией.

28 февраля — Совнарком ДКР издал декрет о неприкосновенности банковских вкладов.

1 марта — немецкие войска вошли в Киев.

2 марта — Совнарком ДКР достиг соглашения с капиталистами Харькова об уплате ими 5-миллионого налога.

3 марта — Россия и Германия подписали Брестский мирный договор.

3 марта — Секретариат ЦК РСДРП(б) приветствовал создание Совнаркома ДКР.

4 марта — в Харькове создан Чрезвычайный штаб для руководства военными действиями против оккупации.

5 марта — Харьков объявлен на военном положении.

6 марта — Чрезвычайный штаб ДКР объявил мобилизацию рабочих харьковского завода «ВЭК».

6—8 марта — в Петрограде при участии Артема состоялся VII экстренный съезд РКП(б), одобривший Брестский договор.

7 марта — Революционный трибунал ДКР закрыл газету «Наш Юг» за статью лидера меньшевиков Сана.

7 марта — Совнарком ДКР утвердил план обороны республики.

7 марта — глава украинских большевиков Скрыпник дал телеграмму правительству ДКР с призывом присоединиться к Украине взамен на обещание автономии и федеративного устройства.

Не позднее 10 марта — согласно официальным биографам Ленина, тот в Петрограде принял Артема и Межлаука и якобы обсуждал с ними судьбу ДКР.

10 марта — большевистское правительство советской Украины переехало из Киева в Екатеринослав.

10 марта — в район Бахмача и Конотопа прибыл Первый луганский социалистический отряд во главе с Ворошиловым.

11 марта — наркомат военных дел ДКР объявил о формировании 1-го Пролетарского пулеметного полка.

11 марта — обком ДКР выдал Совнаркому Артема мандат на ведение переговоров с республиками Юга России о создании военного союза.

12 марта — немцы взяли Чернигов.

12 марта — столица России перенесена из Петрограда в Москву.

14 марта — главковерх Антонов-Овсеенко издал приказ о необходимости подчиняться власти Совнаркома ДКР.

14 марта — Ленин написал письмо Орджоникидзе с призывом повлиять на руководителей Донецкой республики с целью создать единый фронт на Украине.

14—16 марта — в Москве состоялся чрезвычайный IV Всероссийский съезд Советов, ратифицировавший Брестский договор (текст резолюции о мире оглашал Артем).

15 марта — Совнарком ДКР распорядился прекратить самочинные реквизиции продовольствия на местах.

15 марта — ЦК РКП(б) обязал руководство ДКР отправить своих представителей на II съезд Советов Украины для создания «единого фронта».

15 марта — военные формирования ДКР вступили в первый бой с немцами под Бахмачем.

16 марта — на IV Всероссийском съезде Советов ЦИК Украины заявил о намерении воссоединить Украину с Россией.

16 марта — в Пятигорске провозглашено создание Терской Советской республики.

17—19 марта — в Екатеринославе состоялся II съезд Советов Украины с участием Артема, приветствовавшего съезд от имени ДКР.

18 марта — немецкие войска вторглись в пределы ДКР, встретив сопротивление отряда луганских рабочих под командованием Ворошилова.

18 марта — Россия выразила протест Германии в связи с тем, что ее войска вторглись за пределы границы Украины.

18 марта — II Всеукраинский съезд Советов принял резолюцию «О государственном устройстве Украины», предусматривавшую федеративное устройство республики.

19 марта — в Крыму провозглашено создание Советской Социалистической республики Тавриды.

19 марта — правительство УНР официально поблагодарило Австро-Венгрию за освобождение Украины.

21 марта — при Чрезвычайном штабе обороны ДКР создана эвакуационная комиссия во главе с Артемом.

21 марта — правительство советской Украины переехало из Екатеринослава в Таганрог.

23 марта — провозглашено создание Донской Советской республики.

24 марта — правительство Германии заявило России, что считает Херсонскую губернию и Одессу частью Украины.

24 марта — в Сумах большевиками подавлена попытка военного мятежа.

26 марта — правительство Германии заявило России, что, несмотря на границы ДКР, немцы намерены оккупировать Екатеринославскую и Харьковскую губернии.

27 марта — Харьковский комитет РКП(б) обязал всех коммунистов вступить в ряды Красной армии.

27 марта — Совнарком ДКР постановил отправить на фронт свой полк.

28 марта — Совнарком ДКР обратился к населению с призывом бороться против немецких оккупантов.

29 марта — наркомы ДКР Васильченко, Филов и Жаков написали заявление о выходе из состава Совнаркома в знак протеста против попыток объединить Донецкую республику с Украиной.

1 апреля — немцы заняли Ахтырку и Сумы.

2 апреля — немцы взяли Екатеринослав.

2 апреля — «Известия Юга» опубликовали статью бывшего наркома ДКР Филова «Кого судить?», в тот же день он исключен из рядов РКП(б).

3 апреля — в Луганске сформирован мобилизационный штаб Красной Армии.

3 апреля — Россия объявила ноту протеста Германии в связи с вторжением немецких войск за пределы Украины.

3 апреля — Ленин дал распоряжение начать переговоры с Центральной Радой о перемирии.

4 апреля — Россия предложила Центральной Раде начать переговоры о российско-украинских границах в Смоленске.

4 апреля — Харьков объявлен на осадном положении, в городе введен комендантский час.

5 апреля — под руководством С. Орджоникидзе и В. Межлаука состоялась эвакуация ценностей Госбанка Харькова.

6 апреля — состоялось последнее перед оккупацией заседание Харьковского совета.

8 апреля — правительство ДКР во главе с Артемом покинуло Харьков и после боя под Змиевом направилось в Луганск.

8 апреля — Харьков занят немцами.

9 апреля — правительство ДКР прибыло в Луганск.

9 апреля — первые украинские части прибыли в Харьков.

15 апреля — по согласованию с Совнаркомом ДКР Ворошилов принял на себя командование 5-й армией.

16 апреля — Сталин дал команду руководству ДКР обороняться до последнего солдата.

17 апреля — немцы заняли Валуйки и Изюм.

17 апреля — Ленин приказал разоружать армии ДКР, переходящие границы Екатеринославской и Харьковской губерний.

19—20 апреля — в Таганроге состоялось партийное совещание большевиков Украины, ликвидирован ЦИК Украины.

20 апреля — в Никитовке Вседонецкое военное совещание постановило начать эвакуацию на Царицын.

21 апреля — Центральная Рада предложила России начать переговоры о мире и границах в Курске.

22 апреля — немцы заняли Юзовку.

24—26 апреля — войска ДКР на время отбросили немецкую армию на участке Родаково—Меловая (под Луганском).

26 апреля — войска ДКР под руководством Ворошилова и Артема начали 68-дневный поход на Царицын.

28 апреля — немцы заняли Луганск.

29 апреля — в Киеве в результате переворота к власти пришел гетман Скоропадский.

1 мая — немцы взяли Таганрог.

3 мая — пленум ЦК РКП(б) одобрил создание Компартии Украины, негласно приняв решение считать ее одним из областных центров всероссийской партии.

4 мая — последние донецкие войска покинули территорию ДКР.

4 мая — Россия и Германия установили демаркационную линию, определяющую зону немецкой оккупации.

4 мая — Совнарком России официально постановил разоружить армии Южных республик, включая армии ДКР.

5 мая — офицерский отряд белого генерала Дроздовского взял Ростов.

6 мая — в бою под станцией Лихая контужен глава ДКР Артем.

15 мая — Москва предложила Германии изменить границу оккупации и считать Юзовку частью России.

23 мая — в Киеве начались переговоры между Советской Россией и правительством гетмана Скоропадского о мире и границах.

8 июня — в Москве по предложению Скрыпника совещание коммунистов постановило создать единый партийный центр для Украины, включая Харьков и Донбасс.

12 июня — на переговорах в Киеве Россия и Украина подписали соглашение о перемирии.

3 июля — после длительного похода войска ДКР прибыли под Царицын.

5—12 июля — в Москве состоялся I съезд Компартии Украины, фактически проигнорированный представителями ДКР.

27 августа — Россия и Германия заключили в Берлине добавочный договор к Брестскому миру, согласно которому особо оговорен вопрос использования шахт Донбасса Россией.

16 октября — в бою под Царицыном убит Н. Руднев.

13 ноября — Москва в одностороннем порядке аннулировала Брестский мирный договор с Германией, призвав оккупированные области воссоединиться с Россией.

25 ноября — Донецко-Криворожский обком КП(б)У обратился к населению края с призывом объединения Украины и России.

28 ноября — в Судже (Курская губерния) состоялось первое заседание большевистского правительства Украины с участием Артема.

14 декабря — Киев взят петлюровцами, гетман Скоропадский сбежал в Германию.

1919 год

1 января — рабочие Харькова начали восстание против Петлюры, фактически взяв власть в свои руки.

2 января — советские войска начали наступление на Харьков.

3 января — большевики заняли Харьков.

6 января — временное правительство большевистской Украины с участием Артема приняло решение назвать республику Украинской Социалистической Советской Республикой.

16 января — Артем назначен временным главой правительства УССР.

24 января — главой правительства Советской Украины стал Х. Раковский.

28 января — Артем и ряд наркомов ДКР вошли в состав первого Совнаркома Украины.

16 февраля — Артем приветствовал делегатов Харьковского губернского съезда Советов от имени Компартии Украины.

17 февраля — Совет обороны РСФСР во главе с Лениным поручил Сталину «провести уничтожение Кривдонбасса».

7 мая — бывший нарком ДКР Ю. Лутовинов донес в ЦК РКП(б) о планах Артема и Межлаука воссоздать Донецкую республику.

7 мая — Ленин пригрозил Артему и Межлауку судом и исключением из партии за «игру в самостийность и местные республики».

10 мая — Межлаук в телеграмме Ленину отмел обвинения Лутовинова.

1 июня — Политбюро ЦК РКП(б) под руководством Ленина раскритиковало планы Межлаука и Артема создать «особое донецкое единство».

25 июня — Харьков взят Деникиным.

25 августа — Деникин учредил на Юге России три автономные области — Харьковскую, Киевскую и Новороссийскую.

11 декабря — большевики вновь взяли Харьков, сделав его вплоть до 1934 г. столицей Советской Украины.

1921 год

24 июля — в Тульской губернии при загадочных обстоятельствах погиб глава Совнаркома ДКР С. Артем-Сергеев.

1931 год

Апрель — расстрелян нарком ДКР И. Кожевников.

1936 год

Расстрелян нарком ДКР М. Жаков.

1937 год

Расстрелян нарком ДКР С. Васильченко.

1938 год

9 февраля — расстрелян нарком ДКР А. Каменский.

3 мая — расстрелян нарком ДКР В. Филов.

29 июля — расстреляны наркомы ДКР В. Межлаук и М. Рухимович.

1939 год

28 июля — расстрелян нарком ДКР И. Варейкис.

1972 год

Умер Б. Магидов, единственный нарком первого состава правительства ДКР, переживший террор.

НАЗВАНИЯ УЛИЦ ХАРЬКОВА, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В КНИГЕ

Бассейная ул. — ул. Петровского
Большая Панасовская ул. — ул. Котлова
Благовещенская пл. — пл. Карла Маркса
Ващенковский пер. — без изменений
Вознесенская пл. — пл. Фейербаха
Гимназическая набережная — Красношкольная набережная
Грековская ул. — без изменений
Дмитриевская ул. — без изменений
Екатерининская (Екатеринославская) ул. — ул. Полтавский Шлях
Епархиальная ул. — ул. Артема
Кладбищенская ул. — ул. Муранова
Клочковская ул. — без изменений
Конная площадь — пл. Восстания
Конторская ул. — ул. Краснооктябрьская
Кузнечная ул. — без изменений
Максимилиановская ул. — ул. Ольминского
Мещанская ул. — ул. Гражданская
Михайловский переулок — переулок Шота Руставели
Молочная ул. — ул. Кирова
Москалевская ул. — ул. Октябрьской революции
Нетеченская ул. — ул. Нетеченская
Николаевская площадь — пл. Конституции
Павловская пл. — пл. Розы Люксембург
Петинская ул. — ул. Плехановская
Пушкинская ул. — без изменений
Рождественская ул. — ул. Энгельса
Рымарская ул. — без изменений
Садово-Куликовская ул. — ул. Дарвина
Сердюковский переулок — ул. Скрыпника
Соборная пл. — пл. Университетская

НАЗВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИЕСЯ В КНИГЕ

ВЭК — Харьковский электромеханический завод

Гельферих-Саде — Харьковский моторостроительный завод «Серп и молот»

Донецко-Юрьевский завод — Алчевский металлургический комбинат

Донсода (Лисичанск) — завод «Лиссода»

Дружковский (Торецкий) металлургический завод — Дружковский машиностроительный завод

Завод Мантеля (Екатеринослав) — завод «Днепротяжбумаш» им. Артема (Днепропетровск)

Рудники Ауэрбаха (Никитовка) — Никитовский ртутный комбинат

Русский Провиданс (Мариуполь) — Мариупольский комбинат им. Ильича

Русско-Балтийский завод (Таганрог) — Таганрогский комбайновый завод

Русско-Бельгийское металлургическое общество — Енакиевский металлургический завод

Унион (Макеевка) — Макеевский металлургический комбинат

Харьковский паровозостроительный завод — Харьковский завод транспортного машиностроения имени В. А. Малышева

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарность 4
Однажды была такая страна 6
Предпринимательские истоки
«большевистского изобретения» 18
«Новая Америка» 34
Аполитичный, патриотичный русский край 40
«...И родину народ сам выволок на гноище, как падаль...» 50
Донецко-Криворожская область —
пока без Украины и без большевиков 54
Артем: роль личности в истории 61
Соревнование агитаторов 79
Война газет — «война влияний» 86
«...А Николаев примкнул к Донецкой области» 95
Донкривбасс против Цикуки 101
Начало Гражданской войны 114
Поход на Украину 119
Политический консенсус по поводу судьбы региона 136
Провозглашение Донецкой республики 144
«Сепаратисты не мы, а вы» 166
Формирование правительства Артема 173
Реакция населения 178
Выбор России: признать — не признать? 184
Определение границ ДКР 189
Беневоленские и бендеры эпохи 197
Внешняя политика Донецкой республики 203
Южный областной совнархоз как образец для России 206
Национализация и рабочий контроль 218
Где брать деньги? 226

ЮОСНХ vs коллапс: кто кого? 239
«Хлеба нет совершенно» 244
Примирительный наркомат 249
Не хлебом единым... 254
Это сладкое слово — цензура 266
Революционное правосудие 272
Донецко-Криворожский вестерн 287
Заговоры и мятежи 310
ДКР и «похабный мир» 321
Мобилизация Донецкой республики 336
Бардак на фронте 361
«Второй фронт» борьбы за выживание республики 374
Правительственный кризис 390
Эвакуация республики 400
«Луганский период» истории ДКР 420
От Донбасса к Царицыну 427
Немецко-украинский Харьков 439
Украинизация Юга России — как это начиналось 455
Бесконечные споры о границах 474
«Просить т. Сталина... провести уничтожение Кривдонбасса» 487
Под флагами «единой, неделимой» 510
«Донбасс — сердце России» 513
Гибель Артема 521
Расстрелянная мечта 527
История Донецкой республики: есть что изучать и чему поучиться 539
Список использованных источников 547
Литература 548
Примечания 558

ПРИЛОЖЕНИЯ

Хронология событий 590
Названия улиц Харькова, встречающиеся в книге 600
Названия некоторых предприятий, встречающиеся в книге 601

Науково-популярне видання

КОРНІЛОВ
Володимир Володимирович

ДОНЕЦЬКО-КРИВОРОЗЬКА РЕСПУБЛІКА
Розстріляна мрія

(російською мовою)

Головний редактор *Є. В. Мєзенцева*
Відповідальна за випуск *Л. В. Дмитрієва*
Художній редактор *Ю. Ю. Романика*
Технічний редактор *Г. С. Таран*
Комп'ютерна верстка: *В. А. Мурликін*
Коректор *А. М. Гопаченко*

Підписано до друку 15.08.11. Формат 84x108 1/32.
Умов. друк. арк. 31,92. Облік.-вид. арк. 38,82.
Тираж 5000 прим. Замовлення № 1-445

ТОВ «Видавництво Фоліо»
Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців, виготівників
і розповсюджувачів видавничої продукції
ДК № 3194 від 22.05.2008

61002, Харків, вул. Чубаря, 11
Електронна адреса:
www.folio.com.ua
E-mail: realization@folio.com.ua
Інтернет-магазин:
www.bookpost.com.ua

Надруковано з готових позитивів
у ТОВ «Видавництво Фоліо»
61002, Харків, вул. Чубаря, 11
Свідоцтво про реєстрацію
ДК № 3194 від 22.05.2008

Уцій книзі зібрані унікальні — що ніколи раніше не публікувалися — документи, матеріали періодики часів революції та громадянської війни, узагальнені наукові праці, що були відомі лише вузькому колу дослідників. Читач дізнається, як саме ті землі, що нині називаються Сходом України, стали власне Україною. Сподіваємося, що завдяки цій книзі ще на одну «білу пляму» у вітчизняній історії поменшає.

Корнилов В. В.

К67 Донецко-Криворожская республика / В. В. Корнилов; худож.-оформитель Ю. Ю. Романика. — Харьков: Фолио, 2011. — 603 с.

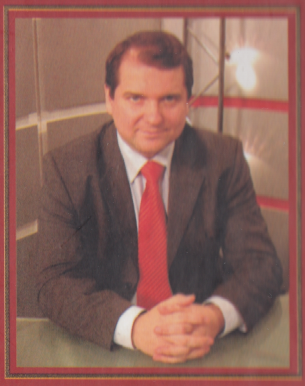
ISBN 978-966-03-5760-0.

Книга донецкого политолога, историка и публициста Владимира Корнилова посвящена короткой, но яркой истории Донецко-Криворожской республики.

Так получилось, что эта тема долгие десятилетия фактически была под запретом. Невероятно, но факт: почти за столетие с момента создания ДКР не издано НИ ОДНОЙ книги, монографии, брошюры, посвященной этому административно-государственному образованию, которое сыграло важную роль в судьбе Украины и в целом всего советского государства, в то же время истории провозглашенных в этот же период и с той же легитимностью государств на территории Юга России посвящены многотомные исследования, фолианты, справочники и учебники.

В этой книге собраны уникальные, никогда ранее не публиковавшиеся документы, материалы периодической печати времен революции и гражданской войны, обобщены научные труды, ранее известные лишь узкому кругу исследователей. Читатель узнает, каким же образом те земли, которые ныне называются Востоком Украины, стали собственно Украиной. Надеемся, что благодаря этой книге еще одним «белым пятном» в отечественной истории станет меньше.

ББК 63.3(4УКР)

Книга донецкого политолога, историка и публициста Владимира Корнилова посвящена короткой, но яркой истории Донецко-Криворожской республики.

Так получилось, что эта тема долгие десятилетия фактически была под запретом. Невероятно, но факт: почти за столетие с момента создания ДКР не издано НИ ОДНОЙ книги, монографии, брошюры, посвященной этому административно-государственному образованию, которое сыграло важную роль в судьбе Украины и в целом всего советского государства, в то же время истории провозглашенных в этот же период и с той же легитимностью государств на территории Юга России посвящены многотомные исследования, фолианты, справочники и учебники.

В этой книге собраны уникальные, никогда ранее не публиковавшиеся документы, материалы периодической печати времен революции и гражданской войны, обобщены научные труды, ранее известные лишь узкому кругу исследователей.

Читатель узнает, каким же образом те земли, которые ныне называются Востоком Украины, стали собственно Украиной.

Надеемся, что благодаря этой книге еще одним «белым пятном» в отечественной истории станет меньше.

ISBN 978-966-03-5760-0

1127486
48-8-1-1

ПРОЕКТ «УКРАИНА»
Донецко-Криворожская республика

Владимир КОРНИЛОВ